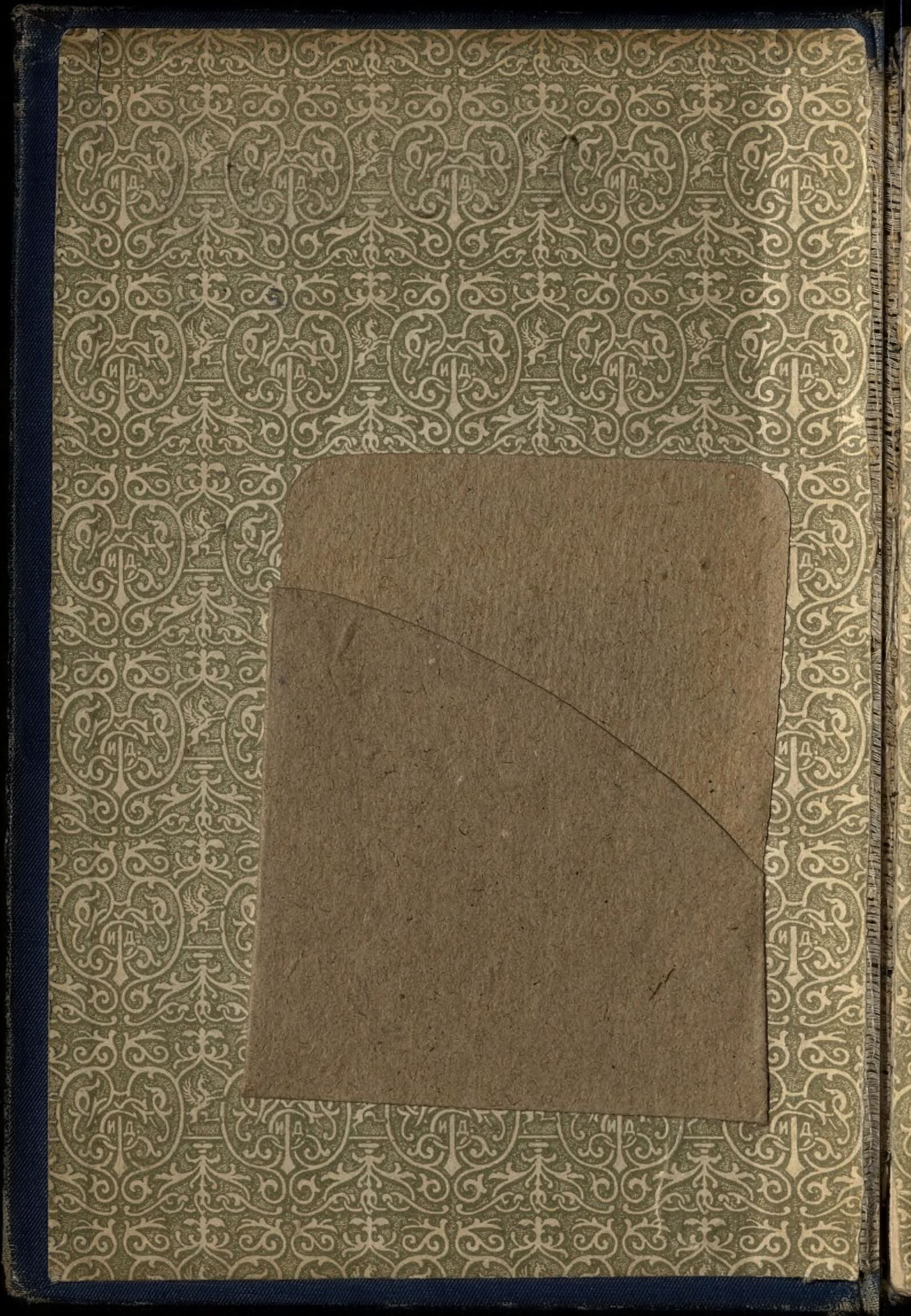

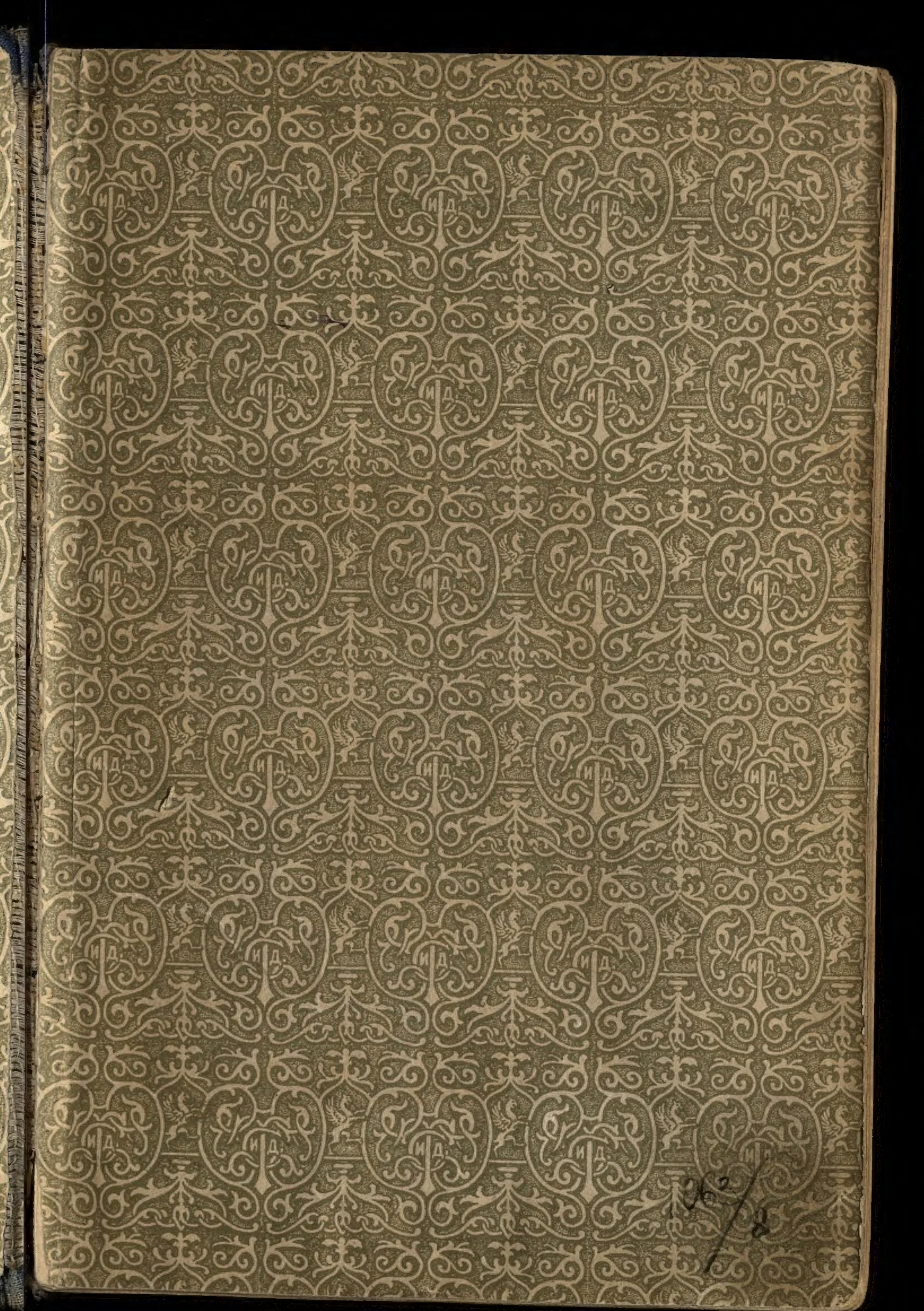
ИСТОРИЯ РОССИИ

XXIV

ПРИМЕРЪ

ИЛИ ПОСЛѢДСТВИЯ

25000
100000

10 Ер 16

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

издаваемая подъ редакціей

А. С. Бѣлкина, проф. В. И. Вернадскаго, Н. Д. Виноградова, А. Э. Вормса, А. А. Кизеветтера, проф. А. А. Мануйлова, П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова и проф. Н. А. Умова.

XXXI.

Анри Мишель.

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. В. И. Вернадскаго, Н. Д. Виноградова,
А. Э. Вормса, А. А. Кизеветтера, проф. А. А. Мануйлова,
П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова и
проф. Н. А. Умова.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- 257 358
- I. Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. С. А. Комляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. XXIV+542. Ц. 1 р. 75 к. 6-е изданіе (16, 17, 18, 19 и 20 тысяч. экз.).
 - II. Исторія Греціи со времени Целопопесской войны. Сборникъ статей. Перев. подъ редакціей Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго. Вып. I. XXVII+451+IV. Вып. II. XX+502+VI. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.
 - III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. XX+667. Ц. 2 р. 50 к.
 - IV. И. Ремсень. Введеніе въ изученіе органической химіи. Перев. Н. С. Дренгельна, съ измѣненіями и дополненіями проф. М. И. Коновалова. XXVII+517. Ц. 1 р. 75 коп. 3-е изданіе.
 - V. Г. Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленности. Перев. М. Соболева, подъ редакціей проф. А. И. Чупрова. XII+391+VI. Ц. 1 р. 60 к.
 - VI. Г. Гефдингъ. Современная философія. Перев. А. П. Поливановой, подъ редакціей Д. В. Викторова. XXIV+268+XX. Ц. 1 р. 30 к.
 - VII. Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV+469. Вып. II. 433. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к. (Распроданы).
 - VIII. И. Ремсень. Введеніе въ изученіе химіи (Неорганическая химія). Переводъ подъ редакціей проф. М. И. Коновалова. XXIV+537. Ц. 1 р. 75 к. 3-е изданіе, исправленное и дополненное.
 - IX. М. Ферворнъ. Общая физиологія. Перев. проф. М. А. Мензбира и Н. А. Иванцова. Вып. I. XX+518. Вып. II. VI+574. Ц. за оба вып. 4 р. (Распроданы).
 - X. Ф. Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Перев. И. А. Базанова, подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. XIV+295. Ц. 1 р. 40 к. (Распродана).
 - XI. Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ. Физиологія органовъ чувствъ. Перев. Н. В. Горюновича. XX+413. Ц. 1 р. 75 к.
 - XII. Фридрихъ Паульсенъ. Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи. Перев. подъ редакціей Н. В. Сперанскаго. VI+336. Ц. 1 р. 30 к.
 - XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей В. Н. Сторожева. Вып. I. XXVI+658. Ц. 2 р. 75 к.
 - XIV. Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціального и интегрального исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. П. Шереметевскаго. Томъ I. XXXVI+751. Ц. 3 р. 2-е изданіе. — Томъ II. XXIV+595. Ц. 2 р. 50 к. 2-е изданіе. Для покупающихъ оба тома вмѣстѣ—5 р.
 - XV. А. Р. Уоллэсъ. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. М. А. Мензбира, съ приложеніемъ его статьи: А. Уоллэсъ и его научное значеніе. XL+753. Ц. 3 руб.
 - XVI. Э. Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. О. В. Полторацкой. XVI+368+XXII. Ц. 1 р. 60 к.
 - XVII. Т. Гексли и Г. Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Съ 342 рис. въ текстѣ. Перев. И. А. Петровскаго, П. П. Сушкина и Н. К. Кольцова. XXIV+762. Ц. 3 р. 50 к.
 - XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. Н. Н. Шамонина. Вып. I. XXIV+529. Ц. 2 р.
 - XIX. Б. Н. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. XXVI+812. Ц. 3 р.
 - XX. Георгъ Майръ. Законмѣрность въ общественной жизни. Перев. Н. Н. Романова, просмотрѣнный и дополненный В. Э. Деномъ, подъ редакціей проф. А. И. Чупрова. Съ приложеніемъ діаграммъ и картограммъ. XVIII+480. Цѣна 2 р. 25 к. (Распродана).

- XXI. **Н. Лоніеръ.** Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С. Г. Займовскаго*, подъ редакціей и съ дополненіемъ очерка: „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“ проф. *В. А. Михельсона*. Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX+234. Ц. 1 р. 75 к.
- XXII. **М. А. Ганчъ.** Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З. В. Кикиной*, подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова*. XXIV+246. Ц. 1 р.
- XXIII. **Т. Грантъ.** Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина*. Съ рисунками. XXIV+358. Ц. 1 р. 60 к.
- XXIV. **М. Фостеръ и Л. Шоръ.** Физиологія для начинающихъ. Перев. *Д. Д. Бекарюкова*. Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII+330. Ц. 1 р. 50 к.
- XXV. **В. Я. Желѣзновъ.** Очерки политической экономіи. 6-е изданіе, исправленное и дополненное. XXIII+858. Ц. 2 р. 50 к.
- XXVI. **А. В. Дайси.** Основы государственнаго права Англіи. Перев. *О. В. Полторацкой*, подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова*. XXXVI+658. Ц. 2 р. 2-е изданіе.
- XXVII. **В. Ѳ. Икономовъ.** Наканунъ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII+304. Ц. 1 р. 25 к.
- XXVIII. **А. К. Роджерсъ.** Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. *С. С. Зелинскаго*, подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда*. XX+224. Ц. 1 р.
- XXIX. **Г. Тардъ.** Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е. В. Выставкиной*, подъ редакціей *М. Н. Гернета*, съ предисловіемъ *Н. Н. Полянскаго*. XX+324. Ц. 1 р. 25 к.
- XXX. **А. Берри.** Краткая исторія астрономіи. Перев. *С. Г. Займовскаго*, подъ редакціей проф. *Р. Ф. Фогеля*. Съ 112 рис. и портретами. XXXIX+606. Ц. 2 р. 50 к.
- XXXI. **Анри Мишель.** Идея государства. Перев. *П. А. Рождественскаго*, подъ редакціей прив.-доц. Московскаго университета *А. Рождественскаго*. XXIV+802. Ц. 3 р.
- XXXIII. **Д. Романсъ.** Духовная эволюція человѣка. Перев. *Е. И. Бошнякъ*, подъ редакціей *Н. Д. Виноградова*. XXV+618. Ц. 2 р.
- XXXIV. Проф. **Ян. Самойловъ.** Введеніе въ кристаллографію. XXIV+209. Ц. 1 р. 25 к.
- XXXVII. Проф. **Дюги.** Конституціонное право. Общая теорія государства. Перев. *А. С. Яценко*, *В. А. Краснокутскаго* и *В. И. Сыромятникова*. Съ предисловіями къ русскому переводу проф. *П. Новгородцева* и автора. XL+957. Ц. 3 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- XXXV. **Сталло.** Понятія и теоріи современной физики. Перев. *Г. А. Котляра*.
- XXXVIII. **У. Рамзай.** Новѣйшая химія. Перев. *Е. Меншикова* и *С. Северинова*, подъ редакціей проф. *Л. А. Чугаева*, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію, его портретомъ и съ дополнительной статьёй редактора.
- XXXIX. **Свачъ Арреніусъ.** Начало міровъ. Перев. съ дополненіями *В. Н. Яковлевой*, подъ редакціей астронома-наблюдателя Имп. Моск. Университета, *П. К. Штернберга*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРІЯ:

- I. **Карль Федернъ.** Данте. Перев. *В. М. Спасской*, подъ редакціей *М. Н. Розанова*. Съ многочисленными иллюстраціями.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- XIII. **Кіевская Русь.** Сборникъ статей по русской исторіи, подъ редакціей *В. Н. Сторожева*.
- XXXII. **Г. Гефдингъ.** Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторова*.
- XVIII. **Исторія Римской республики** по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамонина*. Вып. II.
- XXXVI. **А. Гейки.** Творцы геологіи. Перев. *С. Г. Займовскаго*.
- XL. **Альбертъ Шацъ.** Соціальный и экономическій индивидуализмъ. Перев. *А. Яценко*.
- XLI. **Рихардъ Гаманъ.** Импрессионизмъ. Перев. *М. М. Рубинштейна*.

БРОШЮРНАЯ СЕРІЯ:

вышли въ свѣтъ:

- I. В. Круксъ. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Перев. А. В. Генерозова, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. М. И. Коновалова. XVI+49. Ц. 50 к.
- II. Проф. М. И. Коноваловъ. Практическія занятія по общей химіи. XXIII+98. Ц. 50 к.
- III. Р. Штаммлеръ. Задачи права и правовѣдѣнія. Перев. В. А. Краснокутскаго. XX+144. Ц. 65 к.
- IV. Г. Еллинекъ. Декларация правъ человека и гражданина. Перев. подъ редакц. А. Э. Вормса. 3-е изданіе, дополненное, XX+86. Ц. 40 к.
- V. Ф. Гизель. О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев. А. Е. Чичибабина, подъ ред. проф. М. И. Коновалова. XVI+48. Ц. 35 к.
- VI. И. Кантъ. Вѣчный миръ. Перев. студентовъ С. М. Роговина и Б. В. Чредина, подъ ред. проф. гр. Л. А. Камаровскаго. XXIV+73. Ц. 40 к.
- VII. Л. М. Гартманъ. Объ историческомъ развитіи. Введеніе въ историческую социологию. Перев. Д. П. Боголюбова и Е. К. Краснушкина, подъ редакціей проф. Д. М. Петрушевскаго.
- VIII. Сидней Лоу. Государственный строй Англіи. Перев. подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ статьи проф. П. Г. Виноградова.

Изданія И. А. Баландина.

- I. Е. Вармингъ. Ойкологическая географія растений. Перев. подъ ред. прив.-доцентовъ М. Голенкина и В. Арнольди. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. XXII+522. Ц. 3 р. 50 к.
- II. А. Бэнъ. Психологія. Перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента А. Бѣлкина. Томъ I. Съ 13 рис. въ текстѣ. XXII+417. Ц. 2 р.
- III. А. Фишеръ. Лекціи о бактеріяхъ. Перев. А. В. Генерозова, съ предисловіемъ и статьей „Дыханіе и броженіе“ проф. Н. Н. Худякова. 29 рис. въ текстѣ. XVI+229+V+20. Ц. 1 р. 60 к.

КОМИССІЯ

ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

Москва, Б. Кисловскій пер., д. Азанчевскаго. Телеф. № 136—27.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе восьмое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 1-й годъ.

I. Математика: 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 1) курсъ спеціальный (элементарная математика). **II. Науки физико-химическія:** 2) физика (механический отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). **III. Науки біологическія:** введеніе, органографія пвѣтковыхъ растений и ученіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла. **IV. Науки философскія:** программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. **VI. Исторія:** 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. **VII. Исторія литературы:** греческая и римская. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 35 к., съ пересылкой—50 к., наложеннымъ платежомъ—60 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи. — Списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 2-й годъ.

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). **II. Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. **III. Науки біологическія:** 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. **VI. Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутаго времени). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 45 к., съ пересылкой—60 к., наложеннымъ платежомъ—77 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи. — Списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 3-й годъ.

I. Науки математическія. **II. Науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія):** А. Астрономія. Б. Метеорологія и климатологія. **III. Науки о природѣ организованной (біологическія):** А. Общая фізіологія. Б. Фізіологія растений. В. Фізіологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. **VI. Исторія:** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.). Программа А. Программа Б, 2) русская исторія (XVII и XVIII вв.). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература: А. Испанская литература (XVII и XVIII вв.). Б. Англійская литература (XVII и XVIII вв.). В. Итальянская литература (XVII и XVIII вв.). Г. Вѣкъ ложнаго

классицизма во Франціи. Д. Французская литература (XVIII в.). Е. Нѣмецкая литература (XVII в.). Ж. Нѣмецкая литература (XVIII в.); 2) Русская литература XVIII в. Программы чтенія по отдѣльнымъ наукамъ. Этнографія. Чтеніе по отдѣльнымъ вопросамъ (темамъ). Отдѣльныя темы по общественнымъ наукамъ. Приложение: Параллельная программа по экономіи сельскаго хозяйства. Дополнительный списокъ пособій. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 к., съ пересылкой—85 к., наложеннымъ платежомъ—95 к.

Программа домашнего чтенія на 4-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 4-й годъ.

I. Математика (спеціальный курсъ): Теоретическая механика. **II. Науки физико-химическія:** Динамическая геологія. **III. Науки біологическія:** А. Палеонтологія. Б. Біогеографія. В. Теорія эволюціи и дарвинизмъ. Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ. **IV. Науки философскія:** программа первая (этика), программа вторая (исторія новой философіи). Темы для письменныхъ работъ по исторіи новой философіи. **V. Науки общественно-юридическія:** Международное право. Соціальная политика. Финансовая наука. **VI. Исторія:** 1) Всеобщая исторія (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ). Программа А. (полная). Программа Б. (сокращенная), 2) русская исторія (XIX вѣкъ). **VII. Исторія литературы:** Всеобщая литература. А. Нѣмецкая литература XIX в. Б. Французская литература XIX в. В. Англійская литература XIX в. Г. Итальянская литература XIX в. Д. Русская литература XIX вѣка. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 к., съ пересылкой—74 к., наложеннымъ платежомъ—91 к.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: „Пирамида“ (Древній Египетъ). М. О. Гершензона. — „Средневѣковый городъ“. А. К. Дживелегова. — „Исторія французской революціи“. М. Н. Коваленскаго. — „Смутное время въ Московскомъ государствѣ“. Н. Н. Алябьева. — „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“. В. А. Краснокутскаго и К. К. Нотгафта. — „Растительныя сообщества Средней Россіи“. А. Θ. Флерова. — „Валленштейнъ“ Шиллера. А. Θ. Лютера. — „Байронъ и его время“. П. С. Когана. — „Новгородскія былины“. Н. М. Мендельсона. — „Городское хозяйство и городскіе финансы“. П. П. Гензеля. — „Факторы преступности“. Н. Н. Полянскаго. — „Основы судебной реформы 1864 г. — Россіи“. С. В. Позднышева. — „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“. С. В. Позднышева. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес. — 31 к., налож. платежомъ—41 к.

Серія II. Содержаніе: „Корея“. А. А. Борзова. — „Японія“ М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева. — „Право войны“. С. А. Яценко. — „Средневѣковая исторія Англіи“. Д. М. Петру-

шевскаго. — „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ю. И. Айхенвальда. — „Анна Каренина“, романъ гр. Л. Н. Толстого. И. Н. Розанова. — „Дарвинизмъ“. Н. К. Кольцова. Цѣна 15 к., съ перес.—19 к., налож. платежомъ—36 к.

Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя.

Содержаніе: Предисловіе. Ч. I. Историческія программы—1) Программы по всеобщей исторіи и 2) Программы по русской исторіи. Ч. II. Программы по вопросамъ государственнаго строя—I. Общая часть. 1. Общее ученіе о правѣ. 2. Исторія философіи права. 3. Государственное право: а) Общее государственное право, б) Государственное право западныхъ державъ и в) Русское государственное право. II. Отдѣльныя программы: 1. Общее ученіе о государствѣ. 2. Государственныя формы. 3. Правовое государство. 4. Раздѣленіе властей. 5. Судъ въ правовомъ государствѣ. 6. Земское самоуправленіе. 7. Политика Аристотеля. 8. Средневѣковая исторія Англіи. 9. Старый порядокъ и революція. 10. Земскіе соборы. 11. Планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго и 12. Добавочный списокъ пособій къ программамъ №№ 1, 2 и 3. Цѣна 50 к., съ пересылкой—68 к., наложеннымъ платежомъ—85 к.

Отчетъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Ц. 30 к., съ пересылкой—43 к., налож. платежомъ—53 к.

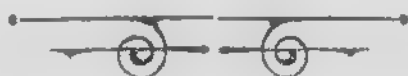
А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой—17 к.

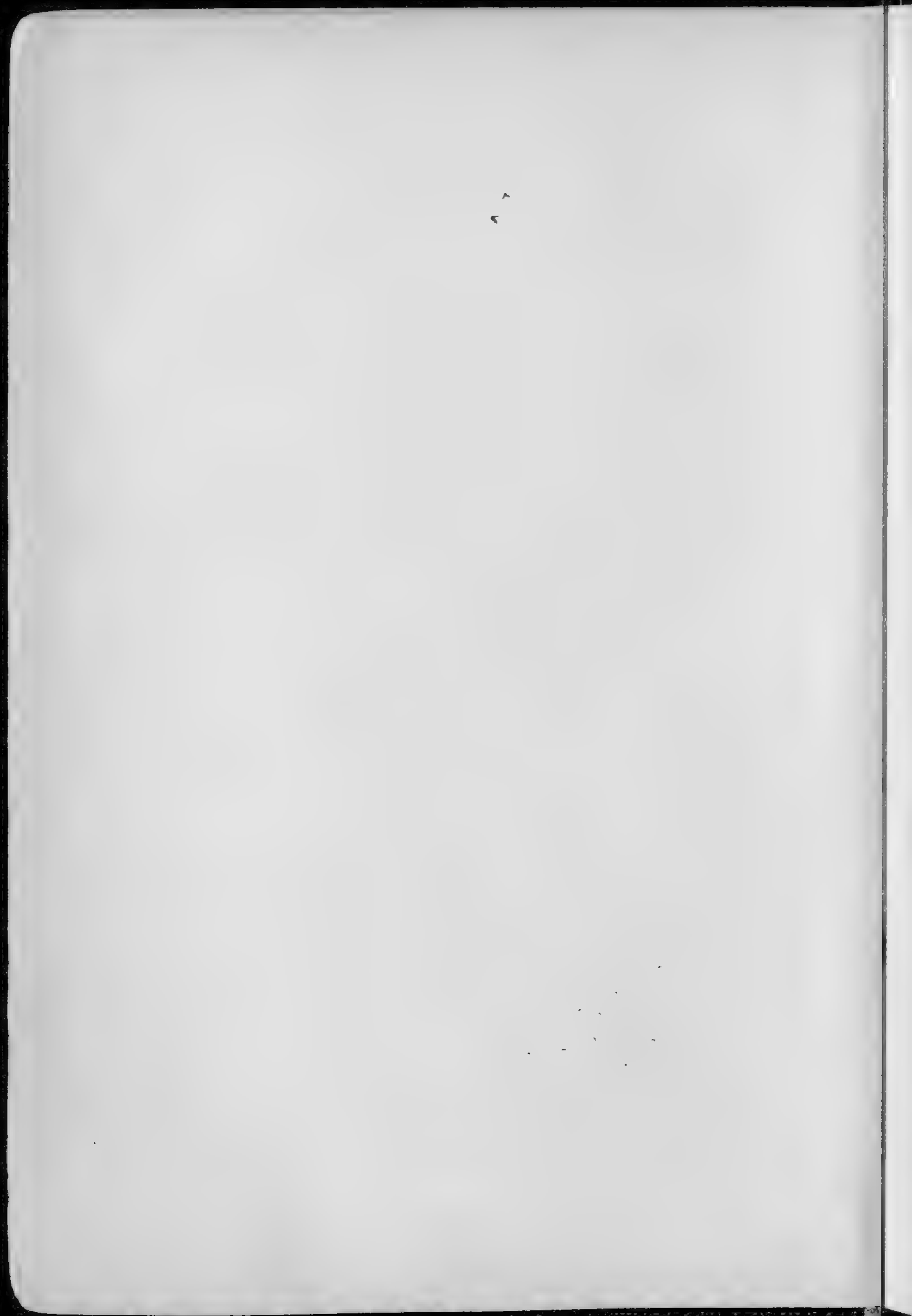
„Памяти Ѳ. И. Буслаева“. Съ портретомъ его. Изд. Учебн. Отд. Общ. Распростр. Технич. Знаній. М. 1898 г. Цѣна 75 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта **рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній“. Съ 5 портретами и 15 біографіями. Составилъ А. Е. Грузинскій. М. 1902 г. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ при Учебномъ Отдѣлѣ: Москва, Б. Нисловскій пер., д. Азанчевскаго. Телефонъ № 136—27.

10 Е.А. 16
401

Анри Мишель.

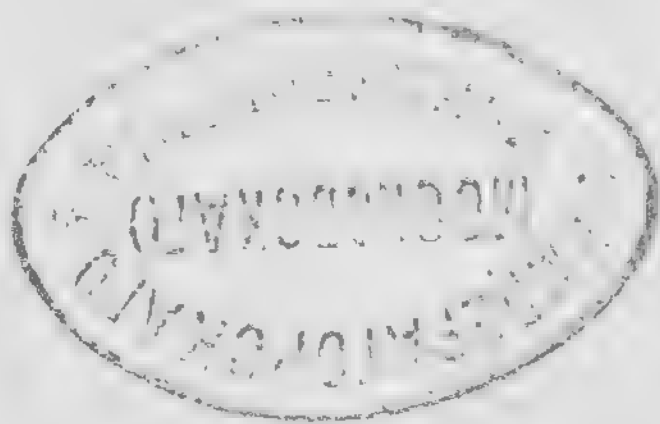
ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ

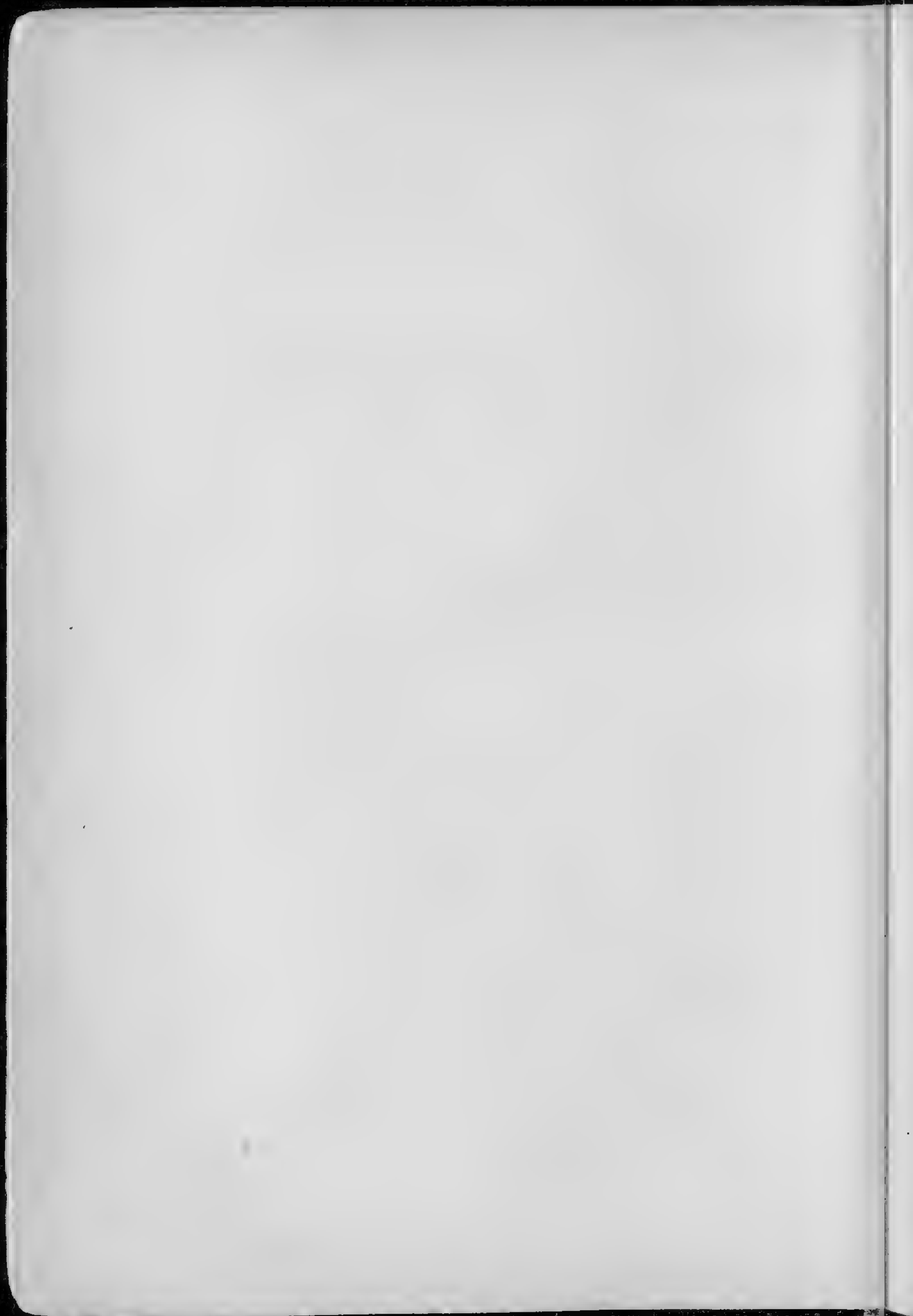
исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи
со времени Революціи.

Переводъ съ французскаго
П. РОЖДЕСТВЕНСКАГО.

Подъ редакціей прив.-доц. Московск. университета
А. РОЖДЕСТВЕНСКАГО.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА. — 1909.

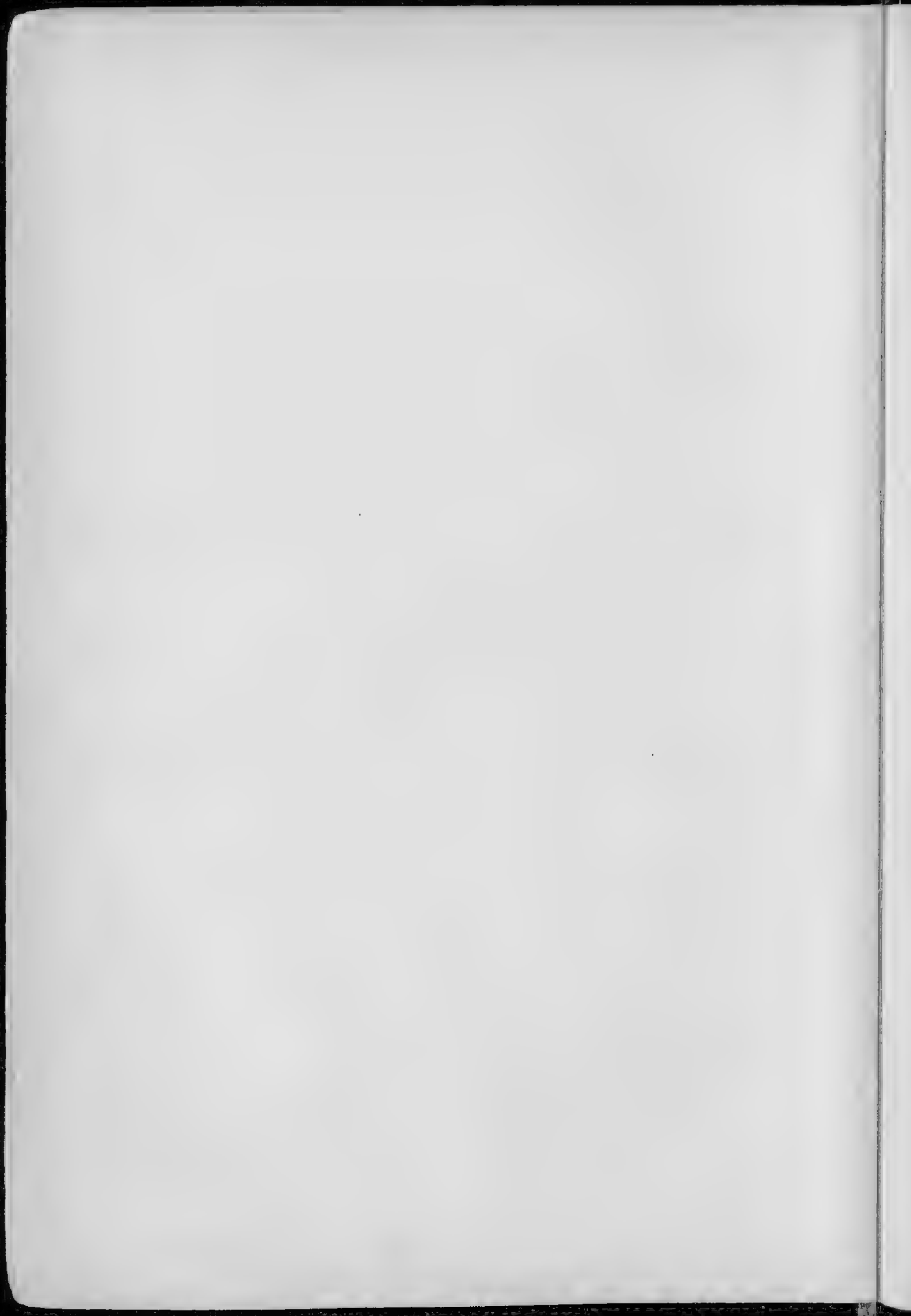

Октаву Грэру,

*члену Французской Академіи и Академіи
моральных и политических наукъ,*

въ знакъ любви и уваженія

А. М.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе кружковъ спеціалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію,—все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ одинаково страдаютъ и интересы издателей и интересы читающей публики.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь

возникающія фирмы издають множество популяр-
ныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого
рода изданіямъ принадлежитъ и «Библіотека для
самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ
изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи
съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣ-
дуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ
выпускамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣко-
торое внутреннее единство, редакція считаетъ нуж-
нымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ
самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по
организации домашняго чтенія», начавшей свою дѣя-
тельность при «Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распро-
страненія Техническихъ Знаній» въ 1893 году, и
редакторы «Библіотеки для самообразованія» обык-
новенно состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чте-
нія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ
въ виду соединить общедоступность чтенія съ его
серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ
каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый мини-
мумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе
съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя при-
знать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги,
необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума по-
знаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ
доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ
условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей»,
перепечатанные въ концѣ настоящаго тома). Отно-
сительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны
въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія
Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли восполь-
зоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не
имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго сред-
няго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія
читать серьезныя книги популярно-научнаго содер-
жанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы
и не получившія высшаго образованія, и 3) лица,
окончившія высшую школу, которыя пожелали бы

съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ» Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей. Этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже пріобрѣтенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» вводитъ въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая даетъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» состоитъ изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія. При томъ, чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію давно уже стали на этотъ путь — созданія спе-

ціально приспособленнихъ къ программамъ пособій. Подборъ такихъ пособій и представляетъ «Библіотека для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція издаетъ переводы ихъ; если же подходящихъ пособій не имѣется, то редакція издаетъ сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, для руководителей «домашняго чтенія» и ихъ читателей облегчается зависимость отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ; а читающая публика вообще получаетъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Соотвѣтствующій форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постоянного употребленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Объ индивидуумѣ и его правахъ, о государствѣ и его роли, а также о цѣляхъ соціальной и политической жизни нѣкоторые великіе умы XVIII вѣка составили себѣ такое понятіе, которое можно назвать новымъ, хотя бѣольшая часть его составныхъ элементовъ очень стары, это — понятіе индивидуалистическое. Для французской Революціи оно служило обильнымъ источникомъ вдохновенія; затѣмъ наступила страшная реакція, послѣдствія которой чувствуются до сихъ поръ. Какъ же могло случиться, что индивидуалистическая концепція, столь плодотворная и, по существу своему, освободительная, потерпѣла жестокое, почти окончательное пораженіе? По первоначальному замыслу автора, настоящая книга и должна была отвѣтить только на этотъ вопросъ.

Чтобы отвѣтить на него, нужно было припомнить исторію реакціи противъ принциповъ французской Революціи и, параллельно съ ней, исторію тѣхъ усилій, при помощи которыхъ индивидуализмъ пытался защищаться. Занявшись, такимъ образомъ, изученіемъ доктрины, исповѣдуемой нынѣ подъ именемъ индивидуализма, я скоро замѣтилъ, что она представляетъ лишь отдаленное сходство съ возвышенной доктриной XVIII вѣка. Послѣдняя, какъ это видно будетъ, изъ *Введенія*, въ подлинникахъ представляется далеко не въ томъ свѣтѣ, какой придаютъ ей многочислен-

ныя популярныя сочиненія, слишкомъ часто составленныя небрежно или съ пристрастіемъ.

Въ то самое время, какъ открываются замѣтныя различія между современнымъ индивидуализмомъ и индивидуализмомъ XVIII вѣка, выясняются другія различія, тоже весьма значительныя, между новѣйшими формами социализма и его прежними формами, идущими по прямой линіи отъ классической древности. Становится очевиднымъ послѣ этого, что нѣкоторые изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ нашего времени возникли вслѣдствіе незнанія или по недоразумѣнію. Вотъ наиболѣе яркій примѣръ, связанный съ животрепещущими вопросами нашего времени: социализмъ нужно защищать, а индивидуализмъ оспаривать, опираясь совсѣмъ не на тѣ основанія, какими принято пользоваться, и не въ тѣхъ пунктахъ, которые обыкновенно являются пунктами нападенія или обороны.

Хотя главное содержаніе этой книги и составляетъ исторія идеи государства во Франціи въ XIX вѣкѣ, исторія, осложненная иноземными вліяніями, которыя я старался отмѣчать, избѣгая, однако, излишнихъ подробностей, тѣмъ не менѣе, скоро бросится въ глаза, что она не является ея единственнымъ предметомъ. Авторъ не столько старался изложить по порядку слѣдующія другъ за другомъ ученія теократовъ или Сэнъ-Симона, Огюста Конта или Токвиля, сколько найти естественную связь между этими теоріями и отношеніе ихъ къ общему движенію философскихъ идей. Это стремленіе объясняетъ и, если я не ошибаюсь, оправдываетъ примѣненный мною методъ. Результаты работы каждой школы и каждого писателя я раздѣлялъ на двѣ части, относя

къ первой все то, что принадлежитъ лично имъ, является для нихъ характернымъ и оригинальнымъ, а ко второй — все заимствованное, унаслѣдованное или просто повторенное съ чужихъ словъ. Поэтому справедливо можно назвать главу о Контѣ неполной, если не прочесть сначала главы о Сэнъ-Симонѣ. Точно такъ же, прежде чѣмъ открывать страницы, гдѣ говорится о научномъ социализмѣ, нужно прочесть тѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Прудонѣ, о Фурье и о первыхъ французскихъ коллективистахъ.

Я не ограничиваюсь здѣсь только изученіемъ идеи государства, я разсматриваю эту идею также въ отношеніи къ политическимъ системамъ: великій грѣхъ людей въ глазахъ отрицающихъ возможность какой-либо связи абстрактной мысли съ общественными движеніями и переменами въ общественныхъ учрежденіяхъ! Послѣдній взглядъ нигдѣ въ настоящей книгѣ прямо не опровергается, но при чтеніи не трудно будетъ замѣтить, что косвенное опроверженіе его находится на каждой ея страницѣ.

Когда я началъ свой трудъ, я находился, подобно многимъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ такъ называемаго «научнаго» метода и метафизическаго реализма, которые такъ странно уживаются рядомъ во многихъ новѣйшихъ произведеніяхъ. Я вѣрилъ въ социальный организмъ и въ совокупность понятій, обыкновенно соединяемыхъ съ этимъ представленіемъ. Индивидуализмъ казался мнѣ устарѣлой доктриной; моральный и политическій апріоризмъ философовъ XVIII вѣка — ошибочнымъ и по заслугамъ дискредитированнымъ методомъ.

Внимательное изученіе предмета измѣнило этотъ взглядъ. Я увидѣлъ, что неудобства апріорнаго ме-

тогда зависятъ не столько отъ его природы, сколько отъ его неправильнаго примѣненія, такъ какъ имъ пользуются не только для опредѣленія цѣлей соціальной жизни, для чего онъ вполне пригоденъ, но и для опредѣленія средствъ къ достиженію этихъ цѣлей, для чего онъ совершенно не пригоденъ. Я увидѣлъ также, что индивидуализмъ, воды котораго текутъ теперь такимъ мутнымъ потокомъ, чистъ въ своемъ источникѣ. Наконецъ, я понялъ, что теорія соціальнаго организма, которой мы такъ легко довѣряемъ, оказываетъ вліяніе на наши умы только благодаря своей связи съ другими положеніями общей философіи, точно такъ же не доказанными и родственными антинаучной концепціи «единой положительной науки». Констатировать происхожденіе этой иллюзіи значило отъ нея освободиться.

Скажутъ, что это излюбленная точка зрѣнія Рэнувье. Я не могу высказать, насколько я обязанъ этому маститому философу, и какъ онъ помогъ мнѣ разобратся въ моихъ собственныхъ мысляхъ. Я не настаиваю на этомъ болѣе только изъ опасенія показаться неблагодарнымъ, пытаюсь опредѣлить, т.-е., по точному смыслу слова, ограничить роль этого вліянія.

Здѣсь мои поясненія кончаются. Ихъ можно извинить тѣмъ, что автору не легко рѣшиться опубликовать результаты продолжительнаго труда, не попытавшись, путемъ нѣсколькихъ предварительныхъ указаній, облегчить имъ доступъ къ умамъ, которые стремятся внести ясность въ свои идеи, касающіяся трудныхъ и неустойчивыхъ вопросовъ. Объ этихъ честныхъ умахъ я думалъ во время своей работы; имъ я и предлагаю ея результаты.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	XV

ВВЕДЕНИЕ.

Идея государства въ эпоху административной монархіи XVII вѣка	3
Преобразовательная философія XVIII вѣка и теорія про- свѣщеннаго деспотизма	12
I. Вольтеръ	13
II. Энциклопедія и Гольбахъ	16
III. Физіократы	20
IV. Аналогичное движеніе за границей: Юмъ, Вольфъ	27
V. Устойчивость этого движенія идей вплоть до Ре- волюціи	31
VI. Его характерныя особенности	34
Индивидуалистическое движеніе въ XVIII вѣкѣ	37
I. Религіозный индивидуализмъ и американская ре- волюція	—
II. Монтэскьё и теорія политической свободы	39
III. Руссо и народный суверенитетъ	45
IV. Кондорсэ, Кантъ, Фихтэ и философія права	56
V. Адамъ Смитъ и система естественной свободы	68
VI. Какимъ образомъ соединеніе этихъ различныхъ элементовъ даетъ индивидуалистическій тезисъ	73
VII. Источники индивидуалистической мысли:	
а) Картезіанское вліяніе	79
б) Христіанское вліяніе	85
VIII. Моральный и политическій апріоризмъ: разборъ главныхъ возраженій	89
IX. Пробѣлы индивидуалистическаго тезиса въ XVIII вѣкѣ	94
Какимъ образомъ индивидуалисты XVIII вѣка понимали взаимныя отношенія индивидуума и государства	95
Индивидуализмъ и французская Революція	110
Заключительные выводы	126

КНИГА ПЕРВАЯ.

Политическая реакція противъ принципа индивидуализма.

Глава I. — Реакція во Франціи	134
I. Теократы	—
II. Галлеръ	150
III. Духъ и методъ противо-революціонной док- трины	158

	Стр.
<i>Глава II.</i> — Реакція въ Германіи и Англіи	166
I. Бентамъ и англійская демократическая школа	167
II. Англійская историческая школа: Бёркъ и теорія политическаго разума	174
III. Нѣмецкая историческая школа: Савиньи и жизнь права	181
IV. Государственная теорія Гегеля	188
<i>Глава III.</i> — Выводы изъ первой книги	202

КНИГА ВТОРАЯ.

Экономическая и соціальная реакція противъ индивидуализма.

<i>Глава I.</i> — Сэнъ-Симонъ и его школа	211
I. Сэнъ-Симонъ	—
II. Школа Сэнъ-Симона	240
<i>Глава II.</i> — Религія прогресса и религія человѣчества .	262
I. Бюшэ	—
II. Пьеръ Лёру	273
<i>Глава III.</i> — Авторитарный соціализмъ	286
I. Луи Бланъ и организація труда	—
II. Первые французскіе коллективисты: Пеккёръ и Видалъ	301
III. Пробужденіе коммунизма: Кабэ	307
IV. Современный и античный соціализмъ	311
<i>Глава IV.</i> — Экономисты-диссиденты	313
I. Сисмонди	314
II. Христіанская политическая экономія и Вилль- нэвъ-Баржемонъ	327
III. Бланки и Бюрэ	331
<i>Глава V.</i> — Выводы изъ второй книги	337

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Индивидуалистическія теоріи въ XIX вѣкѣ.

<i>Глава I.</i> — Переходъ индивидуализма XVIII вѣка въ XIX вѣкъ	350
I. Дэстю-де-Траси	—
II. Дону	354
III. Г-жа де-Сталь	357
<i>Глава II.</i> — Доктринеры и либералы	360
I. Ройе Колларъ	—
II. Бенжаменъ Констанъ	370
<i>Глава III.</i> — Демократическая школа	393

	<i>Стр.</i>
I. Токвиль	394
II. Ламартинъ	405
III. Метафизика демократической школы	415
<i>Глава IV.—Ортодоксальные экономисты</i>	420
I. Ж.-Б. Сэй и Росси	—
II. Дюнуайе	424
III. Бастіа	428
IV. Постулаты ортодоксальной школы	442
<i>Глава V.—Либеральная школа и уклоненіе индивидуализма</i>	451
I. Отрицательные взгляды либеральной школы	452
II. Преобладаніе экономическихъ аргументовъ; дискредитированіе естественнаго права	456
III. Новая формула урѣзаннаго индивидуализма	461
<i>Глава VI.—Парадоксъ индивидуализма</i>	464
I. Фурье	—
II. Прудонъ	488
<i>Глава VII.—Выводы изъ третьей книги</i>	515

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государство и индивидуумъ передъ судомъ научной философіи.

<i>Глава I. — Политическіе и соціальные тезисы Огюста Конта</i>	525
I. Соціальная физика	528
II. Приложеніе соціальной физики къ политикѣ	541
III. Экономическіе взгляды Конта	550
IV. Исторія мысли Конта и ея сродство съ предшествовавшими направленіями	555
<i>Глава II.—Современная соціологія</i>	565
I. Естественная исторія обществъ	—
II. Положительная наука о нравственности	584
III. Выводы	593
<i>Глава III.—Научный соціализмъ</i>	595
I. Утопическій и научный соціализмъ	596
II. Основные тезисы коллективизма	599
III. Общество будущаго	611
IV. Индивидуумъ и государство согласно научному соціализму	620
V. Историческое происхожденіе и логическая цѣнность коллективистическихъ тезисовъ	628
<i>Глава IV.—Выводы изъ четвертой книги</i>	639

КНИГА ПЯТАЯ.

Современный кризисъ социальныхъ и политическихъ идей.

Стр.

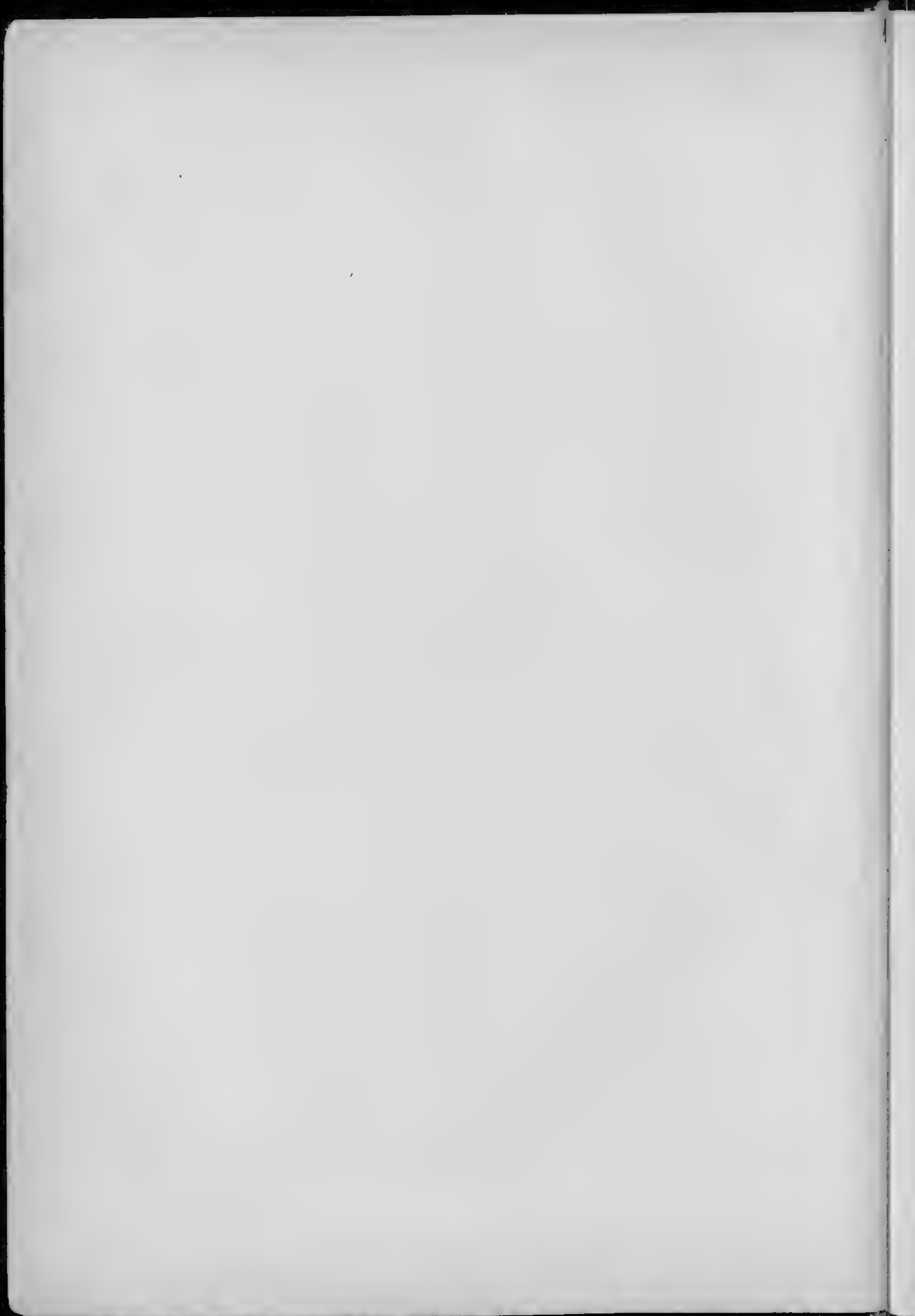
<i>Глава I.</i> — Смѣшеніе и несогласованность принциповъ	649
I. Примѣръ, взятый изъ сочиненій Лёплэ . . .	—
II. Примѣры, взятые у школы историковъ: Тэнъ и Ренанъ	655
III. Примѣръ, взятый у позитивизма: Литтрэ . . .	663
IV. Примѣры, взятые изъ современной социологіи	670
V. Примѣръ, взятый у научнаго социализма: Б. Малонъ	676
VI. Примѣры, взятые у самого индивидуализма	682
VII. Выводы	687
<i>Глава II.</i> — Разложеніе индивидуализма и успѣхи государственнаго социализма	689
I. Какимъ образомъ либералы способствуютъ разложенію индивидуализма	690
II. Какимъ образомъ способствуютъ этому экономисты	695
III. Какимъ образомъ способствуетъ этому демократическая школа	700
IV. Государственный социализмъ и его французскій предшественникъ—Дюпонъ Уайтъ	702
V. Государственный социализмъ—лишь возвращеніе къ просвѣщенному деспотизму	710
<i>Глава III.</i> —Сознаніе современнаго кризиса: Фулье и Рэнувье	714
I. Электизмъ Фулье	—
II. Рэнувье и требованія логики	732

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Результаты историческаго изученія. Точныя границы проблемы. Очеркъ ея рѣшенія.

I. Чему учить насъ исторія идеи государства . . .	769
II. Какіе элементы рѣшенія даетъ намъ эта исторія	783
III. О томъ, что долженъ быть сдѣланъ свободный выборъ между гипотезами свободы и необходимости, для котораго исторія можетъ дать предварительныя указанія, но котораго не можетъ выполнить .	786
IV. Расширеніе идеи справедливости	788
V. Очеркъ социально-политическихъ примѣненій такой идеи справедливости	795
VI. Характеръ указаннаго рѣшенія	800

ВВЕДЕНИЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Идея государства въ эпоху административной монархіи XVII в. — Преобразовательная философія XVIII в. и теорія просвѣщеннаго деспотизма. — Индивидуалистическое движеніе XVIII в. — Какъ индивидуалисты XVIII в. понимали отношенія индивидуума къ государству. — Индивидуализмъ и французская Революція. — Выводы.

Какимъ образомъ во Франціи отъ идеи государства, усвоенной современниками Людовика XIV, пришли къ той идеѣ государства, которая была у дѣятелей Революціи, и въ чемъ именно заключается различіе этихъ понятій; каково было происхожденіе, различныя выраженія и существенныя черты индивидуалистическаго движенія XVIII вѣка; въ какой мѣрѣ вдохновлялась имъ французская Революція; въ какомъ положеніи находилась проблема о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства къ началу XIX столѣтія — таково естественное содержаніе этого *Введенія* и необходимый порядокъ разбираемыхъ въ немъ вопросовъ.

Придется напомнить обще-извѣстные факты: мы удержались отъ желанія пройти ихъ молчаніемъ, стремясь внести въ доказательства возможно большую ясность. Придется вкратцѣ указать факты, менѣе извѣстные, которые, повидимому, требовали бы детальныя поясненій; мы воздержались отъ этихъ

поясненій, чтобы не увеличивать чрезмѣрно ту часть книги, которая, во всякомъ случаѣ, является только вступленіемъ. Впрочемъ, мы старались приводить только тѣ извѣстные факты, безъ которыхъ никакъ нельзя было обойтись, и не выдвигать ничего новаго, что не опиралось бы на доказательства.

Идея государства въ эпоху административной монархіи XVII вѣка.

Ходъ событій и самое теченіе національной исторіи опредѣлили во Франціи постоянное усиленіе королевской власти, которая, въ эпоху административной монархіи XVII вѣка, становится почти единственнымъ двигателемъ всей системы ¹⁾.

Авторъ *Происхожденія общественнаго строя современной Франціи* подвергъ анализу понятіе о государствѣ, существовавшее въ умѣ человѣка того времени ²⁾.

Онъ нашелъ въ этомъ понятіи три различныхъ элемента: римскій—перенесеніе верховной власти на государя; христіанскій: государь — представитель Бога на землѣ ³⁾; феодальный: государь — всеобщій сюзерень, настоящій собственникъ имущества своихъ

¹⁾ См. у H a n o t a u x, *Histoire du cardinal de Richelieu* (кн. II, гл. II, III и выводы), какъ „двѣнадцать вѣковъ стараго порядка трудились надъ созданіемъ современной французской націи, путемъ реставраціи идеи государства“ (стр. 241).

²⁾ T a i n e, *Origines de la France contemporaine, le Régime moderne* (т. I, стр. 160 и слѣд.).—Ср. A. S o r e l, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 11 и слѣд.).

³⁾ B o s s u e t, *Politique tirée de l'Ecriture sainte* (кн. IV, гл. 1, пол. 3) доходитъ до того, что говоритъ: „Они — боги, и нѣкоторымъ образомъ обладаютъ независимостью божества“.

вассаловъ, которымъ они владѣютъ только на правахъ пользованія (*domaine utile*) ¹⁾. На практикѣ, какъ и въ теоріи, государство сливается съ государемъ, воплощается въ немъ ²⁾. Если власть государя и не произвольна, то во всякомъ случаѣ она ничѣмъ не ограничена, кромѣ его собственной выгоды ³⁾ или его личныхъ обязанностей по отношенію къ Богу. Боссюэ предписываетъ королямъ доброту, кротость, попеченіе о слабыхъ, но все это, какъ религіозныя обязанности ⁴⁾; и говоритъ онъ такъ не потому только, что самъ священникъ: несомнѣнно, онъ выражаетъ общее мнѣніе своихъ современниковъ.

Таково представленіе о государствѣ у его членовъ. А какъ само государство смотритъ на себя? Въ какомъ направленіи обыкновенно дѣйствуетъ? Какія задачи преслѣдуетъ?

Первою, если не единственною своею задачею государство ставитъ сохраненіе и увеличеніе своего могущества. Государь стремится одновременно къ расширенію своей власти внутри государства и къ увеличенію національной территоріи, какъ гарантіи независимости отъ сосѣдей и средства преобладанія въ христіанскомъ мірѣ. Поэтому-то армія и налоги, эти главные орудія для доставленія внѣшняго и

¹⁾ Ср. эдиктъ Людовика XIV, въ августѣ 1692 г., *Anciennes lois françaises* (т. XX, стр. 165).

²⁾ Bossuet, *Politique*, (кн. IV, гл. I, пол. 1).

³⁾ Bossuet, *Cinquième Avertissement aux Protestants* (Сочиненія, изд. Besançon, т. XI, стр. 160 и 161). См. заглавіе 56 главы (*Cinquième Avertissement*): „Взаимный интересъ государей и народовъ устанавливаетъ самую естественную границу власти“.

⁴⁾ Bossuet, *Politique* (кн. III, гл. I, пол. 1).

внутренняго могущества, составляли въ теченіе вѣковъ важнѣйшій предметъ заботъ государей и какъ бы центръ ихъ политики ¹⁾. Теоретики государства, считавшіе силу источникомъ всѣхъ безъ исключенія правительствъ — это общее мнѣніе Бодэна, Гоббса и Боссюэ — были только послѣдовательны, когда превозносили ее, какъ наилучшее средство для ихъ поддержанія.

Всѣ прочія задачи подчинены или даже принесены въ жертву усиленію могущества. Поэтому государство предоставляетъ церкви не только заботу о душахъ, но также заботу о просвѣщеніи и въ значительной степени о бѣдныхъ. Моральной, идеальной стороною жизни своихъ подданныхъ государь интересуется мало или, выражаясь точнѣе, интересуется ею настолько, насколько этого требуютъ угрызения совѣсти и заботы о собственной безопасности и величіи. Людовикъ XIV преслѣдуетъ протестантовъ не только потому, что считаетъ это исполненіемъ долга, но и потому, что ересь кажется ему ферментомъ броженія въ королевствѣ, а единство вѣры — наилучшей гарантіей единства закона. Онъ вмѣшивается въ вопросы вѣры и становится теологомъ для того, чтобы ограничить папскую власть и жить у себя полнымъ господиномъ. Правда, во Франціи существуетъ государственная религія; но въ этомъ соглашеніи между государствомъ и церковью государство получаетъ во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ даетъ. Исповѣдуя католицизмъ, государство, по сильному выраженію одного писателя,

¹⁾ Holtzendorff, *Principien der Politik* (Berlin, 1869, стр. 223).

«не столько служить религіи, сколько пользуется ею для себя» ¹⁾).

Тюрго гораздо позже, но все еще въ духѣ легистовъ и великихъ администраторовъ монархіи, изслѣдовавшій условія, на которыхъ государство можетъ дать свое «покровительство» какой-либо религіи, подчеркиваетъ, что государство покровительствуетъ религіямъ ради ихъ «полезности», а не ради «истинности», и, «такимъ образомъ, не всякая религія пригодна для цѣлей политики» ²⁾).

Естественнымъ орудіемъ политики, имѣющей цѣлью ростъ государства, является принципъ государственнаго интереса. Онъ уполномочиваетъ государя хитрить и лгать въ международныхъ сношеніяхъ, а по отношенію къ своимъ подданнымъ считать позволительнымъ все, что выгодно правительству.

Но торжество принципа государственнаго интереса не является ли, въ сущности, изгнаніемъ морали изъ области политики? Дѣйствительно, съ полнымъ правомъ можно сказать, что политика и мораль были «двумя различными мірами» ³⁾, до Реформаціи—для небольшой, а передъ французской Революціей—для бѣльшей части Европы. Это не значитъ, конечно, чтобы политика была безнравственна во всемъ, а еще менѣе, чтобы моральныя цѣли совершенно игнорировались государями или ихъ министрами. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда эти цѣли преобладали, мораль

¹⁾ Lamennais, *Des progrès de la Révolution* (стр. 199).

²⁾ *Première Lettre sur la Tolérance* (Сочиненія, т. II, стр. 677 686).

³⁾ Holtzendorff, *Principien der Politik* (стр. 223).

скорѣе пристегивалась къ политикѣ, чѣмъ руководила ею.

Передъ государственнымъ интересомъ всякое право обращается въ ничто. Частныя лица, конечно, обладаютъ извѣстными правами по отношенію другъ къ другу, но по отношенію къ государству они безправны.

Какимъ образомъ они могли бы имѣть права по отношенію къ государству или противъ него, если даже права, опредѣляющія ихъ частныя отношенія, исходили отъ государства ¹⁾?

Въ ортодоксальной теоріи государства совершенно отсутствуетъ понятіе о такомъ правѣ, которое предшествуетъ политическому строю, стоитъ выше его и чуждо ему. Когда такое понятіе появляется у Гроція или у Жюрё, его отвергаютъ и поносятъ, какъ нѣчто преступное и безбожное ²⁾. Намъ говорятъ, положимъ, что «основные законы королевства» обязуютъ государя, «который не хочетъ собственными руками ниспровергнуть свое могущество», уважать, напримѣръ, свободу личности и неприкосновенность собственности. Въ особенности же намъ говорятъ о томъ, что правители должны интересоваться подданныхъ въ сохраненіи существующаго образа правленія. Но не трудно оцѣнить значеніе подобныхъ ограниченій, если мы припомнимъ, что, по мнѣнію Боссюэ, бываютъ случаи, когда государь

¹⁾ „Вообще, всякое право должно исходить отъ общественной власти...“.—„Безъ правительства земля и имущества будутъ принадлежать всѣмъ, подобно воздуху и свѣту“. Bossuet, *Politique* (кн. I, гл. III, пол. 4).

²⁾ Bossuet, *Cinquième Avertissement* (Сочиненія, т. XI, стр. 133).

даетъ отчетъ одному Богу, и когда частное благо на законномъ основаніи приносится въ жертву благу государства, другими словами, государя ¹⁾); если мы вспомнимъ еще, что никакое злоупотребленіе властью, какъ бы оно ни было чрезмѣрно, не даетъ народу права прибѣгнуть къ силѣ, и единственнымъ лѣкарствомъ отъ бѣдъ, «сколько бы ихъ ни было», которое предлагается гражданамъ, служатъ «молитвы и терпѣніе по отношенію къ государственной власти ²⁾).

Это отсутствіе индивидуальныхъ правъ, способныхъ поставить границы государственной власти, является одной изъ характерныхъ чертъ теоріи государства, установившейся во Франціи въ XVII вѣкѣ ³⁾. Конфликтъ между индивидуумомъ и государствомъ еще не обнаруживается въ то время именно потому, что мысль противопоставить ихъ другъ другу не могла бы найти мѣста въ системѣ господствовавшихъ тогда идей ⁴⁾.

Теорія государства, изложенная у Боссюэ, въ основѣ своей реалистична и постоянно прибѣгаетъ къ совершенно утилитарной аргументаціи. Прочтите *Политику*, извлеченную изъ собственныхъ словъ Священнаго Писанія, и *Пятое предостереженіе протестантамъ*, гдѣ

¹⁾ Bossuet, *Cinquième Avertissement* (Сочиненія, т. XI, стр. 145).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. XI, стр. 132).

³⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 36). По правдѣ сказать,—нѣтъ права, которое бы всѣ признавали и уважали, но есть *права*, которыя каждый всегда готовъ предъявить“.

⁴⁾ *Индивидуумъ*, отсутствующій въ политической философіи, отсутствуетъ и въ тогдашней литературѣ.—Ср. Brunetière, *Evolution de la poésie lyrique en France au XIX siècle* (т. I, 1-я лекція).

доктрина эта резюмирована съ такой силой и определенностью: вездѣ вы встрѣтите тамъ апологію факта, какъ такового, и обращеніе къ правильно понятымъ интересамъ.

Власть исходитъ отъ Бога, и выгодами этого основного положенія можетъ пользоваться всякая власть, каковы бы ни были ея происхожденіе и форма ¹⁾. Если наследственная монархія имѣетъ преимущество передъ другими формами правленія, то лишь потому, что она представляетъ извѣстное количество «выгодъ», которыхъ напрасно стали бы искать внѣ ея ²⁾.

Революція, даже вызванная справедливыми поводами, представляетъ худшій изъ бичей, потому что «спокойствіе» представляетъ драгоцѣннѣйшее изъ благъ. Воля Божія, такъ краснорѣчиво возвѣщаемая Боссюэ, кажется какимъ-то священнымъ покрываломъ, наброшеннымъ на голый фактъ: снимите это покрывало, и фактъ явится во всемъ блескѣ своей неприглядности.

Эта крайне недальновидная философія, главные черты которой мы сейчасъ напомнили, выражаетъ собою духъ, внесенный въ политику французскимъ обществомъ XVII вѣка.

Если слѣдовать обычаю и судить объ этомъ обществѣ по его литературѣ, то придется считать его скорѣе увлеченнымъ идеалами и интеллектуализмомъ. Но литература XVII столѣтія, превосходно выража-

¹⁾ *Politique* (кн. II, гл. II, пол. 12).—Ср. *Cinquième Avertissement* (Сочиненія, т. XI, стр. 150).

²⁾ См. перечисленіе этихъ выгодъ. *Politique* (кн. II, гл. I, пол. 8, 10, 11).—Ср. *Cinquième Avertissement* (Сочиненія, т. XI, стр. 160).

ющая геній ея творцовъ и удачно отражающая вкусы избраннаго общества, которому писатель старается правиться, не можетъ служить документомъ для оцѣнки соціально - политическихъ воззрѣній у людей того времени. Въ дѣйствительности у нихъ очень мало любознательности; они охотно закрываютъ глаза на происхожденіе власти, и для нихъ обладаніе равносильно праву ¹⁾. Стремленіямъ идеальнаго порядка, которыхъ не знаетъ политика, удовлетворяетъ религія, и у насъ есть превосходные примѣры того, какъ умы того времени находили удобнымъ держать небесное и земное въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, не испытывая, можно сказать—почти не замѣчая, тѣхъ противорѣчій, которыя впослѣдствіи должны были такъ живо чувствоваться совѣстью.

Если бы, однако, мы стали не излагать, а оцѣнивать политическую философію XVII вѣка, то справедливо было бы отмѣтить услуги, оказанныя французскому могуществу такой суровой концепціей государства, и даже извѣстную моральную красоту, заключающуюся въ постоянномъ отреченіи отъ частныхъ интересовъ. Но отреченіе это вынужденное, а не добровольное, и, какъ таковое, теряетъ цѣну. Прежде чѣмъ дѣлать самоотреченіе обязанностью для членовъ политическаго общества,—что, повидимому, является удѣломъ настоящаго и, поскольку можно судить объ этомъ, будущаго, — нужно было сначала показать принадлежащія имъ права.

Это сдѣлали въ XVIII вѣкѣ проѣтагонисты индивидуализма; но имъ самимъ предшествовала цѣлая школа мыслителей, которые, не касаясь абсолютной власти,

¹⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 13).

не стремясь къ ниспроверженію традиціоннаго строя. усиленно старались развить въ государѣ пониманіе новыхъ и болѣе опредѣленныхъ обязанностей по отношенію къ подданнымъ. Теоретики просвѣщеннаго деспотизма работали для индивидуализма, хотя ихъ самихъ и нельзя назвать индивидуалистами. Необходимо различать эти два направленія. Отсутствіе этой предосторожности повело къ тому, что въ исторіи политическихъ идей XVIII вѣка осталось много неяснаго. Часто плохо понимали Революцію и невѣрно судили о ней именно потому, что упускали изъ вида существованіе, вплоть до Революціи, этихъ двухъ совершенно самостоятельныхъ теченій.

Преобразовательная философія XVIII вѣка и теорія просвѣщеннаго деспотизма.

Гуманность, которая, по справедливому замѣчанію одного критика ¹⁾, совершенно отсутствуетъ въ политическихъ теоріяхъ XVII вѣка, въ XVIII, наоборотъ, является однимъ изъ характерныхъ для нихъ признаковъ.

Суровые и даже нѣсколько жестокіе взгляды Боссюэ, проповѣдовавшаго принесеніе въ жертву частныхъ интересовъ ради общихъ, уступаютъ мѣсто горячему, страстному требованію нѣкоторыхъ вольностей. Прежде всего требуютъ свободы вѣры и мысли, какъ самаго-цѣннаго и насущнаго блага, хотя

¹⁾ J. Denis, *Bayle et Jurieu* (стр. 67): „Рѣдко можно видѣть такъ мало заботы о правѣ и гуманности, какъ въ XVIII вѣкѣ. Всѣмъ жертвовали ради государства, славы короля, ради какого-то порядка и дисциплины“.

бы дѣло шло лишь о небольшой группѣ людей, объ одной семьѣ, объ отдѣльной личности. Затѣмъ ищутъ чего-то иного, помимо политическихъ учреждений и ясныхъ договоровъ между людьми, въ чемъ XVII вѣкъ видѣлъ единственный источникъ всѣхъ правъ. Изъ толстыхъ дидактическихъ трактатовъ, гдѣ она покоилась до сихъ поръ, извлекаютъ и пускаютъ въ оборотъ идею естественнаго права, хотя и не преслѣдуютъ пока ея полного приложенія. Наконецъ, уже не довольствуются апологіей существующаго порядка и провозглашеніемъ спокойствія заслуживающимъ предпочтенія передъ всякими волненіями. Ведутъ споры объ учрежденіяхъ и нравахъ. Уже не боятся ни движенія ни шума; и если нѣтъ еще революціоннаго духа, то реформаторскій уже внѣ всякаго сомнѣнія.

Я не изслѣдую, чѣмъ этотъ духъ обязанъ Бэйлю и Фонтэнэллю, произведенія которыхъ были косвенными причинами его появленія ¹⁾. Я просто отмѣчаю, какимъ этотъ духъ сталъ у Вольтера, энциклопедистовъ и фізіократовъ. Въ ихъ именно сочиненіяхъ онъ достигаетъ своей полной зрѣлости и становится предметомъ широкой пропаганды; для правильнаго сужденія о немъ, здѣсь и надо его искать.

I.

Какъ человѣкъ своего времени, Вольтеръ говорилъ объ «естественномъ законѣ» и объ «естественномъ правѣ»; ²⁾ но онъ говорилъ о нихъ почти только по

¹⁾ О Бэйлѣ и Фонтэнэллѣ см. у Faguet, *Dix-huitième siècle*. Очерки 1 и 2.

²⁾ См. Voltaire, *Poème sur la Loi naturelle* и *Idées républicaines*. (Сочиненія, изд. Didot, т. V, стр. 399).

поводу свободы мысли. Всѣ требуемая имъ реформы въ области правовъ и учреждений проникнуты главнымъ образомъ чувствомъ гуманности, которое, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто въ его дѣятельности. Можно было бы спросить, чего въ этомъ чувствѣ больше, любви ли къ человѣку или гнѣва и ненависти къ религіямъ, которыя преслѣдуютъ, зажигаютъ костры и возводятъ на нихъ мучениковъ? Во всякомъ случаѣ, Вольтѣръ постоянно защищаетъ съ несравненнымъ блескомъ и силой «ту гуманную философію», которая начинаетъ проникать въ жизнь государствъ ¹⁾, какъ онъ выразился однажды, поздравляя себя съ недавно достигнутымъ прогрессомъ и высказывая полную вѣру въ будущее.

Онъ опирается въ этой философіи на положеніе, сходное съ положеніемъ Канта: не дѣлай другимъ того, чего не желалъ бы себѣ самому съ ихъ стороны. Вотъ, повторяетъ онъ до пресыщенія, «великій универсальный принципъ» ²⁾, вотъ «единственный основной и неизмѣнный законъ», «единственный, который не можетъ быть искорененъ въ человеческомъ сердцѣ» ³⁾. Можно дѣлать—и критика это сдѣлала—⁴⁾ всевозможныя оговорки относительно характера и склада ума Вольтѣра или относительно значенія его произведеній, но нельзя отнять у него заслуги, что онъ поставилъ гуманность очень высоко и могущественно способствовалъ ей добиться того уваженія, которымъ съ тѣхъ поръ она стала пользоваться.

¹⁾ *Nouvelles Remarques sur l'histoire* (Сочиненія, т. V стр. 66—67).

²⁾ *Traité sur la Tolérance* (Сочиненія, т. V, стр. 519).

³⁾ *Remarques de l'Essai sur les mœurs* (Сочиненія, т. V, стр. 60).

⁴⁾ См. Faguet, *Dix-huitième siècle*. Очеркъ о Вольтѣрѣ.

Нужно сознаться, однако, что Вольтэра нельзя считать ни революционеромъ, ни демократомъ, ни даже либераломъ. Онъ никогда не требовалъ ниспроверженія соціального строя, уничтоженія существующихъ порядковъ, нивелировки положеній¹⁾. Пусть измѣнятъ уголовное судопроизводство и дадутъ возможность философу мыслить, писать и поступать совершенно независимо: Вольтэру этого вполне достаточно для примиренія съ современнымъ ему обществомъ. Если онъ и говоритъ иногда о равенствѣ людей, то всегда съ своей точки зрѣнія: о равенствѣ въ пользованіи свойствами человѣческой природы, а не о равенствѣ политическомъ. Люди равны «по существу», но на сценѣ они играютъ «различныя роли». Равенство не есть «уничтоженіе подчиненности». Или, еще опредѣленнѣе: «Всѣ мы равны, какъ люди, но не равны, какъ члены общества»²⁾.

Наконецъ, хотя Вольтэръ постоянно говоритъ о свободѣ, онъ далеко не противникъ власти. Напротивъ: онъ поноситъ генеральные штаты и парламенты; онъ съ удовольствіемъ констатируетъ, что повсюду въ Европѣ «правительство окрѣпло»³⁾. Величайшимъ зломъ для всякаго государства онъ считаетъ «уничтоженіе законодательной власти»; и, говоря о «счастливыхъ годахъ монархіи», имѣетъ въ виду тѣ времена, когда Генрихъ IV, Людовикъ XIV и Людовикъ XV «правили самодержавно»⁴⁾.

¹⁾ Я нахожу, однако, у него слѣдующее: „Нужны были вѣка, чтобы воздать должное гуманности, чтобы почувствовали, какъ ужасенъ фактъ, что съетъ большинство, а собираетъ въ житницы меньшинство“. (*Lettres sur les Anglais*, 9-е письмо).

²⁾ *Pensées sur l'Administration* (Сочиненія, т. V, стр. 351).

³⁾ *Traité sur la Tolérance* (Сочиненія, т. V, стр. 516).

⁴⁾ *La Voix du sage et du peuple* (Сочиненія, т. V, стр. 347).

Воспользоваться властью государя для проведенія желательныхъ реформъ: такова, въ концѣ концовъ, политическая идея Вольтера. Мы знаемъ его героев: это—Людовикъ XIV, Фридрихъ II и русская императрица Екатерина. Въ *Письмахъ объ англичанахъ* всего болѣе поражаетъ насъ то, какъ мало мѣста писатель удѣляетъ изученію парламентскихъ учрежденій. Англійская литература, наука и философія совсѣмъ поглотили его, и незамѣтно, чтобы онъ обращалъ много вниманія на политическій строй Англіи. Его идеаль былъ не здѣсь ¹⁾.

II.

Энциклопедія поставила своей программой—удовлетворить любознательность человѣческаго ума относительно происхожденія идей,—любознательность, которой было такъ мало у людей XVII вѣка. «Дойти до зарожденія нашихъ идей...» ²⁾—вотъ первый шагъ, къ которому она стремится.

Но въ области политики ея редакторы не простираютъ своихъ требованій очень далеко ³⁾. Для нихъ достаточно установить принципъ, что верховная власть принадлежитъ народу, который добровольно передаетъ осуществленіе ея государю, съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній не преступалъ ни законовъ государства, ни естественныхъ законовъ. Напомнивъ, такимъ образомъ, о теоретическомъ верховенствѣ на-

¹⁾ „Онъ ждетъ всего отъ государства и, въ сущности, работаетъ только для государства“. Его идеаль — „деспотизмъ, умѣряемый терпимостью и просвѣщеніемъ“. A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 110).

²⁾ *Discours préliminaire* (стр. 1).

³⁾ См. статьи: *Souveraineté, Pouvoir, Gouvernement, Autorité, Liberté politique, Administration*.

рода и о естественномъ правѣ, *Энциклопедія* заботится потомъ не объ ограниченіи власти государя, а только о направленіи ея преимущественно на такія великія задачи, какъ—терпимость, развитіе просвѣщенія, народное благосостояніе. Взгляды Монтэскьё на смѣшанный образъ правленія, несомнѣнно, вошли въ *Энциклопедію*; но господствующая идея, вдохновляющая статьи, посвященные политическимъ вопросамъ, такова: сильная власть, отданная на служеніе человечеству.

Кромѣ того, развѣ можно найти вполне стойкую и опредѣленную политическую мысль въ коллективномъ трудѣ, въ словарѣ? Лучше обратиться къ тому изъ энциклопедистовъ, который самостоятельно рассуждалъ о политикѣ весьма послѣдовательно и подробно. Это не д'Аламбёръ и не Дидро ¹⁾, тѣмъ менѣе, Гельвецій или Рэйналь, у котораго общіе принципы школы тонутъ въ потокъ многословія; это—Гольбахъ. Его *Соціальная система* ²⁾, цѣнимая слишкомъ низко, содержитъ изложеніе основныхъ положеній, которыми впослѣдствіи широко пользовались англійскіе утилитаристы. Французскіе подражатели послѣднихъ и не замѣтили, что ихъ учителя сами были только учениками или плагиаторами французскихъ мыслителей XVIII вѣка.

Мы знаемъ, какова мораль Гольбаха: это—чисто естественная мораль, безъ всякихъ метафизическихъ тонкостей. Человѣкъ стремится къ счастью: всѣ его способности направлены къ тому, чтобы избѣгать

¹⁾ О политикѣ Дидро см. новые труды: A. Duclos, *Diderot, l'homme et l'écrivain* и Joseph Reinach, *Diderot* (въ Collection des grands écrivains).

²⁾ *Système social* (т. I, стр. 10).

страданія и получаютъ удовольствіе. Въ поискахъ за удовольствіями человѣкъ руководится разумомъ, т.-е., «знаніемъ истиннаго счастья и средствъ къ его достиженію» ¹⁾. Истина не что иное, какъ знаніе счастья; справедливость — стремленіе дать каждому человѣку возможность пользоваться или не мѣшать ему пользоваться своими способностями, правами и всѣмъ необходимымъ для жизни и счастья» ²⁾, стремленіе, вытекающее изъ того взгляда, что поддержаніе общества предоставляетъ лучшую гарантію личнаго счастья ³⁾.

Политика является простымъ слѣдствіемъ такой морали. «Общественный договоръ, законодательство и правительство», въ сущности, не имѣютъ иной цѣли, кромѣ насажденія добродѣтели ⁴⁾, которая состоитъ въ томъ, чтобы «добиваться личнаго счастья, основаннаго на благѣ ближняго» ⁵⁾.

Подобно своимъ друзьямъ изъ *Энциклопедіи*, Гольбахъ считаетъ «народъ» источникомъ всякой законной власти; ⁶⁾ но формы правленія его не интересуютъ. Всѣ онѣ «совершенно безразличны», если только хорошіе законы одинаково обязательны для правителей и для подданныхъ ⁷⁾. Основнымъ благомъ для всякаго является свобода трудиться для своего счастья, и всѣ другія блага недостижимы безъ него ⁸⁾. Но эта свобода не предполагаетъ «пре-

¹⁾ *Système social* (т. I, стр. 17).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 105).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 59).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 19 и т. I, стр. VIII).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 25).

⁶⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 57).

⁷⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 25).

⁸⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 40).

словутаго равенства согражданъ». Гольбахъ съ презрѣніемъ обрушивается на «эту химеру, передъ которой благоговѣютъ въ демократическихъ государствахъ» ¹⁾. Общее благо требуетъ, чтобы cadaго почитали и вознаграждали пропорціонально той пользѣ, которую онъ приносить государству. Этимъ и объясняется выдающаяся роль правителя. Онъ долженъ понимать только, что его интересы сливаются съ интересами подданныхъ». Задача политики—объединить интересы правителей и народа» ²⁾.

Такимъ образомъ, равенства не существуетъ: власть должна находиться въ рукахъ лицъ, «наиболѣе способныхъ вести общество къ счастью» ³⁾. Государь—«движущая сила» ⁴⁾, увлекающая государство къ намѣченной цѣли. Для этого государь долженъ пользоваться значительной властью, такъ какъ изъ всѣхъ причинъ, вліяющихъ на намѣренія людей, «наиболѣе замѣтно вліяетъ правительство» ⁵⁾. Развѣ мы не видимъ, какъ оно измѣняетъ «и природу, и самый климатъ»? Впрочемъ, правительство вдохновляется общественнымъ мнѣніемъ ⁶⁾. Последнее намѣчаетъ путь, по которому правительство, благодаря присущей ему импульсивности, увлекаетъ потомъ весь народъ.

Общественное мнѣніе, сильное правительство, руководимое имъ, и, наконецъ, послушный народъ, позво-

1) *Système social*. (т. II, стр. 41).

2) *Ibid.* (т. II, стр. 76 и т. I, стр. VIII).

3) *Ibid.* (т. II, стр. 6 и 20): „Править—значить поддерживать, покровительствовать и вести общество къ счастью“.

4) *Ibid.* (т. II, стр. 83).

5) *Ibid.* (т. III, стр. 1).

6) *Ibid.* (т. III, стр. 3).

ляющей руководить собою, такъ какъ онъ знаетъ, что ему выберутъ кратчайшій путь къ счастью,—вотъ вся политическая система Гольбаха. Философы зажигаютъ свѣточъ, который указываетъ путь человечеству; правители несутъ этотъ свѣточъ передъ народами. Работая для націи, они вмѣстѣ съ тѣмъ работаютъ на самихъ себя. Распространяя, напримѣръ, просвѣщеніе, они тѣмъ самымъ обезпечиваютъ себѣ «дѣятельныхъ, преданныхъ и разсудительныхъ» подданныхъ ¹⁾.

Если мы хотимъ найти народъ счастливый, благодаря учрежденіямъ, въ которыхъ политика тѣсно связана съ моралью, народъ, государственный строй котораго вполне соответствуетъ только что начертанному идеалу и заслуживаетъ подражанія европейскихъ правительствъ, нужно отправиться въ Китай ²⁾. Тамъ мы найдемъ образецъ, архетипъ. Неужели, послѣ этого, нельзя еще утверждать, что Гольбахъ написалъ кодексъ просвѣщеннаго деспотизма?

III.

Въ фізіократахъ обыкновенно видятъ предшественниковъ современныхъ экономистовъ; и это не совсѣмъ ошибочно, потому что главнѣйшіе изъ нихъ находились въ сношеніяхъ съ Адамомъ Смитомъ и пустили въ оборотъ знаменитую формулу: *Laissez faire, laissez passer*. Но теоріи фізіократовъ принадлежатъ политической наукѣ во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ наукѣ экономической. Когда Дюпонъ-де-

¹⁾ *Système social*: (т. III, стр. 115)

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 86 и слѣд.).

Нэмуръ, послѣдній, по времени, представитель школы, замѣтитъ, что Ж.-Б. Сэй ограничиваетъ, даже строже Адама Смита, содержаніе политической экономіи изученіемъ богатства народовъ, онъ будетъ протестовать во имя своихъ учителей. Политическая экономія,—скажетъ онъ,—«есть наука о естественномъ правѣ, въ должномъ приложеніи его къ цивилизованнымъ обществамъ». Или: политическая экономія—«наука о просвѣщенной справедливости во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ»¹⁾. Точно такъ же понимали эту науку Кенэ (одно изъ главныхъ произведеній котораго—*Трактатъ о естественномъ правѣ*), Мерсье-дела-Ривьеръ и Бодо.

Въ то время, какъ большинство ихъ современниковъ примыкаетъ къ Монтэскьё или Руссо, критикуя, вмѣстѣ съ первымъ, деспотизмъ и восхваляя умѣренное правленіе или отстаивая, вмѣстѣ со вторымъ, теорію договора и народного верховенства, фیزیократы нападаютъ и на Руссо и на Монтэскьё.

Они не желаютъ раздѣленія властей и системы противовѣсовъ, потому что въ этомъ сложномъ способѣ упорядоченія соціальнаго строя видятъ признаки «глухой и непрерывной войны». Вслѣдствіе какого-то страннаго заблужденія Монтэскьё принялъ это состояніе войны за «жизнь культурныхъ государствъ»²⁾. Они не хотятъ признавать и прирожденнаго права

¹⁾ Dupont de Nemours, *Correspondance avec J.-B. Say* et Guillaumin'a, въ *Collection des principaux Économistes*, т. II, ч. 1-я, стр. 397).

²⁾ Baudeau, *Introduction à la Philosophie économique* (*Ibid.*, т. II, ч. 2-я, стр. 787). — Ср. Quesnay, *Maximes générales* (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 81).

каждаго на все,—права, впоследствии ограниченнаго договоромъ. Они говорятъ: эта идея не только бесплодна по своей абстрактности¹⁾ (подобныя выраженія слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о существованіи связи между современнымъ позитивизмомъ и фیزیократами; мы увидимъ потомъ, кто были посредниками), но и ошибочна по существу. Общество совсѣмъ не ограничиваетъ правъ своихъ членовъ, чтобы лучше обезпечить осуществленіе ихъ, а, напротивъ, расширяетъ сферу этихъ правъ, обезпечивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользованіе ими²⁾. Это—не мимоходомъ брошенный взглядъ, которому не придаютъ важности; напротивъ, фیزیократы понимаютъ все его значеніе³⁾. Точно такъ же они обнаруживаютъ скрытую подъ оболочкой теоріи общественнаго договора гипотезу состоянія первобытной войны⁴⁾ и отмѣчаютъ родство Руссо и Гоббса въ этомъ отношеніи.

Если основательно разобраться въ этой критикѣ взглядовъ Монтэскьё и Руссо, можно замѣтить, что она покоится на одномъ и томъ же основаніи. Монтэскьё, подобно Руссо, предполагалъ, что на зарѣ общественныхъ отношеній господствуетъ война.

1) Quesnay, *Droit naturel*, гл. II (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 44). „Его право на все подобно праву каждой ласточки на всѣхъ мошекъ, кружащихся въ воздухѣ; но, въ дѣйствительности, оно простирается лишь на тѣхъ, какихъ она сможетъ схватить...“

2) Quesnay, *Droit naturel*, гл. III (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 46).

3) Dupont de Nemours, *Correspondance avec J.-B. Say* (т. II, ч. 1-я, стр. 396).

4) Quesnay, *Droit naturel* гл. II (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 43).

Своей теоріей политической свободы Монтэскьё продолжаетъ эту войну до безконечности, хотя въ смягченной формѣ; Руссо полагаетъ ей предѣлъ теоріей общественнаго договора. Постулатомъ фізіократовъ, напротивъ того, служитъ существованіе «естественнаго соціальнаго строя», «порядка, справедливаго по существу» ¹⁾—настоящей *предустановленной гармоніи* между интересами всѣхъ, великихъ и малыхъ, правящихъ и управляемыхъ.

У Монтэскьё и Руссо, продолжаютъ фізіократы, соціальное устройство, законодательство, зависитъ отъ воли человѣка ²⁾. По отношенію къ Монтэскьё этотъ упрекъ можетъ показаться весьма страннымъ. Однако, Дюпонъ-де-Нэмуръ, отголосокъ своихъ учителей, упрекаетъ Монтэскьё именно за то, что, по его теоріи принципы правленія, законы мѣняются сообразно съ обстоятельствами времени и среды. По мнѣнію фізіократовъ, «сущность общественнаго порядка» «настолько же всеобща, насколько естественна». Она заключаетъ въ себѣ основные законы, которыми держатся всѣ общества, и никакое общество не можетъ уклониться отъ нея, «не переставъ быть обществомъ» ³⁾. Точно такъ же, человѣкъ не создаетъ законовъ, «выражающихъ сущность общественнаго порядка»; онъ только «вноситъ» ихъ въ общественную среду. Поэтому-то, на человѣческомъ языкѣ, вносящій законы называется *законодателемъ* (*législa-*

¹⁾ Выраженіе Дюпонъ-де-Нэмура (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 22). — Ср. Mercier de la Rivière, *Ordre naturel et essentiel des sociétés*, гл. XXIV.

²⁾ Dupont de Nemours (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 22).

³⁾ Dupont de Nemours, *Origine et progrès d'une science nouvelle* (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 338).

teur), а не *законосоздателемъ* (légisfacteur); собрание же внесенныхъ законовъ — «*законодательствомъ* (législation), а не *законосозданіемъ* (légisfaction). Замѣтьте себѣ эти формулы и эти этимологическіе аргументы: точно такіе же встрѣчаются у теократовъ, являющихся тѣми самыми посредниками между физіократами и позитивистами, о которыхъ мы только что упоминали ¹⁾.

До сихъ поръ мы отмѣчали у физіократовъ только критику взглядовъ Монтэскьё и Руссо. Но они не ограничиваются критикой, а догматизируютъ, и дѣлаютъ это оригинально.

Человѣческое общество, на ихъ взглядъ, управляется физическими законами, подобными тѣмъ, которые мы наблюдаемъ у муравьевъ, пчелъ и бобровъ ²⁾. Естественное право, которымъ такъ дорожить человѣкъ, представляетъ лишь видъ и какъ бы случайное проявленіе универсальнаго порядка ³⁾. Общественныя учрежденія, которыя человѣкъ выдаетъ за лучшій образчикъ своего творчества, являются продуктомъ естественной необходимости, а не человѣческаго искусства. Эта необходимость требуетъ возникновенія сильной власти, которая могла бы обезпечить индивидуумамъ пользованіе всѣми выгодами, связанными съ соціальной жизнью.

¹⁾ Сами физіократы приписываютъ этой „сущности“ божественное происхожденіе и думаютъ, что „законъ созданъ тою же рукою, которая создала права и обязанности“. Dupont de Nemours (т. II, ч. 1-я, стр. 347).

²⁾ Dupont de Nemours, *Origine et progrès d'une science nouvelle* (*Ibid.*, т. II, ч. 1, стр. 338).

³⁾ Dupont de Nemours, *Discours préliminaire къ Droit naturel* Кенэ (*Ibid.*, т. II, ч. 1-я, стр. 20).

Изъ этихъ выгодъ на первомъ мѣстѣ стоитъ право собственности ¹⁾; затѣмъ, согласно знаменитой формулѣ физиократовъ, которая въ данномъ случаѣ находитъ свое настоящее мѣсто на второмъ планѣ,— вмѣсто того, чтобы подчинять себѣ все остальное,— идетъ свобода торговли и обмѣна, *laissez faire, laissez passer*. Однимъ словомъ, метафизическій принципъ «сущности общественного порядка» влечетъ за собой въ политикѣ «легальный деспотизмъ». Гольбахъ восхвалялъ Китай; Бодо въ примѣръ хорошо управляемыхъ странъ, равнымъ образомъ, ставитъ Китай и древній Египетъ ²⁾. На Китай же будетъ ссылаться Дюпонъ-де-Нэмуръ, а кромѣ того, на Россію царствованія Екатерины II ³⁾. Впрочемъ, примѣръ этому подалъ Кенэ ⁴⁾.

Возможно, что физиократы руководились корыстной мыслью и льстили абсолютизму для того, чтобы добиться осуществленія своихъ реформаторскихъ проектовъ; во всякомъ случаѣ, теорія «легальнаго деспотизма» представляетъ кульминаціонный пунктъ ихъ доктрины.

¹⁾ Это право, по Mercier de la Rivière, *Ordre nature et essentiel des sociétés* (т. I, стр. 45—47), является фундаментомъ каждаго общества.

²⁾ Китай по своему правленію, Египетъ—по администраціи. *Introduction à la Philosophie économique*, гл. III (*Collection*, т. II, ч. 2-я, стр. 680, 796).

³⁾ *Origine et progrès d'une science nouvelle* (*Ibid.*, т. II, ч. 2-я, стр. 364).

⁴⁾ Онъ написалъ апологію китайскаго деспотизма, и L. de Lavergne не безъ основанія замѣтилъ, что „она имѣла вредное вліяніе на его учениковъ“. (*Les Économistes français au XVIII-e siècle*, стр. 107).

«Верховная воля» должна быть «единоличной» ¹⁾. Ей одной принадлежит право «вносить законы» ²⁾. Но верховная воля не должна быть капризной, и легальный деспотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ «произволомъ». Онъ опирается не на рабство людей, а на ихъ разумъ, «культуру» ³⁾, онъ желаетъ повелѣвать посредствомъ «обращенія къ очевидности». Таковъ, на примѣръ, авторитетъ Эвклида въ математикѣ. «Эвклидъ—настоящій деспотъ, и геометрическія истины, преподанныя имъ, настоящіе деспотическіе законы. Ихъ легальный деспотизмъ и личный деспотизмъ этого законодателя держатся одинаково лишь на силѣ очевидности» ⁴⁾.

Распространеніе просвѣщенія, котораго фیزیократы требуютъ столь настойчиво ⁵⁾ и которому они первые придали такое большое значеніе, является лишь выводомъ изъ этого принципа. Дѣйствительно, противодѣйствіе невѣжды представляетъ, быть-можетъ, единственный камень преткновенія для легальнаго деспотизма. Просвѣщая умы, послѣдній ихъ завоевываетъ. Такимъ образомъ, наиболѣе либеральные взгля-

¹⁾ Quesnay, *Maximes générales*: Maxime I (Collection, т. II, ч. 1-я, стр. 81). Сран. Baudouin, *Introduction à la Philosophie économique* (Ibid., т. II, ч. 3-я, стр. 796).

²⁾ Baudouin, *Introduction à la Philosophie économique* (Ibid., т. II, ч. 2-я, стр. 784—785). Срвн. Dupont de Nemours, *Origine et progrès d'une science nouvelle* (Ibid., т. II, ч. 1-я, стр. 248).

³⁾ Mercier de la Rivière, *Ordre naturel et essentiel des sociétés* (т. I, гл. XXIV).

⁴⁾ Mercier de la Rivière, (Ibid., т. I, гл. XXIV).

⁵⁾ Baudouin, *Introduction à la Philosophie économique* (Collection, т. II, ч. 2-я, стр. 670).

ды фізіократовъ, взгляды на народное просвѣщеніе и на свободу обмѣна, если взять ихъ въ цѣлой системѣ, связаны съ апологіей абсолютизма. Подобно Гольбаху, энциклопедистамъ и Вольтѣру, фізіократы провозглашаютъ такой строй, который считается съ гуманностью и ея правами; но, подобно имъ же, они возлагаютъ заботы о немъ на государя.

О политическихъ правахъ фізіократы хлопочутъ не больше Вольтѣра или Гольбаха. Положеніе людей должно улучшиться, хотя огромному большинству придется только давать свое согласіе на это улучшеніе послѣ того, какъ ихъ глаза откроются для очевидности, и они поймутъ превосходство этого режима надъ политической свободой.

IV.

Потокъ идей, увлекающій фізіократовъ, энциклопедистовъ и Вольтѣра, пробѣгаетъ не только по Франціи, но и по всей Европѣ. Иногда онъ идетъ изъ Франціи: это можно сказать относительно итальянцевъ Беккаріи и Филанджери, которые, подобно эхо, только отражаютъ французскія идеи; иногда же онъ возникаетъ самостоятельно: это мы наблюдаемъ у Лейбница и Вольтѣра, а также у Юма.

Въ политическихъ идеяхъ Юмъ чрезвычайно сходится съ Вольтѣромъ: тотъ же скептицизмъ, то же приноравливаніе къ обстоятельствамъ, то же благопріятное отношеніе къ развитію абсолютной власти.

Хотя въ одномъ изъ своихъ *Опытовъ* Юмъ написалъ, что политика допускаетъ аксіомы и можетъ сдѣлаться наукой, но это одно изъ тѣхъ мимоходомъ брошенныхъ указаній, какихъ у него мно-

го. Приводимые имъ примѣры не достаточно убѣдительны ¹⁾. Политическая система Юма, однако, является болѣе обработанной и болѣе стройной, чѣмъ система Вольтѣра; она беретъ начало въ морали философа, а по своимъ выводамъ примыкаетъ къ его уже критической психологіи.

Справедливость—не что иное, какъ форма пользы: вотъ положеніе, которое связываетъ политику и мораль Юма. Съ другой стороны, теорія Локка о правительствѣ имѣетъ тотъ недостатокъ, что уничтожаетъ обычай, практикующіеся повсюду, за исключеніемъ одной Англіи, не признаетъ мнѣній, принятыхъ издавна. Какая же, послѣ этого, вѣроятность, что она справедлива? Не слѣдуетъ воображать, — прибавляетъ Юмъ,—что можно дѣлать открытія въ подобныхъ вопросахъ. «Только очень поздно додумались основать правительство на договорѣ, и одно это уже доказываетъ, что оно на немъ не основано» ²⁾. Вотъ гдѣ связь политики Юма съ его психологіей. Подобно тому, какъ послѣдняя выводитъ идею причинности изъ умственной привычки, первая ставитъ обычай единственнымъ прочнымъ фундаментомъ гражданского строя. Юмъ полагаетъ, что въ политикѣ «древность мнѣнія служитъ показате-

¹⁾ *Essais de moral et de politique*, франц. перев. (т. VI, стр. 29 и слѣд.). Вотъ примѣры положеній, которыя можно разсма- тривать, „какъ аксіомы въ политикѣ“: наилучшая монархія та, въ которой власть наследственна; наилучшая аристокра- тія требуетъ знати безъ вассаловъ, а народъ, выражающій мнѣнія чрезъ своихъ представителей, составляетъ наилуч- шую демократію. (*Loc. cit.*, стр. 38).

Ibid. франц. перев. (т. VI, стр. 406).

лемъ истинности» ¹⁾. Такимъ образомъ, форма учреждений сильно зависитъ отъ случая. Юмъ не высказывается по этому поводу съ полной опредѣленностью, но вездѣ у него можно замѣтить, что онъ отдаетъ предпочтеніе такому режиму, при которомъ сильная власть служитъ великимъ интересамъ чело-вѣчества ²⁾. И по справедливому заключенію одного историка англійской мысли XVIII вѣка, его можно назвать сторонникомъ просвѣщеннаго деспотизма на французскій ладъ» ³⁾.

Та же тенденція у Лейбница, идеаломъ котораго, по словамъ одного нѣмецкаго критика, было правленіе Фридриха II ⁴⁾, и у Вольфа, который обсуждалъ эти вопросы методичнѣе и полнѣе своего учителя.

Правда, Вольфъ часто ссылается на естественное право и, такимъ образомъ, какъ будто, протягиваетъ руку Руссо. Но Гольцендорфъ вполне основательно замѣтилъ, что у Вольфа идея естественнаго права не имѣетъ, какъ у Руссо, революціоннаго характера. Причина этого кроется въ томъ, что для Вольфа обязанность предшествуетъ праву. Человѣкъ долженъ «пользоваться правами, сообразно со своими обязанностями» ⁵⁾. Въ такомъ видѣ естественное право

¹⁾ *Essais de moral et de politique*, (т. VI, стр. 406).

²⁾ Тенденція Юма вмѣшивать государство въ экономическія отношенія была справедливо отмѣчена Эспинасомъ въ *Histoire des doctrines économiques* (стр. 264—265).

³⁾ Leslie Stephen, *English Thought in the eighteenth century* т. II, стр. 186).

⁴⁾ Pfleiderer, *Leibniz als Patriot* (стр. 429).

⁵⁾ См. въ *Abrégé du droit de la nature et des gens*, котор. Formeu извлекъ изъ сочиненій Вольфа, *Principes du Droit naturel* (кн. I, гл. I, §§ 9, 10, 11).

мѣняетъ свой характеръ, и неудивительно, что нашъ авторъ дѣлаетъ изъ него опору для власти государя.

Государство имѣетъ цѣлью поддерживать свое существованіе въ настоящемъ и будущемъ, заботиться о своемъ благоденствіи; этой цѣли обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ права, которыми оно обладаетъ по отношенію къ частнымъ лицамъ ¹⁾. Какимъ бы образомъ ни была передана одной династіи власть, искони принадлежавшая народу, высшимъ закономъ государства служить общественное благо. И въ абсолютной монархіи и въ монархіи ограниченной «народъ всегда имѣлъ это въ виду» ²⁾. И тотъ, кому власть передана, «пользуется по той же самой причинѣ всѣми правами, безъ которыхъ нельзя осуществлять ее для достиженія общественнаго блага ³⁾».

Главы, посвященныя *способу управленія государствомъ*, заключаютъ въ себѣ крайне мелочныя наставленія. Государь долженъ «заботиться о томъ, чтобы имѣлось въ изобиліи все необходимое для жизни» ⁴⁾, и о «преуспѣяніи всего, что можетъ улучшить участь гражданъ»; онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было праздныхъ, и чтобы всякій, желающій работать, находилъ работу; чтобы «каждый могъ своими заботами и трудами пріобрѣтать себѣ, по крайней мѣрѣ, необходимое». Для этого государство должно назначать нормальную цѣну труда, издѣлій и съѣстныхъ припасовъ; регулировать число

¹⁾ Formey, *Abrégé* (кн. VIII, гл. I, § 16).

²⁾ *Ibid.* (кн. VIII, гл. I).

³⁾ *Ibid.* (кн. VIII, гл. IV).

⁴⁾ *Ibid.* (кн. VIII, гл. III, § 14).

лицъ въ различныхъ профессіяхъ¹⁾; пешись о здоровьѣ подданныхъ, запрещая продажу вредныхъ пищевыхъ продуктовъ и напитковъ; наблюдать за изготовленіемъ лѣкарствъ въ аптекахъ и т. д.²⁾; наконецъ, оно должно «принимать мѣры противъ обремененія подданныхъ чрезмѣрной разрушающей здоровье работой». Государство должно также заботиться о бѣдныхъ и о религіи³⁾. Оно опредѣляетъ все, даже «научныя, артистическія и другія» призванія⁴⁾.

Книгу Вольфа слѣдовало бы назвать уже не кодексомъ, какъ книгу барона Гольбаха, а скорѣе руководствомъ или *vade mecum* просвѣщеннаго деспотизма, если бы это названіе по всей справедливости не принадлежало *Политическимъ учрежденіямъ* Бильфельда. Чтобы уяснить себѣ духъ произведенія Бильфельда, достаточно будетъ напомнить, что въ перечнѣ благъ, пользованіе которыми, по мнѣнію автора, государь долженъ обезпечить подданнымъ, свобода печати помѣщена между параграфомъ, относящимся къ наказанію за самоуправство, и параграфомъ, относящимся къ мѣрамъ предосторожности противъ заразныхъ эпидемическихъ болѣзней⁵⁾.

V.

Такимъ образомъ, теорія просвѣщеннаго деспотизма, отеческой монархіи, или, употребляя техни-

1) F o r m e y, *Abrégé* (кн. VIII, гл. III, § 16).

2) *Ibid.* (кн. VIII, гл. III, § 127).

3) *Ibid.* (кн. VIII, гл. III, § 136).

4) *Ibid.* (кн. VIII, гл. III, § 16).

5) Bielfeld, *Institutions politiques* (т. I, стр. 292).

ческое нѣмецкое выраженіе, «полицейскаго государства» ¹⁾, царить въ концѣ XVIII вѣка въ Германіи и Шотландіи, въ Италіи и Франціи. Во Франціи она держится вплоть до Революціи и существуетъ еще понынѣ, если только мы правы, считая государствен- ный социализмъ лишь ея подновленной формулой.

Индивидуалистическое движеніе уже проявилось въ полной силѣ и блескѣ, а избранные или даже наиболѣе выдающіеся умы все еще оставались вѣр- ными идеѣ просвѣщеннаго деспотизма. Въ такомъ положеніи, напримѣръ, находился Тюрго, и меня удивляетъ, что изъ него такъ часто старались сдѣ- лать чистаго либерала ²⁾. Правда, онъ протестовалъ противъ идеи потребовать у правительства «пуховые чепчики для всѣхъ дѣтей, которыя могутъ упасть» ³⁾; онъ же написалъ знаменитое, столь часто цитируе- мое мѣсто *Во второмъ письмѣ о вѣротерпимости* ⁴⁾; наконецъ, онъ осуществилъ реформы, проникнутыя духомъ свободы. Но развѣ можно забывать или не признавать, что творецъ свободы торговли и про- мышленности не придавалъ никакого значенія поли- тической свободѣ ⁵⁾? Съ королемъ онъ говоритъ язы-

¹⁾ Такъ называетъ ее Блюнчли въ *Lehre vom modernen Staat* (I, кн. 1, гл. V).

²⁾ См., напр., Léon Say, *Turgot* (Collection des grands écrivains).

³⁾ Turgot, *Éloge de Gournay* (Сочиненія, т. I, стр. 272).

⁴⁾ Turgot (Сочиненія, т. II, стр. 686).

⁵⁾ L. de Lavergne въ своей книгѣ о французскихъ эконо- мистахъ (*les Économistes français*, стр. 253), отмѣтилъ, что Тюрго въ началѣ царствованія Людовика XVI далеко не благоволилъ созванію генеральныхъ и провинціаль- ныхъ штатовъ; когда друзья, между прочимъ Мальзэръ,

комъ министра Людовика XIV¹⁾. Подобно физиократамъ, онъ противникъ равновѣсія властей, теоріи взаимно сдерживающихъ другъ друга силъ. Желая оказать на дѣлѣ покровительство нѣкоторымъ правамъ гражданъ, онъ приглашаетъ государя неукоснительно примѣнять «права государства»²⁾. Ни одинъ государственный дѣятель, за исключеніемъ Ришельё, не пользовался такъ часто и съ такимъ удовольствіемъ этимъ выраженіемъ. И не одинъ Тюрго исповѣдуетъ, вплоть до Революціи, теорію просвѣщеннаго деспотизма. Маркизь Мирабо пишетъ: «Юстиція, полиція, финансы, торговля, крѣпости, артиллерія, города, пригороды, села, территорія, жители,—все принадлежитъ королю»³⁾. И Токвиль, выясняя, что отецъ знаменитаго оратора заимствовалъ у своего вѣка и современныхъ экономистовъ, отмѣчаетъ у него: «полное игнорированіе права каждого человѣка на самоуправленіе; мысль, что хорошо понятый интересъ заставляетъ государя заниматься бѣдными и меньшей братіей; идею всемогущаго правительства, при помощи котораго можно было бы преобразовать людей по своему желанію»⁴⁾. *Катихизисъ* Сэнъ-Ламбера, написанный значительно позже, проникнутъ тѣмъ же духомъ: государь долженъ отдать свое всемогущество на служеніе общественному благу⁵⁾.

упрашивали его, онъ ничего и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Затѣмъ авторъ прибавляетъ: „Тюрго во всемъ разсчитывалъ на королевскую власть, руководимую имъ самимъ“.

1) Ср. *Mémoire* 1775 г.

2) L é o n S a y самъ дѣлаетъ указаніе на это (*Turgot*, стр. 34).

3) *Mémoire sur les états provinciaux* (ч. 3-я, стр. 87).

4) T o c q u e v i l l e, *Oeuvres complètes* (т. VIII, стр. 152).

5) *Principes des mœurs chez toutes les nations, ou Catéchisme universel* (1796).

Историкъ, охотно возводящій факты къ ихъ перво-причинѣ и видящій въ нихъ только внѣшнее выраженіе извѣстныхъ идей, нарисовалъ картину Европы наканунѣ Революціи, гдѣ крайне рельефно отмѣчено сильное вліяніе теоріи просвѣщеннаго деспотизма ¹⁾.

Наказъ Екатерины II, данный въ 1768 г. комиссіи, которой было поручено составить новое уложеніе; эдиктъ великаго герцога Тосканскаго (1790 г.); прусскій Кодексъ (1794 г.)—служать яснымъ доказательствомъ этого вліянія. Въ общихъ чертахъ и государство Фридриха II, и государство Іосифа II, и, въ меньшей мѣрѣ, но все-таки замѣтно, какъ прекрасно указалъ Токвиль ²⁾, старый порядокъ во Франціи, наканунѣ Революціи—примѣняютъ на практикѣ доктрину, теоретическое выраженіе которой мы только что нашли у публицистовъ и философовъ.

VI.

Чѣмъ же это идейное движеніе отличается и въ чемъ сходится съ движеніемъ индивидуалистическимъ?

На первый взглядъ, насъ поражаютъ черты сходства: гуманность поставлена очень высоко; нѣкоторые интересы моральнаго и идеальнаго порядка, напримѣръ, народное просвѣщеніе, правильно поняты и съ пользою примѣнены, хотя и въ подчиненіи интересамъ матеріальнымъ. Но черты различія преобладаютъ, если принять въ расчетъ, что теоретики

¹⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 123 и слѣд.).— Въ частности, относительно Пруссіи, см. Cavaignac, *La formation de la Prusse contemporaine* (т. I, стр. 47, 96—97).

²⁾ *L'Ancien Régime et la Révolution* (стр. 60—61).

просвѣщеннаго деспотизма, обладая чувствомъ гражданскаго равенства, не обладали ни пониманіемъ равноцѣнности отдѣльныхъ личностей, этой основой политическаго и всякаго права, ни равнымъ уваженіемъ ко всѣмъ формамъ свободы.

Свобода, которую они провозглашаютъ, и опять-таки для избранныхъ, это — свобода въ отношеніи вѣры, т.-е., главнымъ образомъ, въ отношеніи невѣрія. Они часто произносятъ слово *право*, но не выясняютъ истинной природы послѣдняго, не доходятъ до его сущности. Метафизическая слабость ихъ системы, или скорѣе, ихъ отрицательное отношеніе къ метафизикѣ, объясняютъ намъ, почему они не возвысились до индивидуализма, хотя приблизились къ нему и, въ концѣ концовъ, работали въ его пользу. Кузэнъ отлично видѣлъ, чего неоставало этимъ философамъ. Онъ первый высказалъ это, и высказалъ очень сильно ¹⁾.

Такъ какъ теоретики просвѣщеннаго деспотизма не чувствовали, не понимали и не провозглашали абсолютнаго равенства личностей, они принуждены были подкрѣплять свои премудрыя наставленія очень не мудрыми аргументами. Они побуждали государей быть гуманными, великодушными и справедливыми, но главнымъ образомъ ради собственной ихъ выгоды, такъ какъ любовь подданныхъ уменьшаетъ возможность мятежа. Они побуждали государей просвѣщать подданныхъ и помогать имъ матеріально, но прежде всего для того, чтобы сдѣлать государство могущественнѣе и богаче. Свои лучшія

¹⁾ Cousin, *Philosophie sensualiste au XVIII-e siècle*. Этотъ томъ содержитъ лекціи, читанныя Кузэномъ въ 1819 г.

реформы они провозглашаютъ, въ концѣ концовъ, «въ интересахъ государства» ¹⁾. Они еще не отказались вполне отъ идеи, что государство прежде всего должно заботиться объ усиленіи своего могущества, а на все остальное смотрѣть, какъ на придатокъ ²⁾.

Они полагаютъ также, что реформы должны производиться государствомъ. Они не только не ограничиваютъ власти государя, но еще болѣе увеличиваютъ ея вліяніе на индивидуума. Административная монархія, какъ ее понималъ и проводилъ въ жизнь Людовикъ XIV, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является, быть - можетъ, менѣе всепоглощающей, чѣмъ та монархія, о которой мечталъ Тюрго, и несомнѣнно менѣе всепоглощающей, чѣмъ государство, которое было по сердцу Вольфу или Бильфельду.

Наконецъ, теоретики просвѣщеннаго деспотизма продолжали вѣрить въ благотѣльное вліяніе законодательства; это воззрѣніе такъ укоренилось во французскомъ умѣ, что сильно сказалось даже у нѣкоторыхъ родоначальниковъ индивидуализма. По мнѣнію теоретиковъ просвѣщеннаго деспотизма, законодательство всемогуще; оно способно все видоизмѣнить: и нравы, и сердце человѣка. Боссюэ придавалъ закону небесное происхожденіе ³⁾. Теоретики просвѣщеннаго деспотизма омірщаютъ, если можно такъ выразиться, происхожденіе закона. Мѣсто неба занимаетъ у нихъ разумъ. За исключеніемъ этого, у нихъ та же самая вѣра въ верховную силу писаннаго законодательства.

¹⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 107).

²⁾ Эта идея очень ясно указана самимъ Бильфельдомъ, *Instit. polit.* (т. III, стр. 11).

³⁾ *Politique tirée de l'Écriture sainte* (кн. I, гл. IV, пол. 7).

Индивидуалистическое движеніе въ XVIII вѣкѣ.

Индивидуалистическое движеніе, представляющее одну изъ оригинальныхъ чертъ въ исторіи XVIII вѣка, является реакціей и противъ теоріи просвѣщеннаго деспотизма и противъ теоріи государства, созданной XVII вѣкомъ. Будучи общеевропейскимъ, подобно теоріи просвѣщеннаго деспотизма, и даже болѣе, чѣмъ европейскимъ, индивидуалистическое движеніе, кромѣ того, многообразно въ своихъ выраженіяхъ. Его мы встрѣчаемъ и въ понятіи политической свободы, изложенномъ у Монтэскьё; и въ понятіи народнаго верховенства, изложенномъ у Руссо и его англійскихъ подражателей; и въ философіи права Руссо и Кондорсэ, Канта и Фихте; и въ идеѣ экономической свободы у Адама Смита; наконецъ, у піонеровъ американской революціи, въ ихъ требованіяхъ абсолютной свободы совѣсти.

Напомнимъ вкратцѣ эти различныя выраженія индивидуалистическаго движенія, а затѣмъ покажемъ, какъ они дополняютъ другъ друга и образуютъ совокупность идей, появленіе которыхъ было, дѣйствительно, эпохой въ жизни человѣчества.

I.

Недавнія работы одного ученаго юриста ¹⁾, специально изучившаго вопросъ о происхожденіи и природѣ конституціонныхъ договоровъ, устанавливающихъ,

¹⁾ Ch. Borgeaud, *Établissement et Revision des Constitutions en Amérique et en Europe* (Paris, Thorin, 1893). Срвн. статьи, напечатанныя тѣмъ же авторомъ въ *Annales de l'École libre des sciences politiques*, апрѣль 1890 г. и январь 1891 г.

что идея писанной конституціи, въ родѣ деклараціи правъ, возникла не во Франціи, какъ долгое время думали и писали. Это—идея американская или, еще точнѣе, восходя къ первоисточнику, идея англійская и притомъ пуританская ¹⁾.

Первая декларація правъ, первыя американскія конституціи (1776 — 77), несомнѣнно, служили, если не образцомъ, то, по крайней мѣрѣ, ободряющимъ примѣромъ для Конституанты. Но сами эти американскія конституціи и эта декларація правъ, повидимому, связаны весьма тѣсно съ *народнымъ договоромъ* (agreement of the people) войска Кромуэля ²⁾, (1647). Оно привыкло въ своихъ конгрегаціяхъ считать себя настоящимъ источникомъ религіозной власти, видимымъ и подлиннымъ представителемъ Христа; привыкло избирать служителей культа и посредствомъ избранія надѣлять ихъ всѣми надлежащими правами, и думало ввести въ государствѣ демократію, верховенство народа, въ особенности же понятіе индивидуальной автономіи.

Народный договоръ 1647 г. остался въ проектѣ; но основная идея его вновь появляется у пуританъ-бѣглецовъ, основателей Новой Англіи. Эта идея служитъ базисомъ всѣхъ соглашеній, которыя они между собою заключали, и которымъ суждено было впо-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что уже Курно возводилъ французскую Революцію къ этой отдаленной причинѣ: „Революція, — писалъ онъ въ 1867 г., — которой Франція дала свое имя, хотя предварительные симптомы ея появились на другомъ полушаріи и, въ свою очередь, являются лишь слѣдствіемъ движенія англійскаго протестантизма въ XVII вѣкѣ...“ *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales* (т. II, стр. 459).

²⁾ Ch. Borgeaud, *Établissement et Revision des Constitutions* (стр. 22—23).

слѣдствіи стать конституціями. Подписываясь подъ ними, они ставятъ непремѣннымъ условіемъ, верховенство народа и абсолютную свободу совѣсти.

Такимъ образомъ, въ корнѣ индивидуалистическаго движенія XVIII вѣка лежитъ религіозная свобода, эмансипація вѣрованій. Необходимо было напомнить объ этомъ, но бесполезно было бы входить въ подробности, потому что этотъ элементъ индивидуалистической доктрины, при всей своей важности, не игралъ, такъ сказать, роли въ движеніи французскихъ идей той эпохи. Пропаганда въ пользу религіозной терпимости происходила у насъ изъ другого источника; изъ англійскаго свободомыслія и французскаго скептицизма. Нужно ли удивляться послѣ этого, скажемъ мимоходомъ, что свобода совѣсти, провозглашаемая невѣрующими, не привела у насъ къ тѣмъ сильнымъ моральнымъ вѣрованіямъ, которыя такъ хорошо вяжутся съ исповѣданіемъ индивидуализма и служатъ ему самой прочной опорой?

II.

Теорія политической свободы представляетъ кульминаціонный пунктъ *Духа Законовъ*.

Монтэскьё далъ двоякое опредѣленіе свободы вообще. Въ странѣ, гдѣ существуютъ законы, свобода состоитъ «въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ дѣлать то, чего не должно хотѣть» ¹⁾. А также: «свобода есть право дѣлать все, что дозволено

¹⁾ *Esprit des Loix*, кн. XI, гл. III (Сочиненія, изд. Laboulaye, т. IV, стр. 4).

законами» ¹⁾. Изъ этихъ опредѣленій прежде всего слѣдуетъ, что понятіе свободы не совпадаетъ съ понятіемъ верховенства. Сильно ошибаются тѣ, говоритъ Монтэскьё, кто смѣшиваетъ «власть народа со свободой народа» ²⁾. Сильно ошибаются и тѣ, которые хотятъ сдѣлать свободу привилегіей, если не монополіей, одной формы правленія — демократіи. Ошибка эта объясняется тѣмъ, что въ демократіи «народъ, повидимому, дѣлаетъ, что хочетъ» ³⁾: Но вѣдь свобода состоитъ не въ этомъ, и демократія не является государствомъ, свободнымъ по природѣ. Другими словами, Монтэскьё вообще отказывается соединять идею свободы съ абстрактнымъ принципомъ верховенства; напротивъ того, онъ полагаетъ, что свобода зависитъ отъ конкретныхъ, реальныхъ, положительныхъ условій, и пытается опредѣлить ихъ. Вотъ почему въ *Духъ Законовъ* критика понятія верховенства связана съ изложеніемъ понятія политической свободы:

Реальныя, положительныя условія политической свободы бываютъ двухъ видовъ: одни имѣютъ отношеніе къ конституціи страны, другія — къ легальному положенію гражданина ⁴⁾.

Монтэскьё разсуждаетъ сначала о первыхъ. Политическая свобода встрѣчается только «въ умѣренныхъ правленіяхъ» ⁵⁾, а мы знаемъ, что здѣсь нужно разумѣть такое правленіе, которое основано не на одномъ только принципѣ, какъ демократія или ари-

¹⁾ *Esprit des Lois*, кн. XI, гл. III (т. IV, стр. 4).

²⁾ *Ibid.*, кн. XI, гл. II (т. IV, стр. 3).

³⁾ *Ibid.*, кн. XI, гл. III (т. IV, стр. 4).

⁴⁾ *Ibid.*, кн. XI, гл. I (т. IV, стр. 1).

⁵⁾ *Ibid.*, кн. XI, гл. IV (т. IV, стр. 5).

стократія, но допускаетъ комбинацію различныхъ принциповъ ¹⁾. Необходимо еще, даже при умѣренномъ правленіи, чтобы органы власти не злоупотребляли ею; это достигается вполнѣ только при равновѣсіи властей: «необходимъ такой порядокъ вещей, при которомъ различныя власти могли бы взаимно сдерживать другъ друга» ²⁾. Такъ вводится раздѣленіе властей, которое, впрочемъ, не придумано самимъ Монтэскьё, а взято имъ изъ жизни, прямо изъ англійской конституціи.

Въ нашу задачу не входитъ дальнѣйшій анализъ англійской конституціи, какъ ее понималъ Монтэскьё. Намъ достаточно отмѣтить только, что въ его глазахъ политическая свобода есть продуктъ извѣстнаго «положенія вещей», извѣстныхъ особенностей политическаго строя, благодаря которымъ ни одна изъ властей не можетъ сказать: «государство, это—я» ³⁾. Последователи и ученики Монтэскьё разовьютъ эту теорію, и она, со временемъ, въ свою очередь, займетъ мѣсто среди абстрактныхъ принциповъ, среди непреложныхъ и универсальныхъ истинъ, пока, наконецъ, вслѣдствіе эволюціи идей, которая происходитъ на нашихъ глазахъ, новое вѣроученіе не столкнется съ возродившимся невѣріемъ ⁴⁾.

Обратимся теперь къ тѣмъ условіямъ политической свободы, которыя касаются уже не конституціи, а

¹⁾ *Esprit des Lois*, кн. XI, гл. VI (т. IV, стр. 8).

²⁾ *Ibid.*, кн. XI, гл. IV (т. IV, стр. 5).

³⁾ Монтэскьё раскрылъ эту знаменитую формулу и увидѣлъ, что заключающаяся въ ней идея является одной изъ главныхъ причинъ разложенія монархіи. *Ibid.*, кн. VIII, гл. VI (Сочиненія, т. III, стр. 309).

⁴⁾ См. далѣе, кн. V, гл. I и II.

гражданина. Съ этой точки зрѣнія свобода состоитъ «въ увѣренности гражданина въ своей безопасности или въ томъ мнѣніи, которое онъ имѣетъ о своей безопасности» ¹⁾. Такъ какъ безопасности гражданина главнымъ образомъ угрожаютъ «обвиненія публичнаго или частнаго характера» ²⁾, то его свобода, прежде всего, зависитъ отъ характера уголовныхъ законовъ ³⁾. Последніе тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе жестоко они караютъ и чѣмъ «устойчивѣе основанія» для приговоровъ.

Мы видимъ здѣсь пока еще скромное и почти боязливое появленіе идеи правъ гражданина въ ихъ оппозиціи правамъ государства ⁴⁾. Безъ сомнѣнія, Монтэскьё только даетъ починъ движенію и оставляетъ много работы своимъ послѣдователямъ. Въ сущности, онъ стоитъ на чисто практической точкѣ зрѣнія «безопасности»; и требуемое имъ право представляетъ собою лишь уваженіе частныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, за одно то, что Монтэскьё ставитъ эти интересы на первое мѣсто и, отчасти, подчиняетъ имъ государственный строй, онъ заслуживаетъ причисленія къ индивидуалистамъ.

¹⁾ *Esprit des Lois* кн. XII, гл. I (т. IV, стр. 59).

²⁾ *Ibid.*, кн. XII, гл. II (т. IV, стр. 61).

³⁾ *Ibid.*, кн. XII, гл. II (т. IV, стр. 61).

⁴⁾ Главы XI, XII, XIII книги XII *Духа Законовъ* содержатъ требованіе свободы мысли, слова и печати. Не слѣдуетъ забывать, однако, что Монтэскьё ставитъ границы всѣмъ этимъ видамъ свободы и, на примѣръ, не доходитъ до терпимости къ свободѣ культа. „Государственная религія, умѣренная индифферентностью большинства и невѣріемъ избранныхъ, кажется ему, по существу, предпочтительнѣе соперничества сектъ“. A. Sorci, *Montesquieu* (Collection des grands écrivains, стр. 113).

Напоминая содержаніе той книги *Духа Законовъ*, которая посвящена законодательству и законодателю ¹⁾; мы не изложимъ всей политической философіи Монтэскьё, но отмѣтимъ еще одно существенное направленіе его мысли.

Въ данномъ случаѣ Монтэскьё расходится со своими современниками. По его мнѣнію, не законодательство формируетъ духъ и нравы народа, а, наоборотъ, нравы народа опредѣляютъ характеръ законовъ. Существуютъ, правда, «отношенія справедливости, предшествующія устанавливающему ихъ положительному закону» ²⁾. Но кромѣ того, что гражданскіе и политическіе законы являются только видами одного общаго закона, «который обнимаетъ всю природу», они всегда должны «подходить къ народу, для котораго создаются» и сообразоваться съ совокупностью условій, среди которыхъ живетъ этотъ народъ ³⁾. Мало того: самъ законодатель въ глазахъ Монтэскьё представляется простымъ смертнымъ, обладающимъ «предразсудками и страстями». Создаваемые имъ законы постоянно сталкиваются съ этими страстями и предразсудками. «Иногда они проходятъ сквозь эти послѣдніе, принимая отъ нихъ лишь нѣкоторую окраску, иногда же задерживаются ими и съ ними сливаются» ⁴⁾. А что сказать о законахъ, плохо продуманныхъ и противорѣчащихъ той цѣли, для которой они предназначены? ⁵⁾. Трудно, кажется, придавать большее значеніе вліянію чело-

¹⁾ *Esprit des Lois*, кн. XXIX (т. V, стр. 379).

²⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. I (т. III, стр. 91).

³⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. III (т. III, стр. 99).

⁴⁾ *Ibid.*, кн. XXIX, гл. XIX (т. V, стр. 114).

⁵⁾ *Ibid.*, кн. XXIX, гл. IV (т. V, стр. 383).

вѣческихъ недостатковъ на установленіе, которое Руссо, слѣдуя Босюэ, назоветъ чѣмъ-то «сверхчеловѣческимъ» и предполагающимъ «чудо».

Послѣдняя черта: законодатель, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, долженъ еще остерегаться злоупотреблять своими принципами, каковы бы они ни были. Онъ долженъ руководиться «духомъ умѣренности». «Политическое благо, какъ и благо моральное, всегда находится между двумя предѣлами» ¹⁾. Монтэскьё настаиваетъ на этомъ аристотелевомъ положеніи, часто его приводитъ и заявляетъ довольно рѣдкимъ у него торжественнымъ тономъ, что *Духъ Законовъ* написанъ почти исключительно для доказательства этой истины ²⁾.

Такимъ образомъ, теорія законодательства и теорія политической свободы пробиваютъ брешь въ традиціонныхъ истинахъ, принятыхъ въ эпоху Монтэскьё. Не отъ него зависѣло, что исторія политическихъ идей не пошла съ тѣхъ поръ по иному пути, что опредѣленные, положительныя проблемы и методъ, пригодный для рѣшенія ихъ, не заняли въ стремленіяхъ публицистовъ того мѣста, которое до сихъ поръ занимали другія изысканія, производившіяся посредствомъ совершенно иного метода. Но какова бы ни была съ этой стороны заслуга *Духа Законовъ*, онъ интересуется насъ здѣсь только заключающимися въ немъ элементами индивидуализма, которые мы и попытались выдѣлить.

¹⁾ *Esprit des Lois*, кн. XXIX, гл. I (т. V, стр. 379).

²⁾ „Я уже сказалъ и, мнѣ кажется, все это сочиненіе написано мною лишь съ цѣлью доказать, что духъ умѣренности долженъ быть духомъ законодателя...“ *Ibid.*, кн. XXIX, гл. I (т. V, стр. 379).

III.

Говорятъ, что японскіе фокусники, на глазахъ зрителей, разсѣкаютъ ребенка на части; затѣмъ они бросаютъ въ воздухъ одинъ за другимъ всѣ его члены, и ребенокъ падаетъ внизъ цѣлымъ и невредимымъ. Почти такіе же фокусы продѣлываютъ наши политики: расчленивъ социальное тѣло посредствомъ престижитаціи, достойной ярмарки, они какимъ-то таинственнымъ путемъ собираютъ куски его во едино ¹⁾».

Не трудно было догадаться, что эти строки *Общественнаго договора* представляютъ критику *Духа Законовъ*, а «престижитація, достойная ярмарки» намекаетъ на содержаніе знаменитой главы объ англійской конституціи.

Изъ верховнаго владыки, продолжаетъ Руссо, дѣлаютъ «фантастическое существо, составленное изъ отдѣльныхъ частей; все равно, какъ если бы составили человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ одно имѣло бы только глаза, другое—руки, третье—одну ногу» ²⁾. Это—по поводу теоріи трехъ властей. Нельзя впасть, по мнѣнію Руссо, въ болѣе тяжкое и, такъ сказать, болѣе святотатственное заблужденіе; вѣдь эта теорія покушается на понятіе верховной власти—фундаментъ социальнаго порядка, служащій основой всѣхъ правъ и самъ по себѣ «священный» ³⁾.

1) *Contrat social*, кн. II, гл. II.

2) *Ibid.*, кн. II, гл. II.

3) *Ibid.*, кн. I, гл. I.

Итакъ, въ *Общественномъ договорѣ* Руссо прежде всего пытается возстановить истинное понятіе о верховной власти, совершенно искаженное Монтэскьё. Верховная власть не дѣлима¹⁾, не отчуждаема²⁾, не погрѣшима³⁾, абсолютна⁴⁾. Будучи абсолютной, она не имѣетъ нужды ограничивать себя раздѣленіемъ на части; будучи не погрѣшимой, она не нуждается въ «гарантіяхъ» по отношенію къ подданнымъ⁵⁾; будучи не отчуждаемой, она живетъ въ «коллективномъ существѣ», которое можетъ имѣть представителемъ только самого себя⁶⁾; будучи не дѣлимой, она допускаетъ лишь «эманации», но не дѣленіе на части⁷⁾. Такъ, вмѣстѣ съ теоріей трехъ властей устраняется идея искусственнаго строя, предназначеннаго поддерживать политическую свободу, а также идея народного представительства. Верховная власть, опредѣленная вышеуказаннымъ образомъ, принадлежитъ «общественному лицу», образовавшемуся изъ соединенія частныхъ лицъ⁸⁾ въ тотъ день, когда люди отказались отъ естественнаго состоянія, ставшаго невыносимымъ, и заключили между собой общественный договоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, возможны только три гипотезы для выясненія происхожденія политической ассоціа-

1) *Contrat social*, кн. II, гл. II.

2) *Ibid.*, кн. II, гл. I.

3) *Ibid.*, кн. II, гл. III.

4) *Ibid.*, кн. II, гл. IV.

5) *Ibid.*, кн. I, гл. VII.

6) *Ibid.*, кн. II, гл. I.

7) „Депутаты народа не являются и не могутъ быть его представителями: они только его довѣренныя“. *Ibid.*, кн. III, гл. XV.

Ibid., кн. I, гл. VI.

ціи. Или сила ¹⁾, или повелѣніе свыше, передающее власть нѣсколькимъ избранныкамъ ²⁾, или договоръ, статьи котораго, «опредѣленныя самою природою совершаемаго акта», не требуютъ формальнаго выраженія для того, чтобы быть ясными, и въ сущности сводятся къ одному: «къ полному отреченію cadaго изъ договаривающихся отъ самого себя и всѣхъ своихъ правъ въ пользу общаго цѣлаго» ³⁾. Первыя двѣ гипотезы Руссо опровергаетъ съ несравненной силой діалектики и краснорѣчія; остается третья гипотеза, слѣдствія которой мы сейчасъ увидимъ.

Договоръ замѣняетъ договаривающихся «общественнымъ лицомъ». Нѣкогда лицо это называлось *гражданской общиной* (*cité*); теперь, говоритъ Руссо, его называютъ *республикой*, или *политическимъ тѣломъ*. Члены этого политическаго тѣла называютъ его *государствомъ* когда оно «пассивно», а когда «активно», — «государемъ» ⁴⁾. Слѣдовательно, для Руссо государство есть политическое тѣло во всемъ его объемѣ, «народъ, какъ таковой», а не «масса» ⁵⁾. Значитъ, государемъ является тотъ же самый народъ въ «активномъ» состояніи. Изъ сопоставленія этихъ опредѣленій для насъ выясняется, почему критики

1) *Contrat social*, кн. I, гл. III.

2) *Ibid.*, кн. I, гл. II.

3) *Ibid.*, кн. I, гл. V и VI.

4) *Ibid.*, кн. I, гл. VI.

5) *Ibid.*, кн. I, гл. V. — Эти выраженія встрѣчаются также у Боссюэ и Гоббса; безразлично, Боссюэ ли заимствовалъ ихъ у Гоббса вмѣстѣ съ нѣкоторыми идеями своей *Политики*, какъ полагали нѣкоторые (G. Lanson, Bossuet), или скорѣе, какъ мы полагаемъ, и Боссюэ и Гоббсъ говорили самостоятельно, пользуясь политическимъ языкомъ своего времени.

и историки ¹⁾ пришли къ выводу, что Руссо только перенесъ верховенство государя на народъ, побудилъ послѣдній присвоить себѣ знаменитое выраженіе: «государство, это—я».

При всей своей правильности, это сужденіе не отмѣчаетъ, однако, заключающейся во взглядахъ Руссо значительной новизны. Съ того момента, какъ государствомъ становится весь народъ, мои жертвы въ пользу государства и обязанности по отношенію къ нему являются, съ извѣстной точки зрѣнія, жертвами и обязанностями по отношенію къ самому себѣ; такъ что, въ моментъ своего наибольшаго подчиненія государству, я, въ извѣстномъ смыслѣ, все-таки независимъ. Эту независимость Руссо ставить на видъ, когда требуетъ для гражданина свободы, какъ перваго изъ правъ, и запрещаетъ ему отказываться отъ этого права въ пользу какого-либо властителя, соглашаться на свое рабство ²⁾. Правда, Руссо очень слабо развиваетъ этотъ принципъ въ его практическомъ примѣненіи. Занятый прежде всего сохраненіемъ верховенства во всей его полнотѣ, онъ недостаточно отмѣчаетъ границы верховной власти, хотя и признаетъ, что онѣ существуютъ и должны существовать ³⁾. Гражданинъ у него кажется предоставленнымъ всемогуществу государства; и мало сказать «кажется», когда рѣчь идетъ о системѣ, въ которой самая жизнь гражда-

¹⁾ Срвн. особенно Taine, *Origines de la France contemporaine, l'Ancien Regime* (стр. 321) и A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 108).

²⁾ *Contrat social*, кн. I, гл. IV.

³⁾ *Ibid.*, кн. II, гл. IV.

нина квалифицирована какъ «условный даръ государства» ¹⁾. Но не слѣдуетъ забывать, что у Руссо гражданинъ самъ въ извѣстномъ смыслѣ является государствомъ, и его подчиненіе, въ сравненіи съ подчиненіемъ монарху при деспотическомъ режимѣ, представляется все-таки независимостью.

Общественный договоръ не только создаетъ политическую ассоціацію и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ людямъ извѣстныя выгоды, которыми они не пользовались въ естественномъ состояніи,—онъ открываетъ имъ область права и морали ²⁾.

Онъ открываетъ область права, такъ какъ замѣняетъ «законнымъ равенствомъ» ³⁾ неравенство, существовавшее отъ природы между людьми;—область морали, такъ какъ индивидуумъ, въ естественномъ состояніи думавшій только о себѣ и подчинявшійся физическому импульсу, отнынѣ обязанъ «совѣщаться съ разумомъ» ⁴⁾. Такимъ образомъ, «его способности упражняются и развиваются, идеи расширяются, чувства облагораживаются» ⁵⁾. Ко всѣмъ этимъ благодѣяніямъ гражданскаго строя необходимо присоединить еще обладаніе «моральной свободой», которую Руссо удачно опредѣляетъ какъ «повиновеніе предписанному самимъ себѣ закону» ⁶⁾. Впрочемъ, онъ не настаиваетъ на философскомъ значеніи слова свобода и даже упрекаетъ себя за то, что слишкомъ

1) *Contrat social*, кн. II, гл. V.

2) *Ibid.*, кн. I, гл. IX.

3) *Ibid.*, кн. I, гл. IX.

4) *Ibid.*, кн. I, гл. VIII.

5) *Ibid.*, кн. I, гл. VIII.

6) *Ibid.*, кн. I, гл. VIII.

много говорилъ объ этомъ постороннемъ предметѣ. Но попытка его оказалась плодотворной. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ думать, будто Руссо снова приводитъ насъ къ доктринѣ Боссюэ или Гоббса, разъ онъ ищетъ происхожденіе права въ политической ассоціаціи. Последняя создаетъ право только потому, что открываетъ человѣку его разумъ и свободу. Свобода и разумъ—элементы, изъ которыхъ Кантъ создастъ моральную личность. Слѣдовательно, Руссо даетъ Канту точку отправленія для его правовой доктрины; и на то немногое, что онъ самъ говоритъ объ этомъ предметѣ, нужно смотрѣть не какъ на воспоминаніе о прошломъ, а какъ на предвареніе будущаго.

Отмѣтимъ также слово «справедливость» ¹⁾, употребляемое Руссо на ряду со словами «право» и «нравственность». Гражданская ассоціація обязываетъ человѣка быть справедливымъ. Этимъ выраженіемъ впослѣдствіи воспользуются социалисты и извлекутъ изъ него такіе выводы, которыхъ не извлекъ самъ Руссо. Въ данномъ случаѣ онъ является только отголоскомъ греческихъ философовъ, которые, признавая «неписанные законы» предшествовавшими законамъ человѣческимъ—Руссо также допускаетъ, что справедливое и несправедливое таковы «по природѣ»—подчиняли, однако, мораль политикѣ и полагали, что государство создаетъ обязанности своихъ членовъ.

1) *Contrat social*, кн. I, гл. VIII: „Переходъ отъ естественнаго состоянія къ гражданскому производитъ въ человѣкѣ весьма замѣчательную перемѣну, замѣняя въ его поведеніи инстинктъ справедливостью...“

Устанавливая необходимость «гражданского повиновения вѣры», которому гражданинъ обязанъ подчиниться подѣ страхомъ изгнанія и, присягнувъ, обязанъ соблюдать подѣ страхомъ смерти за измѣну¹⁾, Руссо опять-таки воспроизводитъ античную идею. Мы узнаемъ здѣсь понятіе «моральнаго единства человѣческой жизни», уничтоженное христіанствомъ, отдѣлившимъ духовную власть отъ свѣтской. Безъ этого единства, по мнѣнію Руссо, нѣтъ жизнеспособнаго общества, нѣтъ хорошей «политіи»²⁾. Одинъ Гоббсъ понялъ это зло и указалъ лѣкарство: только онъ пожелалъ «соединить обѣ головы орла»³⁾.

Въ этой формулѣ, проникнутой настоящимъ духомъ античнаго государства, заключается все содержаніе главы *Общественнаго договора* — «*О гражданской религіи*»⁴⁾, главы, оказавшей такое вліяніе на исторію французской Революціи. Въ данномъ случаѣ Руссо является человѣкомъ древняго міра, а потому несправедливо обращаться къ нему съ банальнымъ возраженіемъ, будто онъ великолѣпно говоритъ о свободѣ, а, между тѣмъ, даетъ государству всепоглощающую власть, простирающуюся даже на совѣсть гражданина. Свобода, о которой говоритъ Руссо, заключается въ участіи гражданъ въ верховной власти; это, по блестящему опредѣленію Бенжамена Констана, свобода на античный ладъ, столь не похожая на свободу новаго времени⁵⁾.

1) *Contrat social*, кн. IV, гл. VIII.

2) *Ibid.*, кн. I, гл. IV.

3) *Ibid.*, кн. IV, гл. VIII.

4) *Ibid.*, кн. IV, гл. VIII.

5) См. далѣе, кн. III, гл. II.

То же самое, наконецъ, можно сказать и о теоріи законодательства. Законодатель является руководителемъ «общей воли», выраженіемъ которой служатъ законы. Всегда непогрѣшимо справедливая въ томъ, что она возвѣщаетъ, общая воля нуждается въ предварительномъ просвѣтленіи. Въ этомъ—«миссія» законодателя. Для того, чтобы выполнить эту миссію, необходимо стоять выше человѣческихъ страстей, и въ то же время понимать ихъ; нужно знать чело-вѣческую природу и не раздѣлять ея слабостей; нужно, однимъ словомъ, быть «божествомъ»¹⁾. Гражданскій порядокъ порываетъ съ естественнымъ порядкомъ.

Мы видимъ здѣсь основной пунктъ различія воззрѣній Руссо и Монтэскье: послѣдній объединяетъ чело-вѣка и природу, а первый снова разъединяетъ ихъ, снова, по выраженію Спинозы, дѣлаетъ изъ чело-вѣка «государство въ государствѣ». Что такое индивидуумъ въ естественномъ состояніи? «Цѣлое, совершенное и одинокое». Чѣмъ становится онъ благодаря обществу и закону? Частью болѣе обширнаго цѣлаго, отъ котораго онъ получаетъ новую жизнь. Послѣ существованія «физическаго и независимаго», которое мы ведемъ по природѣ, наступаетъ «существованіе въ качествѣ части цѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ моральное», которое намъ даетъ законъ. Получается въ буквальномъ смыслѣ слова вторичное рожденіе. Нужно умереть для природы, чтобы возродиться для государства²⁾. И виновникомъ этого вторичнаго рожденія является законодатель.

¹⁾ *Contrat social*. кн. II, гл. VII.

²⁾ „Однимъ словомъ, необходимо, чтобы онъ (законодатель) отнялъ у чело-вѣка его собственныя силы и далъ ему чужія,

Какое противорѣчіе! Въ то самое время, какъ законодатель выполняетъ эту сверхчеловѣческую задачу, онъ не имѣетъ не только опредѣленной власти, но даже опредѣленнаго и нормальнаго положенія въ государствѣ. Онъ ни государь, ни должностное лицо; онъ—ничто, но можетъ все. Прибавьте еще, что это необыкновенное, чтобы не сказать сверхъестественное, существо говорить и должно говорить людямъ такимъ языкомъ, котораго они не могутъ понять. Чтобы законодателя поняли, необходимо, до установленія законовъ, развитіе «общественнаго духа», который долженъ быть дѣломъ законовъ; чтобы люди, до законовъ, были такими, какими они должны стать благодаря имъ ¹⁾. Поэтому легко объясняется обращеніе древнихъ законодателей къ авторитету неба ²⁾. Когда подумаешь объ этихъ и другихъ еще трудностяхъ, любезно перечисленныхъ Руссо, является вопросъ: существуютъ ли въ новомъ мірѣ народы, способные къ законодательству? Только одинъ, отвѣчаетъ Руссо: корсиканцы ³⁾.

Одной изъ характерныхъ чертъ *Общественнаго договора* является то, что можно было бы назвать логическимъ фанатизмомъ. Руссо объявляетъ свой политическій идеалъ недоступнымъ, и объявляетъ въ ту самую минуту, когда формулируетъ его.

которыми онъ не могъ бы пользоваться безъ посторонней помощи. Чѣмъ полнѣе эти естественныя силы умираютъ и уничтожаются, тѣмъ больше и крѣпче становятся пріобрѣтенныя вмѣсто нихъ...“ *Contrat social*, кн. II, гл. VII.

1) *Ibid.*, кн. II, гл. VII.

2) *Ibid.*, кн. II, гл. VII.

3) *Ibid.*, кн. II, гл. X.

Законодатель стоитъ выше человѣчества ¹⁾. Законодательство — такой актъ, для выполненія котораго требуется наличность столь рѣдкихъ обстоятельствъ, что они почти не вѣроятны. Образцовое государство ни велико, ни мало и такъ точно вымѣрено въ отношеніи пространства и числа жителей, что совсѣмъ не встрѣчается на картѣ Европы ²⁾. Одно демократическое правленіе рационально; только оно одно можетъ соответствовать выставленнымъ принципамъ. Но какія трудныя или, быть-можетъ, даже невыполнимыя условія требуются для этого! «Если взять этотъ терминъ во всей его строгости, то истинной демократіи никогда не существовало и никогда не будетъ существовать» ³⁾. Такой же процессъ мысли привелъ стоиковъ къ выраженію, что мудреца не существуетъ, а Канта — къ положенію, что на землѣ никогда не совершалось ни одного истинно добраго поступка.

Такимъ образомъ, Руссо не только перенесъ верховенство съ государя на народъ — и мы сейчасъ пришли къ заключенію, что это слишкомъ общее сужденіе, по меньшей мѣрѣ, не полно — но, кромѣ того, возобновилъ связь между политикой и моралью, причемъ подчинилъ не политику морали, подобно Гольбаху, а мораль политикѣ, подобно философамъ античнаго міра. Вслѣдствіе этого вновь очутились на виду игнорировавшіяся теоретиками административно-абсолютной монархіи отношенія между идеей

¹⁾ „Великая душа законодателя—настоящее чудо, которое должно свидѣтельствовать объ его миссіи“. *Contrat social*, кн. II, гл. VII.

²⁾ *Ibid.*, кн. III, гл. XV.

³⁾ *Ibid.*, кн. III, гл. IV.

государства и идеями права и справедливости. Идеализм занялъ мѣсто реализма стараго порядка. Старый порядокъ имѣлъ въ виду только могущество государства. Руссо также желаетъ, безъ сомнѣнія, чтобы государство было сильнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ, чтобы оно было справедливымъ. Его богатая и сложная мысль допускаетъ многообразіе элементовъ, которые, разобщившись, дадутъ начало весьма различнымъ концепціямъ.

Если социализмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ведетъ свое происхожденіе отъ Руссо, то индивидуализмъ обязанъ ему еще болѣе, потому что онъ выставилъ во всей полнотѣ идею политическаго равенства на почвѣ участія всѣхъ въ верховной власти, трудился для возвышенія членовъ гражданского и политическаго общества и положилъ основаніе философіи права ¹⁾).

¹⁾ Недостаточно отмѣчено стараніе Руссо придать въ *Общественномъ договорѣ* большую точность нѣкоторымъ терминамъ политическаго языка, употреблявшимся до тѣхъ поръ въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ значеніи. Впрочемъ, это стремленіе довольно часто приводитъ его къ излишнимъ тонкостямъ. См. опредѣленія: *государя* — кн. I, гл. VI, VII; *государства* (недостаточно содержательное) — кн. I, гл. VI и кн. III, гл. II; *правительства* — кн. III, гл. I. — Срвн. въ *Письмахъ съ горы* (*Lettres écrites de la Montagne*, ч. 1-я, письмо V) то мѣсто, гдѣ самъ Руссо указываетъ свое намѣреніе. Онъ говоритъ, что хотѣлъ въ *Общественномъ договорѣ* „фиксировать точный смыслъ выраженій, которыя нарочно оставляли неопредѣленными, чтобы, смотря по необходимости, придавать имъ любое значеніе, по своему желанію“. И прибавляетъ (*loc. cit.*): „Вообще, руководители республикъ ужасно любятъ пользоваться языкомъ монархій. Изъ любви къ терминамъ, которые кажутся священными, они мало-по-малу научаются дѣлать вещи, обозначенныя этими терминами“.

IV.

Кондорсэ продолжает и дополняет Руссо. Взгляды *Общественнаго договора* на верховенство народа, на естественное право, на равенство правъ, но не положеній, на равноцѣнность моральныхъ личностей—приняты и, смотря по необходимости, получили болѣе опредѣленности или полноты въ *Наброскѣ исторической картины успѣховъ человеческого ума*.

Подобно Руссо, Кондорсэ говоритъ о Монтэскьё, его методѣ и духѣ его сочиненій со смѣсью пренебреженія и ироніи; точно такъ же и объ англійской конституціи ¹⁾.

Монтэскьё забываетъ о томъ, что всѣ люди, по самой природѣ своей, обладаютъ «равными правами», а тѣ права, которыя онъ соглашается признать за ними,—хочетъ поставить въ зависимость отъ величины территоріи, отъ «температуры климата», отъ національнаго характера, и проч.! Онъ желаетъ, кромѣ того, путемъ признанія извѣстныхъ привилегій за происхожденіемъ и профессіями, создать «противоположные интересы, противоположныя власти», для того, чтобы затѣмъ привести ихъ въ равновѣсіе. Но это—политика «коварная и ложная».

Англійская конституція кажется Кондорсэ «рабской и продажной» ²⁾ именно потому, что въ ней паритъ такой духъ. Это—«полусвободная» ³⁾ конституція, не обезпечивающая политическаго равенства. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ не можетъ быть истинной

¹⁾ См. его сужденіе объ историческомъ духѣ и методѣ: *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*, изд. Agasse, 9-я эпоха (стр. 254).

²⁾ *Ibid.*, 10-я эпоха, стр. 338.

³⁾ *Ibid.*, 9-я эпоха, стр. 281 и 340.

свободы, гдѣ «положительное право распредѣлено неравномѣрно» ¹⁾; точно такъ же и тамъ, гдѣ принимаютъ въ расчетъ выгоду, а не право. Удивляются услугамъ, оказаннымъ англійской аристократіей, которая въ борьбѣ съ королевской властью отождествляетъ свои интересы съ интересами народа. Кондорсе полагаетъ, напротивъ, что уничтоженіе французской аристократіи съ избыткомъ вознаграждаетъ народъ за потерю нѣкоторыхъ «правъ», и королевская власть оказала большую услугу націи, принижая и разоряя знать ²⁾. Тождество интересовъ представляетъ «лишь слабое и лицемѣрное добавленіе къ равенству правъ» ³⁾. Настоящая свободная конституція должна предоставлять народу верховенство и опираться на понятіе о правѣ, ничѣмъ не связанномъ съ выгодой. Такова именно французская конституція, и въ этомъ ея очевидное превосходство надъ англійской и надъ американскими ⁴⁾.

Освященіе естественныхъ правъ и мирное пользованіе ими—вотъ «единственно полезная политика».— «Соціальное искусство» было бы совершенно бесполезно, если бы оно не могло «гарантировать сохраненіе этихъ правъ, при наиболѣе полномъ равенствѣ ихъ и возможно большемъ объемѣ» ⁵⁾. Верховенство народа является закономъ для каждаго общества, желающаго пользоваться равенствомъ. Выраженіемъ верховенства служитъ большинство голосовъ. Гражданинъ напередъ соглашается присоединиться

1) *Esquisse*, 9-я эпоха, стр. 238.

2) *Ibid.*, 9-я эпоха, стр. 239—240.

3) *Ibid.*, 9-я эпоха, стр. 281.

4) *Ibid.*, 9-я эпоха, стр. 278.

5) *Ibid.*, 9-я эпоха, стр. 240.

къ вотуму большинства, но съ однимъ условіемъ, чтобы большинство никогда «не нарушало разъ признанныхъ имъ правъ личности» ¹⁾).

Впослѣдствіи, изучая, какъ индивидуалисты XVIII вѣка понимали отношенія между государствомъ и индивидуумомъ, мы увидимъ, что Кондорсэ не ограничивается теоретическимъ требованіемъ уваженія къ естественнымъ правамъ, но, кромѣ того, приглашаетъ общество практически обезпечить реальное пользованіе ими для всѣхъ своихъ членовъ. Пока я хотѣлъ только указать на автора *Наброска*, какъ на рѣшительнаго защитника естественнаго права. Подобно Руссо, онъ не дошелъ, однако, до метафизической основы своего принципа, хотя и чувствовалъ, — и даже выразилъ это весьма замѣчательнымъ образомъ, — что между метафизикой и проблемами соціально-политической жизни существуетъ извѣстное соотношеніе. Какъ и Руссо, онъ останавливается на порогѣ философіи права, основателями которой нужно считать Канта и Фихтэ.

Кантъ точно такъ же отправляется отъ гипотезы *естественнаго состоянія*, за которымъ слѣдуетъ состояніе *гражданское* ²⁾, а не общественное, потому что само общество, въ формѣ семьи, является прежде всего естественнымъ явленіемъ. Впрочемъ, Кантъ не останавливается на характеристикѣ естественнаго состоянія. Не все ли равно, было ли оно состояніемъ мира и невинности, или войны и несправедливости? Во всякомъ случаѣ оно было «состояніемъ, лишеннымъ всякой законной гарантіи» ³⁾.

¹⁾ *Esquisse*, 9-я эпоха, стр. 240.

²⁾ *Metaphysik der Sitten, Rechtslehre*, часть 1-я, гл. III, § 41.

³⁾ *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 44.

И люди покинули его не ради одной выгоды: ихъ побуждалъ къ этому также долгъ; они чувствовали себя обязанными обезпечить уваженіе къ естественному праву, окружить это право надлежащими гарантіями.

Слѣдовательно, по мнѣнію Канта, существуетъ естественное право, предшествующее организаціи гражданского общества, и послѣднее обезпечиваетъ пользованіе имъ не ради какихъ-либо цѣлей, а по обязанности ¹⁾. Замѣтьте, какъ въ данномъ случаѣ Кантъ дополняетъ Руссо. У автора *Общественнаго договора* переходъ отъ естественнаго состоянія къ общественному является, до нѣкоторой степени, случайнымъ, неожиданнымъ. Онъ произошелъ, и люди остались этимъ очень довольны; но онъ могъ и не произойти; кромѣ того, строго разсуждая, можно предположить, что общественный договоръ будетъ нарушенъ, и вновь наступитъ естественное состояніе. Для Канта идея случайнаго нарушенія общественнаго договора морально не допустима. Это нарушеніе не можетъ произойти безъ прямого нарушенія долга.

Кантъ не только лучше Руссо выясняетъ переходъ отъ естественнаго состоянія къ общественному. онъ болѣе углубляетъ самое понятіе естественнаго права, открывая принципъ послѣдняго — свободу.

«Единственное, прирожденное право, которымъ каждый обладаетъ только потому, что онъ человѣкъ», это—право принадлежать самому себѣ, право быть своимъ собственнымъ господиномъ, — «свобода» ²⁾. Свобода является источникомъ и права и морали:

¹⁾ *Rechtslehre*, Прибавленіе къ Введенію.

²⁾ *Ibid.*, Прибавленіе къ Введенію.

мораль регулируетъ внутреннее пользованіе ею, право — внѣшнее. Свобода каждого не нарушима и вооружена способностью принуждать другихъ уважать ее. Отсюда — опредѣленіе права, ясно показывающее различіе между порядкомъ чисто моральнымъ и порядкомъ правовымъ: право есть «возможность сплошнаго взаимнаго принужденія, согласующагося, сообразно всеобщимъ законамъ, со свободой каждого» ¹⁾.

Такъ завершается у Канта развитіе новѣйшей теоріи естественнаго права. Гроцій освободилъ естественное право отъ теологіи, Томазій—отъ морали; Лейбницъ и Вольфъ снова сблизили его съ теологіей и моралью, не безъ опасности и не безъ вреда для политической свободы. Кантъ возвращаетъ свободу на свое мѣсто: дѣло капитальной важности, потому что здѣсь жизненный узелъ всякаго индивидуализма, здѣсь основной пунктъ различія между теоріями, ставящими цѣлью государства царство права, и теоріями, навязывающими государству или полицейскія обязанности, или провиденціальную миссію по отношенію къ гражданамъ.

Канта можно обвинять въ томъ, что на практикѣ онъ поступался выводами теоріи; тѣмъ не менѣе, въ противовѣсъ полицейскому государству, онъ далъ формулу «правового государства» ²⁾, по терминологіи Блюнчли, формулу болѣе законченную, чѣмъ у Руссо и Кондорсэ, и менѣе парадоксальную, чѣмъ у Фихтэ.

1) *Rechtslehre*, Введеніе, § E.

2) Антитеза *Rechtstaat* и *Polizeistaat*, впрочемъ, очень употребительна въ Германіи.

Политическій формализмъ Канта отмѣчается такой же строгостью, какъ и формализмъ моральный; и это объясняется аналогичными причинами. Какъ въ области морали онъ хочетъ дѣйствовать противъ характерной для его эпохи чрезмѣрной роли чувства, такъ въ политикѣ онъ хочетъ дѣйствовать противъ чрезмѣрной роли общественной власти въ жизни гражданъ, противъ злоупотребленія отеческимъ правленіемъ ¹⁾. Строго разсуждая, государство, какъ онъ его понимаетъ, имѣетъ только одну задачу: исполнять роль часового, поставленнаго для охраны правъ личности отъ посягательства на нихъ.

Но возвратимся къ деталямъ теоріи Канта. Образование гражданскаго общества влечетъ въ собою переходъ отъ *частнаго права* къ *публичному* ²⁾. Индивидуумы, бывшіе до тѣхъ поръ изолированными, образуютъ отнынѣ народъ, и государство (*civitas*) представляетъ не что иное, какъ «цѣлое по отношенію къ своимъ собственнымъ частямъ» ³⁾. Кантъ очень заботливо отмѣчаетъ совершенно раціональную и *априорную* природу своихъ изысканій. Онъ имѣетъ въ виду не какое-либо опредѣленное государство, напримѣръ — Пруссію, а государство идеальное, государство, «какимъ оно должно быть согласно чистымъ принципамъ права» ⁴⁾.

Актъ, посредствомъ котораго народъ образуетъ государство, или, скорѣе, «простая идея этого акта», позволяющая считать его законнымъ, «есть первоначальный договоръ, въ силу коего всѣ отдѣльныя лица.

1) *Rechtslehre*, часть 2-я, 1-й отд., § 49.

2) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 43.

3) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 43.

4) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 44.

составляющія народъ, отказываются отъ своей внѣшней свободы, чтобы тотчасъ же снова обрѣсти ее въ качествѣ членовъ государства» ¹⁾. Это уже извѣстная намъ формула Руссо, съ тою разницею, что Кантъ не требуетъ со стороны индивидуума, при вступленіи послѣдняго въ государство, никакой жертвы. Онъ не лишается части своей свободы ради того, чтобы вѣрнѣе пользоваться остальнымъ: онъ отказывается отъ «дикой и безпорядочной свободы», для того, чтобы «найти свою свободу во всей ея полнотѣ въ легальной зависимости, въ правовомъ состояніи» ²⁾.

I-13.
А вотъ въ чемъ сказывается вліяніе теорій Монтэскьё: «каждое государство заключаетъ въ себѣ три вида власти». Кантъ дѣлаетъ поправку: эти власти не равны между собой. Одна изъ нихъ, законодательная, является верховной. Она можетъ принадлежать только «коллективной волѣ народѣ», выраженной гражданами посредствомъ голосованія. Исполнительная власть «подчинена закону, обязана имъ» ³⁾. Законодательная власть, какъ истинный властелинъ, можетъ даже лишить ее своихъ полномочій, смѣстить ее. Что касается судебной власти, она устанавливается исполнительной властью ⁴⁾. Согласіе этихъ трехъ властей гарантируетъ «благоденствіе государства», которое, по замѣчательному опредѣленію Канта, состоитъ не «въ благосостояніи и счастьѣ гражданъ», чего также хорошо и, быть - можетъ, даже вѣрнѣе

1) *Rechtslehre*, часть 2-я, 1-й отд., § 47.

2) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 47.

3) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 49.

4) *Ibid.*, часть 2-я, 1-й отд., § 49.

можно достигнуть путемъ деспотизма, но въ торжествѣ права и свободы ¹⁾).

До сихъ поръ логикъ давалъ себѣ полную волю; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человекъ своего времени и своей страны, Кантъ находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ того зрѣлища, которое представляло тогда прусское правленіе, а также подъ впечатлѣніемъ крайностей французской Революціи. Отсюда — странныя ограниченія выставленныхъ принциповъ и еще болѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами формулъ.

Кантъ провозглашаетъ верховенство народа и право гражданъ выражать его посредствомъ голосованія; но онъ отказываетъ народу въ правѣ обсуждать, если не акты, то во всякомъ случаѣ происхожденіе установленной власти ²⁾. Онъ даетъ главѣ государства, «регенту», только права по отношенію къ подданнымъ, но не обязанности ³⁾, и не признаетъ за народомъ власти — можно догадаться, подъ вліяніемъ какихъ воспоминаній — наказывать главу государства, не исполнившаго своихъ обязанностей ⁴⁾.

¹⁾ „Не слѣдуетъ понимать подъ этимъ благосостояніе и счастье гражданъ, ибо весьма возможно, что эта цѣль достигается гораздо вѣрнѣе и удобнѣе, какъ предполагаетъ и Руссо, въ естественномъ состояніи или при деспотическомъ правленіи: я имѣю въ виду состояніе наибольшаго согласованія государственнаго строя съ принципами права, — состояніе, къ которому, въ силу категорическаго императива, заставляетъ насъ стремиться разумъ“. *Rechtslehre*, ч. 2-я, 1-й отд., § 49.

²⁾ *Ibid.*, часть 2-я, Allgemeine Anmerkung A.

³⁾ *Ibid.*, *loc. cit.* — Срвн. статью, озаглавленную *Ueber den Gemeinspruch: das mag in der Theorie richtig sein... etc.* (Сочиненія, т. VIII, стр. 208, Rosenkranz)

⁴⁾ *Ibid.*, часть 2-я, Allgemeine Anmerkung A и E.

Онъ осуждаетъ право мятежа и допускаетъ только легальное и въ нѣкоторомъ родѣ отрицательное сопротивление ¹⁾. Наконецъ, признавъ сначала законодательную власть принадлежащей коллективной волѣ гражданъ, онъ даетъ слѣдующій болѣе чѣмъ странный переводъ этого совершенно яснаго принципа: регентъ долженъ устанавливать только такіе законы, какіе могъ бы установить самъ народъ ²⁾.

Я напоминаю эти детали лишь для указанія того, что даже у Канта теорія *правового государства* не формулирована въ абсолютной чистотѣ ³⁾. Намъ скоро представится случай распространить это замѣчаніе на все индивидуалистическое движеніе XVIII вѣка и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. —

Какъ нужно смотрѣть на революціи? Въ правѣ ли народъ совершать ихъ? Такіе вопросы изслѣдуетъ Фихтѣ въ томъ изъ своихъ произведеній, гдѣ онъ развилъ до крайнихъ выводовъ индивидуалистическую теорію государства ⁴⁾. Для отвѣта на эти вопросы ему пришлось сначала спросить себя объ основахъ и природѣ гражданского общества, т. - е. формулировать, въ свою очередь, теорію государства.

Точка отправленія у Фихтѣ та же, что у Канта и Руссо: договоръ не реальный и историческій, а необходимый въ правовомъ смыслѣ ⁵⁾. И методъ у

¹⁾ *Rechtslehre, loc. cit.*

²⁾ *Vom Verhältniss der Theorie zur Praxis im Staatsrechte (Über den Gemeinpruch, II).*

³⁾ Кантъ рисуетъ, однако, родъ идеальнаго „республиканскаго правленія“ и полагаетъ, что правительство должно стремиться къ нему. См. *Rechtslehre, § 52.*

⁴⁾ *Beiträge zur Berichtigung der Urtheile des Publicums über die französische Revolution, 1793. (Сочиненія, т. VI).*

⁵⁾ *Beiträge, кн. I, гл. I, стр. 87.*

него тотъ же, что у Канта и Руссо: совершенно абстрактный и *априорный* ¹⁾. Онъ тоже умозрительно разсуждаетъ относительно обществъ, желающихъ основать разумное государство на началахъ справедливости. Но сначала онъ старается опровергнуть взгляды Руссо на подчиненіе моральнаго порядка политическому, влекущее за собою подчиненіе гражданина государству. Гражданскій законъ простирается только на «отчуждаемыя права» человѣка; остальные права ускользаютъ отъ него ²⁾. Они образуютъ особую область моральнаго закона. Кромѣ того, гражданскій законъ имѣетъ силу только потому, что «мы сами на себя его налагаемъ». Законодатель, это — «наша воля, наше рѣшеніе, разсматриваемыя въ состояніи длительности» ³⁾. Автономія воли, лежащая въ основѣ моральнаго порядка, точно такъ же находится въ основѣ порядка политическаго и юридическаго. Спрашивать, могутъ ли граждане учинить революцію, значитъ спрашивать, пользуются ли они автономіей воли или нѣтъ, могутъ ли заключать договоръ о переходѣ изъ естественнаго состоянія въ общественное или нѣтъ? Очевидно, могутъ ⁴⁾.

Ссылка на услуги, оказанныя режимомъ, который хотятъ измѣнить, не можетъ служить возраженіемъ. Гражданинъ вовсе не обязанъ государству, какъ это утверждаютъ, множествомъ благъ. Культурой? Но она

1) „Руссо, котораго вы не перестаете называть мечтателемъ даже въ тотъ моментъ, когда его мечты осуществляются передъ вашими глазами, слишкомъ щадилъ васъ, эмпирики! Въ этомъ была его ошибка“. *Beiträge, Fñneleitung* (стр. 71).

2) *Ibid.*, кн. I, гл. I (стр. 83).

3) *Ibid.*, кн. I, гл. I (стр. 83).

4) *Ibid.*, кн. I, гл. I (стр. 86).

представляетъ результатъ личнаго усилія, свободнаго пріобрѣтенія индивидуума ¹⁾. Кромѣ того, она безконечно прогрессируетъ. Слѣдовательно, отказываться отъ измѣненія формы государства потому, что она обезпечиваетъ намъ извѣстную степень культуры, значило бы провозглашать тѣмъ самымъ, что эта степень культуры не можетъ быть превзойдена ²⁾. Собственностью? Но «мы изначала являемся сами своею собственностью», помимо позволенія государства; что же касается вещей, которыя, не будучи свободными, не могутъ принадлежать себѣ, то мы присваиваемъ ихъ, какъ средства для осуществленія своихъ цѣлей. Здѣсь государство опять-таки не должно вмѣшиваться, если только не хочетъ «разрушить свободный продуктъ свободнаго дѣятеля» ³⁾. Возражаютъ, что человѣкъ не можетъ присваивать себѣ вещей, такъ какъ онъ не создаетъ матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы. А развѣ государство въ большей степени создаетъ его? И какимъ образомъ могло бы оно обладать правомъ, «котораго нѣтъ ни у одного изъ составляющихъ его индивидуумовъ?» ⁴⁾.

Но если государство и не создаетъ собственности, то его законы освящаютъ способы ея пріобрѣтенія и передачи. Абстрактный и идеальный человѣкъ не получаетъ собственности отъ государства, но реальный гражданинъ получаетъ отъ государства нѣкоторыя изъ основаній права собственности. Нѣтъ, отвѣчаетъ Фихтэ, потому что, напримѣръ, право сына наследовать отцу гражданинъ получаетъ въ обмѣнъ

¹⁾ *Beiträge*, кн. I, гл. I (стр. 90).

²⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. I (стр. 103).

³⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 117).

⁴⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 119).

на естественное право, отчуждаемое и отчужденное: право «наслѣдовать послѣ всякаго умершаго» ¹⁾. Слѣдовательно, личность ничѣмъ не обязана государству даже въ томъ случаѣ, когда оно гарантируетъ ей наслѣдство послѣ отца.

Что касается договора о приобрѣтеніи, то его основаніе такъ же мало лежитъ въ организаціи общества, какъ и основаніе права наслѣдованія; договоръ—не что иное, какъ свободная регламентація всего, что не опредѣлено моральнымъ закономъ. Область гражданскаго договора «есть произвольно выдѣленная часть области свободной воли» ²⁾. По своему обыкновенію, Фихтѣ поясняетъ эту мысль образомъ. Начертимъ кругъ, говоритъ онъ. Полная площадь его будетъ областью совѣсти. Внутри этого круга начертимъ другой, значительно меньшій: онъ обниметъ «видимый міръ», естественное право. Внутри второго круга нарисуемъ третій: онъ представляетъ право договора, заключающееся въ границахъ совѣсти и естественнаго права». Наконецъ, внутри третьяго начертимъ четвертый: это — гражданскій договоръ, «заключающійся въ области предыдущихъ» ³⁾. Область совѣсти обнимаетъ собою все; область гражданскаго договора — очень немного. Государство, область котораго заключена въ очень узкіе предѣлы, стремится выйти изъ нихъ, захватить область договора вообще, область естественнаго права и область совѣсти ⁴⁾.

1) *Beiträge*, кн. I, гл. III (стр. 127).

2) *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 132).

3) *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 132).

4) *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 133).

Затѣмъ идутъ краснорѣчивыя страницы, гдѣ Фихтѣ протестуетъ противъ этой тенденціи и безжалостно ограничиваетъ роль государства. Каждый имѣетъ право выйти изъ государства ¹⁾ и образовать государство въ государствѣ ²⁾. Нѣтъ такихъ даже простѣйшихъ, — повидимому, неразрывно связанныхъ съ гражданской жизнью обязательствъ, отъ которыхъ индивидуумъ не могъ бы освободиться актомъ свободной воли и свободного вдохновенія. — Становится понятнымъ, что Фихтѣ поставилъ однажды цѣлью всякаго правительства «сдѣлать правительство излишнимъ» ³⁾.

Индивидуалистическая философія права, намѣченная Руссо и подкрѣпленная Кондорсэ, нашла у Канта, а затѣмъ у Фихтѣ опредѣленное и, повидимому, законченное выраженіе. Въ ней есть все: право, сведенное къ свободѣ; равенство моральныхъ личностей; автономія членовъ государства, по собственному желанію заключающихъ и нарушающихъ связующій ихъ договоръ.

V.

Подобно тому, какъ политическая наука долго имѣла цѣлью увеличеніе могущества государя, политическая экономія долго преслѣдовала его обогащеніе. Отсюда, какъ прекрасно показано Эспинасомъ ⁴⁾, идетъ теорія искусственно созданнаго богатства, меркан-

¹⁾ *Beiträge*, кн. I, гл. III (стр. 135).

²⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. III (стр. 148).

³⁾ *Ueber die Bestimmung des Gelehrten*. (Сочиненія, т. IV, стр. 306).

⁴⁾ *Espinas, Histoire des Doctrines économiques* (стр. 135 и слѣд.).

тельная система, злоупотребленіе общественнымъ до-
вѣріемъ, начиная съ Ло. Когда появляется теорія про-
свѣщеннаго деспотизма, считающаяся, въ извѣстной
мѣрѣ, и съ интересами подданныхъ, политическая эконо-
мія, въ лицѣ Вобана и Буагильбера, въ свою очередь,
стремится внести справедливость въ распредѣленіе на-
логовъ ¹⁾. Физіократы, съ своей стороны, разрушаютъ
теорію искусственно созданнаго богатства; они доказы-
ваютъ, что богатство происходитъ вполне естествен-
нымъ путемъ (долговѣчная часть ихъ теоріи) и при-
бавляютъ, что оно состоитъ исключительно въ землѣ
(слабая и недолговѣчная часть ея).

Со Смита, который вноситъ поправку въ ученіе
физіократовъ, признавая источникомъ богатства
трудъ, политическая экономія стремится уже не только
къ облегченію индивидуумовъ, какъ у Буагильбера
и Вобана, но и къ ихъ обогащенію. Какъ это часто
бываетъ, у Смита были предшественники, которыхъ
онъ затмилъ; но историческая правда заставляетъ
насъ сказать, что онъ заканчиваетъ и резюмируетъ
цѣлый рядъ прежнихъ изысканій и въ то же время
освящаетъ цѣлый рядъ новыхъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе,
онъ является яркимъ и самостоятельнымъ предста-
вителемъ доктрины, которую онъ самъ назвалъ *Сис-
темой естественной свободы*.

Если одинъ трудъ, какъ полагаетъ Адамъ Смитъ ³⁾,
служить настоящимъ источникомъ богатства, то на-
ція, т.-е. каждый изъ ея членовъ, будетъ тѣмъ бо-

¹⁾ *Histoire des doctrines économiques* (стр. 165).

²⁾ *Ibid.* (стр. 241 и слѣд.).

³⁾ *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Na-
tions* (1776, цитир. изд. 1828 г., Единбургъ—Лондонъ).

гаче, чѣмъ благопріятнѣе условія для полнаго развитія труда. А эти условія сводятся къ одному—къ свободѣ ¹⁾. Адамъ Смитъ доказываетъ это сначала косвенно, подвергая критикѣ меркантильную и земледѣльческую системы, ставившія препятствія торговой и промышленной свободѣ. На основаніи несостоятельности этихъ системъ онъ заключаетъ о превосходствѣ «простой и нехитрой системы естественной свободы», которая «является сама собою и вполнѣ готовою» ²⁾. Положенія, въ которыхъ Смитъ излагаетъ основы этой системы, потомъ очень часто повторяли и развивали.

Единственнымъ двигателемъ человѣка служитъ личная выгода ³⁾. Работающій имѣетъ въ виду не благо общества, а свое собственное довольство. Но выходитъ такъ, что преслѣдуя личную выгоду, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ общему благу. «Забота о личной выгодѣ, говоритъ Смитъ, естественно или скорѣе въ силу необходимости, побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества» ⁴⁾.

Существуетъ, слѣдовательно, предустановленная гармонія между общимъ интересомъ и личнымъ. Вотъ смѣлая гипотеза, на которую опираются всѣ мыслители того цикла, къ которому принадлежитъ Адамъ Смитъ. Не то, чтобы онъ оставилъ свой основной принципъ безъ фактическаго доказательства, но это доказательство является уже послѣ того, какъ принципъ установленъ. Впрочемъ, Смитъ даетъ

¹⁾ *Inquiry* (т. III, см. всю 4 книгу).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 160).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 276).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 276).

своему принципу болѣе полное выраженіе. Существуетъ «естественное движеніе всего къ лучшему» ¹⁾. Поэтому, каковы бы ни были заблужденія и ошибки, заблужденія со стороны администраціи и ошибки со стороны личностей; какимъ бы «безуміемъ» ни предавались правительства: «всеобщія, постоянныя и непрерывныя усилія каждого члена общества улучшить свою собственную судьбу» являются достаточнымъ для борьбы со всякаго рода зломъ и средствомъ для исцѣленія его» ²⁾. Какъ оптимистъ, Смитъ не допускаетъ сомнѣнія въ этомъ принципѣ и очень быстро переходитъ къ его практическимъ послѣдствіямъ.

Первымъ изъ нихъ, разумѣется, является упрощеніе задачъ правительства. Если все само собой идетъ къ лучшему, слѣдуетъ дать этому движенію свободу и остерегаться вредить ему вмѣшательствомъ сверху. Государь, столь обремененный экономическими заботами при земледѣльческой или меркантильной системѣ, при системѣ «естественной свободы» исполняетъ только три обязанности: защищаетъ общество противъ насилія и вторженія; обезпечиваетъ каждого члена общества отъ несправедливости другихъ; наконецъ, совершаетъ то, чего частныя лица не въ состояніи сдѣлать сами, своими собственными средствами, на примѣръ—сооружаетъ общественныя зданія и учрежденія, которыя частныя лица не могли бы соорудить, «потому что доходы никогда не покрыли бы издержекъ» ³⁾. Если изслѣдовать ближе

¹⁾ *Inquiry* (т. II, стр. 121).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 121).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 160). Къ этимъ тремъ обязанностямъ Смитъ присоединяетъ (кн. V, гл. I, отд. 4) нѣкоторыя

последній пунктъ и сопровождающіе его комментаріи Смита, то ясно станетъ,—и мы естественно сейчасъ къ этому перейдемъ,—что его система не имѣетъ ничего общаго съ правительственнымъ или административнымъ «нигилизмомъ», который отстаивали нѣкоторые изъ его учениковъ. Но я не изслѣдую пока вопроса о томъ, какимъ образомъ индивидуалисты XVIII вѣка понимали отношеніе индивидуума къ государству, я только отмѣчаю здѣсь главныя черты, которыя дѣлаютъ изъ нихъ индивидуалистовъ и, такимъ образомъ, отличаютъ ихъ отъ мыслителей, разбравшихъ тѣ же самые вопросы и становившихся, преимущественно или исключительно, то на точку зрѣнія правъ, то на точку зрѣнія интересовъ коллективнаго цѣлаго или государя.

Очевидно, что Смитъ, съ своей стороны, далъ крайне сильный и плодотворный толчокъ индивидуальной дѣятельности. Самъ онъ ясно понималъ этотъ результатъ и заявлялъ, что видѣлъ въ немъ не случайное слѣдствіе системы, но *цель* ея. Онъ охотно настаиваетъ на томъ, что индивидуумъ станетъ энергичнѣе и получитъ больше значенія, если государство откажется постоянно водить его за руку и держать въ опеку. Какое бы мнѣніе ни привелось намъ высказать впоследствии о принципахъ, вдохновившихъ Смита, и въ особенности о выводахъ изъ нихъ, сдѣланныхъ большинствомъ его учениковъ, нужно признать, что, въ виду царившей въ Европѣ въ эпоху Смита административной опеки, этотъ призывъ къ индивидуальной дѣятельности, къ личной отвѣтственности и даже конкуренціи произвелъ чудовищныя издержки, которыя государю приходится дѣлать „для поддержанія своего достоинства“.

десное дѣйствіе, и *система естественной свободы* служить однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ индивидуалистическаго движенія XVIII вѣка.

Изложивъ отдѣльно различныя стороны этого движенія, мы постараемся теперь уловить его внутреннее единство.

VI.

Индивидуализмъ піонеровъ американской революціи не похожъ на индивидуализмъ Монтэскьё, а индивидуализмъ Монтэскьё, въ свою очередь, не похожъ на индивидуализмъ Руссо или Кондорсэ, Канта или Фихтэ. Индивидуализмъ Адама Смита еще менѣе походитъ на всѣ остальные виды индивидуализма. И я отлично понимаю, что можно было бы возразить, если бы я попытался установить слишкомъ тѣсную близость между этими различными формами индивидуализма; если бы я рискнулъ, указавъ на историческія связи и отношенія, составить изъ нихъ искусственно одно нераздѣльное цѣлое. Тѣмъ не менѣе, названные писатели, мыслители и практическіе дѣятели работали для одной и той же цѣли, хотя и не сговаривались между собой, и мы подверглись бы такимъ же, а можетъ-быть, еще болѣе серьезнымъ упрекамъ, если бы не признали существующихъ между ними отношеній

В. Пеннъ и его сотрудники требуютъ для индивидуума автономіи въ области вѣры. Монтэскьё—свободнаго и обезпеченнаго распоряженія собственностью и личностью. Руссо и Кондорсэ хотятъ, чтобы гражданинъ лично, посредствомъ акта своей воли, участвовалъ въ созданіи государства. Кантъ и Фихтэ

выясняютъ гражданину, а также и человѣку вообще, сущность его права. Смитъ освобождаетъ дѣятельность каждаго работника отъ стѣсненій, долгое время тяготѣвшихъ надъ ней. Но, преслѣдуя столь различныя цѣли, такими различными путями и часто по столь чуждымъ другъ-другу основаніямъ, всѣ они, оказывается, примѣняютъ одинъ и тотъ же принципъ и приходятъ къ одному и тому же результату. Этимъ результатомъ является наивозможно полное освобожденіе человѣческой личности отъ внутренняго или внѣшняго, гражданскаго или моральнаго порабощенія. А принципомъ служить вѣра въ абсолютную цѣнность и неподражаемую оригинальность человѣческой воли.

Благодаря соединеннымъ усиліямъ только что разсмотрѣнныхъ нами доктринъ, сразу появилась въ полномъ блескѣ и силѣ идея, которой долго пренебрегали. Каждый индивидуумъ сталъ передъ прочими во всемъ величій своихъ правъ: права вѣровать, двигаться и обладать, высказываться по дѣламъ общественнымъ, производить и обмѣнивать, развиваться во всѣхъ смыслахъ, достигать maximum'a своею физической энергіи, экономической цѣнности, интеллектуальной и моральной культуры. Въ особенности—культуры: замѣчательно, что неравенство матеріальныхъ условій мало беспокоитъ индивидуалистовъ. Въ глазахъ философовъ XVIII вѣка счастье состоитъ, главнымъ образомъ, въ простотѣ, воздержности и умѣренности въ желаніяхъ: ставя счастье цѣлью дѣятельности человѣка, они не воспламеняютъ въ немъ животной страсти къ безмѣрнымъ наслажденіямъ, какою бы цѣною послѣднія ни доставались.

Кромѣ того, всѣ эти писатели, мыслители и дѣятели разсуждаютъ и дѣйствуютъ такъ, *какъ будто бы* къ поставленной ими цѣли сознательно стремились всѣ ихъ современники. Они приписываютъ другимъ заботу, всецѣло поглощавшую ихъ самихъ. Они предполагаютъ въ другихъ столь же ревнивое стремленіе обезпечить полное развитіе своей индивидуальности. Они не сомнѣваются, что всѣ къ этому стремятся. Обрисовывая въ общихъ чертахъ идеальное государство, Кантъ ставитъ на видъ, что его взгляды не относятся въ частности ни къ одной странѣ, но могутъ и должны служить руководствомъ «каждой реальной ассоціаціи, желающей образовать государство», и онъ убѣжденъ, что всѣ «реальныя ассоціаціи» дѣйствительно стараются «образовать государство». Таково убѣжденіе Канта, а тѣмъ болѣе Руссо.

Такимъ образомъ, проповѣдники индивидуализма въ XVIII вѣкѣ не только опирались на общіе принципы, не только работали для общаго дѣла; всѣ они, кромѣ того, были убѣждены, что міръ вырабатываетъ новое общество, гдѣ будетъ царствовать во всей славѣ своей та великая доктрина, требованія которой они высказывали. Поэтому-то произведенія ихъ проникнуты вѣрой и энтузіазмомъ.

И они не совсѣмъ ошибались, потому что произошла французская Революція, которая, положимъ, не преобразовала общество сверху донизу, не создала новаго міра, абсолютно соотвѣтствовавшаго мечтамъ ея провозвѣстниковъ, но все-таки вызвала въ очень многихъ странахъ крайне важныя и новыя явленія, о которыхъ слишкомъ забываютъ послѣдующія поколѣнія.

Если бы для того, чтобы имѣть право разсматривать индивидуализмъ XVIII вѣка какъ одно цѣлое, нужно было присоединить еще новый аргументъ къ тѣмъ, на основаніи которыхъ я сейчасъ собралъ воедино столь различные элементы, я нашелъ бы этотъ аргументъ въ самомъ фактѣ Революціи. Мысль образовать такое цѣлое—не мечта философа, размышляющаго у себя въ кабинетѣ и придающаго желаемую форму лѣпкому матеріалу прошлаго. Въ жизни новаго міра былъ моментъ, когда эта идея осуществилась свободной дѣятельностью живыхъ людей, осуществилась, несмотря на безчисленные препятствія, посреди пламени и крови. Французская Революція, какъ я постараюсь доказать далѣе, вдохновлялась одновременно Адамомъ Смитомъ, Кантомъ, Кондорсэ, Руссо, Монтэскьё и американцами. Положивъ въ тигель всѣ эти элементы, она образовала изъ нихъ новое общество, принципомъ котораго служить индивидуализмъ. Помимо частныхъ доктринъ существуетъ *индивидуалистическая идея*, — та самая, сущность которой была выяснена нами въ предшествующихъ строкахъ; она существуетъ, ибо происходитъ достопамятное историческое событіе, истолковать и объяснить которое нельзя безъ помощи этой идеи.

Можно пойти еще далѣе, можно болѣе точно опредѣлить характерныя черты разсмотрѣнныхъ нами различныхъ доктринъ, черты, сближающія эти доктрины и заставляющія ихъ проникаться другъ другомъ, несмотря на столько важныхъ различій между ними.

Нѣсколько однородныхъ взглядовъ преобладаютъ у всѣхъ индивидуалистовъ, несмотря на разнохарактер-

ность ихъ стремленій. Эти взгляды одинаково при-
сущи и Монтэскьё, несмотря на склонность его къ бо-
лѣе позитивному методу; и Адаму Смиту, несмотря на
болѣе прагматическій характеръ его изысканій; и Фих-
тэ, и Кондорсэ, и Канту, и Руссо. Объ этихъ взглядахъ,
впрочемъ, говорили много разъ, обыкновенно въ цѣ-
ляхъ критики, и видѣли въ нихъ основныя черты или
такъ называемаго классическаго и упрощающаго духа
XVIII вѣка, или—моральнаго, юридическаго и поли-
тического апріоризма французской Революціи. Имен-
но: оставляя въ сторонѣ случайности физической
структуры и особенности мѣстной исторіи, человѣкъ
разсматривается повсюду одинаковымъ въ основныхъ
свойствахъ своей умственной и нравственной при-
роды; причемъ — существенная, хотя и рѣдко дѣ-
лаемая оговорка—предполагается, что, познакомив-
шись съ новѣйшей философіей, онъ обязательно бу-
детъ руководиться ею въ практической жизни; съ
другой стороны, философское умозрѣніе считается
обладающимъ абсолютной цѣнностью и способ-
ностью приводить къ одинаковымъ результатамъ
во всѣхъ прогрессивныхъ обществахъ; затѣмъ идетъ
безграничный оптимизмъ: природа людей хороша; ее
портятъ воспитаніе и опека государства; все въ мірѣ
само собой идетъ къ лучшему, и нежелательныя
уклоненія происходятъ только вслѣдствіе безразсуд-
ныхъ предосторожностей и вредныхъ преградъ;
наконецъ,—горячая вѣра въ прогрессъ, полное
убѣжденіе въ томъ, что стоитъ только нарисовать
людямъ картину разумнаго общества, и они тот-
часъ возгорятся пылкимъ желаніемъ подражать ей.

Но здѣсь опять нужно принять во вниманіе важ-
ную оговорку. Теоретики XVIII вѣка понимаютъ

прогрессъ не такъ, какъ стали понимать его, въ концѣ концовъ, въ XIX, подъ вліяніемъ причинъ, которыя будутъ указаны ¹⁾. Они вѣрятъ не въ механическій прогрессъ, происходящій внѣ человѣка и увлекающій его противъ воли подобно тому, какъ волна увлекаетъ обломки; прогрессъ, о которомъ говорятъ Кондорсэ и Кантъ, создается усиліями человѣка и проникнуть моралью. Этотъ прогрессъ обѣщаетъ, впрочемъ, не столько безконечное улучшение условій жизни, сколько прекращеніе борьбы и несправедливостей, отъ которыхъ такъ долго страдало человѣчество по своей винѣ. Въ глазахъ этихъ мыслителей наиболѣе опредѣленной формой идеи прогресса все еще остается всеобщій и окончательный миръ между народами, распространеніе принциповъ права на всѣ человѣческія отношенія.

Космополитизмъ и прогрессъ, оптимизмъ и теорія абстрактнаго человѣка, склоннаго образовать разумное общество, не составляютъ еще всего содержанія философіи индивидуалистовъ XVIII вѣка; сюда слѣдуетъ присоединить абсолютную вѣру въ разумъ и волю человѣка. Въ сущности, всѣ индивидуалисты согласны — и мы увидимъ сейчасъ, что, при всей очевидности этого факта, не требующаго доказательствъ, о немъ все-таки необходимо было напомнить — всѣ они согласны съ тѣмъ предположеніемъ, что человѣческій разумъ, спрошенный по извѣстному методу о природѣ и задачахъ человѣка и общества, очищенный отъ предразсудковъ, могущихъ затемнить

¹⁾ Рэнувье вполне освѣтилъ этотъ пунктъ въ серіи своихъ этюдовъ по исторіи идеи прогресса. См. далѣе, кн. V, гл. III.

и исказить его сужденіе, повеюду отвѣтитъ одно и то же, если будетъ отвѣчать искренно. Всѣ они согласны съ тѣмъ, что человѣкъ способенъ осуществлять цѣли, указанныя ему сознаніемъ, и что достаточно разрушить сложное зданіе рутины, злоупотребленій и ошибокъ, чтобы дать ему средства для этого. Вотъ въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ индивидуалисты, въ отличіе отъ теоретиковъ просвѣщеннаго деспотизма, являются настоящими великими революціонерами.

VII.

Историки доказали, что французская Революція подготовлялась долго и непрерывно. То же самое можно сказать о революціи въ области идей, предшествовавшей революціи въ области фактовъ. Индивидуализмъ XVIII вѣка представляетъ собою пунктъ встрѣчи двухъ могучихъ вліяній и какъ бы цвѣтокъ, выросшій изъ сѣмянъ, брошенныхъ въ человѣческое сознаніе картэзіанствомъ и Евангеліемъ. И намъ слѣдуетъ подмѣтить и доказать взаимодѣйствіе этихъ двухъ элементовъ въ духѣ и методѣ занимающихъ насъ писателей.

Хотя они охотно осмѣиваютъ физику и метафизику Дэкарта и становятся на сторону Бэкона, Локка и Кондильяка ¹⁾, вліяніе картэзіанства, разлитое въ воздухъ, которымъ дышатъ люди того времени, ска-

¹⁾ Вліяніе Дэкарта на французскую науку конца XVIII вѣка было справедливо отмѣчено у *Picavet, Les Idéologues*. См., въ особенности, этюдъ о Кабанисѣ.

зывается на нихъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на другихъ писателяхъ, долгое время считавшихся литературными учениками *Разсужденія о методѣ*. Теперь это несомнѣнный фактъ, счастливо обновляющій готовые формулы и условныя сужденія ¹⁾).

«Классическій духъ», въ которомъ Тэнъ, вслѣдъ за Токвилемъ ²⁾, видѣлъ одинъ изъ основныхъ факторовъ революціи, оказывается на самомъ дѣлѣ духомъ картэзіанства. Никто не ускользаетъ отъ его вліянія; даже Монтэскьё, повидимому, наиболѣе далекій отъ него, несомнѣнно запечатлѣнъ имъ ³⁾: дѣятели Революціи въ этомъ не ошибались ⁴⁾.—Вѣра въ безконечное совершенствованіе, одинаково свойственная всѣмъ мыслителямъ той эпохи, но въ особенности сильно выраженная у Тюрго, Кондорсэ и Канта, также картэзіанскаго происхожденія.—Когда фізіократы ссылаются на «сущность общественнаго порядка», а одинъ изъ нихъ даже пытается раскрыть ее, они выставляютъ принципомъ, что эта

¹⁾ См. Brunetière, *Études sur le XVII siècle*, Cartésiens et Jansénistes.

²⁾ Tocqueville *l'Ancien Régime et la Révolution* (стр. 239—240).

³⁾ См. въ *Philosophische Monatshefte* (октябрь, 1869) статью Э. Бусса: *Монтэскьё и Декартъ*, гдѣ авторъ указываетъ, что нѣкоторые взгляды *Персидскихъ писемъ* и *Духа законовъ* заимствованы у Декарта, или непосредственно, или чрезъ Мальбранша.

⁴⁾ См. у Edme Champion'a, *L'Esprit de la Révolution* (гл. I), какъ мало обосновано мнѣніе, по которому Монтэскьё и Руссо противопоставляются другъ другу: первый, какъ представитель духа 1789 года, второй—якобинства. Ch. Nodier и Sainte-Beuve (*loc. cit.*, стр. 10, прим. 2) уже давно установили любопытныя черты сходства между Монтэскьё и Сэнъ-Жюстомъ Ср. по поводу картэзіанства Монтэскьё *Critique Philosophique*, III годъ, 1-я часть (стр. 55 и слѣд.).

сущность не имѣетъ ничего случайнаго, такъ какъ зависитъ отъ природы вещей, и о ней нужно судить по «очевидности». Таковъ именно критерій Дэкарта ¹⁾.— Первые экономисты (и даже еще фیزیократы) гордятся приложеніемъ математическихъ формулъ къ соціальнымъ фактамъ, приложеніемъ, которое до нихъ высоко цѣнили, по свидѣтельству Кондорсэ, Жанъ де Виттъ, при чемъ Кондорсэ не забываетъ прибавить, что Жанъ де Виттъ—ученикъ Дэкарта ²⁾. И, говоря о Дэкартѣ, авторъ *Наброска* приписываетъ ему честь произведенія «революціи въ судьбахъ чело-вѣческаго рода» ³⁾.

Откройте *Трактатъ о законодательствѣ* Мабли, и вы съ первыхъ же строкъ встрѣтите тамъ въ устахъ лица, выражающаго мнѣнія автора, крайне высоко-мѣрную и несомнѣнно картэзіанскую критику историческаго метода ⁴⁾. Но болѣе всѣхъ другихъ философовъ того времени подпалъ вліянію Дэкарта и пропагандировалъ его Руссо ⁵⁾.

¹⁾ Mercier de la Rivière выбираетъ, между прочимъ, эпитафю для своего сочиненія слѣдующій отрывокъ изъ Мальбранша: „Порядокъ есть неизблемый законъ умовъ, и ничто не можетъ быть правильнымъ безъ сообразованія съ нимъ“. Біографы Кенэ передаютъ, что онъ, благодаря чтенію *Recherche de la Vérité*, увлекся философіей „до чрезвычайности, и это должно было отразиться на всѣхъ его произведеніяхъ“. См. *Notice sur la vie de Quesnay*, въ *Collection des principaux économistes (Physiocrates т. I, стр. 6)*.

²⁾ Condorcet, *Esquisse*, 9-я эпоха (стр. 248).

³⁾ *Ibid.*, 9-я эпоха (стр. 278).

⁴⁾ *De la Législation* (стр. 29 и слѣд.).

⁵⁾ См. Janet, *Histoire de la Science politique dans ses rapports avec la Morale*, 3-е изд. (т. II, стр. 423) и Bouillier, *Histoire de la Philosophie cartésienne*, последнее изданіе (т. II, стр. 643).

Указывая на это, мы не думаемъ оспаривать общепринятаго теперь положенія, что нѣкоторый, пусть даже самый существенный, элементъ своихъ политическихъ теорій Руссо заимствовалъ у протестантскихъ публицистовъ XVI вѣка. Если Фенэлонъ, нападая на Жюрьё, какъ бы имѣетъ, по замѣчанію одного критика ¹⁾, передъ глазами *Общественный договоръ* и заранее опровергаетъ его, то сказанное объясняется тѣмъ, что Руссо и Жюрьё черпали изъ одного и того же источника. Равнымъ образомъ, на основаніи цитатъ, извлеченныхъ изъ неизданныхъ бумагъ Руссо, и въ особенности на основаніи пикантныхъ сближеній и остроумныхъ соображеній ²⁾, можно съ вѣроятностью допустить, что идея неотчуждаемаго и незыблемаго верховенства, занимающая столь важное мѣсто въ *Общественномъ договорѣ*, была подсказана Руссо одной древней хартіей, въ которой Адэмаръ Фабри, князь-епископъ Женевы, подтвердилъ въ 1387 году вольности этого города. Такъ что *Общественный договоръ* одновременно находится въ долгу и у протестантскихъ публицистовъ и у князя церкви.

Но каковы бы ни были источники, откуда Руссо почерпнулъ нѣкоторые элементы своей доктрины, она все-таки проникнута духомъ картэзіанства. Изъ *Разсужденія о методѣ* легко можно было бы извлечь рядъ положеній, которые могли бы служить комментариемъ къ *Общественному договору* ³⁾. Развѣ основ-

¹⁾ Faguet, *Le dix-huitième siècle, Rousseau* (стр. 391) и *Les Grands Maîtres du XVII siècle*, ст. Fénelon.

²⁾ См. J. Vuÿ, *Origine des idées politiques de Rousseau*, 2-е изд., Genève et Paris, V. Palmé, 1889.

³⁾ Не знаю, указано ли кѣмъ-либо то мѣсто—въ остальномъ

ной тезисъ обоихъ произведеній не одинъ и тотъ же? Въ «*Разсужденіи*» это — равное распредѣленіе «здраваго смысла» между умами, одинаковая способность всѣхъ людей схватывать истину, при условіи примѣненія правильнаго метода; въ *Общественномъ договорѣ* — обладаніе всѣхъ членовъ политическаго общества «здравымъ смысломъ, справедливостью, честностью» ¹⁾, откуда необходимая правота «общей воли», безусловно справедливой и мудрой въ хорошо устроенномъ государствѣ ²⁾.

Это еще не все: однимъ изъ основныхъ пунктовъ философіи Декарта является положеніе, что душа мыслить постоянно, что нѣтъ мысли безъ сознанія, что въ психической жизни нѣтъ «темной стороны», что нѣтъ мысли безъ участія воли. Однимъ изъ основныхъ пунктовъ политики Руссо является положеніе, что основаніе государства представляетъ «самый добровольный актъ въ мірѣ» ³⁾, и общество, организуясь, всегда даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что оно дѣлаетъ. Такъ уничтожается объясненіе происхожденія соціальныхъ формъ посредствомъ медленныхъ и бессознательныхъ комбинацій; объясненіе, которое впоследствии должно было показаться столь обольстительнымъ и сойти за раскрытіе тайны происхожденія всего существующаго.

довольно незначительное—*Общественнаго договора*, гдѣ Руссо упоминаетъ о Декартѣ: „Народы обладаютъ своего рода центробѣжной силой, посредствомъ которой они постоянно дѣйствуютъ другъ на друга и стремятся расшириться на счетъ сосѣдей, подобно вихрямъ Декарта (кн. II, гл. IX)

¹⁾ *Contrat social*, кн. IV, гл. III.

²⁾ *Ibid.*, кн. II, гл. III.

³⁾ *Ibid.*, кн. IV, гл. II.

Сходство взглядовъ Руссо и Дэкарта поражало, впрочемъ, сторонниковъ этого объясненія; и они не преминули сдѣлать изъ него оружіе противъ автора *Общественнаго договора* ¹⁾).

Въ исторіи 1793 года былъ день, когда Революція почувствовала, насколько она обязана Дэкарту. Въ этотъ день Шенье отъ имени Комитета народнаго просвѣщенія предлагаетъ Конвенту перенести прахъ философа въ Пантэонъ; въ пренебреженіи къ останкамъ великаго человѣка онъ находитъ аргументъ противъ деспотизма и заключаетъ свою рѣчь такими словами: «Вамъ, граждане, надлежитъ отомстить за презрѣніе королей къ Рэнэ Дэкарту». Слѣдуетъ проектъ декрета, принятый среди рукоплесканій. Проявившійся въ данномъ случаѣ энтузіазмъ имѣлъ ту же участь, какая часто постигала его въ ту эпоху: онъ не привелъ къ исполненію декрета. Но Шенье все-таки былъ правъ: имя Дэкарта необходимо соединить съ дѣломъ Революціи ²⁾).

¹⁾ Espritas, *Les Sociétés animales*, 2-е изд. (Введение, стр. 48).

²⁾ См. рѣчь Шенье въ *Réimpression du Moniteur*, т. XVIII, стр. 22 и слѣд.—Резюмируемъ вкратцѣ дальнѣйшій ходъ дѣла. Черезъ день, 4 октября, Гюффруа добивается еще рѣшенія Конвента о помѣщеніи въ Пантэонѣ находившагося въ Кабинетѣ древностей бюста Дэкарта, работы Пажу. Затѣмъ вопросъ забывается до 10 плювіоза, 4 года (1796) (*Ibid.*, т. XXVII, стр. 357). Секретарь Совѣта Пятисотъ читаетъ письмо Института, напоминающее о декретѣ Конвента и требующее его исполненія. Шенье ставитъ себѣ въ заслугу этотъ декретъ и предлагаетъ назначить комиссію, чтобы организовать перенесеніе съ большою торжественностью. Его предложеніе принимается и въ комиссію назначаются Шенье, Грегуаръ и Дану.

29 жерминаля, 4 года, въ Совѣтѣ Пятисотъ получается отъ Директоріи бумага о томъ, чтобы поспѣшили исполнить рѣ-

Не трудно показать, какова была доля вліянія христiанства.

Религiозный духъ вѣтъ надъ французской Революціей. Онъ сказывается, по словамъ Токвиля, даже во внѣшнемъ ходѣ этого достопамятнаго событія ¹⁾, въ горячемъ прозелитизмѣ его участниковъ, въ столь широко распространенномъ тогда стремленіи ко всеобщей солидарности и братству. Война, временно объявленная религiознымъ вѣрованіямъ и церкви, и сопровождавшія эту войну жестокости слишкомъ скрываютъ отмѣченную сторону Революціи. Но развѣ можно забывать, что деизмъ стоитъ на первомъ планѣ въ конституціяхъ 1791 и 1793 гг.? Развѣ можно упускать изъ виду, что духъ Конституанты совершенно христiанскій, и что затменіе, которое испыталъ католическій культъ въ эпоху

шеніе относительно почестей праху Дѣкарта (*Ibid.*, т. XXVIII, стр. 249).

Наконецъ, 18 флореаля, Шенье дѣлаетъ докладъ. Но Мерсье проситъ слова, заявляетъ о своемъ „раскаяніи“ въ томъ весьма благопріятномъ мнѣніи, какое и онъ имѣлъ о Дѣкартѣ „въ юности“, и требуетъ, чтобы Совѣтъ перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, помимо доклада, и взялъ назадъ законъ о назначеніи Дѣкарту почестей въ Пантеонѣ. „Матѣй, Шенье и Гарди воздаютъ должное памяти этихъ великихъ людей (Дѣкарта и другихъ, упомянутыхъ Мерсье, какъ-то: Вольтѣра и Кондорсѣ). Совѣтъ постановляетъ напечатать рѣчи Шенье и Мерсье и откладываетъ обсужденіе вопроса“ (*Ibid.*, т. XXVIII, стр. 267 и слѣд.).

Съ этихъ поръ вопросъ болѣе не поднимается. Въ національномъ архивѣ есть dossier, относящееся къ перенесенію праха Дѣкарта, въ настоящее время подъ литерой F. Z. Seine 55 (прежде H. 4813).

¹⁾ *L'Ancien Régime et la Révolution* (стр. 15 и 7).

Конвента, было совсѣмъ не такъ продолжительно и значительно, какъ долго старались доказать ¹⁾?

Слишкомъ упрощаютъ французскую Революцію и не особенно заботятся объ исторической истинѣ, когда видятъ въ ней только полный расцвѣтъ иррелигіозной, антихристіанской пропаганды такъ называемыхъ философовъ. Какъ мы уже показали, эти философы, главнымъ образомъ, работали надъ теоріей просвѣщеннаго деспотизма; въ области политики они были менѣе смѣлыми новаторами, чѣмъ Руссо или Кантъ. Кромѣ того, здѣсь имѣетъ свое значеніе и хронологія. Антихристіанское движеніе XVIII вѣка развилось далеко не наканунѣ Революціи. Наиболѣе значительныя книги, проникнутыя такимъ духомъ, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ предшествуютъ 1789 году ²⁾. Наоборотъ, книга Нэккера о *Важности религіозныхъ мнѣній*—возьмемъ только ее одну—относится къ 1788 году, а въ 1796 году—крайне важно напомнить объ этомъ слишкомъ часто забываемомъ фактѣ ³⁾. — Бональдъ и Жозефъ - де-

¹⁾ Доказательства см. у Edme Champion'a *Esprit de la Révolution française*, стр. 170 и слѣд. и особенно у Gazier, *Études sur l'histoire religieuse de la Révolution*, Предисловіе (стр. 7, 8).

²⁾ *Dictionnaire philosophique* (Voltaire) и *L'Homme-Machine* (La Mettrie) относятся къ 1748 г.; *Essai sur les Moeurs* (Voltaire)—къ 1753; *Esprit* (Helvetius)—къ 1758; *Étrennes aux Esprits forts* (Diderot) — къ 1757. Последніе томы *Энциклопедіи* появляются въ 1770 г. Въ нихъ опять-таки провозглашается естественная религія. — *Catéchismes* (Volney и Saint-Lambert), хотя и появляются въ 1793 и 1796 гг., представляютъ собою, подобно *L'Origine des Cultes* (Durrut), только популяризацию доктринъ, считавшихся незыблемыми, но, въ дѣйствительности, уже подорванныхъ.

³⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 174—175).

Местръ пишутъ свои первыя произведенія ¹⁾. Революція, являясь продолженіемъ извѣстнаго движенія идей, въ то же время служитъ началомъ новаго.

Извѣстно, что разнообразнѣйшія формы мистцизма процвѣтають наканунѣ Революціи. Европа покрыта своеобразными ассоціаціями, тайными обществами, которыя заняты политикой ²⁾. Уже въ 1801 году Мунье выпускаетъ книгу о вліяніи этихъ сектъ ³⁾. Сэнъ-Мартэнъ пишетъ и создаетъ школу между 1790 и 1801 гг. Въ то же время, за предѣлами Франціи, мы увидимъ страшную религіозную реакцію въ Пруссіи, начавшуюся тотчасъ послѣ смерти Фридриха II, а въ Англіи—продолженіе религіознаго пробужденія, начавшагося проповѣдью методиста Уэсли ⁴⁾. Такимъ образомъ, религіозное движеніе нужно считать весьма распространеннымъ повсюду.

Въ особенности свидѣтельствуютъ о немъ, какъ сейчасъ было сказано, Руссо и Кантъ. Правда, Руссо сурово осудилъ политическую роль христіанства ⁵⁾; тѣмъ не менѣе, онъ провозглашаетъ эту ре-

¹⁾ De Bonald, *Théorie du Pouvoir* и De Maistre *Considérations sur la France*.

²⁾ См. Tocqueville, *Mélanges* (Сочиненія, т. VIII, стр. 65).

³⁾ *De l'influence attribuée aux philosophes, aux francs-maçons et aux illuminés sur la Révolution de France*, соч. J. J. Mounier (перепечатано въ 1822 г.).

⁴⁾ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution* (т. I, стр. 175—176).

⁵⁾ *Contrat social* (кн. IV, гл. VIII). „Общество истинныхъ христіанъ уже не было бы человѣческимъ обществомъ...“ „Истинные христіане созданы быть рабами...“ Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что Бэйль сказалъ (*Pensées sur la Comète*): „Истинные христіане не могли бы образовать прочнаго государства“. Вольтеръ (*Idées républicaines*, n° XXXIX) сопоставляетъ слова Руссо и Бэйля. Это дѣйствительно уменьшаетъ значеніе положеній Руссо, позволяя ви-

лигію «святой, высокой и истинной» ¹⁾. Теократы подозревают его въ невѣріи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ работалъ надъ отрицаніемъ и разрушеніемъ религіозныхъ вѣрованій. Гораздо доказательнѣе Сэмнэръ Менъ, который, наоборотъ, видитъ у него попытку «реконструировать зданіе человѣческой вѣры» ²⁾, и въ этомъ смыслѣ противопоставляетъ его работу — работѣ Бэйля, Вольтера и энциклопедистовъ. Именно эта сторона философіи Руссо особенно повліяла на нѣмцевъ. Христіанство Шлейермахера возникло подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній Руссо; а одна изъ капитальныхъ идей Канта, имѣющая чисто христіанскую окраску, та именно, что практика первенствуетъ надъ умозрѣніемъ, что мораль выше науки, была подсказана ему, согласно его собственному указанію ³⁾; чтеніемъ Руссо. Будучи проницательнѣе Бональда и де-Местра, Шатобріанъ считаетъ Руссо въ числѣ писателей, подготовившихъ пути для движенія идей, однимъ изъ первыхъ симптомовъ котораго является *Духъ христіанства*. И Сэнъ-Мартэнъ утверждаетъ, что Руссо носилъ христіанство въ «сердцѣ своемъ» ⁴⁾, хотя и не былъ достаточно «просвѣтленъ», чтобы вполне понять его.

дѣтъ въ нихъ только бѣглыя сужденія, которыхъ такъ много въ *Общественномъ договорѣ*.

¹⁾ *Contrat social* (кн. IV, гл. VIII). Правда, при условіи различія „современнаго христіанства“ и „евангельскаго“; три указанныхъ эпитета относятся только къ послѣднему.

²⁾ *Ancient Law*, London, 1894 (стр. 87).

³⁾ О вліяніи Руссо въ Германіи см. Lévy-Bruhl, *Annales de l'École libre des sciences politiques* (1887).

⁴⁾ Цитир. у Caro, *Essai sur la vie et la doctrine de Saint Martin* (стр. 85).

Не трудно установить, что философія Канта проникнута христіанствомъ, и это выражается у него не только въ частныхъ моральныхъ взглядахъ, но и въ самомъ духѣ его доктрины. Идея индетерминизма воли, идея свободы—идея христіанская по преимуществу. Древніе философы знали ее, но колебались видѣть въ ней условіе совершенства. Чтобы дать свободѣ то мѣсто, которое она занимаетъ въ новой философіи, необходимо было ученіе о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи и о милосердіи. Теологи сдѣлали для этого болѣе философовъ; а между философами искали въ ней начала всего въ особенности тѣхъ, которые были проникнуты христіанскимъ духомъ и повиновались религіозному влеченію.

VIII.

Не мое дѣло изслѣдовать теперь, какъ это двойное вліяніе воздѣйствовало на литературу XVIII вѣка. Однако, ссылаясь на выдающагося изслѣдователя, недавно разбиравшаго этотъ вопросъ ¹⁾, не трудно было бы доказать, что это воздѣйствіе аналогично указанному нами въ занимающей насъ области умозрѣній. Взрывъ моральнаго и политическаго индивидуализма сопровождается лиризмомъ. Индивидуализмъ и лиризмъ имѣютъ своимъ общимъ источникомъ произведенія Руссо, который, такимъ образомъ, вполне господствуетъ надъ своимъ вѣкомъ. Не настаивая на этомъ пунктѣ, собственно говоря, выходящемъ изъ предѣловъ настоящаго труда, я отмѣчу

¹⁾ Brunetière, *Évolution de la Poésie lyrique* (т. I).

другой, весьма важный и притомъ имѣющій къ нему отношеніе.

Уже давно ¹⁾ принято упрекать въ «апріоризмъ» моральныя и политическія концепціи XVІІІ вѣка и французской Революціи. Послушать критиковъ ²⁾, такъ можно подумать, что Руссо и Кантъ, если говорить только объ этихъ двухъ философахъ, противъ которыхъ, главнымъ образомъ, направленъ указанный упрекъ, создали себѣ въ одно прекрасное время абсолютно новое, совершенно фантастическое и произвольное понятіе о человѣкѣ, его моральной жизни и о политическомъ обществѣ. Это понятіе они навязали общественному мнѣнію своей эпохи, а французская Революція, будто бы, попыталась совершить парадоксальную вещь—соорудить изъ отдѣльныхъ кусковъ общество, соотвѣтствующее этому понятію.

На основаніи вышеизложеннаго приходится, наоборотъ, допустить, что индивидуалистическая концепція въ области морали и политики далеко не возникла неожиданно въ мозгу какого-либо мыслителя, а представляетъ результатъ долгихъ усилій спекулятивной мысли прошлаго. Она, можно сказать, воплотила въ себѣ лучшее изъ моральнаго опыта человечества.

Равенство и высокое значеніе личности, какъ ихъ понимало и провозглашало христіанство, предста-

¹⁾ Далѣе, изъ I книги нашего труда, будетъ видно, что этотъ упрекъ, у Бёрка, напримѣръ, современенъ фактамъ, къ которымъ относится.

²⁾ Особенно это сказывается у Тэна и въ многочисленныхъ работахъ съ позитивистической тенденціей, посвященныхъ этимъ вопросамъ. См. также Fagnieu, *Les Principes de 1789 et la Science sociale*.

влияютъ весьма драгоцѣнное и положительное завоеваніе моральнаго сознанія. Поэтому, когда Руссо и Кантъ находятъ въ нихъ основу всякаго права, они пользуются не пустой абстракціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не выставляютъ новаго принципа. Точно такъ же эти философы пользуются конкретнымъ, реальнымъ элементомъ, когда они вводятъ въ соціальныя и политическія теоріи картэзіанскій раціонализмъ, тотъ раціонализмъ, благодаря которому столько фрагментарныхъ взглядовъ, столько бѣглыхъ и неполныхъ наблюденій болѣе раннихъ философовъ получаютъ глубокій смыслъ и въ то же время вполне ясное выраженіе.

Мы видимъ, съ другой стороны, что мыслители XVIII вѣка, отыскивая законы общественной жизни, имѣли въ виду не столько любое политическое общество въ какой угодно историческій моментъ, сколько то, среди котораго они жили и въ которомъ не безъ основанія видѣли типъ разумнаго и прогрессивнаго общества, приблизиться къ которому, разумѣется, должно было стремиться каждое общество. Это—тайный или явный, но всегда несомнѣнный постулатъ ихъ умозрѣній.

Поэтому значительная часть направленныхъ противъ нихъ возраженій падаетъ сама собой. Мы уже не имѣемъ права обращаться къ нимъ съ обычнымъ упрекомъ, что ихъ доктрины не годятся для любой цивилизаціи и для любого момента въ исторіи цивилизацій. Мыслители XVIII вѣка сами знаютъ это: но, повторяю, они занимаются преимущественно тѣмъ обществомъ, которое у нихъ передъ глазами. Они еще не приобрѣли тѣхъ умственныхъ привычекъ, которыя развились у ихъ преемниковъ, вслѣд-

ствіе вкуса къ историческимъ изысканіямъ и успѣшнаго хода послѣднихъ. Мы теперь съ одинаковымъ интересомъ изучаемъ и цивилизаціи зарождающіяся и вполне разившіяся. Если мы и оказываемъ предпочтеніе чему-либо, то скорѣе изученію началъ; потому ли, что обыкновенно бѣльшая трудность этого изученія оживляетъ интересъ; потому ли, что умъ, менѣе обременяемый документами, движется свободнѣе и получаетъ въ этомъ удовольствіе; потому ли, наконецъ, что зародыши и первые зачатки явленій имѣютъ для насъ непреодолимую привлекательность. Мыслители XVIII вѣка считаются только съ цивилизаціей законченной, проникнутой гуманностью. Это единственная свѣтлая точка, на которой внимательно останавливается ихъ взглядъ ¹⁾.

Слѣдовательно, весьма ошибочно говорятъ обыкновенно о пустотѣ и абстрактномъ характерѣ индивидуалистическихъ теорій, ошибочно обвиняютъ ихъ творцовъ въ томъ, что они становятся внѣ времени и пространства, и осмѣиваютъ или порицаютъ погубившую ихъ «апріористическую иллюзію»; позднѣе мы увидимъ, что въ дѣйствительности самой ужасной, единственно заслуживающей такого названія иллюзіей является, напротивъ, «иллюзія эмпирическая».

Слѣдуетъ ли отсюда, однако, что противники индивидуализма XVIII вѣка ошибались во всѣхъ

¹⁾ Столь часто встрѣчающіяся у писателей XVIII вѣка ссылки на жизнь дикарей и нравы первобытнаго человечества не могутъ служить возраженіемъ противъ этого. Исторія не много извлечетъ изъ ихъ сочиненій. Эти писатели видятъ дикарей и первобытныхъ людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а такими, какими, по ихъ мнѣнію, должны были бы быть люди цивилизованные.

пунктахъ критики этой системы, и что нельзя ни объяснить причину ихъ заблужденія, ни отыскать въ немъ долю истины? Нѣтъ: ошибка ихъ объясняется литературной формой, въ которую писатели XVIII вѣка облекали свои идеи. Эта форма, дѣйствительно, является классической, логической, универсальной. Понятно, что, при поверхностномъ изслѣдованіи, приписали содержанію специфическія особенности формы. Но подобно тому, какъ болѣе проницательная и глубокая критика сумѣла показать, сколько жизненнаго и вѣрнаго эпохѣ заключается, напримѣръ, несмотря на костюмы и языкъ дѣйствующихъ лицъ, въ изображеніи страстей у Расина, такъ нужно умѣть различать—и мы попытались сдѣлать это на предыдущихъ страницахъ, хотя и слишкомъ кратко—человѣческую жизнь, конденсированную и какъ бы сконцентрированную въ чисто абстрактныхъ, повидимому, афоризмахъ Руссо и Канта.

Слѣдуетъ пойти еще далѣе и признать справедливымъ одинъ пунктъ въ возраженіяхъ эмпириковъ. Упрекъ въ апріоризмѣ не подходитъ—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему его сторонники — къ опредѣленію *цѣлей* моральной и соціальной жизни, какъ ихъ понимаютъ индивидуалисты; но этотъ упрекъ справедливъ по отношенію къ опредѣленію *средствъ*, рекомендуемыхъ ими для достиженія этихъ цѣлей.

Въ дѣтствѣ политической рефлексіи, въ концѣ того долгаго періода, въ теченіе котораго индивидуумъ разучился обогащать свой умъ наблюденіемъ надъ окружающею дѣйствительностью—это было для него бесполезно, потому что политически онъ все

равно не имѣлъ никакого вліянія на свою собственную участь - индивидуалисты XVIII вѣка, какъ люди науки, такъ и практики (но здѣсь я говорю только о первыхъ), въ поспѣшномъ до крайности стремленіи все измѣнить вокругъ себя, слишкомъ охотно импровизировали средства для осуществленія идеальнаго общества, которое рисовали имъ возвышенныя и обаятельныя мечты. При выборѣ этихъ средствъ и при установленіи практическихъ методовъ они не руководились ни одной изъ предосторожностей, которыя мы совершенно справедливо считаемъ теперь неизбежными. Здѣсь опять-таки я не буду распространяться, потому что говорю объ очень извѣстныхъ вещахъ; я не сталъ бы даже напоминать о нихъ, если бы не считалъ существеннымъ отмѣтить сейчасъ же—впослѣдствіи видно будетъ, для какой цѣли ¹⁾ — различіе между цѣлями и средствами для исполненія: цѣли могутъ и должны остаться такими, какъ ихъ опредѣлили индивидуалисты XVIII вѣка, средства же могутъ и должны подвергаться непрестаннымъ видоизмѣненіямъ и постоянно усовершенствоваться, подъ вліяніемъ пріобрѣтенной опытности, болѣе развитой рефлексіи и прогресса научнаго изслѣдованія.

IX.

Хотя индивидуалистическая мысль XVIII вѣка легко торжествуетъ надъ только что указанными возраженіями, въ ней есть, однако, уязвимый пунктъ: ей почти всегда недостаетъ устойчиваго базиса

¹⁾ См. наше *Заключеніе*.

Философы не достаточно глубоко заложили фундаментъ. Они щеголяютъ другъ передъ другомъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ изложеніемъ своихъ моральныхъ, юридическихъ и политическихъ тезисовъ, а о *принципѣ*, на который эти тезисы опираются, объ *отношеніи* этихъ тезисовъ къ основнымъ началамъ философіи они или говорятъ очень кратко, какъ дѣлаетъ Кантъ, или совсѣмъ умалчиваютъ, какъ Руссо. Мы увидимъ далѣе, что атака противъ индивидуализма была этимъ значительно облегчена. Мы увидимъ, кромѣ того, что единственное средство возратить индивидуалистическимъ тезисамъ силу и крѣпость, которыхъ они лишились въ настоящее время вслѣдствіе этой атаки, заключается въ томъ, чтобы показать тѣсную связь ихъ съ системой общихъ идей, которая не можетъ существовать безъ нихъ и безъ которой моральная жизнь человѣка становится непонятной. Лишь современному мыслителю ¹⁾ выпало на долю дополнить аргументацію, которую индивидуалисты XVIII вѣка оставили незаконченной и какъ бы висящей въ воздухѣ.

Какимъ образомъ индивидуалисты XVIII вѣка понимали взаимныя отношенія индивидуума и государства.

Въ эпоху административной монархіи проблемы объ отношеніяхъ индивидуума къ государству не существовало, потому что государство обладало тогда всѣми правами и только правами. Впервые, и при-

¹⁾ См. (кн. V, гл. III) критическое изложеніе взглядовъ Рэннунье.

томъ въ относительно простой формѣ, эта проблема была поставлена въ эпоху просвѣщеннаго деспотизма, такъ какъ на государство возложили тогда извѣстныя обязанности, но главнымъ образомъ обязанности по отношенію къ самому себѣ, въ которыхъ оно являлось наилучшимъ и единственнымъ судьей. Съ появленіемъ индивидуалистической философіи проблема дѣлается гораздо болѣе сложной. Лицомъ къ лицу съ государствомъ становится индивидуумъ, вооруженный своими собственными правами.

Тогда является необходимость разобраться въ этихъ правахъ, указать, какія изъ нихъ создаютъ для государства положительныя обязанности по отношенію къ индивидууму и какія предполагаютъ, напротивъ, устраненіе вмѣшательства государства. Мы увидимъ, что точное рѣшеніе этой проблемы было найдено не сразу; мы увидимъ, кромѣ того, что рѣшеніе, за которое стояли основатели индивидуализма, далеко не похоже на то, какое впоследствии пришлось защищать, подъ тѣмъ же именемъ, ихъ преемникамъ.

Вообще говоря, основатели индивидуализма въ XVIII вѣкѣ стремятся освободить личность отъ угнетавшихъ ее многочисленныхъ стѣсненій и главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которыя умножило или усилило *полицейское государство*, хотя и съ хорошими намѣреніями. Такъ, во всякомъ случаѣ, понимали дѣятельность этихъ мыслителей и писателей ихъ современники и они сами; это было смѣлое, могучее усиліе для освобожденія совѣсти, труда, всѣхъ формъ человѣческой дѣятельности. Безъ сомнѣнія, настаивать на этомъ пунктѣ никогда не будетъ излишнимъ; никогда не будетъ излиш-

нимъ выдвигать на первый планъ освободительный характеръ индивидуалистическаго движенія XVIII вѣка, но при условіи—не предупреждать событій и движенія идей, не вообразать себѣ тогдашній индивидуализмъ такимъ, какимъ; подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано въ свое время, онъ зародился около 1815 года и распространился въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи.

Для здраваго сужденія объ индивидуализмѣ XVIII вѣка необходимо, прежде всего, остерегаться искать въ немъ абсолютнаго недовѣрія къ дѣятельности государства, недовѣрія, которое должно было возникнуть значительно позже.

Не удивительно, разумѣется, что новаторы, служившіе дѣлу свободы, въ ту эпоху, когда государство налагало руку на все, приглашали его отказаться отъ многихъ притязаній. Отсюда—протестующая, отрицательная сторона взглядовъ Адама Смита или Монтэскьё. Однако, стремясь ограничить дѣятельность государства, они совсѣмъ не думали о совершенномъ ея устраниеніи.

Говоря о Монтэскьё, я уже отмѣтилъ, что его требованіе вольностей для гражданина выражено скромно, почти боязливо, что вольности эти являются у него скорѣе высшими и требующими высшаго уваженія интересами, чѣмъ правами. Но это не все. Современные индивидуалисты или считающіе себя за таковыхъ упрекаютъ Монтэскьё въ томъ, что онъ считалъ правильными и полезными законы противъ роскоши, допускалъ, что государство можетъ руководить распредѣленіемъ богатствъ, устанавливать предѣлъ частной собственности, однимъ словомъ, въ значительной степени былъ зараженъ предразсудкомъ

о государствѣ въ роли Провидѣнія ¹⁾. Монтэскьё, дѣйствительно, заслужилъ эти упреки. Онъ даже написалъ слѣдующую фразу, въ которой гораздо больше смѣлости, чѣмъ въ требованіи права на трудъ, выставленномъ въ послѣдствіи демократической школой 1848 года: «Государство должно обезпечить всѣмъ гражданамъ средства къ существованію, пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» ²⁾: Разумѣется, социалисты поздравляютъ автора *Духа законовъ* съ такими рѣчами. Уже Буонаротти, перечисляя писателей, «подчиняющихъ волю народа дѣятельность и собственность частныхъ лицъ», помѣщаетъ Монтэскьё между Томасомъ Моромъ и Мабли ³⁾.

Эти похвалы и порицанія не безосновательны, хотя и не имѣютъ того значенія, какое приписываютъ имъ тѣ, кто ихъ раздаетъ. Монтэскьё—индивидуалистъ, но онъ не думаетъ, чтобы индивидуума можно было равнять съ государствомъ, въ особенности же, чтобы индивидуумъ могъ отрицать государство; и это по очень простой причинѣ, которая не замедлитъ выясниться.

Стремленіе вытѣснить государство изъ сферы свободной торгово-промышленной дѣятельности, конечно, очень замѣтно у Адама Смита; тѣмъ не менѣе учитель далеко не освящаетъ своимъ авторитетомъ тѣхъ крайнихъ положеній, которыя потомъ выставили его ученики.

Смитъ, какъ мы видѣли, даже въ *Системѣ естественной свободы* признаетъ за государствомъ сохра-

¹⁾ См. особенно Beudant, *Le Droit individuel et l'État* (стр. 126, 127).

²⁾ *Esprit des Lois* (кн. XXIII, гл. XXIX).

³⁾ *Conspiration de Babeuf* (т. I, стр. 9).

неніе трехъ обязанностей, и эти обязанности отнюдь не синекуры. Государство не только должно помогать большимъ общественнымъ предпріятіямъ и оказывать услуги, которыхъ не могли бы взять на себя частныя лица (слѣдуетъ теперь же замѣтить, что эти формулы съ теченіемъ времени, благодаря прогрессу демократическихъ обществъ, должны были получать постоянно возрастающее содержаніе) ¹⁾; государство обязано также, и обязано «неизбѣжно», заботиться о томъ, чтобы «остановить развращеніе и почти полное пониженіе нравственности народа» ²⁾. Другими словами, оно должно заботиться о воспитаніи народа. И государство не только должно дать народу средства для образованія, но сдѣлать болѣе: «нѣкоторымъ образомъ обязать народъ пріобрѣтать элементарныя знанія» ³⁾. Посредствомъ экзаменовъ оно должно наблюдать за исполненіемъ этого предписанія. Чтобы получить званіе цехового мастера или даже «позволеніе заниматься какимъ-нибудь ремесломъ или торговлей въ деревнѣ или городѣ», гражданинъ долженъ доказать, обладаетъ ли онъ элементарнымъ образованіемъ ⁴⁾.

Наконецъ, Смитъ доходитъ до того, что уполномачиваетъ правительство принимать принудительныя

¹⁾ Адамъ Смитъ, дѣйствительно, далъ только *правило*, а не *мѣру*, и при каждомъ новомъ случаѣ (организація такихъ важныхъ услугъ, какъ почта, желѣзныя дороги и проч.) пришлось изслѣдовать, *приложимо ли правило*. Распредѣленіе обязанностей между государствомъ и частной инициативой не представляется совершенно яснымъ даже для учениковъ Смита.

²⁾ *Inquiry*, кн. V, гл. I (т. III, стр. 296).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 300).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 302)

мѣры для поддержанія существующихъ военныхъ упражненій, которыя безъ этого выйдутъ изъ употребленія, а между тѣмъ, по его мнѣнію, въ нихъ должно участвовать какъ можно больше гражданъ¹⁾.

Я отмѣчаю у самого Адама Смита эти виды вмѣшательства государства совсѣмъ не для того, чтобы обвинить его въ принципиальномъ противорѣчій; моя единственная цѣль — противопоставить учениковъ учителю.

Онъ приглашаетъ государство устраивать военные упражненія и давать начальное образованіе именно потому, что очень высоко ставитъ индивидуума. Безъ извѣстнаго запаса знаній индивидуумъ, особенно въ свободной странѣ, не достигаетъ, не выполняетъ своего назначенія²⁾. Точно такъ же, безъ воспитанія мужества и энергіи, являющихся до нѣкоторой степени плодомъ военныхъ упражненій, индивидуумъ не можетъ имѣть должнаго значенія среди общества, даже совершенно преданнаго торгово-промышленнымъ интересамъ³⁾. Адамъ Смитъ не противорѣчитъ индивидуалистическому принципу, а наоборотъ, слѣдуетъ ему, когда старается такимъ способомъ обезпечить

¹⁾ *Inquiry* (т. III, стр. 302). Слѣдуетъ (стр. 304) мѣсто, гдѣ онъ противопоставляетъ страны, „въ которыхъ въ упражненіяхъ участвуетъ незначительная часть націи“, Швейцаріи, болѣе требовательной въ этомъ отношеніи, и видимо симпатизируетъ швейцарской системѣ.

²⁾ См. прекрасное мѣсто о необходимости просвѣщенія въ свободныхъ странахъ. *Ibid.*, кн. V, гл. I, стр. 305.

³⁾ Ср. *Ibid.* (т. III, стр. 304 — 305). Необходимо привести подлинныя слова, высокая мораль которыхъ тѣмъ поразительнѣе, что подобный тонъ очень рѣдокъ въ книгѣ. „Трусъ или человѣкъ, неспособный защищать себя или отомстить за нанесенную ему обиду, лишенъ одного изъ существеннѣй-

каждому индивидууму двойную выгоду: выносливости и культуры. Если онъ приглашаетъ заботиться объ этомъ государство, то, повторяю, потому, что государство не представляется ему врагомъ индивидуума, врагомъ, котораго прежде всего нужно обезоружить и покорить ¹⁾. И какъ могло бы государство играть такую роль въ системѣ, которая, по античной формулѣ стоиковъ, во всемъ стремится къ гармоніи? Вѣрный своему оптимизму, Адамъ Смитъ не видѣлъ и не отмѣтилъ нигдѣ того антагонизма, той борьбы, которую, вслѣдствіе грубой, хотя и понятной, непослѣдовательности, должны были помѣстить въ самомъ сердцѣ своей системы экономисты, его преемники и ученики.

Истинный характеръ этого индивидуализма, не требующаго уничтоженія вмѣшательства государства, всего лучше виденъ у Руссо и Канта.

Неправильно прилагаютъ къ Руссо тѣ различенія, которыхъ самъ онъ не дѣлалъ, и судятъ о немъ по предубѣжденіямъ, которыхъ онъ не зналъ. Такимъ образомъ, столь спорный вопросъ о социализмѣ у Руссо не имѣетъ смысла. Руссо не социалистъ, хотя

нихъ свойствъ человѣческой природы. Онъ такой же нравственный уродъ и калѣка, какъ человѣкъ, лишенный какого-либо существеннаго члена или потерявшій способность владѣть имъ“. И далѣе, черезъ нѣсколько строкъ: «Если бы даже воинственный духъ народа оказался совершенно бесполезенъ для защиты общества, то уже одной заботы о предохраненіи всей массы народа отъ такого нравственнаго безобразія... достаточно, чтобы обратить на себя серьезное вниманіе правительства“.

¹⁾ Бюрэ, о которомъ будетъ рѣчь далѣе (кн. II), ясно видѣлъ, что Смитъ далеко не раздѣляетъ преувеличеній своихъ учениковъ въ этомъ пунктѣ.—Ср. также примѣчанія А. д. Бланки къ фр. изданію *Богатства народовъ* и *Реповіег, Critique Philosophique*, 2-й годъ, 1-я часть (стр. 36).

и допускаетъ рѣшенія, подобныя тѣмъ, какія впоследствии приняли различныя соціалистическія школы. Правда, онъ желаетъ, чтобы государство посредствомъ «общественныхъ житницъ» обезпечило индивидууму средства существованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ защищаетъ частную собственность и наследственную передачу имущества. «Общественныя житницы» здѣсь только формула, соответствующая дѣтскому возрасту экономической науки того времени; эта формула не только не противорѣчитъ индивидуализму Руссо, а, напротивъ, выражаетъ одну изъ его сторонъ. Именно вслѣдствіе своего индивидуализма Руссо старается обезпечить личности ея первое право, право на существованіе. Сообразно со своими познаніями, онъ рекомендуетъ такія мѣры для этого, которыя, конечно, доступны критикѣ и являются лишь отдаленнымъ приближеніемъ къ соціальной истинѣ.

И въ области политики Руссо сближаетъ и примиряетъ такія положенія, которыя потомъ казались несовмѣстимыми. Мы уже видѣли, что онъ даетъ государству весьма обширныя права надъ гражданами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень высоко ставитъ права индивидуума.

Мысль его освѣщается одною фразой *Общественнаго договора*, смыслъ которой, быть-можетъ, не всегда улавливали. «Только сила государства» — говоритъ онъ, — «создаетъ свободу его членовъ» ¹⁾. Вдумаемся хорошенько въ эти слова. Они означаютъ, что государство должно быть сильнымъ *не ради самого себя* и не для угнетенія индивидуума, а *ради*

¹⁾ *Contrat social* (кн. II, гл. XII).

индивидуума, чтобы гарантировать ему полную свободу по отношенію къ согражданамъ, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни находился. Только такая «чрезмѣрная зависимость» каждаго отъ государства даетъ индивидууму «полную независимость» отъ всѣхъ прочихъ. Договоръ «облечетъ государство силой», а оно будетъ служить ею слабымъ индивидуумамъ, не способнымъ поддерживать себя своими собственными средствами.

Я не хочу сказать этимъ, что такой взглядъ на вещи представлялся уму Руссо въ абсолютно чистомъ видѣ, безъ малѣйшей неясности. Еще разъ повторяю: не слѣдуетъ ждать отъ Руссо совершенно законченнаго рѣшенія проблемъ, это будетъ дѣломъ позднѣйшихъ экономистовъ или теоретиковъ демократическаго государства. Я хочу только сказать, что такой именно духъ проникаетъ доктрину Руссо, и что его мнимый социализмъ — не что иное, какъ первая, очень несовершенная и, если угодно, очень опасная формула индивидуализма, который совсѣмъ не отрекается отъ государства, а, напротивъ, призываетъ его на помощь для обезпеченія болѣе благопріятныхъ, удобныхъ и надежныхъ условій развитія личности.

Другіе взгляды Руссо подтверждаютъ такое толкованіе его политическихъ воззрѣній. Государство облечено страшной моральной властью: оно рѣшаетъ, какъ я долженъ вѣровать. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что могущество, которое Руссо удѣляетъ государству, не должно служить къ порабощенію индивидуума. Оно должно, напротивъ, помогать ему въ стремленіи къ полной моральной независимости, направлять его къ личному совершенству. Вѣра, природу которой фиксируетъ госу-

дарство — т.-е. общая воля или, что тоже, моя собственная воля, являющаяся однимъ изъ элементовъ последней,—не должна навязываться извнѣ; по Руссо, эта вѣра должна проистекать изъ моего собственного размышленія. Она создается не государствомъ, а мною самимъ, вмѣстѣ со всѣми согражданами. Слѣдовательно, принужденіе здѣсь только виѣшнее и чисто кажущееся; въ основѣ лежитъ свобода: она — душа и жизненный принципъ доктрины.

Одинъ изъ писателей, наиболѣе понявшихъ Руссо и всего глубже проникнувшихъ въ его мысль, справедливо говоритъ: «Руссо прежде всего имѣетъ въ виду субъекта, личность, личную мораль... Онъ настаиваетъ на добродѣтели и нравственной силѣ... Онъ отстаиваетъ понятіе личнаго Бога. Личность, верховенство, оригинальность — вотъ его центральная идея» ¹⁾. Я не думаю, чтобы можно было лучше понять Руссо и выразить его взгляды. Призывъ къ вмѣшательству государства—вотъ что удивляетъ и смущаетъ людей, понимающихъ индивидуализмъ узко и неправильно, въ современномъ смыслѣ. Но что же дѣлать: Руссо, подобно всѣмъ главнымъ мыслителямъ-индивидуалистамъ XVIII вѣка, не допускаетъ, чтобы государство, съ моральной, политической или экономической точки зрѣнія, оставалось безразличнымъ къ созданію индивидуальности.

Кондорсэ еще менѣе допускаетъ это. По его мнѣнію, для установленія царства равенства между гражданами недостаточно, чтобы государство уважало

¹⁾ Этюдъ Ноггинг'а о политическихъ идеяхъ Руссо, въ собраніи публичныхъ лекцій, подъ заглавіемъ *Rousseau jugé par le Genevois* (стр. 144).

ихъ естественныя права. Оно должно, кромѣ того, облегчить имъ пользованіе этими правами. Послѣ того, какъ государство позволило индивидууму «развивать свои способности, располагать своими богатствами и вполнѣ свободно удовлетворять свои потребности», у него еще «остаются обязанности, которыя оно должно выполнить» ¹⁾. Обязанности эти состоятъ не только въ мудромъ надзорѣ за общественнымъ порядкомъ, въ установленіи правильныхъ и оффиціаль-ныхъ вѣсовъ и мѣръ или въ чеканкѣ неизмѣнной монеты ²⁾. Государство, кромѣ того, посредствомъ справедливаго налога на ту «часть годичнаго дохода», которой собственникъ «не обязанъ непосредственно своему труду» ³⁾, должно создавать учрежденія, которыя не въ состояніи осуществить частныя лица; оно должно заботиться «о прогрессѣ земледѣлія, промышленности и торговли» ⁴⁾; оно должно, наконецъ, «смягчать неизбѣжныя природныя бѣдствія и подобныя имъ непредвидѣнныя случайности» ⁵⁾.

Кондорсе скажетъ еще, что, благодаря даже частичному вмѣшательству государственной власти, должны, если не совершенно исчезнуть, то во всякомъ случаѣ потерять силу, три главныя причины неравенства между людьми. Эти три причины: неравенство въ богатствѣ ⁶⁾, неравенство въ положеніи того человѣка, у котораго средства къ существова-

1) *Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain*, 10-я эпоха (стр. 246).

2) *Ibid.* (стр. 246).

3) *Ibid.* (стр. 247).

4) *Ibid.* (стр. 248).

5) *Ibid.* (стр. 248).

6) *Ibid.* (стр. 339).

нію, «обезпеченныя для него самого, передаются его семьѣ», и того, у котораго эти средства зависѣтъ отъ продолжительности жизни, или, скорѣе, той части жизни, въ теченіе которой онъ способенъ къ труду» ¹⁾; наконецъ, неравенство въ образованіи ²⁾. Относительно средствъ, которыми можетъ пользоваться для этого государственная власть, Кондорсэ говоритъ вполне опредѣленно. Неравенство состояній, которое стремится исчезнуть ³⁾ уже вслѣдствіе естественныхъ причинъ, еще вѣрнѣе уменьшится, если законы не будутъ благопріятствовать «пріобрѣтенному богатству» ⁴⁾ и если администрація «не будетъ открывать немногимъ лицамъ обильные источники богатства», недоступные для остальныхъ гражданъ ⁵⁾. Экономическое неравенство можно значительно ослабить посредствомъ системы взаимнаго страхованія, обезпеченія стариковъ, вдовъ и дѣтей. Каждый вкладывалъ бы часть своихъ сбереженій въ подобныя учрежденія, завѣдывать же ими могли бы частныя ассоціаціи. Но эти учрежденія могли бы создаваться отъ имени общественной власти и стать однимъ изъ ея величайшихъ благодѣяній» ⁶⁾. Кондорсэ высказывается, кромѣ того, за демократизацію кредита, за эмансипацію мелкой торговли и промышленности отъ «крупныхъ капиталистовъ» ⁷⁾. Наконецъ, неравенство въ знаніяхъ можетъ быть подорвано и даже

1) *Esquisse* (стр. 339).

2) *Ibid.* (стр. 339).

3) *Ibid.* (стр. 340).

4) *Ibid.* (стр. 340).

5) *Ibid.* (стр. 341).

6) *Ibid.* (стр. 344).

7) *Ibid.* (стр. 344).

совсѣмъ уничтожено посредствомъ организаціи системы элементарнаго образованія,—этого прочнаго основанія для истиннаго равенства и залога безконечнаго прогресса ¹⁾).

Мысль Руссо получаетъ здѣсь опредѣленное выраженіе. Въмѣсто «общественныхъ житницъ» Кондорсэ предлагаетъ страхование, но тезисъ у нихъ одинъ и тотъ же. Развивая его, Кондорсэ даетъ дѣйствительно замѣчательное выраженіе той теоріи демократическаго государства, которая утвердилась и развилась въ послѣдствіи. Никто не далъ болѣе удовлетворительной формулы индивидуализма, призывающаго государство къ широкой дѣятельности не для того, чтобы дать ему права надъ гражданами, а чтобы показать его обязанности по отношенію къ нимъ. Мысль Кондорсэ является настоящимъ источникомъ всякой соціальной экономіи и всякой современной политики, одобряемой совѣстью.

Наконецъ, вплоть до Канта включительно, у котораго, по указаннымъ нами причинамъ, индивидуалистическій тезисъ представленъ съ наибольшею основательностью и силой, нѣтъ ни одного писателя, который не отводилъ бы государству извѣстной роли въ возможно полномъ развитіи индивидуальности.

Недавно отыскиали у Канта «первыя проявленія» современнаго нѣмецкаго соціализма, при чемъ указывали, напримѣръ, на его взгляды относительно организаціи благотворительности и на его полемику

¹⁾ *Esquisse* (стр. 345 и слѣд.).—Срвн. *Мемуары* Кондорсэ по народному образованію (Сочиненія, изд. Arago, т. VII, стр. 167—437) и его *Докладъ* въ Законодательномъ собраніи (апрѣль, 1792).

противъ права возстанія¹⁾; это не что иное, какъ блестящій парадоксъ. Кантъ такой же социалистъ, какъ Руссо. Но индивидуализмъ Канта, подобно индивидуализму Руссо и всего XVIII вѣка, далеко не отвергаетъ вмѣшательства государства, лишь бы только оно шло въ пользу правъ индивидуума, а не во вредъ ему. Поэтому Кантъ, сначала, повидимому, признающій за государствомъ только одну обязанность — «стоять на стражѣ» правъ личности, принужденъ допустить, что государство должно помогать бѣднымъ и для этого облагать богатыхъ особымъ налогомъ, «предназначеннымъ на поддержку тѣхъ членовъ общества, которые не въ состояніи жить своими средствами»²⁾. Является ли это нарушеніемъ принципа? Нѣтъ, это — скорѣе послѣдовательное примѣненіе его. Государство не было бы бдительнымъ и вѣрнымъ стражемъ правъ своихъ членовъ, если бы оно оставляло множество гражданъ внѣ пользованія первымъ изъ этихъ правъ. Помогая имъ поддерживать существованіе, оно не пользуется правомъ *надъ* ними, еще менѣе *противъ* нихъ: оно обезпечиваетъ *имъ* осуществленіе своего права.

Такимъ образомъ, индивидуализмъ мыслителей XVIII вѣка значительно отличается отъ доктрины, извѣстной подъ такимъ названіемъ въ настоящее время. Онъ ставитъ принципомъ, что индивидуумъ не малолѣтокъ, котораго должно опекать государство — это теорія просвѣщеннаго деспотизма — а взрослый человѣкъ, обязанный желать *самостоятельно*, мыслить, заботиться о себѣ и предвидѣть будущее

¹⁾ *De primis socialismi germanici lineamentis*, латинская диссертация J a u g è s'a (стр. 35—37).

²⁾ *Rechtslehre*, часть 2-я, Allgemeine Anmerkung, § C.

самостоятельно. Соціально-политическая организація должна предоставить ему дѣйствовать какъ мужчинѣ; отсюда—осужденіе всякихъ бесполезныхъ стѣсненій, хотя бы съ хорошими намѣреніями. Никто суровѣе Канта не относится къ «отеческому правленію» ¹⁾. Но соціально-политическая организація должна дѣлать болѣе того: тѣмъ изъ членовъ государства, которые по винѣ обстоятельствъ не достигли еще совершен-нолѣтія, она должна помочь выйти изъ ихъ подчи-неннаго положенія.

Поэтому-то всѣ индивидуалисты единодушно при-зываютъ на помощь государство. Не всѣ они одина-ково точно и одинаково удачно опредѣляютъ лежащія на государствѣ обязанности, способъ ихъ выполне-нія и самое право, на основаніи котораго оно бу-детъ выполнять ихъ,—и съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія основатели доктрины оставляютъ много дѣла своимъ преемникамъ. Но при всемъ томъ—мнѣ хо-тѣлось бы подчеркнуть эту идею со всею опредѣлен-ностью—противоположеніе интересовъ индивидуума и государства, ставшее потомъ существенно харак-терной чертой индивидуалистической ортодоксіи, не представляетъ составной части индивидуализма XVIII вѣка.

Чтобы закончить это *Введение*, остается пока-зать, что публицисты и политическіе дѣятели фран-цузской Революціи понимали индивидуализмъ такъ же, какъ ихъ прямые учителя.

¹⁾ См. особенно *Rechtslehre* и мелкія статьи, озаглавленные: *Was ist Aufklärung?* и *Ueber den Gemeinpruch*: «*Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis*» (Сочиненія, т. VII, 1).

Индивидуализмъ и французская Революція.

Произведенія публицистовъ, Декларациі Правъ и конституціи французской Революціи приводятъ насъ къ заключенію, что и она добивалась и добила торжества широкаго и содержательнаго индивидуализма, отводящаго извѣстную роль государству.

Безъ сомнѣнія, не совсѣмъ ложно мнѣніе, согласно которому Конституанта заботилась, главнымъ образомъ, о развитіи индивидуальной свободы, а Конвентъ—объ укрѣпленіи авторитета государства. Не совсѣмъ ложно систематическое противопоставленіе духа 1789 года духу 1793. Однако, хотя, съ общей точки зрѣнія, это противопоставленіе и содержитъ долю истины, оно далеко не имѣетъ того значенія, какое ему слишкомъ часто приписываютъ. Уже дѣятели 1789 года призывали государство къ дѣятельности на пользу индивидуума. Съ другой стороны, Конвентъ, отводя государству все бѣольшую и бѣольшую роль, дѣлаетъ это, какъ мы сейчасъ покажемъ, опять-таки ради развитія индивидуальности. Слѣдовательно, Конвентъ остается вѣрнымъ индивидуалистическому принципу даже тогда, когда его обвиняютъ въ измѣнѣ.

I.

Прежде чѣмъ прійти къ заключенію, насколько индивидуализмъ XVIII вѣка отличается отъ индивидуализма нашего времени, я читалъ произведенія публицистовъ 1789 года, думая обязательно найти въ нихъ только призывъ къ индивидуальной дѣятельности и недовѣріе къ дѣятельности государства.

Приходится сознаться, что ничего подобного я не нашелъ у нихъ.

Прежде всего, не такими вопросами эти писатели занимаются наиболее охотно. Всѣ они, подобно своимъ предшественникамъ и учителямъ, требуютъ гражданской свободы; многіе требуютъ также и свободы политической; но главнымъ образомъ они, все-таки, заняты детальнымъ выборомъ тѣхъ колесъ, изъ которыхъ намѣреваются составить механизмъ преобразованной монархіи. Имъ приходится иногда касаться проблемы объ отношеніяхъ индивидуума къ государству, но они касаются ея совсѣмъ не для осужденія вмѣшательства государства.

Нерѣдко слышимъ мы отъ нихъ требованіе сильного правительства и могучей централизаціи: въ частности, это—излюбленное положеніе Мирабо ¹⁾. Эту же идею мы встрѣтимъ у всѣхъ легистовъ, которые совершенно самостоятельно передѣляли наши законы и о которыхъ справедливо говорятъ, что, если головѣ и сердцу ихъ была присуща какая-либо политическая идея, то именно идея государства ²⁾. Въ экономическихъ вопросахъ Нэккеръ такъ настаиваетъ на правахъ и обязанностяхъ государства, что его можно было бы причислить къ

¹⁾ Срвн. Francis Desguе, *Les Idées politiques de Mirabeau* (стр. 34 и слѣд.). Эта идея тогда была очень распространена. Въ адресѣ гражданъ города Нанта Національному Собранію я прочелъ: „Чтобы освободиться отъ ярма, такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ, французскій народъ *долженъ дать наибольшій просторъ исполнительной власти*“. *Archives parlementaires*, 1-я серія (т. VIII, стр. 203).

²⁾ Bardoux, *Les légistes, leur influence sur la société française* (стр. 288 и слѣд.).

соціалистамъ ілі, лучше сказать, прикрѣпить соціалистическія требованія къ его книгѣ, какъ одному изъ первыхъ звеньевъ цѣпи ¹⁾. Идея государства, которое должно служить развитію индивидуальных способностей всѣми средствами, находящимися въ его распоряженіи, идея государства демократическаго, не *господина*, а *слуги*, примѣняя формулу, данную, впрочемъ, много позже,—эта идея является уже у дѣятелей 1789 года. Я говорю о наиболее умѣренныхъ изъ нихъ, о тѣхъ, которые должны были очень скоро въ ужасѣ отвернуться отъ созданной ихъ собственными руками Революціи, развитія и результатовъ которой они не признавали.

Тарже ²⁾, Малуэ ³⁾, какъ вѣрные ученики Монтэскьё, провозглашаютъ не только право гражданъ на общественную помощь, но и *право на трудъ*. Мунье, въ своемъ проектѣ деклараціи, ставитъ такой принципъ: «люди должны имѣть свободное и полное

¹⁾ Луи Бланъ, *Histoire de la Révolution française*.

²⁾ Ст. 6. „Политическое тѣло обязано давать каждому человеку средства къ существованію, путемъ ли собственности, или труда, или взаимопомощи“. Target въ *Projet de déclaration—Archives parlementaires*, 1-я серія (т. VIII, стр. 288).

³⁾ Засѣданіе 3 августа 1789 года. Малуэ говоритъ о порядкѣ преній... „Особенно заслуживаетъ вашей поддержки недостаточный, состоящій на жалованіи классъ, живущій только своими услугами и работой. Для него именно нужно обезпечить средства къ существованію и трудъ... Таковъ предметъ двухъ предложеній, которыми я кончаю: *трудъ и пропитаніе, основанные на обязанностяхъ общества къ нуждающимся въ нихъ и на огромныхъ средствахъ націи, которыми она можетъ обезпечить и то и другое*“. *Archives parlementaires*, 1-я серія (т. VIII, стр. 339).

примѣненіе всѣхъ своихъ физическихъ и моральныхъ способностей ¹⁾. Не представляетъ ли все это какъ бы краснорѣчиваго и точнаго комментарія къ доктринамъ Руссо, Кондорсе и Канта?

Если Тарже, Малуэ и Мунье принимаютъ эту доктрину со всѣми ея выводами, нечего удивляться, что у Сіэйса мы встрѣтимъ еще болѣе ясное и полное ея выраженіе. Въ данномъ случаѣ единственнымъ затрудненіемъ является выборъ между цитатами. Возьмемъ сначала проектъ деклараціи (21 іюня 1789 г.), въ которомъ Сіэйсъ, въ тождественныхъ съ Мунье выраженіяхъ, говоритъ, что общество не только не уменьшаетъ тѣхъ средствъ, которыя индивидуумъ приносить въ ассоціацію для своей частной пользы, но «увеличиваетъ и умножаетъ ихъ посредствомъ бѣльшаго развитія моральныхъ и физическихъ способностей» ²⁾. Укажемъ затѣмъ на два пункта предварительнаго проекта конституціи (12 августа 1789 г.): въ одномъ изъ нихъ требуется учрежденіе коммунальныхъ и провинціальныхъ совѣтовъ. подъ наблюденіемъ и контролемъ исполнительной власти, чтобы на всемъ протяженіи королевства «ни у кого не было недостатка въ помощи, *трудѣ* и пропитаніи»; въ другомъ—общественное воспитаніе, основанное на морали, исторіи и національныхъ законахъ ³⁾.

Въ первомъ изъ упомянутыхъ нами документовъ нужно въ особенности отмѣтить ясно выраженное

¹⁾ Засѣданіе 27 іюля 1789 года. *Archives*, 1-я серія (т. VІІІ, стр. 285).

²⁾ *Archives*, 1-я серія (т. VІІІ, стр. 254).

³⁾ *Ibid.* (т. VІІІ, стр. 426).

признаніе права гражданъ на государство. «Граждане въ своей совокупности имѣютъ право на все, что государство можетъ сдѣлать въ ихъ пользу». И Сіэйсъ настаиваетъ на этомъ: общественныя средства должны «возрастать вмѣстѣ съ богатствомъ и процвѣтаніемъ націи». Совокупность этихъ средствъ, «состоящая изъ лицъ и вещей, должна называться общественнымъ учрежденіемъ, чтобы лучше напоминать о своемъ происхожденіи и назначеніи» ¹⁾. Здѣсь, если я не ошибаюсь, гораздо раньше Конвента государство надѣляется важными функціями, имѣющими цѣлью благо, выгоду его членовъ. Здѣсь, задолго до анализа новѣйшихъ публицистовъ, мы находимъ понятіе о демократическомъ государствѣ, опирающемся на слѣдующіе два основные принципа: принципъ доставленія каждому индивидууму средствъ въ существованію и принципъ интеллектуальной и моральной культуры ²⁾. Эти взгляды не остались чисто теоретическими: они вошли, если не въ Декларацию Правъ, какъ ее окончательно вотировала Конституанта, то, по крайней мѣрѣ, въ конституцію 1791 года, о чемъ или совсѣмъ забываютъ, или не считаютъ нужнымъ говорить ³⁾.

¹⁾ *Archives*, 1-я серія (т. VIII, стр. 259).

²⁾ Позднѣе Сіэйсъ далъ другую формулу, которая довольно хорошо выражаетъ сущность демократическаго правленія: „Отправнымъ пунктомъ этого политическаго движенія въ свободной странѣ можетъ быть только свободная нація въ ея первичныхъ собраніяхъ; конечный пунктъ его — народъ, пользующійся благодѣяніями закона“. Рѣчь 2-го термидора, III года. Цитировано по А. Bigeon, *Sieyès, l'homme, le constituant* (стр. 154).

³⁾ „Должно быть создано и организовано главное учрежденіе общественной пользы, для воспитанія покинутыхъ дѣтей,

Конституція 1793 года глубоко измѣняетъ политическія формы, установленныя конституціей 1791 года. Она освящаетъ верховенство народа не только въ теоріи, но и на практикѣ. Но, съ нашей точки зрѣнія, она не создаетъ ничего новаго. Обѣ статьи, включенныя на этотъ разъ въ Декларацію Правъ, которыя устанавливаютъ общественную помощь и народное образованіе, редактированы болѣе напыщенно, но *менѣе точно*, особенно вторая, чѣмъ соотвѣтствующія статьи конституціи 1791 года ¹⁾. Статья I-я Деклараціи Правъ 1793 года гласитъ, правда, что «цѣлью общества является общее благо» ²⁾, между тѣмъ, какъ Декларація Правъ и Конституція 1791 года молчатъ или почти молчатъ объ этомъ. Но можно ли отсюда заключать, что эти двѣ конституціи раздѣляетъ цѣлая пропасть и что вторая приведенной выше «роковой формулой» устанавливаетъ «принципъ социализма» ³⁾?

облегченія участи немощныхъ бѣдняковъ и доставленія работы здоровымъ бѣднякамъ, которые сами не могутъ ее добыть.

„Должно быть введено и организовано общественное образованіе, бесплатное въ той части, которая обязательна для *каждаго человека*“ (Конституція 1791 года, статья I).

1) „Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать пропитаніе несчастнымъ гражданамъ, или снабжая ихъ работой, или обезпечивая средства къ существованію тѣхъ, кто не въ силахъ работать“.

„Образованіе необходимо для всѣхъ. Общество должно всѣми силами благопріятствовать прогрессу умственного развитія и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ“ (Статьи 21 и 22 Деклараціи Правъ 1793 года).

2) „... для того, чтобы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на простыхъ и бесспорныхъ принципахъ, всегда способствовали поддержанію конституціи и *счастью всѣхъ*“.

3) *Beudant, Le Droit individuel et l'État* (стр. 154).

Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно обратиться къ протоколамъ Конституанты. Мы увидимъ изъ нихъ, что *все* проекты Декларациі Правъ, изъ которыхъ ей пришлось выбирать, начинались положеніемъ: стремленіе къ счастью или является причиною соціальныхъ узъ, или первымъ и самымъ законнымъ инстинктомъ человѣческой природы ¹⁾. Въ окончательномъ проектѣ, принятомъ Конституантой, эти слова выброшены, но не потому, чтобы они казались собранію опасными; напротивъ, они были бы приняты большинствомъ членовъ, если не единогласно. Насколько можно судить по отсутствію дебатовъ по существу во время ряда засѣданій, на которыхъ отчеты и доклады занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ разсужденія и *cross examination*, Конституанта просто хотѣла избѣжать всего, что могло бы придать Декларациі метафизическій оттѣнокъ ²⁾. Но относительно настроенія умовъ въ самой Конституантѣ и относительно вдохновлявшей ее философіи не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

1) См. Проектъ Декларациі Thouret (ст. I), *Archives parlementaires*, 1-я серія (т. VIII, стр. 325). Проектъ Ch. François Vouche'a, ст. 2. *Ibid.* (т. VIII, стр. 400). Проектъ Rabaud Saint-Etienne'a, ст. 1. *Ibid.* (т. VIII, стр. 406). Проектъ Сіэйса, ст. 1, 2 и 3. *Ibid.* (т. VIII, стр. 422). Проектъ Gouges-Carton'a ст. 1. *Ibid.* (т. VIII, стр. 428).

2) Стремленіе избѣгать *метафизики* крайне сильно у публицистовъ и ораторовъ Конституанты, унаслѣдовавшихъ въ этомъ отношеніи предубѣжденія Вольтера и энциклопедистовъ. Ср. рѣчи: Мунье (*Archives*, 1-я серія, т. VIII, стр. 231), Барнава (*Ibid.*, стр. 322), Малуз (*Ibid.*, стр. 323), маркиза де Силлери (*Ibid.*, стр. 340), Гара (*Ibid.*, стр. 394), Лалли-Толландаля (*Ibid.* стр. 458) и проч.

Эта философія представляет странную смѣсь утилитарной морали энциклопедистовъ и ученія Руссо о правѣ.

При чтеніи парламентскихъ документовъ, какъ и при чтеніи книгъ и мемуаровъ, насъ поражаетъ, что права, на которыя такъ часто и краснорѣчиво ссылаются въ нихъ, оказываются только *средствомъ для достиженія счастья*. «Право короля и націи существуютъ только для счастья индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ нація»... ¹⁾, говоритъ Мунье въ своемъ докладѣ отъ имени Комитета по составленію конституціи. Мнѣніе Мунье раздѣляютъ всѣ его современники. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они слишкомъ увлекаются Руссо. Дѣйствительно. Они вдохновляются имъ, но часто пренебрегаютъ въ его доктринѣ тѣмъ, что составляетъ ея оригинальный и революціонный элементъ *par excellence*: правомъ личности, требующимъ уваженія къ себѣ лишь потому, что оно право. Въ глазахъ публицистовъ 1789 года право индивидуума священо прежде всего потому, что, при отсутствіи уваженія къ нему, не возможно было бы счастье.

Слѣдовательно, они смотрятъ на право какъ на самый насущный и могущественный интересъ, а не какъ на нѣчто несоизмѣримое ни съ какимъ интересомъ. Изъ боязни «метафизики» эти публицисты не достаточно углубили идею права; въ этомъ ихъ слабая сторона. Въ своемъ сильномъ и удачномъ протестѣ въ пользу индивидуализма они слишкомъ, или, по словамъ одного проницательнаго мыслителя, даже «совершенно игнорировали то, изъ чего состоитъ

¹⁾ *Archives*, 1-я серія (т. VIII, стр. 216).

индивидуализмъ, т.-е. свободное и внутреннее воздѣйствіе души на самое себя». И въ этомъ заключается, вѣроятно, одна изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ Революція удалась только наполовину. «Учрежденія были уничтожены, но душа осталась прежняя» ¹⁾.

Вслѣдствіе недостаточно глубокаго пониманія идеи права, а также идей индивидуума и личности, дѣятели Революціи не всегда умѣли вполне точно установить границу, за которую не должна переходить дѣятельность государства.

Провозглашая право на общественную помощь и право на трудъ или, пользуясь болѣе неопредѣленной, а потому самому предпочтительной формулой Рабо Сэнтъ - Этьена, «право на существованіе, на сохраненіе своего существованія» ²⁾, а также право на элементарное образованіе, дѣятели Революціи вдохновлялись высокимъ индивидуализмомъ. Наоборотъ, они измѣнили самымъ основнымъ, элементарнымъ требованіямъ индивидуализма, когда реставрировали идею государственнаго интереса и предоставили государству власть, хотя бы и временную, надъ индивидуумомъ, надъ его совѣстью, безопасностью, свободой передвиженія, торговли и труда.

Эта часть дѣятельности Конвента заслуживаетъ упрековъ, отъ которыхъ свободны принципы, выставленные имъ относительно общественной помощи и образованія, и касающіяся этихъ принциповъ статьи Декларациі Правъ и Конституціи 1793 года.

¹⁾ Emile Montégut, *Libres opinions* (стр. 204). См. весь отрывокъ, очень содержательный.

²⁾ Онъ прибавляетъ, впрочемъ: „и сдѣлать его, по возможности, счастливымъ“. *Archives*, 1-я серія (т. VIII, стр. 406).

Всѣхъ этихъ ошибокъ и заблужденій Революція могла бы избѣжать, если бы постаралась освободиться не отъ метафизики, а наоборотъ, отъ утилитарнаго воспитанія, завѣщаннаго ей XVIII вѣкомъ.

Такимъ образомъ, недостатокъ уваженія къ правамъ личности со стороны дѣятелей Революціи объясняется тою же причиною, которая, по нашему мнѣнію, объясняетъ безсиліе теоретиковъ просвѣщеннаго деспотизма возвыситься до индивидуализма. И вотъ — мы опять приходимъ къ идеѣ, которая уже не разъ представлялась какъ бы необходимымъ выводомъ изъ нашего изслѣдованія: только усиленная работа въ области метафизическаго умозрѣнія и въ области критики можетъ сообщить индивидуалистическому тезису необходимую силу и прочность.

II.

Изъ предыдущаго видно, какъ далеко отъ истины господствующее мнѣніе, что въ эпоху Революціи существовало два потока идей: одинъ — индивидуалистическій по существу, представленный Конституантой, гдѣ будто бы господствовало вліяніе Монтэскьё, другой — по существу *государствующій* (*étatiste*), представленный Конвентомъ, гдѣ будто бы господствовало вліяніе Руссо. Не бесполезно будетъ, однако, остановиться нѣсколько на тѣхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ эта формула рушится или, точнѣе говоря, получаетъ болѣе ограниченное значеніе.

Необходимо отмѣтить, прежде всего, что вышеуказанное раздѣленіе одинаково допускается самыми

противоположными школами ¹⁾. Только индивидуалисты—тѣ именно, которые понимают индивидуализмъ на манеръ либераловъ и экономистовъ эпохи Реставраціи, Іюльской монархіи и второй Имперіи—восхваляютъ работу Конституанты и обезцѣниваютъ дѣло Конвента; тогда какъ социалистъ, историкъ Революціи, вмѣняетъ Конституантѣ въ преступленіе, что она недостаточно часто обращалась къ воздѣйствію государства; позитивисты же, съ своей стороны, считаютъ дѣло Конституанты чисто критическимъ и безплоднымъ; только дѣятельность Конвента — которую они охотно отождествляютъ со взглядами Дантона, связывая послѣдніе весьма сомнительной связью со взглядами Дидро—кажется имъ органической и плодотворной ²⁾.

Противъ этого, столь обычнаго раздѣленія можно и должно сдѣлать одно важное возраженіе: хотя нѣкоторые факты какъ будто и подтверждаютъ его, однако, другіе, гораздо болѣе многочисленные, такого подтвержденія не даютъ.

Тѣмъ болѣе, чѣмъ кто-либо подчеркнулъ контрастъ между либеральной программой 1789 года и программой якобинцевъ. Но, подобно тому, какъ до взрыва 1789 года существовали довольно сильно выраженные проявленія революціоннаго духа, не допускающія мысли, что 1789 годъ внезапно порвалъ связь прошлаго съ настоящимъ ³⁾; подобно тому, какъ, съ

¹⁾ См. со стороны индивидуалистовъ особенно: La f e r r i è r e, *Histoire des Principes, des Institutions et des Lois pendant la Révolution française*, а со стороны социалистовъ: L o u i s B l a n c, *Histoire de la Révolution française*.

²⁾ См. далѣе нашу кн. IV, гл. I.

³⁾ См. особенно R o s q u a i n, *L'Esprit révolutionnaire, avant la Révolution*.

интернаціональної точки зрѣнія, въ политической жизни Европы имѣли мѣсто весьма многія изъ событий, совершенно подобныхъ тѣмъ, какія, до новѣйшихъ изслѣдованій, казались безусловно характерными для новой эры¹⁾; такъ и между двумя періодами Революціи, повидимому столь противоположными по духу, существуетъ очень много общихъ чертъ. Безъ сомнѣнія, направленіе Конституанты проникнуто умѣренностью и примирительнымъ духомъ, а направленіе Конвента — рѣшительностью и смѣлостью. Несомнѣнно также, что Конституанта болѣе хлопотала о политической свободѣ, а Конвентъ о равенствѣ²⁾. Тѣмъ не менѣе, нельзя утверждать, что чувство равенства было чуждо Конституантѣ или чувство свободы — Конвенту.

Когда Вольнэй ставитъ равенство на одну доску со свободой³⁾, а Кондорсэ показываетъ, что нельзя уменьшить неравенства, не увеличивая тѣмъ самымъ свободы и, наоборотъ⁴⁾, они оба являются вѣрными выразителями духа 1789 года. Съ другой стороны, не Конвентъ ли установилъ свободу культа, и установилъ съ такой смѣлостью, которая неизвѣстна его предшественникамъ и не вызвала подражанія у преемниковъ?⁵⁾ — Если сравнить, напримѣръ, доктрины о собственно-

1) Доказательства см. у A. Sorel'a, *L'Europe et la Révolution* (т. I, кн. I).

2) Доказательства этого см. у Edme Champion'a, *L'Esprit de la Révolution française*, гл. V.

3) *Les Ruines*, главы XVII и XVIII.

4) Edme Champion, *L'Esprit de la Révolution française* (стр. 219—221).

5) *Ibid.* (стр. 224). — Cp. Gazier, *Études sur l'histoire religieuse de la Révolution française* (Предисловіе, стр. VIII).

сти, то нужно согласиться съ Тропломъ (Trop long)¹⁾, что индивидуалистическая доктрина встрѣчается скорѣе въ Конвентѣ, чѣмъ въ Конституантѣ, которая, ограничиваясь повтореніемъ теоретиковъ стараго порядка, не признаетъ за правомъ собственности иного происхожденія, кромѣ самого законодательства. Въ Конституантѣ это мнѣніе, не совмѣстимое съ либерализмомъ и индивидуализмомъ, поддерживали Мирабо и Тронше. Вновь и еще сильнѣе выразилъ это мнѣніе Робеспьеръ въ своемъ проектѣ Декларациі Правъ. Но Конвентъ отказался слѣдовать за нимъ, и обнародовалъ свою Декларацию Правъ, хотя, по замѣчанію Тропла²⁾, Робеспьеръ былъ тогда на высотѣ своей власти. Статья 16-я этой Декларациі не упоминаетъ о вмѣшательствѣ закона въ институтъ права собственности. Вотъ, слѣдовательно, капитальный пунктъ, гдѣ индивидуалистическая логика оказывается на сторонѣ Конвента; непоследовательность съ точки зрѣнія доктрины — на сторонѣ Конституанты.

Въ исторіи идей, какъ и въ исторіи фактовъ, случается, что прошедшее, освѣщенное отблесками настоящаго, принимаетъ ложную и обманчивую окраску. Обвиняя Конвентъ въ томъ, что онъ отводитъ слишкомъ большую роль государству, такъ какъ признаетъ право на общественную помощь и образованіе, тѣмъ самымъ вводятъ въ понятіе индивидуализма элементы, не входящіе въ него какъ необходимыя составныя части, и чуждые ему въ XVIII

1) *La Propriété d'après le Code civil* (Collection des Petits Traités de l'Académie des sciences morales et politiques, стр. 113).

2) *La Propriété d'après le Code civil* (стр. 123).

вѣкъ. Рѣзкая, абсолютная противоположность между индивидуумомъ и государствомъ установилась много позже, и тогда стали считать индивидуалистическимъ періодомъ Революціи тотъ, когда всего менѣе говорилось о дѣятельности государства, а періодомъ анти-индивидуалистическимъ тотъ, когда о ней говорилось все болѣе. Въ дѣйствительности же статьи Декларациі Правъ 1793 года, считающіяся направленными противъ индивидуалистической доктрины, имѣли цѣлью, по мысли тѣхъ, кто ихъ санкціонировалъ, помочь появленію наибольшаго числа вполне развитыхъ и настоящихъ индивидуальностей. А тогда это было формулой всякаго индивидуализма.

III.

Итакъ, отвергаемую нами точку зрѣнія необходимо замѣнить другою. Индивидуализмъ французской Революціи—если судить о немъ не по ходячимъ взглядамъ настоящаго времени, а потому, какъ понимали его философы XVIII вѣка — не содержится цѣликомъ въ Декларациі Правъ 1789 года. Онъ заключается также, и даже *главнымъ образомъ*, въ великихъ принципахъ содѣйствія обезпеченію матеріальныхъ и моральныхъ благъ (общественная помощь, народное образованіе) Конституціи 1791 года и въ статьяхъ Декларациі Правъ 1793 года, устанавливающихъ тѣ же самыя права гражданъ по отношенію къ государству.

Но подобно тому, какъ теоретическое выраженіе индивидуализма у представителей XVIII вѣка не достигло желательной степени точности и законченности, такъ, на практикѣ, французская Революція, стоявшая за право индивидуума и за его полную

эмансипацію, примѣшала къ своей освободительной работѣ чуждые ей элементы.

Поэтому, на ряду съ мѣрами, внушенными абстрактными философскими взглядами, примѣнялись мѣры, вынужденныя или подсказанныя обстоятельствами. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ вызывали и справедливо продолжаютъ вызывать порицаніе, но я не буду касаться ихъ, потому что онѣ не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ чистыми идеями. Ихъ объясненіе лежитъ въ томъ изъ «принциповъ», который наиболѣе враждебенъ всякому принципу и въ частности—индивидуалистическому, въ принципѣ государственнаго интереса. Принимая такія мѣры—какъ тѣ, которыя, не будучи хорошими, извинительны, такъ и тѣ, которыя не заслуживаютъ никакого извиненія—Революція, побуждаемая обстоятельствами или вынуждаемая необходимостью, одинаково всесильной при всякомъ государственномъ строѣ, уклонилась отъ намѣченнаго ею высокаго идеала. Но она поставила себѣ дотолѣ невѣдомую государству задачу — освободить индивидуума, придать его личности цѣнность; а потому, допущенныя ею грубыя заблужденія и преступленія кажутся менѣе терпимыми, чѣмъ аналогичныя заблужденія и преступленія въ другіе историческіе моменты. Сосѣдство философіи съ насиліемъ отталкиваетъ нашъ умъ, и въ общепринятомъ сужденіи о Революціи играетъ значительную роль горькое разочарованіе, невольное вызываемое контрастомъ между превосходными цѣлями и недостойными средствами, слишкомъ часто употреблявшимися не для достиженія этихъ цѣлей—послѣднія отходили на задній планъ — а просто для самозащиты, для поддержанія своего существованія.

Къ Революціи были бы справедливы, если бы старались точно разграничить *то, что принадлежит собственно ей*, т.-е. могучій порывъ къ освобожденію уже существующихъ индивидуальностей, а также зарождающееся и пока еще не вылившееся въ опредѣленную форму стремленіе призвать къ индивидуальной жизни наибольшее число членовъ общества, *отъ того, что ей не принадлежитъ*, хотя съ моральной точки зрѣнія она и отвѣтственна за это: я имѣю въ виду тѣ акты, которые, подъ давленіемъ событій, совершило глубоко потрясенное, но желавшее жить общество.

Заключительные выводы.

Если въ самой французской Революціи, какъ только что было отмѣчено, мы находимъ, кромѣ Революціи, кромѣ великаго идеалистическаго и индивидуалистическаго кризиса, засвидѣтельствованнаго Деклараціей Правъ 1789 года, кромѣ желанія соціальной справедливости, засвидѣтельствованнаго Деклараціей Правъ 1793 года, находимъ также общество, жизнь котораго или идетъ во многихъ отношеніяхъ попрежнему, какъ она шла бы при отсутствіи всякихъ новшествъ, или глубоко взволнована событіями, порожденными революціонной агитаціей, — то еще естественнѣе, что въ такъ называемый *новый порядокъ* входитъ нѣчто помимо французской Революціи и ея принциповъ. Принципами революціи проникнуты нѣкоторыя изъ новыхъ учрежденій; но, на ряду съ этими учрежденіями, проникнутыми новымъ духомъ, Консульство и Имперія возстановляютъ

или поддерживаютъ много учрежденій стараго порядка, совершенно чуждыхъ этому духу, а кромѣ того много традицій просвѣщеннаго деспотизма.

Уже Токвиль указалъ, какъ въ 1800 году была восстановлена администрація стараго порядка ¹⁾. Затѣмъ Тэнъ, послѣ болѣе близкаго и критическаго изученія образованія стараго порядка, пришелъ къ заключеніямъ, подтверждающимъ мысль Токвиля ²⁾. Идетъ ли дѣло объ администраціи въ собственномъ смыслѣ, или о школѣ, или о церкви,—вездѣ можно констатировать странную смѣсь взглядовъ административной и абсолютной монархіи, просвѣщеннаго деспотизма и индивидуалистическаго принципа. Новый порядокъ представляетъ изъ себя сложное и составное цѣлое, въ которомъ духъ французской Революціи, духъ индивидуализма, дѣйствуетъ только въ качествѣ фермента.

Если согласиться съ предшествующимъ, то нужно признать, что проблема о природѣ государства, его функціяхъ и его отношеніяхъ къ индивидууму являлась для французской мысли начала XIX вѣка очень запутанной.

Ей сразу представлялись три рѣшенія этой проблемы: съ одной стороны — концепція государства, созданная административной монархіей и, повидимому, отвѣчавшая традиціоннымъ, кореннымъ условіямъ жизни французскаго общества; съ другой — удобная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ концепція государства, созданная просвѣщеннымъ деспотизмомъ; наконецъ, концепція чисто индивидуалистическая.

¹⁾ *L'Ancien Régime et la Révolution* (стр. 89, стр. 308—309).

²⁾ *Les Origines de la France contemporaine, le Régime moderne* (т. II).

Вслѣдствіе индифферентности общественной мысли къ соціально-политическимъ доктринамъ, — индифферентности, которая, по возможности, будетъ объяснена далѣе на страницахъ этой книги, очень рѣдко пытались вникнуть въ эти различныя тенденціи, ихъ причины и слѣдствія. Кромѣ того, страстность, съ которой всегда высказывались за или противъ Революціи, за или противъ философіи XVIII вѣка, мѣшала примѣнять къ такого рода изслѣдованіямъ совершенно объективный научный методъ. Считали возможнымъ обходиться безъ ближайшаго разсмотрѣнія фактовъ или не принимали тѣхъ предосторожностей и предохранительныхъ мѣръ, которыя однѣ лишь могли бы дать правильный взглядъ на вещи.

Но въ то время, какъ теорія была въ упадкѣ, жизнь шла своимъ чередомъ. Въ политическомъ мірѣ установленіе всеобщаго избирательнаго права завершило Революцію. Въ экономической области крупная промышленность произвела новую революцію, результаты которой, повидимому, еще не выяснились. Затѣмъ, въ исторіи, философіи, наукахъ возникли новыя направленія, оказавшія неизбѣжное воздѣйствіе на соціальныя и политическія теоріи.

На страницахъ нашей книги сдѣлана попытка прослѣдить движеніе французской мысли подъ дѣйствіемъ этихъ различныхъ вліяній умозрительнаго характера, а также въ ея примѣненіи къ такому подвижному, непрерывно измѣняющемуся и измѣняемому матеріалу, какъ политическое общество.

Предпринятое нами изслѣдованіе имѣетъ не только историческій интересъ. Въ сущности, дѣло идетъ о

томъ, чтобы узнать, какую цѣну для современнаго сознанія имѣютъ юридическія и договорныя теоріи, которыми вдохновлялась Революція; могутъ ли онѣ побѣдить возраженія и трудности, съ начала XIX вѣка выдвигавшіяся противъ нихъ столь разнообразными школами, и при какихъ условіяхъ онѣ могутъ одержать побѣду. Такимъ образомъ, въ этомъ, повидимому, чисто теоретическомъ вопросѣ заключается нѣчто живое и крайне поучительное для насъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ
ПРОТИВЪ
ПРИНЦИПА ИНДИВИДУАЛИЗМА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Реакція противъ индивидуализма, достигшая полного расцвѣта въ XIX вѣкѣ, возникаетъ еще въ послѣднюю четверть XVIII. Подобно индивидуалистическому движенію, она получаетъ общеевропейскій характеръ. Нѣкоторыя изъ выражающихъ ее наиболѣе яркихъ формулъ принадлежатъ англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ. Поэтому, даже имѣя передъ собой спеціальную задачу—прослѣдить исторію идеи государства во Франціи, нельзя, ознакомившись съ теократами, не ознакомиться также съ Бентамомъ, Бёркомъ, Савиньи и Гегелемъ, оказавшими такое огромное вліяніе на умы далеко за предѣлами своей родины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Реакція во Франціи.

I.

Можно сказать, что Сэнъ-Мартэнъ, де-Местръ, де-Бональдъ, Балланшъ и Ламеннэ образуютъ настоящую школу. При всемъ различіи между ними въ складѣ ума, въ характерѣ и планѣ работъ, все они исповѣдуютъ одну и ту же доктрину, очень удачно названную теократической, потому что она, по собственному признанію одного изъ ея представителей, должна добиваться того, чтобы Декларацию Правъ человека замѣнить «Декларацией Правъ Бога»¹⁾.

Теократическая идея впервые является у Сэнъ-Мартэна²⁾. Хотя онъ очень мало интересуется политикой, однако у него въ высшей степени опредѣ-

1) De Bonald, *Discours préliminaire à la Législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 250).

2) Полнаго собранія сочиненій Сэнъ-Мартэна нѣтъ. Вотъ заглавія и даты главныхъ произведеній, въ которыхъ изложены его политическіе взгляды: *Des Erreurs* (1775).—*Lettre à un ami, ou Considérations politiques, philosophiques et religieuses sur la Révolution française*, an III (1795).—*Éclair sur l'association humaine*, an IV (1796).—*Réflexions d'un observateur sur la question posée par l'Institut: Quelles sont les institutions les plus propres à fonder la morale d'un peuple?* an VI (1798).

ленно намѣченъ рядъ вопросовъ, разработанныхъ въ послѣдствіи теократической школой; съ другой стороны, у него слишкомъ много общаго съ де-Местромъ, чтобы можно было опустить его въ этомъ бѣгломъ обзорѣ авторовъ и ихъ произведеній.

Сэнъ - Мартэнъ—иллюминать, мысль котораго витаетъ въ области грёзъ; со своихъ химерическихъ высотъ онъ бросаетъ на міръ взглядъ, полный состраданія. По его мнѣнію, человѣкъ все еще не понялъ истинной природы общества. Происхожденія послѣдняго нельзя объяснить ни господствомъ силы, какъ полагалъ Гоббсъ, ни договоромъ, какъ думалъ Руссо. Сила управляетъ отношеніями животныхъ, но не людей. По какому праву, съ другой стороны, человѣкъ, который самому себѣ не принадлежитъ и самого себя не создалъ, могъ бы заключить договоръ ¹⁾? Здѣсь, такимъ образомъ, впервые проскальзываетъ идея, тщательно разработанная преемниками Сэнъ-Мартэна: человѣкъ совершенно не въ состояніи открыть причины происхожденія общественнаго строя и создать его.

У Сэнъ-Мартэна мы встрѣчаемъ и первое примѣненіе излюбленнаго метода теократической школы. Онъ утверждаетъ, что всѣ заблужденія философовъ по данному вопросу происходятъ оттого, что они опираются исключительно на разумъ; но одинъ разумъ здѣсь безсиленъ: необходимо участіе всей души. А душа по этому вопросу говоритъ намъ, что первичнымъ обществомъ слѣдуетъ считать то, въ которомъ наши слабыя силы находятъ себѣ наибольшую поддержку: таковы — семья, религія. И та и дру-

¹⁾ *Des Erreurs et de la Vérité* (стр. 270)

гая, кромѣ того, опираются на волю Божію. Вотъ гдѣ истинный источникъ власти ¹⁾.

По мнѣнію Сэнъ-Мартэна, всякая власть, не носящая на себѣ печати Божества, является сомнительной, даже прямо незаконной. Съ этой точки зрѣнія, одинаково незаконными оказываются и монархія 1775 года, строго осужденная имъ въ книгѣ *О заблужденіяхъ*, и республика 1795 года, не менѣе сурово осужденная въ *Письмѣ къ другу*. Въ самомъ дѣлѣ, монархія опирается на силу, постоянно созидающую и разрушающую свое созданіе. Нѣтъ устойчивости, а слѣдовательно, нѣтъ истинной справедливости. Республика опирается на народное верховенство. Но человѣкъ, обладавшій верховенствомъ до первороднаго грѣха, уже не обладаетъ имъ въ настоящее время. Не обладая же верховенствомъ, народъ никому не можетъ передать тѣхъ правъ, которыми онъ самъ не обладаетъ ²⁾.

Такимъ образомъ, ни чисто народное правленіе ни сдѣлки, которыя народъ можетъ заключать съ избранной семьей или избраннымъ индивидуумомъ, ни стародавняя традиціонная монархія не пользуются расположеніемъ Сэнъ-Мартэна. Его государь, истинный «посланникъ Божій» ³⁾, долженъ быть «человѣкомъ возрожденнымъ», оправданнымъ добродѣтелью, который станетъ примѣнять къ своимъ менѣе счастливымъ братьямъ то, что правильно назвали «святымъ деспотизмомъ милосердія» ⁴⁾. Мы не будемъ,

¹⁾ *Lettre à un ami* (стр. 51).

²⁾ *Ibid.* (стр. 62 и слѣд.).

³⁾ *Ibid.* (стр. 60).

⁴⁾ Caro, *Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin* (стр. 277).

однако, детально выяснять, какъ Сэнъ-Мартэнъ представляетъ себѣ того верховнаго вождя, который одновременно долженъ былъ исполнять обязанности первосвященника, верховнаго судьи и главнаго врача народа теософовъ ¹⁾. Здѣсь передъ нами уже не политическій писатель, а иллюминать. Его мечты, часто изложенныя очень краснорѣчиво, насъ не касаются.

Итакъ, Сэнъ-Мартэнъ оставляетъ своимъ преемникамъ три очень важныя идеи, изъ которыхъ двѣ касаются сущности доктрины, а послѣдняя—метода.

Методическая идея заключается въ слѣдующемъ: вопросъ о происхожденіи политическихъ обществъ не можетъ быть рѣшенъ при помощи чистаго разума, какъ это думали философы XVIII вѣка; инстинкту, безсознательному процессу отводится очень важная роль, какъ факторамъ общественнаго развитія.—Устанавливается тѣсная связь между идеей творчества вообще и идеей соціальной жизни; власть исходитъ непосредственно отъ Бога; это уже не та довольно слабая связь между властью и божествомъ, какую признавали теологи стараго порядка, допуская, что Богъ освящаетъ всякую власть, если она возникла законнымъ путемъ или достаточно долго просуществовала; нѣтъ, это очень тѣсная связь: государь долженъ носить на своемъ челѣ «печать слова Божія». Вотъ идеи, относящіяся къ доктринѣ.

Гораздо болѣе важное мѣсто въ теократической школѣ занимаетъ Жозэфъ де-Местръ, оригинальности котораго ничуть не можетъ повредить, признаемъ мы или нѣтъ что онъ отчасти черпалъ свое

¹⁾ *Des Erreurs et de la Vérité* (стр. 283).

вдохновеніе въ сочиненіяхъ Сэнъ-Мартэна, добывая изъ нихъ, какъ изъ необработанной руды, идеи Не-вѣдомаго философа ¹⁾).

Свои наиболѣе страшные удары де-Местеръ направляетъ противъ человѣческой воли, которую такъ высоко ставили Руссо и Кантъ. Онъ мѣтко поражаетъ врага прямо въ сердце. Воля человѣка,—говоритъ онъ,—окончательно извращена вслѣдствіе его грѣхопаденія. Эта извращенная воля обязательно должна быть управляемой ²⁾. Человѣкъ уже не обладаетъ тѣмъ, что онъ, преисполненный гордости, считаетъ свойствомъ своей природы: способностью творчества. Общество дѣло не его рукъ. Оно не можетъ возникнуть вслѣдствіе добровольнаго акта, личнаго или коллективнаго, потому что народная масса такъ же безсильна создать что-нибудь, какъ и индивидуумъ. Общество—необходимый фактъ. Правительство существуетъ не по милости народовъ ³⁾. Законъ уже не выражаетъ общей воли: онъ является настоящимъ закономъ лишь тогда, когда «исходитъ отъ высшей воли» ⁴⁾. Учрежденія — замѣтьте себѣ эту идею, наиболѣе интересную и оригинальную изъ всѣхъ идей де-Местра—учрежденія

¹⁾ *Considérations sur la France* (1796).—*Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines* (1810).—*Les Soirées de Saint-Petersbourg* (1821).—*Du Pape* (1819).

По частному вопросу объ отношеніи Жозэфа де-Местра къ Сэнъ-Мартэну см. Саго: *Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin* (стр. 282 и 283) и Sainte-Beuve, *Portraits littéraires* (т. II, стр. 422—454).

²⁾ *Du Pape* (т. I, стр. 211).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 213).

⁴⁾ *Essai sur le principe générateur des constitutions* (стр. 3).

не могутъ служить предметомъ обсужденія и бумажнаго творчества ¹⁾. Однимъ словомъ, человѣкъ по существу своему пассивенъ; и въ особенности тогда, когда онъ считаетъ себя самостоятельно дѣйствующимъ, въ смутные періоды исторіи, подобные французской Революціи ²⁾. Никогда Провидѣніе не играетъ болѣе важной роли; никогда роль человѣка не бываетъ до очевидности столь ничтожной. Такимъ образомъ, де-Местръ, подобно Паскалю, доказываетъ ничтожество человѣка тѣми самыми дѣянiями, которыми онъ наиболѣе гордится ³⁾.

Будучи неспособнымъ создать общество, установить правительство, законы и руководить событіями, человѣкъ, равнымъ образомъ, не способенъ давать предметамъ названія по собственному желанію. Языкъ нельзя считать человѣческимъ изобрѣтеніемъ ⁴⁾, и отрицать эту истину для человѣка не безопасно. Давая названіе новой власти или новому учрежденію, онъ тѣмъ самымъ обрекаетъ ихъ на уничтоженіе ⁵⁾. Одинъ Богъ

¹⁾ *Considérations sur la France* (стр. 106).

²⁾ „Революція увлекала за собой людей, а не наоборотъ“. — „Чѣмъ болѣе всматриваешься въ наиболѣе активныхъ, по видимому, дѣятелей Революціи, тѣмъ болѣе находишь въ нихъ чего-то пассивнаго и механическаго“. *Considérations sur la France* (стр. 9).

³⁾ Де-Местръ доказываетъ бытіе Бога фактомъ Революціи, какъ япсенцы—существованіемъ ересей и невѣрія. Тѣмъ, кто не хотѣлъ бы видѣть въ Революціи руки Провидѣнія, онъ отвѣчаетъ: „Первое условіе Революціи по повелѣнію свыме заключается въ томъ, что ничто не можетъ ея предупредить, и никто не въ состояніи ей помѣшать“. *Considérations sur la France* (стр. 4).

⁴⁾ *Essai sur le principe générateur* (стр. 65—66).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 82). „Можно быть увѣреннымъ, что такіе названіе и предметъ очень скоро исчезнутъ“.

имѣетъ право давать названія, какъ Онъ одинъ создаетъ учрежденія, даетъ законы и руководитъ міромъ.

Верховная власть, исходящая отъ Бога, «выражающая Бога», по своей природѣ—абсолютна. Формы ея могутъ мѣняться, но, если она въ Лондонѣ и не говоритъ такъ, какъ въ Константинополѣ, разъ она заговорила, ея рѣшеніе безапелляціонно ¹⁾. Де-Местръ разсуждаетъ какъ политикъ, а не какъ мечтатель, подобный Сэнъ-Мартэну. Поэтому, онъ признаетъ въ существующихъ властяхъ законныхъ государей, въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову теоретики старой монархіи ²⁾. Кромѣ того, по его мнѣнію, необходимо, чтобы законные государи получали свою власть путемъ делегации отъ единственнаго настоящаго суверена—непогрѣшимаго папы, представителя Бога на землѣ ³⁾. Непогрѣшимость папы это—не только теологическая, это—«общая истина», раскрытая въ теологической области. Нельзя оспаривать эту истину, не нападая на одинъ изъ «міровыхъ законовъ» ⁴⁾.

Такимъ образомъ, у де-Местра теократическій принципъ получаетъ необыкновенную опредѣленность и значеніе, какими онъ не обладалъ у Сэнъ-Мартэна. Де-Местръ сокрушаетъ человѣческую волю, выясняя ея коренную несостоятельность; показываетъ ничтожество человѣческаго разума передъ тайною происхожденія вещей. Наконецъ, на что, какъ мы увидимъ, будетъ опираться де-Бональдъ,

1) *Du Pape* (т. I, стр. 2).

2) *Essai sur le principe générateur* (стр. 38).

3) *Du Pape* (Сочиненія, т. I, стр. 333 и слѣд.).

4) *Ibid.* (т. I, стр. 2).

де-Местръ объясняетъ религіозный, соціальный и гражданскій строй «міровыми законами».

Философія XVIII вѣка сдѣлала могучее усиліе, чтобы отдѣлить человѣка отъ остальной природы; де-Местръ снова сливаетъ ихъ воедино, чтобы тѣмъ самымъ лучше показать безконечное разстояніе, которое раздѣляетъ человѣка и Божество.

Де-Бональдъ ¹⁾ облакаетъ въ строгую школьную форму идеи, которыя у де-Местра еще лишены систематичности. Де-Местръ, по преимуществу,—полемистъ теократической школы, де-Бональдъ—ея ученый. Обыкновенно онъ отличается строгой логичностью, хотя иногда и грѣшитъ хитроумными опредѣленіями, искусственными противопоставленіями и произвольной классификаціей. Тѣмъ не менѣе, онъ очень ярко освѣщаетъ большую часть затронутыхъ имъ вопросовъ, и вопросовъ существенныхъ. Подобно Сэнъ-Мартѣну и де-Местру, онъ прежде всего ставитъ проблему происхожденія Обществъ и Власти (это онъ пишетъ съ большой буквы). Подобно имъ, онъ объясняетъ Власть и Общество волей Божіей, но гораздо глубже ихъ изслѣдуетъ сущность Власти и Общества.

Власть—«живое существо», которое стремится къ сохраненію Общества. «Воля этого существа называется закономъ, а его дѣйствія—правительствомъ» ²⁾. Богъ, Богочеловѣкъ, человѣкъ - глава государства,

¹⁾ *Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile* (1796).—*Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social* (1817).—*Législation primitive considérée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison* (1821).

²⁾ *Discours préliminaire à la législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 145).

человѣкъ-отецъ семейства: такова іерархія живыхъ существъ, воплощающихъ различныя степени Власти ¹⁾. Общество—также живое существо, имѣющее свое дѣтство, юность и зрѣлость ²⁾ и обладающее своими собственными способностями, особенно же способностью дѣйствовать на индивидуума и пользоваться имъ для достиженія своихъ цѣлей ³⁾. Одной изъ послѣднихъ является, напримѣръ, прогрессъ; слѣдовательно, прогрессъ создается не отдѣльной личностью, а обществомъ ⁴⁾.

Въ данномъ случаѣ реакція противъ индивидуализма XVIII вѣка впервые пользуется идеей, которая впоследствии получить крайне важное значеніе.

Руссо и Кантъ допускали, что общество создано человѣкомъ и для человѣка. Бональдъ возражаетъ на это: «Человѣкъ существуетъ только для общества; общество создается только для самого себя» ⁵⁾. Взвѣсьте хорошенько эти слова: они содержатъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ нападки, направленные впоследствии весьма различными школами противъ индивидуализма XVIII вѣка и Революціи: отрицанія человеческого творчества въ устройствѣ политическаго общества; отрицаніе индивидуальной дѣятельности, направленной къ личнымъ цѣлямъ; отрицаніе права, какъ неотъемлемой части моральной личности. Де-Бональдъ отлично понималъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ его основного положенія. Онъ самъ дѣлаетъ эти выводы и излагаетъ ихъ очень убѣ-

¹⁾ *Législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 109).

²⁾ *Ibid.*, гл. VIII (Сочиненія, т. II, стр. 408).

³⁾ *Théorie du pouvoir*, Предисловіе (Сочиненія, т. XIII, стр. 3).

⁴⁾ *Législation primitive*, гл. VIII (Сочиненія, т. II, стр. 405—406).

⁵⁾ *Théorie du pouvoir*, Предисловіе (Сочиненія, т. XIII, стр. 3).

дительно. Умы Европы, говорит онъ, раздѣляетъ слѣдующій великій вопросъ: «Человѣкъ ли создаетъ себя и общество, или общество создаетъ самого себя и человѣка?» ¹⁾. Между этими двумя формулами, по мнѣнію де-Бональда, не можетъ быть колебаній. Претензія человѣка на роль законодателя общества такъ же несостоятельна, какъ была бы несостоятельна его претензія «придавать тѣламъ вѣсъ».

Строй общества (религіозный или политическій) вытекаетъ изъ природы послѣдняго съ такой же неизбежностью, съ какой вѣсъ вытекаетъ изъ природы тѣлъ. Здѣсь мы имѣемъ противопоставленіе личнаго творчества и природы. — Критикуя индивидуализмъ, де-Бональдъ говоритъ: философы новаго времени создали философію личности, философію я; «я хотѣлъ создать философію соціальнаго человѣка, философію мы; если можно такъ выразиться» ²⁾. «Въ обществѣ нѣтъ правъ, а есть только обязанности» ³⁾, утверждаетъ онъ, критикуя идею права. — Де-Бональдъ особенно интересуется послѣднимъ вопросомъ. Онъ часто нападаетъ на самый терминъ *право*; который «политически совсѣмъ не выражаетъ справедливости, и принесъ много вреда» ⁴⁾. Въ данномъ случаѣ де-Бональдъ опять-таки долженъ былъ найти много подражателей, и на страницахъ этой книги мы часто

¹⁾ *Observations sur un écrit de Condorcet* (Сочиненія, т. XIV стр. 488).

²⁾ *Introduction à la démonstration du principe constitutif des sociétés* (Сочиненія, т. XII, стр. 65).

³⁾ *Observations sur un écrit de Condorcet* (Сочиненія, т. II, стр. 461).

⁴⁾ *Discours préliminaire la législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 117).

будемъ встрѣчать критику идеи права почти въ той формѣ, въ какую ее облакаетъ де-Бональдъ.

Не довольствуясь опроверженіемъ философовъ XVIII вѣка, де-Бональдъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій даетъ планъ соціально-политической организаціи, которая не признаетъ правъ индивидуума и похожа на то, благопріятное свободѣ такихъ группъ, какъ семья, община и провинція, *патріархальное государство*, болѣе подробное описаніе котораго мы сейчасъ встрѣтимъ у Галлера, и къ которому вскорѣ должна была приблизиться одна изъ континентальныхъ державъ, подъ вліяніемъ общаго хода своего политическаго развитія ¹⁾. Государство, по идеѣ де-Бональда, представляетъ «большую семью», образованную изъ многихъ домашнихъ обществъ и повинующуюся общимъ законамъ, при чемъ ему принадлежатъ тѣломъ и душой всѣ тѣ «обездоленные индивидуумы», которые не входятъ ни въ одну изъ маленькихъ семей, составныхъ элементовъ большой ²⁾. Государство часто вмѣшивается въ матеріальную и моральную жизнь составляющихъ его группъ. Согласно аскетической и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничительной формулѣ де-Бональда, оно должно дѣлать «немного для удовольствія людей, достаточно для ихъ потребностей и все для ихъ добродѣтелей» ³⁾.

Балланшъ ⁴⁾—самый оригинальный и, несомнѣнно, самый привлекательный изъ писателей теократиче-

¹⁾ Пруссія.

²⁾ *Législation primitive* гл. IX (Сочиненія, т. III, стр. 82—83).

³⁾ *Ibid.*, гл. XII (Сочиненія, т. III, стр. 100).

⁴⁾ *Essai sur les institutions sociales dans leur rapport avec les idées nouvelles* (1818).—*Essais de palingénésie sociale* (1827—1828).

ской школы. Въ то время, какъ де-Бональдъ какъ бы остановился на точкѣ замерзанія, а де-Местръ замкнулся и какъ бы замуrowалъ себя въ опредѣленномъ кругѣ предвзятыхъ идей, Балланшъ обладаетъ гибкимъ умомъ и способностью понимать чужія идеи; не оставляя принциповъ своихъ предшественниковъ, онъ умѣряетъ и гуманизируетъ ихъ. Именно въ силу своей оригинальности онъ въ меньшей степени является представителемъ теократической школы, чѣмъ де-Местръ и де-Бональдъ, но его вкрадчивый талантъ выставляетъ въ болѣе выгодномъ свѣтѣ лучшія стороны ихъ общаго ученія.

Балланшъ повторяетъ только что указанные нами основныя положенія. Общество поглощаетъ индивидуума, и послѣдній живетъ и развивается только благодаря ему ¹⁾. Человѣкъ не способенъ что - либо изобрѣсти ²⁾. Не онъ даетъ наименованія предметамъ ³⁾. Учрежденія не создаются въ одинъ день. Законы, собственно говоря, не создаются: они «обнарождаются» ⁴⁾.

На нѣкоторыхъ изъ этихъ идей Балланшъ особенно настаиваетъ и какъ бы присваиваетъ ихъ себѣ. Таковы, напримѣръ, идея благотѣльности традиціи ⁵⁾ и идея необходимой въ социальной жизни непрерывности во времени и пространствѣ. Во времени: «все поколѣнія являются современниками въ глазахъ Божества, а также въ глазахъ

¹⁾ *Essai sur les institutions sociales* (Сочиненія, т. II, стр. 220, 222, 293). *Palinogénésie*, 1-я часть (Сочиненія, т. IV, стр. 37).

²⁾ *Essai* (Сочиненія, т. II, стр. 282).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 234).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 75).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 133, 136).

мудреца» ¹⁾. Въ пространствѣ: человекъ поддается и слѣдуетъ «движеніямъ, сообщаемымъ ему цѣлымъ, части котораго онъ составляетъ. Индивидуальность не для него въ этомъ мірѣ» ²⁾. — Такова еще, напри- мѣръ, идея, что въ основѣ такъ называемаго права на существованіе лежитъ тайна. Балланшъ напоми- наетъ, что статуя Изида была покрыта тройнымъ покрываломъ: первое приподнимали неофиты, вто- рое—священнослужители, третьяго никто не припод- нималъ ³⁾. Все — символъ: «Видѣть истину намъ не суждено» ⁴⁾. Повторяя вслѣдъ за де-Местромъ и де-Бональдомъ, что ни языкъ, ни власть не могутъ быть изобрѣтеніемъ человека, Балланшъ, кромѣ того, показываетъ связь между этими двумя положеніями и надѣется такимъ образомъ политическій вопросъ выяснитъ филологически ⁵⁾. Именно потому, что че- ловекъ существо общественное, онъ долженъ былъ съ самаго появленія въ мірѣ обладать умомъ столь же высоко общественнаго характера, какъ и даръ слова» ⁶⁾.

Въ другихъ отношеніяхъ, Балланшъ отличается отъ представителей своей школы. Де-Местръ и де-Бональдъ крайне сурово относятся къ филосо-

¹⁾ *Essai sur les institutions sociales* (Сочиненія, т. II, стр. 48).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 50).—Ср.: „Человекъ является человекомъ лишь вслѣдствіе своего симпатическаго сосуще- ствованія съ остальными людьми“. *Palinogénésie*, 1-я часть (Со- чиненія, т. IV, стр. 37).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 21).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 71).—Ср. *Palinogénésie*, 2-ю часть (Сочиненія, т. IV, стр. 148) и 3-ю часть (Сочиненія, т. IV, стр. 370—371).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 182).

⁶⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 212—213, 225 и слѣд.).

фамъ XVIII вѣка. Балланшъ отдаетъ должное Монтэскьё ¹⁾, Руссо, удивительный талантъ котораго заключаетъ въ себѣ нѣчто высоко религіозное ²⁾, и даже Вольтэру, въ которомъ онъ съ удовольствіемъ признаетъ «истиннаго друга человѣчества» ³⁾. Справедливый къ своимъ противникамъ, онъ откровененъ и со своими друзьями и при случаѣ отмѣчаетъ ихъ странности и ошибки. «Сочиненіямъ де-Местра слѣдовало бы появиться при Людовикѣ XIII» ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ обвиняетъ де-Местра въ отсутствіи жалости къ людямъ. «Де-Местръ, по его прекрасному выраженію, неумолимъ, подобно року, но не обладаетъ милосердіемъ, подобно Провидѣнію» ⁵⁾.

Жозэфъ де-Местръ и де-Бональдъ просто отрицали все новшества; Балланшъ старается разгадать ихъ смыслъ ⁶⁾. Онъ видитъ, что возникло новое общество, отличное отъ старо-французскаго, что мысль освободилась, и въ учрежденія должна проникнуть бѣльшая доля свободы ⁷⁾. Онъ не отрицаетъ ни свободы печати, какъ ее понимали въ то время, ни суда присяжныхъ. Онъ допускаетъ, что, при современномъ ему состояніи умовъ, простого участія народа во власти не достаточно: необходимо, чтобы «власть

¹⁾ *Galigénésie*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 169).

²⁾ *Ibid.*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 168).

³⁾ *Ibid.*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 169).

⁴⁾ *Ibid.*, часть 3-я (Сочиненія, т. IV, стр. 290).

⁵⁾ *Ibid.*, часть 3-я (Сочиненія, т. IV, стр. 299).

⁶⁾ „Когда хотятъ, вопреки прогрессу, сохранить устарѣвшія формы, тогда послѣднія противорѣчатъ природѣ, т.-е. Провидѣнію, отрицаютъ божественное право“. *Ibid.*, часть 3-я (Сочиненія, т. IV, стр. 341).

⁷⁾ *Essai* (Сочиненія, т. II, стр. 416).

исходила отъ самого народа» ¹⁾. Онъ допускаетъ, что правительства имѣютъ свои обязанности, и первая изъ нихъ—«итти по пути прогресса и развитія во главѣ того стада, которое они призваны пасти» ²⁾. Роль династій состоитъ именно въ томъ, чтобы превращать фактъ въ право. Власть непогрѣшима только тогда, когда «она является вѣрнымъ выраженіемъ существующаго» ³⁾. Не пора ли, прибавляетъ Балланшъ, «одинаково любить старую и новую Францію, примирить археофиловъ съ неофилами?» ⁴⁾. Реставрація отчасти легализировала Революцію, подобно тому какъ христіанство внесло въ міръ «духъ совершенствованія». Слѣдовательно, всякое новое движеніе впередъ слѣдуетъ привѣтствовать, какъ результатъ этого духа христіанства ⁵⁾.

Прибавьте къ этому, что Балланшъ до Сэнъ-Симона и Конта говорилъ о «миссіи Запада» ⁶⁾ и констатировалъ отрицательный характеръ философіи XVIII вѣка,—«этого тарана, который отлично разрушалъ старыя стѣны, но который пора уничтожить, если не хотятъ, чтобы онъ сталъ опаснымъ орудіемъ» ⁷⁾.

Ламеннэ принадлежитъ къ теократической школѣ своими сочиненіями, написанными до 1830 года ⁸⁾.

¹⁾ *Palinogénésie*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 227—228).

²⁾ *Ibid.*, часть 3-я (Сочиненія, т. IV, стр. 349).

³⁾ *Ibid.*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 283).

⁴⁾ *Essai* (Сочиненія, т. II, стр. 37) и гл. VII (Сочиненія, т. II, стр. 197).

⁵⁾ *Palinogénésie*, часть 2-я (Сочиненія, т. IV, стр. 278).

⁶⁾ *Réflexions diverses* (Сочиненія, т. IV, стр. 392).

⁷⁾ *Palinogénésie*, часть 3-я (Сочиненія, т. IV, стр. 369).

⁸⁾ *La religion dans ses rapports avec l'ordre civil et politique* (1826). *Des progrès de la Révolution et de la guerre contre l'Eglise* (1829).

Онъ ограничивается, впрочемъ, повтореніемъ основныхъ положеній, раздѣляемыхъ всѣми представителями школы: общество устроено не человѣкомъ; народъ не обладаетъ верховенствомъ и потому не можетъ ни передать, ни раздѣлить власти, исходящей отъ Бога» ¹⁾).

Оригинальность Ламеннэ въ этотъ періодъ времени состоитъ въ томъ, что онъ больше нападаетъ на принципы галликанской церкви, чѣмъ на философію XVIII вѣка. Если *Общественный договоръ* взлелѣялъ химеру народного верховенства, то Декларация 1682 года создала идолопоклонство передъ человѣческой властью ²⁾. Людовикъ XIV въ извѣстномъ смыслѣ такъ же виновенъ въ заблужденіяхъ и проступкахъ духа новаго времени, какъ и Руссо. Ламеннэ чуть-чуть не видитъ въ немъ прямого предка революціонеровъ. Необходимо, слѣдовательно, прежде всего уничтожить результаты 1682 года, освободить духовную власть отъ господства свѣтской, а затѣмъ, соединивъ духовное и свѣтское, «свести ихъ къ общему центру—Богу» ³⁾).

Занятый главнымъ образомъ отношеніями церкви и государства, Ламеннэ, разумѣется, принужденъ былъ внимательнѣе, чѣмъ Балланшъ, де-Бональдъ и де-Местръ, разсмотрѣть роль государства и опредѣлить границы его власти. По этому вопросу у него встрѣчаются интересные взгляды. Онъ одинъ изъ первыхъ указываетъ на злоупотребленіе центрами

О политикѣ Ламеннэ см. у Janet, *La philosophie de Lamennais* и у E. Spuller'a, *Lamennais*.

¹⁾ *Mélanges religieux et philosophiques* (стр. 212).

²⁾ *Des progrès de la Révolution* (стр. 58).

³⁾ *Ibid.* (стр. 93).

заціей ¹⁾. Онъ выставляетъ принципъ, что все, имѣющее опредѣленный кругъ интересовъ, обладаетъ правомъ на самоуправленіе; государство не должно вмѣшиваться въ частныя дѣла общины, округа и провинціи, какъ оно не вмѣшивается въ «дѣла отца семейства» ²⁾. Онъ отмѣчаетъ также, какъ одну изъ характерныхъ чертъ своего времени (1829 г.), существующее во Франціи противорѣчіе между «демократическимъ строемъ учреждений и деспотическимъ духомъ администраціи» ³⁾.

Мы слишкомъ удалились бы, однако, отъ теократовъ и ихъ политическихъ взглядовъ, если бы вздумали остановиться на полемикѣ въ защиту свободы обученія, въ которой Ламеннэ принималъ столь живое участіе и по поводу которой ему привелось употребить приведенныя слова.

II.

Галлеръ ⁴⁾ не теократъ, но онъ любопытнымъ образомъ комбинируетъ реалистическую теорію го-

¹⁾ Статья изъ *Avenir* (дек. 1830), въ *Journaux et Articles* (стр. 204).—Ср. *Progrès de la Révolution* (стр. 214—215).

²⁾ *Journaux et Articles* (стр. 204).

³⁾ *Des progrès de la Révolution* (стр. 136).

⁴⁾ Луи де Галлеръ, швейцарецъ по происхожденію, написалъ сначала по-нѣмецки свое главное сочиненіе, и нѣмецкіе историки политической науки считаютъ его однимъ изъ представителей нѣмецкой теократической мысли. Но не слѣдуетъ забывать ни того, что онъ служилъ во Франціи, ни того, что онъ самъ напечаталъ французское изданіе своей книги: *Restauration de la Science politique ou Théorie de l'état social naturel, opposé à la fiction d'un état civil factice*, 1824 г. (3 тома, in 8°; перепечатано въ 1875 г., Paris, Vaton, 6 т., in 8°),

сударства. сложившуюся въ XVII вѣкѣ, съ главными воззрѣніями теократовъ на политическую философію XVIII вѣка. Кромѣ того, онъ даетъ одну деталь, которой нѣтъ ни у Сэнъ-Мартэна, ни у Балланша, ни у де-Местра, ни у самого Бональда. Его книга придаетъ, такимъ образомъ, законченную и опредѣленную форму мысли теократовъ.

«Законные государи возвращены на свои троны; мы постараемся возвратить тронъ и законной наукѣ, той наукѣ, которая служитъ верховному владыкѣ и можетъ въ доказательство своей истинности сослаться на всю вселенную» ¹⁾. Эти строки, напечатанныя на первыхъ страницахъ книги Галлера, поясняютъ выбранное имъ заглавіе: *Возстановленіе соціальной науки*, и, противъ обыкновенія автора, въ немногихъ словахъ говорятъ многое. Они говорятъ, что, подобно законной монархіи, существуетъ законная наука; что эта наука «служить» небу, и для познанія ея достаточно созерцать строй вселенной, однимъ изъ элементовъ которой она является, созерцать природу вещей, которую она отражаетъ и выражаетъ. Это, дѣйствительно, руководящія идеи Галлера, выставляемыя имъ въ противовѣсъ идеямъ философовъ XVIII вѣка, проникнутыхъ революціоннымъ духомъ, изобрѣтателей ложной науки, которая не служитъ Богу и ставитъ себя внѣ природы, выше ея.

Эти философы имѣютъ претензію быть «лучшими

ни того, что эта книга пользовалась популярностью во Франціи. О Галлерѣ см. превосходное сочиненіе: Robert von Mohl, *Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften* (т. II, стр. 259 и слѣд.).

¹⁾ *Restauration de la Science sociale*, Введение (т. I, стр. 9).

архитекторами» ¹⁾, чѣмъ Господь - Богъ. Опираясь исключительно на свой разумъ, они хотѣли перестроить общество и провозгласили верховенство народа. Но верховенство народа, непосредственно примѣняемое, порождаетъ деспотизмъ ²⁾. Вотъ почему Революція, обѣщавшая людямъ свободу, привела ихъ къ рабству ³⁾.

Допуская, что государство—искусственное образование, представляющее изъ себя высшее проявленіе человѣческой воли, ему сейчасъ же приписываютъ тѣмъ самымъ опредѣленную цѣль; и всякое государство, каковы бы ни были особыя условія его образованія, должно стремиться къ этой цѣли. По мнѣнію однихъ, цѣль государства—гарантировать права гражданъ ⁴⁾; по мнѣнію другихъ, государство должно быть всеобщимъ врачомъ и учителемъ, должно кормить бѣдныхъ, старыхъ и больныхъ ⁵⁾. Но все это — «безсмысленныя доктрины, абсурдныя системы» ⁶⁾. Государство, какъ таковое, не имѣетъ никакой цѣли; а если и имѣетъ какую-либо, то, какъ мы сейчасъ увидимъ, она видоизмѣняется сообразно времени, мѣсту и обстоятельствамъ ⁷⁾. Какой же методъ правиленъ и соотвѣтствуетъ «законной наукѣ»?

Тотъ методъ правиленъ, отвѣчаетъ Галлеръ, который заключается не въ противопоставленіи со-

¹⁾ *Restauration de la Science sociale* (т. III, стр. 435).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 443).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 95). Г а л л е р ъ намѣренъ бороться съ Революціей во имя „правъ слабыхъ“.

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 543).

⁵⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 426).

⁶⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 428).

⁷⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 548).

ціального или гражданского состоянія естественному, а напротивъ, въ признаніи естественнаго состоянія вѣчнымъ и неизмѣннымъ, и въ выясненіи посредствомъ него соціальныхъ отношеній¹⁾. Другими словами, различныя отношенія зависимости и господства естественно образуются между людьми, безъ вмѣшательства человѣческой воли. Гражданское общество — только «вершина всякаго естественнаго общества»²⁾.

Эти естественныя отношенія зависимости и подчиненія вытекаютъ изъ одного первичнаго: неравенства условій. Люди разнятся по богатству, а слѣдовательно и по независимости³⁾. Сеньёръ такой же человѣкъ, какъ и всѣ; но онъ богаче, и потому распоряжается, а не повинуется⁴⁾. Слѣдовательно, независимость, которую Галлеръ называетъ также верховенствомъ и величествомъ, представляетъ «даръ природы, даръ судьбы», или, говоря по-христіански, «благословеніе, милость Божію»⁵⁾.

Сеньёрии бываютъ или монархіями, или республиками, одинаково законными тамъ, гдѣ онѣ установлены⁶⁾. Граждане не имѣютъ права мѣнять мо-

¹⁾ *Restauration de la Science sociale* (т. I, стр. 592).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 541). Срвн. т. I, стр. 399—400, гдѣ Галлеръ, какъ указываетъ Эспинасъ, цитирующий это мѣсто (*Les sociétés animales*. Введеніе, стр. 65), говоритъ объ „обществахъ животныхъ“. Но не слѣдуетъ забывать, что *природа*, о которой говоритъ Галлеръ, какъ и природа де-Местра, представляетъ совокупность второстепенныхъ причинъ, служащихъ орудіями Божества. (*Considérations sur la France*, стр. 149).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 11).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 556).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 567).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 595).

нархію на республику или наоборотъ. Если подданные монарха предпочитаютъ служить республикѣ, пусть они свободно эмигрируютъ. Какъ видно, Галлеръ мало считается съ чувствомъ любви къ родинѣ. По его мнѣнію, это—не что иное, какъ «рабство, прикрытое громкимъ словомъ» ¹⁾.

Какъ отецъ—господинъ въ своей семьѣ, такъ король—въ своемъ королевствѣ. Попытки политической науки установить разницу между монархіями абсолютными и ограниченными, простыми и смѣшанными—лишены смысла ²⁾. «Соотвѣтственно характеру власти, давшей начало сеньеріальнымъ отношеніямъ», существуютъ лишь три вида государствъ: патримоніальныя, военныя и духовныя.

Галлеръ описываетъ только государство патримоніальное. Государь получаетъ власть отъ Бога и совершенно не обязанъ отдавать въ ней подданнымъ отчетъ. Онъ рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, потому что у него есть личное право *защищать свою собственность* ³⁾. Онъ заключаетъ договоры, такъ какъ имѣетъ право отчуждать территорію, являющуюся его личнымъ имуществомъ ⁴⁾. Онъ издаетъ законы ⁵⁾ и даруетъ ⁶⁾ милости; но, вѣдь, каждый глава семьи дѣлаетъ это у своего очага. Государственной казны

¹⁾ *Restauration de la Science sociale* (т. II, стр. 102). Срвн. *Ibid.*, стр. 103, любопытное примѣчаніе о дезертирахъ. Галлеръ осуждаетъ Революцію, между прочимъ, и за патріотизмъ. Не слѣдуетъ забывать, кромѣ того, что онъ долженъ былъ покинуть родину и служить во Франціи.

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 12—14).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 79).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 68).

⁵⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 209).

⁶⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 248).

не существуетъ, есть только казна государя ¹⁾. Согласія подданныхъ на налоги не требуется. Налогъ, это—вспоможеніе, которое подданные даютъ государю въ своихъ интересахъ ²⁾. То же можно сказать и о военной службѣ ³⁾.

Идея независимости государя или сеньёра вполне объясняетъ всю жизнь государства. Искусство продлить существованіе послѣдняго, макробіотика, состоитъ въ совокупности средствъ, пригодныхъ для «сохраненія и укрѣпленія могущества и власти государя по отношенію къ подчиненнымъ и равнымъ ему» ⁴⁾. Не трудно узнать въ этомъ концепцію XVІІ вѣка, и неудивительно, что Галлеръ восхваляетъ Макіавелли ⁵⁾. А если государства пренебрегаютъ правилами макробіотики? Тогда они тотчасъ же теряютъ независимость, что для нихъ равносильно гибели ⁶⁾. Независимая сеньерія ничѣмъ не ограничена, кромѣ нравственности. Государь долженъ соблюдать божественные законы; въ противномъ случаѣ подданный имѣетъ право сопротивляться; впрочемъ, Галлеръ обставляетъ это право существенными ограниченіями ⁷⁾. Нельзя надѣяться помѣшать всякому злоупотребленію власти: чтобы быть безупречной, власть должна была бы осуществляться самимъ Богомъ ⁸⁾. Кто это говоритъ: Бассюз или современникъ Реставраціи?

¹⁾ *Restauration de la Science sociale* (т. II, стр. 318).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 364, 392—393).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 87—94).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 237).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 233).

⁶⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 446).

⁷⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 484; т. III, стр. 46—64).

⁸⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 511).

Итакъ, суверень —индивидуумъ или корпорація — царствуетъ не въ силу делегации, а въ силу личнаго права; онъ управляетъ не общественными, а своими собственными дѣлами. Однако, по мнѣнію Галлера, эта система, столь высоко ставящая прерогативы государя, не такъ благопріятна деспотизму, какъ система философовъ XVIII вѣка ¹⁾. Патріархальный режимъ отличается мягкостью. Отношенія сеньора къ подданнымъ управляются закономъ «благорасположенія и справедливости». При условіи не переходить должныхъ границъ, каждый отецъ семейства пользуется въ своей собственной маленькой сеньеріи властью, а слѣдовательно реальной свободой.

Многими аргументами Галлера пользовались впоследствии для борьбы съ результатами политической работы XVIII вѣка и французской Революціи ²⁾. И до него говорили, что Франція знала свободу при старой монархіи; но никто не противопоставлялъ съ такой силой либеральныхъ обѣщаній начала Революціи возрастанію власти въ ея концѣ. Равнымъ образомъ, Галлеръ одинъ изъ первыхъ установилъ, что государства не имѣютъ и не могутъ имѣть одной, обязательной для всѣхъ ихъ, цѣли. Занятые почти исключительно вопросомъ о происхожденіи гражданского общества и вопросомъ о природѣ власти, теократы мало думали объ опредѣленіи границъ государственной власти. Впрочемъ, изъ совокупности ихъ принци-

¹⁾ *Restauration de la Science sociale* (т. III, стр. 434).

²⁾ Галлеръ указываетъ на печальное однообразіе во Франціи послѣ Революціи и противопоставляетъ ему удивительное разнообразіе учреждений стараго порядка (*Ibid.*, т. III, стр. 438 и 448). О подобныхъ же выраженіяхъ у Ройе-Коллара см. кн. III, гл. I настоящаго сочиненія.

новъ можно заключить, что они склонны предоста-
вить ей полную свободу. Галлеръ также не рѣшаетъ
этого труднаго вопроса, но, по крайней мѣрѣ, ви-
дитъ его и ставитъ на очередь ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы находимъ у Галлера возрожде-
ніе, если не политической науки, то, во всякомъ
случаѣ, положительнаго и рѣалистическаго склада
ума политиковъ стараго порядка. Теорія независи-
мыхъ сенъерій съ трудомъ заслуживаетъ названія
теоріи, такъ какъ она сводится къ простому заявле-
нію: повсюду существуютъ различнымъ образомъ
учрежденныя власти, эти власти должны быть ува-
жаемы. Галлеръ беретъ каждое политическое общество
въ томъ состояніи, въ какомъ его находитъ, и обя-
зываетъ къ нему приспособляться. Онъ совсѣмъ не
задается вопросомъ о причинахъ политическихъ явле-
ній ²⁾. Подобно теоретикамъ государства XVII вѣка,
онъ довольствуется знаніемъ того, какимъ образомъ
эти явленія приняты тотъ или другой видъ. Подобно
тѣмъ же теоретикамъ, онъ отрицаетъ идею права.
Право сводится для него, какъ и для Гоббса, къ
силѣ ³⁾. Наконецъ, подобно имъ же, онъ считаетъ
единственной цѣлью политическаго общества—жизнь,
и притомъ жизнь въ полномъ довольствѣ ⁴⁾.

¹⁾ См. особенно *Restauration de la Science sociale* (т. I, стр. 548).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 436).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 4).

⁴⁾ Кузенъ въ своихъ *Fragments et Souvenirs* (стр. 127)
рассказываетъ, что, будучи въ 1816 г. въ Берлинѣ, онъ встрѣ-
тилъ тамъ Ансильона, погруженнаго въ сочиненіе Галлера;
вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ, что первый томъ этого со-
чиненія „имѣлъ сначала огромный успѣхъ въ Германіи“.

III.

Теократическая школа и Галлеръ впервые, хотя и вскользь, освѣтили цѣлый рядъ историческихъ и теоретическихъ вопросовъ, крайне затемненныхъ французской Революціей.

Протягивая въ данномъ случаѣ руку первымъ панегиристамъ старой монархіи, они напомнили, что Франція знала вольности и до 1789 года, и что эти вольности, не предполагая равенства, были настоящими вольностями, обладать которыми важно для народа. Они протестовали противъ идеи, что гражданское общество можетъ подобно индивидууму, совершенно не считаться съ прошлымъ, съ традиціей. Они указали на важное значеніе естественныхъ группъ, къ которымъ принадлежатъ индивидуумы. Но можно сказать, что главное усиліе теократовъ было направлено на четыре пункта, и что они противопоставили тезисамъ XVIII вѣка четыре основныхъ положенія:

1) Политическое общество не составляетъ продукта творческой дѣятельности человѣка, который, впрочемъ, и вообще ничего не создалъ; 2) разумъ, предоставленный лишь своимъ собственнымъ силамъ, не можетъ рѣшить проблемы происхожденія политическаго общества; 3) неравенство между людьми—естественное явленіе, изъ котораго слѣдуетъ исходить; 4) индивидуумъ не имѣетъ, на томъ лишь основаніи, что онъ человѣкъ, абсолютнаго права, равнаго праву всѣхъ остальныхъ людей, вмѣстѣ взятыхъ. Эти четыре положенія въ сущности, сводятся къ одному: категорическому отрицанію индивидуализма.

Не существует такой проблемы, говорилъ Дѣкартъ, которой мой разумъ не въ состояніи былъ бы понять и разрѣшить. Не существуетъ учрежденія, говорилъ Руссо, которое бы не было создано *моей* волей или постоянно не поддерживалось ею, какъ бы посредствомъ непрерывнаго творчества. Не существуетъ власти, утверждалъ Кантъ, которая не теряла бы и не должна была бы терять значенія передъ правомъ, присущимъ *моей* свободной личности. Моя свобода, мое право, моя воля, мой разумъ, вездѣ — я: вотъ ложный богъ, который, по мнѣнію теократовъ, лишилъ трона Бога истиннаго и котораго, какъ можно скорѣе, слѣдуетъ лишить узурпированной имъ власти.

Сопоставьте политическое ученіе теократовъ съ психологіей де-Бональда: они взаимно поясняютъ другъ-друга. Первый пунктъ этой психологіи гласить, что размышленіе и внутреннее наблюденіе—пріемы безплодные и даже вредные. Чтобы достигнуть познанія души, слѣдуетъ изучать данный намъ свыше языкъ. Слова заключаютъ въ себѣ все, что мы можемъ знать о нашихъ идеяхъ. Въмѣсто того, чтобы, слѣдуя совѣту Дѣкарта и Мальбранша, закрывать глаза и уши и сосредоточиваться исключительно на работѣ мысли, философъ долженъ, наоборотъ, держать глаза и уши открытыми. Письменная и устная рѣчь, какъ *соціальный фактъ*, должна быть главнымъ объектомъ его изслѣдованія. Другими словами, я должно занимать въ философіи такъ же мало мѣста, какъ и въ политикѣ. Появленіе его всегда служитъ источникомъ ошибокъ и искаженій. Оно такъ же достойно ненависти во *Второмъ размышленіи* Дѣкарта, какъ и въ *Общественномъ договорѣ*. Такимъ образомъ,

протестъ противъ индивидуалистической политики сопровождается протестомъ противъ картэзіанскаго метода; и это правильно, потому что между ними существуетъ тѣсная связь.

Возставая противъ суховатаго раціонализма философовъ XVIII вѣка, теократы коснулись слабаго мѣста ихъ системы. Мыслители XVIII вѣка были, дѣйствительно, близоруки. Они считали проблему происхожденія вещей легкой и полагали, что рѣшеніе связанныхъ съ нею вопросовъ находится подъ руками; что стоитъ лишь выставить нѣсколько очень простыхъ и ясныхъ принциповъ и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Въ настоящее время полагаютъ, что поясъ свѣта, въ которомъ движется разумъ, окруженъ поясомъ мрака, и склоняются къ мысли, что этотъ мракъ является однимъ изъ элементовъ цѣлой реальности, что незнаніе, на которое онъ осуждаетъ человѣческой умъ, составляетъ одно изъ условій знанія. Непознаваемое вновь заняло мѣсто на границѣ нашего познанія вещей, и даже тѣ философы, которые не отваживаются пуститься въ океанъ непознаваемаго, полагая, что у человѣка «нѣтъ для этого ни судна, ни парусовъ», все же относятся къ нему съ уваженіемъ. Это умственное теченіе беретъ начало въ томъ движеніи идей, первыми представителями котораго были теократы.

Но, упрекая философію XVIII вѣка въ близорукости, теократы сами заслуживаютъ подобнаго упрека. Они сами даютъ слишкомъ простую систему, а кромѣ того, что еще важнѣе, стремятся къ ея немедленному усвоенію всѣми, какъ будто не существуетъ значительнаго разстоянія и цѣлаго ряда остановокъ между двумя крайними положеніями:

чистый разумъ безсиленъ все понять, полная истина заключается въ догматѣ.

Правы ли были теократы, думая, что они замѣнили политическую философію XVIII вѣка новой и произвели „контръ - революцію въ наукѣ»? Для отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ сравнить поближе методы обоихъ противниковъ.

Недавно было замѣчено, что люди, подобные де-Местру и де-Бональдѣ, въ сущности проникнуты духомъ XVIII вѣка, хотя и стремятся «всею душой отъ него освободиться», и что они не столько опровергали Руссо и Вольтера, сколько возражали имъ, какъ представители противной стороны» ¹⁾. Къ тонкимъ психологическимъ доводамъ, приведеннымъ въ защиту этого мнѣнія, легко можно присоединить рядъ другихъ, точно такъ же доказывающихъ, что теократы, желая очистить души своихъ современниковъ отъ демона XVIII вѣка, сами поддались его власти.

Теократы выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о происхожденіи общества. Они понимаютъ, однако, что вращаются въ области чистой абстракціи и даже ставятъ себѣ это въ заслугу. Бональдъ опровергаетъ возраженіе ограниченныхъ умовъ, которымъ хотѣлось бы «свести всю науку управленія къ бдительной и твердой администраціи» ²⁾. Онъ высказывается въ пользу абстракціи и доказываетъ, что теоретическое изложеніе основныхъ принциповъ

¹⁾ De - B o n a l d, *Discours préliminaire à la législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 48).

²⁾ F a g u e t, *Politiques et Moralistes du XIX siècle*, Предисловіе (стр. 14).

общественной жизни» ¹⁾ не только занимает видное мѣсто въ политической наукѣ, но даже составляетъ ея самую важную часть. Слова, къ которымъ Руссо охотно бы присоединился.

Отчасти именно благодаря своей склонности къ абстракціи, столь любезной философамъ XVIII вѣка, теократы, подобно своимъ противникамъ, воображаютъ однимъ могучимъ порывомъ достигнуть полной и законченной истины. Однако, только отчасти, потому что въ качествѣ толкователей и защитниковъ догматовъ они ни на мгновение не сомнѣваются, что въ ихъ рукахъ, помимо всякаго изслѣдованія, находится вся полнота истины и тайны прогресса. Но, не говоря уже о той увѣренности, которую имъ давала вѣра, они были убѣждены, что обладаютъ непогрѣшимымъ разумомъ, что его власти не можетъ избѣжать ни единая частица существующаго; что они во все проникли, все поняли, все охватили. Бональдъ съ удивительной наивностью выражаетъ эту иллюзію. «Всѣ случайности общественной жизни стали извѣстными, соціальный міръ такъ обслѣдованъ, что болѣе нечего открывать, и наступилъ моментъ предложить человѣку *карту моральнаго міра*» ²⁾.

Такимъ образомъ, де-Бональдъ, подобно Руссо, не знаетъ колебаній и не сомнѣвается въ правильности своихъ собственныхъ идей. Все обстояло благополучно въ политическомъ и соціальномъ устройствѣ до Революціи; но государи стали дѣлать опасныя уступки ложнымъ доктринамъ, а церковь, съ

¹⁾ *Théorie du pouvoir* (Сочиненія, т. XIII, стр. 15).

²⁾ *Législation primitive, Discours préliminaire* (Сочиненія, т. II, стр. 128).

своей стороны, позволила правителямъ освободиться отъ ея опеки. Все опять пойдетъ отлично, когда старая система будетъ сначала реставрирована, а затѣмъ очищена отъ зародышей слабости и тлѣнія, введенныхъ въ нее коварствомъ народовъ, уступчивостью королей и долготерпѣніемъ церкви. Революція была счастливой случайностью, позволившей констатировать причины зла. Корабль, попорченный бурей, поставленъ теперь въ сухой докъ. Инженеры свободно могутъ осмотрѣть корпусъ и сдѣлать исправленія, необходимыя для безопаснаго плаванія судна.

Даже въ довольно важныхъ пунктахъ своей доктрины теократы гораздо ближе къ своимъ противникамъ, чѣмъ это можно было бы думать. Жозефъ де-Местръ и Балланшъ понимаютъ законодательство сходно съ Руссо и употребляютъ при этомъ выраженія, напоминающія *Общественный договоръ*. Ошибочно, говорятъ они, слишкомъ расточительно употреблять слово *законъ*. Законъ есть нѣчто высшее, не такъ часто возникающее передъ глазами людей ¹⁾.— Можетъ ли еще въ современномъ обществѣ появиться законодатель? — спрашиваетъ Руссо. «Послѣ Иисуса Христа у насъ не было законодателя» ²⁾, отвѣчаетъ Балланшъ. Разумѣется, для Балланша законъ выражаетъ волю Божію, а для Руссо — человѣческую, но помимо этого различія, оба они доводятъ до одинаковой крайности, какъ идею, такъ и форму.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ гражданскаго порядка и религіи — новая, бьющая въ глаза,

¹⁾ De Maistre, *Essai sur le principe générateur des Constitutions*.

²⁾ Ballanche, *Essai* (Сочиненія, т. II, стр. 77—79).

аналогія. Не можетъ быть хорошей *politie*,—говорилъ Руссо,—гдѣ теологическая система отдѣлена отъ политической, и восхвалялъ Гоббса за то, что тотъ первый, послѣ древнихъ, сблизилъ обѣ головы орла.—«Гражданское общество слагается изъ религій и государства» ¹⁾,—пишетъ, въ свою очередь, де-Бональдъ тѣмъ еще неустановившимся и неуклюжимъ политическимъ языкомъ, какимъ говорили въ началѣ XIX вѣка. Только Руссо хочетъ, чтобы государство устроило религію, а Бональдъ, чтобы религія устроила государство, считая обратное рѣшеніе «противнымъ природѣ вещей» ²⁾. Члены отношенія перемѣстились, но самое отношеніе сохранило силу у обоихъ писателей, противъ воли оказавшихся довольно близкими другъ къ другу.

Теократы до пресыщенія повторяютъ: человѣкъ не способенъ что-либо творить, а потому общество не можетъ быть продуктомъ человѣческой воли. Какъ социальный *фактъ*, конечно, нѣтъ; но вѣрно ли это относительно *порядка*, вводимого въ данный моментъ въ обществѣ? У Бональда мы находимъ попытку выяснитъ это. «Общество,—говоритъ онъ,—живое существо; а всякое живое существо имѣетъ какую-нибудь цѣль, которая присуща его природѣ, является самой его природой. Оно обладаетъ также средствами для достиженія этой цѣли. Истинную природу социальнаго существа составляетъ политическое общество, такъ какъ политическія отношенія устанавливаютъ «конечное состояніе», т.-е. *цѣль* общества. И средства для достиженія этой цѣли такъ же

¹⁾ *Législation primitive* (Сочиненія, т. III, стр. 132).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 133).

естественны, какъ и самая цѣль» ¹⁾). Согласитесь, что въ этомъ положеніи трудно признать что-либо иное, кромѣ *трюизма*, осложненнаго игрой словъ. Самое большее, Бональдъ устанавливаетъ этимъ—результатъ, о которомъ не стоило и стараться—что образованіе политическаго общества не можетъ произойти ни внѣ природы, ни помимо нея.

Но послѣ великаго идеалистическаго движенія XVIII вѣка попрежнему остается *reata quaestio*: имѣетъ ли политическое общество, достигшее высшихъ формъ, право и обязанность подвергать свои учрежденія, по своему усмотрѣнію, критическому анализу и выбору; и не слѣдуетъ ли, вслѣдствіе этого, считать продуктомъ человѣческаго искусства учрежденія, оставленныя, исправленныя и вновь созданныя? Конечно, воля, обсужденіе, искусство естественны, такъ какъ принадлежатъ человѣку, составляютъ самую его природу; дѣло, однако, не въ этомъ. Единственный спорный пунктъ заключается въ томъ, можетъ ли политическое общество, въ извѣстной моментъ и вполне естественнымъ путемъ, руководить своей жизнью, овладѣть своими судьбами, и открывается ли для него въ этотъ и только въ этотъ моментъ то, что Руссо называлъ сферой морали и права? На этотъ вопросъ теократы не дали отвѣта.

¹⁾ *Législation primitive* (Сочиненія, т. II, стр. 229)

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Реакція въ Германіи и Англіи.

«Съ 1780 по 1830 годы Германія была родиной всѣхъ идей нашей исторической эпохи» ¹⁾. Это утверждение вѣрно лишь постольку, поскольку вообще вѣрны абсолютныя утвержденія въ примѣненіи къ фактамъ. Оно ярко освѣщаетъ одну сторону дѣйствительности, оставляя въ тѣни всѣ остальные.

Идейное теченіе, увлекавшее теократовъ, беретъ начало въ самой французской мысли. Правда, оно согласуется съ общимъ движеніемъ идей въ Европѣ въ послѣдніе годы XVIII и первые XIX столѣтія, но не замѣтно, чтобы оно вдохновлялось или заимствовало у него свои составные элементы. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду вліяніе, которое оказали политическіе взгляды, пущенные въ оборотъ Бентамомъ и Бёркомъ въ Англіи. Съ этими ограниченіями, можно согласиться, что Савиньи и Гегель, дѣйствительно, принимали не малое участіе въ общемъ реакціонномъ движеніи противъ XVIII вѣка.

Намъ необходимо теперь опредѣлить вкладъ нѣмецкой и англійской мысли въ это движеніе. Мы

¹⁾ Taine, *Histoire de la Littérature anglaise* (т. V, стр. 268).

не будемъ выяснять детально политическіе взгляды Бентама и Бёрка, Савиньи и Гегеля, какъ не будемъ касаться вопроса о вліяніи этихъ взглядовъ на ходъ историческихъ событій въ Англіи и Пруссіи. Гегель и Савиньи, Бёркъ и Бентамъ касаются нашего изслѣдованія лишь постольку, поскольку они внесли новые элементы въ общее міросозерцаніе своей эпохи, а въ частности—во французскую мысль.

I.

Въ своемъ этюдѣ, посвященномъ Бентаму, Стюартъ Милль настойчиво подчеркиваетъ, что Бентамъ, какъ моралистъ, стоитъ ниже Бентама, какъ политическаго философа ¹⁾. Дѣйствительно, Бентамъ создалъ школу только въ политической наукѣ и въ правѣ. Англійскіе теоретики утилитарной морали рано разошлись съ нимъ, внося серьезныя поправки въ выставленный имъ принципъ; между тѣмъ какъ тѣ изъ его учениковъ, которые, подобно Джемсу Миллю, отдались изученію политическихъ учрежденій, или, подобно Остину, изученію юриспруденціи, продолжали оставаться въ тѣсной связи со своимъ учителемъ.

Взгляды Бентама на политику и право имѣютъ двѣ дополняющія другъ-друга стороны—отрицательную и положительную ²⁾.

Подобно Бёрку, Бентамъ нападаетъ на французскую Революцію; но въ то время, какъ Бёркъ тре-

¹⁾ Stuart Mill, *Dissertations and Discussions* (т. I, стр. 363).

²⁾ Bentham, *Fragment on Government* (1776). — *Sophismes anarchiques. Traité de législation civile et pénale* (опубликов. Дюмономъ, Парижъ, 1801).

буетъ уваженія къ установленнымъ властямъ, Бентамъ критикуетъ всѣ учрежденія своего времени. Милль называетъ его великимъ спорщикомъ и большимъ мастеромъ задавать вопросы. По своему критическому настроенію онъ напоминаетъ Юма, съ тою разницею, что прилагаетъ критику какъ разъ къ тому, чѣмъ Юмъ интересовался очень мало. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ Бентамъ дѣлаетъ важное указаніе, что всего больше онъ испыталъ на себѣ вліяніе сочиненій медиковъ, натуралистовъ, физиковъ, а также Юма и Гельвеція ¹⁾. Онъ недостаточно подчеркиваетъ, однако, и, быть-можетъ, самъ не сознаетъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ французскимъ утилитаристамъ XVIII вѣка.

Но этотъ критическій умъ въ политическихъ вопросахъ проявляетъ рѣшительную склонность къ апріоризму. Для построенія своей теоріи государства онъ пользуется, какъ было уже указано ²⁾, такими же абстракціями, какъ и теоретики естественнаго права; но еще любопытнѣе, и это не ускользнуло отъ проницательнаго взора Лесли Стифэна, что послѣ суровой критики идеи естественнаго права онъ приходитъ къ выводамъ, во многомъ сходнымъ съ выводами защитниковъ этой теоріи, но безъ ихъ логической послѣдовательности. Изъ этихъ разнообразныхъ тенденцій, изъ этихъ, можно сказать, противорѣчій образуется чрезвычайно сложная доктрина, и ея различныя стороны не всегда понимались какъ слѣдуетъ.

¹⁾ Dumont, *Discours préliminaire* къ *Traité de Législation* (т. I, стр. 23).

²⁾ Pollock, *An Introduction to the History of the science of politics* (стр. 109).

Говоря о французской Революции, Бентамъ постоянно думаетъ объ Англіи. Онъ упрекаетъ англійскихъ соревнователей Руссо, Прайсовъ и Пристлеевъ¹⁾, въ допущеніи основной ошибки: въ построеніи общества на договорѣ. Блэкстона онъ упрекаетъ въ другой, не менѣе важной ошибкѣ: въ признаніи естественнаго права. Естественное право и общественный договоръ являются первыми изъ тѣхъ «установившихся истинъ», которыя безпощадно подрываетъ анализъ Бентама. Въ небольшомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Анархическіе софизмы*, онъ резюмируетъ и выставляетъ во всей своей силѣ возраженія противъ Декларациі Правъ Человѣка. Самыя разнообразныя школы искали и находили себѣ оружіе въ этомъ сочиненіи. Но Бентамъ довольствуется здѣсь только легкими возраженіями. Его *Трактатъ о законодательствѣ* проникаетъ гораздо глубже въ сущность дѣла.

1) Естественное право не доказано. Сторонники этой доктрины не желаютъ приводить своихъ доводовъ. Почему? Разъ они выдаютъ себя какъ бы за «истолкователей» вѣчной природы, они должны знать причины, вслѣдствіе которыхъ природа создала тотъ или иной законъ. Отчего же они не сообщаютъ этого всѣмъ остальнымъ людямъ? Не убѣдительнѣе ли и не короче ли было бы просто сообщить намъ эти причины, вмѣсто того, чтобы ссылаться на волю невѣдомаго законодателя, какъ на самодовлѣющій авторитетъ²⁾?

1) О Прайсѣ, Пристлеѣ и ихъ отношеніяхъ къ Руссо см. уже цитированное сочиненіе: Leslie Stephen, *English Thought in the Eighteenth Century* (т. II, стр. 254 и слѣд.).

2) *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 139).

2) Какъ можно говорить объ естественныхъ законахъ? Естественны чувства и склонности, а не законы. Законы, напротивъ, созданы для того, чтобы сдерживать, обуздывать природу. Если бы законы дѣйствовали въ согласіи съ природой, то кто не видитъ, что создавать ихъ значило бы «пользоваться тростникомъ для поддержки дуба или зажигать факель для усиленія солнечнаго свѣта» ¹⁾.

3) Отстаивать естественное право и ограничивать имъ положительные законы; говорить, что законъ не можетъ «итти противъ естественнаго права»; признавать, слѣдовательно, право, которое идетъ противъ закона, «опровергаетъ и уничтожаетъ его», это значить дѣлать всякое правительство невозможнымъ и отвергать требованія разума ²⁾.

У Бентама, какъ мы уже сказали, вслѣдъ за разрушительной работой идетъ созидательная.

Если право не принципъ, предшествующій опыту и возвышающійся надъ нимъ, не идеальный принципъ, который люди стремятся частично воплотить въ своихъ законахъ; если оно, тѣмъ болѣе, не является выраженіемъ присущей человѣческой личности свободы, то что же оно такое? Право, отвѣчаетъ Бентамъ, — «продуктъ закона» ³⁾. Реальные законы порождаютъ реальные права. Не существуетъ поэтому права, которое бы имѣло силу противъ закона, права *противозаконнаго*. Какимъ же образомъ законъ создаетъ права? Создавая преступленія ⁴⁾. Начальной

¹⁾ *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 133).

²⁾ *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 136).

³⁾ *Ibid.*, гл. XIII (т. I, стр. 135). *Sophismes anarchiques* (т. II, стр. 355).

⁴⁾ *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 155).

идеей является идея преступленія. Законъ запрещаетъ нѣкоторыя дѣянія: фактическая власть, которую стремятся нарушить эти дѣянія и осуществленіе которой находятъ, вслѣдствіе этого, гарантію въ самомъ законѣ, становится правомъ. Такимъ образомъ, въ этой пессимистической гипотезѣ положительная часть теоріи права соединяется у Бентама съ отрицательной.

Историческая школа, какъ мы увидимъ, точно такъ же отрицаетъ идею естественнаго права. Разница заключается въ томъ, что Бентамъ вѣритъ въ пользу законодательства, кодификаціи, тѣмъ болѣе, что на положительные права онъ смотритъ, какъ на вытекающія одно изъ другого. Историческая школа, опровергая революціонныя теоріи, пролагаетъ путь для теоріи ирраціональнаго порядка. Бентамъ противопоставляетъ революціоннымъ идеямъ теорію раціональнаго порядка, съ перваго взгляда столь же революціонную, какъ и та, которую она должна замѣнить. Въ самомъ дѣлѣ, если законодатель можетъ по собственному желанію создавать преступленія, а слѣдовательно и право, то общество никогда не гарантировано отъ его вмѣшательства. Но такое толкованіе идеи Бентама было бы ея искаженіемъ. Законодатель обязанъ слѣдовать точно опредѣленной программѣ, содержаніе которой Бентамъ намѣчаетъ путемъ критики идей общественнаго договора.

Какова бы ни была форма общественнаго договора, онъ—простая фикція, и эта фикція опирается на *petitio principii* ¹⁾. Локкъ и Руссо для объясненія гражданскаго общества не желаютъ идти дальше

¹⁾ *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 118—120).

договора; но когда они настаиваютъ на какой-нибудь статьѣ этого договора и утверждаютъ, что она обязательно должна въ немъ находиться, то какой доводъ приводятъ они въ доказательство этого? Только одинъ: существованіе этой статьи выгодно для общества. «Общая польза, какъ предполагаемый результатъ» ¹⁾, вотъ, слѣдовательно, ихъ принципъ. Другими словами, теорія договора самое себя не объясняетъ; она составляетъ привѣсокъ къ теоріи общей пользы. Кромѣ того, почему необходимо всю политическую философію сводить къ вопросу о происхожденіи гражданскаго общества? Гораздо важнѣе знать не способъ его образованія, а его цѣль ²⁾. Но его единственная цѣль: наибольшее счастье наибольшаго числа людей. Бентамъ повторяетъ эту формулу до пресыщенія: онъ выводитъ изъ нея свою теорію правительства, а также высшія нормы, которыя должны руководить законодателемъ и препятствовать ему злоупотреблять своимъ правомъ создавать новыя права.

Счастье общества складывается изъ счастья составляющихъ его индивидуумовъ. Счастье индивидуума тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше и слабѣе его страданія и чѣмъ больше и сильнѣе его наслажденія. Истинная функція правительства состоитъ въ увеличеніи общаго счастья; оно помогаетъ индивидууму въ борьбѣ со страданіемъ, предоставляя ему самому заботиться объ удовольствіяхъ. Для защиты индивидуума законъ и создаетъ преступленія, а слѣдовательно и права ³⁾.

¹⁾ *Traité de Législation*, гл. XIII (т. I, стр. 131).

²⁾ *Sophismes anarchiques* (т. II, стр. 300).

³⁾ *Traité de Législation* (т. II, стр. 4—5).

Но если правительство существуетъ для общаго счастья, то оно должно пользоваться любовью. Ложными и вредными являются доктрины, дискредитирующія правительство, какъ врага гражданъ. Одна изъ главныхъ ошибокъ французской Революціи, въ глазахъ Бентама, заключается именно въ томъ, что она «унизила идею правительства вмѣсто того, чтобы стараться о возрастаніи въ людяхъ любви къ нему» ¹⁾. Никогда не слѣдуетъ забывать, что Бентамъ, говоря о французской Революціи, имѣетъ въ виду свою родину, и что эта критика направлена, главнымъ образомъ, по адресу тѣхъ англійскихъ писателей, которые, до него, такъ энергично нападали на авторитетъ и идею правительства ²⁾.

Если правительство не врагъ, съ какой стати отыскивать идеальную политическую форму, которая должна замѣнить всѣ существующія? Не видя необходимости восходить къ началу гражданского общества, Бентамъ не считаетъ также нужнымъ дѣлать различіе между формами правленія и отдавать одной изъ нихъ исключительное предпочтеніе передъ другими ³⁾.

Лучшая конституція для каждаго народа та, къ которой онъ привыкъ. Сохранять существующій строй въ силѣ значитъ избѣгать революціи; а такъ какъ революція— худшее изъ золъ, это значитъ, дѣйствительно, работать для счастья общества. Политическая свобода, въ глазахъ Бентама, не составляетъ столь цѣннаго блага, чтобы её стоило поку-

¹⁾ *Sophismes anarchiques* (т. II, стр. 297).

²⁾ Объ этомъ періодѣ въ исторіи англійской мысли см. Leslie Stephen, *English Thought* (т. II, стр. 168 и слѣд.).

³⁾ *Traité de Législation, Discours préliminaire* (т. I, стр. XVI).

пять цѣною спокойствія и безспорнаго обладанія всѣми прочими благами. Хорошая администрація, хорошіе законы и счастье наибольшаго числа людей ¹⁾ стоять дороже политической свободы.

Какъ видно, утилитарный принципъ развивается и въ своихъ выводахъ не разъ примыкаетъ къ доктринамъ, наиболѣе враждебнымъ духу индивидуализма, хотя и хвалится своей прогрессивностью. Мало того, что онъ ставитъ выше всего и дѣлаетъ главной цѣлью политики счастливую жизнь, онъ чреватъ послѣдствіями, угрожающими индивидууму.

Придавая такое значеніе законодательству, Бентамъ, дѣйствительно, открываетъ путь для крайне интенсивнаго вмѣшательства государства. Для каждаго народа существуетъ общій интересъ, а для всѣхъ людей, вмѣстѣ взятыхъ,—интересъ общечеловѣческій. «Искусство законодателя состоитъ въ томъ, чтобы, примѣняя наказанія и награды, сдѣлать этотъ интересъ господствующимъ» ²⁾. Такимъ образомъ, Бентамъ облакаетъ законъ своего рода миссіей. Онъ долженъ всячески развивать въ индивидуумѣ чувство общаго интереса. Я хорошо понимаю, что для Бентама этотъ общій интересъ неразрывно связанъ съ личнымъ и составляетъ только высшую форму послѣдняго. Это ничего не значитъ: разъ на законъ возложено преслѣдованіе этой цѣли, непонятно, какое мѣсто въ его системѣ можетъ занимать свобода.

Такимъ образомъ, Бентамъ то приближается къ индивидуализму, то удаляется отъ него. Онъ удаляется отъ него, когда объявляетъ празднымъ и

¹⁾ *Traité de Législation*, гл. IV (т. I, стр. 24).

²⁾ *Ibid.*, Discours préliminaire (т. I, стр. XXVIII).

совершенно неинтереснымъ вопросъ о происхожденіи общества. Онъ приближается къ нему, когда приписываетъ гражданскому обществу неизмѣнную цѣль, установленную имъ а priori. Онъ проповѣдуетъ уваженіе къ существующимъ политическимъ формамъ и въ то же время, по своей теоріи суверенитета, которую развилъ и закончилъ Остинъ ¹⁾, является однимъ изъ вождей демократическаго движенія. Онъ повторяетъ «laissez-faire, laissez-passer»; и приглашаетъ государство заботиться о «счастіи» наибольшаго числа гражданъ. Наконецъ, онъ требуетъ всеобщаго голосованія, не признавая никакого «права» за членами политическаго общества. Участіе управляемыхъ въ управленіи у него является только средствомъ для достиженія цѣли, которую онъ считаетъ выше свободы.

Намъ не приходится слѣдить за судьбой идей Бентама въ Англіи. Значеніе ихъ огромно: можно сказать, что вся соціальная и политическая исторія этой страны въ теченіе XIX вѣка освѣщается свѣтомъ его теорій. Цѣлый рядъ избирательныхъ реформъ и постоянное усиленіе функцій государства въ Англіи коренятся въ этихъ теоріяхъ. Но радикализмъ Бентама проникъ и во французскую мысль. Его аргументы противъ принциповъ Революціи стали у насъ ходячими, и онъ причинилъ много вреда индивидуализму своимъ вліяніемъ и на демократическую и на французскую либеральную школу ²⁾.

¹⁾ О теоріи суверенитета у Остина и его отношеніяхъ къ взглядамъ Бентама см. глубокомысленный этюдъ Maine'a: *Lectures on the Early History of Institutions*, London, 1875 (стр. 342 и слѣд.).

²⁾ См. далѣе кн. III и кн. V.

II.

Не успѣла разразиться французская Революція, какъ среди массы сочиненій на злобу дня, позабытыхъ сейчасъ же послѣ своего выхода въ свѣтъ, появилось произведеніе, которому суждено было оказать сильное и продолжительное вліяніе на умы: это — *Размышленія о французской Революціи* ¹⁾. Книга Бёрка часто похожа на памфлетъ; тѣмъ не менѣе, эта книга, полная горечи, ожесточенія и несправедливости, если принять во вниманіе время ея появленія, поражаетъ насъ проницательностью взглядовъ и строгостью логики.

Бёркъ скорѣе политикъ, чѣмъ философъ, политикъ, умѣющій найти слабый пунктъ программы, недостатки учрежденія и отдаленныя послѣдствія даннаго факта. Такъ, въ одномъ изъ трехъ *Мемуаровъ*, составляющихъ его *Размышленія* (въ мемуарѣ 1791 года), Бёркъ первый отмѣтилъ, что французская Революція не похожа на обычныя политическія революціи, и что она отличается характеромъ и ходомъ революціи религіозной, «всегда сопровождающейся духомъ энтузіазма и прозелитизма» ²⁾. Всѣмъ извѣстная глава Токвиля ³⁾ является, въ сущности, только парафразой этихъ знаменательныхъ строкъ.

Бёркъ точно такъ же показалъ, что исчезновеніе всякаго различія между личностями и новое распре-

¹⁾ *Reflections on French Revolution* (1790), *Letter to a member of National Assembly* (1791), *Thoughts on French affairs* (1791).

²⁾ *Oeuvres posthumes de Burke sur la Révolution française* (Лондонъ, 1799, стр. 42).

³⁾ *L'Ancien Régime et la Révolution* (кн. I, гл. III).

дѣленіе территоріи на департаменты облегчили появленіе деспотизма. Онъ высказалъ это почти одновременно съ Мирабо, который писалъ королю, что стремленіе Національнаго Собранія привести къ одному уровню и людей и мѣстныя власти «обрадовала бы Ришельё». Какъ въ мелочахъ, такъ и во многомъ крупномъ, Бёркъ отличается необыкновенною проницательностью. И, напримѣръ, страница, гдѣ онъ указываетъ, что, вслѣдствіе новаго административнаго устройства страны, Парижъ призванъ играть рѣшающую роль во внутренней исторіи Франціи, не принадлежитъ, ни по своему остроумію ни по своей смѣлости, къ числу рѣдкихъ въ его книгѣ ¹⁾.

Недоумѣвали, какимъ образомъ тотъ же самый человекъ, который такъ сурово судилъ о французской Революціи, могъ относиться благожелательно къ революціи американской и съ парламентской трибуны произносить краснорѣчивые панегирики въ защиту мятежныхъ колоній. Здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Во имя однихъ и тѣхъ же принциповъ Бёркъ осуждаетъ намѣреніе французовъ заново перестроить все соціально-политическое зданіе и желаніе своихъ соотечественниковъ наложить невыносимое ярмо на колоніи Новаго Свѣта. Въ данномъ случаѣ Англія сама опиралась на *абстрактное право*, котораго Бёркъ не признавалъ. «Вопросъ, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей, — для меня заключается не въ томъ, *имѣете ли вы право дѣлать несчастнымъ принадлежащій*

¹⁾ *Reflections on French Revolution* (франц. перев., Парижъ, изд. Laurent'a, безъ даты, стр. 422 и слѣд.). — См. *Ibid.*, стр. 31) его замѣчаніе о числѣ легистовъ, вошедшихъ въ Конституанту, и объ ихъ дѣятельности.

вамъ народъ... Я не вхожу въ эти метафизическіе споры о правахъ. Мнѣ ненавистенъ самый звукъ этихъ словъ» ¹⁾).

Нападая на Революцію съ ожесточеніемъ, которое иногда равняется ожесточенію де-Местра ²⁾, Бёркъ судить о ней не съ высоты метафизическаго принципа и тѣмъ менѣе съ высоты догмата. Онъ судить о ней какъ политикъ; прибавлю: какъ политикъ-теоретикъ, обладающій извѣстнымъ методомъ и доктриной и неохотно выносящій противорѣчія. Конечно, нужно многое приписать стремленію Бёрка — въ которомъ, впрочемъ, онъ признается и самъ — изгнать обратно на континентъ опасныя ученія, не дать укрѣпиться идеѣ, что французская Революція является подражаніемъ революціи 1688 года. Но мы умалили бы значеніе книги Бёрка, если бы видѣли въ ней только протестъ англійскаго эгоизма и англійскаго тщеславія противъ опаснаго вліянія французскихъ идей. Эта книга особенно цѣнна и интересна для насъ изложенной въ ней теоріей «политическаго разума».

Бёрку одинаково ненавистны и методъ, и доктрина дѣятелей Революціи. Ихъ методъ, по его мнѣнію, имѣетъ три недостатка: онъ—апріоренъ ³⁾, сводитъ все на индивидуальный разумъ ⁴⁾ и примѣняетъ

¹⁾ Цитировано по John Morley, *Burke*, въ собраніи *Englishmen of Letters* (стр. 84).

²⁾ Сближая здѣсь Бёрка съ теократами, я отнюдь не забываю раздѣляющихъ ихъ отличій. T. de Rémusat мѣтко указалъ эти отличія (*L'Angleterre au XVIII siècle*, т. II, стр. 393), говоря, что „Бёркъ задохнулся бы при режимѣ де-Бональда и графа де-Местра“.

³⁾ *Reflections*, франц. перев. (стр. 123).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 180.

слишкомъ упрощенныя построения ¹⁾. Доктрина искупаетъ эти недостатки метода цѣною трехъ основныхъ ошибокъ. Общественный договоръ, гипотеза крайне упрощенная, не соотвѣтствуетъ сложности объясняемыхъ ею фактовъ ²⁾. Теорія народнаго верховенства, идущая по прямой линіи отъ культа разума, находится въ непримиримомъ противорѣчій съ самымъ понятіемъ правительства и общественнаго порядка ³⁾. Теорія правъ человѣка, логическое слѣдствіе абстрактной концепціи человѣческой природы, представляетъ собою «мину», способную взорвать всякое политическое учрежденіе ⁴⁾.

Этой ложной и опасной доктринѣ Бёркъ противопоставляетъ свою собственную, которую также можно свести къ тремъ основнымъ пунктамъ. Права человѣка уступаютъ мѣсто гораздо болѣе скромному перечню положительныхъ правъ, изъ котораго Бёркъ заботливо исключаетъ всѣ статьи, уполномочивающія индивидуума рѣшать вопросы о государственномъ строѣ и направленіи общественныхъ дѣлъ. Однако, какъ справедливо было указано, нѣкоторыя статьи этого перечня не лишены опасности въ томъ отношеніи, что какъ бы санкціонируютъ требуемое социалистическими школами равенство въ удовлетвореніи потребностей. Народное верховенство, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто существующимъ властямъ ⁵⁾, а общественный договоръ—тому, что Бёркъ называетъ «великимъ изначальнымъ договоромъ». Этотъ

¹⁾ *Reflections*, стр. 125.

²⁾ *Ibid.*, стр. 203.

³⁾ *Ibid.* (стр. 23—25, 120).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 117.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 23.

договоръ «обнимаетъ всю физическую и моральную природу», приобщая міръ видимый къ міру невидимому. Это—«высшій законъ», который не можетъ быть подчиненъ волѣ тѣхъ, кто сами принуждены подчиняться ему ¹⁾. Почему? Потому что «государства хотѣлъ Богъ» ²⁾.

Бёркъ примѣняетъ методъ, абсолютно противоположный тому, который онъ осуждаетъ у философовъ XVIII вѣка и у дѣятелей Революціи. Въ самой широкой степени пользоваться опытомъ; признавать, что учрежденія, какъ и все человѣческое, не импровизируются, а образуются постепенно ³⁾; избѣгать вѣры въ индивидуальный разумъ и совѣщаться съ общимъ разумомъ, т.-е. «черпать въ сокровищницѣ народовъ и вѣковъ» ⁴⁾,—вотъ элементы его метода.

Но что такое этотъ общій разумъ народа? Гдѣ найти его выраженіе? Въ *предразсудки*, поскольку послѣдній содержитъ въ себѣ разумный элементъ. Вмѣсто того, чтобы бороться съ предразсудками, мыслитель, по мнѣнію Бёрка, долженъ стараться открыть заключающуюся въ нихъ «скрытую мудрость». Разумъ, взятый въ оболочкѣ предразсудка, цѣннѣе совершенно обнаженнаго разума ⁵⁾. И, дѣйствительно, предразсудокъ обладаетъ всѣми достоинствами привычки. Подобно послѣдней, онъ обладаетъ движущей силой. Кромѣ того, онъ по существу своему догматиченъ, а сомнѣніе и нерѣшительность—злѣйшіе враги политическаго общества ⁶⁾.

¹⁾ *Reflections* (стр. 203).

²⁾ *Ibid.*, стр. 206.

³⁾ *Ibid.*, стр. 361.

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 180).

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 181. Вся эта страница очень любопытна.

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 181).

«Политическій разумъ», по Бёрку, это — «принципъ вычисленія». Выгоды, которыя человѣкъ можетъ получить въ соціальной жизни, не имѣютъ ничего абсолютнаго. Онѣ составляютъ «своего рода середину» ¹⁾, компромиссъ, или между добромъ и зломъ, или между однимъ зломъ и другимъ. Трудно найти эту середину, установить этотъ компромиссъ. Только «политическій разумъ» достигаетъ этого, потому что онъ, въ одно и то же время, и руководитель и орудіе вычисленія. Но какого рода вычисленія? Бёркъ сильно выражаетъ, въ данномъ случаѣ, свою мысль, говоря, что политическій разумъ «складываетъ, вычитаетъ, умножаетъ и дѣлитъ морально, а не метафизически или математически» ²⁾.

Теорія «политическаго разума» представляетъ, въ сущности, болѣе тонкое выраженіе реалистическихъ взглядовъ XVII вѣка на соціальный и политическій строй: древность считается признакомъ истинности; природа ставится выше человѣческаго искусства. Подобно людямъ этого вѣка, Бёркъ считаетъ «наслѣдіе предковъ драгоцѣннѣйшимъ изъ благъ въ соціальномъ и политическомъ строѣ» и полагаетъ, что, при введеніи государственныхъ реформъ, необходимо стараться «не привить къ этому наслѣдственному стволу какого-нибудь отростка иной природы, чѣмъ само дерево» ³⁾. Политика, основанная на уваженіи къ унаслѣдованному отъ прошлыхъ поколѣній, не обладаетъ ли тѣмъ достоинствомъ, что является «подражаніемъ при-

1) *Reflections*, стр. 125.

2) *Ibid.* (стр. 126).

3) *Ibid.* (стр. 58).

родѣ, которое выше размышленія и есть настоящая мудрость» ¹⁾?

Такимъ образомъ, Бёркъ, подобно теократамъ, вводитъ понятіе *природы*, излюбленное для всѣхъ противниковъ чисто раціоналистическихъ концепцій. У него въ изобиліи встрѣчаются формулы, призывающія человѣка уважать «естественный ходъ вещей» ²⁾, при чемъ — здѣсь Бёркъ соприкасается съ нѣмецкой исторической школой — онъ представляетъ себѣ этотъ «ходъ» гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ теократы. Онъ ясно видитъ въ немъ медленный и непрерывный ростъ учреждений, предоставленныхъ самимъ себѣ. Отсюда извѣстный квіетизмъ, враждебный всякому вмѣшательству человѣческой воли въ теченіе событій. Зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ то, что такъ же хорошо и даже лучше сдѣлается и безъ насъ?

Такимъ образомъ, Бёркъ, точь въ точь, какъ Юмъ, осуждаетъ пытливость ума въ политикѣ. Онъ забываетъ, однако, одно обстоятельство: если логично осуждать эту пытливость во имя «авторитета», то нелогично осуждать ее во имя «природы, такъ какъ сама пытливость въ высшей степени естественна.

¹⁾ *Reflections*, стр. 63.

²⁾ *Ibid.*, (стр. 64—65, 131 и особенно 178). „Въ Англіи мы еще сохранили свои собственные внутренности... Насъ еще не выпотрошили и не зашили, набивъ, подобно чучеламъ какого-нибудь музея, соломой, тряпками и скверными и грязными лоскутами бумаги о правахъ человѣка...“ Ср. отрывокъ изъ рѣчи Бёрка, цитируемый Джономъ Морлеемъ (John Morley, *Burke*, стр. 85). Тамъ говорится о естественномъ ходѣ вещей, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, обыкновенно находятъ соотвѣтствующій имъ порядокъ. „*The natural operation of things, which, left to themselves, generally fall into their proper order*“.

Бёркъ не оказалъ, подобно Бентаму, сильнаго и глубокаго вліянія на развитіе соціальныхъ и политическихъ теорій въ Англіи. Можно даже сказать, что у него не было учениковъ ¹⁾. Зато его идеи проникли на континентъ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ политикѣ доктринеровъ; впоследствии же ихъ усвоилъ ²⁾ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти цѣликомъ воспроизвелъ Тэнъ въ своихъ историческихъ трудахъ ³⁾.

III.

Небольшая работа Савиньи: *Призваніе нашего времени къ законодательству и юриспруденціи* (1814) создала эпоху не только въ исторіи нѣмецкой мысли, но и въ исторіи европейской мысли вообще ⁴⁾.

У Вико и Монтэскьё мы находимъ какъ бы предчувствіе историческаго метода и слабые намеки на него, но у нихъ нѣтъ еще его яснаго пониманія и примѣненія; Бёркъ уже хорошо усвоилъ его ⁵⁾; а въ книгѣ Савиньи историческій методъ, понятіе о естественномъ развитіи и жизни учреждений изло-

¹⁾ О вліяніи Бёрка см. John Morley, цитированное сочиненіе (стр. 12, 14—15).

²⁾ См. далѣе (кн. III, гл. II).

³⁾ См. далѣе (кн. V, гл. I).

⁴⁾ *Das Recht des Besitzes* (1803).—*Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* (1814).—*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft* (1815).—*Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter* (1815—1831).—*Wermischte Schriften* (1850).

⁵⁾ Не разъ указывали, что идеи Бёрка, нашедшія въ Германіи пропагандистовъ въ лицѣ Брандиса и Рёберга, могли оказать вліяніе на развитіе нѣмецкой исторической школы. См. особенно: Ahrens, *Cours de droit naturel* (т. I, стр. 54, примѣчаніе).

жены съ абсолютной опредѣленностью и сознаніемъ ихъ важности. Впрочемъ, какъ и всѣ доктрины, которымъ суждено великое будущее, доктрина нѣмецкой исторической школы возникла не сразу, не въ мозгу одного человѣка. Она возникла, напротивъ, въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій въ области религіи, языка, учреждений, права языческой и христіанской древности и въ связи съ цѣлымъ рядомъ работъ, проникнутыхъ духомъ націонализма ¹⁾.

Не насталъ ли моментъ облагодѣтельствовать Германію единымъ законодательствомъ, создавъ для нея кодексъ по образцу австрійскаго или французскаго? Поставивъ этотъ вопросъ, Тибо рѣшаетъ его утвердительно ²⁾.

Савиньи возстаётъ противъ этого мнѣнія. Онъ совершенно правильно видитъ въ этой склонности къ законодательству результатъ стремленія людей XVIII вѣка преслѣдовать абстрактный, универсальный идеалъ. Но съ тѣхъ поръ возникли новыя теченія мысли, зародился «историческій смыслъ». И этотъ историческій смыслъ, неразрывно связанный съ сознаніемъ цѣнности національныхъ тради-

¹⁾ См. особенно R. H a u m, *Die romantische Schule*, гдѣ нѣмецкая реакція противъ французской философіи XVIII вѣка изучена подробно. Съ тѣмъ же идейнымъ теченіемъ связаны, кромѣ работъ Гердера, работы Гуго, братьевъ Гриммовъ, Крѣйцера, Нибура, оказавшія на Савиньи непосредственное вліяніе.

Thibaut издалъ въ началѣ 1814 г. брошюру *Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland*. О полемикѣ между Савиньи и Тибо см. *Приложеніе*, помѣщенное Савиньи въ концѣ 2-го изданія его работы *Vom Beruf* (изд. 1828 г.).

цій, отнялъ у духа XVIII вѣка его престижъ и авторитетъ. Создать новый германскій кодексъ, по образцу французскаго или австрійскаго, не значило ли бы это окончательно порвать съ прошлымъ и совершенно неумѣстно ввести въ юридическія отношенія «свободную волю» человѣка?

Въ самомъ дѣлѣ, право—значеніе этой руководящей идеи гораздо больше, чѣмъ значеніе аргументовъ противъ кодификаціи, которыхъ мы въ дальнѣйшемъ касаться не будемъ—право образуется не по желанію людей. Оно не результатъ положительныхъ законовъ. Подобно языку, нравамъ и учрежденіямъ, отъ которыхъ его нельзя отдѣлить, съ которыми оно «неразрывно связано», право — «сила», «функція» ¹⁾ народа. Какъ произошли эти разнообразныя «функціи»? На подобный вопросъ не можетъ быть «историческаго отвѣта». Савиньи принимаетъ господствующую тогда философскую гипотезу прогресса, хотя и не придаетъ ей особеннаго значенія ²⁾. Въ сущности, этотъ вопросъ его мало интересуетъ, и онъ предпочитаетъ слѣдить за эволюціей права съ того момента, когда уже существуютъ документальныя историческія данныя ³⁾.

Съ этого момента можно видѣть, какъ право непрерывно развивается, подобно языку: ни для того, ни для другого нѣтъ «абсолютнаго покоя». Право

¹⁾ *Vom Beruf* (стр. 5).

²⁾ „Въ наше время признано, что всѣ люди жили сначала въ дикомъ состояніи, изъ котораго вышли путемъ постепеннаго развитія и достигли сначала сносныхъ условій существованія, а затѣмъ той высоты, на которой мы находимъ ихъ въ настоящее время“. *Ibid.* (стр. 5).

³⁾ *Ibid.* (стр. 5).

связано съ судьбой народа. Оно «совершенствуется вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ, когда самъ народъ теряетъ свою самобытность» ¹⁾.

Начиная съ извѣстнаго историческаго момента, активныя силы народа обязательно дробятся, и право до сихъ поръ бывшее продуктомъ коллективнаго творчества всего народа, становится частнымъ дѣломъ особаго класса специалистовъ, юристовъ. Отнынѣ оно живетъ лишь «въ ихъ сознаніи». Юристы «представляютъ народъ въ этой его функціи» ²⁾. Однако, хотя жизнь права съ этого момента и становится болѣе «искусственной», «безконечныя частности» законодательства происходятъ попрежнему «органическимъ путемъ» ³⁾, безъ вмѣшательства произвола, такъ какъ жизнь народа течетъ своимъ порядкомъ, а юристы являются лишь ея наблюдателями. Савиньи постоянно возвращается къ этой идеѣ. Ни въ какой стадіи своего развитія право не является продуктомъ каприза законодателя: «оно всегда порождается молчаливо дѣйствующими внутренними силами» ⁴⁾.

Такая точка зрѣнія—Савиньи, какъ мы уже видѣли, понимаетъ это — абсолютно противоположна взглядамъ Мабли и Руссо на законодательство и роль законодателя. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ индивидуальность, столь высоко превознесенная мыслителями XVIII вѣка, въ глазахъ Савиньи теряетъ всякое значеніе. Индивидуумъ, какъ таковой, уже не появляется. Народная масса, со-

1) *Vom Beruf* (стр. 7).

2) *Ibid.* (стр. 7—8).

3) *Ibid.* (стр. 8).

4) *Ibid.* (стр. 9).

здающая государство, порождает и право. Въ свою очередь, государство, подобно праву, языку и правамъ, живетъ своей собственной жизнью. Вотъ «лучшее доказательство мощи той высшей силы, которую представляетъ собой жизнь народа» ¹⁾.

Оставаясь вѣрнымъ своему плану, я не могу заниматься выясненіемъ вопроса, какимъ образомъ нѣмецкая мысль могла перейти отъ юридическихъ и политическихъ теорій Канта къ теоріямъ исторической школы. Я хотѣлъ только показать величину пройденнаго пути и характеръ совершившейся революціи. Точно такая же идейная революція произошла во Франціи въ періодъ отъ Руссо до де-Местра и де-Бональда. Сходство поразительное, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ ²⁾.

Но, несмотря на сходство, существуетъ и значительная разница. Теократы опираются на метафизику и религію, а Савиньи и историческая школа

¹⁾ Savigny, *System des heutigen römischen Rechts* (кн. I, гл. II, § 9).

²⁾ Такъ, де-Бональдъ и де-Местръ говорятъ: „Человѣкъ не является законосоздателемъ, а только законодателемъ, въ томъ смыслѣ, что онъ вноситъ въ среду общества законъ, созданный не имъ; а Савиньи, обвиненный своими противниками (фонъ-Гюннеромъ) въ отрицаніи правъ государя, заявляетъ, что государь сохраняетъ одну прерогативу: санкціонировать своимъ авторитетомъ право, которое создается безъ него и помимо него.

Равнымъ образомъ, какъ де-Бональдъ борется якобы во имя истинныхъ вольностей, гарантированныхъ, по его мнѣнію, старо-французской конституціей, противъ ложныхъ революціонныхъ вольностей, служащихъ источникомъ угнетенія и рабства, такъ Савиньи защищается отъ упрека въ покушеніи на индивидуальную свободу. *System des heutigen römischen Rechts* (т. I, стр. 25).

говорятъ отъ лица науки. Кромѣ того, взглядъ, что писанныя конституціи не имѣютъ никакой цѣнности и что учрежденія зарождаются и растутъ, — этотъ взглядъ у де-Местра не имѣетъ такого значенія, какое онъ получаетъ у Савиньи. Одинъ англійскій критикъ замѣчаетъ, что ученіе объ эволюціи, въ сущности, не что иное, какъ историческій методъ въ приложеніи къ естествознанію, и потому не безъ основанія называетъ Савиньи «дарвинистомъ до Дарвина» ¹⁾.

Послѣ французской Революціи и необыкновенныхъ событій, происшедшихъ въ Европѣ въ первые годы XIX вѣка, руководящая идея исторической школы, — а именно та, что учрежденія живутъ собственной жизнью и развиваются естественнымъ порядкомъ, такъ что человѣкъ, желающій судить о нихъ или исправлять съ точки зрѣнія чистаго разума, рискуетъ не понять ихъ смыслъ и нарушить ихъ развитіе, — эта идея должна была поразить умы сильнѣе, чѣмъ въ эпоху Монтэскьё или Вико. Она явилась какъ бы осужденіемъ революціоннаго метода, какъ бы принципомъ соціально-политической философіи, въ которой прихотливое вмѣшательство человѣческой воли болѣе не можетъ имѣть мѣста.

Этой новой концепціи суждено было выступать все въ болѣе и болѣе чистомъ видѣ у французскихъ писателей, подпавшихъ вліянію исторической школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы увидимъ, постепенно должна была возрастать и та опасность, которая, говоря по правдѣ, таилась въ ней съ самаго начала ²⁾.

¹⁾ Pollock, *Oxford Lectures, and other Discourses* (стр. 42).

²⁾ См. далѣе (книги III и V).

Она обращала главное вниманіе на прошлое, не безъ основанія находя въ немъ зародыши и первые ростки настоящаго. Но прошлое, изучаемое съ любовью, со страстью, должно было, въ концѣ-концовъ, благодаря разстоянію времени, получить соблазнительную окраску. Съ точки зрѣнія строгой логики, ни одинъ изъ моментовъ, смѣняющихъ другъ - друга въ безконечной эволюціи, не можетъ значить больше, чѣмъ тѣ, которые ему предшествуютъ или слѣдуютъ за нимъ. Однако, въ дѣйствительности, отдаленные зачатки, первые члены длиннаго ряда, получаютъ исключительную важность.

И вотъ, мы видимъ, какъ прямые ученики Савиньи, подъ вліяніемъ изученія римскаго права стремятся сдѣлать изъ него абсолютное законодательство ¹⁾, — явное противорѣчіе, причину котораго мы только что выяснили. Эти ученые и добросовѣстные историки должны были бы, кажется, проникнуться сознаниемъ относительности всего, но они, въ свою очередь, подобно своимъ противникамъ, сдѣлались рабами абстрактнаго идеала. Только они находили этотъ идеалъ не въ настоящемъ или будущемъ, какъ люди XVIII вѣка, а въ прошедшемъ: въ этомъ, въ сущности, вся разница.

Историческій методъ, при всей своей цѣнности,

¹⁾ А рэнсъ справедливо говоритъ: „Историческая школа считала римскій народъ въ нѣкоторомъ родѣ избраннымъ народомъ, создателемъ права, и хотѣла сдѣлать изъ римскаго права универсальный кодексъ, годный для всѣхъ народовъ; между тѣмъ, это право должно было только служить средствомъ воспитанія и войти въ юридическую культуру новыхъ народовъ какъ элементъ ассимиляціи“. *Cours de Droit naturel* (т. I, стр. 56).

способствовалъ, такимъ образомъ, созданію очень опаснаго историческаго суевѣрія. Оно состоитъ не только въ осужденіи всякаго вмѣшательства разума въ человѣческія дѣла, но и въ оправданіи множества злоупотребленій просто потому, что они существуютъ, что они давняго происхожденія, что мы знаемъ ихъ генезисъ и первопричины. Это — новая форма, въ которой вновь появляется извѣстная концепція XVII вѣка: древность равносильна праву. Но люди XVII вѣка видѣли въ древности какого-либо учрежденія указаніе на Божественное предназначеніе; Савиньи же не берется угадывать намѣренія Божества. Отсюда возраженіе: работа времени, какъ таковая, ничуть не заслуживаетъ обязательнаго уваженія. Этотъ слабый пунктъ историческаго метода рано былъ замѣченъ и указанъ защитниками философіи XVIII вѣка ¹⁾.

Для избѣжанія этого возраженія было одно средство: снова ввести соображенія о конечныхъ цѣляхъ, — на этотъ разъ въ самую исторію. Это и было однимъ изъ главныхъ вкладовъ Гегеля въ политическую философію своего времени.

IV.

Видя, что Гансъ, знаменитѣйшій изъ учениковъ Гегеля въ области философіи права, ведетъ энергичную борьбу съ представителями исторической школы, современники пришли къ убѣжденію, что

¹⁾ Mackintosh, напримѣръ, въ своемъ отвѣтѣ Бёрку, озаглавленномъ „Апология французской Революціи“ (франц. пер., стр. 104) упрекаетъ его за прославленія простаго „дѣла случая“.

доктрина Гегеля была реакціей по отношенію къ взглядамъ Савиньи ¹⁾).

Въ настоящее время черты сходства поражаютъ насъ, во всякомъ случаѣ, столько же, сколько и контрасты. Тѣмъ не менѣе, остается справедливымъ, что у Гегеля къ понятію объ историческомъ развитіи присоединяется понятіе о правахъ разума, — разума, имманентнаго вещамъ. Вотъ почему этотъ рационалистъ оказывается въ политикѣ врагомъ и порицателемъ индивидуализма; вотъ почему онъ, быть-можетъ, значительнѣе, чѣмъ кто-либо изъ мыслителей XIX вѣка, содѣйствовалъ усиленію власти государства.

Слѣдуетъ, однако, повторить только что сказанное нами по поводу Бентама. Въ философіи Гегеля можно найти все: даже индивидуализмъ, рядомъ съ обожествленіемъ государства. Но здѣсь мы должны считаться съ развиваемой Гегелемъ доктриной, а не съ выводами, вытекающими изъ его философіи, и не съ тѣми тенденціями, которымъ послѣдняя благопріятствуетъ. Съ этой точки зрѣнія Гегель является однимъ изъ вождей, если не творцомъ реакціи противъ политическихъ ученій XVIII вѣка ²⁾).

Гегель хвалитъ Руссо за то, что тотъ признаетъ

¹⁾ Во Франціи, напримѣръ, Lerménier (*Introduction à l'Étude du Droit*, стр. 236). Это сочиненіе мѣстами устарѣло, но сохраняетъ значеніе, какъ драгоцѣнный документъ для сужденія о вліяніи нѣмецкой мысли на французскую въ то время (1830). Лерминье хорошо освѣдомленъ во всемъ, что касается Германіи. Ему даже пришлось защищаться отъ обвиненія въ „германизмѣ“.

²⁾ Ср. *Critique philosophique*, 1-й годъ (т. I, стр. 323), статью Renouvier.

«волю», лежащую въ корнѣ государства ¹⁾); но упрекаетъ его за то, что онъ подразумѣваетъ здѣсь индивидуальную волю. По мнѣнію Гегеля, въ государствѣ такъ же, какъ въ искусствѣ и религіи, проявляется абсолютная воля, объективный разумъ—Богъ.

Если исходить изъ личной воли, то государство является чѣмъ-то произвольнымъ, что могло бы быть и не такъ, какъ существуетъ. Отсюда — постоянное стремленіе философовъ отыскивать, чѣмъ должно быть государство. Изысканія эти совершенно бесполезны и очень мало сообразны съ научнымъ методомъ. Если же, наоборотъ, исходить изъ абсолютной воли, то всякая случайность исчезаетъ: государство есть то, что оно есть, и не можетъ быть инымъ. Отнынѣ задача философа заключается уже не въ томъ, чтобы отыскивать, чѣмъ должно быть государство, а въ томъ, чтобы понять и объяснить, почему оно таково, какимъ мы его находимъ. Задача гораздо болѣе трудная: метафизикъ, созидающій теорію государства, долженъ разбираться только въ своихъ собственныхъ концепціяхъ, между тѣмъ какъ здѣсь необходимо проникнуть въ самую природу вещей ²⁾.

Мы видимъ, однако, что Гегель, только что сказавъ о научномъ методѣ, сейчасъ же самъ примѣняетъ чисто метафизическій методъ; только что упрек-

¹⁾ Нижеслѣдующія страницы стремятся вѣрно передать мысль Гегеля, но не воспроизводятъ ни его терминологіи, ни деталей. Я позволилъ себѣ сдѣлать изложеніе простымъ и яснымъ.

²⁾ *Rechtsphilosophie*, изданная Гансомъ въ 1833 г. (т. IX Полнаго собранія сочиненій).

нувъ философовъ въ излишнемъ упрощеніи вопроса о государствѣ, сейчасъ же самъ поступаетъ по ихъ примѣру. Онъ также опредѣляетъ государство съ высоты системы. «Государство—соціальная субстанція, дошедшая до самосознанія... Государство, это—разумъ въ себѣ и для себя... государство, это—земной богъ» ¹⁾. Имѣется нѣкоторая «сущность государства», которая примѣшивается ко всѣмъ человеческимъ учрежденіямъ, каковы бы ни были ихъ форма и природа, и заслуживаетъ благоговѣнія какъ нѣчто божественное ²⁾. По отношенію къ индивидуумамъ государство выступаетъ какъ представитель и воплощеніе высшаго права: первая обязанность индивидуумовъ—быть членами государства ³⁾.

Такимъ образомъ, по Гегелю, государство и логически и метафизически предшествуетъ индивидууму. Охрана собственности и свободы индивидуума составляетъ цѣль того, что Гегель называлъ «гражданскимъ обществомъ»; но это не цѣль и не можетъ быть цѣлью государства. Цѣль государства—въ немъ самомъ ⁴⁾.

Съ точки зрѣнія своего «внутренняго строенія», государство имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, дать праву «необходимую реальность», такъ какъ внѣ государства оно имѣетъ только «возможную реальность»; во-вторыхъ, воспрепятствовать семьѣ или гражданскому обществу стать «центромъ», приобщить ихъ

¹⁾ *Philosophie des Geistes*, § 536. См. также *Rechtsphilosophie*, §§ 256—259.

²⁾ *Rechtsphilosophie*, § 258. Zusatz.

³⁾ *Ibid.*, § 258.

⁴⁾ *Ibid.*, §§ 181—182.

къ жизни общей субстанціи, — къ жизни государства ¹⁾).

Здѣсь нѣтъ и рѣчи объ абстрактныхъ формулахъ XVIII вѣка: о свободѣ и равенствѣ. По мнѣнію Гегеля, государство приводитъ, напротивъ того, къ неравенству, такъ какъ оно устанавливаетъ различіе между управляющими и управляемыми, а также административную, судебную и военную іерархію. Впрочемъ, развѣ не существуетъ непримиримаго противорѣчія между свободой и равенствомъ? Если индивидуумъ совершенно свободенъ и независимъ, то онъ доводитъ до высшей степени развитіе своей собственной личности, т. - е. «именно того, что дѣлаетъ людей неравными» ²⁾. Нужно, слѣдовательно, отказаться отъ этихъ абстрактныхъ формулъ и вмѣстѣ съ Гегелемъ признавать конкретныя, положительныя свободу и равенство, примиряющіяся въ теоріи закона.

Полагая въ основу государства абсолютную, а не индивидуальную волю, Гегель не можетъ допустить, чтобы законодательная власть была главной изъ властей, подчиняющей себѣ всѣ остальные; тѣмъ болѣе, что исполнительная власть лучше законодательной представляетъ и воплощаетъ государственное единство ³⁾. Кроме того, обычное пониманіе раздѣленія властей, т. - е. какъ раздѣленіе властей, взаимно ограничивающихъ, провѣряющихъ и сдерживающихъ, можетъ создать только «общее равновѣсіе», а не живое единство ⁴⁾. Верховная власть принадлежитъ не за-

1) *Rechtsphilosophie*, § 260. Ср. *Philosophie des Geistes*, § 538.

2) *Philosophie des Geistes*, § 540, примѣчаніе.

3) *Ibid.*, § 542.

4) *Rechtsphilosophie*, § 272.

конодательной власти и не создающему ее народу, а государству или еще точнее — монарху, который словами: «я хочу» кладетъ основу всякой дѣятельности, всякой реальности» ¹⁾).

Нѣтъ нужды, чтобы монархъ обязательно былъ абсолютнымъ государемъ. Наоборотъ, Гегель считаетъ «конституціонную монархію» наиболее совершенной формой правленія. Впрочемъ, это не значить, чтобы былъ возможенъ выборъ между той или иной формой правленія: послѣднее предполагало бы вмѣшательство свободной воли человека въ конституцію государства и противорѣчило бы тому основному принципу доктрины Гегеля, что всѣ конституціи, какъ прежнія, такъ и теперешнія, были и суть формы, необходимыя для развитія государства. Но «конституціонная монархія», новѣйшая изъ этихъ формъ, должна считаться также и наилучшей въ томъ смыслѣ, что она самая раціональная, такъ какъ комбинируетъ монархическую, аристократическую и демократическую формы и преобразовываетъ ихъ, сливая воедино ²⁾. Такимъ образомъ, «я хочу» монарха не является непременно актомъ произвола; ему можетъ предшествовать и обсужденіе. «Когда конституція вполне установилась, государю часто приходится только подписывать свое имя; но эта подпись имѣетъ огромное значеніе: это — кульминаціонный пунктъ, дальше котораго некуда идти» ³⁾.

Въ «конституціонной монархіи», какъ ее понимаетъ

¹⁾ *Rechtsphilosophie*, § 279.

²⁾ *Philosophie des Geistes*, § 545.

³⁾ *Rechtsphilosophie*, § 279. Zusatz.

Гегель ¹⁾, кромѣ государя могутъ существовать одинъ или нѣсколько совѣщательныхъ органовъ, при посредствѣ которыхъ народъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ ²⁾. Основаніе для такого участія частнаго лица въ общественныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ, разумѣется, искать въ какомъ-либо принадлежащемъ индивидууму политическомъ правѣ: оно вытекаетъ отъ несомнѣннаго права «общаго народнаго духа проявлять себя посредствомъ вмѣшательства въ общественныя дѣла» ³⁾.

Совѣщательные органы — не парламенты: ихъ роль — очень незначительна. Формулируемые ими законы должны быть «простымъ развитіемъ существующихъ законовъ». Вотированіе бюджета было бы освященіемъ прискорбнаго покушенія на компетенцію правительства.

Гегель не придаетъ никакой цѣны доводамъ, на которыхъ основано это право въ свободныхъ странахъ. Скажутъ: хорошо, что народъ находитъ въ немъ средство воздѣйствовать на правительство, гарантію отъ произвола. Признать это — значитъ согласиться, чтобы устойчивость государства ежегодно подвергалась опасности; это значитъ допустить «ложное понятіе договора между правительствомъ и народомъ, возможность революціоннаго разрыва между ними» ⁴⁾. Совѣщательныя учрежденія должны только выражать мнѣніе, а не рѣшать; государь никогда не

¹⁾ Нечего и говорить, что эти слова имѣютъ у него не совѣмъ такой смыслъ, какъ во французскомъ политическомъ языкѣ.

²⁾ *Rechtsphilosophie*, § 300.

³⁾ *Philosophie des Geistes*, § 545.

⁴⁾ *Ibid.*, § 544.

обязанъ слѣдовать ихъ указаніямъ. Государю принадлежитъ, кромѣ того, право мира и войны, руководство арміей и иностранными сношеніями, а также управленіемъ вообще, которому Гегель отводитъ значительное мѣсто. Последнее слово всегда принадлежитъ государю ¹⁾. Онъ, по знаменитому выраженію Гегеля, ставитъ точку надъ і.

Если къ этимъ крупнымъ линіямъ системы присоединить нѣсколько второстепенныхъ пунктовъ, каковы: важное значеніе, приписываемое Гегелемъ чиновникамъ, какъ представителямъ правительства; его уваженіе къ муниципальнымъ вольностямъ; относительную автономію общинъ,—то мы отмѣтимъ всѣ главныя черты теоріи государства, какъ такового. Намъ останется только выяснить природу отношений государствъ другъ къ другу и къ міровому Духу.

Каждое государство, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, независимо, суверенно. Высшимъ доказательствомъ суверенитета государствъ служитъ война ²⁾. Во время войны государство достигаетъ своей «идеальности», потому что именно въ это время жизнь и собственность гражданъ, какъ то и должно быть, оказываются явно подчиненными сохраненію «общей субстанціи» ³⁾. Война имѣетъ въ глазахъ Гегеля и другія достоинства, и онъ горячо восхваляетъ ея красоту и моральное величіе.

Этотъ взглядъ, впрочемъ, вполне соответствуетъ принципамъ его системы. Государство представляетъ

¹⁾ *Philosophie des Geistes*, § 542.

²⁾ *Rechtsphilosophie*, §§ 321—329.

³⁾ *Philosophie des Geistes*, § 547.

силу. Следовательно, оно можетъ и должно пользоваться силой для своего поддержанія и расширенія. Таковы единственные цѣли, которыя Гегель приписываетъ государству, очевидно возвращаясь въ данномъ случаѣ къ реализму, господствовавшему до французской Революціи. Войны, предпринимаемыя во имя цивилизаціи, прогресса и справедливости, не находятъ мѣста въ его системѣ; въ нее входятъ только тѣ, которыя объясняются интересами государства, подвергающагося «угрозамъ или ущербу». Гегель мимоходомъ осмѣиваетъ мирные договоры «на вѣчныя времена» ¹⁾. Опять-таки вмѣстѣ съ политиками стараго порядка онъ полагаетъ, что договоры, по существу своему, должны быть временными и что ихъ можно нарушить во имя того же самаго государственнаго интереса, во имя котораго они были заключены.

Войны приносятъ однимъ государствамъ гибель, другимъ—усиленіе; это необходимо и разумно, какъ и все существующее. Государство, которое должно побѣдить, выходить побѣдителемъ; которое должно погибнуть, — гибнетъ. Въ каждый историческій моментъ, т.-е. въ каждую фазу развитія Идеи, какой-нибудь одинъ народъ является ея представителемъ. И пусть онъ торжествуетъ: всѣ прочіе народы безправны передъ нимъ ²⁾. Востокъ, Греція, Римъ по очереди были представителями Идеи въ мірѣ. Какъ извѣстно, Гегель полагалъ, что наступилъ, наконецъ, чередъ и для германской расы. Такъ его философія исторіи сливается въ одно русло съ его политиче-

¹⁾ *Philosophie des Geistes*, § 548. См. также *Rechtsphilosophie*, §§ 330—339.

²⁾ *Rechtsphilosophie*, §§ 340—342.

ской философией. Такъ онъ дополняетъ и исправляетъ ученіе исторической школы, вводя цѣлесообразность въ самую эволюцію.

Хотя Гегель и не совсѣмъ еще порываетъ съ философами XVIII вѣка, хотя онъ раздѣляетъ ихъ вѣру въ законодательство и склонность къ апріорнымъ методамъ, тѣмъ не менѣе онъ является выразителемъ реакціи противъ наиболѣе дорогихъ имъ идей: общественнаго договора и естественнаго права.

Его разносторонній умъ объединяетъ и сливаетъ воедино всѣ формы реакціи противъ этихъ принциповъ. Подобно теократамъ, онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ неспособенъ создать конституцію, и что никогда не существовало народа, у котораго бы ея не было ¹⁾. Подобно Бентаму, онъ отказывается видѣть въ политической свободѣ цѣль человѣческой ассоціаціи ²⁾. Подобно Бентаму и теократамъ, онъ возстаетъ противъ теоріи права въ духѣ Руссо и Канта. Онъ отвергаетъ идею естественнаго права, въ томъ ея пониманіи, что «правовыя нормы существуютъ столь же непосредственно, какъ явленія природы» ³⁾. Онъ отвергаетъ взглядъ, что естественное состояніе выше соціальнаго. Единственно извѣстное ему естественное состояніе представляетъ изъ себя царство жестокости и несправедливости. Право появляется только въ соціальной жизни.

Но какимъ же образомъ Гегель понимаетъ право, разъ онъ отрицаетъ его какъ атрибутъ моральной личности? Право, о которомъ онъ говоритъ и кото-

¹⁾ *Rechtsphilosophie*, § 273. См. также *Philosophie des Geistes*, § 541; примѣчаніе.

²⁾ *Philosophie des Geistes*, § 540.

³⁾ *Ibid.*, § 503; примѣчаніе.

рое называетъ «свободной волей», есть объективная воля, стоящая выше воли индивидуальной, движущая ея и опредѣляющая ее ¹⁾. Такимъ образомъ, встрѣчающіяся у Гегеля слова «право» и «воля» получаютъ далеко не тотъ смыслъ, какой они имѣли въ XVIII вѣкѣ. Право индивидуума заключается въ исполненіи долга; свобода—въ подчиненіи объективной волѣ ²⁾. Этого требуетъ діалектическій методъ, представляющій намъ идеи въ состояніи непрестаннаго метаморфоза.

Подобно исторической школѣ, Гегель считаетъ государство организмомъ, а развитіе государства—органическимъ ³⁾. Руссо и Кантъ, по мнѣнію которыхъ политическое общество слагается изъ индивидуальныхъ единицъ, не способны объяснить господствующаго въ немъ порядка, іерархіи частей, функций и пр. Но если общество представляетъ собою не сумму значительнаго числа единицъ, а живое существо, если оно развивается по тѣмъ же законамъ, какъ живое существо, то индивидуумъ становится частью цѣлаго,—частью, которая заимствуетъ у цѣлаго его основныя черты. Въ самомъ дѣлѣ, если индивидуумъ—не чистая абстракція, а конкретное, реальное существо, то онъ принадлежитъ извѣстной эпохѣ, расѣ и средѣ, и находится подъ ихъ сильнымъ вліяніемъ. По большей части, онъ—продуктъ этихъ разнообразныхъ вліяній. Однако, мы этимъ не умаляемъ значенія личности: развѣ великіе люди не являются лучшими представителями своей страны и эпохи?

¹⁾ *Rechtsphilosophie*, §§ 27—35.

²⁾ *Philosophie des Geistes*, § 539.

³⁾ *Ibid.*, § 539.

Подобно всѣмъ противникамъ XVIII вѣка и французской Революціи, Гегель полагаетъ, что *я* не должно и не можетъ быть центромъ, принципомъ и цѣлью существующаго. Онъ даже придаетъ этой идеѣ метафизическое значеніе, котораго она не имѣла у его предшественниковъ. Когда Бональдъ говорилъ: «Пора создать психологію *мы*», онъ просто хотѣлъ отмѣтить тѣсную связь между людьми, обмѣнъ вліяній, происходящій между членами одного общества. Гегель уже не занимается ни психологіей *мы* ни психологіей *я*; его исходный пунктъ—абсолютный Духъ.

Путь, на который онъ вступилъ, былъ подготовленъ его предшественниками.

Доведя до крайности въ своихъ первыхъ политико-философскихъ сочиненіяхъ вѣру въ индивидуальное *я*, Фихтэ былъ принужденъ въ самомъ *я* констатировать наличность высшаго начала. Онъ возвысился до идеи абсолютнаго и живого Я и составилъ себѣ представленіе о государствѣ, во всѣхъ отношеніяхъ противоположное тому, какое мы находимъ у него въ *Разсужденіяхъ о французской революціи* ¹⁾.

Съ своей стороны, Шеллингъ вновь обратилъ вниманіе на идею *природы*. Божественная воля является у него общимъ принципомъ міра Природы и міра Духа. Онъ набросалъ также въ общихъ чертахъ теорію государства и права, которую Шталь впоследствии развилъ и углубилъ ²⁾. Ставя абсолютный Духъ выше индивидуальнаго *я*, Гегель является только продолжателемъ Шеллинга и Фихтэ.

¹⁾ Ср. *Der Geschlossene Handelsstaat* (1800) и позднѣйшія политическія сочиненія Фихтэ.

²⁾ *Die Staatslehre und die Principien des Staatsrechts* (1856).

Итакъ, мы находимъ у Гегеля дальнѣйшее развитіе и резюме различныхъ формъ реакціи противъ идей XVIII вѣка; но ни у одного изъ представителей этого движенія мы не найдемъ такого возвышеннаго представленія о государствѣ, какъ у него. Государство занимаетъ уже важное мѣсто у теократовъ, исторической школы и Бентама; но у Гегеля оно получаетъ такое всеобъемлющее значеніе, величіе и мощь, что отыскать нѣчто подобное можно, только вернувшись къ античному міру.

Индивидуумъ—ничто: государство—все, государство—Богъ.. Главнѣйшая обязанность индивидуума, какъ уже мы сказали, быть членомъ государства. Вдумаемся въ эту формулу. Гегель полагаетъ, что пока существеннѣйшая функція государства состоитъ въ поддержаніи свободы и собственности, цѣлью политическаго общества служить благо индивидуума. Поэтому, если индивидуумъ желаетъ пожертвовать своимъ собственнымъ благомъ, то онъ можетъ не считать себя членомъ государства. Гегель не признаетъ за индивидуумъ такого чудовищнаго права, такъ какъ оно способно совершенно ниспровергнуть соціально-политическій строй. Цѣль государства состоитъ не въ поддержаніи индивидуальной собственности, а въ торжествѣ самого государства. Индивидуумъ, какъ часть цѣлаго, не уполномоченъ ставить свои интересы выше интересовъ цѣлаго; онъ долженъ всѣми силами заботиться о благѣ цѣлаго.

Гегель является, такимъ образомъ, предшественникомъ и родоначальникомъ всѣхъ тѣхъ доктринъ, которыя, какъ мы увидимъ, возникали въ теченіе XIX вѣка и учили, что государство должно выпол-

нить особую *missio* въ мистическомъ смыслѣ этого слова. Эти доктрины оказали сильное вліяніе на умы и почти уничтожили въ нихъ, если не чувство, то понятіе индивидуальнаго права. Онѣ сначала обезоружили ихъ, а затѣмъ отдали во власть такъ называемой научной философіи, которая должна была, хотя и другими средствами, продолжать борьбу противъ юридическаго и политическаго апріоризма XVIII вѣка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Выводы изъ первой книги.

Если принять въ соображеніе, какъ немного времени прошло отъ апогея Революціи до торжества Реставраціи (1792—1825), то приходится удивляться, что въ такой короткій срокъ произошла столь полная политическая реакція. Правда, главныя завоеванія Революціи въ области гражданского порядка продолжаютъ существовать въ той странѣ, гдѣ она разразилась, и даже стремятся выйти за ея предѣлы. Но во Франціи возстановляется законная монархія, а во всей Европѣ абсолютныя правительства неожиданно возвращаютъ себѣ довѣріе и власть. Исполненіе обязательствъ по отношенію къ подданнымъ, принятыхъ государями въ трудныя времена, откладывается или избѣгается ¹⁾. Прекраснымъ выраженіемъ состоянія Европы въ эту эпоху служитъ Священный Союзъ, и скрѣпляющій его актъ переноситъ умы на много вѣковъ назадъ ²⁾.

Но какъ ни поразительна политическая реакція, она все же слабѣе реакціи въ области идей и доктринъ, о чемъ свидѣлствуютъ предыдущія стра-

¹⁾ Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe* (т. I, стр. 114).

²⁾ Декларация 26 сентября 1815 г. *Ibid.* (т. I, стр. 90—92).

ницы. Нѣтъ буквально ни одного принципа, выдвинутаго французской Революціей и философіей XVIII вѣка, котораго только что разсмотрѣнные нами писатели и мыслители не считали бы поколебленнымъ или совершенно опровергнутымъ.

Революція, проникнутая духомъ партэзіанства и оптимизма, экзальтировала человѣческую волю и провозгласила всемогущество метода. Устройство политическаго общества казалось ей чѣмъ-то въ родѣ механической или алгебраической задачи. Правильно поставить эту задачу и воспользоваться для ея рѣшенія подлежащими приѣмами значило обезпечить ея рѣшеніе. «Сумѣй взяться за это,—говорила она человѣку.—Тщательно взвѣсь статьи договора, который ты подписываешь вмѣстѣ съ согражданами, и ты непременно создашь государство, гдѣ все будетъ превосходно, гдѣ воцарится справедливость и добродѣтель. Ты—существо разумное и свободное; ты обладаешь правами, предшествующими всякому договору, предшествующими даже самому соціальному состоянію. Единственная цѣль общества—гарантировать всѣмъ своимъ членамъ пользованіе ихъ правами. Оставь въ покоѣ прошлое, такъ какъ оно мертво. Занимайся будущимъ, зародыши котораго находятся въ настоящемъ. Довѣрься своей мысли и присущей ей творческой силѣ».

На это различныя школы, которыя мы только что обозрѣли, отвѣчали: «Нѣтъ, индивидуумъ не является конечной и единственной цѣлью общества, потому что онъ продуктъ этого самаго общества. Слѣдовательно, не индивидуумъ, а общество и его интересы должны стоять на первомъ планѣ; слѣдовательно, не первый, а послѣднее обладаетъ большей цѣн-

ностью. Нѣтъ, не существуетъ естественныхъ правъ, предшествующихъ и стоящихъ выше соціальнаго состоянія. Всѣ права — результатъ законовъ или, лучше сказать, продуктъ глухого, медленнаго и естественнаго роста. Нѣтъ, нельзя перестроить общество заново, не считаясь съ прошедшимъ, опредѣлившимъ настоящее. Нѣтъ, методъ не всемогущъ, человѣкъ не воленъ ставить проблему такъ, какъ ему угодно: проблему ставятъ для него природа и исторія. Общество не зависитъ отъ договора, а человѣкъ не способенъ творить. Творческая способность принадлежитъ одному Богу, будетъ ли это личный Богъ де-Бональда и Жозефа де-Местра или Абсолютъ Гегеля».

Можно точно опредѣлить, что именно въ этой совокупности утверждений, противопоставленныхъ догматамъ XVIII вѣка и французской Революціи, принадлежитъ каждой школѣ.

Правда, всѣ эти школы взаимно вліяютъ другъ на друга, и тѣ же самые тезисы появляются вновь, мало отличаясь даже по формѣ. Тѣмъ не менѣе, каждая школа имѣетъ излюбленный аргументъ. Теократы возстаютъ, главнымъ образомъ, противъ взгляда, что человѣкъ способенъ *выдумать* политическое общество или что-либо иное. Они снова обогащаютъ сокровищницу общихъ понятій идеей Бога-Творца, безъ которой хотѣла обойтись философія XVIII вѣка, порвавъ съ метафизикой и довольствуясь признаніемъ роли Провидѣнія въ моральной области. Бентамъ возстаетъ противъ *естественнаго права*, этой непостижимой и таинственной сущности. Онъ возвращаетъ умамъ своего времени реалистическія тенденціи, исчезнувшія подъ влія-

ніємъ идеализма французской Революціи. Бёркъ и Савиньи возстають противъ *апріорнаго построенія* политическаго общества. Они возвращаютъ силу эмпирическимъ элементамъ и прежде всего идеѣ самопроизвольнаго развитія и жизни учреждений. Наконецъ, Гегель, который въ столь многомъ повторяетъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, особенныя усилія направляетъ на то, чтобы опровергнуть юридическія теоріи Канта и Руссо и поставить государство на недосягаемую высоту. Онъ замыкаетъ кругъ, въ которомъ очутилась, такъ сказать, въ плѣну либеральная и индивидуалистическая мысль.

Если мы спросимъ теперь, какъ эти различныя школы представляли себѣ проблему государства, то придется отвѣтить, что онѣ имѣли въ виду преимущественно ея спекулятивную сторону. Какъ уже было указано, противники философіи XVIII вѣка рассматриваютъ вопросы подъ угломъ зрѣнія, установленнымъ ею же самою. Руссо, Кондорсэ, Кантъ и Фихтэ (въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ) задаются вопросами о *сущности* общества, о *сущности* государства, о *сущности* права. Гегель, Савиньи, Бёркъ, Бентамъ и теократы дѣлаютъ то же самое. Они сами пускаются на розыски *истинныхъ принциповъ* соціальнаго порядка, утерянныхъ, по ихъ мнѣнію, въ революціонномъ вихрѣ.

Совершенно абстрактнымъ характеромъ умозрѣній объясняется то обстоятельство, что практическіе вопросы почти не привлекали вниманія этихъ разнообразныхъ школъ; и, въ частности, проблема объ отношеніяхъ индивидуума къ государству не была разсмотрѣна ими такъ обстоятельно, какъ это было сдѣлано впоследствии.

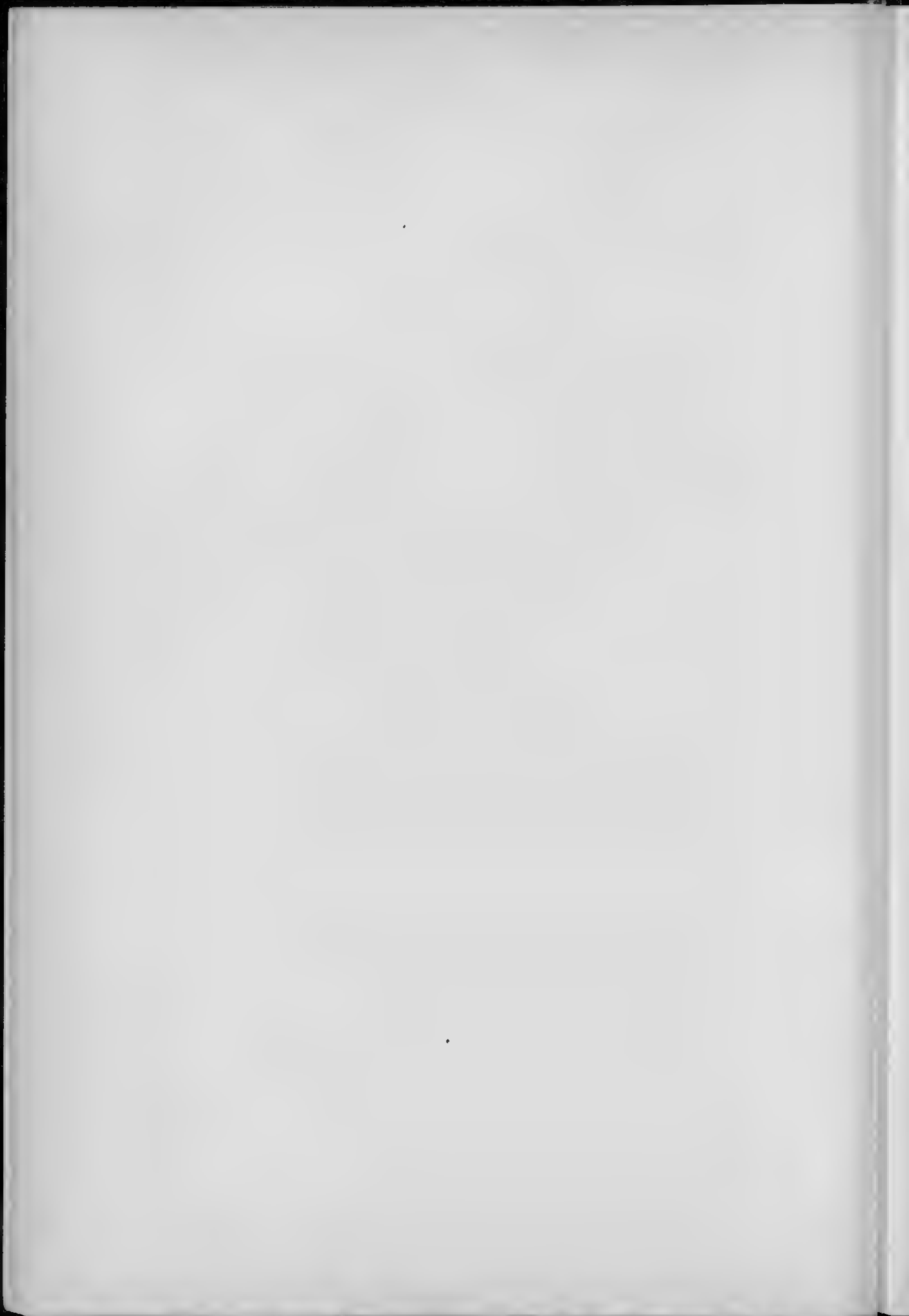
Мы видѣли, что Гегель одинаково убѣжденно и искренне признаетъ всемогущество государства и свободу совѣсти. Бентамъ охотно считаетъ всякій законъ зломъ и, тѣмъ не менѣе, снабжаетъ законодателя абсолютной властью; а такъ какъ всякое право результатъ закона, то законодатель воленъ, по своему произволу, расширять или суживать область права. Савиньи однимъ изъ аргументовъ противъ кодификаціи выставляетъ опасность возрастанія власти государя; но это не мѣшаетъ ему совершенно растворить индивидуума въ государствѣ, индивидуальное сознаніе въ коллективномъ. Теократы даютъ государю абсолютную власть; но въ то же время они расположены къ децентрализаціи; а тѣ изъ нихъ, которые требуютъ свободы обученія, открываютъ тѣмъ самымъ дверь требованію всѣхъ прочихъ вольностей, рискуя ослабить власть государства.

Такимъ образомъ, ни у первыхъ противниковъ философіи XVIII вѣка, ни, тѣмъ болѣе, у основателей индивидуализма проблема о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства не сводилась къ безусловному противопоставленію ихъ другъ другу.

Мы увидимъ далѣе, какъ и подъ вліяніемъ какихъ причинъ это безусловное противопоставленіе стало сущностью современнаго индивидуализма.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦІЯ
ПРОТИВЪ
ИНДИВИДУАЛИЗМА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Предыдущая книга показала намъ философскую и политическую реакцію противъ индивидуализма. Теперь мы рассмотримъ это движеніе съ экономической и соціальной точекъ зрѣнія. Различіе—совершенно условное, которое признанная въ настоящее время связь между экономической и политической проблемами, повидимому, осуждаетъ.

Тѣмъ не менѣе, это различіе, не говоря уже о его дидактическихъ достоинствахъ, имѣетъ историческую цѣнность. Оно соотвѣтствуетъ тому способу постановки вопросовъ, который, въ теченіе изучаемаго нами періода, былъ обыченъ какъ для противниковъ, такъ и для защитниковъ индивидуализма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сэнъ-Симонъ и его школа.

Сэнъ - Симонъ.

Сэнъ-Симонъ сказалъ однажды: «Я поставилъ задачей своей жизни выяснить вопросъ о соціальной организаціи».

И дѣйствительно, это стремленіе просвѣчиваетъ уже въ его первыхъ работахъ¹⁾. Однако, хотя онъ постоянно имѣлъ въ виду этотъ вопросъ, онъ не всегда разсматривалъ его съ одной и той же точки зрѣнія и не сразу разсмотрѣлъ всесторонне. Можно различить, если не три послѣдовательныхъ момента въ развитіи его мысли — движеніе послѣдней не отличалось такой правильностью—то, по крайней мѣрѣ, три тенденціи, впрочемъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, какъ это выяснится впослѣдствіи,

¹⁾ *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin* (Парижъ, 1865—1878), 47 т., in 8°.—*Oeuvres choisies de Saint-Simon*, изданныя Lemonnier (Брюссель, 1859—1861), 3 т., in 12°.—Пользованіе *Сочиненіями Сэнъ-Симона и Анфантена* крайне неудобно; поэтому я отдаю предпочтеніе *Избраннымъ сочиненіямъ*; не вошедшія же сюда сочиненія цитирую по отдѣльнымъ изданіямъ Olinde Rodrigues'a.

когда ихъ сблизять между собою системы, возникшія изъ системы Сэнъ-Симона, но болѣе стройныя, чѣмъ она.

Сэнъ-Симонъ сначала старается опредѣлить взаимныя отношенія политики и науки, т.-е., въ концѣ-концовъ, найти точку соприкосновенія между міромъ физическимъ и міромъ моральнымъ; затѣмъ, во-время замѣтивъ «невозможность установить когда-либо положительный и координирующій законъ», онъ переходитъ къ болѣе узкой, практической задачѣ и изслѣдуетъ политическія условія соціальнаго обновленія; наконецъ, видя пренебрежительное отношеніе со стороны «промышленниковъ», къ которымъ онъ обращался со своею рѣчью, онъ начинаетъ думать, что упустилъ изъ виду могучую силу — чувство, вѣру, — и потому дѣлаетъ призывъ къ нравственному и религіозному чувствамъ.

Повторяемъ еще разъ, мы не намѣрены устанавливать точной хронологіи или проводить мысль, что ни одинъ изъ взглядовъ, которые заключаются въ *Новомъ христіанствѣ*, принадлежащемъ къ третьему изъ указанныхъ идейныхъ періодовъ, или въ *Катехизисѣ промышленника*, принадлежащемъ ко второму, не находится, напримѣръ, въ *Письмахъ женеваго обитателя*, принадлежащихъ къ первому. Это значило бы совершенно противорѣчить истинѣ¹⁾. Но, даже принимая во вниманіе отсутствіе системы, характерное для сочиненій Сэнъ-Симона, вышеприведенная классификація раскрываетъ намъ исторію мысли, которая, начавъ мечтами о всеобъем-

¹⁾ Такъ, *Письма женеваго обитателя* уже заключаютъ въ себѣ идею раздѣленія духовной и свѣтской властей.

лющей наукѣ, скоро удовлетворяется призывомъ на помощь наличныхъ силъ (правителей, парламентовъ, крупныхъ промышленниковъ) для осуществленія всеобщаго благополучія; и, наконецъ, обманувшись въ этой мечтѣ, находитъ убѣжище въ чувствѣ братства, въ любви ¹⁾).

I.

Если Сэнъ-Симонъ уже въ первомъ своемъ сочиненіи ²⁾ излагаетъ теорію духовной власти, если онъ склоненъ дать нѣсколькимъ геніальнымъ ученымъ привилегированное положеніе, сдѣлавъ ихъ неограниченными властителями міра, то это значитъ, прежде всего, что онъ очень высоко цѣнитъ науку и трудъ ученыхъ — социальный прогрессъ, по его мнѣнію, возрастаетъ пропорціонально научному прогрессу—это значитъ, съ другой стороны, что онъ вѣритъ въ близкое наступленіе революціи въ наукѣ.

Главное основаніе, дающее ему эту увѣренность, не высокаго качества: онъ замѣтилъ, говорится въ одномъ изъ его сочиненій ³⁾, вышедшемъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ *Писемъ женеваго обитателя*, что научныя революціи наступаютъ вскорѣ за политическими ⁴⁾. Французская Революція должна, слѣ-

¹⁾ Мы будемъ заниматься преимущественно двумя первыми направленіями мысли Сэнъ-Симона.

²⁾ *Lettres d'un habitant de Genève* (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 3 и слѣд.).

³⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle* (1807).

⁴⁾ «Ньютонъ открылъ законъ всемірнаго тяготѣнія нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Карла I. Я предвижу, я предчувствую, что очень скоро совершится великая научная революція». *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 57).

довательно, повести къ революціи въ наукѣ. Все это слабо и поверхностно; зато онъ очень ясно и опредѣленно представляетъ себѣ эту, считаемую имъ неминуемой, научную революцію. Она будетъ состоять, по его мнѣнію, въ «реакціи противъ ига англійской науки» ¹⁾. XVIII вѣкъ, подъ вліяніемъ великихъ англійскихъ ученыхъ, ничего не зналъ и ничего не хотѣлъ знать кромѣ опыта, а posteriori, мелочнаго изученія фактовъ. XIX вѣкъ долженъ возвратиться къ методу Дѣкарта ²⁾; его задача—«составить общую карту научной области», «частныя карты» ³⁾ — которой составлялись въ предшествующемъ столѣтіи. Отнынѣ,—продолжаетъ онъ,—«предстоитъ дѣлать открытія апріорнымъ путемъ» ⁴⁾.

Сэнъ-Симонъ даетъ названія обоимъ этимъ методамъ: одинъ называется анализомъ, другой — синтезомъ. Синтезъ, права котораго онъ отстаиваетъ, долженъ свести всѣ явленія къ явленіямъ физическимъ. Не существуетъ изначальной и абсолютной «демаркаціонной линіи» между человѣкомъ и животнымъ. Нѣтъ двухъ порядковъ явленій. «Существуетъ только одинъ порядокъ — физическій» ⁵⁾. Этотъ порядокъ управляется закономъ всемірнаго тяготѣнія. «Идея всемірнаго тяготѣнія,—говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи,—для физика то же, что для теолога—идея Божества. Необходимо огромное

¹⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 61).

²⁾ См. восхваленія Дѣкарта, *Ibid.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 68).

³⁾ *Ibid.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 59).

⁴⁾ *Ibid.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 164).

⁵⁾ *Ibid.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 175).

напряжение ума для изученія этого обобщенія изъ обобщеній» ¹⁾).

Я намеренно останавливаюсь на томъ, какъ Сэнъ-Симонъ понимаетъ научную революцію, потому что отъ этого пониманія зависитъ опредѣленное представленіе о человѣческомъ обществѣ. Всѣ явленія сводятся къ одному типу. Человѣкъ и вселенная составляютъ какъ бы «одинъ и тотъ же механизмъ въ двухъ масштабахъ»; по отношенію къ вселенной человѣкъ подобенъ «карманнымъ часамъ, помещеннымъ внутри простыхъ стѣнныхъ часовъ и приводимыхъ послѣдними въ движеніе» ²⁾. Сэнъ-Симонъ, въ свою очередь, возвращаетъ человѣка природѣ и уничтожаетъ установленную Руссо и Кантомъ антитезу между гражданскимъ и политическимъ обществомъ, всецѣло основанномъ на разумѣ и свободѣ, и всѣми остальными явленіями. Впослѣдствіи, впрочемъ, этотъ выводъ самъ собой сложится въ умѣ Сэнъ-Симона, и онъ выразитъ его совершенно точно. Политика должна стать «наукой, основанной на наблюденіи». Относящіяся къ ней вопросы должны будутъ когда-нибудь разсматриваться «людьми, изучившими положительную науку о человѣкѣ, причемъ методъ и приемы изслѣдованія должны быть тѣ же, какіе нынѣ примѣняются къ остальнымъ явленіямъ» ³⁾. Политика — часть положительной науки, человѣкъ — часть природы: вотъ формула, на

¹⁾ *Travail sur la gravitation universelle* (1813). (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 175).

²⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 111).

³⁾ *Mémoire sur la science de l'homme* (1813). (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 147).

которой останавливается Сэнъ-Симонъ и которая впоследствии принесетъ плоды у Огюста Конта ¹⁾).

Хотя эти взгляды брошены какъ бы мимоходомъ, однако чувствуется, что въ нихъ скрывается, вмѣстѣ съ отрицаніемъ юридическихъ и договорныхъ теорій, страшная угроза политической свободѣ и индивидуализму. Кромѣ того, они совершенно чужды идеѣ равенства. Демократическій духъ еще не пробудился въ Сэнъ-Симонѣ. Въ эту эпоху онъ еще гордится тѣмъ, что пишетъ «какъ дворянинъ», и утверждаетъ, что «все великое, когда-либо сдѣланное или сказанное въ мірѣ, принадлежитъ дворянству» ²⁾. Въ эту эпоху онъ еще напоминаетъ объ «ужасающихъ жестокостяхъ, связанныхъ съ примѣненіемъ принципа равенства, такъ какъ при этомъ власть отдается въ руки невѣждъ». И развѣ вся теорія духовной власти, набросанная имъ очень рано, не сводится у него къ апофеозу высшей культуры и деспотизму ученыхъ? Этимъ взглядамъ суждено было впоследствии появиться вновь у мыслителей, не считающихъ себя зависимыми отъ Сэнъ-Симона. Но прежде, чѣмъ переходить къ выводамъ, вытекающимъ изъ выставленныхъ имъ принциповъ, необходимо ближе изучить его теорію политическаго и соціальнаго обновленія.

¹⁾ Уже Сэнъ-Симонъ сравниваетъ (*Memoire sur la science de l'homme*. Избранныя сочиненія, т. II, стр. 105 и слѣд.) развитіе общества съ развитіемъ индивидуума и указываетъ (*Lettres d'un habitant de Genève*. Избранныя сочиненія, т. I, стр. 31) на аналогію между соціальнымъ тѣломъ и организмомъ.

²⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 60); правда, дворяне, на которыхъ онъ указываетъ, носятъ имена Коперника, Галилея, Бэкона, Декарта, Ньютона и Лейбница.

II.

Для Сэнъ-Симона наука служить руководящимъ началомъ въ жизни. Человѣкъ, обладающій знаніями, долженъ повелѣвать невѣждой. Поэтому, не можетъ быть никакого вопроса относительно «лучшаго государственнаго строя» ¹⁾. Это—строй, «при которомъ власти организованы такъ, что каждый вопросъ, затрагивающій общественные интересы, изслѣдуется съ наибольшей глубиною и пользою» ²⁾.

Но каковы гарантіи серьезнаго изслѣдованія научныхъ вопросовъ? —Послѣдовательное примѣненіе аналитическаго и синтетическаго методовъ. Въ свою очередь, изученіе политическихъ вопросовъ будетъ полнѣе, если ихъ подвергать изслѣдованію *a priori* и *a posteriori* ³⁾. Отсюда—установленіе двухъ различныхъ властей, изъ которыхъ одна разсматриваетъ все съ точки зрѣнія общихъ интересовъ націи, другая—съ точки зрѣнія частнаго интереса индивидуума. Для приведенія въ исполненіе всякаго рѣшенія требуется предварительное одобреніе обѣихъ властей. А такъ какъ эти власти равны между собой, то онѣ предполагаютъ третью, поддерживающую между ними равновѣсіе и заключающую ихъ въ надлежащіе предѣлы ⁴⁾. Эта «регулирующая или умѣряющая»

¹⁾ Это—заглавіе IV главы (кн. I) его сочиненія: *Réorganisation de la Société européenne* (1814). Избранныя сочиненія, т. II, стр. 251 и слѣд.).

²⁾ *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 276).

³⁾ *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 277).

⁴⁾ *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 278).

власть должна обладать слѣдующими прерогативами: правомъ вновь изслѣдовать вопросы, уже разрѣшенные обѣими властями, правомъ «исправлять ихъ ошибки» и правомъ предлагать имъ цѣлесообразныя мѣры. Таковы необходимыя основы всякой хорошей конституціи ¹⁾.

Что касается подробностей, второстепенныхъ положеній, то, по мнѣнію Сэнъ-Симона, они должны мѣняться въ зависимости отъ времени и мѣста. Но пусть не говорятъ: такая конституція—химера, годная только на утѣшеніе кропателей книгъ. Она существуетъ, ей уже сто лѣтъ, и эти сто лѣтъ являются какъ бы опытомъ, подтверждающимъ теорію. «Одинъ народъ,—продолжаетъ Сэнъ-Симонъ, почти повторяя выраженія Монтэскьё,—самостоятельно сдѣлался свободнымъ и могущественнѣйшимъ изъ народовъ Европы» ²⁾. И вотъ, Сэнъ-Симонъ, въ свою очередь, пишетъ главу объ англійской конституціи ³⁾.

Прійти къ простой апологіи парламентарнаго режима можно было бы и безъ такого длиннаго предисловія. Но въ этомъ далеко не послѣднее слово Сэнъ-Симона. Тотъ же самый человѣкъ, который выставилъ англійскую конституцію какъ совершенный образецъ, какъ идеаль, впоследствии скажетъ: «если англійская конституція слыветъ во Франціи за образцовую, это обусловливается дѣтскимъ состояніемъ политической науки». Онъ скажетъ также, что Англія обладаетъ «убогой» конституціей. Она находится «въ

¹⁾ Подобная конституція имѣетъ цѣнность „хорошаго силлогизма“. *Réorganisation*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 279).

²⁾ *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 279).

³⁾ *Ibid.* кн. I, гл. V и VI.

судорожномъ состояніи, въ состояніи кризиса» ¹⁾.
Англійскій строй—переходный, и проч.

Это противорѣчіе объясняется, несомнѣнно, тѣмъ фактомъ, что Сэнъ-Симонъ никогда не могъ похвастаться постоянствомъ своихъ политическихъ убѣжденій. Онъ, попеременно, то льстилъ императору и имперіи, то превозносилъ парламентаризмъ, то выставлялъ себя пламеннымъ легитимистомъ. Но оно объясняется также и причинами высшаго порядка. Сэнъ-Симонъ пришелъ къ тому заключенію, что настоящая политическая революція состоитъ не столько въ преобладаніи той или другой политической формы, сколько въ переходѣ власти къ промышленности, въ замѣнѣ чисто-феодальнаго строя или того смѣшаннаго, полупромышленнаго, полуфеодальнаго строя, какимъ именно и является англійскій, «промышленнымъ строемъ» ²⁾.

Царство индустриализма — такова опредѣленная практическая цѣль, преслѣдуемая Сэнъ-Симономъ, когда онъ теряетъ изъ виду созданіе всеобъемлющей науки, о которой онъ сначала мечталъ. «Все совершается чрезъ промышленность, и должно совершаться чрезъ нее», говоритъ онъ въ началѣ *Catéchisme* ³⁾. А въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «промышленный классъ — основной; классъ, питающій общество» ⁴⁾. Но когда мы спросимъ, что собственно

¹⁾ *Catéchisme des industriels*. 2-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 126—127).

²⁾ *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 127).

³⁾ *Ibid.* 1-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 68).— См. эпиграфъ къ *Vues sur la Propriété et la Législation*.

⁴⁾ *Ibid.*, 4-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 197).

Сэнъ-Симонъ разумѣлъ подѣ промышленностью и промышленнымъ классомъ, то замѣтимъ, что его идеи на этотъ счетъ никогда не были, быть-можетъ, особенно ясны, и, во всякомъ случаѣ, значительно мѣнялись.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ *Катехизиса*, можно подумать, что Сэнъ-Симонъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, выступленіе на сцену, активное вмѣшательство крупныхъ промышленниковъ, выступленіе, какъ онъ выражается, «шоссэ д'Антэнъ», противопоставляя послѣднее Сэнъ-Жерменскому предмету¹⁾. Напримѣръ, когда онъ увѣряетъ, что «произойдетъ великая реформа, радикальная перемѣна», и «промышленная система вполне утвердится» въ тотъ день, «когда король ввѣритъ крупнѣйшимъ промышленникамъ высшее управленіе финансами»²⁾, въ тотъ день, когда онъ отдѣльнымъ указомъ создастъ высшую финансовую комиссію изъ этихъ промышленниковъ, для составленія проекта бюджета и разсмотрѣнія, правильно ли министры употребили назначенные имъ кредиты.

Но въ томъ же сочиненіи, нѣсколькими страницами выше, нѣтъ и рѣчи о «крупнѣйшихъ» промышленникахъ. Тамъ Сэнъ-Симонъ говоритъ о «двадцати четырехъ двадцать пятихъ націи», подразумѣвая здѣсь фабрикантовъ, купцовъ и банкировъ³⁾. У Сэнъ-Симона мало-по-малу развивается демократическое

1) *Catéchisme*, 1-я тетрадь.. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 85 и 106).

2) *Ibid*, 1-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 115).

3) *Ibid*, 1-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 104 и 85).

чувство; является идея, что нація должна играть роль въ своей собственной судьбѣ; наконецъ, «пролетаріи» кажутся ему способными стать равноправными членами политическаго общества ¹⁾: все это приводитъ насъ къ мысли, что позднѣйшее значеніе формулы сильно разнится отъ первоначальнаго. Въ концѣ-концовъ, она стала означать: участіе большинства въ общественныхъ дѣлахъ ²⁾.

Какъ же понимать, какъ представлять себѣ этотъ «промышленный строй», долженствующій быть результатомъ обновленія, о которомъ мечталъ Сэнъ-Симонъ?

И въ данномъ случаѣ указанія мало согласуются между собою. Новый строй будетъ, говорятъ намъ, благопріятствовать расширенію свободы. При старой системѣ дѣло шло, прежде всего, о томъ, чтобы «дать силу правительству», чтобы прочно установить власть «высшихъ классовъ надъ низшими». При новой системѣ легко будетъ поддерживаться порядокъ, и поддержаніе порядка отступить на второй планъ. Главная цѣль—«улучшеніе участи отдѣльныхъ личностей» ³⁾. Отнынѣ «дѣятельность правительства» можетъ быть доведена до *minimum'a*, и люди будутъ пользоваться «наивысшей степенью свободы, какая только совмѣстима съ общественнымъ

¹⁾ *De l'Organisation sociale*, 2-й и 3-й отрывки. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 267—271; 276—282).

²⁾ См. *Réorganisation de la Société européenne*, кн. II, гл. II. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 290). Однако, голосованіе, о которомъ говоритъ здѣсь Сэнъ-Симонъ, должно было примѣняться внутри «группъ» и «корпораций».

³⁾ *Suite à la brochure des Bourbons et des Stuarts*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 437—438).

состояніемъ» ¹⁾. Однако, въ томъ же самомъ отрывкѣ, нѣсколькими строками выше, Сэнъ-Симонъ возстаетъ противъ мысли, что правительство не должно вмѣшиваться въ заботы о счастіи общества ²⁾. Но если правительство будетъ заботиться объ общемъ счастіи, то тѣмъ самымъ будетъ настезь открыта дверь для излишествъ власти, для злоупотребленій вмѣшательствомъ. Какимъ же образомъ «сузить» дѣятельность власти, какимъ образомъ обезпечить гражданину бѣольшую свободу, чѣмъ при старомъ порядкѣ?

Та же самая неопредѣленность господствуетъ и въ принципахъ, узаконяющихъ необходимость промышленнаго строя. Сэнъ-Симонъ иногда рекомендуетъ его во имя «опыта»: съ момента возникновенія французскаго общества, промышленный классъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе, тогда какъ другіе классы его все болѣе теряли ³⁾. Но нѣсколько выше, въ томъ же самомъ сочиненіи, мы читаемъ, что промышленный строй «долженъ быть результатомъ апріорной концепціи, долженъ быть

¹⁾ *Extraits de l'Organisateur*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 376).

²⁾ *Catéchisme*, тетрадь 1-я. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 110).

³⁾ «Изъ этого опыта 1400 лѣтъ мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что промышленный классъ долженъ, въ концѣ-концовъ, занять первое мѣсто»... И учитель настаиваетъ на этомъ. Развѣ не *опытъ*, спрашиваетъ онъ, «руководятъ народами и отдѣльными людьми»? — Да, отвѣчаетъ ученикъ, «мы это признаемъ безъ всякаго колебанія, безъ всякаго ограниченія». *Catéchisme*, 2-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 121—123).

всецѣло изобрѣтенъ» ¹⁾. Если онъ — результатъ апріорной концепціи, то какъ можно говорить объ опытѣ; если же онъ опирается на опытъ, то какъ можно говорить объ апріорности? Я лично убѣжденъ, что Сэнъ-Симонъ, имѣя притязаніе опираться на опытъ, въ дѣйствительности примѣнялъ исключительно апріорный методъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что все, касающееся политическаго обновленія, изложено у Сэнъ-Симона очень смутно. Быть-можетъ, онъ говорилъ болѣе опредѣленно о соціальномъ обновленіи?

«Мы придаемъ слишкомъ много значенія формамъ правленія. Можно подумать, что въ этомъ центръ всей политики, и что все устроено наилучшимъ въ мірѣ образомъ, если хорошо организовано раздѣленіе властей» ²⁾.

Припомнимъ, что такія слова уже произносились. Но между тѣмъ, какъ произносившіе ихъ имѣли въ виду дискредитировать новыя формулы для наибольшей славы старыхъ, Сэнъ-Симонъ, развивая свою мысль, смѣло указываетъ новые пути, по которымъ слѣдуетъ идти. «Законъ, учреждающій власти и форму правленія, не такъ важенъ; онъ не оказываетъ часто такого вліянія на счастье народовъ, какъ законъ, *устанавливающій право собственности и регулирующий осуществленіе этого права*» ³⁾. Правленіе парламента,—прибавляетъ онъ, — «форма, предпочтительная, сравнительно со всѣми другими», но это все же только *форма*, тогда какъ «установленіе собственности есть самая *сущ-*

¹⁾ *Catéchisme*. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 110).

²⁾ *Vues sur la Propriété et la Législation*. Изд. Rodrigues'a (стр. 255).

³⁾ *Ibid.* (стр. 257).

ность» ¹⁾. Это — действительно новая идея ²⁾, если противопоставить ее способу, каким теократы, Бёркъ, Бентамъ и Гегель критикуютъ принципы Революціи. Но каковъ долженъ быть строй собственности, чтобы служить «къ наивысшему благу всего общества, соединяя свободу и богатство?» ³⁾.

Сэнъ-Симонъ скорѣе ставитъ вопросъ, чѣмъ разрѣшаетъ его. Чему же это приписать: недостатку ли смѣлости, или той измѣнчивости идей, которая мѣшаетъ ему углубляться? Несомнѣнно лишь то, что онъ долженъ былъ предоставить разработку этого вопроса своимъ ученикамъ. Самъ онъ ограничивается указаніемъ мѣръ, пригодныхъ для облегченія перехода земельной собственности; онъ требуетъ, чтобы земледѣлецъ самъ платилъ поземельный налогъ (для полученія избирательныхъ правъ) и чтобы былъ установленъ земледѣльческій кредитъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, угрожающаго индивидуальной собственности.

Сэнъ-Симонъ прибавляетъ къ этому два очень важныхъ замѣчанія, оставшихся у него точно такъ же необоснованными. Первое изъ нихъ гласитъ, что право индивидуальной собственности опирается на *«общую пользу, которая вытекаетъ изъ приме-*

¹⁾ *Vues sur la Propriété et Législation* (стр. 258).

²⁾ Сэнъ-Симонъ подчеркиваетъ новизну своей идеи. „Англійскій народъ болѣе полутора ста лѣтъ трудится для того, чтобы добыть себѣ свободу и сдѣлать ее незыблемой; всѣ остальные народы старой Европы, живущіе на континентѣ, вотъ уже тридцать лѣтъ заняты тѣмъ же самымъ, но ни одному изъ нихъ не пришла мысль, что естественное средство для этого — реорганизація собственности“. *Ibid.* (стр. 310).

³⁾ *Vues sur la Propriété et Législation* (стр. 258).

нія этого права и может измѣняться, смотря по времени» ¹⁾; второе, — что измѣненія въ строѣ собственности становятся вполне понятны, при сопоставленіи ихъ съ общимъ прогрессомъ идей и правовъ; такъ что, если, съ одной стороны, для надлежащаго порядка, а слѣдовательно, и для самаго существованія обществъ, абсолютно необходимо существованіе права собственности, санкціонированнаго закономъ, то, съ другой, нѣтъ никакой необходимости, чтобы *всеіда неизмѣнно существовала какая-либо одна форма этого права* ²⁾. Позже мы увидимъ, что научный социализмъ обопрется на эту формулу и сдѣлаетъ изъ нея капитальные выводы.

Во всякомъ случаѣ, призывая общество сосредоточить всѣ свои усилія на одномъ пунктѣ, на увеличеніи общаго благосостоянія ³⁾, Сэнъ-Симонъ до нѣкоторой степени измѣнилъ направленіе, данное умамъ индивидуалистами XVIII вѣка. Для послѣднихъ дѣло шло, прежде всего, о провозглашеніи правъ. У Сэнъ-Симона выступаютъ на первый планъ осязаемые матеріальные интересы, символизируемые словомъ счастье. Онъ хочетъ сдѣлать общество возможно счастливѣе, «обеспечивая ему какъ можно больше средствъ для полного удовлетворенія насущныхъ потребностей» ⁴⁾. Никто другой, какъ именно онъ поставилъ «интересы» на почетное мѣсто въ ряду требованій XIX вѣка.

¹⁾ *Vues sur la Propriété et Législation* (стр. 266).

²⁾ *Ibid.* (стр. 265).

³⁾ См. *Extraits de l'Organisateur*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 368—369).

⁴⁾ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*, 2-е изданіе. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 221).

III.

Сэнъ - Симонъ во многихъ отношеніяхъ остается человѣкомъ XVIII вѣка, хотя и стремится порвать, и, дѣйствительно, порываетъ съ духомъ Революціи.

Въ совокупности идей, только что разсмотрѣнныхъ нами, не трудно отмѣтить такія, которыя связаны съ общимъ характеромъ мышленія XVIII вѣка. Не будемъ, впрочемъ, забывать, что Сэнъ-Симонъ видѣлъ Руссо и Франклина, принималъ участіе въ американской войнѣ и, по возвращеніи во Францію, составлялъ для одного окружного собранія адресъ Конституантъ, — адресъ, проникнутый настоящимъ духомъ 1789 года ¹⁾. Даже когда Сэнъ-Симонъ отрицаетъ принципы этого вѣка, видно, что онъ въ немъ жилъ и испыталъ на себѣ его вліяніе.

Вотъ почему, онъ настаиваетъ на значеніи просвѣщенія и на правѣ тѣхъ, кто имъ обладаетъ, руководить всѣми остальными ²⁾. Вотъ почему также онъ связываетъ прогрессъ благосостоянія съ прогрессомъ просвѣщенія, какъ то дѣлали на исходѣ

¹⁾ См. H u b b a r d, *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*, стр. 15 — 23. Я приведу изъ этого адреса слѣдующія строки: «Пораженные изумленіемъ при чтеніи каждой статьи конституціи, исполненные благородной гордости при мысли, что *наша воля создала великій кодексъ справедливости и разума*»...—O l i n d e R o d r i g u e s въ статьѣ о Сэнъ-Симонѣ называетъ послѣдняго «интеллектуальнымъ продуктомъ Революціи». *Le Producteur* (т. III, стр. 86).

²⁾ «Въ интересахъ общаго блага, власть должна быть распредѣлена пропорціонально просвѣщенію». *Lettres d'un habitant de Genève*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 27).

XVIII вѣка ¹⁾). Подобно философамъ того времени, Сэнъ-Симонъ космополитъ. И замѣчательно, что онъ остается таковымъ и послѣ войнъ Роволюціи и Имперіи. Не въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній, а напротивъ того, въ одномъ изъ послѣднихъ онъ провозглашаетъ превосходство надъ національными чувствами «филантропическихъ чувствъ» и того, что онъ называетъ «европеанизмомъ» (*européanisme*) ²⁾).

Кромѣ того, какъ не обратить вниманія на связь, которая существуетъ между его взглядомъ на законодателя и взглядами Руссо и Мабли? Подобно имъ, онъ полагаетъ, что соединеніе людей, годное самое большее для поддержанія конституціи, было бы неспособно «создать систему» ³⁾. Не было бы ничего удивительнаго, замѣтимъ мимоходомъ, если бы этимъ убѣжденіемъ, глубоко укоренившимся въ умѣ Сэнъ-Симона, отчасти объяснялось, на ряду съ инстинктивной потребностью власти и гордой вѣрою въ себя, его стремленіе играть главную роль, повелѣвать всегда и во всемъ,—стремленіе, какъ извѣстно, ставшее причиной его разрыва съ своими наиболее знаменитыми учениками ⁴⁾. Онъ жаждалъ называться

¹⁾ «Въ Англіи всякій умѣетъ читать, писать и считать. И вотъ, мои друзья, въ этой странѣ не только городскіе, но и сельскіе рабочіе ѣдятъ каждый день мясо, пьютъ пиво и хорошо одѣваются». *Lettres d'un habitant de Genève*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 22).

²⁾ *Le Libéralisme et l'Industrialisme* и *Catéchisme des Industriels*. Изд. Ol. Rodrigues'a (стр. 230).

³⁾ «Ликургъ одинъ создалъ соціальную организацію спартанцевъ». *Système industriel*. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 53).

⁴⁾ Контомъ и Огюстэномъ Тьерри. См. по этому поводу Littré, *Auguste Comte et la Philosophie positive*, 3-е изд. (стр.

законодателемъ новаго міра, а это названіе могло подходить только къ такому человѣку, который на голову выше другихъ. Наконецъ, одинъ изъ основныхъ взглядовъ Сэнъ-Симона—идея прогресса, идея, что золотой вѣкъ находится не въ прошломъ, а въ будущемъ¹⁾, развѣ это не любимая идея Тюрго и Кондорсэ? Воспринимая эту идею, Сэнъ-Симонъ видоизмѣняетъ ее, и это измѣненіе, какъ мы увидимъ, значительно; тѣмъ не менѣе, онъ все же получаетъ ее отъ своихъ предшественниковъ.

Онъ не только подчиняется вліянію основныхъ идей XVIII вѣка, онъ заимствуетъ у нѣкоторыхъ мыслителей этого времени ихъ отдѣльные взгляды. Если даже и не утверждать, какъ это дѣлали, что у Сэнъ-Симона была явная склонность «налагать на всѣ школы насильственные контрибуціи»²⁾, то все же слѣдуетъ констатировать, что идея «европейскаго парламента» и обезпечиваемаго имъ «окончательнаго мира» идетъ по прямой линіи отъ аббата Сэнъ-Пьера³⁾.

17, 23 и сл.). — Ср. Georges Weill, *Saint-Simon et son oeuvre*, (гл. IV и XI).

1) «Золотой вѣкъ, который слѣпая традиція помѣщала до сихъ поръ въ прошломъ, находится впереди насъ». Эпиграфъ къ *Opinions*. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 215 и т. II, стр. 328).

2) L e r m i n i e r, *Lettres à un Berlinois* (стр. 224).

3) С э н ъ - С и м о н ъ, впрочемъ, часто цитируетъ его и, при случаѣ, защищаетъ отъ упрековъ въ томъ, что онъ былъ только мечтателемъ. *Lettres à un habitant de Genève*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 12, примѣчаніе). — Ср. *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 270), гдѣ, указывая на недостатки концепціи аббата Сэнъ-Пьера, онъ называетъ ее «наиболѣе значительной изъ всѣхъ, какія только были созданы, начиная съ XV вѣка».

Спорили о томъ, насколько оригинально ученіе Сэнъ-Симона о «промышленномъ строѣ» ¹⁾. Мысль, что необходимо *производить*, производить въ возможно широкихъ размѣрахъ, и что только *производитель* имѣетъ значеніе въ государствѣ, Сэнъ-Симонъ, несомнѣнно, заимствовалъ у экономистовъ. А къ этой мысли, въ значительной степени, и сводится индустриализмъ. Равнымъ образомъ, экономистамъ Сэнъ-Симонъ обязанъ также теоріями, изложенными въ *Письмахъ къ американцу*, если только это сочиненіе написано имъ ²⁾.

Идеи Бентама, въ свою очередь, встрѣчаются въ соціальной философіи Сэнъ-Симона. Подобно Бентаму, онъ утверждаетъ, что «счастіе народовъ составляетъ единственную и положительную цѣль соціальной организаціи» ³⁾.

Подобно опять-таки ему, и даже употребляя выраженія англійскаго философа, Сэнъ-Симонъ полагаетъ, что сущность моральной проблемы «сводится къ тому, чтобы поставить человѣка въ такое положеніе, при которомъ его личный интересъ и инте-

¹⁾ Д ю н у а й е утверждалъ, что Сэнъ-Симонъ заимствовалъ идею промышленнаго строя у Б. Констана. Ж а н э отмѣтилъ связь, которая существуетъ между взглядами Сэнъ-Симона и взглядами, которые Шарль Контъ и самъ Дюнуайе развивали въ *Censeur Européen*. См. Ж а н э, *Saint-Simon et le Saint-Simonisme* (стр. 28—29).

²⁾ *Письма къ американцу* провозглашаютъ свободу печати, свободу торговли и проч., опираясь на экономическіе аргументы. Н u b b a r d (*Saint-Simon*, стр. 78) приписываетъ эти *Письма* Сэнъ-Симону.—Дюнуайе (цитир. у Ж а н э, *Saint-Simon et le Saint-Simonisme*, стр. 11, примѣч.) приписываетъ ихъ одному профессору философіи—Мэньяну.

³⁾ *L'Organisateur*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 366).

ресъ общій постоянно между собою совпадаютъ» ¹⁾. Но, слѣдуя за Бентамомъ, который самъ только повторяетъ эти идеи, Сэнъ-Симонъ въ данномъ случаѣ еще разъ примыкаетъ къ Гельвецію и Гольбаху, т.-е. къ французской мысли XVIII вѣка ²⁾.

Въ другихъ отношеніяхъ, и притомъ по вопросамъ довольно важнымъ, Сэнъ-Симонъ сходится съ теократами. Мало того, что въ одномъ мѣстѣ ³⁾, по поводу роли министра въ королевствѣ, онъ развиваетъ взгляды, напоминающіе Бональда; мало того, что онъ признаетъ сочиненія этого писателя «изумительными, полными жизни, способными вызывать энтузіазмъ литераторовъ и ученыхъ» ⁴⁾, онъ въ то же

¹⁾ *Lettres d'un habitant de Genève*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 12, примѣч.) — Ср. *Catéchisme des Industriels*, 4-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 189), гдѣ онъ требуетъ, чтобы была учреждена кафедра морали, и чтобы съ этой кафедрой «учили, какимъ образомъ каждый, въ какомъ бы социальномъ положеніи онъ ни находился, можетъ согласовать свой частный интересъ съ общимъ благомъ».

Любопытно отмѣтить, что Сэнъ-Симонъ въ томъ интересномъ отрывкѣ, гдѣ онъ указываетъ древнихъ и новыхъ писателей, на которыхъ можно смотрѣть, какъ на предшественниковъ промышленной системы (Прибавленіе къ 1-й тетради *Catéchisme des Industriels*, изд. Ol. Rodrigues'a, стр. 175, 204) цитируетъ Бэкона, но не Бентама.

²⁾ Сэнъ-Симонъ много подробностей заимствуетъ у Гольбаха. См. въ *Système Social* (т. II, стр. 6) мысль о передачѣ управленія въ руки наиболѣе просвѣщенныхъ, и *Ibid.* (стр. 170) взгляды на роль солдата въ мирное время, вполне совпадающіе со взглядами Сэна-Симона и сэнъ-симонистовъ.

³⁾ *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 284).

⁴⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 211).

время хвалить всю школу за обнаруженное ею живое чувство «систематического единства» ¹⁾ и необходимость стать именно на эту точку зрѣнія для возрожденія общества. Кромѣ того, Сэнъ-Симонъ самъ различаетъ въ произведеніяхъ этой школы два направленія: одно—ложное, связанное съ идеей возвращенія къ феодализму; другое—превосходное, опирающееся на мысль, что для реорганизаціи Европы необходима «систематическая концепція», и что всѣ политическіе планы, созданные со времени Революціи, представляютъ изъ себя лишь «ничтожныя концепціи». Если бы теократы ограничились только второю точкою зрѣнія, то на нихъ слѣдовало бы смотрѣть какъ на истинныхъ предшественниковъ, такъ какъ они «направили умы прямо къ производству и къ установленію индустріальной системы» ²⁾.

Сэнъ-Симонъ могъ бы пойти еще дальше: онъ могъ бы приписать теократамъ первую мысль о различіи, которымъ онъ такъ широко пользовался самъ и которымъ послѣ него еще больше воспользовался Контъ, — различіи между критическими и органическими періодами, между сочиненіями, относящимися къ первому изъ этихъ періодовъ, и сочиненіями, относящимися ко второму.

Устанавливая это столь важное различіе ³⁾, онъ, въ сущности, лишь повторяетъ или воспроизводитъ

¹⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle.* (Избранные сочиненія, т. II, стр. 211).

²⁾ См. уже цитированное сочиненіе, гдѣ онъ перечисляетъ своихъ предшественниковъ: *Sur Dunoyer et les autres publicistes modernes*, какъ продолженіе *Catéchisme des Industriels*, 1-я тетрадь. (Изд. Ol. Rodrigues'a, стр. 199).

³⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle.* (Избранные сочиненія, т. I, стр. 146—149).

идею теократовъ. Они первые упрекнули Революцію въ томъ, что она имѣла главнымъ образомъ отрицательный характеръ. Сэнъ-Симонъ слѣдуетъ по ихъ стопамъ, отождествляя значеніе словъ «критическій» и «революціонный» ¹⁾. Теократы первые сказали, что Революція была кризисомъ, изъ котораго нужно было выйти какъ можно скорѣе. Сэнъ-Симонъ повторяетъ ихъ, когда, изучая современное состояніе общества, пишетъ: «Мы все еще находимся въ періодѣ Революціи»; или когда заявляетъ, что «система не можетъ быть замѣнена критикой, указывающей на ея недостатки», и что «конечнымъ назначеніемъ общества не можетъ быть жизнь среди развалинъ» ²⁾.

Правда, Сэнъ-Симонъ обладаетъ сильно развитымъ чувствомъ разницы эпохъ и защищается отъ обвиненія въ желаніи возобновить XIII вѣкъ въ XVIII, отличаясь въ этомъ отношеніи, и притомъ очень чувствительно, отъ теократовъ; тѣмъ не менѣе, онъ бросаетъ взглядъ изумленія и сожалѣнія на старый строй Европы, «объединенной общностью учрежденій въ конфедеративное общество» ³⁾, и заявляетъ, что «только подобное состояніе вещей могло бы все исправить» ⁴⁾.

Въ чемъ, несмотря на всѣ эти точки соприкосновенія съ прошлымъ, Сэнъ-Симонъ prepares

¹⁾ «Либералы сохранили критическій, т.-е. революціонный характеръ XVIII вѣка». *Le Libéralisme et l'Industrialisme*. (Прибавленіе къ *Catéchisme des Industriels*, 1-я тетрадь, изд. Ol. Rodrigues'a, стр. 208).

²⁾ *L'Organisateur*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 386).

³⁾ *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 262).

⁴⁾ *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 262).

будущее; на какомъ основаніи Мишле могъ характеризовать его, вѣрнаго ученика XVIII вѣка, какъ самаго смѣлаго писателя XIX вѣка,—объ этомъ легко догадаться, если обратить вниманіе на проблески въ его сочиненіяхъ многочисленныхъ идей, которыя получаютъ такое огромное значеніе, когда ими овладѣютъ позитивизмъ и социализмъ.

Литтрэ, стараясь доказать оригинальность Конта, вполне справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что Сэнъ-Симона нельзя считать основателемъ положительной философіи, такъ какъ у него не было ни яснаго представленія о социологическомъ законѣ, ни твердаго и устойчиваго понятія о всеобщемъ примѣненіи научнаго метода. Разумѣется, оригинальность Конта несомнѣнна, и умъ Сэнъ-Симона не былъ такъ методиченъ, какъ умъ Конта. Тѣмъ не менѣе, весьма значительная часть взглядовъ, вошедшихъ въ положительную философію, уже находится у Сэнъ-Симона, и послѣдній вполне сознаетъ ихъ значеніе.

Выше я приводилъ уже дѣленіе періодовъ и сочиненій на критическіе и органическіе. Я не имѣю въ виду приводить взгляды Сэнъ-Симона на положительную эпоху ²⁾, въ пользу и противъ метафизики ³⁾, и проч... Но какъ не отмѣтить слѣдующихъ указаний; которыми, какъ мы увидимъ, впоследствии воспользовался Контъ: сходство въ развитіи индивиду-

¹⁾ Littré, *Auguste Comte et la Philosophie positive*, 3-е изд. (стр. 72 и сл.).

²⁾ См. въ данномъ случаѣ *Memoires sur la Science de l'homme* (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 14, 15, 21).

³⁾ *Lettres d'un habitant de Genève*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 26).—*Système industriel*. (*Ibid.*, т. III, стр. 12).—*Catéchisme des Industriels*, 4-я тетрадь (*Ibid.*, т. III, стр. 210).

ума и общества; мысль, что конечную цѣль трудовъ философа составляетъ «наилучшій способъ соціальной организаціи?»¹⁾. Всѣ эти частныя мнѣнія, будучи сближены между собою и координированы методическимъ и могучимъ умомъ Конта, примутъ у послѣдняго видъ системы; тѣмъ не менѣе, ранѣе, въ изолированномъ видѣ и безъ связи другъ съ другомъ, они встрѣчаются у Сэнъ-Симона.

Подготовляя позивитизмъ, Сэнъ-Симонъ вмѣстѣ съ тѣмъ является настоящимъ родоначальникомъ социалистической мысли нашего времени. Его роль въ этомъ отношеніи превосходитъ даже роль Фурье и Прудона. Не то, чтобы у Сэнъ - Симона социализмъ имѣлъ видъ законченной доктрины. Но, не говоря уже о томъ, что онъ указалъ на организацію собственности, какъ на кульминаціонный пунктъ всякой соціальной организаціи, и показалъ, что здѣсь именно должна быть произведена первая реформа, безъ которой немыслимы всѣ остальные,—онъ обратилъ также вниманіе выступившихъ послѣ него социалистовъ на противоположность между трудомъ и капиталомъ²⁾ и даже формулировалъ эту противоположность какъ борьбу классовъ³⁾.

1) См. ниже (книга IV, гл. I).

2) Она выступаетъ у него въ видѣ антитезы между *празднымъ человекомъ и трудящимся*. См. по этому поводу *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*. (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 220—221).

3) Сэнъ - Симонъ, повидимому, первый послѣ Революціи, которая воображала, что уничтожила классы, заговорилъ о *классахъ* и настаивалъ на постоянномъ конфликтѣ, на непримиримой противоположности интересовъ *промышленнаго, феодальнаго и промежуточныхъ классовъ*. См. *Catéchisme des Industriels*, 1-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 104)

IV.

Во имя какой же доктрины работалъ Сэнъ-Симонъ? Во имя ли индивидуума и его права, или во имя государства и его власти?

Сэнъ-Симонъ охотно говоритъ о свободѣ. Онъ упрекаетъ Революцію въ томъ, что она не уменьшила дѣятельности правительства ¹⁾. При новомъ строѣ роль правительства должна быть сведена до *minimum*'а. Но къ этой тенденціи у него присоединяются другія. Я говорю не только объ измѣнчивости его политическихъ симпатій; ни о томъ фактѣ, что сначала, преклоняясь передъ Наполеономъ, привѣтствуя его какъ «научнаго вождя человѣчества», выражая желаніе стать «его ученымъ лейтенантомъ» ²⁾, позднѣе онъ строго осуждаетъ его ³⁾; ни объ его увѣреніяхъ въ лояльности по отношенію къ монархіи ⁴⁾; ни о томъ множество разъ повторяемомъ имъ утвержденіи, что промышленная Революція, будучи вполнѣ согласимой съ легитимизмомъ, должна быть произведена самимъ королемъ ⁵⁾; что французская нація «возвратитъ такимъ образомъ свободу своему королю.

¹⁾ *De l'Organisation sociale*, 5-й отрывокъ. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 300).

²⁾ *Introduction aux travaux scientifiques du XVIII siècle* (Избранныя сочиненія, т. I, стр. 236).

³⁾ *Opinions littéraires, scientifiques et industrielles*, четвертое мнѣніе. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 251).

⁴⁾ *Catéchisme des Industriels*, 2-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 163).

⁵⁾ *Ibid.* (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 117, 150).

плѣннику стариной знати и буржуазіи»¹⁾; ни о томъ призывѣ, съ которымъ онъ обращается къ Священному Союзу, чрезмѣрно восхваляя послѣдній за то, что онъ движетъ впередъ цивилизацію самымъ положительнымъ образомъ²⁾; ни, наконецъ, объ его неоднократныхъ заявленіяхъ, что его доктрины не имѣютъ ничего разрушительнаго, что онѣ «консервативны», что онѣ стремятся избѣжать политическихъ потрясеній, измѣненія государственныхъ формъ — и проч.³⁾. Все это въ весьма значительной степени объясняется безалаберностью его существованія, желаніемъ добиться для себя и для своихъ взглядовъ, если ужъ не покровительства, то, по крайней мѣрѣ, благожелательнаго отношенія власти. Но, если обратиться къ соображеніямъ другого порядка, то оказывается, что свобода, о которой онъ часто говоритъ, не находитъ и не можетъ найти у него благопріятной почвы, на которой она могла бы пустить прочные корни.

Для Руссо, для Канта, для всѣхъ тѣхъ, кто съ такимъ благородствомъ говорили въ XVIII вѣкѣ о свободѣ, послѣдняя сливается съ правомъ. Являясь первымъ изъ правъ, она, въ то же время, составляетъ сущность всякаго права. У Сэнъ-Симона идея права совершенно отсутствуетъ: остается мѣсто только для

¹⁾ *Sur Dunoyer et les autres publicistes modernes*, прибавленіе къ *Catéchisme des Industriels*, 1-я тетрадь. (Изд. Ol. Rodrigues'a стр. 191).

²⁾ *Opinions littéraires, scientifiques et industrielles*, четвертое мнѣніе. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 254).

³⁾ *Lettre à MM. les jurés*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 404). — Срви. *Vues sur la Propriété et la Législation*. (Изд. Ol. Rodrigues'a, стр. 357).

идеи законности, и въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать обращенное имъ къ королю приглашеніе «объявить господствующимъ *по праву*» промышленный классъ, «господствующій въ настоящее время фактически» ¹⁾. Для этого король долженъ воспользоваться «полнотою своей власти». Право явится, такимъ образомъ, узаконеннымъ фактомъ — и только.

Идея права нигдѣ не выступаетъ у Сэнъ - Симона съ такой полнотою значенія, какъ у предвѣстниковъ французской Революціи. «Промышленная система» основана не на правѣ промышленниковъ руководить дѣлами страны, а на томъ, что послѣдней крайне выгодно передать руководство своими дѣлами промышленникамъ, которые должны будутъ управлять уже не *согласно справедливости*, а согласно наибольшей выгодѣ ²⁾. Правильно понятый интересъ — таковъ единственный принципъ, признаваемый Сэнъ - Симонъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ требуетъ учрежденія академіи, которая должна было бы «составить кодексъ интересовъ» ³⁾. Не довольствуясь тѣмъ, что обходитъ идею права молчаніемъ, Сэнъ-Симонъ прямо нападаетъ на нее, въ ея наиболѣе яркомъ проявленіи — Декларации Правъ человека ⁴⁾.

¹⁾ *Sur Dunoyer et les autres publicistes modernes*, въ *Catéchisme des Industriels*. (Изд. Ol. Rodrigues'a, стр. 192).

²⁾ *De l'Organisation sociale*, 4-й отрывокъ. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 293).

³⁾ *Catéchisme des Industriels*, 4-я тетрадь. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 198).

⁴⁾ *Vues sur la Propriété et la Législation* въ *Catéchisme des Industriels*. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 259).

Идея справедливости также была ему чужда. Эта идея не только не играет никакой роли въ обществѣ, какъ его понималъ Сэнъ-Симонъ, но должна быть совершенно устранена изъ него и уступить мѣсто идеѣ братства, любви. Здѣсь именно проявляется наиболѣе характерная черта Сэнъ-Симона, и въ то же время его теоріи доходятъ до кульминаціоннаго пункта. Здѣсь же онъ совершенно расходится съ дѣятелями Революціи. Послѣдніе хотѣли, чтобы отношенія справедливости рассматривались какъ первичныя и основныя отношенія между членами человѣческаго общества. Не то, чтобы они исключали братство, любовь; но справедливость стоитъ для нихъ на первомъ планѣ, —остальное же служить лишь прибавкой. Сэнъ-Симонъ ставитъ братство и любовь на первый планъ. Божественная заповѣдь: «Любите другъ друга и помогайте одинъ другому» служить даже эпиграфомъ къ *Промышленной системѣ*. Въ *Новомъ христіанствѣ* онъ сводитъ «все, что есть божественнаго въ христіанской религіи», къ братству ¹⁾.

V.

Это именно слово заставило трепетать сердца и обезпечило успѣхъ Сэнъ-Симону. Братство, какъ онъ понималъ его, должно было воплотиться въ *Семейной ассоціаціи* его прямыхъ учениковъ, въ *Человѣчествѣ* Пьера Лёру, не говоря уже о такихъ отдаленныхъ, но родственныхъ ученіяхъ, какъ толстовство и его разновидности, расцвѣтающихъ на нашихъ глазахъ.

¹⁾ *Nouveau Christianisme*. (Избранныя сочиненія, т. III, стр. 322, 328—329).

Сэнъ-Симонъ подалъ сигналъ реакціи въ пользу любви противъ справедливости. Онъ первый также настаивалъ на идеѣ, которая должна была занять въ исторіи (XIX) вѣка такое же мѣсто, какъ идея любви и братства, и сдѣлаться столь же пагубной для свободы: на идеѣ *организации*. «Между сочиненіями XVIII вѣка и сочиненіями XIX,—говорилъ онъ еще въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній,—существуетъ та разница, что вся литература XVIII вѣка стремилась къ *деорганизации*, тогда какъ вся литература XIX вѣка будетъ стремиться къ *реорганизации* общества» ¹⁾. Если искать первоначальнаго источника этой формулы, то его можно найти въ фیزیологическихъ этюдахъ, написанныхъ Сэнъ-Симономъ въ школѣ Викъ-д'Азира ²⁾. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не столько объ источникѣ, сколько о слѣдствіяхъ этой идеи. Для организации необходима сильная власть. Именно поэтому, въ противорѣчій со своими другими тенденціями, но въ полномъ согласіи съ одной изъ своихъ руководящихъ идей, Сэнъ-Симонъ протестуетъ противъ теоріи невмѣшательства. Будучи правильной до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о такой уродливой системѣ, какъ существующая, идея полного невмѣшательства государства становится ложной въ приложеніи къ обновленной, преобразованной соціальной системѣ ³⁾.

¹⁾ *Mémoire sur la science de l'homme*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 152). — Ср. *Réorganisation de la Société européenne*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 256).

²⁾ *Mémoire sur la science de l'homme* почти цѣликомъ посвященъ изслѣдованію работъ Викъ-д'Азира. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 5, 166).

³⁾ *L'Organisateur*. (Избранныя сочиненія, т. II, стр. 377).

Идея организаціи также стала достояніемъ послѣдующихъ школъ и была развита ими. Ее брали или отдѣльно, независимо отъ идеи братства и любви, или, напротивъ, въ связи съ этими идеями; въ послѣднемъ случаѣ образовались системы, въ которыхъ индивидуальная свобода могла найти мѣсто только развѣ чудомъ. Если бы Сэнъ-Симонъ выдвинулъ и передалъ своимъ послѣдователямъ только эти двѣ идеи, то и въ такомъ случаѣ онъ уже очень много сдѣлалъ бы для реакціи противъ свободы и индивидуализма.

Но самый чувствительный ударъ свободѣ и индивидуализму Сэнъ-Симонъ наноситъ своей теоріей непрерывнаго прогресса.

Мы видѣли, чѣмъ была для людей XVIII вѣка идея прогресса,—идея, рожденная столько же нравственнымъ сознаніемъ, сколько и зрѣлищемъ побѣдъ науки надъ природой. Сэнъ-Симонъ не только воспринялъ эту идею и выразилъ въ одной изъ тѣхъ живыхъ и сильныхъ формулъ, которыя иногда выходили изъ-подъ его капризнаго пера: наведенный на новый путь мыслью другого¹⁾, онъ нашелъ возможность показать въ *непрерывномъ* прогрессѣ законъ всего существующаго.

Но, при подобномъ пониманіи, прогрессъ совершенно измѣняетъ свой характеръ²⁾. Если онъ совершается фатально, независимо отъ человѣческой воли, то онъ теряетъ всякую цѣну и даже всякое

¹⁾ О томъ, насколько на идеяхъ Сэнъ-Симона отразились взгляды д-ра Бюрдэна, см. у Littré, *Auguste Comte et la Philosophie positive* (1-я часть, гл. V).

²⁾ Эта мысль была выяснена Renouvier (*Critique philosophique*, годъ X, т. I и II).

моральное значеніе. Какъ мы покажемъ это далѣе, онъ становится въ связь съ тезисами, наиболѣе враждебными тезисамъ, усвоеннымъ XVIII вѣкомъ. Онъ становится даже по преимуществу орудіемъ политики сильной власти и базисомъ цѣлой системы идей, предназначенной разрушить дѣло французской Революціи ¹⁾.

Школа Сэнъ-Симона.

Внѣшняя исторія школы Сэнъ-Симона до сихъ поръ представляетъ собой лишь набросокъ: ее еще нужно написать ²⁾. Но уже сдѣлано различіе между правильными и глубокими взглядами этой школы и тѣми чрезвычайными ошибками, въ которыя она въ концѣ-концовъ впала ³⁾. Наша задача сводится исключительно къ тому, чтобы показать, какимъ образомъ сэнъ-симонисты завершаютъ или преобразуютъ мысль своего учителя въ политической и соціальной областяхъ.

Источникомъ для этого изслѣдованія намъ послужитъ *Изложеніе доктрины*, рядъ лекцій, читанныхъ въ 1829 и 1830 годахъ, въ блестящій періодъ школы, послѣ нѣскольکو смутнаго періода, наступившаго со смертью Сэнъ-Симона (1825—1829), и до момента внутренней борьбы и разложенія (1831—1832). Мы

¹⁾ См. далѣе (кн. V, гл. III).

²⁾ Послѣ выхода 2-го изданія этой книги исторіей школы Сэнъ-Симона занимались: S. Charléty, *Essai sur l'histoire du Saint-Simonisme*, 1 т. in 8°, Paris, 1896 и G. Weill, *L'École Saint-Simonienne*, 1 т. in 12, Paris, 1896.

³⁾ А именно—P. Janet (*Saint-Simon et le Saint-Simonisme*, стр. 75, 129).

не должны, однако, стѣсняться при случаѣ выходить изъ предѣловъ установленнаго такимъ образомъ періода или обращаться къ болѣе раннему времени, чтобы отмѣтить въ сборникахъ, слѣдовавшихъ за *Изложеніемъ* или предшествовавшихъ ему, первыя проявленія или настойчивыя повторенія одной и той же мысли.

Предоставляя другимъ заботу развивать идеи Сэнъ-Симона относительно теоретической революціи, которая должна быть произведена въ наукахъ, равно какъ его взгляды на приложеніе научнаго метода ко всей области дѣятельности человѣческаго духа, сэнъ-симонисты, главнымъ образомъ, занялись соціальной и политической экономіей, моралью и религіей. Они возобновили по-своему критику соціальнаго строя, основаннаго на индивидуализмѣ, и противопоставили этому строю совершенно иной идеаль. Послѣдуемъ за ними по этимъ двумъ путямъ ихъ дѣятельности.

Первыя лекціи (*séances*) *Изложенія* посвящены описанію того соціальнаго состоянія, которое вызываетъ жалобы и протесты школы.

Если это состояніе разсматривать съ точки зрѣнія экономическихъ отношеній, то оно плачевно. Дѣлая немногихъ «счастливыми», конкуренція оставляетъ на мостовой «безчисленныя жертвы» ¹⁾. Это—организованная война человѣка съ человѣкомъ, народа съ народомъ. Провозглашая *laissez faire, laissez passer*, экономисты хотѣли «разрѣшать однимъ почеркомъ пера всѣ вопросы, связанные съ производствомъ и

¹⁾ *Doctrine de Saint-Simon, Exposition*, 1-й годъ (стр. 91).

распредѣленіемъ богатства» ¹⁾, такъ какъ они думали, что частный интересъ всегда гармонируетъ съ интересами общими. Но факты противорѣчатъ теоріи. Общественный интересъ требуетъ, чтобы было пущено въ ходъ много машинъ. Рабочій, живущій трудомъ рукъ своихъ, имѣетъ противоположный интересъ. Все, въ концѣ-концовъ, нивелируется, — отвѣчаютъ экономисты. Но, возражаютъ сэнъ-симонисты, пока эта нивелировка наступитъ, «что намъ дѣлать съ этими милліонами голодныхъ людей?» ²⁾.

Если разсматривать политическія отношенія, то къ чему привели либеральныя требованія? Къ «убогій системѣ гарантій», представительному правленію, предназначенному охранять права человѣка и гражданина и основанному на регулированіи недовѣрія ³⁾ къ власти. Но все это было хорошо, пока «отвѣчало критическимъ и революціоннымъ потребностямъ прошлаго вѣка», все это согласовалось съ произведенной тогда работой всеобщаго разрушенія, но все это — *анархія*. Пришло время отказаться отъ нея, признавъ, что «на землѣ можетъ существовать законная власть» ⁴⁾.

Наконецъ нравственныя отношенія между людьми такъ же ложны, какъ и отношенія политическія и экономическія. Господствуетъ эгоизмъ, сопряженный

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 90).—Ср. *Enseignements du Père suprême* (1831) въ сборникѣ подъ названіемъ: *Religion Saint-Simonienne* (Paris, 1832, стр. 91).

²⁾ *Ibid.* (стр. 91).

³⁾ *Ibid.* (стр. 80, 103).—Ср. *Économie politique et Politique* (извлеченія изъ *Globe*, стр. 122).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 103).

сть безусловной вѣрой каждаго въ себя ¹⁾. Погасла не только «вѣра» — «исчезли всѣ общечеловѣческія чувства» ²⁾. Совершилось ли это въ интересахъ разума, спросятъ впослѣдствіи сэнъ-симонисты? Нѣтъ, ибо «сфера науки никогда не была шире сферы симпатій» ³⁾. Это совершилось исключительно въ интересахъ эгоизма.

Эгоизмъ, конституціонализмъ ⁴⁾, конкуренція, — вотъ, въ концѣ-концовъ, тройной результатъ индивидуализма и свободы. Поэтому, противъ свободы, противъ индивидуализма направляютъ сэнъ-симонисты свои наиболее тяжелые удары. Они не только борются противъ индивидуума, они его отрицаютъ. Въ противоположность тѣмъ, которые спрашиваютъ: гдѣ находится человѣкъ вообще? — сэнъ-симонисты задаютъ вопросъ: гдѣ находится индивидуумъ ⁵⁾? Они осуждаютъ свободу въ теоріи и пренебрегаютъ ей на практикѣ ⁶⁾. На практикѣ они провозглашаютъ исчезновеніе, полное уничтоженіе индивидуальности ⁷⁾. Семья у сэнъ-симонистовъ основана именно

¹⁾ «Говоря объ эгоизмѣ, мы вложили персты въ самую глубокую язву современныхъ обществъ». *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 99).

²⁾ *Ibid.* (стр. 97).

³⁾ *Ibid.* (стр. 117).

⁴⁾ Они часто употребляютъ это выраженіе для обозначенія либерализма. См. *Ibid.* (стр. 103).

⁵⁾ Они упрекаютъ, поэтому, историковъ въ томъ, что послѣдніе изучали только индивидуальнаго человѣка, а не «жизнь человѣческаго рода». *Ibid.* (стр. 114).

⁶⁾ Миссія свободы — не «оплодотворить міръ», а лишь «очистить» его и передать затѣмъ «возрождающей власти науки». *Le Producteur* (т. II, стр. 107).

⁷⁾ «Моя религіозная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы жить для васъ и для себя, собою и вами, въ себѣ и въ васъ. Вы

на этомъ принципѣ ¹⁾. Въ теоріи, защищаясь отъ упрековъ проповѣди чистѣйшаго деспотизма, они заклинаятъ людей «благословлять» иго, «налагаемое добровольно и удовлетворяющее всѣмъ чувствамъ, заложеннымъ въ человѣческомъ сердцѣ» ²⁾.

Теорія естественнаго права, впрочемъ, совершенно послѣдовательно, подчиняется той же участи. Эта теорія, по ихъ мнѣнію, служитъ источникомъ всякой борьбы. «Мы не признаемъ,—говорятъ они въ первыхъ же строкахъ первой лекціи,—за цивилизован- нымъ человѣчествомъ никакого естественнаго права, которое заставляло бы и обрекало его на растерзы- ваніе своихъ внутренностей» ³⁾.

Если индивидуумъ дошелъ до самообожанія, то это происходитъ отъ недостатка *религии*, которая бы *связывала* его какъ со своими ближними, отъ кото- рыхъ онъ зависитъ, такъ и съ Богомъ ⁴⁾. Предо- ставленное «вольтерьянскимъ сарказмамъ» и «гор- дому презрѣнію» современнаго матеріализма, рели- гіозное чувство погибло, а вмѣстѣ съ нимъ и всякая истинная нравственность ⁵⁾. Необходимо, поэтому, возродить религіозное чувство, показать, что у че- ловѣчества есть еще впереди «религіозное будущее»

одно изъ проявленій моей жизни, я—одно изъ проявленій вашей». *Письма Анфанта къ Дюнуайе о Вѣчной жизни*.—Жизнь, которую вели въ Менильмонтанѣ, была стремленіемъ убить въ себѣ личность.

¹⁾ См. подробности въ цитированномъ уже сборникѣ *Religion Saint-Simonienne* (стр. 29).

²⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 104).

³⁾ *Ibid.* (стр. 76).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 407).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 335—341).

и въ особенности, что религія будущаго не должна быть лишь *внутреннимъ убѣжденіемъ*, безъ всякаго вліянія на общественную дѣятельность и политическую жизнь, а напротивъ того, что она должна возникнуть какъ «порывъ коллективной мысли человѣчества..., занять свое мѣсто въ политическомъ строѣ и всецѣло господствовать надъ нимъ» ¹⁾.

Съ 1829 года религіозное обновленіе становится признанною цѣлью сэнъ-симонистовъ,—проблемой, которая охватываетъ всѣ другія, и рѣшеніе которой даетъ новый видъ всей человѣческой жизни». Реформа собственности, семьи, воспитанія и законодательства подчинена этой основной цѣли. Сэнъ-симонисты не кончили религіей, какъ ихъ учитель; они съ нея начали ²⁾.

Характерныя черты, которыя сэнъ-симонисты, пользуясь формулой, принадлежащей Сэнъ-Симону, приписываютъ своему времени, по ихъ словамъ, тѣ же, что у всѣхъ критическихъ эпохъ, за которыми слѣдуютъ эпохи органическія ³⁾.

Однако, заимствуя эту формулу, сэнъ-симонисты точнѣе опредѣляютъ ея смыслъ. Они показываютъ, что критическія эпохи характеризуются совокупностью фактовъ, которымъ соотвѣтствуютъ выраженія: *беспорядокъ, атеизмъ, индивидуализмъ, эгоизмъ*; напротивъ того, органическія эпохи—совокупностью фактовъ, опредѣляемыхъ словами: *порядокъ, религія, самопожертвованіе, ассоціація* ⁴⁾. Міръ близокъ къ одному изъ этихъ органическихъ періодовъ; «подго-

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 332—333).

²⁾ *Ibid.* (стр. 334).

³⁾ *Ibid.* (стр. 106).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 393).

товляются великія перемѣны» ¹⁾. Каковы же эти перемѣны?

Въ то время, какъ одни мечтаютъ о простомъ возвратѣ къ прошлому, а другіе защищаютъ такъ называемыя новыя идеи, школа Сэнъ-Симона выступаетъ съ проповѣдью доктрины, провозглашающей «ненависть ко всякой борьбѣ, во имя чего бы она ни велась» ²⁾. Ассоціація, которая должна положить конецъ борьбѣ, не нашла еще своей настоящей формы. Она была частичной. Частичныя ассоціаціи боролись между собой; антагонизмъ не могъ, поэтому, прекратиться. Онъ исчезнетъ, когда ассоціація станетъ всеобщей ³⁾.

Всеобщая ассоціація—цѣль, къ которой слѣдуетъ идти, состояніе, которое можно назвать окончательнымъ; не потому, чтобы, достигнувъ его, человѣчество перестало отнынѣ прогрессировать, а потому, что оно осуществитъ, наконецъ, «политическую комбинацію, наиболѣе благопріятную для самаго прогресса» ⁴⁾.

Ассоціація сдѣлается всеобщей вслѣдствіе преобразованія учреждений, которыя, подобно семьѣ, собственности, воспитанію, законодательству, до сихъ поръ еще проникнуты антагонизмомъ ⁵⁾.

Въ отношеніяхъ между полами, женщина «остается пораженной проклятіемъ, нѣкогда наложеннымъ на нее воиномъ, и оказывается какъ бы обязанной подчиняться вѣчной опека» ⁶⁾. Въ соціальныхъ

¹⁾ *Doctrine*, 2-й годъ (стр. 17).

²⁾ *Ibid.*, 1-й годъ (стр. 75).

³⁾ *Ibid.* (стр. 171).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 159).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 173).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 174).

отношеніяхъ вообще—«отношеніе хозяина къ рабочему является позднѣйшей формой рабства» ¹⁾. Наслѣдственная передача собственности создаетъ для немногихъ «привилегію жить, ничего не дѣлая, т.-е. на счетъ другихъ» ²⁾. Воспитаніе, которое дѣлится на общее, или моральное, и спеціальное, или профессиональное, находится въ полномъ пренебреженіи въ своей первой части, такъ какъ неизвѣстно (глубокое замѣчаніе, вполне оправдываемое современнымъ опытомъ), каково его *соціальное* назначеніе ³⁾. Спеціальное, или профессиональное, образованіе загромаждено множествомъ стараго хлама ⁴⁾, не считая того, что оно не охватываетъ всѣхъ профессій, на которыя должно бы распространяться, и что между различными ступенями образованія нѣтъ ни послѣдовательности, ни связи ⁵⁾. Наконецъ, законодательство, которое почти исключительно сводится къ уголовному праву, въ сущности, покоится на «грубой силѣ» ⁶⁾ и, вслѣдствіе существованія суда присяжныхъ, на невѣжествѣ и бездарности ⁷⁾. Такимъ образомъ, все это необходимо реформировать.

Школа Сэнъ-Симона съ совершенной точностью и относительной умѣренностью указываетъ въ этотъ періодъ 1829—1830 гг., въ чемъ именно должна состоять совокупность реформъ.

1) *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 175).

2) *Ibid.* (стр. 180).

3) *Ibid.* (стр. 252).

4) *Ibid.* (стр. 289).

5) *Ibid.* (стр. 291).

6) „Палачъ—единственный профессоръ морали, получившій привилегію отъ власти“. *Ibid.* (стр. 314).

7) *Ibid.* (стр. 317—318).

Въ чемъ видна ихъ умѣренность? Мы напрасно стали бы искать въ *Изложеніи доктрины* тѣхъ странныхъ взглядовъ на женщину, которыя займутъ впоследствии столь важное мѣсто въ ученіи сэнъ-симонистовъ. Женскій вопросъ здѣсь лишь слегка затронутъ. Равенство половъ — вотъ единственное требование, которое мы здѣсь слышимъ¹⁾. А въ чемъ видна ихъ точность? *Изложение* подробно останавливается на реформѣ собственности. Сначала оно разбираетъ самый принципъ; затѣмъ, какъ это дѣлалъ уже Сэнъ-Симонъ, она показываетъ, что, если законъ, регулирующий собственность, и необходимъ, то нѣтъ нужды, чтобы онъ навсегда оставался неизмѣннымъ; далѣе, оно ссылается на исторію въ доказательство того, что «законодательство» никогда

1) См. документъ, принадлежащій къ той же эпохѣ, *Письмо*, съ которымъ Базаръ и Анфантэнъ обратились къ президенту палаты депутатовъ, съ цѣлью протестовать противъ рѣчи одного депутата, обвинявшаго сэнъ-симонистовъ въ стремленіи не только къ общности имущества, но и къ общности женъ.

Руководители школы съ чрезвычайной рѣшительностью возстаютъ противъ этихъ двухъ обвиненій. По ихъ словамъ, для женщины они требуютъ лишь „полной эмансипаціи“. Жена должна сдѣлаться „равноправной мужу“, безъ того, однако, чтобы чрезъ это былъ уничтоженъ „святой законъ брака, провозглашенный христіанствомъ“. Напротивъ того, сэнъ-симонизмъ льститъ себя увѣренностью, что онъ „выполнитъ“ этотъ законъ въ мистическомъ смыслѣ слова. Христіанство „извлекло женщинъ изъ рабства“, но оно „обрекло ихъ на подчиненіе“. Сэнъ-симонисты выводятъ ихъ изъ этого унижительнаго состоянія. До сихъ поръ „соціальнымъ индивидуумомъ“ былъ только мужчина; отнынѣ имъ должны быть „мужчина и женщина“. (*Lettre à M. le Président de la Chambre des députés*, 1-го окт. 1830 г.).

не переставало вмѣшиваться въ эту область, или для установленія природы предметовъ, которые могутъ подлежать собственности, или для регулированія условій пользованія и передачи¹⁾; наконецъ, оно точно указываетъ, какая именно реформа должна быть произведена.

Эта реформа состоитъ «въ перенесеніи на государство, ставшее ассоціаціей трудящихся, права наслѣдованія, въ настоящее время принадлежащаго частной семьѣ»²⁾. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы тутъ дѣло шло объ установленіи общности имущества. Въ системѣ общности имущества — «всѣ доли равны». Напротивъ того, въ системѣ сэнъ-симонистовъ каждый занимаетъ «положеніе согласно своей способности и вознаграждается сообразно своимъ трудамъ»; а это, говорятъ они, въ достаточной степени указываетъ на неравенство распределенія³⁾. Когда право наслѣдованія перейдетъ отъ семьи къ государству, рожденіе не будетъ болѣе создавать права на богатство и праздность. Истинное право на богатство, которое становится, при новой концепціи, правомъ на распоряженіе орудіями труда, основывается на «способности употреблять ихъ въ дѣло»⁴⁾. А такъ какъ, при этой новой организаціи, право каждого собственника становится «непосредственнымъ», т.-е. вполне личнымъ, то обязанность труда налагается на всѣхъ⁵⁾.

1) *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 180—181).

2) *Ibid.* (стр. 187). — Ср. *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 7 и 8).

3) *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 183).

4) *Ibid.* (стр. 187).

5) *Ibid.* (стр. 188).

Дополненіемъ къ реформѣ собственности должна быть реформа банковаго дѣла. Хотя современная организація банковъ и носитъ въ себѣ «органическіе задатки», тѣмъ не менѣе, въ общемъ, она неудовлетворительна ¹⁾. Сэнъ-симонисты замышляютъ и пропагандируютъ устройство центрального банка, который представлялъ бы правительство въ матеріальной области и былъ бы хранителемъ всѣхъ богатствъ, всего производственнаго запаса, всѣхъ орудій труда» ²⁾. Къ центральному банку должны были бы примыкать «банки второго разряда», а къ этимъ послѣднимъ—еще болѣе спеціальныя. «Въ высшихъ банкахъ сосредоточивались бы всѣ потребности, изъ нихъ исходили бы всѣ усилія» ³⁾. Они оказывали бы кредитъ лишь подъ условіемъ, что употребленіе денегъ какимъ-либо промышленнымъ предпріятіемъ признано наиболѣе выгоднымъ для всѣхъ. Но кѣмъ признано? «Генералами» (*hommes généraux*) ⁴⁾, поставленными во главѣ соціальнаго цѣлаго, со спеціальной обязанностью указывать каждому свое мѣсто. Надъ этими «генералами» долженъ былъ бы стоять «глава», или «князь» промышленности ⁵⁾.

Такимъ способомъ осуществилась бы организація труда, недостающая современному обществу. Средневѣковая организація, имѣвшая корпоративный характеръ, обладала, несомнѣнно, своими недостатками,

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 203).

²⁾ *Ibid.* (стр. 206).

³⁾ *Ibid.* (стр. 207).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 209).—См. подробности въ статьяхъ Анфантэна въ *Globe*. Главныя изъ нихъ соединены подъ названіемъ: *Économie politique et Politique* (стр. 78—109).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 194).

своими неудобствами¹⁾; но современный строй имѣетъ ихъ еще болѣе; поэтому, выставить противъ новой организаціи несходство со старой—значитъ пользоваться очень посредственнымъ аргументомъ. Кромѣ того, старая организація труда покоилась на принципѣ войны, тогда какъ новая будетъ по существу своему мирной. Предположите, что она осуществилась; эксплуатація человѣка человѣкомъ совершенно прекратится, и на ея мѣсто станетъ то, что должно быть цѣлью всеобщей ассоціаціи: «эксплуатація земного шара»²⁾, преслѣдующая «постоянно возрастающее улучшеніе нравственного, физическаго и интеллектуальнаго состоянія человѣческаго рода»³⁾.

Школа Сэнъ-Симона не скрываетъ отъ себя, что для проведенія въ жизнь ея принциповъ необходимо абсолютное преобразованіе нравовъ, идей и чувствъ; что реформа среды должна предшествовать реформѣ учреждений. И вотъ, чтобы осуществить реформу среды, она разсчитываетъ, по преимуществу, на двѣ силы: воспитаніе—особенно общее, или моральное—и законодательство.

Мы уже видѣли, каковы недостатки обычнаго воспитанія и какова причина этихъ недостатковъ. Когда исчезнетъ эта причина, исключительно вслѣдствіе того, что люди возвысятся до общей концепціи соціальнаго предназначенія, исчезнетъ, въ свою очередь, и ея результатъ. Нравственное воспитаніе, которое, по мнѣнію сэнъ-симонистовъ, не кончается съ юностью, а продолжается всю жизнь, не должно состоять исключительно въ развитіи способностей ума, поста-

1) *Doctrine*, (стр. 198).

2) *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 113).

3) *Ibid.*, 1-й годъ (стр. 171).

вленного ложною философією выше чувства, но и въ развитіи самаго чувства, такъ какъ оно дѣлаетъ человека «общежительнымъ», соединяетъ, «связываетъ его» съ ближнимъ ¹⁾. Воспитывать не должны, поэтому, да и не могутъ одни «ученые». Такая задача стоитъ «выше» науки. Она требуетъ прежде всего «симпатической способности» ²⁾ и должна выполняться людьми, обладающими такой способностью въ высшей степени. Что касается практическихъ средствъ воспитанія, то они должны быть необходимо «аналогичны» — не подобны — средствамъ, которыми церковь пользуется съ такимъ успѣхомъ; эти средства: катихизисъ, исповѣдь и проч. Воспитаніе сливается, такимъ образомъ, съ религіей ³⁾.

Законодательство сэнъ-симонистовъ точно такъ же не опирается на принципъ войны, а проникнуто духомъ мира. Наказанія должны имѣть своею главною цѣлью «спасительное исправленіе» и служить «средствомъ воспитанія» ⁴⁾. Даже въ случаѣ «моральныхъ» преступленій, т.-е. такихъ, которыя касаются столь спорныхъ вопросовъ о свободѣ преподаванія, печати и вѣроисповѣданія, распространитель «антисоціального ученія» долженъ подвергаться лишь «публичному порицанію» ⁵⁾. Что касается новой магистратуры,

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 268). — Ср. *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 166—167).

²⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 272). — Ср. объ „іерархіи обученія“ *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 136—145).

³⁾ Относительно подробностей см. теорію образованія, какъ она изложена Анфантеномъ, въ духѣ, соответствующемъ періоду 1829—1830 гг. Извлеченія изъ *Globe*, опубликованныя подъ названіемъ: *Économie politique et Politique* (стр. 150—159).

⁴⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 310).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 311).

то она не только должна прежде всего чувствовать «симпатію» къ виновнику ¹⁾, но также носить «промышленный» характеръ. Это значитъ, что она, будучи обязанной поддерживать или, по мѣрѣ надобности, измѣнять «регламентацію порядка мастерской», деревни, города, націи, должна состоять исключительно изъ людей, «способныхъ оцѣнить, какіе факты вредятъ производству, и какіе для него выгодны» ²⁾.

Установленіе этихъ новыхъ средствъ воздѣйствія составляетъ то, что Анфантэнъ называлъ впоследствии «политикой сэнъ-симонизма»,—замѣчая при этомъ, что члены новаго человѣчества не будутъ въ состояніи безъ улыбки вспоминать такъ называемую политику ³⁾ настоящаго времени,—и что *Изложеніе* называетъ своимъ настоящимъ именемъ: «религіей сэнъ-симонизма». Это ученіе можетъ быть, дѣйствительно, названо религіей по двумъ основаніямъ. Прежде всего, оно не считается съ партіями и обращается какъ къ людямъ, смотрящимъ въ прошлое, такъ и къ людямъ, смотрящимъ въ будущее, сочувствуя послѣднимъ за ихъ любовь къ прогрессу, а первымъ—за ихъ любовь къ порядку и за присущее имъ чувство уваженія ⁴⁾. Кроме того, оно ставитъ своей задачей глубоко, радикально измѣнить систему чувствъ, идей, интересовъ, дать міру «окончательное возрожденіе» ⁵⁾.

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 310).

²⁾ *Ibid.* (стр. 325). — Ср. *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 167—171).

³⁾ *Économie politique et Politique* (стр. 69, 120—131).

⁴⁾ См. на этотъ счетъ интересную страницу въ *Politique industrielle et système de la Méditerranée* (1832) Мишеля Шевалье (стр. 19).

⁵⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 212).

Если принять во вниманіе важность, которую сэнъ-симонизмъ приписываетъ католицизму, не переставая восхвалять его духъ и напоминать о его правахъ «на любовь и изумленіе» ¹⁾; если установить тотъ фактъ, что учрежденія, новаго расцвѣта которыхъ онъ желалъ бы, представляютъ собой учрежденія, или созданныя церковью, или проникнутыя ея духомъ, то можно спросить себя, почему сэнъ-симонисты не проповѣдывали чистаго и прямого возврата къ католической вѣрѣ?

Причина въ томъ, что они упрекаютъ католицизмъ въ «неполнотѣ» ²⁾ догмата. Христіанство пренебрегаетъ «матеріальной стороной человѣческаго существованія». Когда оно говоритъ о ней, то лишь съ цѣлью осудить ее. «Плоть—это грѣхъ», сказалъ блаженный Августинъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на свой «прогрессивный характеръ» и свою чрезвычайную приспособленность къ требованіямъ органическихъ періодовъ, христіанство никогда не было въ состояніи «стать исключительнымъ руководителемъ общества». Военное общество обладало пороками, было, несомнѣнно, ниже церкви; тѣмъ не менѣе, оно удержалось на ряду съ ней. Болѣе того—«матеріальный элементъ, нашедшій свое выраженіе въ поэзіи, наукѣ и промышленности, развился и мало-по-малу организовался внѣ церкви и ея законовъ, пока, наконецъ, достигнувъ извѣстной степени силы, не сталъ отрицаніемъ христіанскаго ученія, оттолкнувшаго его, и точкой опоры для всѣхъ нападеній, направленныхъ противъ этого ученія» ³⁾

¹⁾ *Doctrine*, 2-й годъ (стр. 72).

²⁾ *Ibid.* (стр. 69).

³⁾ *Ibid.* (стр. 80).

Вслѣдствіе этого, религіозный прогрессъ, къ которому призвано въ настоящее время человѣчество, долженъ состоять въ «реабилитаціи матеріи» ¹⁾.

Реабилитація матеріи, принявшая впослѣдствіи столь своеобразный характеръ и поведшая къ столь прискорбнымъ результатамъ въ эпоху разложенія школы, была вначалѣ очень возвышенной точкой зрѣнія, которая вносила *единство* туда, куда христіанство ввело *двойственность*; точкой зрѣнія, которая показывала человѣку, что «всѣ элементы его существованія, подобно элементамъ существованія вселенной, находятся между собою въ гармоніи», и что, развиваясь матеріально, онъ въ такой же степени выполняетъ религіозную задачу, какъ и развиваясь духовно ²⁾; точкой зрѣнія, которая приглашала человѣка расширить «поле дѣятельности для своей любви и для своего ума» ³⁾. Согласно духу своей доктрины, сэнъ-симонисты желаютъ уничтожить послѣдній остатокъ манихеизма. «Отнынѣ зло не должно болѣе разсматриваться какъ обладающее положительной природой» ⁴⁾. Отнынѣ «и въ религіозныхъ представленіяхъ и въ соціальномъ строѣ» должно быть «возстановлено единство», или, скорѣе, «понято, охвачено въ его цѣломъ то единство, которое онъ (человѣкъ) до сихъ поръ любилъ, зналъ, осуществлялъ лишь частично и постепенно» ⁵⁾.

«Единство» — вотъ послѣдняя идея, плѣняющая сэнъ-симонистовъ. Они хотятъ внести единство по-

¹⁾ *Doctrine*, 2-й годъ (стр. 81).

²⁾ *Ibid.* (стр. 92).

³⁾ *Ibid.* (стр. 93).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 93).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 87).

всюду. Единство между мужчиной и женщиной: оно создаетъ социальную чету. Единство теоріи и практики ¹⁾: они изумляются ему въ среднихъ вѣкахъ и предсказываютъ, что современный міръ къ нему возвратится ²⁾. Единство человѣческой природы: нѣтъ болѣе разлада между духомъ и плотью. Единство въ началѣ всѣхъ началъ: «Богъ единъ, Богъ во всемъ, что существуетъ» ³⁾. Они отвергаютъ, однако, обвиненіе въ пантеизмѣ съ чрезвычайной энергіей. Всѣ пантеистическія системы, говорятъ они, ниже католицизма ⁴⁾; но сами они стремятся превзойти католицизмъ. И они, дѣйствительно, превзошли его новымъ откровеніемъ, которое пристроили къ старому. «Моисей, Иисусъ, Сэнъ-Симонъ—это три живыхъ закона», говоритъ Анфантэнъ ⁵⁾. «Слушайте, слушайте,—скажетъ другой ученикъ,—слово Сэнъ-Симона — слово самого Бога» ⁶⁾. Учитель,—тотъ, кто «любитъ болѣе всего Бога и Человѣчество», тотъ, кто является «живымъ закономъ»,—шествуетъ по пути прогресса не иначе, какъ заставляя вмѣстѣ съ собой итти впередъ все человѣчество. Онъ — истинный символъ единства ⁷⁾.

Эта забота о единствѣ должна была привести сэнъ-симонистовъ къ порицанію установленнаго христіан-

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 315).

²⁾ „Весь міръ подвигается къ единству теоріи и практики“. *Ibid.* (стр. 160).

³⁾ *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 88).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 89).

⁵⁾ *Enseignements fait par le Père suprême*, въ сборникѣ подъ названіемъ: *Religion Saint-Simonienne* (стр. 121).

⁶⁾ *Tran son, Discours aux élèves de l'École polytechnique* (стр. 43).

⁷⁾ *Doctrine*, 2-й годъ (стр. 171—172).

ствомъ различія между духовною и свѣтскою властью. Это опять «дуализмъ», въ которомъ нѣтъ ничего «ни первичнаго, ни неизмѣннаго» ¹⁾, и который не является основнымъ для человѣческаго существованія. Религія, какъ они ее понимаютъ, должна, какъ мы видимъ, пропитывать соціально-политическій строй и «всецѣло господствовать въ немъ». Но что это такое, какъ не доктрина Руссо въ чистомъ видѣ, которую, не вѣдая того, воспроизводятъ сэнъ-симонисты? Вмѣстѣ съ авторомъ *Общественнаго договора*, они хотятъ «соединить обѣ головы орла».

Противники сэнъ-симонизма, критикуя его, всего болѣе обращали свое вниманіе или на его позднѣйшія эксцентричности въ реабилитаціи плоти, или на теоріи, относящіяся къ собственности. Одинъ изъ нихъ, отыскивая окончательную формулу, представляетъ сэнъ-симонистовъ какъ коммунистовъ, которые видоизмѣнили коммунизмъ «въ томъ, что касается распредѣленія капиталовъ и продуктовъ» ²⁾. Но измѣненный такимъ образомъ коммунизмъ уже болѣе не коммунизмъ. А кромѣ того, сэнъ-симонисты развиваютъ идею «о естественномъ неравенствѣ» людей съ такой настойчивостью ³⁾, что ихъ никакъ нельзя упрекнуть на этотъ счетъ въ двусмысленности.

Съ другой стороны, соціалисты видятъ истинную заслугу сэнъ-симонистовъ по преимуществу въ ихъ взглядахъ на уничтоженіе права наслѣдованія, эмансипацію женщины, демократизацію кредита ⁴⁾ и проч.

¹⁾ *Doctrine*, 2-й годъ (стр. 25).

²⁾ *Sudre, Histoire du Communisme* (стр. 345—346).

³⁾ *Lettre à M. le Président de la Chambre des députés* (стр. 3).

⁴⁾ *Benoit Malon, Socialisme intégral* (т. I, стр. 143).

Безъ сомнѣнія, вліяніе сэнъ-симонизма чувствительно отразилось на послѣдующей судьбѣ этихъ разнообразныхъ теорій¹⁾. Но не въ этомъ слѣдуетъ видѣть наиболѣе значительное вліяніе сэнъ-симонистовъ на движеніе идей XIX вѣка. Если бы нужно было искать это вліяніе въ какой-нибудь отдѣльной теоріи, то его можно было бы найти скорѣе всего, по нашему мнѣнію, въ ихъ критикѣ идеи права и въ ихъ апологіи принципа авторитета.

Критика идеи права, которая занимаетъ такое значительное мѣсто въ позднѣйшихъ формахъ реакціи противъ индивидуализма, сведена сэнъ-симонизмомъ къ одной очень точной формулѣ. «Ни одинъ кодексъ морали—намъ причиняетъ отвращеніе, прибавляютъ они въ скобкахъ, называть этимъ именемъ мистическія концепціи эгоизма, относящіяся къ критическимъ эпохамъ,—ни одинъ кодексъ морали не разсматривалъ индивидуума какъ центръ, т.-е. не проповѣдывалъ эгоизма; напротивъ того, всѣ учрежденія органическихъ эпохъ созданы для того, чтобы приблизить гражданина къ окружности..., они постоянно ставили своей задачей напоминать ему объ его обязанностяхъ, побуждая его исполнять ихъ, заставляя

1) Борьба классовъ, отмѣченная уже Сэнъ-Симономъ, еще болѣе подчеркнута его школой, на которую въ этомъ отношеніи и падаетъ отвѣтственность. Анфантэнъ еще до революціоннаго соціализма скажетъ: „Буржуа—это человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ и боится тѣхъ, которые дѣлаютъ“... *Économie politique et Politique* (стр. 73). — Ср. *Ibid.* (стр. 98). Другой, именно Трансонъ, скажетъ: „Мало имѣетъ значенія, что праздность не зовется болѣе маркизомъ, графомъ, барономъ, дворяниномъ, если ее еще приходится величать именами рантье, капиталиста, собственника, буржуа“. *Discours aux élèves de l'École polytechnique* (стр. 46).

его бояться пренебрегать ими» ¹⁾. Эти *мистическія концепціи эгоизма* не что иное, какъ теорія права Руссо и Канта, это—свободная и разумная воля.

Сэнъ-симонисты съ пренебреженіемъ устраняютъ ее, а вмѣстѣ съ нею и принципъ автономіи. «Жалкимъ божествамъ индивидуалистической доктрины, двумъ дѣтищамъ разсудочной мысли—*совѣсти* и *общественному мнѣнію*—скоро были возданы почести, въ которыхъ человѣчество отказало церкви» ²⁾. И всегда съ тѣмъ же самымъ изумленіемъ передъ учрежденіями и практикой церкви, неоднократное выраженіе котораго мы уже приводили, они превозносятъ систему «наградъ» за добрыя дѣла, примѣняемую церковью, *канонизацію*, даже *индульгенціи*, и «выражаютъ сожалѣніе» обществу, «которое не боится прославлять уничтоженіе этихъ великихъ средствъ порядка, не думая вновь воспользоваться ими въ будущемъ» ³⁾. Они понимаютъ, почему «сильные умы» нашихъ дней бросаютъ на это общество взоры презрѣнія или отчаянія, и почему «де-Местръ всѣми силами души пытался вернуть прошлое» ⁴⁾. Эта попытка вновь объективировать принципъ морали принесла свои плоды: она могущественно способствовала отдаленію умовъ отъ путей, открытыхъ философіей Канта, заставляя ихъ жертвовать вмѣстѣ съ моральной автономіей и политической свободой.

Сами сэнъ-симонисты, не колеблясь, провозглашали наивозможно полное подчиненіе власти и расширеніе ея полномочій. Они говорятъ объ этомъ съ напы-

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 303).

²⁾ *Ibid.* (стр. 306).

³⁾ *Ibid.* (стр. 308).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 308).

щеннымъ краснорѣчіемъ. «Ихъ единственная цѣль,— говорятъ они охотно,—состоитъ въ томъ, чтобы организовать власть, которая была бы «любима, обожается, почитаема»¹⁾. Этой любимой, обожаемой и почитаемой власти они вручаютъ самыя обширныя полномочія. Политическая система должна «охватывать весь соціальный строй... регламентировать отношенія людей другъ къ другу—отъ самыхъ общихъ до мелочей». Дѣятельность власти «должна простираться на все, быть всегда налицо»²⁾. И дѣйствительно, они ожидаютъ отъ правительства не только распредѣленія орудій труда и кредита, не только административной дѣятельности и того, что одинъ изъ нихъ называетъ «тѣсной централизацией»³⁾, но также постоянного руководства, проявляющагося во всѣхъ областяхъ дѣятельности, начиная съ матеріальнаго производства, гдѣ будетъ проявляться «геній» «князей» промышленности, и кончая вѣрованіями. Развѣ Революція не совершила преступленіе, допустивъ «профанацію алтаря постыдной конкуренціей культовъ»⁴⁾.

Де-Местръ, Балланшъ, Ламеннэ—имена эти еще часто будутъ повторяться—вотъ у кого сэнъ-симонисты заимствуютъ элементы своей критики настоящаго⁵⁾; взгляды на будущее открылъ своимъ уче-

1) *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 311).

2) *Ibid.*, 2-й годъ (стр. 108).

3) „Необходима, такимъ образомъ, централизація; я прибавлю даже, что въ настоящее время было бы трудно управлять Франціей безъ тѣсной централизаціи“. Michel Chevalier, *Politique industrielle et Système de la Méditerranée* (стр. 85).

4) *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 105).

5) См. *Lettres sur la Religion et la Politique* (Eugène Rodrigues), гдѣ прославляется геній Жозефа де-Местра и настоятельно

никамъ самъ Сэнъ-Симонъ. Они вѣрно слѣдуютъ за нимъ почти во всемъ. Но одинъ изъ его взглядовъ они подчеркиваютъ по преимуществу, какъ основной пунктъ,—это его «открытіе» общихъ законовъ исторіи, закона «прогрессивнаго развитія человѣчества». Они говорятъ, употребляя его собственные слова, что эта идея у мыслителей XVIII вѣка оставалась «безплодной»¹⁾, тогда какъ ихъ учитель сдѣлалъ ее плодотворной, указавъ направленіе и смыслъ прогресса, а также средства для его осуществленія и роста. Съ своей стороны, ученики поработали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать эту идею прогресса идеаломъ своего вѣка.

рекомендуется чтеніе его произведеній (стр. 33, 39, 41, 55, 63). Ср. *Enseignements du Père suprême*, третье наставленіе, въ уже цитированномъ Сборникѣ (стр. 116). „Мы нашли у де-Местра и отцовъ церкви почти все, чему учили и даже прилагали на дѣлѣ, по вопросу о власти и свободѣ“.

¹⁾ *Doctrine*, 1-й годъ (стр. 106 и сл.; стр. 111, примѣч. 1).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Религія прогресса и религія человѣчества.

Вліяніе Сэнъ-Симона сказалось не только на его прямыхъ ученикахъ. Оно коснулось также тѣхъ, которые, по различнымъ причинамъ, въ тотъ или другой моментъ, порвали со школой и выступили въ качествѣ самостоятельныхъ мыслителей; но они все же не настолько эмансипировались, чтобы на нихъ не замѣчалось слѣдовъ вліянія учителя. Бюшэ получаетъ отъ сэнъ-симонизма религію прогресса, Пьеръ Лёру—религію человѣчества.

I.

Бюшэ ¹⁾ не зналъ Сэнъ-Симона, но онъ былъ близокъ сначала съ Базаромъ, а затѣмъ съ Анфантэномъ. Онъ сотрудничалъ въ *Producteur*'ѣ и порвалъ со школой, когда она сдѣлалась своего рода церковью. Онъ порвалъ съ ней потому, что не чувствовалъ потребности въ новой вѣрѣ. Католицизмъ его удовлетворялъ. Бюшэ всегда желалъ оставаться ка-

¹⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (1833).—*Histoire parlementaire de la Révolution française* (1833—1838).—*Traité de Politique et de Science sociale* (1866).—См. полный перечень сочиненій Бюшэ у Отта, въ его біографическомъ введеніи къ *Traité de Politique et de Science sociale*.

толикомъ, хотя, по выраженію одного изъ друзей, описавшихъ его жизнь, и держался «внѣ оффиціальной церкви» ¹⁾. Дѣйствительно, дѣятельность Конвента ему казалась настоящимъ образцомъ христіанской политики. Принципы, которыми вдохновлялось это собраніе, по его мнѣнію, отвѣчали чистому евангельскому ученію: одно это ученіе въ достаточной степени показываетъ, что его католицизмъ былъ очень своеобразнаго характера.

Бюшэ рано овладѣлъ своими идеями, которыя очень немногочисленны, и которыя въ теченіе всей его жизни не подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Даже самая форма, въ которую онъ ихъ облакаетъ, безпощадно однообразна. Онъ злоупотреблялъ правомъ повторять нѣсколько разъ одно и то же, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Намъ пришлось бы поступать также, если бы мы хотѣли изучать его сочиненія въ ихъ исторической послѣдовательности. Но ничто не заставляетъ насъ дѣлать этого, такъ какъ они не носятъ и слѣда эволюціи, тѣмъ болѣе, что мы должны только спросить себя, какова была роль Бюшэ въ критикѣ индивидуализма.

Бюшэ и Ру, можно сказать, всего болѣе знамениты своей реабилитаціей великихъ историческихъ преступленій ²⁾. Не только Ришельё и Екатерина

¹⁾ Ott, *Notice sur Buchez (Traité de Politique et de Science sociale, т. I. стр. XXXIII).*

Но школа Бюшэ не держалась внѣ церкви. Сотрудникъ по *Histoire parlementaire de la Révolution française* Ру-Лавернь и многіе ученики (Requedat, Piel, Besson) вступили въ церковь. Книжки Отта, недавно изданныя вновь (1893), пользуются авторитетомъ у католическихъ ассоціацій и конгрессовъ.

²⁾ См. *Critique philosophique*, 1-й годъ (т. II, стр. 355).

Медичи находятъ у нихъ полное оправданіе, но и Робеспьеръ выступаетъ какъ истинный герой въ *Парламентской исторіи французской Революціи*. Апологія Конвента, отрицательное отношеніе къ Конституантѣ составляютъ основу знаменитыхъ *Предисловій*, въ которыхъ обсуждаются всѣ вопросы политической морали, и въ которыхъ всѣ излагаемыя въ данномъ томѣ событія разбираются и оцѣниваются съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія авторовъ. Конвентъ хотѣлъ «осуществить соціальнымъ порядкомъ христіанскій принципъ», — читайте: католическій принципъ ¹⁾, — и «превратить въ дѣйствительность догматъ всеобщаго братства» ²⁾. Напротивъ того, Конституанта дѣлала «протестантское дѣло» ³⁾, — читайте: дѣло индивидуализма. Она разсматривала народъ «какъ федерацію договаривающихся между собою сувереновъ», страну — «какъ федерацію мѣстностей, суверенныхъ каждая въ своей области» ⁴⁾. Она пренебрегла своей задачей, которая состояла въ томъ, чтобы «установить обобществляющій принципъ» ⁵⁾.

Равнымъ образомъ, и методъ Конституанты былъ очень неудовлетворителенъ; факты, опытъ — таковы были его элементы ⁶⁾. Напротивъ того, Конвентъ смѣло

¹⁾ На основаніи того, разъ навсегда установленнаго принципа, что только въ католицизмѣ находится полнота христіанскаго пониманія. *Histoire parlementaire* (т. XI, *Предисл.*, стр. XII).

²⁾ *Ibid.* (т. XI, *Предисл.*, стр. VIII).

³⁾ *Ibid.* (т. XV, *Предисл.*). Ср. т. XXVI, *Предисл.*, стр. XII.

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, *Предисл.*, стр. III).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, *Предисл.*, стр. III).

⁶⁾ „Если бы внѣшнія обстоятельства имѣли иной характеръ, то, хотя конституція и была бы создана тѣми же самыми

примѣняетъ апріорный методъ. Якобинцы прежде всего устанавливають идею Божества, провозглашая, такимъ образомъ, «истину, которая должна дать имъ возможность понять всѣ остальные»¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, разъ идея Божества установлена, какъ «соціальная база», общество перестаетъ быть—Бюшэ говоритъ въ данномъ случаѣ очень дурнымъ языкомъ—«орудіемъ, находящимся между индивидуальными потребностями и удовлетвореніемъ этихъ потребностей», или, какъ онъ выражается также, «простымъ механизмомъ, устроеннымъ для осуществленія естественныхъ правъ»²⁾. Только тогда мы обладаемъ «истинной доктриной», изъ которой можно вывести «цѣль дѣятельности народовъ и индивидуумовъ»³⁾.

Замѣтьте это выраженіе: *общая цѣль дѣятельности*. Оно играетъ большую роль уже въ *Предисловіяхъ*; еще большую роль оно играетъ во *Введеніи къ исторической наукѣ* и въ *Трактатѣ о политикѣ*. Это, поистинѣ, излюбленная формула школы. Все изъ нея вытекаетъ, все къ ней сводится. Человѣчество, народы, индивидуумы должны выполнять опредѣленную *функцию*. Индивидуумы выводятъ свою изъ функціи народа, народъ—изъ функціи человѣчества, человѣчество—изъ идеи прогресса⁴⁾. Вотъ узкій кругъ идей, въ которомъ замыкается мысль Бюшэ. Но дѣйствительно ли это кругъ? Дѣйствительно ли Бюшэ идетъ

людьми, въ томъ же вѣкѣ, подъ вліяніемъ того же самаго возстанія, однако она отразила бы на себѣ эту разницу“. *Histoire parlementaire* (т. XII, *Предисл.*, стр. VIII).

¹⁾ *Ibid.* (т. XXVI, *Предисл.*, стр. XIII).

²⁾ *Ibid.* (т. XXVI, *Предисл.*, стр. XIII).

³⁾ *Ibid.* (т. VI, *Предисл.*, стр. I).

⁴⁾ *Ibid.* (т. XI, *Предисл.*, стр. IX).

отъ одной идеи къ другой, а не выставляетъ скорѣе лишь рядъ тождественныхъ положеній? Можно подумать послѣднее, читая такую формулу: «Цѣль дѣятельности, долгъ и прогрессъ, по существу,—тождественны; это—одна и та же идея, выраженная тремя различными словами» ¹⁾.

Разсмотримъ, однако, каждое изъ этихъ словъ, чтобы опредѣлить болѣе точно ихъ значеніе. Прогрессъ—это полное и окончательное всеобщее освобожденіе человѣческаго рода путемъ моральнаго закона ²⁾. Идея долга—это «выводъ изъ такой концепціи прогресса». Сущность долга состоитъ въ «самоотреченіи, жертвѣ, самоотданіи» ³⁾. Индивидуумъ отдаетъ себя народу, народъ—человѣчеству. «Общая цѣль» человѣчества и народа, ихъ «функція», выводится на основаніи изученія исторіи. Исторія показываетъ, чѣмъ опредѣлялось «сохраненіе соціального состоянія между людьми» ⁴⁾. Человѣкъ поддерживаетъ четыре рода отношеній: отношенія къ Богу, къ своимъ ближнимъ, къ самому себѣ, къ остальной вселенной. Если существуетъ формула, которая «не только содержитъ правила его дѣятельности, но, кромѣ того, обязываетъ его совершенствоваться въ названныхъ четырехъ родахъ отношеній, то, несомнѣнно, эта формула составляетъ всю цѣль общей дѣятельности». Эта формула — самъ нравственный законъ, данный намъ откровеніемъ ⁵⁾.

¹⁾ *Histoire parlementaire* (т. VI, Предисл., стр. X).

²⁾ *Traité de Politique* (т. II, стр. 485). Ср. *Histoire parlementaire* (т. XI, Предисл., стр. X).

³⁾ *Histoire parlementaire* (т. XL, Предисл., стр. VI).

⁴⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 50).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 337—342).

Какъ мы уже сказали, теорія общей цѣли является руководящей во всей системѣ. Такъ какъ индивидуумъ имѣетъ значеніе лишь въ силу отправляемой имъ своей функціи ¹⁾, то правильно понятый суверенитетъ не можетъ принадлежать большинству индивидуумовъ, а «той цѣли, которая создала народъ» ²⁾. Теперь ясно, почему Бюшэ рассматривалъ какъ героевъ добра всѣхъ тѣхъ, кто, даже дѣлая зло, ставили своей задачей настоящую или будущую пользу націи, къ которой принадлежали.

По отношенію къ этому суверену отдѣльные лица имѣютъ, прежде всего, обязанности и только затѣмъ уже права. Бюшэ настаивалъ на соотношеніи права и обязанности. Обязанность «вытекаетъ непосредственно изъ принятія цѣли». Право не что иное, какъ «средство для выполненія обязанности» ³⁾. Такъ какъ обязанность господствуетъ надъ правомъ, то сущность власти должна заключаться уже не въ господствѣ надъ другими, а быть, по существу, готовой на самоотреченіе и пожертвованіе. Здѣсь снова проявляется идея Сэнъ-Симона. Возвыситься въ соціальной іерархіи можно только путемъ самоотреченія. «Первымъ по соціальному достоинству будетъ тотъ, кто захочетъ быть послѣднимъ въ пользованіи матеріальными благами». Французская Революція закончится въ

¹⁾ „Человѣкъ, рассматриваемый индивидуально, имѣетъ значеніе лишь въ силу той цѣли, которая его одушевляетъ. Индивидуаль, взятый безъ отношенія къ цѣли, имѣетъ предъ животнымъ почти лишь то преимущество, что можетъ поставить себѣ цѣль“. *Traité de Politique* (т. I, стр. 61).

²⁾ *Histoire parlementaire* (т. IV, Предисл., стр. IV—V).

³⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 236—237, 285). Ср. *Traité de Politique* (т. I, стр. 365 и сл.).

тотъ день, когда «добровольная бѣдность будетъ превозвышена, а богатство—принижено» ¹⁾).

Какая же доля свободы возможна въ томъ образцовомъ обществѣ, которое возвѣщаетъ и изображаетъ намъ Бюшэ? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта доля незначительна. Мы до сихъ поръ не касались, однако, еще одной стороны въ ученіи Бюшэ—стороны экономической.

Являясь противникомъ философскаго и политическаго индивидуализма, Бюшэ съ такой же энергіей критикуетъ и принципъ конкуренціи. *Введеніе въ историческую науку* открывается разсужденіемъ о тенденціяхъ той эпохи, разсужденіемъ, въ которомъ звучитъ жалоба, общая всѣмъ только что изученнымъ нами школамъ. Нѣтъ никакой гармоніи, повсюду «завистливый эгоизмъ въ отношеніяхъ другъ къ другу» ²⁾. Нѣтъ настоящаго равенства: право наслѣдованія господствуетъ во всѣхъ областяхъ ³⁾. Необузданная конкуренція влечетъ за собой пониженіе заработной платы и нищету рабочихъ ⁴⁾. Организациа труда обнаруживаетъ «глубокія и отвратительныя язвы» ⁵⁾.

Бюшэ, однако, не только предаетъ проклятію индивидуализмъ экономистовъ: онъ опровергаетъ его. Онъ обращаетъ противъ самой системы сильнѣйшій изъ выставленныхъ ею аргументовъ — инте-

¹⁾ *Histoire parlementaire* (т. XXIII, Предисл., стр. XV).

²⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 5).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 9).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 13).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 22). Ср. стр. 25: „Въ нашъ, столь гордый собою, вѣкъ лишь голодъ является верховнымъ закономъ нравственнаго, умственнаго и промышленнаго поведенія огромнаго большинства“.

ресы цивилизаціи. Цивилизація погибла бы, говорили первые экономисты и повторяли за ними ихъ послѣдователи, если бы индивидуализмъ не извлекъ ее изъ ничтожества и не заставилъ прогрессировать. На это Бюшэ возражаетъ: если бы гдѣ-нибудь царствовалъ абсолютный индивидуализмъ, общество «осталось бы неподвижнымъ», ибо принципъ, на который бы оно опиралось, т.-е. эгоизмъ, «ни на одну іоту не измѣнился съ начала міра». Мы не должны забывать, что прогрессъ осуществляется «массами, человѣчествомъ, націей, а не отдѣльными людьми» ¹⁾.

Мыслитель, который подобнымъ образомъ представляетъ себѣ міръ, созданный индивидуализмомъ, разумѣется, долженъ былъ превозносить право государства. Бюшэ такъ именно и поступаетъ, освящая это право въ слѣдующихъ двухъ формахъ: права общества вообще и права правительства въ частности на вмѣшательство въ дѣла гражданъ.

Съ момента возникновенія общей цѣли кто-нибудь долженъ «предвидѣть, какимъ путемъ слѣдуетъ итти, чтобы добиться результата», а также располагать, классифицировать «различныя движенія въ порядкѣ, требуемомъ достиженіемъ самой цѣли» ²⁾. Такова задача правительства. Въ экономической области должно имѣть мѣсто «коллективное предвидѣніе», которое можетъ принадлежать лишь ему ³⁾. Дѣйствуя

¹⁾ *Traité de Politique* (т. I, стр. 360—361).

²⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 47).

³⁾ *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 493). Ср. *Traité* (т. II, стр. 98 и сл.). По его собственнымъ словамъ, онъ опирается въ данномъ случаѣ „на Прудона и писателей, которые имъ вдохновлялись“.

«какъ политическая власть», государство не должно имѣть иной границы для своего господства, кромѣ чувства долга ¹⁾).

Кромѣ того, Бюшэ кажется трудно допустимымъ противорѣчіе между индивидуумомъ и государствомъ. Развѣ индивидуумъ существуетъ внѣ общества и не обязанъ ему всѣмъ? Въ свою очередь, развѣ для общества и государства, являющагося обществомъ, получившимъ извѣстную «конституцію», можетъ быть «что-либо драгоцѣннѣе», чѣмъ его члены ²⁾? Развѣ индивидуумъ и государство не представляютъ собою двухъ одинаково необходимыхъ одинъ для другого существованій, обезпечивающихъ другъ другу высшее благо ³⁾? Развѣ Богъ не создалъ ихъ «другъ для друга» ⁴⁾?

Я хорошо знаю, что на практикѣ Бюшэ признаетъ существованіе этого антагонизма и сознается, что государство часто злоупотребляло своимъ правомъ ⁵⁾. Я знаю также, что въ *Трактатѣ о политикѣ*, написанномъ,—не надо забывать этого,—въ эпоху Второй Имперіи, Бюшэ менѣе склоненъ выступать адвокатомъ государства. Тогда онъ болѣе занятъ тѣмъ, чтобы «спасти личную инициативу» ⁶⁾. Онъ придаетъ должное значеніе «общественнымъ вольностямъ» ⁷⁾ и формѣ правленія,

¹⁾ „Долгъ—вотъ что защищаетъ индивидуума отъ злоупотребленій правительства и самого общества“. *Traité de Politique* (т. I, стр. 71). Ср. *Ibid.* (стр. 373).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 233).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 234).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 237).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 238).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 239—240).

⁷⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 414 и сл.).

гарантирующей ихъ или угрожающей имъ ¹⁾. Онъ самъ излагаетъ въ достаточно либеральныхъ выраженіяхъ то, что онъ называетъ «истиннымъ ученіемъ о предѣлахъ свободы» ²⁾. Но даже тогда, даже въ томъ случаѣ, когда онъ явно подчиняется вліянію обстоятельствъ, онъ не теряетъ изъ вида своей первоначальной точки отправленія.

Онъ старается обезпечить вольности не ради самого индивидуума. Государство «заинтересовано» въ томъ, чтобы царствовала «свобода». Взгляните на страны, гдѣ ея нѣтъ: онѣ оказываются наиболѣе отсталыми, наиболѣе бѣдными ³⁾. Взгляните, какъ погибаютъ «отъ недостатка свободы» могущественныя имперіи, каковы, напримѣръ, римская и оттоманская. «Сдѣлаемъ, поэтому, выводъ,—прибавляетъ Бюшэ,—что свобода, являясь наивысшей драгоцѣнностью для индивидуума, является таковой же и для общества» ⁴⁾. И какъ не сдѣлать такого вывода, когда правительство опредѣляется, въ концѣ-кон-

1) *Traité de Politique* (т. II, стр. 217).

2) *Ibid.* (т. I, стр. 273 и сл.).

Равнымъ образомъ, настойчиво защищая „соціалистическія чаянія“ 1848 г., которыя онъ признаетъ эквивалентомъ „тысячи попытокъ, предложенныхъ и испробованныхъ въ предшествующіе вѣка христіанскимъ милосердіемъ“ (*Ibid.*, т. II, стр. 494), онъ, въ то же время, рѣшительно высказывается противъ права на трудъ, противъ государства „какъ короля и суверена промышленности“, противъ тираніи, которая была бы результатомъ подобной системы. (*Ibid.*, т. I, стр. 297 и слѣд.).

Чтобы объяснить эти и подобныя имъ мѣста, не слѣдуетъ забывать, что Бюшэ былъ однимъ изъ инициаторовъ движенія въ пользу рабочихъ ассоціацій.

3) *Ibid.* (т. I, стр. 240).

4) *Ibid.* (т. I, стр. 241).

цовъ, какъ «учрежденіе для прогресса»¹⁾, и когда ему ввѣряется обязанность, воздѣйствуя на общество, вести его къ осуществленію «общей цѣли дѣятельности»?

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Бюшэ нельзя было бы приписать честь созданія строго продуманной системы. Послѣдовательность у него скорѣе внѣшняя, чѣмъ дѣйствительная, и логическія формы иногда прикрываютъ, никого не обманывая, неустойчивость слабой мысли. Тѣмъ не менѣе, особенно, въ той части своихъ идей, которыми онъ обязанъ своей средѣ и своей эпохѣ, онъ остается однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей реакціи противъ индивидуализма.

Какъ мы уже показали, онъ не только нападаетъ на индивидуализмъ въ его выводахъ: онъ поражаетъ его въ самомъ принципѣ. Подобно теократамъ, часто говоря даже ихъ языкомъ²⁾, онъ отвергаетъ взглядъ, что человѣкъ довлѣетъ самому себѣ, что онъ способенъ создать міръ,—міръ политическій и соціальный. Человѣкъ ничего не создаетъ, онъ ничего не способенъ создать. Онъ «несовершененъ, относителенъ»³⁾, онъ—«несчастный евнухъ»⁴⁾. Все свое содержаніе онъ получаетъ прежде всего отъ Бога, затѣмъ отъ общества⁵⁾.

1) *Traité de Politique* (т. II, стр. 107).

2) Мишле увѣряетъ, что канву для знаменитыхъ *Предисловій* Бюшэ далъ баронъ д'Экштейнъ, одинъ изъ писателей теократической школы. См. отзывы Бюшэ о Балланшѣ (*Hist. parl.*, т. VIII, *Предисл.*, стр. XIII), де-Местрѣ и Сэнъ-Мартэнѣ (*Ibid.*, т. XXIX, *Предисл.*, стр. XIV).

3) *Histoire parlementaire* (т. XI, *Предисл.*, стр. VI).

4) *Ibid.* (т. XVI, *Предисл.*, стр. VII).

5) *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 163).

Хотя Бюшэ и соприкасается во многихъ пунктахъ съ социализмомъ своего времени, онъ все же расходится съ нимъ по одному вопросу большой важности. Социализмъ стремится къ болѣе справедливому распредѣленію благъ этого міра; социализмъ смотритъ на человѣческое счастье, главнымъ образомъ, съ матеріальной стороны. Мораль и политика Бюшэ, напротивъ, имѣютъ аскетическій характеръ. Это видно уже изъ его теоріи власти, отождествляемой съ самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ, и изъ его прославленія добровольной бѣдности. Но Бюшэ дѣлаетъ болѣе того: онъ прямо нападаетъ на принципъ бабувизма ¹⁾).

Это, быть-можетъ, самая оригинальная черта его доктрины и, во всякомъ случаѣ, самая логическая. Въ то же время именно эта черта доктрины всего лучше обнаруживаетъ нелогичность системъ, въ которыхъ индивидуумъ не цѣнится ни во что, и въ которыхъ осуждается весь общественный строй,—почему? Потому, что онъ не даетъ достаточнаго удовлетворенія тому «ничтожеству», которымъ является индивидуумъ.

II.

Если есть между писателями этого времени и этой группы человѣкъ, идеи котораго по занимающему насъ вопросу трудно, но, тѣмъ не менѣе, необходимо опредѣлить, то это, несомнѣнно, Пьеръ Лёру.

Намъ необходимо узнать его какъ мыслителя, потому что онъ оказывается наиболѣе замѣтнымъ истолкователемъ нѣкоторыхъ основныхъ идей. Но это затруднительно, такъ какъ нигдѣ въ своихъ

¹⁾ *Histoire parlementaire* (т. XXXII, Предисл., стр. VII).

спутанныхъ и туманныхъ произведеніяхъ онъ не указалъ съ точностью своего символа вѣры. Попытаемся, однако, установить его, оставляя въ сторонѣ странности, которыя такъ шокировали современниковъ, и которыя помѣшали имъ удѣлить этому мыслителю должное вниманіе.

Пьеръ Лёру обратился къ социальнымъ и политическимъ идеямъ отъ философскихъ и религіозныхъ размышленій, или, если угодно, мечтаній ¹⁾. Его первыя, во многихъ отношеніяхъ наиболѣе важныя произведенія, касаются вопросовъ этого рода лишь со стороны ихъ наиболѣе общихъ принциповъ. Этимъ отчасти объясняется абстрактный и теоретическій характеръ его взглядовъ; но только отчасти, такъ какъ этому способствуетъ самый складъ ума мыслителя. Въ то время, когда каждый создавалъ въ своемъ воображеніи свой собственный міръ, Пьеръ Лёру болѣе, чѣмъ кто-либо подчинялся побужденіямъ пламенной и великодушной чувствительности. *Равенство, Человѣчество* — такъ можно характеризовать его собственную утопію. Прежде чѣмъ, однако, обратиться къ изложенію его доктрины, рассмотримъ его критику индивидуализма.

Говоря, прежде всего, какъ философъ, Пьеръ Лёру упрекаетъ Декарта въ томъ, что онъ порвалъ всякую связь съ прошлымъ, что онъ сталъ «одинокимъ мыслителемъ» ²⁾. Равнымъ образомъ, онъ упре-

¹⁾ *De l'Humanité* (1840).— *Réfutation de l'Éclectisme* (1841).— *Discours sur la situation actuelle de la société et de l'esprit humain* (1841).— *De l'Égalité* (1848).— *Du Christianisme et de ses Origines démocratiques* (1848).— *Projet d'une Constitution démocratique et sociale* (1848) и проч.

²⁾ *De l'Humanité* (Paris, Perrotin, 1840) (т. I, стр. 123—124).

каетъ послѣдователей Дѣкарта — Локка, Спинозу, Мальбранша и Беркли—въ томъ, что они пошли по тому же пути и сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій абстрактнаго человѣка, созданнаго Дѣкартомъ¹⁾. Онъ упрекаетъ Кузэна и его школу въ томъ, что они приняли за точку отправленія «химерическое Я психологовъ»²⁾. Онъ упрекаетъ, наконецъ, философію XVIII вѣка въ томъ, что она создала общую концепцію вселенной, опираясь «на одинъ разумъ»³⁾, и притомъ разумъ индивидуальный.

Индивидуальный человѣкъ кажется ему связаннымъ съ человѣчествомъ «узами необходимости». Не только въ силу наслѣдственности человѣкъ является «выраженіемъ человѣчества своего времени», но и вообще «умы образуютъ непрерывную цѣпь, въ которой каждое поколѣніе и каждый человѣкъ въ отдѣльности являются лишь звеномъ»⁴⁾. Пьеръ Лёру почти готовъ сказать вмѣстѣ съ Джордано Бруно: «когда я вижу человѣка, то вижу человѣчество»⁵⁾. Таково метафизическое выраженіе его мысли. А вотъ соціологическій выводъ отсюда. Общество постоянно вліяетъ на индивидуума. Будучи обязанъ обществу лучшей частью самого себя, индивидуумъ непремѣнно долженъ жить для человѣчества⁶⁾. Руссо, который сначала рассматриваетъ человѣка, какъ «отдѣльную силу»⁷⁾, въ послѣдствіи, для объясненія

1) *Réfutation de l'Éclectisme* (Paris, Gosselin, 1841) (стр. 3).

2) *De l'Humanité*, введ. (т. I, стр. 103).

3) *Du Christianisme* (стр. 8).

4) *Réfutation de l'Éclectisme* (стр. 4).

5) *De l'Humanité* (т. I, стр. 248).

6) *De l'Égalité*, 2-я часть (гл. IV).

7) *De l'Humanité* (т. I, стр. 131—132).

возможности общественного договора. оказывается вынужденнымъ требовать отъ каждой изъ этихъ силъ самоотреченія или, что то же, требовать самоотреченія меньшинства въ пользу большинства. Экономисты, проповѣдующіе свободу конкуренціи, проповѣдуютъ, въ сущности, войну cadaque противъ всѣхъ, всѣхъ противъ cadaque. И для нихъ чело-вѣкъ—«врагъ чело-вѣка»¹⁾.

Разъ признано родство чело-вѣка съ чело-вѣче-ствомъ, все измѣняетъ свой видъ²⁾. Въ обществѣ нѣтъ болѣе мѣста для ненасытной погони за личной выгодой. Если я хочу любить себя, я долженъ лю-бить себя въ другихъ. «Моя жизнь въ нихъ», безъ нихъ моя жизнь «ничто». Или «я не умѣю любить себя», или, если я умѣю любить себя, то я люблю другихъ въ себѣ. Такимъ образомъ, «эгоизмъ пора-жаетъ самъ себя, онъ самъ себя разрушаетъ»³⁾.

Индивидуалистическій принципъ, съ экономической точки зрѣнія, ведетъ къ прославленію капитала, не-нависти къ бѣдности, а отсюда—прямо къ мальту-зіанству. Если на мѣсто индивидуума поставить «видъ», то опять получаетъ значеніе законъ: «пло-дитесь и размножайтесь»⁴⁾. Въ политикѣ индиви-дуализмъ кончаетъ деспотизмомъ, о чемъ свидѣтель-ствуетъ *Общественный договоръ*. Ученіе о Чело-вѣчествѣ устанавливаетъ равенство повсюду, а равенство всѣхъ

¹⁾ *De l'Égalité* (стр. 18). См. также *Malthus et les Économi-stes* (стр. 136).

²⁾ Чело-вѣчество такъ же неотдѣлимо отъ индивидуума, какъ изображеніе, отраженное въ зеркалѣ, отъ этого послѣдняго. *De l'Égalité* (стр. 99).

³⁾ *De l'Humanité* (т. I, стр. 193).

⁴⁾ *Malthus et les Économistes* (стр. 189).

обосновываетъ равенство каждаго, это безусловное, неотчуждаемое право, обеспечивающее меньшинство отъ насилія большинства ¹⁾).

Связь человѣка съ человѣчествомъ, возстановленная въ своемъ настоящемъ значеніи, глубоко видоизмѣняетъ три основныхъ порядка соціальныхъ отношеній: семью, отечество и собственность. Пьеръ Лёру стремится защитить ихъ всё противъ отрицающихъ ихъ сектъ, но требуетъ ихъ преобразованія въ смыслѣ расширенія ²⁾. Они должны отказаться отъ кастоваго характера. Собственность, отечество и семья не должны мѣшать индивидууму сознавать себя «въ общеніи со всей вселенной» ³⁾. Христіанство провозгласило законъ любви, но есть еще высшій принципъ—солидарность. Равнымъ образомъ, есть религія высшая, чѣмъ христіанство: религія Человѣчества ⁴⁾. Солидарность потому выше любви, что она «объясняетъ послѣднюю». Ближній, котораго я долженъ любить, это въ то же время я самъ ⁵⁾. Религія Человѣчества выше христіанства потому, что она освящаетъ и любовь къ себѣ и любовь къ другому, обнаруживая такимъ образомъ гармонію между этими двумя одинаково естественными склонностями ⁶⁾. Пьеръ Лёру извлекаетъ изъ идеи солидарности выводы относительно будущей жизни и

¹⁾ *De l'Égalité* (стр. 63). Пьеръ Лёру, въ противность большинству враговъ индивидуализма, не старается устранить идею права. Сравни. *Ibid.* (стр. 29, 52, 59, 63, 66).

²⁾ *De l'Humanité* (т. I, стр. 189).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 190).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 197).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 191).

⁶⁾ „Христіанство недостаточно усвоило эту связь“. *Ibid* (т. I, стр. 200).

бытія Божія, но эти выводы не входятъ въ нашу задачу. Для насъ достаточно указаній на общественную роль идеи солидарности и на то, какимъ образомъ выводы изъ идеи Человѣчества соединяются и расширяютъ выводы изъ идеи Равенства.

Пьеръ Лёру не всегда оставался на тѣхъ высотахъ, куда завлекли его эти двѣ книги: онъ ближе разсматривалъ соціальную и политическую проблемы. Бёнуа Малонъ характеризуетъ Пьера Лёру, какъ «мало поучительнаго» соціалиста¹⁾. Выраженіе это довольно справедливо. Хотя Пьеръ Лёру въ значительной степени способствовалъ распространенію чувства соціального состраданія²⁾ и даже ввелъ во Франціи самое слово *соціализмъ*³⁾, тѣмъ не менѣе, онъ не внесъ въ эту доктрину ни очень крупнаго, ни очень оригинальнаго вклада. Подобно сэнъ-симонистамъ онъ сурово критикуетъ политическую экономію англійской школы⁴⁾. Онъ яростно возстаетъ

1) Benoit Malon, *Socialisme intégral*, часть 1-я (стр. 148).

2) Вліяніе П. Лёру на Жоржъ-Сандъ и чрезъ нее на литературу эпохи было отмѣчено Thureau-Dangin'омъ, въ его *Histoire de la Monarchie de Juillet* (т. VI, стр. 85).

3) Сочиненія П. Лёру, т. I, стр. 161, примѣч. Отрывокъ, озаглавленный „*De l'Individualisme et du socialisme*“, относится къ 1834 г. Онъ появился въ *Revue encyclopédique* (т. LX). Мы говоримъ во Франціи, такъ какъ это слово, быть-можетъ, употреблялось въ Англіи ранѣе, среди послѣдователей Оуэна. Однако, авторъ статьи *Socialism* въ *Encyclopaedia Britannica* приписывая честь „чекана“ этого слова своей странѣ, увѣряетъ, что оно было впервые употреблено оуэнистами въ 1835 г.; въ такомъ случаѣ право первенства остается за Пьеромъ Лёру. Ср. G. Weill, *L'École Saint-Simonienne*, примѣч. въ концѣ.

4) См. *De la Ploutocratie, Malthus et les Économistes, Trois Discours aux Politiques* (Сочиненія, т. I, стр. 184—185), и отрыв-

противъ «финансоваго и промышленнаго феодализма» ¹⁾, противъ буржуазіи ²⁾. Пролетаріатъ и демократія для него — синонимы, и онъ не различаетъ экономическихъ требованій во имя нуждъ пролетаріата отъ политическихъ требованій во имя правъ демократіи.

Примѣненіе англійской конституціи во Франціи кажется ему крупной ошибкой ³⁾. Съ другой стороны, онъ понимаетъ верховенство народа не ходячимъ и не вульгарнымъ способомъ. Онъ протестуетъ противъ того, что называетъ «идолопоклонствомъ передъ чистой абстракціей» ⁴⁾. Всѣ могутъ быть суверенами лишь въ томъ случаѣ, если между ними царствуетъ согласіе. Но такое согласіе возможно не иначе, какъ при условіи «повиновенія общему разуму» ⁵⁾. Въ такомъ случаѣ настоящимъ сувереномъ является самъ разумъ. Однако, согласіе всѣхъ, даже подѣ властью разума, можетъ установиться лишь по волѣ cadaго. Такимъ образомъ, суверенъ это—въ одно и то же время: всѣ, каждый и этотъ высшій разумъ, заключающій въ себѣ «знаніе и любовь». Отсюда формула: «каждый черезъ всѣхъ, или всѣ черезъ cadaго, при помощи знанія и любви» ⁶⁾.

Новую религію, стоящую выше христіанства, Пьеръ Лёру находитъ не только въ Человѣчествѣ, но ста-

вокъ подѣ заглавіемъ: *De l'Économie politique anglaise*, Прибавленіе къ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 381 и сл.).

¹⁾ *Malthus et les Économistes* (стр. 67, 26—27).

²⁾ *De la Ploutocratie* (стр. 11).

³⁾ *Trois Discours aux Politiques* (Сочиненія, т. I, стр. 231, 234—235).—Ср. *De la Ploutocratie* (стр. 2, 5 и 6).

⁴⁾ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 110).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 123).

⁶⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 165).

рается отыскать въ Демократіи ¹⁾. Религія Равенства, религія Человѣчества, религія Демократіи — вотъ, поэтому, три формулы, могущія замѣнить другъ-друга. Нѣтъ ничего ошибочнѣе слѣдующей излюбленной идеи либераловъ: нѣтъ ничего общаго между политикой и религіей ²⁾. Совершенно отсталымъ является требованіе раздѣлить эти двѣ области ³⁾. Кромѣ того, если бы даже такое раздѣленіе было возможно, то существовало ли бы оно на самомъ дѣлѣ, было ли бы оно искреннимъ? Развѣ наши представительныя собранія, со времени Конституанты, дѣлали что-либо иное, кромѣ провозглашенія догматовъ? Что такое Декларация Правъ 1789 года и особенно 1793, какъ не «религіозная система» ⁴⁾? Не существуетъ двухъ царствъ: царства Кесаря и царства Божія. «Грядущее обществобудетъ въ своемъ единствѣ и Папою и Императоромъ» ⁵⁾. Что же нужно для этого? Нужно и достаточно, чтобы демократія осмѣлилась «сама помазать себя на царство» ⁶⁾.

¹⁾ Революція—„религія въ зародышѣ“. Конвентъ не только призналъ необходимость религіозныхъ идей, „онъ хотѣлъ основать религію“. Докладъ Робеспьера Конвенту о необходимости религіозныхъ и моральныхъ идей, которыя бы находились въ гармоніи съ республиканскимъ принципомъ, представляетъ „кульминаціонный пунктъ Революціи“. *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 93—127).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 91).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 143).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 144).

⁵⁾ *Du Christianisme et de son origine démocratique* (стр. 115).

⁶⁾ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 171).

Какъ примѣръ стремленія правительствъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, Лёру указываетъ: веденіе актовъ гражданскаго состоянія, регистрацію браковъ и разводовъ; вопросъ о народномъ образованіи и университетахъ; вопросъ о мо-

Въ подобнаго рода демократіи правительство уже не будетъ стремиться отойти на задній планъ, уничтожиться. Пьеръ Лёру отвергаетъ отрицательную теорію государства. Ему кажется, что современное общество «стремится къ возстановленію искусства управленія». Онъ полагаетъ, что государство представляетъ «образцовое созданіе той творческой или художественной способности, которую Богъ даровалъ человѣку» ¹⁾. На практикѣ Пьеръ Лёру приходитъ къ рѣшеніямъ, близкимъ къ коллективизму ²⁾, хотя неопредѣленнымъ и едва ли оправдывающимъ выводы, сдѣланные въ послѣдствіи его учениками ³⁾.

Нечего, однако, изумляться тому, что у Пьера Лёру нѣтъ яркихъ, одностороннихъ формулъ. Его жизнь прошла въ борьбѣ, но его гений былъ въ высшей степени примирительнымъ. Всегда и всюду онъ стремится къ сближенію и гармоніи. Въ противоположность большинству своихъ современниковъ, желавшихъ быть новаторами и проявить оригинальность своихъ взглядовъ, онъ — человѣкъ традиціи. Онъ старается держаться ея въ своихъ произведеніяхъ ⁴⁾ и охотно выдаетъ свою мысль за оконча-

настырскихъ общинахъ и проч. „Стоитъ подумать о слѣдующемъ: Конституанта была соборомъ, Конвентъ былъ соборомъ, Наполеонъ былъ папой,—и вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ не было такого захудалаго и жалкаго представительнаго собранія, которое бы не занималось духовной дѣятельностью, часто думая, что занимается лишь мірскою“. *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 143—144).

¹⁾ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 207).

²⁾ *De la Ploutocratie* (стр. 26, 31—32).

³⁾ См. *Aphorismes ou Doctrine de l'Humanité* (Boussac, 1848), рядъ выдержекъ изъ главныхъ сочиненій П. Лёру.

⁴⁾ См. посвященіе Беранже, *De l'Humanité* (т. I, стр. VIII).

тельный результат философской работы прошлых вѣковъ ¹⁾. Онъ приводитъ множество текстовъ, чтобы доказать не только вѣрность, но и традиціонность своихъ взглядовъ ²⁾.

Врагъ новшествъ, онъ въ то же время и по тѣмъ же основаніямъ — врагъ крайнихъ ученій. Какъ мы уже видѣли, онъ принимаетъ подъ свою защиту семью, отечество и собственность ³⁾, хотя и понимаетъ ихъ по-своему. Пантеистъ по убѣжденіямъ, онъ старается отыскать такое опредѣленіе Божества, которое не противорѣчило бы идеѣ личнаго Бога ⁴⁾. Противникъ индивидуализма, онъ защищаетъ свободу мысли и совѣсти. Врагъ экономистовъ, онъ признаетъ за ихъ ученіемъ важную историческую роль, такъ какъ для освобожденія отъ богословско-феодалной ассоціаціи и предотвращенія возврата къ старому порядку было необходимо провозгласить установленные экономистами принципы и свести правительство «къ роли жандарма» ⁵⁾. Врагъ капиталистовъ, онъ защищаетъ капиталъ ⁶⁾.

¹⁾ *De l'Humanité* (стр. 137—138).

²⁾ Напримѣръ, по поводу будущей жизни. Его ссылки на древнихъ въ доказательство того, что они понимали будущую жизнь, какъ онъ, занимаютъ въ *l'Humanité* страницы 291—739 (т. I и II. Счетъ страницъ для обоихъ томовъ непрерывный).

Равнымъ образомъ, мысль, что путемъ евхаристіи Христосъ уничтожилъ касты, доказывается въ *l'Égalité* ссылками, занимающими болѣе 100 стр. (131—253).

³⁾ См. выше, стр. 277.

⁴⁾ *De l'Humanité* (т. I, см. кн. V).

⁵⁾ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 185, примѣч. 2).

⁶⁾ „Взятый самъ по себѣ, капиталъ—хорошая, превосходная вещь... Но именно поэтому, находясь въ рукахъ эгоизма и лишенный наблюденія и руководства со стороны коллектив-

Кромѣ того, идея возможности соглашенія между правомъ общества и правомъ индивидуума господствуетъ надъ всей его системой. «Мы считаемъ эти двѣ тенденціи не только законными, но и согласимыми между собой. Цѣль политической философіи, которую ищетъ человѣческій умъ — отмежевать каждой изъ нихъ свою сферу» ¹⁾).

Выражая въ другомъ мѣстѣ свою мысль съ тою искренностью, которая должна была бы обезпечить ему справедливую оцѣнку всѣхъ, но лишь навлекла на него, какъ это часто случается, проклятіе противниковъ, онъ пишетъ: «Если у насъ спросятъ о нашемъ *profession de foi*,... то мы ни индивидуалисты, ни социалисты, если брать эти слова въ ихъ абсолютномъ значеніи. Мы вѣримъ въ индивидуальность, личность, свободу, но мы вѣримъ также въ общество» ²⁾).

Почему же, вопреки этимъ оговоркамъ и смягченіямъ, на Пьера Лёру все же слѣдуетъ смотрѣть какъ на одного изъ писателей, наиболѣе рѣшительно способствовавшихъ дискредитированію индивидуализма? Нѣкоторые изъ его взглядовъ, отмѣченныхъ на предыдущихъ страницахъ, уже объясняютъ это. Мы поймемъ это еще лучше, если постараемся проникнуть въ самый духъ его ученія.

наго общества, онъ служитъ источникомъ столькихъ золъ“ *Malthus et les Économistes* (стр. 195).

¹⁾ *Du Christianisme* (стр. 119).

²⁾ *De l'individualisme et du socialisme*, Прибавленіе къ *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 378).—См. также (*Ibid.*, стр. 376) примѣчаніе, прибавленное въ изданіи 1847 г. и удержанное въ изданіи 1850. „Мы — социалисты, если подъ социализмомъ хотятъ понимать ученіе, которое не жертвуетъ ни однимъ изъ членовъ формулы: свобода, братство, равенство, единство, и стремится всѣ ихъ согласовать между собою“.

Несмотря на нѣкоторую близость Пьера Лёру къ Руссо, это—тотъ же самый духъ, которымъ проникнуты всѣ школы, враждебныя философіи XVIII вѣка. Пьеръ Лёру признаетъ вліяніе, оказанное на него Руссо¹⁾. Вліяніе Сэнъ-Симона и сэнъ-симонистовъ, исторической школы и теократовъ достаточно очевидно, чтобы нужно было еще указывать на это. Вмѣстѣ съ Сэнъ-Симономъ и сэнъ-симонистами, съ которыми, впрочемъ, онъ не сходится во многомъ, Пьеръ Лёру превозноситъ идею совершенствованія, справедливо видя въ ней великое пріобрѣтеніе XVIII вѣка, и притомъ пріобрѣтеніе, главнымъ образомъ, французское²⁾. Равнымъ образомъ, онъ протестуетъ вмѣстѣ съ Сэнъ-Симономъ противъ дробленія знаній и требуетъ новаго синтеза³⁾. Вмѣстѣ съ исторической школой, онъ признаетъ эволюцію явленій и относительную цѣнность учрежденій. Вмѣстѣ съ теократами, онъ связываетъ индивидуума съ обществомъ, не преклоняясь, однако, передъ ихъ Богомъ.

Какъ замѣтилъ одинъ проницательный писатель, изучавшій это идейное движеніе⁴⁾, мистики Человѣчества, участвуя въ общей реакціи противъ XVIII вѣка, въ то же время протягиваютъ руку философамъ, противъ которыхъ борются. И дѣйствительно, развѣ религія Человѣчества не коренится въ прославленіи

1) *De l'Égalité, Предисловіе* (стр. VII, IX, XI).

2) *Réfutation de l'Éclectisme, Предисловіе* (стр. VIII, примѣч.).—*Ibid.* (стр. 201—202), очень интересныя.—Ср. текстъ о Вико въ *Doctrine de la Perfectibilité* (Сочиненія, т. II, стр. 55).

3) *Trois Discours* (Сочиненія, т. I, стр. 15, 55—56).

4) Cournot, *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes* (т. II, стр. 208).

и превознесеніи челоѣческаго духа и челоѣческой природы, что́ было, по преимуществу, дѣломъ XVIII вѣка и Революціи? Странная превратность идей: во имя Челоѣчества борются теперь противъ философіи, точнымъ выраженіемъ которой служить Декларациа Правъ челоѣка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Авторитарный социализмъ.

I.

Луи Бланъ ¹⁾, съ перваго взгляда, производитъ впечатлѣніе человѣка съ небольшимъ запасомъ очень простыхъ, чрезвычайно ясныхъ и отчетливыхъ идей, которыя онъ повторяетъ съ такою крайнею настойчивостью, что онѣ, въ концѣ-концовъ, запечатлѣваются въ умахъ.

Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, замѣчаешь, что эти, повидимому, простыя формулы, на самомъ дѣлѣ, достаточно сложны; что каждая изъ теорій Луи Блана имѣетъ двѣ стороны: одну, обращенную къ прошедшему, другую — къ будущему. Онъ продолжаетъ одно движеніе и освящаетъ другое, однако болѣе, какъ ученикъ, чѣмъ какъ самостоятельный мыслитель; и даже тамъ, гдѣ онъ является новаторомъ, его оставляютъ въ тѣни нѣкоторые изъ тѣхъ, которые у него всего болѣе позаимствовали.

Точка отправленія Луи Блана та же самая, какъ и у большинства реформаторовъ. Онъ констатируетъ

¹⁾ *Organisation du Travail* (1839). — *Le Socialisme: droit au travail* (1848). — *Questions d'aujourd'hui et de demain* (1-й, 2-й, 3-й, 5-й отдѣлы). — *Histoire de dix ans.* — *Histoire de la Révolution française.*

результаты промышленной и торговой ¹⁾ конкуренции, и нарисованная имъ картина нищеты рабочего класса приводит его къ критикѣ принципа всякой конкуренции—индивидуализма, поскольку послѣдній оказывается тождественнымъ съ *laissez faire* ²⁾.

Необходимо сейчасъ же замѣтить, что протестъ Луи Блана вызываетъ не только экономическая и матеріальная дезорганизация, но и дезорганизация моральная. Онъ возстаетъ противъ матеріализма буржуазіи ³⁾, противъ того, что онъ называетъ «религіей индустриализма» ⁴⁾. Онъ не только хочетъ улучшить положеніе человѣка изъ народа, онъ хочетъ «спасти его душу» ⁵⁾. Духъ изслѣдованія находитъ въ немъ строгаго критика. Онъ принимаетъ его принципъ, но отвергаетъ его «захваты и заблужденія» ⁶⁾. Его идеализмъ осложняется прямымъ обращеніемъ къ Провидѣнію, къ которому онъ взываетъ о покровительствѣ организаціи труда ⁷⁾. У него повсюду проглядываетъ настоящее религіозное чувство ⁸⁾. Подобно прочимъ социалистамъ, онъ выдѣляетъ бур-

¹⁾ *Le Socialisme: droit au travail* (стр. 45—52).

²⁾ *Ibid.* (стр. 8).—*Organisation du travail* (5-е изд., стр. 57).—Ср. *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 28—29, 61—67).

³⁾ *Histoire de dix ans* (т. I, стр. 129).

⁴⁾ *Organisation du travail* (стр. 267).

⁵⁾ „Мы стремимся къ организаціи труда, чтобы душа народа, душа его, поймите это, не была болѣе подавлена и извращена тиранніей обстоятельствъ“.—*Ibid.*, *Введение* (стр. 5).

⁶⁾ *Histoire de dix ans* (т. II, стр. 268).

⁷⁾ „Требуя, чтобы было гарантировано право существовать своимъ трудомъ..., привѣтствуютъ Создателя въ его твореніи“.—*Organisation du travail*, *Введение* (стр. 4).

⁸⁾ „— Что такое социализмъ?—*Это Евангеліе въ дѣйствіи*“.—*Catéchisme des socialistes* (*Questions*, 5-й отдѣлъ, стр. 213).

жуазію изъ народа; но, будучи къ ней очень суровъ, онъ все же пытается «спасти» ее. Являясь солидарной съ народомъ въ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ конкуренціей и индивидуализмомъ, буржуазія исцѣлится вмѣстѣ съ народомъ. «Для обществъ не бываетъ ни частичнаго прогресса, ни частичнаго упадка» ¹⁾.

Какъ и народъ, буржуазія — жертва словъ. Воспламеняютъ умы, внушая имъ идеи свободы и прогресса. Но что такое прогрессъ? Прогрессъ, — говорятъ намъ, — это раздѣленіе труда, употребленіе машинъ и проч. Но машины, изгоняя рабочаго изъ мастерской, лишаютъ его работы. Раздѣленіе труда «доводитъ его до послѣдней степени огрубѣнія, заставляя всю жизнь изготовлять булавочныя головки или вертѣть рукоятку» ²⁾. Съ другой стороны, какъ возможна свобода въ томъ мірѣ, гдѣ силы до такой степени неравны ³⁾?

Луи Бланъ думаетъ, что на мѣсто ложныхъ понятій о свободѣ и прогрессѣ ему удалось поставить истинныя. Истинный прогрессъ — тотъ, который приноситъ пользу всѣмъ безъ исключенія. Это — «признанная, осуществленная солидарность всѣхъ интересовъ» ⁴⁾. Истинная свобода — это «свобода для всѣхъ», возможность для cadaго человека «развиваться по законамъ своей природы» ⁵⁾. Мы видимъ,

¹⁾ *Organisation du travail* (стр. 26—27). — Классовый духъ рѣдко замѣтенъ у Луи Блана. „Я говорю не какъ представитель одной какой-либо партіи или класса“, *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 28). Подобныя заявленія для него обычны.

²⁾ *Le Socialisme: droit au travail* (стр. 36—37).

³⁾ *Organisation du travail* (стр. 17—18). — Ср. *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 29).

⁴⁾ *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 28).

⁵⁾ *Organisations du travail* (стр. 193).

что Луи Бланъ отличается въ данномъ случаѣ отъ сэнъ-симонистовъ и Бюшэ тѣмъ, что въ своемъ протестѣ противъ индивидуализма опирается уже не на доктрину, которая низко цѣнитъ свободу, а на доктрину, которая, подобно ученію Пьера Лёру, но съ бóльшей опредѣленностью, считаетъ себя единственной обладательницей «истинной свободы» ¹⁾.

Постараемся кратко передать смыслъ формулы Луи Блана. Если свобода означаетъ для cadaго человека возможность развиваться по законамъ своей природы, то она перестаетъ быть абстрактнымъ правомъ на вещи и становится конкретной властью. Луи Бланъ не колеблясь такъ ее и опредѣляетъ: свобода—это власть ²⁾.

Луи Бланъ съ бóльшей смѣлостью и настойчивостью, чѣмъ большинство мыслителей его времени, нападаетъ на чудовище, которое нужно было одолѣть—на абстрактную идею права, какъ ее понимали XVIII вѣкъ и французская Революція. Право отдѣльно отъ власти, по его мнѣнію, — не что иное, какъ *flatus vocis*. «Какая польза больному отъ его права на лѣченіе, если его не лѣчатъ?» ³⁾ Идея права отвѣтственна за всѣ злодѣянія, за всѣ обманы, которыя демократія встрѣтила на своемъ пути. «Право, разсматриваемое съ абстрактной точки зрѣнія, — это миражъ, который съ 1789 года обманываетъ народъ» ⁴⁾. Сильнѣе не могъ бы выразиться и де-Бональдъ.

¹⁾ *Organisation du travail* (стр. 192).

²⁾ *Histoire de dix ans* (т. V, стр. 500).—*Le socialisme: droit au travail* (стр. 11—12).—*Organisation du travail* (стр. 19).

³⁾ *Organisation du travail* (стр. 19).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 19).

Правда, точка отправленія у Бональда иная, чѣмъ у Луи Блана. У перваго возмущается религіозное чувство противъ идеи, въ которой онъ видитъ,—впрочемъ, совершенно ошибочно, такъ какъ она сама, по существу, религіознаго характера,—проявленіе невыносимой гордости. Но, если точки отправленія у нихъ различны, то выводъ почти одинъ и тотъ же. Отвергнувъ человѣческое право, Бональдъ бросаетъ человѣческое общество къ ногамъ Бога и его представительницы на землѣ—власти. Равнымъ образомъ, Луи Бланъ отдаетъ индивидуума во власть государства. Именно государство должно обезпечить возможность развиваться по своей природѣ. Именно государство должно замѣнить абстракцію: «право» реальностью: «власть».

Извѣстно, какую роль играло требованіе права на трудъ въ революціи 1848 года¹⁾. Луи Бланъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способствовалъ возбужденію этого вопроса, поддерживая тотъ взглядъ, что общество должно *организовать трудъ* такимъ образомъ, чтобы каждый могъ найти въ немъ основу своего существованія.

Взгляды Луи Блана часто плохо понимались и неправильно оцѣнивались. Постараемся вполнѣ точно опредѣлить ихъ объемъ и содержаніе²⁾. Большой національный заемъ долженъ послужить къ устройству «общественныхъ мастерскихъ» въ главныхъ отрасляхъ промышленности³⁾. «Общественныя ма-

1) См. *Le Droit au travail à l'Assemblée nationale*, сборникъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ при обсужденіи этого вопроса (Guillaumin, 1848).—*Введ.* (стр. XIII).

2) См. *Organisation du travail*, 1-я часть, *Заключеніе* (стр. 102—118).

3) Въ эти мастерскія должны допускаться лишь рабочіе съ достаточнымъ нравственнымъ развитіемъ. Плата за трудъ

стерскія» должны объявить войну частнымъ предприятиямъ. По выраженію Луи Блана, это значитъ «пользоваться оружіемъ самой конкуренціи для ея собственнаго уничтоженія». Разъ частныя предприятия будутъ уничтожены и будутъ функціонировать лишь «общественныя мастерскія», между мастерскими, принадлежащими къ одному роду промышленности, установятся мирныя отношенія. Такимъ образомъ, конкуренція будетъ замѣнена «совмѣстностью дѣятельности». Тогда останется лишь провозгласить «солидарность различныхъ промышленныхъ областей». Кромѣ того, даровое и обязательное обученіе должно сообщить умамъ идеи, чувства и склонности, соотвѣтствующія новому порядку вещей. Такого очень краткое, но точное резюме плана, занимающаго и въ той знаменитой брошюрѣ, откуда онъ извлеченъ, всего нѣсколько страницъ ¹⁾. Другіе писатели, которые выступаютъ послѣ Луи Блана, будутъ подробно развивать ту же самую идею, не забывая подчеркнуть трудности ея практическаго осуществленія ²⁾. Луи Бланъ обладаетъ искусствомъ не распространяться слишкомъ подробно. Это искусство, ко-

должна быть равной для всѣхъ. Предметы дѣятельности и іерархія должны сначала устанавливаться правительствомъ. По истеченіи года, долженъ примѣняться выборный принципъ, и проч. *Ibid.*, *loc. cit.*

¹⁾ Только что указанныхъ нами (сноска 2). Вся предшествующая часть брошюры посвящена доказательству необходимости великой реформы, слѣдующія же страницы — обсужденію возраженій.

²⁾ Ср. замѣчанія Пеккёра и Видаля, редактировавшихъ *Exposé général* взглядовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе Коммиссіи труда 1848 года. — Louis Blanc, *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 76—139).

торое считается необходимымъ для писателя, можно бы считать столь же необходимымъ и для реформатора.

При всей краткости указаній Луи Блана относительно организаціи труда, все же видно, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея оказывается увеличеніе власти государства. Но что такое государство? Чѣмъ должно быть оно въ подобной системѣ? Можно отвѣтить: всѣмъ.—Съ одной стороны, черезъ посредство общественныхъ мастерскихъ, оно—«верховный руководитель производства»¹⁾; съ другой—«банкиръ бѣдныхъ»²⁾, которыхъ оно должно снабжать орудіями труда. Найдется ли при этихъ условіяхъ хоть самая ничтожная область индивидуальной дѣятельности, которая могла бы избѣжать его вмѣшательства? Нѣтъ,—такъ какъ его вмѣшательство необходимо повсюду, гдѣ «слѣдуетъ уравнивать права и гарантировать интересы», и такъ какъ оно должно «поставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія»³⁾.

Здѣсь, однако, слѣдуетъ сдѣлать одно важное замѣчаніе. Луи Бланъ различаетъ двѣ эпохи: когда государство имѣло свои собственные интересы, отличные отъ интересовъ своихъ членовъ, и когда оно, будучи «демократически организовано», становится всѣмъ народомъ, и не имѣетъ болѣе собственныхъ интересовъ⁴⁾. Какъ тогда называть его *испо-*

¹⁾ *Organisation du travail* (стр. 102).

²⁾ *Ibid.* (стр. 14).

³⁾ *Exposé général* и проч. въ *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 86, 89—90, 111, 188).

⁴⁾ См. сочиненіе подъ заглавіемъ *Le Catéchisme des socialistes* (*Questions*, 5-й отдѣлъ, стр. 222—223).

диномъ? На самомъ дѣлѣ, оно является настоящимъ слугой.

Это послѣднее выраженіе очень характерно. Оно во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ мысли индивидуалистовъ XVIII вѣка, которые взывали къ помощи государства во имя наибольшей пользы индивидуума. Кромѣ того, оно не брошено здѣсь лишь мимоходомъ. Луи Бланъ дѣлаетъ по этому поводу много оговорокъ и разъясненій. Не обвиняйте меня, говоритъ онъ, въ томъ, будто я поддерживаю мысль, что государство должно захватить въ свои руки всю промышленность: я лишь утверждаю, что оно должно дѣйствовать, какъ добрый «опекунъ» ¹⁾ невѣжды, слабаго, несчастнаго, и «взять на себя инициативу» революціи, которая замѣнитъ «принципомъ ассоціаціи принципъ индивидуализма» ²⁾. Но ассоціація не разрушаетъ ни чувства индивидуальности, ни его полезныхъ результатовъ ³⁾. Луи Бланъ отрицаетъ, будто онъ мечтаетъ объ «общественномъ автоматизмѣ».

В.— „Что такое государство? О.— Это собраніе лучшихъ людей, избранныхъ равными имъ для руководства движеніемъ всѣхъ по пути свободы.—В.— Не возбуждаетъ ли слово государство мысли о тиранніи?—О.— Да, всюду, гдѣ власть—одна сторона, народъ другая..., но въ новомъ мірѣ, о которомъ мечтаютъ социалисты, государство — это народъ, самъ управляющій своими дѣлами, чрезъ своихъ делегатовъ...“

¹⁾ *Discours aux Délégations des travailleurs* (29 апрѣля 1848 г.). См. *Questions*, 5-й отд. (стр. 146—147).

²⁾ См. часто повторяемые Луи Бланомъ разъясненія по поводу ограниченнаго и временнаго вмѣшательства государства. *Organisation du travail* (стр. 15, 102, 105, 161).— Ср. *Questions*, 5-й отд. (стр. 45).

³⁾ *Le socialisme: droit au travail* (стр. 65). — См. *Questions*, 5-й отд. (стр. 148) похвалу правильно понятому личному интересу.

Онъ не желаетъ «жизни, приводимой въ движеніе пружинами» ¹⁾. Онъ всегда считалъ извѣстныя вольности стоящими «выше права большинства и абсолютно неприкосновенными» ²⁾.

Всѣ эти разъясненія находятся у Луи Блана, и объ нихъ слѣдуетъ напомнить, такъ какъ его противники систематически оставляли въ тѣни эту сторону его ученія. Но съ другой стороны, сколько у него мѣсть, гдѣ, теряя изъ виду свою собственную формулу, онъ говоритъ о государствѣ, какъ о владѣльцѣ, и рассматриваетъ его, какъ такового! Напримеръ, когда онъ настаиваетъ на необходимости предоставить государству «большую силу» ³⁾; когда онъ старается «реабилитировать принципъ власти» ⁴⁾; когда онъ хвалитъ школу сэнъ-симонистовъ за то, что они еще до него шли по тому же пути ⁵⁾; когда онъ порицаетъ либеральную оппозицію за то, что во

¹⁾ *Organisation du travail* (стр. 139 — 140) и *Éclaircissements sur les Doctrines du Luxembourg* (*Questions*, 5-й отд., стр. 160).

²⁾ „Свобода печати, свобода совѣсти, свобода ассоціаціи, право собраній, право на трудъ и вообще всѣ гарантіи, позволяющія меньшинству стать, въ свою очередь, большинствомъ, разъ оно имѣетъ на то основаніе и докажетъ его“. *Éclaircissements sur les Doctrines du Luxembourg* (*Questions*, 5-й отд., стр. 162).

Слѣдуетъ также замѣтить, что во время полемики, которая въ эпоху Третьей республики возникла около вопросовъ объ образованіи, Луи Бланъ отказывалъ государству въ монополіи первоначальнаго образованія, ссылаясь на Вильгельма Гумбольдта. *Conférence faite à Montpellier*, 25-го сентября 1879 года. (*Questions*, 5-й отд., стр. 419).

³⁾ *Organisation du travail* (стр. 102).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 20).

⁵⁾ *Histoire de dix ans* (т. III, стр. 96).

время Реставраціи она «ослабила власть» ¹⁾. Развѣ онъ не ставилъ въ упрекъ этой оппозиціи, столь достойной съ политической точки зрѣнія благодарности либеральныхъ умовъ, ея «гибельныхъ побѣдъ»? Развѣ онъ (рѣшительно осуждая административную централизацію) не требовалъ сильной политической централизаціи ²⁾? Развѣ онъ, наконецъ, не осудилъ, въ свою очередь, равноправіе вѣроисповѣданій и свободу преподаванія, какъ грубыя ошибки Хартіи 1830 года ³⁾?

Если государство обязано «руководить» какъ нравственными, такъ и матеріальными интересами общества, то неизбѣжно его вмѣшательство повсюду. Если устранить абстрактную идею права, то вольности, поставленныя Луи Бланомъ выше права большинства, неизбѣжно подвергнутся опасности, такъ какъ ихъ хранителями будутъ лишь расчетъ или мудрость самого государства.

И, тѣмъ не менѣе, мы составили бы о системѣ Луи Блана ложное представленіе, если бы не стали

¹⁾ *Histoire de dix ans* (т. I, стр. 123—129).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 276—277, 282).

³⁾ „Не слѣдуетъ смѣшивать свободу совѣсти съ равенствомъ вѣроисповѣданій. Совѣсть — святилище, котораго никто не долженъ осквернять; но отъ этого уваженія къ индивидуальному и домашнему культу еще далеко до уничтоженія всякой государственной религіи“. *Histoire de dix ans* (т. II, стр. 282, сноска).

А также (*Ibid.*, стр. 277): „Декретируя въ Хартіи равноправіе вѣроисповѣданій, свободу обученія, промышленную конкуренцію, онъ (палаты) уничтожили настоящую политическую централизацію и лишили государство одной изъ его наиболее естественныхъ, наиболее высокихъ, наиболее необходимыхъ прерогативъ“.

настаивать на его усиліяхъ, хотя бы нѣсколько, обезпечить индивидуальную свободу. Авторъ одного труда, написаннаго *ad casum*, заглавіе котораго обѣщаетъ исторію, а болѣе искренній подзаголовокъ заявляетъ о памфлетѣ ¹⁾, причисляетъ Луи Блана къ чистымъ коммунистамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ своей *Исторіи Революціи*, онъ сочувственно анализируетъ сочиненія своихъ «предшественниковъ» — Мабли и Морэлли ²⁾.

Это именно одно изъ тѣхъ совершенно неточныхъ сужденій, которыхъ много циркулируетъ о Луи Бланѣ. Внимательное чтеніе его сочиненій не позволило бы высказывать подобныхъ взглядовъ. Дѣйствительно, Луи Бланъ очень рѣшительно протестовалъ противъ химеры абсолютнаго равенства ³⁾ и противъ равенства раздѣла имуществъ ⁴⁾. Въмѣсто равенства, принципа коммунизма, онъ выставляетъ *пропорціональность*, называя послѣднюю «справедливымъ равенствомъ» ⁵⁾. Его формула иная, чѣмъ формула Сэнъ-Симона, «на первый взглядъ справедливая и мудрая, но въ дѣйствительности пагубная и несправедливая» ⁶⁾. Его формула гласитъ: *каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ*. Или также: *обязанность—пропорціонально способностямъ и*

¹⁾ A. Sudre, *Histoire du Communisme, ou Réfutation historique des utopies socialistes* (1849).

²⁾ *Ibid.* (стр. 392—393, 397).

³⁾ „Проповѣдывать абсолютное равенство было бы нелѣпостью“. *Organisation du travail* (стр. 141).

⁴⁾ „Раздѣлъ подобнаго рода... означалъ бы всеобщее разореніе“. *Le Catéchisme des socialistes (Questions, 5-й отдѣлъ, стр. 229).*

⁵⁾ *Discours du 3 avril 1848 (Questions, 5-й отд., стр. 73).*

⁶⁾ *Histoire de dix ans* (т. III, стр. 107—109).

силамъ, право — пропорціонально потребностямъ ¹⁾. «Справедливое равенство», о которомъ говоритъ Луи Бланъ, уже существуетъ въ семьѣ. Здѣсь каждый ребенокъ работаетъ и участвуетъ въ удовлетвореніи общихъ нуждъ, по мѣрѣ своихъ силъ. Когда приходитъ обѣденный часъ, наиболѣе голодный ѣстъ болѣе всѣхъ и никто изъ остальныхъ противъ этого не возражаетъ. Пусть общество организуется по образцу семьи, — «это все, чего добиваются социалисты» ²⁾.

Предположите, говоритъ онъ также, что пятьдесятъ семей, жившихъ ранѣе въ отвратительныхъ и нездоровыхъ лачужкахъ, поселились теперь въ великолѣпномъ дворцѣ. Послужить ли это причиной «ужасной неурядицы»? Развѣ зданіе не можетъ быть такъ устроено и раздѣлено, чтобы доставить «каждой семьѣ особое помѣщеніе, домашнимъ привязанностямъ — неприкосновенное святилище»? ³⁾ Предположите, далѣе, что, въ виду возможности экономіи, былъ бы примѣненъ принципъ совмѣстнаго веденія расходовъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что «было бы необходимо ѣсть изъ общаго котла»? Развѣ члены ассоціаціи не могли бы «потреблять свою часть жизненныхъ припасовъ посемейно»? ⁴⁾ Пусть не говорятъ о трудности раздѣла: его нѣтъ нужды и производить. «Вѣдь, для того, чтобы дышать, люди не дѣлятъ воздуха?» Какъ и воздухъ, богатство — «неограниченная величина». Человѣкъ увеличиваетъ его непрерывно. Пусть не указываютъ также, въ видѣ

¹⁾ *Histoire de dix ans* (т. III, стр. 110). — *Questions*, 5-й отдѣлъ (стр. 74).

²⁾ *Questions*, 5-й отд. (стр. 72—73, 197).

³⁾ *La formule du socialisme* (*Questions*, 5-й отд., стр. 206).

⁴⁾ *Ibid.* (*Questions*, 5-й отд., стр. 206).

возраженія, на возможность раздоровъ и соперничества. Тамъ, гдѣ всего въ изобиліи, никто не требуетъ больше необходимаго. «Почему тотъ, кто увѣренъ, что у него никогда ни въ чемъ не будетъ недостатка, сталъ бы стараться пріобрѣсти лишнее?» ¹⁾ Оптимизмъ Луи Блана находитъ, такимъ образомъ, отвѣтъ на всѣ затрудненія, и въ его фантастическомъ мірѣ легко устанавливается гармонія между свободой и властью.

Здѣсь—первая черта сходства между Луи Бланомъ и коллективистами. Она не единственная. Подобно коллективистамъ, Луи Бланъ признаетъ значеніе капитала. Подобно имъ, онъ хочетъ всецѣло передать его государству. Зарождающійся социализмъ не зналъ—или не хотѣлъ знать—пользы капитала. Онъ хотѣлъ уничтожить самое богатство, будучи увѣжденъ, что, уничтоживъ его, онъ уничтожитъ самый корень социальнаго зла. Луи Бланъ менѣе наивенъ. Онъ дѣлаетъ различіе между капиталистомъ и капиталомъ ²⁾. Капиталъ—необходимое орудіе прогресса, при условіи перехода его изъ частныхъ рукъ въ руки, — не ассоціацій трудящихся, такъ какъ при существованіи многихъ подобныхъ ассоціацій между ними необходимо возникаетъ борьба, конкуренція, а слѣдовательно, возрождается индивидуализмъ,—а въ руки одной только ассоціаціи, одной всеобщей ассоціаціи, распорядительницы всѣмъ производствомъ ³⁾.

¹⁾ Слова Томаса Мора. Луи Бланъ цитируетъ ихъ (*Questions*, 5-й отд., стр. 209).

²⁾ *Catéchisme des Socialistes* (*Questions*, 5-й отд., стр. 225). Другія черты сходства: уничтоженіе денегъ; обработка земли въ большихъ размѣрахъ; реабилитація машинъ и проч. (См. *Le Socialisme, droit au travail*, стр. 74—76 и *Questions*, 5-й отд., стр. 19, 229).

³⁾ *Organisation du travail* (стр. 81).

Критика индивидуализма, критика отрицательного характера философии XVIII вѣка ¹⁾, присуща всѣмъ системамъ разсматриваемаго нами времени. Картина промышленныхъ бѣдствій, которая даетъ Луи Блану такъ много, составлена на основаніи книги Бюрэ ²⁾. Критика торговли ³⁾ взята у Фурье, какъ и принципъ установленія гармоніи путемъ ассоціаціи ⁴⁾. Равнымъ образомъ, Луи Бланъ многое заимствуетъ у сэнъ-симонистовъ, начиная съ реабилитаціи плоти ⁵⁾— нужно ли говорить, что этотъ строгій мыслитель держится въ данномъ случаѣ въ безукоризненныхъ предѣлахъ?—и кончая самой идеей организаціи труда ⁶⁾. Изъ этихъ элементовъ, взятыхъ съ разныхъ сторонъ, Луи Бланъ создалъ доктрину, наиболее оригинальной чертой которой является, быть-можетъ, мысль о необходимости противодействовать вмѣшательству случая въ человѣческія дѣла и замѣнить его авторитетомъ науки. Разъ будетъ организована государствомъ «общественная мастерская», цѣна будетъ устанавливаться уже не конкуренціей, а «предусмотрительностью» государства. Такимъ образомъ, „господство случая будетъ замѣнено господствомъ знанія“ ⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ, выражая свою мысль болѣе точно и болѣе философски, онъ представляетъ организацію труда какъ средство избѣгнуть тиранніи,

1) См. *Questions*, 5-й отд. (стр. 27).

2) См. далѣе, гл. IV, стр. 333 и слѣд.

3) *Organisation du travail* (стр. 213).

4) *Ibid.* (стр. 8).

5) *Ibid.*, *Введение* (стр. 6 и 7).

6) Самая идея и выраженіе принадлежитъ имъ. *Doctrine de Sains-Simon*, 1-й годъ (стр. 89 и 194).

7) *Questions*, 5-й отд. (стр. 46 и 169).

«избавиться отъ которой труднѣе, чѣмъ отъ тиранніи Тиберія или Нерона: *тиранніи обстоятельство*» ¹⁾).

Эта формула придаетъ мысли Луи Блана ея оригинальность. Онъ хочетъ произвести въ экономическомъ строѣ столь же глубокое измѣненіе, какое философія XVIII вѣка и Революція произвели въ строѣ политическомъ. Задача *Общественнаго договора* сводилась къ доказательству той мысли, что какъ гражданское, такъ и политическое общество—результатъ собственной воли человѣка. Задачей французской Революціи было избавиться отъ того, что мы называли «реализмомъ» въ старой концепціи государства, и передѣлать традиціонное учрежденіе, вмѣсто того, чтобы прикрывать его недостатки, повторяя: все можетъ остаться по-старому, какъ и было искони. Равнымъ образомъ, реализму современныхъ экономистовъ Луи Бланъ противопоставляетъ идеалистическую социальную экономію. Однако онъ уже не говоритъ, какъ Руссо, что общество—лучшее произведеніе «человѣческаго искусства». Онъ говоритъ, что оно — лучшее произведеніе «человѣческаго знанія». Замѣна многозначительная. На основаніи этой и нѣсколькихъ другихъ, уже отмѣченныхъ нами, чертъ, можно сказать, что Луи Бланъ прокладываетъ путь тому социализму, который впослѣдствіи назоветъ себя *научнымъ*.

¹⁾ *Organisation du travail* (стр. 48).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣчто подобное говорилъ и Бюшэ: «*Laissez faire* можно перевести слѣдующими словами: *не слѣдуетъ вмешиваться въ господство случая*». *Introduction à la Science de l'Histoire* (т. I, стр. 487).

II.

На ряду съ Луи Бланомъ слѣдуетъ упомянуть двухъ писателей, идеи которыхъ должны были пріобрѣсти значеніе во Франціи, лишь получивъ въ Германіи своего рода натурализацію, безъ которой какой-либо системѣ трудно быть признанной у насъ. Пеккёръ и Видалъ, развивая идеи, въ зародышѣ заключающіяся въ ученіи Луи Блана, изложили, одинъ въ 1846 году, другой—въ 1842, доктрину чистаго коллективизма, однако — не на матеріалистической основѣ¹⁾.

Пеккёръ—благородный, но туманный умъ, болѣе воспріимчивый, чѣмъ сильный, который подчиняется всѣмъ вліяніямъ и повторяетъ всѣхъ своихъ учителей. Настроенный глубоко идеалистически, онъ легко выходитъ изъ области реального, и его концепціи отличаются большей химеричностью, чѣмъ концепціи почти всѣхъ его современниковъ²⁾.

Истинная задача XIX вѣка, по его мнѣнію, состоитъ не въ расширеніи производства, а въ распре-

1) P e s q u e u r, *Des améliorations matérielles dans leurs rapports avec la liberté* (1839).—*Théorie nouvelle d'Économie sociale et politique, ou Étude sur l'organisation des sociétés* (1842), 1 т., in 8° (XXV + 898 стр.).

V i d a l, *De la répartition des richesses ou de la justice distributive en économie sociale* (1846).—*Vivre en travaillant, projets, voies et moyens de réformes sociales* (1848).

2) Впрочемъ, онъ не стремится быть особенно вѣрнымъ дѣйствительности: «Мы отыскиваемъ формулу того, что должно быть, независимо отъ современнаго положенія Франціи и міра. По нашему мнѣнію, нѣтъ ничего важнѣе этого идеалистическаго и даже утопическаго изысканія». *Théorie nouvelle d'Économie sociale et politique, Введение* (стр. 1).

дѣленіи богатства¹⁾. Убѣжденный въ необходимости изучить эту проблему и разрѣшить ее, Пеккёръ, однако, отказывается принять коммунистическое рѣшеніе²⁾. Ему представляется безнравственнымъ, чтобы «несправедливые, эгоисты или порочные могли эксплуатировать справедливыхъ, самоотверженныхъ и добродѣтельныхъ»³⁾. Съ другой стороны, равенство, абсолютное равенство, предполагающее нивелировку присущихъ человѣку качествъ и способностей, ему кажется «соціальной чудовищностью»⁴⁾. Кромѣ того, подобно Луи Блану, онъ противникъ многочисленныхъ ассоціацій: онъ боится возрожденія и усиленія конкуренціи между ними⁵⁾. По его мнѣнію, ассоціація должна быть всеобщей: сначала въ каждой странѣ, а затѣмъ во всемъ мірѣ⁶⁾. Средство къ осуществленію ея состоитъ въ *обобществленіи* индивидуумовъ, земли и орудій труда.

Обобществлять индивидуумовъ⁷⁾—значитъ бороться противъ эгоизма и невѣжества, побуждающихъ человека къ обособленію. Обобществлять средства производства и землю⁸⁾—значитъ стремиться къ тому, чтобы земля и средства производства, «принадлежа всѣмъ вообще и никому въ особенности, завѣдывались, эксплуатировались и употреблялись въ дѣло подъ высшимъ руководствомъ представи-

1) Производство—«лишь условіе, средство; истинная цѣль—распредѣленіе». *Théorie nouvelle* (стр. 512).

2) *Théorie nouvelle*, Введ. (стр. XVIII).

3) *Ibid.* (стр. 177).

4) *Ibid.* (стр. 587).

5) *Ibid.* (стр. 441—443).

6) *Ibid.* (стр. 267).

7) *Ibid.* (стр. 178).

8) *Ibid.* (стр. 267—268, 357).

тельныхъ властей» ¹⁾). Въ этомъ первомъ опытѣ коллективистической организаціи чистосердечно высказывается мысль, которая будетъ впослѣдствіи играть большую роль у нѣмцевъ. По мнѣнію Пеккёра, всѣхъ членовъ общества необходимо поставить въ такое экономическое положеніе, въ какомъ находится громадное большинство производителей ²⁾). Рабочій идетъ на фабрику; онъ находитъ тамъ орудія труда, которыми не можетъ распоряжаться по своей фантазіи, такъ какъ эти орудія принадлежатъ «центру». Почему не могло бы быть того же самаго со всѣми средствами производства, каковы бы они ни были? И почему не могло бы существовать одного, единственнаго «центра», которому бы принадлежали всѣ орудія труда? Этимъ единственнымъ центромъ, разумѣется, должно быть государство ³⁾). Всѣ граждане станутъ тогда «должностными лицами» ⁴⁾). Каждый народъ образуетъ одну обширную экономическую, политическую, гражданскую ассоціацію: французскую, итальянскую, американскую ⁵⁾) и т. д. Позднѣе, благодаря прогрессу, націи соединятся между собой. Хотя Пеккёръ почти не занимается, по его собственному со-

¹⁾ *Théorie nouvelle* (стр. 432, 554).

²⁾ *Ibid.* (стр. 445—555).

³⁾ «Въ принципѣ, у націи долженъ быть только одинъ собственникъ, одинъ предприниматель, одинъ хозяинъ, одинъ капиталистъ - заимодавецъ, одно кредитное учрежденіе, именно—государство, народъ въ лицѣ своихъ представителей». *Ibid.* (стр. 565).

⁴⁾ «Каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ состоять на службѣ государства». *Ibid.* (стр. 576).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 575). Требуя обобществленія средствъ производства, Пеккёръ говоритъ также объ ихъ націонализаци. Это выраженіе находится *Ibid.* (стр. 675).

знанію, реальнимъ міромъ, однако онъ не упускаетъ случая замѣтить, — это также одинъ изъ существенныхъ элементовъ позднѣйшаго коллективизма, — что прогрессъ совершается въ указанномъ имъ направленіи, и что законодательство уже много сдѣлало именно для приближенія насъ къ такому рѣшенію¹⁾.

Я излагаю здѣсь взгляды Пеккёра только въ очень общихъ чертахъ; не потому, чтобы они не заслуживали ближайшаго разсмотрѣнія, но потому, что мы обязательно встрѣтимся съ ними, когда перейдемъ къ изученію современнаго коллективизма. Намъ важно было только показать, что большинство тезисовъ послѣдняго и даже его формулъ находятся въ этой малоизвѣстной, забытой и притомъ французской книгѣ. —

Книга Видаля меньше по объему и не такъ растянута, какъ книга Пеккёра. Она составлена съ бѣльшей методичностью, но выводы и точка отправленія у обоихъ авторовъ одинаковы.

Видаля критикуетъ принципъ конкуренціи и *laissez faire*²⁾. Онъ критикуетъ индустриализмъ и «чрезмѣрную торговую дѣятельность»³⁾. Вмѣстѣ съ Сисмонди онъ утверждаетъ, что политическая экономія должна быть не столько научной, сколько «моральной», и пренебрегать народами, занимаясь индивидуумами⁴⁾. Онъ показываетъ, что, отказываясь отъ «націи для науки», социалисты вступаютъ на путь, указанный еще

¹⁾ *Théorie nouvelle* (стр. 453).

²⁾ *De la répartition des richesses* (стр. 38—39).

³⁾ *Ibid.* (стр. 299).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 58). — Она должна быть не фізіологіей соціального тѣла, а его «терапевтикой и гігіеной». *Ibid.* (стр. 48). — См. похвалу Сисмонди (*Ibid.*, стр. 239 и сл.).

Кенэ¹⁾. Подобно имъ, онъ думаетъ, что общественная наука имѣетъ цѣлью «счастье человѣчества»²⁾; но столь же рѣшительно, какъ и Пеккёръ, онъ отдѣляетъ себя отъ коммунистовъ³⁾. Въстѣ съ Пеккёромъ, онъ превозноситъ единственную и всеобщую ассоціацію⁴⁾, обобществленіе орудій труда⁵⁾ и, подобно ему же, призываетъ къ принужденію, въ сущности, во имя свободы, «истинной» свободы⁶⁾.

Но относясь очень трезво къ путямъ и средствамъ выполненія⁷⁾, Видалъ признаетъ, что для осуществленія подобнаго преобразования необходимо время⁸⁾, что мы находимся еще въ теоретическомъ періодѣ, что мы «теоретики», а не «практики»⁹⁾.

Въ одномъ пунктѣ капитальной важности предшественники коллективизма затрогиваютъ чувствительное мѣсто оспариваемой ими доктрины.

Дробленіе земельной собственности давно уже рассматривалось какъ результатъ Революціи по преимуществу. Указать вредъ, скрытый въ раздѣлѣ земельной собственности, въ этомъ, по выраженію Мишле, «бракъ человѣка съ землею», на который онъ смотритъ не только какъ на одно изъ благодѣяній

1) *De la répartition des richesses* (стр. 37).—Ср. *Предисловіе* (стр. IV—V).

2) *Ibid.* (стр. 25).

3) Вотъ утописты по преимуществу...» *Ibid.* (стр. 349).

4) *Ibid.* (стр. 389, 247).

5) Это выраженіе часто встрѣчается у него. *Ibid.* (стр. 390 и слѣд.).

6) *Ibid.* (стр. 40).

7) См. главу VII, 3-й части (*Ibid.*, стр. 486), гдѣ Видалъ указываетъ мѣры, которыя считаетъ примѣнимыми, и настаиваетъ особенно на земледѣльческихъ колоніяхъ.

8) *Ibid.* (стр. 457)

9) *Ibid.* (стр. 306).

Революціи, но и какъ на одну изъ наиболѣе прочныхъ и дѣйствительныхъ гарантій установленнаго ею соціальнаго строя, указать это—значить нанести новому порядку ударъ прямо въ самое сердце. Это сдѣлали Пеккёръ и Видаль.

Безъ сомнѣнія, превознося ассоціацію землепашцевъ, земледѣльческія колоніи, обобществленіе земли, они стремятся не уничтожить собственность, а приобщить къ ней всѣхъ безъ исключенія. Это стремленіе будетъ все болѣе и болѣе обнаруживаться у ихъ преемниковъ, и современный коллективизмъ напрягаетъ всѣ усилія своей діалектики, чтобы примирить съ общими принципами доктрины явную склонность крестьянина, особенно во Франціи, крѣпко сидѣть на своемъ участкѣ земли. Несомнѣнно, однако, что нравственные результаты мелкой собственности, которые, главнымъ образомъ, и имѣетъ въ виду Мишле, являются отчасти результатомъ тѣхъ самыхъ затрудненій, съ которыми ежедневно сталкивается собственникъ въ своей дѣятельности. Уничтожьте эти затрудненія, замѣните мелкую культуру крупной, и вы сейчасъ же лишитесь очень желательныхъ результатовъ. Какое сходство между крестьяниномъ-должностнымъ лицомъ и крестьяниномъ-собственникомъ? Въ сущности, коллективисты не отрицаютъ, что разни́ца тутъ громадна, и именно потому, что они желаютъ ея осуществленія, они добиваются уничтоженія сопровождающихъ пользованіе правомъ частной собственности или порождаемыхъ имъ чувствъ и идей и относятся все болѣе и болѣе враждебно къ мелкому землевладѣнію.

Отмѣтимъ у Пеккёра и Видаля стремленіе, подобно Луи Блану, обезпечить извѣстное мѣсто индиви-

дуальной свободѣ. Между тѣмъ, какъ коммунисты предоставляютъ индивидуума связаннымъ по рукамъ и ногамъ государству, которое обязано за него мыслить, хотѣть и дѣйствовать, первые коллективисты стараются не причинять непоправимаго вреда его свободѣ. Эта идея еще не вполне созрѣла у нихъ, еще не нашла совершенно яснаго выраженія, но они бросили въ землю зерно, которое должно было дать ростки ¹⁾.

III.

Изъ всѣхъ произведеній коммунистической литературы, столь обильной около 1848 года, выдается одно лишь *Путешествіе въ Икарію* ²⁾, и имя Кабэ является въ настоящее время символомъ тогдашняго коллективизма, хотя Кабэ былъ лишь однимъ изъ представителей этого ученія, и притомъ—изъ наиболее умѣренныхъ ³⁾.

Кореннымъ порокомъ общества, по мнѣнію Кабэ, слѣдуетъ считать не столько конкуренцію ⁴⁾, сколько неравенство. Будучи источникомъ всѣхъ золъ, дѣлающихъ людей несчастными, неравенство подверглось рѣшительному осужденію мыслителей, вождей революцій, основателей религій. Напротивъ того, равенство, братство, или демократія,—мы узнаемъ здѣсь формулы Пьера Лёру, — неустанно проповѣдывались міру, начиная съ возникновенія

¹⁾ См. далѣе, кн. IV, гл. III.

²⁾ *Voyage en Icarie* (1842).—*Le vrai christianisme suivant Jésus-Christ* (1847).

³⁾ См. Sudre, *Histoire du Communisme* (стр. 364).

⁴⁾ *Voyage en Icarie*, 5-е изд., *Предисловіе* (стр. I—II).

христіанскаго общества и даже еще самимъ Христомъ. Кабэ написалъ не *Новое Христіанство*, какъ Сэнъ-Симонъ, а *Истинное Христіанство* ¹⁾. Онъ стремится доказать здѣсь, что основные тезисы коммунизма, отъ абсолютнаго равенства имуществъ до уничтоженія денегъ ²⁾, находятся въ Евангеліи, что самъ Христосъ былъ коммунистомъ, и что, слѣдовательно, «никто не можетъ считать себя христіаниномъ, если онъ не коммунистъ» ³⁾.

Съ другой стороны, «именно коммунизмъ долженъ особенно прославлять, любить и ставить въ примѣръ Іисуса Христа и его ученіе» ⁴⁾. Не слѣдуетъ удивляться, что Кабэ, принявъ за точку отправленія эти немногія апріорныя утвержденія, построилъ воображаемое государство и до послѣднихъ подробностей описалъ его организацію. Онъ допускаетъ, однако, что, давая очеркъ государственнаго строя икарійцевъ, съ перваго раза могъ не найти совершенной коммунистической организаціи, и потому предлагаетъ ее лишь какъ примѣръ ⁵⁾. Кромѣ того,

¹⁾ Онъ самъ подчеркиваетъ разницу: «Мы хотимъ не выдумать новое христіанство, а изложить истинное». *Vrai christianisme*, 2-е изд. (стр. 5).

²⁾ *Ibid.* (стр. 216, 285).

³⁾ «Да, Іисусъ Христосъ — коммунистъ». *Ibid.* (стр. 620).—

Ср. Villegardelle, *Histoire des idées sociales avant la Révolution française, ou les socialistes modernes devancés et dépassés par les anciens penseurs et philosophes, avec textes à l'appui* (1846). Здѣсь именно собраны тексты въ пользу коммунизма, взятые у отцовъ церкви, тексты, которыми стали часто злоупотреблять при цитированіи. (См. гл. III и IV этого собранія).

⁴⁾ *Vrai christianisme* (стр. 629).

⁵⁾ *Voyage en Icarie, Préface* (стр. IV).

онъ охотно готовъ признать, что современныя общества не могутъ сейчасъ же подчиниться подобному режиму, и что необходимо принять «переходныя мѣры»¹⁾. Сдѣлавъ эту двойную уступку духу позитивизма и чувству дѣйствительности, Кабэ, очертя голову, бросается въ область химеръ.

Одна черта особенно поражаетъ, когда читаешь *Путешествіе въ Икарію*. Это—чрезвычайная важность, приписываемая авторомъ мѣрамъ, которыя способствуютъ удобству и пріятности жизни обитателей этой привилегированной страны. Описаніе удовольствій, комфорта и гигиеническихъ условій занимаетъ первую часть книги. И только описавъ намъ въ подробностяхъ одежду, пищу, жилища, меблировку, средства передвиженія и общественныя работы, Кабэ рассказываетъ намъ объ умственной и нравственной жизни икарійцевъ. Объясняется ли такой порядокъ изложенія исключительно дидактическими соображеніями? Переходитъ ли авторъ отъ простаго къ сложному, отъ внѣшняго къ внутреннему; или скорѣе здѣсь слѣдуетъ видѣть пристрастіе, общее всѣмъ, изучаемымъ нами въ настоящую минуту школамъ, и даже какъ бы необходимое условіе, дѣлающее возможными и выносимыми всѣ эти восхваленія принципа власти? Предоставьте мнѣ абсолютную власть, какъ бы говорить государство, а я вамъ, взамѣнъ этого, обеспечу всѣ матеріальныя блага. Печальный договоръ, который гражданинъ не можетъ подписать, не унижая себя.

¹⁾ Продолжительность переходнаго состоянія будетъ равна «30, 50 или 100 годамъ, въ зависимости отъ страны». *Ibid.*, (стр. 560). — Особенности переходнаго состоянія изложены *Ibid.* (стр. 358 и сл.).

Въ Икаріи каждый житель — должностное лицо, избравшее родъ своей дѣятельности изъ числа различныхъ полезныхъ отраслей дѣятельности, одинаково уважаемыхъ и вознаграждаемыхъ ¹⁾). Республика назначаетъ родъ и размѣры работы, возлагаемой ею на своихъ служащихъ ²⁾). Являясь абсолютнымъ господиномъ промышленности ³⁾), а слѣдовательно, и матеріальной жизни своихъ гражданъ, республика господствуетъ также и надъ ихъ мыслью. Свободы печати не существуетъ ⁴⁾): къ чему она въ государствѣ, гдѣ злоупотребленія невозможны? Царствуетъ тожество религіозныхъ вѣрованій, хотя религія отличается странностями и имѣетъ лишь отдаленное сходство съ христіанствомъ ⁵⁾). Это тожество — добровольное, а не вынужденное: ничто не препятствовало бы свободѣ вѣры, но секты рѣдки и сектанты очень немногочисленны.

Мы напрасно стали бы искать у Кабэ хоть слабую попытку предоставить какое-либо мѣсто свободѣ. Общество должно обезпечить общанное благосостояніе. Для этого ему необходимо «сосредоточить все въ своей власти, всемъ располагать и управлять,

1) «Республика, которая, на основаніи статистическихъ данныхъ, знаетъ число необходимыхъ въ каждой профессіи рабочихъ рукъ, ежегодно публикуетъ соотвѣтствующие списки для каждой коммуны и приглашаетъ молодыхъ людей 18-лѣтняго возраста дѣлать выборъ. Въ случаѣ конкуренціи, профессіи распредѣляются путемъ конкурсныхъ экзаменовъ и согласно приговору самихъ конкурирующихъ, избранныхъ въ качествѣ жюри». *Voyage en Icarie* (стр. 106).

2) *Ibid.* (стр. 100).

3) См. подробности, *Ibid.* (стр. 35 и сл.).

4) *Ibid.* (стр. 197).

5) *Ibid.* (стр. 165 и сл.).

подчинить волю и дѣйствія каждаго своимъ правиламъ, порядку и дисциплинѣ¹⁾. Однако, уваженіе, внушаемое словомъ «свобода», таково, что Кабэ протестуетъ, будто онъ ею пренебрегаетъ. Но онъ понимаетъ ее превратно. «Свобода,—говоритъ онъ,—«это право дѣлать все, что не запрещено природой, разумомъ и обществомъ, и воздерживаться отъ всего, что ими не разрѣшено»²⁾. Съ «природой» и «разумомъ» можно еще спорить, но съ «обществомъ» нельзя, и я перестаю быть свободнымъ, если у меня нѣтъ другой свободы, кромѣ той, какую оно соизволить мнѣ предоставить.

IV.

Принято сближать современный социализмъ съ античнымъ. Будучи очень спорной уже по отношенію къ Мабли и Морэлли, которые все же вдохновлялись греческой мыслью, такая преемственность не можетъ быть принята по отношенію къ Луи Блану, Пеккёру, Видалю и даже Кабэ.

Греческій социализмъ—суровая, аскетическая доктрина, безжалостная къ индивидууму, права, интересы и наслажденія котораго она приносить въ жертву государственному интересу и величію. Для Платона индивидуальное желаніе имѣетъ мало значенія: онъ совершенно спокойно подавляетъ его, сокращаетъ, уничтожаетъ. Его ученіе, дѣйствительно, слѣдуетъ назвать *соціальнымъ*, но лишь въ томъ смыслѣ, что въ его глазахъ имѣетъ цѣну лишь то, замкнутое въ тѣсныхъ предѣлахъ, общество, государ-

¹⁾ *Voyage en Icarie* (стр. 403).

²⁾ *Ibid.* (стр. 404).

ство-городъ, которое онъ имѣетъ въ виду. Напротивъ того, что мы находимъ у Кабэ, Пеккёра, Луи Блана и другихъ, какъ не господствующее, исключительное стремленіе къ удовлетворенію индивидуальнаго благосостоянія? Безъ сомнѣнія, они еще не относятся къ морали индифферентно, подобно своимъ будущимъ послѣдователямъ. Они еще мечтаютъ дать индивидууму иныя наслажденія, кромѣ наслажденій матеріальныхъ, а въ этомъ сказывается вліяніе ихъ времени; но уже у нихъ стремленіе жертвовать всѣмъ для государства необыкновенно уменьшается. Всякій слѣдъ аскетизма исчезаетъ. Дѣло идетъ лишь о распредѣленіи, съ соблюденіемъ наилучшей или, по крайней мѣрѣ, считаемой за таковую экономіи, всей суммы благъ между алчущими ихъ индивидуумами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Экономисты-диссенденты.

Въ большинствѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами школъ протестъ противъ крайностей конкуренціи вызывается столько же эстетическимъ, сколько и моральнымъ чувствомъ. Мы слышимъ тутъ сожалѣнія объ отсутствіи правильно организованнаго общественнаго строя, когда іерархія ученыхъ каждому назначала бы его мѣсто, каждому предоставляла бы его долю труда и наслажденій, и выраженіе желаній его осуществленія.

У публицистовъ, къ изученію которыхъ мы обращаемся теперь, «соціальныхъ экономистовъ»¹⁾, какъ называетъ ихъ Бланки, желая показать этимъ, что, хотя они и не соціалисты, но все же расположены къ соціалистическимъ требованіямъ, протестъ противъ конкуренціи вызывается прежде всего моральнымъ чувствомъ, глубокимъ состраданіемъ къ бѣд-

¹⁾ Blanqui, *Histoire de l'Économie politique* (т. II, стр. 229, 3-е изд.).

В. Malon, *Socialisme intégral* (т. I, стр. 168) называетъ ихъ «экономистами французской школы», въ противоположность болѣе безстрастной «англійской школѣ».

ствіямъ рабочаго класса. Прибавьте къ этому также вліяніе взглядовъ Мальтуса и Рикардо. Одинъ своей теоріей ренты, другой своей теоріей населенія раскрываютъ слабыя стороны оптимистической гипотезы Смита. Если земельный собственникъ дѣйствительно занимаетъ такое привилегированное положеніе, какъ указываетъ Рикардо, то не справедливо ли, чтобы государство вмѣшалось и возстановило нарушенное равновѣсіе? Если отношеніе между богатствомъ и населеніемъ таково, какъ говоритъ Мальтусъ, то можно ли всецѣло возложить на «природу» заботу о распредѣленіи населенія, и не должна ли сюда вмѣшаться человѣческая предусмотрительность? Вотъ двѣ страшно зіяющія «пробоины» ¹⁾ въ чистой экономической наукѣ, которыя должны были все болѣе расширяться, и чрезъ которыя должны были проникнуть грозныя требованія, выставленныя уже Сисмонди, Вильнэвъ-Баржемономъ, Бюрэ и Бланки.

I.

Сисмонди ²⁾, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе значительный и оригинальный изъ экономистовъ-диссидентовъ, признаетъ, что онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, Англію, и что здѣсь именно онъ нашелъ и точку отправленія, и подтвержденіе своихъ

¹⁾ Espinas, *Histoire des Doctrines économiques* (стр. 296).

²⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique, ou De la Richesse dans ses rapports avec la population* (1820).—*Études sur les Sciences sociales* (1837).

Vidal (*De la Répartition des richesses*, стр. 241) справедливо отмѣтилъ связь, которая существуетъ между взглядами Sismondi и Herrenschan'da: *De l'Économie politique moderne* (Лондонъ, 1786; Парижъ, 1795).

взглядовъ¹⁾. Причина этого въ томъ, что зрѣлище, представляемое въ то время промышленностью, охваченной необузданной конкуренціей и систематическимъ перепроизводствомъ, было болѣе ужасающимъ въ Англіи, чѣмъ на континентѣ²⁾.

Чтобы отыскать средство противъ указываемыхъ имъ золъ, Сисмонди не колеблясь занимаетъ позицію, прямо противоположную позиціи Смита. Авторъ *Исцѣлдованія о богатствѣ народовъ* полагалъ: если общественное богатство будетъ возрастать,—а это обязательно случится, разъ правительство захочетъ предоставить теченіе событій самому себѣ,—то члены общества окажутся индивидуально благоденствующими. Сисмонди заявляетъ, что «накопленіе богатствъ въ государствѣ нельзя разсматривать *in abstracto*, какъ цель правительства», что носители власти призваны «помогать Провидѣнію увеличивать количество счастья на землѣ», обезпечивая всѣмъ гражданамъ участіе «въ наслажденіяхъ физическаго существованія, доставляемыхъ богатствомъ»³⁾. Нація не становится обязательно счастливѣе, когда у ней возрастаютъ производство, вывозъ или денежный капиталъ. «Общее благосостояніе обезпечивается пропорціональностью, правильнымъ соотношеніемъ между этими сторонами экономического прогресса»⁴⁾.

Не слѣдуетъ думать, будто Сисмонди становится на чисто теоретическую точку зрѣнія. Историческія

¹⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique*, предисловіе ко 2-му изданію (т. I, стр. 4).

²⁾ См. Blanqui, *Histoire de l'Économie politique* (т. II, стр. 227).

³⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. I, стр. 9 и 8).

⁴⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 238, 275—276).

работы приучили его придавать фактамъ чрезвычайно важное значеніе; поэтому онъ начинаетъ съ наблюденія надъ промышленнымъ и экономическимъ міромъ, находящимся у него передъ глазами. Онъ констатируетъ, что факты «не оправдали общаго ожиданія» ¹⁾. Ожидали возрастанія не только общаго благосостоянія, но и индивидуальнаго счастья. Что же мы видимъ? «Въ настоящее время трудъ и вознагражденіе за трудъ не совпадаютъ. Не одинъ и тотъ же человекъ работаетъ и затѣмъ отдыхаетъ; но такъ какъ одинъ работаетъ, другой долженъ отдыхать» ²⁾. Можно изумляться, что къ этой формулѣ потомъ не прибѣгали чаще. Она говоритъ все: она лучше схватываетъ общественное бѣдствіе, чѣмъ сэнъ-симоновское раздѣленіе на праздныхъ и трудящихся.

У Сисмонди есть своя собственная излюбленная теорія, развитію которой посвящена его книга, но которая насъ интересуетъ лишь постольку, поскольку она затрагиваетъ нашъ предметъ: это—теорія прибыли въ связи съ населеніемъ ³⁾.

Чтобы общественное богатство способствовало счастью всѣхъ, необходимо, чтобы «его возрастаніе сообразовалось съ ростомъ населенія, и чтобы его распредѣленіе происходило въ извѣстной пропорціи, которой нельзя было бы нарушить безъ крайней опасности». Необходимо, прибавляетъ Сисмонди, «чтобы прибыль возрастала вмѣстѣ съ капиталомъ, чтобы населеніе не превышало прибыли, которая

¹⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique*. Предисловіе ко 2-му изданію (т. I, стр. III).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 76).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 257 и сл.).

должна поддерживать его жизнь, чтобы потребление возрастало вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, и чтобы результаты производства были пропорціональны, съ одной стороны, производящему капиталу, съ другой—потребляющему населенію». Ни одно изъ этихъ «отношеній» не можетъ быть нарушено «независимо отъ прочихъ», «безъ вреда» для общества ¹⁾. Съ экономической точки зрѣнія съ этимъ можно было бы спорить. Такъ и дѣлали другіе, но наша задача иная: мы должны лишь показать, какимъ способомъ Сисмонди пытается поддержать постоянный и, съ его точки зрѣнія, необходимый между этими разнообразными отношеніями порядокъ. Дѣйствительно, такимъ именно путемъ онъ пришелъ къ чрезвычайному расширенію задачъ государства.

Государство должно постоянно бодрствовать надъ этими деликатными и хрупкими отношеніями между прибылью и населеніемъ, между потребленіемъ и количествомъ продуктовъ производства, чтобы дать возможность быть счастливыми наибольшему числу людей, и чтобы «возстановить связь между трудомъ и пользованіемъ его результатами», такъ какъ чрезвычайный ростъ промышленности «все болѣе и болѣе порывалъ эту связь» ²⁾. Это тѣмъ болѣе трудная задача, что всѣ современные публицисты, отождествляя счастье съ одной свободой, не переставали дискредитировать правительство, смотря на послѣднее «какъ на исконнаго врага свободы». Они утверждаютъ, что страна тѣмъ счастливѣе, чѣмъ менѣе ей управляютъ; что правительство, подобно налогу,

¹⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique*. Предисловіе ко 2-му изданію (т. I, стр. X—XI).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 273).

лишь «необходимое зло», и что усилия либераловъ «должны быть направлены къ его возможному ослабленію» ¹⁾. Необходимо, поэтому, прежде всего противодѣйствовать этой тенденціи, необходимо «призывать» правительственное вмѣшательство столь же рѣшительно, сколь рѣшительно Адамъ Смитъ его устраняетъ ²⁾, и возвратить ему «силу», несправедливо «отнятую» у него ³⁾.

Но разъ сила правительства будетъ восстановлена и его кредитъ возобновленъ, на что оно должно будетъ употребить его? Оно должно будетъ, прежде всего, перестать «содѣйствовать индустриализму» ⁴⁾, уничтожить безграничную конкуренцію, способствовать «организациіи труда» ⁵⁾, которая, не вводя вновь цехового строя ⁶⁾ — Сисмонди говоритъ, однако, о послѣднемъ съ признательностью, но не желаетъ его «возстановленія», такъ какъ «міръ никогда не надѣваетъ сброшенныхъ оковъ» ⁷⁾ — обезпечила бы трудящимся главныя выгоды «старой системы» ⁸⁾.

Это не все: Сисмонди касается также основъ собственности. Онъ показываетъ, что къ землѣ не слѣдуетъ относиться такъ же, какъ къ остальнымъ

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. I, стр. 193).

²⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 336).

³⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. I, стр. 48).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 365).

⁵⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. I, стр. 407, 414—415).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 428.)—Ср. *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 338—339).

⁷⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 361).

⁸⁾ См. подробности въ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 344).

предметамъ. Почему право собственности на землю санкціонируется обществомъ? Потому, что оно приноситъ обществу выгоду. Человѣкъ, который огораживаетъ поле и говоритъ: «это мое», оказываетъ услугу всѣмъ. Онъ даетъ возможность существовать также и тому, кто не имѣетъ своего поля, и кто не могъ бы жить, если бы поле перваго не доставляло излишка продуктовъ». Такимъ образомъ, узурпація въ данномъ случаѣ «благодѣтельна», и общество «хорошо дѣлаетъ, гарантируя ее». Съ другой стороны, изъ вышеприведеннаго разсужденія не слѣдуетъ, что земельная собственность опирается на какое-то «предшествующее естественное право». Она—«общественный даръ». Для подтвержденія этого взгляда Сисмонди, во-первыхъ, доказываетъ, что «земельная собственность не является полнымъ созданіемъ промышленности, какъ собственность на какое-либо произведеніе человѣка», а во-вторыхъ, ссылается на исторію, которая показываетъ, что очень многіе народы не знали присвоенія земли». Но, если это такъ, то общество, которое «беретъ подъ свое покровительство» земельныхъ собственниковъ, должно поставить дѣлаемое имъ пожалованіе въ зависимость отъ «условій», вытекающихъ изъ «духа самаго этого пожалованія». Оно должно подчинить земельную собственность законодательству, «при которомъ она существовала бы на благо всѣмъ» ¹⁾.

¹⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. I, стр. 159 — 160 и 203).

Правительство должно благопріятствовать развитію земледѣлія, слѣдить за способами эксплуатаціи и, путемъ ряда законодательныхъ актовъ, ограничить самое право собственника (см. *Ibid.*, кн. III).

Такимъ образомъ, Сисмонди требуетъ отъ государства вмѣшательства въ промышленность, торговлю, организацію труда, порядокъ землевладѣнія. Онъ требуетъ отъ него, кромѣ того, заботы о томъ, чтобы «классъ, живущій умственнымъ трудомъ... чрезмѣрно не размножался», такъ какъ страданія развитыхъ и образованныхъ людей, въ случаѣ недостатка хлѣба, гораздо болѣе мучительны, чѣмъ страданія всякаго другого разряда людей» ¹⁾. Это не недовѣріе къ просвѣщенію, а сочувствіе къ страданіямъ людей и желаніе счастья наивозможно большому числу изъ нихъ. Чтобы добиться такого результата, Сисмонди не колеблясь обращается съ многократными призывами къ власти.

Онъ приписываетъ себѣ или своимъ противникамъ—напримѣръ, Ж. Б. Сэю—два довода, которые, по его мнѣнію, превосходно оправдываютъ его принципъ. Первый—тотъ, что въ числѣ вольностей, всегда столь достойныхъ уваженія,—Сисмонди высказываетъ уваженіе къ свободѣ, даже уничтожая ее,—многія являются «дарами общества», которые не могли бы существовать у «дикаго человѣка» и могутъ быть «измѣнены тою же самою публичною властью, которая ихъ гарантируетъ» ²⁾. Второй — тотъ, что, въ дѣйствительности, правительство никогда «не оставалось нейтральнымъ». Поэтому, когда требуютъ его вмѣшательства въ настоящее время, то это не значить, что его хотятъ втянуть въ дѣла, которыя ему были до сихъ поръ чужды, а хотятъ побудить его «уничтожить сдѣланное имъ зло... измѣнить создан-

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 256).

²⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 339).

ное имъ положеніе вещей» ¹⁾. «Все, что является результатомъ нашей дѣятельности, — говоритъ онъ также, счастливо формулируя свою мысль, — подчинено нашей критикѣ, и власть законодателя простирается, главнымъ образомъ, на злоупотребленія, являющіяся результатомъ его законовъ» ²⁾. Напоминая эту элементарную, но слишкомъ часто забываемую истину (т.-е., что государство стоитъ не предъ лицомъ совершенно новаго и чуждаго ему міра, чѣмъ можно было бы объяснить требованіе не касаться этого міра и въ настоящее время, а напротивъ того, предъ лицомъ міра, ему близкаго и требующаго, по-этому, его воздѣйствій) Сисмонди пускаетъ въ обращеніе принципъ чрезвычайной важности.

Тотъ же самый человекъ, который въ политической экономіи борется противъ *laissez faire* и проповѣдуетъ постоянное вмѣшательство государства, въ политикѣ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ народнаго верховенства въ духѣ Руссо. Все по тѣмъ же самымъ основаніямъ, онъ отдаетъ предпочтеніе фактамъ предъ абстрактными теоріями. Но народное верховенство, «необходимымъ» слѣдствіемъ котораго, по мнѣнію Сисмонди, является всеобщее избирательное право ³⁾, и есть не что иное, какъ абстракція самой чистой воды. Въ дѣйствительности каждая нація представляетъ изъ себя «цѣлое, составленное изъ разнородныхъ частей». Каждая часть обладаетъ своей волей. Роль законодателя состоитъ въ томъ, чтобы «гармонически слить эти воли въ

¹⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique*. Поясненіе (т. II, стр. 463).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 347).

³⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. I, стр. 90).

одну», считаясь съ народнымъ желаніемъ ¹⁾. Сисмонди выставляетъ противъ всеобщаго избирательнаго права массу возраженій. Оно «принижаетъ» все, что стремится возвыситься ²⁾, и, «смотря на людей, какъ на простыя цифры, какъ на равныя единицы, считаетъ ихъ, вмѣсто того, чтобы взвѣшивать» ³⁾. На подчиненіе меньшинства большинству нельзя смотрѣть, какъ на естественное право ⁴⁾. Оно — лишь результатъ спорнаго соглашенія. Кромѣ того, всеобщее избирательное право имѣетъ противуреволюціонный характеръ ⁵⁾.

Какимъ же образомъ, по мнѣнію Сисмонди, народное желаніе замѣняетъ всеобщее избирательное право? «Существомъ свободы» слѣдуетъ считать скорѣе право «возвышать голосъ», чѣмъ право подавать его. Истинное народное верховенство — «это господство народнаго разума» ⁶⁾. Въ политикѣ Сисмонди сходится съ доктринерами. Подобно имъ, онъ вѣритъ въ верховенство разума ⁷⁾. Подобно имъ, онъ хочетъ организовать представительство интересовъ, а не представительство партій ⁸⁾, и, подобно имъ,

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. I, стр. 90).

²⁾ «Управлять должны люди мыслящіе... Вводить невѣждъ въ національные совѣты значитъ выпускать на арену для борьбы съ гладіаторами безоружныхъ людей» и проч. *Ibid.* (т. I, стр. 312).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 54).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 303, 74).

⁵⁾ «Если бы гражданская и религіозная свобода во Франціи стояли въ связи съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, то духовенство и короли выиграли бы отъ этого, и свобода скоро была бы потеряна». (*Ibid.*, т. I, стр. 87).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 111).

⁷⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 84).

⁸⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 137).

смотреть на представительство интересовъ не только, какъ на гарантію хорошаго строя, но и какъ на гарантію «политической свободы», въ высшей степени благопріятствующей развитію нравственности народовъ ¹⁾. Разница между нимъ и доктринерами въ томъ, что послѣдніе хоть отчасти индивидуалисты, тогда какъ онъ безусловно нѣтъ.

Если Сисмонди хочетъ создать политическую свободу, опираясь на представительство интересовъ, на выраженіе народнаго желанія и на господство народнаго разума, то причиной этого служить не мысль о правѣ народа вмѣшиваться въ свою собственную судьбу, а мысль о «правѣ народа освѣщать съ возможной ясностью всѣ вопросы, подлежащіе его рѣшенію» ²⁾,—говоря иначе, о правѣ наилучшимъ образомъ руководить своими интересами. По тѣмъ же соображеніямъ, власть должна быть сильной. А такъ какъ цѣль общества—забота о всеобщемъ счастіи, то его права «ограничены самой этой цѣлью». «Между обществомъ и его членами существуетъ своего рода молчаливый договоръ, согласно которому каждый ставитъ границы своему повиновенію, или, что то же, границы власти правительства по отношенію къ нему». Общество ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права «на совѣсть и добродѣтель» своихъ членовъ. Но того же самаго нельзя сказать объ ихъ счастіи и жизни. Ибо «какова бы ни была цѣна жизни отдѣльнаго индивидуума, жизнь государства еще драгоцѣннѣе, и общество имѣетъ, поэтому, право жертвовать частью для цѣлаго» ³⁾. За исключеніемъ

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. I, стр. 23).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 143, 132).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 36—37).

«нравственной области», гдѣ, по сильному выраженію Сисмонди, «добродѣтель индивидуума — самостоятельное цѣлое», государство выше гражданина.

Въ общемъ, по мнѣнію Сисмонди, слѣдуетъ противодѣйствовать двумъ важнымъ «заблужденіямъ» ¹⁾: въ политической экономіи—заблужденію, вызываемому индустриализмомъ; въ политикѣ—абстрактной теоріи народнаго верховенства ²⁾. Онъ является, такимъ образомъ, одновременно противникомъ и Смита и Руссо, противопоставляя требованію безграничной экономической свободы—право и обязанность государства, требованію всемогущества большинства—такой общественный порядокъ, который способенъ, (по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію) предотвратить всякіе эксцессы власти.

Сходясь въ своихъ выводахъ, политическая экономія и политика Сисмонди не чужды все же нѣкоторыхъ кажущихся разногласій. Чтобы установить между той и другой гармонію, нужно обратиться къ руководящей идеѣ Сисмонди, къ преобладающему у него утилитаризму, къ заботѣ о счастіи. Въ его глазахъ—политическая экономія «подробно разработанная теорія благотворительности», и «все то, что, въ конечномъ счетѣ, не касается человѣческаго счастія, не относится къ области этой науки» ³⁾. Въ политикѣ критеріемъ служитъ также общее счастіе. Человѣкъ отказывается отъ извѣстныхъ «правъ», чтобы обезпечить себѣ извѣстныя «выгоды». Если человѣкъ пойметъ, что «равное распредѣленіе поли-

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 226, 234).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 73).

³⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 250). — Ср. *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 226).

тическихъ правъ, всеобщее избирательное право... должно доставить торжество невѣжеству и нерадивости»; что «равный раздѣлъ имуществъ долженъ привести не къ избытку, а къ нищетѣ и всеобщему варварству»,—то онъ будетъ искать «не равенства политическихъ правъ, а мудрости народныхъ совѣтовъ», не равнаго раздѣла пріобрѣтенныхъ богатствъ, а обезпеченія постоянного общественнаго труда и повсемѣстнаго изобилія его продуктовъ»¹⁾. Не слѣдуетъ говорить,—прибавляетъ Сисмонди,—«того требуетъ принципъ», а «того требуетъ польза»²⁾. Такимъ образомъ, въ свою очередь, Сисмонди по-своему подрываетъ довѣріе къ абстрактному понятію права, не доходя, однако, подобно сэнъ-симонистамъ, до отрицанія свободы совѣсти.

Отличительной чертой Сисмонди слѣдуетъ считать, кромѣ того, стремленіе сохранить равновѣсіе между крайностями. Онъ соединяетъ чувство свободы съ живѣйшей склонностью къ государственному вмѣшательству. Онъ постоянно обращается къ человѣческой волѣ, и относится съ высокимъ уваженіемъ къ фактической необходимости, къ историческимъ условіямъ. Наконецъ, онъ признаетъ, что власть, которой онъ охотно готовъ предоставить все, «представляетъ, вообще говоря, продуктъ стеченія обстоятельствъ», что «ей можно пользоваться и располагать, когда она существуетъ, но нельзя ее создать»³⁾. Сисмонди и очень остороженъ, и очень смѣлъ. Смѣлъ до того, что имъ произнесены нѣкоторыя изъ

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. II, Предисловіе, стр. IX—X).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 71).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 235).

тѣхъ рѣшительныхъ выраженій, которыми впоследствии воспользовались социалисты ¹⁾. Остороженъ, какъ политикъ, до того, что боится всякой революціи и заявляетъ, что народы должны стремиться къ постепенному прогрессу, «въ согласіи даже съ самыми дурными правительствами» ²⁾; до того, что отказывается отъ выводовъ изъ своего собственного принципа и чистосердечно признается, что, указавъ, «въ чемъ состоитъ справедливость», онъ не чувствуетъ себя способнымъ «указать средства къ ея осуществленію»; до того, что, по его словамъ, почти выше человѣческихъ силъ представить себѣ такой строй собственности, который абсолютно отличался бы отъ существующаго» ³⁾.

Впрочемъ, Сисмонди искрененъ въ этомъ смѣшеніи смѣлости и осторожности. Онъ задается вопросомъ, насколько онъ приближается и въ чемъ расходится съ Оуэномъ, Фурье и всѣми тѣми, кто, подобно ему самому, хотя и съ другой точки зрѣнія, стояли за ассоціацію ⁴⁾. Онъ много разъ извиняется, что нападаетъ на Адама Смита и, выступая противъ эконо-

¹⁾ Многія изъ нихъ я уже приводилъ. Вотъ, напримѣръ, еще одно. Изучая экономическія чудеса XIX вѣка,—говоритъ онъ,—«мы повсюду видимъ матеріальный прогрессъ, повсюду видимъ страданія людей». *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 220).

А вотъ еще. Этими словами заканчивается *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 464)... «Новое явленіе, представляемое богатыми націями, гдѣ народная нищета постоянно возрастаетъ вмѣстѣ съ матеріальнымъ богатствомъ, и гдѣ классъ, производящій все, съ каждымъ днемъ приближается къ полной нищетѣ».

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 376).

³⁾ *Nouveaux principes d'Économie politique* (т. II, стр. 364).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 365).

номистовъ, тщательно оговаривается, что «событія промышленнаго міра создаются не экономистами», а потому, послѣднимъ нельзя «приписывать страданій» трудящихся ¹⁾).

Онъ хорошо сознаетъ, и не скрываетъ этого, что имъ сказано достаточно для возбужденія всеобщаго недовольства и слишкомъ мало для полного удовлетворенія кого - либо. Съ нимъ не могутъ примириться ни чистые экономисты, такъ какъ онъ неоднократно осуждаетъ *laissez faire*, ни революціонеры, такъ какъ, даже требуя вмѣшательства закона, онъ ожидаетъ отъ него не непосредственныхъ результатовъ, а медленнаго и прогрессивнаго воздѣйствія ²⁾).

II.

Христіанская политическая экономія Вилльнэвъ-Баржемона ³⁾ имѣла въ глазахъ современниковъ такое важное значеніе, въ которомъ намъ довольно трудно дать себѣ отчетъ. Соціалисты цитируютъ этого писателя какъ авторитетъ ⁴⁾. Экономисты отводятъ ему почетное мѣсто ⁵⁾. Его книга длинна и переполнена цифровыми данными, не отличающимися новизной. Но его полемика противъ промышленной конкуренціи отличается живостью, и у него впервые выступаетъ христіанскій соціализмъ.

¹⁾ *Études sur les Sciences sociales* (т. III, стр. 211).

²⁾ *Ibid* III, стр. 336).

³⁾ *Économie politique chrétienne, ou Recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe, et sur les moyens de les soulager et de les prévenir* (1834).

⁴⁾ Louis Blanc, *Le socialisme, droit au travail* (стр. 46).

⁵⁾ Blanqui, *Histoire de l'Économie politique* (т. II, стр. 241).

Подобно Сисмонди, котораго онъ хвалить и, безъ достаточнаго основанія, выдаетъ за своего единомышленника ¹⁾, Вилльнэвъ-Баржемонъ полагаетъ, что экономическая проблема сводится, прежде всего, къ «справедливому распредѣленію богатства» ²⁾. Англійская политическая экономія, по его мнѣнію, не способна разрѣшить этой проблемы. Но между тѣмъ, какъ Сисмонди не обвинялъ экономистовъ въ бѣдствіяхъ промышленнаго пролетаріата, Вилльнэвъ-Баржемонъ склоненъ думать, что порождаемая конкуренціей бѣдствія «съ полнымъ правомъ могутъ быть приписаны самой наукѣ» ³⁾.

Рѣшеніе проблемы можетъ быть дано лишь новой наукой, содержащей «теорію счастья народовъ» ⁴⁾. Но счастье не состоитъ лишь въ обладаніи матеріальными благами. Важную роль играютъ здѣсь «нравственныя добродѣтели». Нельзя, поэтому, искать разрѣшенія загадки счастья въ наукѣ, «видящей смыслъ человѣческой жизни въ узкой сферѣ грубыхъ чувствъ и физическихъ наслажденій» ⁵⁾; разрушающей «связи, которыя должны соединять богатыхъ съ бѣдными»; лишающей трудъ «его моральной цѣли и справедливой надежды; иссушающей источники довольства рабочихъ классовъ, т.-е. трезвость; экономію, предусмотрительность и довольство своимъ заработкомъ» ⁶⁾. Теоріи Адама Смита, годныя, быть-можетъ, для «будущихъ вѣковъ», для временъ, когда

¹⁾ *Économie politique chrétienne* (т. I, стр. 131).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 582).

³⁾ *Ibid.* (т. I, Введеніе, стр. 81).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, Введеніе, стр. 81).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 582).

⁶⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 582).

«любовь къ покою не будетъ болѣе присуща чело-
вѣческой природѣ», когда земля станетъ «обширной
всемирной монархіей», въ настоящее время не мо-
гутъ привести къ «общественному строю, обеспе-
чивающему миръ и счастье челоѣческому роду» ¹⁾.

Вилльнэвъ - Баржемовъ не ограничивается лишь
этими общими жалобами. Онъ направляетъ свои усилія
на два пункта: во-первыхъ, онъ также требуетъ новой
организаціи труда, признавая выгодныя стороны той,
которую уничтожила Революція, но не добиваясь ея
возстановленія въ чистомъ видѣ ²⁾; затѣмъ, вмѣстѣ
съ «законодательствомъ для предупрежденія ни-
щеты», онъ требуетъ «оффиціальной и публичной»
организаціи благотворительности ³⁾. Въ этомъ именно,
собственно говоря, и заключается оригинальность его
книги и ея настоящая задача. «По нашему мнѣнію,
правительственное вмѣшательство въ дѣла благотво-
рительности требуется какъ религіей, такъ и поли-
тикой» ⁴⁾. Правители — это «видимые исполнители
воли Провидѣнія». Ихъ назначеніе — «обеспечивать
всѣмъ членамъ общества справедливость, защиту и
свободу. Авторъ прибавляетъ, что они должны про-
стирать свои заботы «болѣе на бѣдныхъ, чѣмъ на
богатыхъ, на слабыхъ еще болѣе, чѣмъ на сильныхъ». И онъ набрасываетъ планъ публичной организаціи
благотворительности, по которому правительство
«должно дѣлать все» ⁵⁾. Развѣ оно не «центръ про-

1) *Économie politique chrétienne* (т. I, *Введение*, стр. 81).

2) *Ibid.* (т. III, стр. 183).

3) *Ibid.* (т. III, стр. 154 и сл.).

4) *Ibid.* (т. II, стр. 395).

5) См. подробности этой организаціи, *Ibid.* (т. III, стр. 132
и сл.).

свѣщенія, силы и власти, лучи котораго могут проникать до отдаленнѣйшихъ окраинъ государства?» ¹⁾).

Пламенный призывъ къ государственному вмѣшательству, одушевленный протестъ въ пользу обездоленныхъ, живые нападки на любимцевъ счастья ²⁾— таково содержаніе идей Вилльнэвъ - Баржемона. Говоря о немъ, какъ о предтечѣ христіанскаго социализма, мы дѣлаемъ это потому, что онъ самъ старается отдѣлать себя отъ другихъ реформаторовъ своего времени, и въ особенности отъ сэнъ-симонистовъ. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они вдохновляются Спинозой ³⁾; но главнымъ образомъ, ссылаясь на ихъ слова о присущихъ имъ религіозныхъ потребностяхъ, онъ приглашаетъ ихъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ обновленію христіанства, присоединиться къ католической церкви ⁴⁾. Онъ самъ отмѣчаетъ свое мѣсто въ исторіи соціальныхъ теорій, когда, отозвавшись съ похвалою о «новой школѣ», начинающей образовываться во Франціи и «болѣе нравственной и гуманной», чѣмъ школа Смита, онъ приглашаетъ ее сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и «слить въ одно нераздѣльное цѣлое науку о мате-

¹⁾ *Économie politique chrétienne* (т. III, стр. 11).

²⁾ Онъ, въ свою очередь, говоритъ о «финансовомъ феодализмѣ...., болѣе деспотическомъ, въ тысячу разъ болѣе жестокимъ, чѣмъ феодализмъ среднихъ вѣковъ». *Ibid.* (т. I, стр. 389).

Вилльнэвъ - Баржемонъ, впрочемъ, ссылается на книгу, написанную ранѣе его и въ томъ же духѣ, гдѣ это выраженіе также употребляется, — именно книгу барона d'Haussez, — *La Grande-Bretagne en 1833*.

³⁾ *Économie politique chrétienne* (т. I, стр. 429).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 442).

ріальнихъ богатствахъ съ наукою о моральныхъ богатствахъ, положивъ въ основаніе великую цивилизующую стихію—христіанство» ¹⁾).

III.

Потокъ идей, увлекшій Вилльнэвъ-Баржемона и Сисмонди, отличается такой силой, что захватываетъ даже экономистовъ, принадлежащихъ къ господствующей школѣ — укажу хотя бы на Бланки — и вызываетъ появленіе книги, принадлежащей перу Бюрэ, въ которой социалисты найдутъ впослѣдствіи весь свой запасъ оружія для борьбы съ политической экономіей, хотя Бюрэ и не былъ, собственно говоря, социалистомъ.

Бланки связываютъ съ ортодоксальной политической экономіей тысячи нитей ²⁾. Онъ даже доводитъ оптимизмъ этой школы до крайнихъ предѣловъ. Если раздѣленіе труда осуждаетъ рабочаго готовить всю жизнь булавочныя головки и только, — что, несомнѣнно, должно дѣйствовать на него отупляющимъ образомъ, — то въ этомъ не слѣдуетъ, какъ можно было бы думать, винить раздѣленіе труда, въ настоящее время еще «не вполне» осуществившееся, а напротивъ того, ожидать всего отъ его дальнѣйшаго развитія ³⁾. Однако, проявляя столь безусловное довѣріе къ будущему, Бланки не закрываетъ глазъ на то, что настоящее оставляетъ желать многого.

¹⁾ *Économie politique chrétienne* (т. I, Введеніе, стр. 82—83).

²⁾ *Histoire de l'Économie politique en Europe* (1837). — *Cours d'Économie industrielle*.

³⁾ *Cours d'Économie industrielle* (т. I, стр. 70).

Теорія народонаселенія Мальтуса, или, по крайней мѣрѣ, ея выводы и приложенія, кажутся ему очень спорными. Онъ одобряетъ попытку Сисмонди «снова ввести въ нѣдра общества тотъ многочисленный классъ, у котораго Мальтусъ хотѣлъ отнять мѣсто за общимъ столомъ» ¹⁾. По поводу разногласія между Сисмонди и англійской школой, онъ принимаетъ сторону Сисмонди, если не во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ взгляды послѣдняго ему кажутся иногда слишкомъ крайними ²⁾, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ ихъ общей тенденціи, которую онъ считаетъ болѣе гуманной. Въ *Исторіи политической экономіи* онъ самъ настойчиво указываетъ на «горькіе плоды», принесенные теоріей Адама Смита, и считаетъ для себя честью принадлежать къ «французской школѣ», у которой болѣе внутренней теплоты, чѣмъ у англійской» ³⁾.

Кромѣ того, Бланки склоненъ расширять промышленную дѣятельность государства въ области общественныхъ работъ. Ж.-Б. Сэй видѣлъ въ этомъ нарушеніе принциповъ школы. Бланки возстаетъ противъ этого мнѣнія ⁴⁾,—и это имѣетъ значеніе, если обратить вниманіе на то, въ какой рѣзкой и определенной формѣ былъ поставленъ тогда вопросъ. Дѣло шло о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, этомъ характерномъ эпизодѣ въ исторіи государственной идеи въ теченіе XIX вѣка. Въ данномъ случаѣ Бланки поддерживаетъ мнѣніе демократической партіи, которое съ ожесточеніемъ оспаривали либералы, во

¹⁾ *Cours d'Économie industrielle* (т. I, стр. 75).

²⁾ «Онъ вышелъ изъ границъ истины». *Ibid.* (т. I, стр. 76).

³⁾ *Histoire de l'Économie politique* (т. II, стр. 126—127).

⁴⁾ *Cours d'Économie industrielle* (т. II, стр. 35).

имя и при помощи того, что они называли принципами здоровой политической экономии.

Книга Бюрэ ¹⁾ была, какъ мы сказали выше, арсеналомъ, откуда различныя соціалистическія школы добывали себѣ оружіе. Луи Бланъ, Пьеръ Лёру и многіе другіе часто цитируютъ его, и историкъ соціализма, самъ соціалистъ, считаетъ автора этой книги предвозвѣстникомъ соціалистическихъ идей ²⁾.

Бюрэ не ограничился очень энергичной критикой *laissez faire* ³⁾; или наименованіемъ промышленнаго строя своего времени «средними вѣками промышленности» ⁴⁾, съ указаніемъ на то, что въ смутную и варварскую эпоху средневѣковья правительства, собственно говоря, не существовало и что то, «что потомъ стали называть соціальнымъ гнетомъ и несправедливостью, было лишь выраженіемъ избытка свободы нѣкоторыхъ ко вреду всего общества, злоупотребленіемъ *laissez faire*» ⁵⁾; онъ не ограничился щедрыми и краснорѣчивыми похвалами Сисмонди ⁶⁾ и порицаніемъ Адама Смита за то, что тотъ до крайности сузилъ область политической экономіи, превративъ ее въ такую же «положительную науку, какъ математика» ⁷⁾; онъ не ограничился всѣмъ

¹⁾ *De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France* (Bruxelles, 1842). — Не безынтересно отмѣтить, что отрывокъ этого сочиненія, представленный въ 1840 году въ Институтъ для конкурса по вопросу о нищетѣ, былъ удостоенъ награды.

²⁾ B. M a l o n, *Socialisme intégral* (т. I, стр. 79).

³⁾ *Misère des classes laborieuses, Введеніе* (т. I, стр. 16).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 17).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 18, 20, 21).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 25).

⁷⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 10).

этимъ, и пошелъ далѣе. Онъ очень опредѣленно высказался объ отношеніяхъ капитала къ труду; онъ рѣшительно взывалъ къ вмѣшательству закона и государства въ промышленныя дѣла и въ нравственное руководство страной; *наконецъ*, и онъ, въ свою очередь, требовалъ для разума права вмѣшиваться въ руководство важнѣйшими интересами человечества и вырывать ихъ изъ рукъ случая.

«Истинный бичъ промышленности», — говоритъ Бюрэ, — это «все возрастающее» отдѣленіе капитала отъ труда, раздѣленіе промышленнаго міра на враждебные «классы»: печальное положеніе, которое прекратится лишь при условіи, что трудъ «завоюетъ хоть самую малую часть собственности на употребляемые имъ орудія производства» ¹⁾. Я не имѣю въ виду разсматривать здѣсь средствъ, рекомендуемыхъ для этого Бюрэ ²⁾. Мнѣ достаточно напомнить, что онъ требуетъ принудительнаго вмѣшательства закона ³⁾. Совершенно чуждый недовѣрія къ нему, онъ говоритъ о немъ, какъ о благодѣяніи. «Законъ, вызванный къ жизни благими побужденіями и разумно формулированный, можетъ содѣйствовать счастью народа: разумный законъ — сама справедливость» ⁴⁾. Государство должно, поэтому, вмѣшиваться въ промышленный строй. Оно должно вмѣшиваться съ тою цѣлью, чтобы «расширить про-

¹⁾ *Misère des classes laborieuses* (т. II, стр. 231).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 232 и сл.).

³⁾ «Пусть законъ сдѣлаетъ въ пользу труда хоть половину того, что онъ сдѣлалъ нѣкогда ему во вредъ, и важнѣйшая причина нищеты будетъ устранена». *Ibid.* (т. II, стр. 234).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 251).

мышленные предприятия» и дать возможность «умнымъ, трудолюбивымъ, экономнымъ рабочимъ вступить въ нихъ на правахъ участниковъ ассоціацій» ¹⁾. Оно должно также вмѣшаться для того, чтобы способствовать образованію своего рода «промышленнаго правительства». Все организовано, кромѣ промышленности. Армія, магистратура, духовенство имѣютъ свои регламенты: почему трудъ долженъ составлять исключеніе изъ этого благодѣтельнаго правила? ²⁾. Это не все. Государство должно вмѣшиваться также въ порядокъ наслѣдованія, обезпечивая обществу долю въ наслѣдствѣ ³⁾. Оно должно вмѣшиваться въ духовную жизнь гражданъ, заботясь объ ихъ первоначальномъ образованіи ⁴⁾. Только при этихъ условіяхъ случай, «слѣпыя силы» перестанутъ управлять міромъ. Наступитъ царство «разума» ⁵⁾. Вмѣшательство послѣдняго тѣмъ болѣе необходимо, что близокъ къ рожденію «новый міръ». Предоставить его рожденіе самому себѣ, а организацію «дѣйствию лишь силы вещей» значило бы совершить грубую ошибку. Его пришлось бы перестраивать «чрезъ нѣсколько дней» ⁶⁾.

1) «Если промышленность откажется отъ подобныхъ реформъ, то правительство должно само попытаться ихъ произвести на счетъ всего общества». *Misère des classes laborieuses* (т. II, стр. 247).

2) «Мастерская не должна быть ни монастыремъ, ни казармой; слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что она должна быть мѣстомъ смуты и безпорядка?» *Ibid.* (т. II, стр. 290).

3) *Ibid.* (т. II, стр. 264).

4) *Ibid.* (т. II, стр. 315).

5) *Ibid.* (т. I, *Введеніе*, стр. 39).

6) *Ibid.* (т. I, *Введеніе*, стр. 42).

Я не знаю, читалъ ли Бюрэ Дэкарта, но на той же самой страницѣ онъ отдаетъ предпочтеніе новымъ городамъ и новымъ мірамъ, вытянутымъ по стрункѣ, передъ «старыми городами, свободно построенными по принципу *laissez faire*».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Выводы изъ второй книги.

Въ предшествующихъ главахъ мы не ставили себѣ задачей дать исторію соціализма во Франціи. Въ такомъ случаѣ не доставало бы замѣчательныхъ именъ: Фурье и Прудона, которыхъ мы, напротивъ того, встрѣтили сейчасъ въ числѣ мыслителей и писателей, отстаивавшихъ право индивидуума противъ государства. Мы имѣли въ виду лишь показать, пользуясь нѣкоторыми изъ формъ соціализма, какъ настойчиво раздается и становится все настойчивѣе призывъ къ закону, власти, государству. Фурье и Прудонъ потому и не были разсмотрѣны нами, что ихъ гóлоса не слышно въ этомъ призывѣ, между тѣмъ какъ Сэнъ-Симона и сэнъ-симонистовъ, Бюшэ и Пьера Лёру, Луи Блана, Пеккёра и Видаля, Кабэ, Сисмонди и Бюрэ, несмотря на все ихъ различіе, сближаетъ другъ съ другомъ именно эта, всѣмъ имъ общая, черта.

Всѣ названные писатели работали въ пользу расширенія дѣятельности государства, но не всѣ они одинаково смотрѣли на государство и его дѣятельность.

Сисмонди, занятый прежде всего моральными цѣлями, обязываетъ государство внести болѣе спра-

ведливости въ отношенія людей другъ къ другу. Кабэ возстановляетъ понятіе о государствѣ, напоми-
нающее просвѣщенный абсолютизмъ, усложняя это
понятіе и связывая его съ своей экономической уто-
піей. Луи Бланъ и первые коллективисты желаютъ
сдѣлать государство слугою индивидуума, не будучи,
однако, въ состояніи обезпечить послѣдняго отъ
захватовъ государства. Бюшэ, прокладываящій пути
для государственнаго социализма, видитъ въ госу-
дарствѣ, главнымъ образомъ, орудіе прогресса. Пьеръ
Лёру, сэнъ-симонисты и самъ Сэнъ - Симонъ даютъ
апологію авторитета ради авторитета, питаютъ при-
страстіе къ власти, какъ таковой.

Согласно одному правильному замѣчанію¹⁾, точка
отправленія первыхъ французскихъ социалистовъ
почти та же, что первыхъ экономистовъ, хотя вы-
воды тѣхъ и другихъ прямо противоположны. Тре-
буя свободы труда, первые экономисты уступали
«порыву жалости» къ положенію трудящихся. Рав-
нымъ образомъ, различныя, только что разсмотрѣн-
ныя нами, школы дѣйствуютъ подъ вліяніемъ того
же чувства, протестуя противъ безусловной свободы
труда и требуя его «организаціи». Государство имъ
кажется лучшимъ средствомъ добиться поставленной
себѣ цѣли.

Критика индивидуализма и основаннаго на немъ
экономическаго строя въ то время носилась въ воз-
духѣ. Можно констатировать, что, по мѣрѣ удаленія
отъ эпохи Реставраціи и приближенія къ Іюльской
монархіи, эта склонность и этотъ духъ непре-
станно заражаютъ даже такихъ писателей, которые

¹⁾ Espinas, *Histoire des Doctrines économiques* (стр. 300).

не занимаются ни социальными, ни политическими науками.

Церковь также не избѣгаетъ общаго теченія. Значительно ранѣе появленія книги Франсуа Гюэ ¹⁾, настоящаго родоначальника христіанскаго социализма, тогда какъ Вилльнэвъ-Баржемонъ былъ лишь его предвозвѣстникомъ, журналъ Лакордэра и Озанама *Новая Эра* высказалъ свое расположеніе къ школѣ социалистовъ. Лакордэръ лично восхвалялъ въ 1845 году съ кафедры собора Богоматери чувство, одушевлявшее эти различныя школы и казавшееся ему выраженіемъ признанія истинныхъ потребностей человѣчества.—Мы видимъ, такимъ образомъ, что образуется очень странная смѣсь изъ разныхъ дозъ католицизма, революціоннаго духа и даже коммунизма ²⁾.

Литература, романъ, сцена представляютъ примѣры того же самаго зрѣлища. Бёнуа Малонъ перечисляетъ въ одномъ мѣстѣ ³⁾, правда, безъ достаточной методической осторожности, имена Беранже и Ламеннэ, Жоржъ Санда и Эжена Сю, даже Шатобріана, какъ сторонниковъ социализма. Съ тѣхъ поръ появился новый и чрезвычайно важный документъ: книга Рэнана, написанная имъ въ 1843 году, но опубликованная лишь сорокъ лѣтъ спустя ⁴⁾. Эта книга не представляетъ собой ни политическаго сочиненія, ни изслѣдованія по социальной наукѣ, и, тѣмъ не менѣе, критика индивидуализма, призывъ

¹⁾ *Le règne social du Christianisme*, par F. Huet (Bruxelles et Paris, 1853).

²⁾ См. Joly, *Le Socialisme chrétien*, глава IV.

³⁾ B. Malon, *Le Socialisme intégral* (т. I, стр. 145 и сл.).

⁴⁾ *L'Avenir de la Science*.

къ государству встрѣчаются въ ней такъ часто, что мы должны остановиться на ней какъ на знаменіи времени.

Общество не представляетъ «атомистическаго соединенія индивидуумовъ», оно — «организованное единство», явленіе «первичное» ¹⁾. Политическая свобода не цѣль сама по себѣ, а лишь средство для достиженія высшей цѣли: «облагороженія и эмансипаціи всѣхъ людей путемъ цивилизующаго воздѣйствія общества» ²⁾. Либеральная агитація названа «безполезной и пустой» ³⁾. Идеаль правительства — «правительство ученыхъ», такъ какъ цѣль политики — «наивозможно высокая культура человѣчества» ⁴⁾. Государство, въ глазахъ Рэнана этой стадіи развитія его мысли, «не простое полицейское учрежденіе для поддержанія порядка». У него есть «обязанности», состоящія въ томъ, чтобы доставлять человѣку условія для его совершенствованія. Оно — «пластическая и реально направляющая сила» ⁵⁾. Государство, — говоритъ также Рэнанъ, — «машина для прогресса» ⁶⁾. Соціалисты правильно ставятъ проблему, но они дурно ее разрѣшаютъ, сводя все къ вопросу «о благосостояніи и наслажденіи» ⁷⁾. Нужно поставить высшую цѣль, но при этомъ нельзя устранить государство отъ вмѣшательства. Публикуя свою книгу, Рэ-

1) *L'Avenir de la Science* (стр. 252).

2) *Ibid.* (стр. 355).

3) *Ibid.* (стр. 357, 343—344).

4) *Ibid.* (стр. 364).

5) *Ibid.* (стр. 252).

6) *Ibid.* (стр. 378).—Эта формула вызываетъ вопросъ, насколько идеи Рэнана измѣнились въ послѣдствіи. См. ниже, кн. V, гл. I.

7) *Ibid.* (стр. 377).

нанъ не упустилъ случая раскрыть «иллюзіи», съ которыми онъ встрѣтился, когда писалъ ее: «соціалистическія идеи» ¹⁾. Какъ бы то ни было, но эта книга можетъ служить примѣромъ воздѣйствія только что разсмотрѣнныхъ нами доктринъ на самые независимые умы ²⁾.

Указанная выше тенденція обнаруживается не только въ одной Франціи. Экономическая и соціальная реакція, подобно реакціи философской и политической, по существу—космополитическаго характера. Англія и Германія играютъ здѣсь свою роль; но, тогда какъ въ философскомъ и политическомъ отношеніяхъ англійскія и нѣмецкія идеи оказали значительное вліяніе на движеніе французской мысли, въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ или оказывали вліяніе французскія идеи,—въ Англіи, напри- мѣръ, на такихъ людей, какъ Стюартъ Милль, въ Германіи, какъ первые теоретики соціализма,—или же особенныя условія обѣихъ странъ опредѣляли ихъ собственныя направленія мысли, сходныя съ французскими, но не связанныя съ ними непосред-

¹⁾ *L'Avenir de la Science*. (Предисловіе, стр. IX).

²⁾ Въ *L'Avenir de la Science* можно было бы легко отмѣтить многочисленныя черты воздѣйствія на умъ Рэнана господствовавшихъ въ то время доктринъ. См., напри- мѣръ, стр. 101, гдѣ религія будущаго изображается въ выраженіяхъ, отъ которыхъ не отказался бы Пьеръ Лёру. См. также на стр. 81 мѣсто объ истинномъ счастіи, написанное совершенно языкомъ сэнъ-симонистовъ: «Жизнь духа осуществится здѣсь, а не на фантастическомъ небѣ. Для человѣка важно, такимъ образомъ, стать сначала властелиномъ матеріальнаго міра, чтобы затѣмъ освободиться чрезъ побѣды духа. Вотъ въ чемъ несправедливость проклятія, наложеннаго христіанствомъ на жизнь настоящаго»... и проч.

ственно: таково, напрімѣръ, направленіе Оуэна въ Англіи или очень важное и интересное направленіе, во главѣ котораго стоитъ Листъ въ Германіи.

Въ другомъ мѣстѣ я привелъ доказательства вліянія на умъ Стюарта Милля какъ французской мысли вообще, такъ, въ особенности, сэнъ-симонистовъ и демократической школы, Токвиля и теоретиковъ революціи 1848 года. Я показалъ, какъ измѣнились его экономическіе взгляды и какъ онъ былъ приведенъ къ сознанію необходимости предоставить очень широкую долю участія государству въ національной дѣятельности; мнѣ нѣтъ нужды, поэтому, долѣе останавливаться на этомъ ¹⁾.

Въ Германіи, гдѣ успѣхъ проповѣди сэнъ-симонистовъ былъ, повидимому, очень значителенъ ²⁾ предшественники современнаго соціализма также отражаютъ на себѣ французское вліяніе ³⁾. Лассаль, остановившійся на полпути между первоначальными и болѣе новыми формами соціализма, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, черпалъ изъ этого источника. Безъ сомнѣнія, благодаря своему гегельянскому образованію онъ, какъ и Карлъ Марксъ, обладалъ пониманіемъ эволюціи учрежденій, и, для характеристики результатовъ, добытыхъ политической экономіей, далъ формулы, которыми воспользовался Марксъ ⁴⁾; тѣмъ не менѣе, его критика индивидуализма ⁵⁾, его теорія *соціальныхъ связей* ⁶⁾ вполнѣ соответству-

¹⁾ См. нашу работу: *De Stuarti Millii individualismo*.

²⁾ См. Hubbard, *Vie et Travaux de Saint-Simon* (стр. 84).

³⁾ E. de Laveleye, *Le Socialisme contemporain* (гл. I).

⁴⁾ См. далѣе (кн. IV, гл. III).

⁵⁾ Lassalle, *Kapital und Arbeit* (Reden und Schriften, т. III, стр. 20, 21 и сл.).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 32).

ютъ взглядамъ французскаго социализма. То же самое слѣдуетъ сказать по поводу понятія Лассаля о государствѣ и роли послѣдняго для оказанія кредита рабочимъ ассоціаціямъ ¹⁾. Согласіе съ Луи Бланомъ въ данномъ случаѣ полное, и, несмотря на усиліе Лассаля замаскировать это ²⁾, даже болѣе, чѣмъ согласіе.

Нетрудно объяснить себѣ широту и силу этого идейнаго движенія. Самыя разнообразныя причины способствовали его возникновенію и развитію. Кромѣ уже указанныхъ нами—роста крупной промышленности и причиняемыхъ ею бѣдствій, а также теорій Рикардо и Мальтуса—теорія народнаго верховенства, съ ея логическимъ послѣдствіемъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, также приводятъ, хотя и не столь необходимо, къ требованію какъ права на трудъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ средствъ обезпеченія всеобщаго благосостоянія. «Было бы противорѣчіемъ,—сказалъ Токвиль,—если бы самодержавный народъ былъ въ то же время нищимъ».

Столь обильный событіями 1848 годъ образуетъ кульминаціонный пунктъ только что изученнаго нами движенія идей. Достигнутое къ этому времени развитіе демократіи сильно угрожало индивидуальной свободѣ.

Въ наше намѣреніе не входитъ примѣшивать къ настоящимъ очеркамъ хотя бы самую малую долю политики. Однако, какъ не сказать, что на доктрины,

¹⁾ *Kapital und Arbeit* (стр. 212 и 218).

²⁾ *Ibid.* Добавочныя статьи (стр. 254 и сл.).—Займствованія Лассаля у Луи Блана точно указаны Дюрингомъ въ *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus* (3-е изд., Лейпцигъ, 1879. VIII ч., 2-я гл.).

которыя мы изучали, и на людей (безъ сомнѣнія, честныхъ и благородныхъ), которые ихъ пропагандировали, пробуждая тѣмъ стремленіе къ власти и ослабляя чувство справедливости, падаетъ тяжелая отвѣтственность за то, что событія 1850 и 1852 годовъ могли такъ легко совершиться и, совершившись, встрѣтить такую позорную снисходительность? Разумѣется, они не предвидѣли ни готовившихся совершиться событій, ни послѣдствій своей пропаганды. Но исторія идей показываетъ, что, помимо своего желанія и не вѣдая о томъ, они заранѣе подготовили къ этому умы¹⁾. Позволительно думать, что демократія, при другомъ строѣ и другой духовной пищѣ, выказала бы меньше склонности къ личному управленію; и нельзя сомнѣваться, что только совершенно иное воспитаніе можетъ сдѣлать ее доступной свободѣ и способной ею воспользоваться.

1) Проповѣдуя полнѣйшій индифферентизмъ въ политической свободѣ и формахъ учреждений.

Мы видѣли, что Сэнъ-Симонъ придавалъ мало значенія политическимъ формамъ. Въ посвященномъ ему некрологѣ, отъ 4 іюня 1825 г., *Globe* (въ то время органъ доктринеровъ) ставитъ ему въ заслугу, что онъ «предчувствовалъ наступленіе новой эры, тогда какъ вся Франція занималась исключительно политикой, въ старомъ смыслѣ этого слова»...

Луи Бланъ, не оспаривая того, что политическія формы имѣютъ значеніе, ставитъ выше ихъ *цѣль*, которую должно достигнуть общество» (*Questions*, 5-й отдѣлъ, стр. 246—247).

Видалъ (*Répartition des richesses*, *Предисловіе*, стр. II). «О политикѣ разсуждали достаточно, пора заняться настоящими вопросами, вопросами социальными».

Каба очень старательно доказываетъ, что коммунистическій строй совмѣстимъ со всѣми формами правленія. (*Voyage en Icarie*, *Предисловіе*, стр. V).

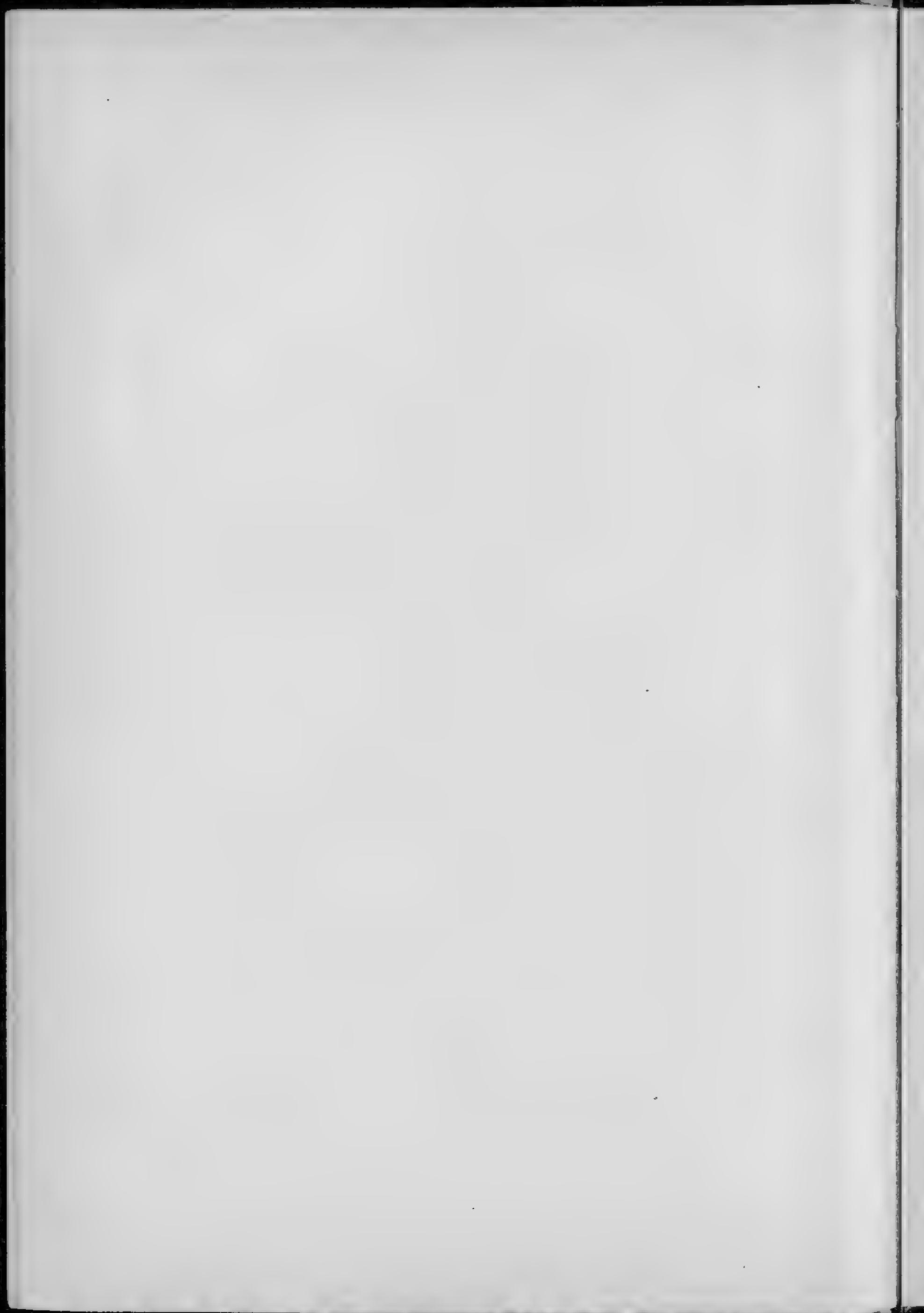
Безразличное отношеніе къ политическимъ формамъ, отрицаніе абстрактнаго права ставятъ ихъ защитниковъ въ совершенно ложное положеніе. Первые соціалисты заявляютъ себя идеалистами и не дѣлаютъ никакого различія между двумя способами удовлетворенія человѣческихъ потребностей: путемъ ли непрерывнаго распространенія все большей свободы и приносимыхъ ею благодѣяній, или путемъ все большаго расширенія власти. Равнымъ образомъ, и притомъ столь же непоследовательно, первые соціалисты хотятъ добиться фактическаго пользованія правами и начинаютъ съ отрицанія абстрактной идеи права, т.-е. съ уничтоженія того юридическаго базиса, на которомъ человѣкъ можетъ и долженъ основывать всѣ свои требованія.

Помѣщая на первомъ мѣстѣ и окружая такимъ глубокимъ уваженіемъ идею права, философію права, французская Революція выполнила не только критическую и отрицательную работу: она дала въ руки современнаго общества оружіе, единственно пригодное для упроченія сдѣланныхъ завоеваній. Если это оружіе сломать, то останется голая сила.

КНИГА ТРЕТЪЯ.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ
ВЪ XIX ВѢКѢ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Намъ нужно показать теперь, какимъ образомъ индивидуалистическая идея перешла отъ публицистовъ эпохи Революціи къ публицистамъ эпохи Реставраціи, а также къ ихъ преемникамъ эпохи Іюльской монархіи и Второй имперіи.

Въ то время, какъ Фурье и Прудонъ доводятъ индивидуализмъ до крайнихъ предѣловъ и приходятъ къ парадоксальнымъ выводамъ, а демократическая школа безуспѣшно старается идти по стопамъ XVIII вѣка,—въ рукахъ доктринеровъ, либераловъ и экономистовъ индивидуализмъ искажается и мельчаетъ, пока, наконецъ, не поглощается неизвѣстной раньше абсолютной противоположностью между индивидуумомъ и государствомъ.

Но даже въ такомъ измѣненномъ видѣ индивидуализмъ, благодаря превосходной связи своихъ элементовъ и тѣсному единенію съ господствующей философіей, все-таки играетъ крупную роль, и содержащая его формула кажется окончательной выдающимся умамъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переходъ индивидуализма XVIII вѣка въ XIX вѣкъ.

Индивидуалистическую политику XIX вѣка связываютъ съ XVIII вѣкомъ три книги, далеко разнящіяся между собой по манерѣ изложенія и по характеру: *Комментарій къ духу законовъ* Дэстю де-Траси, *Опытъ о гарантіяхъ личности* Дону и *Разсужденія о французской Революціи* г-жи де-Сталь.

I.

Дэстю де-Траси вдохновляется одновременно и Монтэскьё, и Руссо, и американскими публицистами, и Гельвеціемъ. Прибавьте къ этому, что фрагментарная форма, въ которой онъ выражаетъ свои идеи, ничуть не помогаетъ уловить ихъ совокупность и единство. Тѣмъ не менѣе, нужно попытаться опредѣлить, какое значеніе имѣло каждое изъ этихъ вліяній для доктрины, изложенной въ *Комментаріи* ¹⁾.

Траси не обладаетъ своей собственной концепціей человѣческой природы и является продолжателемъ утилитаризма и сенсуализма XVIII вѣка, въ слегка

¹⁾ *Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu* (1811). Это сочиненіе появилось сначала въ Америкѣ; во Франціи оно было напечатано только въ 1822 году.

измѣненномъ видѣ. Свободою для него является возможность исполнять свою волю; а такъ какъ волю онъ сводитъ къ желанію, то свобода, въ концѣ-концовъ, является возможностью удовлетворять свои желанія ¹⁾. Человѣкъ счастливъ, когда всѣ его желанія удовлетворены. Слѣдовательно, счастье и свобода—«одно и то же» ²⁾. Отсюда вытекаютъ три важныя наблюденія. Во-первыхъ, въ различныя эпохи люди понимали свободу различно, потому что неодинаково понимали счастье; во-вторыхъ, народъ должно считать истинно свободнымъ, пока существующій государственный строй ему нравится, «хотя бы, по своей природѣ, этотъ строй менѣе соотвѣтствовалъ принципамъ свободы, чѣмъ какой-либо другой, который ему не нравится» ³⁾; въ-третьихъ, наилучшія учрежденія тѣ, которыя дѣлаютъ народъ наиболѣе счастливымъ, хотя бы они и были деспотическими. «Если государь, обладающій самой деспотической властью, сумѣетъ въ совершенствѣ распорядиться ею, его подданные достигнутъ полного счастья, т.-е., другими словами, свободы» ⁴⁾. Вотъ въ чемъ Дэстю де-Траси соприкасается съ Гельвеціемъ.

Слѣдуя Монтэскьё, Траси разсматриваетъ политическія учрежденія не съ абсолютной точки зрѣнія, а въ связи съ эпохой и окружающей средой. Однако Монтэскьё ошибался, полагая, что для счастья и свободы народовъ существуетъ «основное условіе», заключающееся въ раздѣленіи властей, какое мы видимъ въ Англіи.

¹⁾ *Commentaire sur l'esprit des lois* (Изд. Desoer'a, стр. 129).

²⁾ *Ibid.* (стр. 130).

³⁾ *Ibid.* (стр. 132).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 133).

Здѣсь наступаетъ очередь вліянія Руссо и публицистовъ американской революціи. Сначала идетъ Руссо: противоположеніе, равновѣсіе властей всегда производитъ лишь «настоящую гражданскую войну»¹⁾. Кромѣ того, въ своей апологіи англійской конституціи Монтэскьё забываетъ одно капитальное обстоятельство. Поддержкой всего зданія служитъ «твердая воля націи, желающей его сохраненія»²⁾. Въ сущности, есть только одна власть—воля народа; законодательныя, исполнительныя и судебныя функціи являются только делегаціей этой власти³⁾. А вотъ передъ нами и американскіе публицисты. По мнѣнію Траси, проблема высшаго счастья или наибольшей свободы,—эти термины для него представляютъ синонимы,—дурно разрѣшенная англійскими учрежденіями, отлично рѣшена американскими конституціями. Последнія опираются на принципъ народной воли и предусматриваютъ всевозможныя затрудненія, даже тотъ случай, когда законодательная и исполнительная власти превысятъ свои полномочія, или по отношенію другъ къ другу, или обѣ вмѣстѣ, и станетъ неизбежнымъ пересмотръ конституціоннаго договора⁴⁾. Но вслѣдъ за горячимъ восхваленіемъ американской конституціи — въ чемъ онъ сходится со многими изъ своихъ современниковъ — Траси отмѣчаетъ тотчасъ же невозможность перенести конституцію федеративнаго государства въ «единое и нераздѣльное» государство. Впрочемъ, онъ не имѣетъ въ виду какой-либо отдѣльной страны, а

1) *Commentaire* (стр. 166).

2) *Ibid.* (стр. 140).

3) *Ibid.* (стр. 137).

4) *Ibid.* (стр. 143).

высказываетъ общія соображенія о томъ, каковы должны быть приемы націи, которой надоѣла ея конституція или надоѣло отсутствіе ея, если она хочетъ создать себѣ конституцію при свѣтѣ чистаго разума ¹⁾).

Мы не будемъ касаться частныхъ этихъ «пріемовъ» ²⁾; онѣ были бы уместны въ политическомъ трактатѣ, для насъ же не особенно интересны, потому что подъ буквой теорій мы отыскиваемъ прежде всего проникающій ихъ духъ. Для насъ достаточно отмѣтить, что «разумное правительство» или, по выраженію Траси, «демократія просвѣщеннаго разума» ³⁾, есть представительный режимъ, «сообразный съ природой» въ томъ смыслѣ, что онъ «предоставляетъ ей воздѣйствовать» и даетъ свободу «всѣмъ наклонностямъ, за исключеніемъ порочныхъ, и всѣмъ занятіямъ, не нарушающимъ нормальнаго порядка» ⁴⁾. Это правительство обезпечиваетъ свободу политическую, индивидуальную и свободу печати, гарантируя ихъ судомъ присяжныхъ, «по крайней мѣрѣ, противъ уголовныхъ преступленій». Уваженіе къ индивидуальной свободѣ предполагаетъ повиновеніе законамъ; а законы представляютъ собою правила, соблюденіе которыхъ предписано намъ властью, имѣющей въ нашихъ глазахъ право на это ⁵⁾. Общество вольно создавать законы по своему желанію; однако, если мы желаемъ своего счастья, положительные законы

¹⁾ *Commentaire* (стр. 208).

²⁾ Частности см. *Ibid.* (кн. VI и XI).

³⁾ *Ibid.* (стр. 52).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 52).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 1).

должны быть «сообразными съ *нашей* природой» ¹⁾. Траси не говоритъ: сообразными съ естественнымъ правомъ. Онъ не знаетъ такого права, и когда ему приходится говорить «объ основной справедливости, о коренной несправедливости», подъ этимъ всегда нужно понимать потребности нашей природы или то, что противно ей ²⁾.

Въ этомъ недостатокъ индивидуализма Траси. Этотъ поклонникъ «разума» не довѣряетъ ему настолько, чтобы положить его въ основу правъ индивидуума. Когда дѣло идетъ о деталяхъ конституціонной организаціи, мысль Траси ясна, точна и богата; наоборотъ, она становится бѣдной и расплывчатой, когда дѣло доходитъ до принциповъ. Чисто представительный режимъ обезпечить свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обезпечить справедливость и поведетъ къ «равенству» ³⁾. Какимъ образомъ, какими средствами, въ какой мѣрѣ и цѣною какихъ жертвъ для индивидуальной свободы? Траси не выясняетъ этого, и нетрудно понять, почему: безъ помощи одного изъ тѣхъ метафизическихъ понятій, которыя онъ осуждалъ съ самаго начала, онъ не могъ бы сдѣлать этого и поставить внѣ спора индивидуальную свободу.

II.

Опытъ о гарантіяхъ личности Дону, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу книгъ, въ которыхъ требованіе вольностей, необходимыхъ человѣку и гражда-

¹⁾ *Commentaire* (стр. 4).

²⁾ *Ibid.* (стр. 4—5).

³⁾ *Ibid.* (стр. 52).

нину, выражено наиболее сильно и решительно ¹⁾. Въ этомъ наскоро написанномъ произведеніи чувствуется усталость отъ революціоннаго безпорядка, отвращеніе къ произволу цезаризма и недовѣріе къ реакціи.

Подобно Траси, Дону находится подъ вліяніемъ идеологіи и эмпиризма XVIII вѣка. Поэтому въ его книгѣ нѣтъ ни метафизики, ни умозрѣній по поводу происхожденія или цѣли человѣческаго общества, ни умозрѣній относительно наилучшихъ формъ правленія. Послѣднія дѣлятся для Дону, какъ и для Траси, на два разряда, смотря по тому, обезпечиваютъ онѣ или отвергаютъ гарантіи личности. Политическая проблема ставится у него очень просто. Разъ государственная власть признана необходимой, и могутъ быть обстоятельства, при которыхъ она предписываетъ свою волю, налагая, съ общаго согласія, «руку на личность и собственность» ²⁾, то какимъ же образомъ помѣшать ей стать агрессивной? Короче, какія учрежденія пригодны для наиболее дѣйствительной охраны гражданъ отъ «посягательствъ» государственной власти ³⁾?

Вѣрный своимъ общимъ идеологическимъ воззрѣніямъ, Дону рѣшаетъ эту проблему, не прибѣгая ни къ разуму, ни къ опыту. Онъ ограничивается анализомъ понятій. Что заключаютъ въ себѣ слова: личная свобода, гарантіи личности, если ихъ анализировать? Они заключаютъ въ себѣ «всѣ реальные интересы» гражданъ, а именно: свободу личности, неприкосновенность личности, развитіе частной про-

¹⁾ *Essai sur les garanties individuelles* (1818).

²⁾ *Ibid.* (стр. 5).

³⁾ *Ibid.* (стр. 6).

мышленности, независимость въ частныхъ дѣлахъ ¹⁾. Поэтому Дону требуетъ: неограниченной свободы устнаго и письменнаго слова, печати и совѣсти; суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, ежегоднаго вотирования налоговъ, провинціальныхъ собраній, правильно и періодически избираемыхъ представителей, ответственности чиновниковъ за всякое нарушеніе ими положительныхъ законовъ ²⁾.

До сихъ поръ Дону говоритъ вообще, безъ отношенія къ извѣстной эпохѣ или странѣ. Когда же онъ переходитъ къ изысканію наилучшихъ средствъ для обезпеченія ненарушимости гарантій личности тамъ, гдѣ онѣ были въ пренебреженіи, мысль его, напротивъ, занята родиной въ современную ему эпоху.

Но онъ не питаетъ ни довѣрія Монтэскьё и его учениковъ къ политической свободѣ, которая, по его мнѣнію, является не цѣлью, а только средствомъ ³⁾, ни довѣрія Дэстю де-Траси къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Америки. Ни консервативный сенатъ ни равновѣсіе властей здѣсь ни къ чему. Гарантіи личности ненарушимы, когда онѣ пользуются уваженіемъ въ теченіе долгаго времени. А средствомъ для достиженія такого долговременнаго уваженія служить «хорошій выборъ» представителей ⁴⁾. Впрочемъ, законодательная инициатива

¹⁾ *Essai sur les garanties individuelles* (стр. 8).

²⁾ *Ibid.* (см. главы I—V).

³⁾ «Самое осуществленіе правъ гражданина, которое называется политической свободой, скоро утомило бы насъ, если бы оно не было дѣйствительнымъ средствомъ гарантировать гражданскую свободу и личное счастье». *Ibid.* (стр. 64).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 190).

для послѣднихъ не обязательна. Главная, «быть-можетъ, единственная» функція ихъ состоитъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ имъ законопроектовъ, «которые относятся къ индивидуальнымъ гарантіямъ» ¹⁾. Власть сохраняетъ, такимъ образомъ, широкія полномочія. Дону не думаетъ, чтобы ея дѣятельность обязательно приносила вредъ. Онъ даже находитъ власть полезной, и остерегается покушаться на нее ²⁾.

Невозможно, повидимому, болѣе сузить и ограничить требованія либерализма, представить ихъ въ такой формѣ, которая возбуждала бы еще менѣе возраженій и трудностей, внести болѣе позитивный духъ въ затронутые вопросы и еще полнѣе изолировать ихъ отъ чисто-политическихъ и чисто-философскихъ проблемъ, съ которыми они связаны. Попытка Дону скорѣе любопытна, чѣмъ доказательна, потому что оставляетъ зданіе совсѣмъ безъ фундамента.

III.

Когда читаешь *Разсужденія о французской Революціи* ³⁾ послѣ де-Местра и де-Бональда, поражаешься не столько тѣмъ, что говоритъ авторъ, сколько тѣмъ, о чемъ онъ умалчиваетъ. Но не слѣдуетъ забывать, что эта книга совсѣмъ не трудъ ученаго, хотя она и оказала значительное вліяніе и точно воспро-

¹⁾ *Essai sur les garanties individuelles* (стр. 190).

²⁾ «Эти барьеры скорѣе защищаютъ, чѣмъ ограничиваютъ верховную власть, ибо они препятствуютъ только насилию, воровству и обману и отличаютъ законную власть отъ тираниіи». *Essai sur les garanties individuelles* (стр. 243).

³⁾ *Considérations sur la Révolution française* (1818).

извела, какимъ образомъ либералы эпохи Реставраціи ¹⁾ понимали и толковали французскую Революцію. Было бы совершенно несправедливо требовать отъ нея точности, о которой авторъ и не заботился.

Г-жа де-Сталь не говоритъ о происхожденіи обществъ; о возникновеніи верховной власти она говоритъ вскользь, для опроверженія идеи народнаго верховенства ²⁾. Она не заботится о критикѣ философской мысли XVIII вѣка и Революціи. Какъ вѣрная ученица Монтэскьё, г-жа де-Сталь прямо ставитъ вопросъ объ организаціи государственныхъ властей ³⁾. Какъ нужно распределить власти, чтобы граждане были свободными?

На этотъ вопросъ есть готовый отвѣтъ. Англія уже давно обладаетъ учрежденіями, наиболѣе благоприятствующими развитію свободы. Пусть Франція послѣдуетъ ея примѣру. Для этого ей достаточно будетъ возвратиться къ духу Конституанты, который тождествененъ съ духомъ Хартіи. Конституціонная монархія была бы возможна въ 1791 году, если бы не эмиграція ⁴⁾. Послѣ паденія Имперіи она снова стала возможной, и необходимо держаться за это, какъ наилучшее изъ рѣшеній ⁵⁾. Такова господствующая

¹⁾ Thureau Dangin, *Le Parti libéral sous la Restauration* (стр. 94).

²⁾ *Considérations sur la Révolution française* (т. I, стр. 317).

³⁾ Вопросъ о формѣ учреждений такъ сильно занимаетъ умъ г-жи де-Сталь, что въ своей книгѣ *Passions* (1796) она трактуетъ о любви въ смѣшанныхъ монархіяхъ, монархіяхъ абсолютныхъ и республикахъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, та форма, подъ которой умъ ея видитъ всѣ вещи.

⁴⁾ *Ibid.*, часть 2-я, гл. XXIII.

⁵⁾ *Ibid.*, часть 6-я, гл. IX.

щая идея въ книгѣ г-жи де-Сталь. Въ этой книгѣ Реставрація ставится въ связь съ первыми годами Революціи, а весь промежуточный періодъ разсматривается какъ совершенно пустое мѣсто. Или, вѣрнѣе, этотъ промежуточный періодъ имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что, подъ вліяніемъ ненависти, съ одной стороны, къ деспотизму и произволу, а съ другой — къ тенденціи новыхъ демократическихъ обществъ заставлятъ индивидуума жертвовать своимъ счастьемъ, возросла и ожила любовь г-жи де-Сталь къ политической свободѣ и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя кажутся ей наиболѣе способными гарантировать эту свободу. Правильно отмѣчено, что самое слово «государство» означаетъ въ глазахъ г-жи де-Сталь что-то «жестокое и тиранкическое», и очень рѣдко встрѣчается въ ея произведеніяхъ ¹⁾).

Индивидуализмъ г-жи де-Сталь весь состоитъ изъ оговорокъ, ограниченій и протестовъ противъ захватовъ со стороны власти. Онъ уже предвозвѣщаетъ отрицательный характеръ, который скоро окажется преобладающимъ въ индивидуалистической мысли XIX вѣка.

¹⁾ A. Sorel, *Madame de-Staël* (Collection des principaux écrivains), стр. 33.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Доктринеры и либералы.

Доктринеры и либералы боролись между собою въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи. Политическая исторія должна выяснить и понять причины этого столкновенія; но политическая философія обѣихъ этихъ школъ представляетъ черты очевиднаго сходства, которыя и должна возстановить исторія идей.

I.

Школа доктринеровъ ¹⁾ далеко не заслуживаетъ установившагося за ней названія. Имѣя въ виду послѣднее, можно подумать, что она опирается на незыблемые, строгіе, цѣлостные принципы. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Позированіе, возвышенный тонъ и сентенціозный языкъ ея представителей не должны вводить насъ въ обманъ.

¹⁾ De Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard*. — Guizot, *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel* (1821). — *Des moyens de gouvernements et d'opposition dans l'état actuel de la France* (1821). — *Histoire du gouvernement représentatif* (1821—1822). — *Essai sur l'Histoire de France* (1821—1824). — *Histoire de la Civilisation en Europe* (1828). *Histoire de la Civilisation en France* (1830).

Доктринеры бѣдны въ отношеніи доктрины или, если угодно, вся ихъ доктрина состоитъ въ объясненіи и оправданіи нѣкоторыхъ фактовъ.

Впрочемъ, къ этому принуждаетъ ихъ политическая работа, которой они задаются ¹⁾. Они стараются примирить старую Францію съ новой, и для достиженія этого вынуждены остерегаться одновременно и партизановъ стараго порядка, и учениковъ Революціи. Они занимаютъ какъ разъ середину между этими двумя партіями, и это положеніе часто заставляетъ ихъ отказываться отъ слѣдствій, вытекающихъ изъ принятаго ими принципа, или отъ самаго принципа, принимая, однако, его слѣдствія. Королевскую власть, напримѣръ, они понимаютъ очень сходно съ людьми стараго порядка, но борются противъ вмѣшательства двора въ политику, противъ привилегій и привилегированныхъ, и требуютъ правъ, гарантированныхъ правильной конституціей. Еще примѣръ: они стремятся основать конституционную монархію, но не признаютъ за выборной палатой ни права инициативы, ни права руководить политикой кабинета. Вся доктрина Ройе-Коллара (или Гизо, въ его первыхъ произведеніяхъ) сводится къ постояннымъ компромиссамъ, къ пышнымъ фразамъ, прикрывающимъ сдѣлки между фактомъ и правомъ, въ ущербъ послѣднему. Гизо является типичнымъ теоретикомъ того направленія, которое впоследствии получило названіе оппортунизма ²⁾.

¹⁾ См. въ *Мемуарахъ* Гизо (т. I, стр. 157 и слѣд.) длинное и подробное изложеніе политики доктринеровъ, подтверждающее высказанное нами сужденіе.

²⁾ Это направленіе описано у Гизо въ *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration* (стр. 11).

Когда изучаешь Ройе-Коллара, невозможно отделить его политическую философію от переживаемых имъ событій. Мало того, что вся его философія содержится въ рѣчахъ, т.-е. въ извѣстныхъ актахъ: всѣ ея выводы продиктованы ему ненавистью къ деспотизму Конвента, отъ котораго ему пришлось пострадать. Понятіе народного верховенства для него навсегда осталось связаннымъ съ самыми ужасными воспоминаніями о Революціи. Поэтому-то онъ рѣшительно отрицаетъ: и принципъ этого верховенства — естественное право гражданина заключать общественный договоръ; и его приложеніе — равенство политическихъ правъ; и его главное слѣдствіе — господство выборной палаты ¹⁾.

Народное верховенство покоится на ложномъ пониманіи природы общества. Общество — не «простое собраніе извѣстнаго числа индивидуумовъ, выражающихъ свою волю». Оно не совсѣмъ «однородно». Оно слагается изъ «интересовъ», одни изъ которыхъ, дѣйствительно, общи всѣмъ его членамъ, а другіе — свойственны только извѣстнымъ группамъ гражданъ. Эти интересы должны быть *представлены*: откуда весьма двусмысленное названіе — *представительное правленіе*. Представительство интересовъ будетъ тѣмъ лучше обезпечено, чѣмъ больше будутъ конкурировать между собою изъ-за вліянія на общественныя дѣла власти, различныя по происхожденію и по характеру. Такъ, въ старой Франціи процвѣтало «множество мѣстныхъ учрежденій и независимыхъ маги-

¹⁾ О роли Ройе-Коллара въ комиссіи, подготовлявшей избирательный законъ 1816 года, см. de Bagante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. I, стр. 271 и слѣд.).

стратуръ», которыя, не покушаясь на верховенство, ограничивали власть государя ¹⁾. Всѣ эти власти должны имѣть самостоятельное историческое происхожденіе ²⁾.

Участіе въ выборахъ не составляетъ право гражданина: это—обязанность, предполагающая извѣстную способность. Гизо еще рѣшительнѣе, чѣмъ Ройе-Колларъ, формулировалъ различіе между «неравными правами» и всѣми прочими ³⁾. Каждый человекъ обладаетъ нѣкоторыми правами «потому только, что онъ человекъ». Къ нимъ относятся «свобода совѣсти и большая часть такъ называемыхъ правъ гражданъ». Но существуютъ иныя права, которыя распределяются сообразно различнымъ видамъ неравенства, какіе Провидѣнію угодно было установить между людьми. Къ числу такихъ принадлежитъ право участвовать въ образованіи политическаго общества и въ учрежденіи правительства. «Оно не присуще человеку, какъ таковому, а зависитъ отъ способности индивидуума, рождается вмѣстѣ съ нею и узаконяется ею же» ⁴⁾. Мы увидимъ сейчасъ, какъ Ройе-Колларъ и Гизо опредѣляютъ и измѣряютъ избирательную способность.

Палата, выбранная гражданами, выполняющими этимъ свою обязанность, не должна и не можетъ претендовать на верховную власть. Признавать за ней эту власть—значить вводить «деспотизмъ мно-

¹⁾ De Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. II, стр. 130 и слѣд.).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 132).

³⁾ *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration* (стр. 36—38).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 38).

гихъ» ¹⁾, вмѣсто деспотизма одного человека. Поэтому Ройе - Колларъ настойчиво отмѣчаетъ оригинальный характеръ французской монархіи, по сравненію съ англійской ²⁾. Во Франціи верховнымъ владыкой является не парламентъ, а совокупность многихъ независимыхъ властей различнаго происхожденія: король, наслѣдственные перы и выборная палата. Въ особенности король; инициатива его должна оставаться абсолютной и ненарушимой; онъ не только царствуетъ, но и править; онъ даровалъ Хартію, которая дала жизнь палатѣ; Хартія создаетъ чиновниковъ, обязанность которыхъ состоитъ въ выборѣ депутатовъ ³⁾. Избранные такимъ образомъ депутаты не должны ни свергать министровъ, ни вмѣшиваться въ правленіе, ни проявлять какую-либо инициативу. Между французской монархіей и англійскимъ образомъ правленія нѣтъ никакого сравненія. Правительство нельзя пересадить, подобно растенію ⁴⁾. Дѣйствительно, въ монархіи, основанной на Хартіи, «представительства совѣмъ не существуетъ». Поэтому весьма ошибочно примѣняютъ къ ней заимствованное у иностранцевъ названіе—представительное правленіе. Ройе-Колларъ, тѣмъ не менѣе, поль-

¹⁾ Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. II, стр. 132).

²⁾ *Ibid.* (особенно т. I, стр. 217 и слѣд.).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 275).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 217, 237). — Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ пунктѣ Гизо не совѣмъ согласенъ съ Ройе-Колларомъ и что впоследствии Рэмюза построитъ теорію „акклиматизаціи правительствъ“. (*Politique liberale*).

Подобно непоследовательности и противорѣчіямъ самой доктрины, эти разногласія между доктринерами говорятъ все объ одномъ и томъ же: объ отсутствіи принциповъ.

зуются этимъ терминомъ, но упрекаетъ себя за это, и въ одномъ характерномъ отрывкѣ объявляетъ его лишеннымъ смысла ¹⁾).

Въ чемъ же состоитъ политическая способность, дающая участіе въ выборахъ? Если бы Ройе - Колларъ призналъ выборную палату органомъ *мнѣній*, онъ, очевидно, принужденъ былъ бы приписать политическую способность всѣмъ гражданамъ или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ нихъ, которые достигли достаточной степени культуры для того, чтобы составить себѣ извѣстное мнѣніе. Получилась бы или всеобщая подача голосовъ, или такая, при которой были бы исключены одни безграмотные. Но Ройе - Колларъ не желаетъ допускать представительства мнѣній. Выборная палата у него служить органомъ извѣстныхъ интересовъ ²⁾. Выполнить *функцию* избирателя способенъ только тотъ гражданинъ, который по своему состоянію и по своимъ склонностямъ кажется наиболее пригоднымъ для поддержанія этихъ интересовъ. Отсюда — цензъ, влекущій за собою сосредоточеніе политической власти въ рукахъ крайне малочисленного класса. Такова, по крайней мѣрѣ, первая формула, на которой останавливается мысль доктринеровъ. Впослѣдствіи возникли и другія.

У Ройе - Коллара «извѣстнымъ образомъ установленная верховная власть свободныхъ правительствъ» допускаетъ вмѣшательство чиновниковъ, очевидно, способныхъ по своему состоянію разумно служить интересамъ, органомъ которыхъ служить выборная

¹⁾ Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. I, стр. 228).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 228).

палата. Затѣмъ является Гизо, сглаживаетъ рѣзкости этой теоріи и ставитъ между божественнымъ правомъ и верховенствомъ народа такъ называемое имъ верховенство разума ¹⁾. Средніе классы, обладающіе избирательнымъ цензомъ, представляются ему какъ бы естественными хранителями политическаго смысла, и весь ходъ исторіи цивилизаціи, по его мнѣнію, складывается въ пользу появленія этихъ классовъ. Наконецъ, вноситъ свою долю и эклектическая философія. Рэмюзэ, доктринеръ второго періода, когда границы между доктринерствомъ и либерализмомъ теряютъ опредѣленность, преобразуетъ теорію Гизо и Ройе-Коллара, примѣшивая къ ней эклектическую теорію разума. «Высшій разумъ, невидимо присутствующій, сообщается съ разумомъ человѣческимъ. Кто же, слѣдовательно, можетъ быть избранникомъ? Люди, наиболѣе способные дать перевѣсъ справедливости, разуму и истинѣ» ²⁾.

Исправленная такимъ образомъ формула нравится Ройе-Коллару своей велерѣчивостью, и въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей (1831 года) онъ присвоиваетъ ее себѣ, дѣлая еще болѣе величественной. Представительное правленіе — это «осуществленіе прекрасной теоріи Платона: *организованная справедливость, живой разумъ, вооруженная мораль*» ³⁾. На словахъ онъ, какъ будто, очень далеко отошелъ отъ своей рѣчи 1816 года, но сущность почти не измѣнилась, и Платонъ справедливо удивился бы, узнавъ, какіе «интересы» защищались тутъ его именемъ.

¹⁾ *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration* (стр. 201).

²⁾ *Rémusat, Passé et Présent* (т. I, стр. 400).

³⁾ *Barante, Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. II, стр. 465).

Доктринеры думали установить свободное правление, не допуская, однако, націю до дѣйствительнаго участія въ распоряженіи своими судьбами; точно такъ же они думали служить дѣлу индивидуализма, не признавая за индивидуумомъ никакого естественнаго права, по крайней мѣрѣ, въ области политики.

Доктринеры, несомнѣнно, заботились объ индивидуальных вольностяхъ, и было бы несправедливо не оцѣнить усилій, потраченныхъ ими для установленія свободы печати, являвшейся для нихъ началомъ и гарантіей всѣхъ прочихъ вольностей ¹⁾; свободы слова; суда присяжныхъ, на который они смотрѣли, какъ на «ограниченіе установленныхъ властей» ²⁾. Они требуютъ также для гражданъ большей свободы въ сферѣ ихъ ближайшихъ интересовъ и нападаютъ на чрезмѣрную централизацію Имперіи и Конвента. Ройе-Колларъ очень убѣдительно показываетъ связь между централизаціей и политической философіей, рассматривающей индивидуумовъ, какъ математическія единицы, отдѣльные атомы. «Централизація вышла изъ общества, растертаго въ порошокъ. Тамъ, гдѣ одни индивидуумы, всѣ дѣла, не принадлежащія имъ, являются дѣлами публичными, дѣлами государства» ³⁾.

¹⁾ Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. II, 133).—См. въ *Souvenirs* герцога de Broglie (т. II, стр. 35 и слѣд.) очень интересное изложеніе принциповъ по этому предмету.

²⁾ Судъ присяжныхъ — это свобода, говоритъ Ройе-Колларъ. Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. I, стр. 351).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 131).

Но этот индивидуализмъ, лишенный идеи естественнаго права и состоящей весь изъ ограниченій и подраздѣленій, рискуетъ очутиться безсильнымъ и никуда негоднымъ передъ возраженіями и трудностями. Это хорошо видно въ вопросѣ о свободѣ обученія. Ройе - Колларъ, съ гордостью считающій себя индивидуалистомъ и либераломъ, не колеблется защищать право государства. Онъ не изслѣдуетъ вопроса о томъ; имѣетъ ли индивидуумъ *право на обученіе*, какъ думаемъ мы; ничуть не отступая, при этомъ, отъ принциповъ правильно понятаго индивидуализма. Нѣтъ, онъ стоитъ за *право государства обучать индивидуума*, не только наблюдать за образованіемъ, но и *руководитъ* имъ. «Для опроверженія этого принципа, — говоритъ Ройе-Колларъ, — нужно было бы доказать, что общественное образованіе, а, вмѣстѣ съ нимъ, религіозныя, философскія и политическія доктрины, составляющія его душу, стоятъ внѣ общихъ интересовъ общества, что онѣ естественно входятъ въ оборотъ какъ частныя потребности, что онѣ принадлежатъ промышленности, подобно фабрикаціи матерій» ¹⁾.

Я знаю, что въ данномъ случаѣ Ройе - Колларъ борется съ «притязаніемъ частной власти» церкви смотрѣть на образованіе, какъ на «независимую область», и «давать законы публичной власти» ²⁾; но приведенные имъ аргументы замѣтно не соотвѣтствуютъ значенію этого спора. Повидимому, и не подозрѣвая этого, нашъ философъ сходится съ ненавистными ему якобинцами.

¹⁾ Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. I, стр. 351).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 321).

Историкъ былъ бы несправедливъ къ доктринарамъ, если бы онъ не похвалилъ ихъ за то, что они вѣрили въ свободу и любили ее. Но съ нашей точки зрѣнія, въ политической философіи Ройе-Коллара и Гизо особенно важно отмѣтить логическую несостоятельность ихъ индивидуализма. Послѣдній совершенно проникнуть историческимъ духомъ и не только не восходитъ къ принципамъ, но стремится лишь къ тому, чтобы хорошенько понять данное положеніе вещей и приспособить къ нему учрежденія. Поэтому политическая философія доктринеровъ, въ отличіе отъ философіи Бенжамена Констана, не могла пережить породившихъ ее обстоятельствъ. Индивидуализмъ Бенжамена Констана, опирающійся на отвлеченные принципы, сохраняетъ силу послѣ Реставраціи и послѣ Іюльской монархіи; а индивидуализмъ Ройе-Коллара вышелъ изъ моды еще до 1830 года.

Въ политической философіи доктринеровъ чувствуется вліяніе нѣмецкой мысли. Не только ихъ идеальная монархія очень сильно походитъ на конституціонную монархію Гегеля, но руководящія идеи нѣмецкой исторической школы встрѣчаются въ первыхъ же произведеніяхъ Гизо.

Онъ самъ рассказываетъ, что очень рано увлекся изученіемъ нѣмецкой литературы ¹⁾. Изысканія относительно муниципальнаго строя Римской имперіи и соціального состоянія Франціи въ періодъ отъ V до X вѣка, изысканія, которыми онъ началъ свою карьеру историка, опираются на труды Эйхорна и Савиньи ²⁾.

¹⁾ *Memoires* (т. I, стр. 8).

²⁾ Современники хорошо видѣли это. См. *Lerminier Lettres à un Berlinoise* (стр. 115).

Въ стремленіи доктринеровъ отводить прошлому какъ можно больше мѣста въ настоящемъ сказывается, конечно, духъ Савиньи. Тотъ же духъ внушаетъ доктринерамъ великое почтеніе ко всему, что освящено временемъ ¹⁾, и привычку покоряться *необходимости*, присущей ходу вещей. «Суровая, непоколебимая, неумолимая необходимость» ²⁾, — Гизо охотно пользуется этой формулой и другими въ томъ же родѣ. И Ройе-Колларъ, защищая какую-нибудь изъ вольностей, дѣлу которыхъ онъ служилъ не безъ пользы, обращается не къ праву, а къ покровительству необходимости. «Свобода печати, — говоритъ онъ однажды, — представляетъ необходимость». И прибавляетъ: «Это слово оправдываетъ само себя» ³⁾.

Теперь, безъ сомнѣнія, ясно, что свобода, для которой требуется ссылка на необходимость, черезъ это искажается и уменьшается, такъ что представляетъ лишь невѣрный и умаленный образъ истинной свободы; дальнѣйшія страницы покажутъ это еще лучше.

II.

Методъ Бенжамена Констана ⁴⁾ совершенно философскій, т.-е. чисто абстрактный и дедуктивный. Бенжаменъ Констанъ хочетъ основать свободное

¹⁾ Guizot, *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration* (стр. 206).

²⁾ *Ibid.* (стр. 23).

³⁾ Barante, *Vie et Opinions de Royer-Collard* (т. II, стр. 133).

⁴⁾ *De l'esprit de conquête et d'usurpation* (1814).—*Principes de politique* (1815).—*Réflexions sur les Constitutions et les garanties* (1814—1818).—*De la responsabilité des ministres* (1814—1818).—*De la liberté des anciens comparée à celle des modernes* (1819).

правленіе на раціональныхъ началахъ. Поэтому, кромѣ обильныхъ ссылокъ на Нэккера, Клермонъ-Тоннэра и др., мы встрѣчаемъ у него иногда обращеніе къ Руссо.

Бенжаменъ Констанъ первый высказалъ мысль, которую потомъ такъ часто повторяли: что Революція ничуть не уменьшила объема верховной власти въ пользу увеличенія свободы, а только перенесла эту власть со всѣми ея атрибутами съ государя на народъ ¹⁾. Онъ показалъ также, что простая передача верховенства народу, безъ организаціи свободнаго правленія, въ силу необходимости поведетъ къ тому, что нѣсколько индивидуумовъ, а быть-можетъ, и одинъ, захватятъ власть и станутъ угнетать народъ «во имя его собственнаго верховенства» ²⁾. Мало того, Бенжаменъ Констанъ спрашиваетъ еще, увеличиваетъ ли хоть нѣсколько сумму свободы, которой пользуются индивидуумы, такое абстрактное признаніе народнаго верховенства, и отвѣчаетъ: нисколько не увеличиваетъ ³⁾. Слѣдовательно, это принципъ, не увеличивающій реальной свободы гражданъ, благопріятствующій узурпаторскимъ попыткамъ олигарховъ или одного тирана и влекущій за собой тѣ же злоупотребленія, отъ которыхъ народъ страдалъ въ то время, когда верховенство принадлежало государю. Можно ли, значить, смотрѣть на

Всѣ эти и другія, менѣе важныя, сочиненія были изданы въ собраніи политическихъ сочиненій Бенжамена Констана, выпущенномъ Лабулэ въ 1861 году, подъ заглавіемъ: *Cours de politique constitutionnelle*, 2 тома.

¹⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, изд. Лабулэ, т. I, стр. 9).

²⁾ *Ibid.*, Предисловіе 1818 г. (Сочиненія, т. I, стр. LVIII).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 8).

этотъ принципъ, какъ на догматъ и, притомъ, догматъ общества новаго времени, и вновь приниматься за «вѣчную метафизику Общественнаго договора»? ¹⁾).

По такому началу можно было бы подумать, что Бенжаменъ Констанъ, подобно доктринерамъ, совершенно отрицетъ верховенство народа и станетъ искать правъ на власть въ исторіи. Но это мнѣніе оказалось бы весьма ошибочнымъ. Во-первыхъ, историческій духъ отсутствуетъ въ его политической философіи; во-вторыхъ, онъ задается, главнымъ образомъ, тѣмъ, какъ бы предупредить злоупотребленія народнымъ верховенствомъ, какъ нейтрализовать вредныя послѣдствія его, и, такимъ образомъ, приходитъ къ формулѣ, которая сохраняетъ принципъ, но придаетъ ему совсѣмъ иной видъ, сравнительно съ Руссо.

«Совокупность всѣхъ гражданъ,—говоритъ Бенжаменъ Констанъ,—является верховнымъ владыкой въ томъ смыслѣ, что никакой индивидуумъ, никакая фракція, никакая частная ассоціація не можетъ присвоить себѣ верховенство, если оно не передано имъ посредствомъ делегации» ²⁾. Слѣдовательно, суверень — будь то индивидуумъ, корпорація или собраніе—всегда долженъ быть делегатомъ народа. Руссо не хотѣлъ делегации народнаго верховенства и, какъ мы помнимъ, осмѣивалъ прославленную свободу англичанъ, которые, по его словамъ, обладаютъ верховной властью только на одинъ день и часъ своей жизни, на тотъ день и часъ, когда назначаютъ своихъ представителей. Бенжаменъ Констанъ не отрицаетъ, что верховенство, въ сущности, принадлежитъ

¹⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 129).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 9).

народу, но желаетъ, чтобы послѣдній тотчасъ же передалъ его кому-нибудь.

Станетъ ли народъ отъ этого рабомъ, какъ думалъ Руссо? Нѣтъ, ибо делегированное верховенство простирается только до области индивидуальнаго права. «Тамъ, гдѣ начинается независимое индивидуальное существованіе, прекращается юрисдикція этого верховенства» ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуумъ обладаетъ правами, «не зависящими ни отъ какой соціальной или политической власти» ²⁾. Покушаясь на эти права, власть тѣмъ самымъ стала бы «незаконной». Законодатель совсѣмъ не абсолютный властитель, и долженъ считаться съ этими «независимыми» правами. Только такой законъ имѣетъ силу, заслуживаетъ почета и повиновенія гражданъ, который совмѣстимъ «съ вѣчными принципами справедливости и милосердія,—тѣми принципами, соблюденіе которыхъ для человѣка необходимо, если онъ не хочетъ пойти вспять и противъ своей природы» ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ Бенжаменъ Констанъ выражаетъ свою мысль еще точнѣе. Въ категорію такихъ «беззаконныхъ» законовъ онъ зачисляетъ всѣ тѣ, которые покушаются на нравственность, предписывая, на примѣръ, дѣлать доносы и запрещая укрывать изгнанниковъ; всѣ тѣ, которые «раздѣляютъ гражданъ на классы»; всѣ тѣ, которые наказываютъ ихъ за то, что отъ нихъ не зависитъ, дѣлаютъ ихъ отвѣстными за чужіе проступки и т. д. ⁴⁾. Подобные законы не заслуживаютъ названія законовъ.

¹⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 9).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 13).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 14).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочин., т. I, стр. 14 и слѣд.).

Такимъ образомъ, выше просвѣщенной и правой воли законодателя, Бенжаменъ Констанъ признаетъ «независимыя права», подобно тому, какъ выше установленныхъ властей, онъ ставитъ «верховенство» народа, который делегируетъ эти власти. Но независимыя права, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, представляютъ не что иное, какъ «естественныя права» философіи XVIII вѣка. Столкнувшись во время одного спора съ юридическими теоріями Бентама¹⁾, Бенжаменъ Констанъ съ силою выступаетъ противъ смѣшенія полезнаго и справедливаго. «Мнѣ хотѣлось бы, — говоритъ онъ, — какъ можно полнѣе отдѣлить идею права отъ понятія полезнаго»²⁾. Но этими словами Бенжаменъ Констанъ и ограничивается. Онъ ничего, или почти ничего, не находитъ прибавить, такъ какъ указаніемъ на то, что «право — принципъ, а польза — только результатъ, право — причина, польза — лишь слѣдствіе»³⁾, онъ, во всякомъ случаѣ, не подкрѣпляетъ и не доказываетъ вышеприведеннаго различія. По недостатку требовательности, за отсутствіемъ метафизическаго обоснованія права, Бенжаменъ Констанъ остается далеко отъ Руссо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по видимому, сходится съ нимъ.

Впрочемъ, это не единственное различіе между ними. Въ то время, какъ у Руссо политическая организація имѣетъ *цѣлю* обезпечить гражданамъ пользованіе естественными правами, у Бенжамена Констана она должна только воздерживаться отъ посягательства на эти права. Для Бенжамена Кон-

1) Объ этомъ спорѣ см. Сочиненія (т. I, стр. 346 и слѣд.).

2) Сочиненія (т. I, стр. 347).

3) Сочиненія (т. I, стр. 347).

стана естественное право только граница, переступать которую не должно государство; для Руссо освященіе естественныхъ правъ представляетъ цѣль, къ которой государство должно стремиться. Различіе капитальное, потому что Бенжаменъ Констанъ приспособляется къ фактическому неравенству между гражданами, а Руссо преслѣдуетъ абсолютное равенство.

Прибавьте къ этому слѣдующія два замѣчанія неодинаковой важности: Руссо, и вмѣстѣ съ нимъ французская Революція, провозглашаютъ права *человѣка*, а Бенжаменъ Констанъ ограничивается провозглашеніемъ правъ *французскаго гражданина*; Руссо, и вмѣстѣ съ нимъ французская Революція, причисляютъ къ естественнымъ правамъ право на трудъ и на пропитаніе, а Бенжаменъ Констанъ ограничивается признаніемъ только тѣхъ правъ, которыя имѣютъ чисто - моральный или политическій характеръ. Касаясь экономическаго строя, онъ только повторяетъ Адама Смита и еще болѣе Ж.-Б. Сэя.

Такимъ образомъ, теорія естественнаго права и теорія народнаго верховенства, при переходѣ отъ философовъ XVIII вѣка къ Бенжамену Констану, мѣняетъ свой характеръ, но не настолько, чтобы нельзя было сразу отличить школу либераловъ отъ школы доктринеровъ.

Политическое общество имѣетъ цѣлью не равенство всѣхъ своихъ членовъ въ пользованіи естественными правами, а политическую свободу. Оригинальность Бенжамена Констана и либеральной школы, по сравненію съ Траси и Дону, состоитъ именно въ томъ, что онъ уже не считаетъ нѣкоторыя блага настолько драгоцѣнными, чтобы гражданнѣ

имѣлъ основаніе пріобрѣтать ихъ цѣною политической свободы. Народъ не можетъ быть счастливымъ, если онъ не свободенъ политически. Къ этому Бенжаменъ Констанъ добавляетъ прекрасныя слова: «хотя политическая свобода не играетъ роли въ нашихъ непосредственныхъ наслажденіяхъ, но она ихъ гарантируетъ. Признать ее бесполезной—значить признать ненужнымъ фундаментъ зданія, въ которомъ хотимъ жить» ¹⁾.

Политическая свобода состоитъ въ такомъ распредѣленіи властей, «чтобы самая очевидная, постоянная и прочная выгода (различныхъ носителей власти) заставляла каждого изъ нихъ оставаться въ предѣлахъ своихъ полномочій» ²⁾. Подъ вліяніемъ взглядовъ Клермонъ-Тоннэра, Бенжаменъ Констанъ, вмѣсто трехъ властей Монтэскьё, вводитъ четыре, согласованіе и раздѣленіе которыхъ ему кажутся обязательными въ конституціонной монархіи: 1) королевскую власть; 2) исполнительную власть (министры); 3) представительную власть, принадлежащую двумъ палатамъ, наслѣдственной и выборной; 4) судебную власть ³⁾.

Здѣсь Бенжаменъ Констанъ опять-таки расходится съ доктринерами, которые не идутъ дальше традиціоннаго взгляда на власть французскаго короля и не допускаютъ, чтобы государь поступался частью своей верховной власти въ пользу выборной палаты. По Бенжамену Констану, государь не только не обладаетъ полнотою верховной власти, но въ его функ-

¹⁾ *Réflexions sur les Constitutions et les garanties.* (Сочиненія, т. I, стр. 174).

²⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 15).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 19).

цію не входить ни созданіе законовъ, ни исполненіе ихъ, т.-е. управленіе. Объ этомъ заботятся министры. Королевская власть «нейтральна»; она должна пользоваться своими прерогативами для того, чтобы прочія власти опирались другъ на друга, прислушивались другъ къ другу и дѣйствовали согласно ¹⁾. Никогда роль конституціоннаго короля не опредѣлялась съ такой тонкостью и точностью ²⁾, никто не сумѣлъ лучше показать ошибку конституцій, которыя, чувствуя необходимость гарантировать гражданъ отъ злоупотребленій одной изъ государственныхъ властей, возлагаютъ заботу объ этомъ на другую, одинаково заинтересованную въ преобладаніи ³⁾. Вслѣдствіе этого свобода такъ или иначе терпитъ ущербъ и гибнетъ. Эту идею «нейтральной власти» Бенжамень Констанъ беретъ изъ Англіи, при чемъ замѣчаетъ, что даже въ этой странѣ обычаи и права сдѣлали больше для ограниченія государя, чѣмъ конституція, которая обезпечиваетъ за нимъ прерогативы, не совмѣстимыя съ нейтральностью.

За представительной властью, палатами, Бенжамень Констанъ признаетъ инициативу «наравнѣ съ исполнительной властью» ⁴⁾. Онъ составляетъ себѣ,

¹⁾ *Principes de politique*. (Сочиненія т. I, стр. 19).

²⁾ Государь представляетъ „особое существо, стоящее выше борьбы мнѣній; единственнымъ интересомъ его является поддержаніе порядка и свободы; онъ никогда не можетъ войти въ обычныя для всѣхъ условія, а потому недоступенъ всѣмъ страстямъ, которыя порождаются этими условіями и которыя постоянно питаетъ въ людяхъ, облеченныхъ случайной властью, перспектива очутиться въ такихъ условіяхъ“. *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 21).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 20 и слѣд.).

⁴⁾ *Esquisse d'une Constitution* (Сочиненія, т. I, стр. 213).

слѣдовательно, ясную и опредѣленную идею о парламентарномъ режимѣ, которой напрасно стали бы искать у доктринеровъ, и передаетъ эту идею публицистамъ либеральной школы, своимъ преемникамъ и ученикамъ. Онъ передаетъ имъ также самое широкое пониманіе принципа свободы печати. Бенжаменъ Констанъ отвергаетъ поддерживаемое Ройе-Колларомъ выдѣленіе газетъ изъ остальной литературы¹⁾. Газета можетъ сдѣлаться орудіемъ преступленій, и законъ покараетъ ее; но, при условіи соблюденія необходимаго уваженія ко всѣмъ законамъ, газета должна быть совершенно свободной. Абсолютная свобода печати служить лучшей гарантіей политической свободы, подобно тому, какъ избирательное право служить ея органомъ.

Бенжаменъ Констанъ уже не смотритъ на избирателя, какъ на «чиновника», выражаясь словами Ройе-Коллара, но оставляетъ за нимъ попрежнему привилегированное положеніе. При всей ея узости, его теорія избирательнаго права, по сравненію съ теоріей доктринеровъ, выгодно отличается, однако, тѣмъ, что вноситъ въ защиту привилегій болѣе откровенности.

Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о «верховенствѣ разума», въ какомъ бы смыслѣ ни употреблять эти слова; нѣтъ ни аргументовъ, ни образовъ, заимствованныхъ у Платона. Бенжаменъ Констанъ просто констатируетъ, что никогда и нигдѣ всѣ индивидуумы, проживающіе на извѣстой территоріи, не считались чле-

¹⁾ См. *De la liberté des brochures, des pamphlets et des journaux* (1814). (Сочиненія, т. I, стр. 443 и слѣд.) и *Question sur la Législation actuelle de la presse en France* (1817). (Сочиненія, т. I, стр. 503 и слѣд.).

нами государства¹⁾. Всегда полагали, что членом ассоціаціи можетъ быть только тотъ, кто обладаетъ «извѣстной степенью просвѣщенія, извѣстной общностью интересовъ съ прочими членами ассоціаціи». Отсюда — устраненіе иностранцевъ и установленіе гражданскаго совершеннолѣтія. Бенжаменъ Констанъ присоединяетъ новое условіе. Въ такихъ сложныхъ обществахъ, какъ новыя политическія общества, «для пріобрѣтенія просвѣщенія и для правильности сужденій непремѣнно нуженъ извѣстный досугъ». Его обезпечиваетъ одна собственность. Слѣдовательно, «только собственность дѣлаетъ людей способными осуществлять политическія права»²⁾. Вотъ что значитъ говорить на чистоту.

Сначала Бенжаменъ Констанъ отвергалъ промышленную собственность и допускалъ только земельное владѣніе на правахъ собственности или по долгосрочной арендѣ³⁾. Потомъ онъ призналъ, что промышленная собственность заслуживаетъ одинаковыхъ правъ съ земельной⁴⁾; но отказался отнести такъ же благосклонно къ «интеллектуальной собственности», и не далъ избирательныхъ правъ тѣмъ, кого впоследствии стали называть «les parasites» (людьми свободныхъ профессій). Свое мнѣніе онъ подкрѣпляетъ любопытными доказательствами⁵⁾. Ни одно изъ нихъ не

¹⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 53).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 54).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 56).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 60—82).

⁵⁾ Интеллектуальная собственность заключается только въ мнѣніи, томъ ли, какое имѣетъ самъ о себѣ авторъ, или томъ, какое имѣютъ о немъ другіе. Въ первомъ случаѣ всѣ захотятъ пользоваться ея благами; во второмъ — ею будутъ пользоваться только единицы, баловни таланта и успѣха.

относится къ выставленному выше «принципу», гласящему, что для правильнаго сужденія необходимъ досугъ.

Вотъ на какомъ узкомъ основаніи строила либеральная школа, при своемъ возникновеніи, конституціонное правленіе. Вотъ къ чему она пыталась свести политическіе результаты французской Революціи.

Вопросъ объ отношеніяхъ индивидуума къ государству Бенжаменъ Констанъ разсматриваетъ почти со всѣхъ сторонъ. Съ своей стороны, онъ сильно, хотя и менѣе экономистовъ, способствовалъ тому, что невмѣшательство государства стало одновременно пробнымъ камнемъ либерализма и характерной особенностью, настоящей печатью индивидуализма, какъ его понимали въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи, и какимъ его передали намъ.

Въ политической экономіи Бенжаменъ Констанъ повторяетъ Адама Смита и Ж.-Б. Сэя, у которыхъ заимствуетъ аргументы противъ вмѣшательства государственной власти въ промышленность, въ формѣ ли запрещеній, или въ формѣ поощреній ¹⁾. Инди-

Интеллектуальныя профессіи, не соединенныя съ собственностью, грозятъ исказить сужденія, такъ какъ онѣ приучаютъ пренебрегать указаніями опыта и разсуждать „о социальномъ состояніи—какъ энтузіасты, о страстяхъ—какъ геометры, о человѣческихъ страданіяхъ—какъ физики“. Собственность умѣряетъ эти опасныя склонности. Впрочемъ, Б. Констанъ не забываетъ указать, что выставленное здѣсь ограниченіе избирательнаго права благопріятствуетъ свободѣ, такъ какъ наука уживается съ деспотизмомъ, и наоборотъ. *Principes de politique constitutionnelle* (Сочиненія, т. I, стр. 60—61).

¹⁾ *Réflexions, notes et additions* (Сочиненія, т. I, стр. 364 и сл.).

видуальная инициатива кажется ему единственнымъ двигателемъ прогресса, единственнымъ источникомъ богатства. До сихъ поръ онъ только ученикъ. Но онъ является уже самостоятельнымъ, когда выступаетъ противъ излишняго вмѣшательства центральной власти въ мѣстное самоуправленіе, когда онъ отстаиваетъ, напимѣръ, что муниципальная власть не представляетъ «отрасли исполнительной власти», а должна быть отъ нея «независимой» ¹⁾. «Представителямъ и делегатамъ всѣхъ принадлежитъ забота о дѣлахъ всѣхъ»; индивидууму — забота о его собственныхъ интересахъ; а «то, что интересуется только фракцію, должно рѣшаться этой фракціей» ²⁾. «Муниципальная власть, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — должна занимать въ администраціи такое же мѣсто, какое мировые судьи занимаютъ въ судебномъ строѣ». «Это — власть только по отношенію къ тѣмъ, кто ей подчиненъ, или скорѣе — ихъ уполномоченный для дѣлъ, касающихся только ихъ однихъ». Бенжаменъ Констанъ склоненъ ввести въ администрацію то, что онъ называетъ *федерализмомъ* ³⁾, который, впрочемъ, не похожъ на федерализмъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что онъ примѣняется «только къ внутреннимъ распорядамъ отдѣльныхъ частей государства», если только эти распорядки ничуть не затрогиваютъ государственнаго или общественнаго интереса. Федерализмъ Бенжамена Констана не что иное, какъ децентрализація. Подъ этимъ именно названіемъ онъ проникъ въ программу либе-

¹⁾ *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 98).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 98).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 101).

ральной школы и сдѣлался однимъ изъ ея существенныхъ пунктовъ ¹⁾).

Бенжаменъ Констанъ крайне недоволенъ, что власть при всякомъ удобномъ случаѣ вмѣшивается въ отношенія между индивидуумами. Онъ замѣчаетъ, что во Франціи обыденная жизнь состоитъ изъ такого рода недостаточно обоснованныхъ вмѣшательствъ и приводитъ въ примѣръ Англію, гдѣ общественный порядокъ гораздо лучше обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ, «потому что онъ вѣренъ разуму и интересу каждаго» ²⁾. Правительственный произволъ, представляющій утонченную, обыденную и привычную форму принципа государственнаго интереса, находитъ въ Бенжаменѣ Констанѣ самого рѣшительнаго противника. Знаменитый памфлетъ его *Духъ завоеванія* ³⁾ представляетъ не что иное, какъ красно-рѣчивый протестъ противъ злоупотребленія произволомъ.

Либеральная школа, все болѣе и болѣе поглощаемая въ послѣдствіи полемикой съ социализмомъ, будетъ выражаться сильнѣе, чѣмъ Бенжаменъ Констанъ; но ей не удастся лучше его отмѣтить антитезу между индивидуальнымъ и социальнымъ. «Все индивидуальное,—говоритъ онъ,—не можетъ быть законно под-

¹⁾ *Vues sur le gouvernement de la France* герцога де-Броля и написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бенжамена Констана, особенно въ томъ, что касается локализации властей.

²⁾ «Наши зрѣлища и празднества пестрятъ солдатами и штыками. Подумаешь, что троимъ гражданамъ нельзя встрѣтиться безъ того, чтобы не потребовалось пара солдатъ, для ихъ разъединенія». *Principes de politique* (Сочиненія, т. I, стр. 41).

³⁾ См. *Сочиненія* (т. II, 137 и слѣд.).

чинено общественной власти». Такимъ образомъ, у Бенжамена Констана появляются и становятся лицомъ къ лицу два соперничающіе, даже враждебные принципа: государство и индивидуумъ. Всякое торжество одного наноситъ ущербъ другому. Бенжамень Констанъ теряетъ изъ виду богатую и возвышенную, хотя часто измѣнчивую и неопредѣленную, мысль философовъ XVIII вѣка, которые, въ своей концепціи индивидуализма, не отдѣляли требованія индивидуальной свободы отъ стремленія помочь, хотя бы при содѣйствіи государства, возможно полному развитію наибольшаго числа индивидуальностей. Индивидуализмъ Бенжамена Констана, подобно индивидуализму экономистовъ, о которыхъ скоро будетъ рѣчь, стремится принять преимущественно отрицательный характеръ.

Несмотря на нѣкоторыя, иногда очень замѣтныя различія въ мнѣніяхъ по поводу отдѣльных пунктовъ, Бенжамень Констанъ, въ данномъ случаѣ, сходится съ Ройе-Колларомъ, и неудивительно, что въ извѣстный моментъ ихъ почтительные ученики, пораженные болѣе сходствомъ, чѣмъ различіемъ между учителями, образовали одну великую школу, въ которой частные оттѣнки слились съ общей окраской.

Одно изъ первыхъ произведеній Бенжамена Констана, гдѣ въ крайне сжатой и сильной формѣ соединено наибольшее количество идей, его рѣчь *О свободѣ древнихъ, сравнительно со свободою новыхъ народовъ*¹⁾, бросаетъ яркій свѣтъ на его теорію вер-

¹⁾ Рѣчь была произнесена въ королевскомъ Атенеумѣ, въ Парижѣ, въ 1819 году. (Сочиненія, т. II, стр. 539—560).—Идея, развитая въ этомъ произведеніи, намѣчена уже въ *l'Esprit de conquête et d'usurpation*, 2-я ч., гл. VI (Сочиненія, т. II, стр. 204).

ховенства и теорію политической свободы, и въ то же время намѣчаетъ предѣлы его индивидуализма и показываетъ, почему онъ не могъ преступить этихъ предѣловъ.

Руководящая идея этой работы заключается въ томъ, что свобода, какъ ее понимаютъ въ новое время, не имѣетъ ничего общаго со свободой древнихъ.

Что значать для человѣка новаго времени слова: «быть свободнымъ»? «Они значать, что каждый имѣетъ право подчиняться только законамъ, что никого нельзя ни арестовать, ни заключить въ тюрьму, ни лишитъ жизни, ни подвергнуть какому-либо насилію по произволу одного или нѣсколькихъ. Они значать, что каждый имѣетъ право высказывать свое мнѣніе, выбирать родъ занятія и отдаваться ему; располагать своею собственностью, даже злоупотреблять ею; свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто, не спрашивая позволенія и не давая отчета въ мотивахъ такихъ передвиженій. Они значать, что каждый имѣетъ право соединяться съ другими индивидуумами или для обсужденія общихъ интересовъ, или для отправленія богослуженія, которое кажется имъ предпочтительнѣе, или просто для того, чтобы проводить время наиболѣе сообразно со своими склонностями и фантазіями. Наконецъ, они значать, что каждый имѣетъ право вліять на государственное управленіе или посредствомъ назначенія всѣхъ или нѣкоторыхъ чиновниковъ, или посредствомъ заявленій, петицій и требованій, которыя государственная власть болѣе или менѣе обязана принимать во вниманіе» ¹⁾.

¹⁾ *De la liberté des anciens comparée à celle des modernes* (Коппенія, т. II, стр. 541).

А что понималъ подъ тѣми же самыми словами человѣкъ древняго міра? Свобода для него состояла «въ коллективномъ, но непосредственномъ, отправленіи многихъ функцій единой верховной власти: въ рѣшеніи на общественной площади вопросовъ войны и мира, въ заключеніи союзныхъ договоровъ съ иноземцами, въ вотированіи законовъ, въ произнесеніи приговоровъ, въ провѣркѣ отчетовъ и дѣятельности магистратовъ, въ привлеченіи послѣднихъ къ отвѣтственности передъ всѣмъ народомъ, въ осужденіи или оправданіи ихъ. Но въ то же время, на ряду съ такого рода коллективной свободой, древніе признавали полное подчиненіе индивидуума власти цѣлаго». И Бенжаменъ Констанъ показываетъ, что у древнихъ почти совсѣмъ нѣтъ и слѣда того «пользованія правами», которое присуще новой свободѣ. Религіозныя воззрѣнія, мнѣнія, родъ занятій — все въ древности регламентировано коллективной волей. Такимъ образомъ, «у древнихъ индивидуумъ является почти постоянно господиномъ въ общественныхъ дѣлахъ и рабомъ во всѣхъ своихъ частныхъ отношеніяхъ... У людей новаго времени индивидуумъ независимъ въ частной жизни, но даже въ самыхъ свободныхъ государствахъ является верховнымъ повелителемъ только по видимости» ¹⁾.

Наблюденіе вполне справедливое и плодотворное. Оно стоило того, чтобы его усвоилъ себѣ и углубилъ одинъ изъ наиболее выдающихся представителей либеральной школы ²⁾. У Бенжамена Констана

¹⁾ *De la liberté des anciens comparée à celle des modernes.* (Сочиненія, т. II, стр. 542).

²⁾ См. Laboulaye, *La Liberté antique et la liberté moderne* (1863).

оно выясняетъ, какъ только что было сказано, и его теорію политической свободы, и его теорію верховенства. Дѣйствительно, Бенжамену Констану, такъ какъ онъ ищетъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ благъ, какія древній человѣкъ находилъ въ реальномъ осуществленіи верховенства, должно было быть достаточно, чтобы человѣкъ новаго времени обладалъ лишь «видимостью» верховенства. И въ самомъ дѣлѣ, Бенжаменъ Констанъ, предоставляя гражданину только видимость верховенства, въ то же время обезпечиваетъ ему весьма широкую личную независимость.

Но названная статья кажется намъ очень удобной и для опредѣленія границъ индивидуализма Бенжамена Констана и *raison d'être* этихъ границъ.

Дѣйствительно, онъ не довольствуется указаніемъ разницы, существующей между двумя вышеуказанными понятіями свободы, но объясняетъ, почему отъ одного перешли къ другому. Прежде всего, по политическимъ причинамъ. Древнія республики были очень малы и, по духу своему, воинственны. Государства новаго времени миролюбивы и несравненно болѣе обширны. Затѣмъ, причины экономическія: торговля, столь ограниченная въ древности, у народовъ новаго времени съ каждымъ днемъ развивалась все сильнѣе. Наконецъ, социальная причина: исчезновеніе рабства. Уничтоженіе рабства отняло у гражданъ досугъ, необходимый для постояннаго рѣшенія дѣлъ на общественной площади. Трудъ внушаетъ людямъ любовь къ независимости и потребность въ ней. Кромѣ того, онъ наполняетъ всю ихъ жизнь. Древніе, въ промежуткахъ между войнами, истомились бы отъ бездѣлья, если бы только у нихъ не было

въ запасѣ участія въ верховной власти. Наконецъ, пространство государства уменьшаетъ политическое значеніе каждаго индивидуума. «Самый незамѣтный республиканецъ въ Римѣ или въ Спартѣ, представлялъ собой силу. Совсѣмъ не то простой гражданинъ Великобританіи или Соединенныхъ Штатовъ».

Причины эти интересны и важны, хотя ихъ и нельзя считать проникающими въ суть дѣла. Бенжаменъ Констанъ указываетъ еще причину психологическаго характера. Древніе потому болѣе дорожили верховною властью, что дѣйствительно пользовались ею на общественной площади. *Осуществленіе своей воли было для нихъ живымъ и постояннымъ удовольствіемъ*¹⁾. Люди новаго времени, наоборотъ, находятъ это живое и постоянное удовольствіе въ пользованіи своей индивидуальной свободой. Такимъ образомъ, «древніе, жертвуя своей независимостью ради политическихъ правъ, жертвовали меньшимъ ради большаго, а мы, принося ту же жертву, отдали бы большее для полученія меньшаго». Замѣчаніе тонкое и глубокое, но, въ концѣ-концовъ, сводящее индивидуализмъ къ вопросу о наибольшей выгодѣ.

Бенжаменъ Констанъ чувствуетъ, впрочемъ, недостаточность утилитаризма, и, какъ мы видѣли, пытается опровергнуть Бентама. Однако, показавъ, что право и свобода, какъ таковыя, выше пользы, онъ останавливается и не доходитъ до послѣдняго, единственно достаточнаго и удовлетворительнаго объясненія—раціональнаго. Онъ предчувствуетъ возраженіе: «Правда ли, что счастье, въ чемъ бы оно ни заключалось, служить единственной цѣлью человѣ-

¹⁾ *De la liberté des anciens* (Сочиненія, т. II, стр. 547).

ческаго рода?» И тотчасъ отвѣчаетъ на это: «Въ такомъ случаѣ наше поприще было бы очень узко, наше предназначеніе не слишкомъ высоко». Онъ ссылается на «лучшую часть нашей природы, на благородное безпокойство, которое преслѣдуетъ и мучить насъ, на горячее стремленіе расширять свои познанія и развивать свои способности»; и заключаетъ: «Судьба зоветъ насъ не только къ счастью, но и къ совершенствованію» ¹⁾. Красивыя слова, но только слова. Бенжаменъ Констанъ не приложилъ усилій къ тому, чтобы возможно болѣе развить способности гражданина, увеличить его экономическую и моральную цѣнность, дать политическому обществу постоянно возрастающее число членовъ, которые были бы настоящими индивидуумами ²⁾.

Когда Лабулэ, сохраняя даже сходство въ заглавіи, вновь берется за интересную идею своего учителя и, въ свою очередь, ищетъ причинъ, объясняющихъ обѣ концепціи свободы и переходъ отъ одной къ другой, онъ не останавливается ни на утилитарныхъ доводахъ Бенжамена Констана, ни на его соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ аргументахъ. Его соображенія другого рода. Онъ показываетъ, что люди новаго времени настроены враждебно по отношенію къ дѣятельности власти и

¹⁾ *De la liberté des anciens* (Сочиненія, т. II, стр. 559).

²⁾ Одно выраженіе, въ послѣднихъ строкахъ этого произведенія, какъ будто противорѣчитъ тому, на что я указываю: «Остается еще много дѣла даже тогда, когда народъ доволенъ. Необходимо, чтобы учрежденія закончили моральное воспитаніе гражданина». *Ibid.* (Сочиненія, т. II, стр. 560).

Но изъ послѣдующихъ строкъ видно, что авторъ просто имѣетъ въ виду моральное воспитаніе, которымъ могутъ пользоваться привилегированные избиратели, участвуя въ выборахъ.

вмѣшательству государства, потому что послѣ появленія христіанства существуетъ крайне важная область, куда государственная власть не можетъ и не должна вмѣшиваться: область совѣсти. «Совѣсть освобождена, индивидуумъ существуетъ»¹⁾.

Лабулэ прекрасно развиваетъ эту идею, счастливо дополняющую идею Бенжамена Констана. «Какъ историкъ, а не какъ христіанинъ», онъ показываетъ, какъ подѣйствовали на римскій миръ слова Христа: «Воздайте Божіе Богу». Это—новый принципъ, который «противорѣчитъ всѣмъ античнымъ идеямъ» и разбиваетъ «деспотическое единство», подъ которымъ задыхалась человѣческая душа. Руссо, какъ мы видѣли, упрекалъ христіанство въ томъ, что оно отдѣлило религію отъ политики; хвалилъ, напротивъ, Гоббса за то, что тотъ «сблизилъ обѣ головы орла», и, въ свою очередь, пытался ихъ соединить. По ученію либеральной школы, моральный прогрессъ заключается именно въ такомъ раздѣленіи; а моральный прогрессъ, послѣ многовѣковой непрерывной борьбы, вызвалъ прогрессъ соціальный и политическій. Возьмите Англію, гдѣ сохранился евангельскій духъ; возьмите Сѣверную Америку, «представляющую чистую демократію, но демократію христіанскую». Въ обѣихъ этихъ странахъ «государство значитъ мало, а индивидуумъ очень много»²⁾.

Ученикъ очень хорошо видѣлъ основную причину факта, отмѣченнаго учителемъ. Но, полный недовѣрія, подобно Бенжамену Констану, если не больше его, къ апріорнымъ принципамъ, къ чистому разуму,

¹⁾ Laboulaye, *La liberté antique et la liberté moderne*. Въ сочиненіи, озаглавленномъ: *L'État et ses limites* (стр. 111).

²⁾ *Ibid.* (стр. 127).

онъ останавливается здѣсь и идетъ войной противъ централизаціи ¹⁾. Онъ не хотѣлъ говорить языкомъ христіанина, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не говорилъ и языкомъ философа. Бенжаменъ Констанъ заслужилъ того же упрека: онъ оставилъ свою политическую мысль безъ поддержки метафизики и видѣлъ въ индивидуализмѣ только охрану противъ злоупотребленій власти.

Какъ и доктринеры, Бенжаменъ Констанъ очень живо чувствовалъ трудность согласить идею верховенства съ политической свободой. Подобно доктринерамъ, онъ стремился къ установленію политической свободы, но сдѣлалъ болѣе ихъ для того, чтобы подойти къ ея принципамъ. Поэтому, его доктрина, въ бѣльшей части своей, могла пережить тотъ политическій строй, установленію котораго она способствовала.

Общая ошибка и слабая сторона доктринеровъ и либераловъ заключалась въ той мысли, что къ 1815 году всѣ соціальныя послѣдствія французской Революціи были исчерпаны, и оставалось только извлечь изъ нея послѣдствія политическія. Реставрація, по мнѣнію доктринеровъ, и Іюльская монархія, по мнѣнію Бенжамена Констана, имѣли цѣлью постепенное освященіе политическихъ результатовъ Революціи. О соціальныхъ результатахъ нечего было беспокоиться ²⁾. Ни одна изъ этихъ школъ ни на мгновение не задумалась надъ вопросомъ о значеніи и

¹⁾ Laboulaye, *La liberté antique et la liberté moderne* (стр. 132 и сл.).

²⁾ См. Guizot, *Mémoires* (т. VIII, стр. 539 и слѣд.). — Герцогъ de Broglie, *Souvenirs* (т. IV, стр. 230). — Rémusat, *Politique libérale* (стр. 302).

законности такого подраздѣленія; ни одна не спросила себя откровенно, не обусловливаютъ ли другъ друга политическій и соціальный строй, не должно ли гражданское равенство, завоеванное Революціей, логически повлечь за собою равенство въ политическихъ правахъ. Тѣмъ болѣе ни теоретикъ-либераль, ни теоретикъ - доктринеръ не думаютъ выяснить вопросъ о томъ, не господствуютъ ли экономическія отношенія надъ отношеніями чисто-политическими. Не то, чтобы они намѣренно устраняли это затрудненіе, какъ это дѣлали позднѣе, въ пылу полемики, ихъ преемники: они просто игнорируютъ его.

Историкъ англійской мысли XVIII вѣка замѣчаетъ по поводу англійскихъ учениковъ Монтэскьё, что слабая сторона всей школы, пошедшей отъ этого мыслителя, заключалась въ ея пренебреженіи къ страстямъ, владѣющимъ человѣчествомъ. Она занята была созданіемъ правительства, которое смотрѣло бы на человѣчество, какъ на машину, колеса которой должны быть приспособлены сообразно мудрымъ правиламъ и остроумнымъ комбинаціямъ. Но это значило предполагать элементы этой машины лишенными жизни и желаній. Поэтому «эти государственные люди не знаютъ, что дѣлать, когда встрѣчаютъ на своемъ пути требованіе во имя справедливости или состраданія». А вѣдь такое требованіе неизбежно. «Угнетенные люди... не успокоятся отъ увѣренія, что правительственная машина устроена такъ тонко, какъ только возможно» ¹⁾.

¹⁾ Leslie Stephen, *English Thought in the Eighteenth Century* (т. II, стр. 218).

То же самое замѣчаніе можно справедливо примѣнить и къ французскимъ ученикамъ Монтэскьё. Обладая живой любовью къ свободѣ и весьма яснымъ пониманіемъ наиболѣе благородныхъ цѣлей человѣческой жизни, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно не коснулись, не то что нѣкоторыхъ, по всѣхъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ общественнаго устройства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Демократическая школа.

Идея народного верховенства, оспариваемая доктринерами и совершенно оставленная либералами, была вновь выдвинута демократической школой.

Историку этой школы трудно было бы изолировать ее деятельность в период между 1830 и 1848 годами от деятельности социалистической школы. Точки соприкосновения между доктринами и между деятелями встречаются в изобилии. Некоторые писатели, например, Луи Блан, с первого взгляда, как будто имѣютъ столько же правъ считаться демократами, сколько и социалистами. Тѣмъ не менѣе, съ чисто-теоретической точки зрѣнія, на которой мы стоимъ, можно провести между ними демокраціонную линію.

Чистые представители демократической школы или защищаютъ индивидуальную собственность такъ же энергично и убѣждено, какъ экономисты ¹⁾, или, допуская въ принципѣ, но не высказываясь по этому поводу подробно, возможность и даже пользу социальныхъ реформъ, требуютъ, однако, первенства для политической реформы ²⁾. Въ ней они ви-

¹⁾ Напримеръ, Токвиль и Ламартинъ.

²⁾ Это можно сказать о Лёдрю-Ролленъ.

дять орудіе и необходимое условіе всѣхъ прочихъ реформъ. Слѣдовательно, занимающая ихъ проблема, въ сущности, очень схожа съ той, которая занимаетъ либераловъ и доктринеровъ. Правда, демократы предлагаютъ иное рѣшеніе, примѣняютъ иной методъ, но, тѣмъ не менѣе, и для нихъ непосредственной цѣлью служить организація политическаго общества.

I.

При своемъ возникновеніи демократическая школа богаче дѣятелями, ораторами и памфлетистами, чѣмъ теоретиками. Она нашла, однако, въ Токвилѣ проницательнаго аналитика, а въ Ламартинѣ, гибкаго таланта котораго хватало на все, звонкогласнаго герольда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическаго вождя.

Америка открыла Токвилю ¹⁾, что такое демократія. Онъ отправился въ Соединенные Штаты для изученія конституціи и нравовъ и скоро замѣтилъ, что «зидущимъ фактомъ, отъ котораго, повидимому, исходили всѣ частные факты», было равенство условій, т.-е. именно демократія. Равенство политическое, а не экономическое: Токвиль всегда употребляетъ это слово лишь въ такомъ смыслѣ. Его мысль переносится тогда въ Европу, и онъ видитъ тамъ «нѣчто аналогичное тому зрѣлищу, какое представляетъ Новый Свѣтъ»: равенство условій съ каждымъ днемъ прогрессируетъ и «та самая демократія, которая царить въ американскихъ обществахъ, быстро завоевываетъ

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique*, 1-я ч., 1835 г., 2-я ч., 1840 г.—См. E. d'Eichthal, *A. de Tocqueville et la démocratie libérale*, 1 т., in. 12, Парижъ, 1897.

власть» ¹⁾. Хорошенько понять и истолковать примѣръ Америки для того, чтобы извлечь изъ него полезный урокъ для Франціи,—таковъ замыселъ Токвиля. Онъ не говоритъ: вотъ что должно быть, во имя такого-то разъ установленнаго принципа; онъ предвозвѣщаетъ, что будетъ, если движеніе, уже замѣтное въ нашихъ обществахъ, пойдетъ далѣе и достигнетъ своего предѣла.

До появленія книги Токвиля демократія была для однихъ «идеаломъ», «блестящей мечтой», осуществленіе которой имъ казалось легкимъ, для другихъ — синонимомъ «ниспроверженія всего существующаго, анархіи, грабежа и убійствъ». Токвиль старается уменьшить «ужасы» послѣднихъ и «пыль» первыхъ. Онъ беретъ демократію, какъ фактъ, и изучаетъ ее, какъ изучаютъ фактъ, въ деталяхъ и въ связи съ окружающимъ, не заграждая, однако, себѣ пути и къ философскому изысканію причинъ этого факта. Затѣмъ онъ старается опредѣлить условія, при которыхъ демократія даетъ наилучшіе результаты. Онъ хочетъ приготовить «для совершенно новаго міра новую политическую науку» ²⁾. У него очень сильно развито пониманіе исторической необходимости. Онъ отказывается «судить о нарождающихся обществахъ, пользуясь идеями, почерпнутыми въ обществахъ, уже не существующихъ» ³⁾. Равенство условій, дѣйствительно, является въ глазахъ Токвиля «провиденціальнымъ фактомъ». Всякая попытка затормозить его развитіе была бы обречена на неудачу. Этотъ фактъ отвѣчаетъ, впрочемъ,

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. I, стр. 2).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 9).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 545).

весьма могучей страсти въ сердцѣ современнаго человѣка ¹⁾), настолько могучей, что она царитъ въ немъ и, до нѣкоторой степени, подчиняетъ себѣ любовь къ свободѣ. Если бы новѣйшимъ народамъ пришлось выбирать между равенствомъ и свободой, они предпочли бы равенство ²⁾).

Демократія содержитъ въ себѣ зародыши двухъ золь: анархіи и рабства. Анархіи, — потому что, при равенствѣ всѣхъ гражданъ, каждый имѣетъ сильную склонность тянуть въ свою сторону, хотя бы социальное тѣло сразу распалось въ прахъ; рабства, — потому что умъ демократическихъ народовъ, «довольствующійся простыми и общими идеями», охотно воображаетъ себѣ «великую націю, всѣ граждане которой похожи на одинъ образецъ и управляются единой властью». Изъ этихъ двухъ золь первое — меньшее, такъ какъ его нетрудно замѣтить и, замѣтивъ, избѣжать, второе — худшее, такъ какъ въ него втягиваются «незамѣтно». Поэтому Токвиль особенно старается «обнаружить его». Съ замѣчательной силой аргументаціей, онъ устанавливаетъ, что, по мѣрѣ уравнинія условій у даннаго народа, «индивидуумы какъ будто умаляются, а общество кажется болѣе мощнымъ». Отсюда происходитъ, что «въ демократическія эпохи» люди имѣютъ очень высокое мнѣніе о привилегіяхъ общества и

¹⁾ См. *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 159) анализъ этой страсти. Выраженія Токвиля такъ сильно напоминаютъ выраженія Бенжамена Констана, анализирующаго новую и древнюю свободу, что можно предположить здѣсь взаимодѣйствіе.

²⁾ «Они хотятъ равенства при свободѣ, а если не могутъ получить этого, то хотятъ его и въ рабствѣ» *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 161).

очень низко цѣнить «права индивидуума» ¹⁾. Поэтому они охотно соглашаются, что власть, являющаяся представительницей общества, обладает гораздо большими знаніями и мудростью, чѣмъ любой изъ членовъ общества, и что ея обязанность и право — брать каждого гражданина за руку и вести его. Во Франціи, «гдѣ Революція пошла далѣе, чѣмъ у какого-либо другого народа Европы», эти идеи являются абсолютно господствующими надъ умами. Единство, вездѣсущность, всемогущество общественной власти и однообразіе ея правилъ служатъ крайне характерной чертой всѣхъ политическихъ системъ нашего времени» ²⁾. Тутъ вліяетъ идея; но и чувство находится въ согласіи съ идеей. Въ нашихъ обществахъ «люди съ трудомъ отрываются отъ своихъ частныхъ дѣлъ для занятія общественными; они естественно склонны предоставить заботу объ общественныхъ дѣлахъ единому, видимому и постоянному представителю коллективныхъ интересовъ—государству» ³⁾.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что верховная власть въ наше время стремится возрастать, хотя государи и менѣе прочно держатся на своихъ престолахъ.

Во всѣхъ концахъ Европы привилегіи дворянства, вольности городовъ и провинціальное самоуправленіе уничтожены или готовятся къ этой участи» ⁴⁾. Благотворительность и воспитаніе стали «дѣломъ націи» ⁵⁾. Религія клонится къ тому же ⁶⁾. Мало того:

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 476).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 477).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 480).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 497).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 499).

⁶⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 499).

число чиновниковъ увеличилось и развился вкусъ къ общественнымъ должностямъ. «Почти повсюду въ Европѣ государь повелѣваетъ двумя способами: одной частью гражданъ онъ управляетъ страхомъ, который они чувствуютъ къ его агентамъ, другой — надеждой стать когда-нибудь его агентами» ¹⁾. И это еще не все: большое, притомъ, постоянно возрастающее число дѣйствій, до сихъ поръ предоставленныхъ личной независимости, нынѣ подчиняется контролю общества. Администрація стала не только «болѣе централизованной», но и «болѣе инквизиціонной и мелочной» ²⁾. Правительство привлекаетъ къ себѣ богатыхъ займами, а бѣдныхъ — сберегательными кассами. Оно вмѣшивается, такимъ образомъ, въ частную собственность ³⁾. Съ другой стороны, оно стремится создать, на ряду съ судами, «болѣе зависимыя» юридическія инстанціи, для рѣшенія споровъ между администраціей и частными лицами. Это значитъ, по мѣткому выраженію Токвиля, «въ спорахъ между администраціей и частными лицами давать скорѣе подобіе правосудія, чѣмъ самое правосудіе» ⁴⁾.

Прибавьте къ этому вліяніе промышленности. Промышленная собственность развивается съ каждымъ днемъ; а въ природѣ промышленности — «объединять множество людей въ одномъ мѣстѣ, устанавливать между ними новыя, сложныя отношенія» ⁵⁾. Промышленный классъ болѣе другихъ

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 500).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 508).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 511).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 505).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 506).

классовъ нуждается въ «регламентаціи, опекѣ и сдержкѣ». Естественно, поэтому, что «задачи правительства растутъ вмѣстѣ съ ростомъ этого класса». Промышленность «вноситъ деспотизмъ въ свои нѣдра, и онъ естественно развивается, по мѣрѣ ея собственнаго развитія» ¹⁾. Ростъ промышленности ведетъ къ заботамъ объ устройствѣ дорогъ, каналовъ, портовъ, и правители все болѣе и болѣе стремятся къ тому, чтобы захватить эти работы въ свои руки. «Промышленность увлекаетъ насъ, а они—ее» ²⁾. Такимъ образомъ, централизація неизбежно возрастаетъ съ каждымъ днемъ въ обществѣ, гдѣ все остальное мѣняется» ³⁾.

Слѣдовательно, параллельно происходятъ два переворота: рушатся династїи и развивается центральная власть. Одинъ изъ этихъ переворотовъ ослабляетъ власть, другой укрѣпляетъ ее. «Ни въ какую другую эпоху нашей исторїи власть не казалась ни такой слабой, ни такой сильной» ⁴⁾. Причина обоихъ переворотовъ одна и та же — развитіе равенства. Именно ради преобладанія равенства надъ привилегіями люди нашего времени ниспровергли старыя власти; именно потому, что равенство восторжествовало, власть централизовалась и окрѣпла. «Они хотѣли быть свободными для того, чтобы имѣть возможность быть равными, и по мѣрѣ того, какъ равенство, при помощи свободы, устанавливалось все болѣе и болѣе, оно дѣлало для нихъ свободу все менѣе доступной» ⁵⁾.

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 508).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 511).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 512).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 513).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 514).

На ряду съ такимъ тонкимъ анализомъ причинъ развитія власти въ демократіяхъ, Токвиль такъ же удачно характеризуетъ и результаты этого движенія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ «рѣдкихъ и скоро-преходящихъ» кризисовъ, которые могутъ вызвать насиліе и жестокость, новый деспотизмъ будетъ «болѣе захватывающимъ и болѣе мягкимъ», чѣмъ старый. Онъ будетъ принижать людей, не причиняя имъ мученій» ¹⁾).

Я не знаю, есть ли во всемъ произведеніи Токвиля страницы сильнѣе той, гдѣ онъ набрасываетъ жанровую картину деспотизма, готоваго установиться «на самой зарѣ народнаго верховенства» ²⁾. Онъ говоритъ объ этомъ безъ преувеличеній и безъ гнѣва, съ удивительной ясностью взгляда и полнымъ чувствомъ мѣры. Онъ рисуетъ множество людей, «подобныхъ другъ другу и равныхъ между собой», преданныхъ погонѣ за «мелкими и вульгарными удовольствіями, наполняющими ихъ души», — людей, эгоистически замкнутыхъ въ узкій семейный кругъ, живущихъ рядомъ со своими согражданами, не зная и не видя ихъ. Надъ ихъ головами — «огромная опекающая власть... абсолютная, мелочная, правильная, предусмотрительная и мягкая»; она хлопочетъ объ ихъ счастіѣ, обезпечиваетъ имъ безопасность, заботится о нуждахъ и удовольствіяхъ, руководитъ ихъ дѣлами, дѣлая такимъ образомъ проявленіе свободной воли все менѣе и менѣе полезнымъ и болѣе рѣдкимъ и покрывая все общество «сѣтью сложныхъ, мелочныхъ и разнообразныхъ правилъ». Но такъ

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 518).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 519—521).

какъ народъ остается господиномъ, то граждане, очутившись подъ опекой, утѣшаютъ себя тѣмъ, что сами выбрали себѣ опекуновъ. Каждый индивидуумъ соглашается быть на привязи, «такъ какъ онъ видитъ, что конецъ цѣпи держать не отдѣльное лицо и не классъ, а самъ народъ» ¹⁾).

Противорѣчія этой системы бросаются въ глаза: за индивидуумомъ сохраняютъ право вмѣшательства въ важнѣйшія дѣла, но его лишаютъ этого права по отношенію къ самымъ мелкимъ дѣламъ, не замѣчая того, что это наилучшее средство сдѣлать людей неспособными пользоваться должнымъ образомъ «великой и единственной привилегіей, оставленной за ними». Отсюда постоянная опасность новыхъ революцій. «Утомленный своими представителями и самимъ собою, народъ можетъ создать болѣе свободныя учрежденія или снова упасть къ ногамъ единого властелина» ²⁾).

Нѣтъ, значитъ, никакого лѣкарства отъ этихъ золъ, никакого средства для предотвращенія угрожающихъ опасностей? Токвиль отнюдь не думаетъ этого. Другъ равенства, но въ то же время страстный поклонникъ свободы ³⁾, онъ вѣритъ въ возможность ихъ согласованія. Его цѣль, однако, состоитъ не въ томъ, чтобы въ политическихъ формахъ прошлаго найти опору для свободы, а въ томъ, чтобы «вызвать появленіе свободы изъ нѣдръ демократическаго общества, въ которомъ Богъ судилъ намъ жить» ⁴⁾).

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 522).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 525).

³⁾ «Я думаю, что свобода была бы дорога мнѣ во все время; но въ наше время я чувствую склонность обожать ее». *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 526).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 527).

Въ аристократическія времена индивидуальная независимость была гарантирована существованіемъ нѣкоторыхъ властей, наслѣдственной передачей нѣкоторыхъ должностей, наличностью богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, «которыхъ нельзя было насиловать легко и безъ огласки». Все это безусловно кануло въ вѣчность; но и въ демократіяхъ есть нѣчто подобное. Не ослабляя центральной власти, можно довѣрить часть ея атрибутовъ «второстепеннымъ коллегіямъ, образованнымъ на время изъ простыхъ гражданъ» ¹⁾. Нѣкоторыя должности можно сдѣлать избирательными. Наконецъ, простые граждане, составляя ассоціаціи, могутъ стать въ положеніе прежнихъ, «крайне богатыхъ, вліятельныхъ и сильныхъ личностей». Прибавьте къ этому свободу печати и независимую и уважаемую судебную власть. Прибавьте еще живое чувство личныхъ правъ. Въ демократическія времена право личности всего болѣе подвержено опасности быть не признаннымъ, а потому «истинные друзья человѣческой свободы и человѣческаго достоинства должны постоянно держаться наготовѣ».

Необходимо также навсегда оставить революціонныя идеи и привычки. Конечно, и въ демократіяхъ бываютъ «честное сопротивленіе и законныя возмущенія». Токвиль не доходитъ до «абсолютнаго» утвержденія, что революцій болѣе не будетъ. Но люди демократическихъ временъ, принимая подобное рѣшеніе, должны быть разсудительнѣе людей, живущихъ при какомъ-либо другомъ режимѣ, и должны скорѣе примириться со «многими неудобствами»,

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 529).

чѣмъ прибѣгать къ «такимъ опаснымъ лѣкарствамъ». Формулируя окончательно свою мысль по этому предмету, Токвиль приходитъ къ заключенію, что новой политической эпохѣ, новому политическому міру предстоятъ новыя заботы. «Фиксировать за общественной властью широкія, но ясныя и неизмѣнныя границы; дать частнымъ лицамъ нѣкоторыя права и гарантировать имъ неоспоримое пользованіе этими правами; сохранить за индивидуумомъ оставшуюся у него небольшую долю независимости, силы и оригинальности; поставить его на ряду съ обществомъ и поддерживать передъ лицомъ послѣдняго, — такова, по моему мнѣнію, главная задача законодателя наступающаго вѣка» ¹⁾.

Констатировать неизбежный прогрессъ демократіи и поддержать согласіе между нею и политической свободой — такова задача Токвиля, такова идея, одушевляющая всѣ его произведенія. Эту идею онъ проводитъ съ наибольшею настойчивостью, силою и горячностью. Стало-быть, его индивидуализмъ выше индивидуализма Бенжамена Констана или Ройе-Коллара. И дѣйствительно, отстаивая съ упорствомъ и блескомъ права индивидуума, Токвиль склоненъ видѣть въ современномъ ему индивидуализмѣ скорѣе опасность, нежели благо. Онъ указываетъ, что это слово недавняго происхожденія и находится въ нѣкоторой связи со словомъ эгоизмъ, хотя и отличается сильно отъ послѣдняго ²⁾. Въ индивидуализмѣ онъ видитъ, прежде всего, стремленіе изолировать себя и своихъ близкихъ отъ остальной массы обще-

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique*: (Сочиненія, т. III, стр. 538).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 162 и сл.).

ства и замкнуться въ небольшомъ кругу. Онъ показываетъ, что демократія благопріятствуетъ такому стремленію. При старомъ соціальномъ строѣ «всеѣ граждане составляли одну длинную цѣпь, тянущуюся отъ крестьянина до короля: демократія разбиваетъ эту цѣпь и ставитъ каждое звено отдельно» ¹⁾. Такимъ образомъ, индивидуумъ «постоянно возвращается къ самому себѣ», и ему грозитъ опасность очутиться «совершенно запертымъ въ пустотѣ своего собственнаго сердца».

Для избѣжанія этой опасности, американцы воспользовались свободой; они не только дали народу возможность выбирать своихъ представителей, но предоставили «политическую жизнь каждой части территоріи, чтобы умножить до безконечности для гражданъ случаи дѣйствовать сообща и заставить ихъ постоянно чувствовать зависимость другъ отъ друга» ²⁾. Слѣдовательно, политическая организація должна способствовать ясному сознанію той мысли, «что долгъ человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его выгода заключаются въ работѣ на пользу себѣ подобныхъ» ³⁾. Но развѣ это не то же чувство солидарности, бывшее однимъ изъ элементовъ индивидуализма, какъ его понимали мыслители XVIII вѣка? Токвиль всегда выражаетъ свои идеи въ конкретной формѣ и предлагаетъ намъ на разсмотрѣніе *данную* мѣстную власть, *данную* форму гражданской ассоціаціи въ Америкѣ. Совершенно вѣрно, но эта ассоціація и эта власть имѣютъ своею непосредственной цѣлью

¹⁾ *De la Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 165).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 171).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 174).

создавать или поддерживать солидарность между согражданами, между людьми.

Въ этомъ оригинальная черта индивидуализма Токвиля и въ то же время одно изъ характерныхъ отличій демократической школы отъ либеральной.

II.

Первыми учителями Ламартина ¹⁾ въ политикѣ были де-Местръ и Бональдъ. Хотя онъ рано покинулъ ихъ и сталъ словомъ и дѣломъ служить демократіи, политика всегда соединялась у него съ религіознымъ, точнѣе, христіанскимъ чувствомъ. «Мнѣ чудилось, — писалъ онъ въ концѣ своей жизни по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на него въ юности произведеніями де-Бональда, — мнѣ чудилось, что соціальная истина нисходитъ съ библейскихъ высотъ и является единой для христіанскаго и для политическаго міра» ²⁾. Это видѣніе никогда не изгладится изъ его ума.

Пришествіе демократіи съ ея учрежденіями, пишетъ онъ въ 1834 году, означаетъ наступленіе «евангельской эпохи». А въ 1843 году: «святая и божественная мысль демократіи и французской Революціи... не что иное, какъ эманация христіанской идеи, въ приложеніи ея къ политикѣ» ³⁾. Демократія и республика, говоритъ онъ, наконецъ, въ 1848 году въ рѣчи къ народу, по случаю провозглашенія кон-

¹⁾ Политическія статьи и рѣчи Ламартина, были собраны подъ заглавіемъ: *La France parlementaire* (1865), 6 т.

²⁾ *Lamartine, Mémoires politiques* (Сочиненія, т. XXXVII, стр. 59).

³⁾ *La France parlementaire* (т. III, стр. 379).

ституціи, — «въ принципѣ является настоящимъ царствомъ Божіимъ». Общественный строй, установленный этой конституціей, представляетъ «послѣ Евангелія» прекраснѣйшее твореніе разума ¹⁾).

Идеи равенства, братства и свободы Ламартинъ, дѣйствительно, находитъ въ Евангеліи; а въ этихъ идеяхъ — все содержаніе демократіи. Начиная съ 1831 года, Ламартинъ ставитъ задачей своего времени организацію демократіи, т.-е. «освященія политическаго и гражданскаго равенства всѣхъ людей передъ государствомъ» ²⁾ и содѣйствія «политическому и гражданскому милосердію» въ «формѣ» свободы ³⁾. Я не беру здѣсь Ламартина, какъ человѣка, со всѣми превратностями его бурной карьеры; наоборотъ, подъ измѣнчивой поверхностью событій, я ищу руководящую идею. Можно сказать, что она получаетъ у него опредѣленное выраженіе уже въ 1831 году и никогда не измѣняется. Ламартинъ сдѣлался настоящимъ и безспорнымъ главою временнаго правительства не только вслѣдствіе своего краснорѣчія и таланта. Никто дѣятельнѣе его не работалъ для популяризаціи понятія демократическаго государства; никто не представлялъ его себѣ возвышеннѣе, благороднѣе и правильнѣе.

«Современная соціальная, или представительная, власть заключаетъ въ себѣ истину лишь постольку, поскольку правильны выборы, а выборы истинны лишь постольку, поскольку они всеобщи». Эта фраза *Рациональной политики* содержитъ въ зародышѣ всеобщее избирательное право. Авторъ снабжаетъ ее

¹⁾ *La France parlementaire* (т. VI, стр. 32).

²⁾ *La politique rationnelle* (1831) (стр. 362).

³⁾ *Ibid.* (стр. 384).

комментаріями, которые ослабляют ся непосредственное значеніе, и долго еще, установивъ принципъ, онъ будетъ соглашаться на его ограниченія. Онъ соглашается на нихъ въ 1834 году ¹⁾; соглашается даже въ 1842, хотя въ этомъ же году онъ направляетъ всю силу своей аргументаціи въ защиту принципа ²⁾ и не колеблясь говоритъ, уже не въ палатѣ, а передъ избирателями, что «истинная точка зрѣнія правительства должна заключаться въ массахъ, ибо тамъ страданія, тамъ права, тамъ сила» ³⁾. Онъ возобновляетъ, наконецъ, эти ограниченія въ 1843 году ⁴⁾. Но въ 1847 году верховенство народа, фактически осуществленное всѣми гражданами, становится для него «догмой» ⁵⁾. Отнынѣ «политическая истина» означаетъ «народъ», т.-е. «разумъ, право, интересы и волю этихъ 35.000.000 человѣкъ, безъ всякихъ исключеній, предпочтеній и привилегій» ⁶⁾. Когда, наконецъ, революція унесла съ собой режимъ 1830 года, никогда не понимавшій и не хотѣвшій понять «своей демократической миссіи» ⁷⁾, первымъ восклицаніемъ Ламартина (25 февраля) было слѣдующее: «Мы основали эгалитарную республику, въ которой... только одинъ народъ, состоящій изъ совокупности всѣхъ гражданъ; въ которой публичное право и власть слагаются изъ права и вотума каждого

¹⁾ *La France parlementaire* (т. I, стр. 362).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 163).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 228).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 376).

⁵⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 36).

⁶⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 75).

⁷⁾ Вся оппозиція Ламартина Реставраціи сосредоточивалась на этомъ пунктѣ. *Ibid.* (т. II, стр. 148).

индивидуума»... ¹⁾). Нѣсколько дней спустя появляется знаменитый манифестъ къ французскому народу. «Изданный нами временный избирательный законъ обезпечиваетъ народу, въ такой мѣрѣ, какъ никогда и ни у одного народа въ мѣрѣ, широкое пользованіе высшимъ правомъ человѣка, правомъ своего собственнаго верховенства... Каждый взрослый французъ является гражданиномъ съ политическими правами. Каждый гражданинъ—избиратель. Каждый избиратель — носитель верховной власти. Всѣ обладаютъ абсолютно равными правами. Ни одинъ гражданинъ не можетъ сказать другому: у тебя больше верховной власти, чѣмъ у меня» ²⁾).

Таковъ вкладъ Ламартина въ идею всеобщаго голосованія. Впервые онъ упоминаетъ о немъ одновременно съ заявленіемъ, сдѣланнымъ *Обществомъ правъ человека* ³⁾, и на десять лѣтъ опережаетъ знаменитое *profession de foi* Ледрю-Роллена, съ которымъ тотъ обратился къ своимъ избирателямъ сартскаго департамента ⁴⁾, а также основаніе журнала *La Reforme*, органа агитаціи въ народѣ въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Дѣятельность партій только осуществила пророчества мыслителя.

Съ самымъ понятіемъ демократіи Ламартинъ считаетъ тѣсно связаннымъ то, что онъ уже въ *Рациональной политикѣ* называлъ «политическимъ и гра-

¹⁾ *La France parlementaire* (т. V, стр. 172).

²⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 214).

³⁾ См. Eugène Spuller, *Histoire parlementaire de la seconde République* (стр. 11).

⁴⁾ Ledru-Rollin (Сочиненія, т. I, стр. 3). «Избирательная реформа должна быть радикальной. Пусть каждый гражданинъ будетъ избирателемъ».

жданскимъ милосердіемъ». И въ этомъ случаѣ принципъ остается неизмѣннымъ, хотя мысль Ламартина постепенно растетъ и получаетъ все большую определенность.

Въ своей оппозиціи режиму Іюльской монархіи онъ часто нападаетъ, выражаясь его словами, на «матеріализмъ» власти, которая отказывается считаться съ моральными нуждами общества. Онъ неустойчиво требуетъ расширенія избирательнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ «морали и просвѣщенія», путемъ перестройки системы народнаго образованія, «постоянныхъ изслѣдованій» относительно промышленныхъ кризисовъ и облегченія или упорядоченія нѣкоторыхъ налоговъ, которые, подобно октруа и другимъ косвеннымъ налогамъ, безъ разбора падаютъ и на богатаго, и на бѣднаго, и крайне обременяютъ рабочіе классы». Онъ требуетъ, чтобы пролетаріевъ вывели изъ того положенія, въ которомъ они находятся, «снабжая ихъ работой» или на началахъ ассоціаціи, или путемъ выдачи въ кредитъ капиталовъ и земли, предназначенной для внутренней и внѣшней колонизаціи». Онъ требуетъ, однимъ словомъ, «любви къ народу, горячаго желанія счастья массъ, милосердія въ нашихъ законахъ»¹⁾.

Главный принципъ французской Революціи [вся политика демократической школы стремится сначала хорошенько понять духъ Революціи, а потомъ сдѣлать выводы изъ выставленныхъ ею принциповъ²⁾], и въ то же время принципъ христіанскій [Ламартинъ не

1) Рѣчь 1834 года, *La France parlementaire* (т. I, стр. 83—84).

2) Политика оппозиціи имѣетъ цѣлью вновь разъяснить истинный смыслъ французской Революціи». *Ibid.* (т. III, стр. 399, 400).

дѣлаетъ различія между духомъ Революціи и христіанства ¹⁾], это—принципъ взаимопомощи, братства людей, милосердія въ законахъ. Мы видимъ проявленіе этого принципа въ каждомъ законѣ Учредительнаго Собранія, и даже въ бурную эпоху Конвента онъ блещетъ среди мрака» ²⁾. Опредѣляя въ послѣдствіи (въ 1842 году) демократическое общество, Ламартинъ останавливается на слѣдующей формулѣ: «Демократическимъ называется такое общество, въ которомъ всѣ составляютъ народъ, т.-е. такое общество, гдѣ всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы у народа было больше нравственности, силы и достоинства» ³⁾.

Въ слѣдующемъ году, резюмируя въ газетной статьѣ жалобы оппозиціи на правительство, онъ требуетъ, на ряду съ другими реформами, созданія «учрежденій, на попеченіи которыхъ лежало бы помогать, доставлять трудъ и устраивать колонизацію,—учрежденій, благодаря которымъ общество было бы легальнымъ Провидѣніемъ по отношенію ко всѣмъ своимъ дѣтямъ, вмѣсто того, чтобы проявлять только свою жестокость, индифферентизмъ и эгоизмъ» ⁴⁾. Въ 1844 году, въ статьѣ о *Правѣ на трудъ*, гдѣ онъ отвергаетъ, впрочемъ, чисто-соціалистическую организацію труда (рѣшеніе Сэнъ-Симона—съ гнѣвомъ, рѣшеніе Фурье—съ почтеніемъ, коммунистовъ—съ ужасомъ) и гдѣ онъ объявляетъ себя даже неспо-

1) «Наша политическая идея принадлежитъ не намъ. Она принадлежитъ цѣлому вѣку, цѣлой странѣ. Она принадлежитъ французской Революціи или, скорѣе, Богу». *La France parlementaire* (т. III. стр. 398).

2) *Ibid.* (т. II, стр. 104).

3) *Ibid.* (т. III, стр. 269).

4) *Ibid.* (т. III, стр. 456).

собнымъ понять «свободное правительство, опирающееся на произволъ, а конкуренцію на монополию» ¹⁾),—въ этой статьѣ онъ весьма живо нападаетъ на политическую экономію «англійской матеріалистической школы»; онъ отрицаетъ принципъ конкуренціи, «покровительствующій эгоизму» ²⁾), и «грубую аксіому» *laissez faire, laissez passer* ³⁾). Онъ желаетъ, чтобы государство, сохраняя полное уваженіе къ «свободѣ сдѣлокъ между капиталомъ и трудомъ» и всячески избѣгая «налагать свою властную руку на отношенія хозяина къ рабочему», не отказывалось, однако, отъ «лучшаго изъ своихъ правъ, которое признаютъ за нимъ и древнія и новыя цивилизаціи, отъ права быть Провидѣніемъ народа. Но Провидѣніе «не довольствуется созерцаніемъ: оно помогаетъ; не довольствуется предоставленіемъ свободы дѣйствія: оно дѣйствуетъ». И государство должно дѣйствовать въ извѣстныхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, требующихъ энергичнаго вмѣшательства. Государство должно бдительнымъ окомъ слѣдить за положеніемъ трудящихся, и протягивать имъ руку помощи съ рабочей платой и хлѣбомъ, когда у нихъ, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, нѣтъ ни того, ни другого» ⁴⁾). Общество,—повторяетъ онъ въ послѣднихъ строкахъ статьи, пытаясь резюмировать свою мысль, но не достигая, при этомъ, полной опредѣленности,—«должно признать право на трудъ въ крайнихъ случаяхъ и въ строго опредѣленныхъ условіяхъ» ⁵⁾).

¹⁾ *La France parlementaire* (т. IV, стр. 112—120).

²⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 106).

³⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 108).

⁴⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 108).

⁵⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 120).

Когда вопросъ о правѣ на трудъ дебатирется въ Національномъ Собраніи, Ламартинъ всходитъ на трибуну и снова устанавливаетъ различіе между организаціей труда, которую онъ опять осуждаетъ, какъ «иллюзорную, фантастическую, химерическую», какъ «полную гибель капитала», какъ «посягательство на всякое общество и собственность»,—различіе между правомъ на самый трудъ, понимаемымъ въ абсолютномъ смыслѣ и «дающимъ каждому гражданину право требовать отъ правительства такого вознагражденія и труда, какія соотвѣтствуютъ его индивидуальной профессіи»¹⁾, и тѣмъ, что онъ называетъ правомъ на жизнь, «правомъ на существованіе посредствомъ труда»²⁾. «Миссія 1848 года» состоитъ въ установленіи такого права «на помощь государства, въ случаѣ доказанной необходимости, при опредѣленныхъ (законодателемъ) условіяхъ»³⁾. Въ данномъ случаѣ мысль Ламартина опять-таки отличается широтой, гуманностью и благородствомъ, хотя ему и слѣдуетъ поставить въ упрекъ, что онъ оставляетъ въ тѣни вопросъ о средствахъ къ ея осуществленію. Распространеніе просвѣщенія, право на жизнь для массъ—вотъ путь, намѣченный Ламартиномъ. Онъ отвергалъ, кромѣ того, рѣшенія социалистовъ, осуждалъ нападки на частную собственность, однимъ словомъ, поддерживалъ право свободы, считая послѣднюю первымъ изъ правъ.

Дѣйствительно, и Ламартинъ и Токвиль отличаются стремленіемъ такъ устроить демократію, чтобы не произошло нарушенія ни одной изъ вольностей,

¹⁾ *La France parlementaire* (т. V, стр. 413).

²⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 421, 424).

³⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 426).

ни одного изъ правъ, завоеванныхъ въ 1789 году: личной безопасности, свободы совѣсти, мысли и печати. Всѣхъ этихъ вольностей требуетъ Ламартинъ еще въ 1831 году, въ своей *Рациональной политикѣ*. Находясь въ оппозиціи, онъ никогда не переставалъ восхвалять ихъ и отстаивать. Находясь у власти, онъ оказываетъ имъ уваженіе и, при всякомъ удобномъ случаѣ, ставитъ въ заслугу временному правительству, что оно не отмѣняло ихъ, не уменьшало и не угрожало имъ ¹⁾. Но, подобно Токвилю, Ламартинъ не считаетъ дѣло свободы несовмѣстимымъ съ широкимъ вмѣшательствомъ государства въ нѣкоторыя области. Токвиль констатируетъ фактъ; онъ видитъ и указываетъ, какъ съ каждымъ днемъ усиливается вмѣшательство государства, и не пугается этого. Ламартинъ провозглашаетъ обязанность. Онъ побуждаетъ и закликаетъ государство вмѣшиваться.

Онъ не хочетъ слабой, урѣзанной власти. Поэтому онъ многократно и всѣми силами борется противъ идеи децентрализаціи, не административной (ее онъ допускаетъ), а правительственной. Онъ отвергаетъ эту идею въ 1831 году, въ *Рациональной политикѣ* ²⁾. Онъ нападаетъ на нее въ 1834 году и защищаетъ, напротивъ, «такую организацію, посредствомъ которой разсѣянные и недостаточныя силы всѣхъ концентрируются въ дѣятельности правительства, проникнутой единствомъ, правильной и неотра-

¹⁾ См. прокламацію временнаго правительства къ французскому народу. *La France parlementaire* (т. V, стр. 214). Общій докладъ Національному Собранію (*Ibid.* т. V, стр. 253).

²⁾ *Politique rationnelle* (стр. 379).

зимой»¹⁾). Децентрализовать націю, скажетъ онъ опять въ 1838 году,—«значить заживо разсѣчь ее на части». Эта сильная, централизованная власть, конечно, опасна тамъ, гдѣ «страна и правительство раздѣлены надвое»; но она совершенно безопасна, когда страна и правительство нераздѣльны, когда правительство «представляетъ только народъ въ дѣйствіи»²⁾). Это идея Луи Блана и многихъ другихъ. Это, восходя еще далѣе, идея Руссо. Недовѣріе страны къ правительству становится «непонятной безсмыслицей».

Ламартинъ былъ изъ числа тѣхъ, которые въ 1838 году усиленно стояли за право или, лучше сказать, за обязанность государства самому строить главныя линіи желѣзныхъ дорогъ³⁾. Луи Бланъ отмѣтилъ исключительную важность этого спора въ исторіи партій и всю многозначительность положенія, занятаго въ этомъ случаѣ представителями демократической школы⁴⁾. Ихъ обвиняли въ томъ, что они сторонники безпорядка, противники идеи правительства; а они, наоборотъ, передъ лицомъ самой власти, раскрываютъ ея право.

Ламартинъ не довольствуется тѣмъ, что отводитъ правительству важную роль въ экономической и социальной жизни. «Мы — спиритуалисты въ политикѣ», повторяетъ онъ въ 1847 году, въ цитированномъ мною выше произведеніи. Подобно тому, какъ «мы ставимъ интересы духа много выше интересовъ

¹⁾ *La France parlementaire* (т. I, стр. 71).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 109).

³⁾ Многія изъ предыдущихъ цитатъ заимствованы изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ по этому вопросу 9 мая 1831 года и 6 іюля 1839 года (*Ibid.*, т. II, стр. 106—125; 234—242).

⁴⁾ *Histoire de Dix Ans* (т. V, стр. 331).

плоти, такъ и душу народовъ мы ставимъ гораздо выше ихъ матеріальной организаціи». И дальше: «Мы думаемъ, что народы имѣютъ душу, и миссіей цивилизаціи и правительствъ является просвѣщать ее, развивать, увеличивать, укрѣплять, одухотворять и освящать, съ каждымъ вѣкомъ все болѣе и болѣе, посредствомъ усвоенія и пропаганды идей, этого продукта мысли и совѣсти, этого постоянно возрастающаго наслѣдства, этого блеска, величія, силы, истины, достоинства и святости человѣческаго духа». Несмотря на это многословіе, и, пожалуй, излишнюю напыщенность, идея ясна. Ламартинъ самъ подчеркиваетъ ее: правительство не должно быть только «орудіемъ государства на благо всѣхъ его членовъ». Оно должно быть также, прежде всего, сверхъ всего, «орудіемъ Бога, дѣятельнымъ двигателемъ и инициаторомъ человѣческаго разума» ¹⁾).

III.

Демократическая школа обладала тѣмъ, чего не хватало либераламъ и доктринерамъ, — сознаніемъ важности интересовъ человѣческой массы, по крайней мѣрѣ, въ области политики и морали. Вслѣдствіе этого, ея индивидуализмъ напоминаетъ индивидуализмъ мыслителей XVIII вѣка, которые были первыми дѣятелями въ пользу эмансипаціи личности. Демократическая школа не испугалась мысли, что государство могло довольно часто вмѣшиваться въ социальные отношенія въ интересахъ равенства и справедливости; но она не сумѣла достаточно опредѣленно намѣтить границы этого вмѣшательства, и это

¹⁾ *La France parlementaire* (т. V, стр. 79).

было ея слабымъ пунктомъ, на который и напали тѣ либералы, которые выставляютъ, развиваютъ и дѣлаютъ кредитоспособной новую формулу индивидуализма, являющуюся противоположностью и реакціей противъ формулы демократической школы.

Демократическая школа не фиксировала съ достаточной опредѣленностью границы вмѣшательства государства именно потому, что не установила философскихъ основаній своей политической доктрины.

Токвиль уже склоняется къ утилитаризму. Изъ всѣхъ политическихъ теорій эта философія кажется ему «наиболѣе соотвѣтствующей потребностямъ человека нашего времени». Ему хотѣлось бы, чтобы моралисты шли въ этомъ направленіи, и въ одной изъ своихъ отточенныхъ фразъ, которыми онъ охотно пользуется, рискуя иногда повредить правильности идеи ради правильности антитезы, онъ приглашаетъ ихъ «пользоваться ею, какъ необходимою даже въ томъ случаѣ, если они считаютъ ее несовершенной» ¹⁾. *Необходимою*—выраженіе, очевидно, преувеличенное и неправильное. Ламартинъ полонъ религіознаго чувства ²⁾, и не у него слѣдуетъ искать строго философской точности.

Только въ одномъ небольшомъ отрывкѣ Лёдрю-Роллена моральный апріоризмъ берется какъ принципъ и граница вмѣшательства государства ³⁾. Содержаніе той работы, гдѣ онъ находится, незначительно и почерпнуто изъ третьихъ или четвертыхъ

¹⁾ *La Démocratie en Amérique* (Сочиненія, т. III, стр. 202).

²⁾ Не онъ ли сказалъ: «Религіозное чувство—это весь человекъ»? *La France parlementaire* (т. III, стр. 490).

³⁾ *Étude sur l'influence de l'École française sur le Droit aux XIX-e siècle.* (Сочиненія Лёдрю-Роллена, т. II).

рукъ. Мысль въ немъ отличается слабостью, но авторъ безъ колебанія говоритъ «о справедливомъ въ себѣ», чего не могла бы измѣнить общая воля; и заявляетъ, «что естественный или божественный законъ» повелѣваетъ «почитать свободу индивидуума». Уваженіе къ индивидуальной свободѣ является однимъ изъ тѣхъ «первичныхъ понятій о справедливости», которыхъ человекъ не можетъ нарушить. Оно представляетъ «божественное въ правѣ». Оно «ограничиваетъ дѣйствіе власти и покровительствуетъ индивидууму» ¹⁾. Это крайне туманно выраженная теорія естественнаго права.

Позднѣе, но только позднѣе, одинъ изъ представителей демократической школы, называющій себя, кромѣ того, *либеральнымъ демократомъ* ²⁾, осмѣлится философски изслѣдовать эти вопросы, искать «принциповъ правленія» помимо «опыта», объявить, что политика беретъ свое начало въ морали и психологій, смѣло возвратиться къ идеѣ естественнаго права и найти въ ней оправданіе вмѣшательству государства въ довольно значительномъ числѣ случаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ точную границу, за которую это вмѣшательство не должно переходить.

Сущность демократической теоріи Вашро состоитъ въ «теоріи соціальнаго права и органа его—государства» ³⁾. Но въ то же время онъ объявляетъ себя противникомъ всякаго деспотизма, будетъ ли это «воля цѣлаго народа», или капризъ

¹⁾ Сочиненія Лёдрю-Роллена (т. II, 559).

²⁾ Vacherot, *La Démocratie* (1860). См. предисловіе (стр. XVIII). «Въ либеральной демократической школѣ, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать .

³⁾ *La Démocratie*, предисловіе (стр. XIX).

государя, и «прежде всего сторонникомъ правъ человека». Индивидуальное право «принципъ всякой хорошей политики». Общество должно обеспечить развитіе этого права, а государство благоприятствовать его примѣненію. Такимъ образомъ, «самое правильное и самое свободное голосованіе, если оно даже будетъ единодушнымъ, не можетъ лишить отдѣльнаго гражданина какого-либо изъ этихъ правъ, такъ удачно названныхъ естественными правами, потому что онъ обладаетъ ими въ силу своей человѣческой природы, а совѣтъ не въ силу какого-нибудь соціального установленія» ¹⁾. Мало того: Вашро не колеблясь говоритъ, что общество и государство представляютъ собою справедливость. Задача состоитъ въ томъ, чтобы примирить требованіе справедливости съ требованіями свободы, индивидуальное право съ соціальнымъ. По поводу выраженія «соціальное право» я долженъ оговориться, и впоследствии постараюсь доказать необходимость этого. Но въ общемъ формула Вашро очень удачна, такъ какъ, если теорія естественнаго права справедлива, «государство не имѣетъ никакого права на права человека» ²⁾.

Человѣкъ, его нравственность, умъ, благосостояніе служатъ цѣлью; государство—средствомъ. Въ-мѣсто того, чтобы противопоставлять индивидуума и государство другъ другу, какъ двѣ крайнія противоположности, нужно слить ихъ воедино, какъ элементы одного цѣлаго. «Права индивидуума и государства не только не исключаютъ, не ограничиваютъ и не

¹⁾ *La Démocratie*, предисловіе (стр. XIX).

²⁾ *Ibid.* (стр. 229).

стѣсняють другъ друга, а предполагають, поддерживаютъ и дополняютъ. Индивидуальное право обеспечивается правомъ социальнымъ. Последнее — единственной цѣлью своей имѣетъ *охраненіе и развитіе индивидуальнаго права*» ¹⁾. Откуда выводъ: вмѣшательство государства всегда законно тамъ, гдѣ оно обеспечиваетъ индивидуальныя права тѣхъ, кто иначе не пользовались бы ими; оно незаконно повсюду, гдѣ угрожаетъ какому - либо изъ правъ индивидуума.

У Вашро демократическая школа находитъ свой настоящій принципъ, хотя и выказываетъ еще колебанія въ его примѣненіи ²⁾. Но около 1848 года она еще не исповѣдуетъ такой законченной доктрины. Поэтому она чувствуетъ себя сбитой съ позиціи, когда грубая дѣйствительность разрушаетъ возвышенную мечту, въ которую вѣрили люди, подобные Токвилю и Ламартину, когда событія 1850 года надолго уничтожаютъ политическую свободу, оставляя только призракъ и пародію народнаго верховенства, на ряду съ дѣйствительно сильной властью и чрезвычайной централизаціей.

¹⁾ *La Démocratie* (стр. 233).

²⁾ Слѣды этихъ колебаній можно видѣть на страницахъ, посвященныхъ авторомъ вопросу объ образованіи. *Ibid.* (стр. 90 и сл; стр. 274 и сл.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ортодоксальные экономисты.

Въ системѣ «Естественной свободы», какъ ее понималъ Адамъ Смитъ, вмѣшательство государства было замѣтно ограничено, но все-таки оставалось. Ученики пошли гораздо далѣе учителя: они установили абсолютную противоположность между индивидуумомъ и государствомъ и свели къ ней весь индивидуализмъ. Экономисты, по крайней мѣрѣ, во Франціи, были увлечены на этотъ путь скорѣе своей полемикой противъ социализма, чѣмъ изученіемъ фактовъ и логическимъ развитіемъ ихъ доктрины.

Это становится яснымъ при сравненіи сочиненій Ж.-Б. Сэя или Росси съ сочиненіями Дюнуайе и Бастіа. Ж.-Б. Сэй, вѣрный методу Смита, изучаетъ главные экономическіе факты своего времени. Росси даетъ педантическое изложеніе тезисовъ школы: оба они, разумѣется, враждебны широкому и частому вмѣшательству государства, но не подвергаютъ этого принципа абсолютному осужденію. Бастіа и Дюнуайе воюютъ противъ социализма, и мы сейчасъ увидимъ, до чего доходятъ они въ пылу борьбы.

I.

Ж.-Б. Сэй выпускаетъ въ свѣтъ свой *Трактатъ по политической экономіи* въ такое время, когда налагавшіяся на торговлю всякаго рода путы и запрещенія стали орудіемъ борьбы въ рукахъ правительства ¹⁾. Поэтому онъ энергично выступаетъ противъ вмѣшательства государства во всѣхъ случаяхъ, когда оно идетъ во вредъ «естественному ходу вещей» ²⁾. Когда государство само становится производителемъ, оно обязательно, говоритъ Ж.-Б. Сэй, будетъ дурнымъ мануфактуристомъ, негоціантомъ ³⁾ и пр. «Ничѣмъ не замѣчательное правленіе кардинала Флѣри,—прибавляетъ онъ въ часто цитируемомъ отрывкѣ,—доказываетъ, что глава государства дѣлаетъ много хорошаго уже тѣмъ, что не дѣлаетъ ничего дурного» ⁴⁾. Ж.-Б. Сэй отмѣчаетъ, кромѣ того, опасность, вытекающую изъ роста налоговъ, обусловленнаго образованіемъ «ненормальныхъ и смѣшныхъ политическихъ механизмовъ» ⁵⁾. Все это чистый духъ Адама Смита.

Но подсказывая эти протесты, духъ Адама Смита внушаетъ Ж.-Б. Сэю и тѣ ухищренія, которыми онъ облакаетъ свою мысль. Онъ допускаетъ, напримѣръ, что государство, устанавливая преміи и разнаго рода поощренія, оказываетъ производителямъ услугу. Основаніе Альфортской школы, опытной фермы въ

¹⁾ *Traité d'Économie politique* (1803).—*Cours d'Économie politique* (1828—1830).

²⁾ *Traité d'Éc. pol.* (кн. I, гл. 17).

³⁾ *Ibid.* (кн. I, гл. 18).

⁴⁾ *Ibid.*, Вступленіе.

⁵⁾ *Ibid.* (кн. III, гл. 10).

Рамбулье и разведение мериносовъ онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ «истинными благодѣянiями» ¹⁾. Онъ признаетъ за государствомъ право производить крупныя общественныя предпрiятiя, сооружать дороги, мосты, каналы, порты ²⁾. Онъ не отвергаетъ, наконецъ, что государство имѣетъ право распространять «элементарное» и «высшее» образованiе ³⁾, хотя и смотритъ на созданный Наполеономъ университетъ, какъ на «убыточное для родителей и отяготительное для наставниковъ средство снабдить государственную власть исключительной привилегiей обученiя юношества» ⁴⁾. Слѣдовательно, для Ж.-Б. Сэя государство не является «язвой», которую нужно искоренить. По словамъ ученаго экономиста, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ ⁵⁾, ему приписали выраженiе, котораго нѣтъ въ его сочиненiяхъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что идея, заключающаяся въ этомъ выраженiи, кажется чуждой Ж.-Б. Сэю.

¹⁾ *Traité d'Économie politique*, кн. I, гл. 17.

²⁾ *Ibid.*, кн. I, гл. 17.

³⁾ *Ibid.*, кн. III, гл. 7.

⁴⁾ *Ibid.*, кн. III, гл. 7.

⁵⁾ J o u r d a n, *Du rôle de l'État dans l'ordre économique* (стр. 339, примѣчанiе). «На засѣданiи Политико-экономическаго общества разсуждали о социализмѣ, о всеобщемъ голосованiи, и о вмѣшательствѣ государства. Ж. Гарнье объявилъ, что онъ, вмѣстѣ съ Гораціемъ Сэемъ, сыномъ Ж.-Б. Сэя, тщетно искалъ въ сочиненiяхъ послѣдняго знаменитаго выраженiя «правительство — язва». Онъ полагаетъ, что это одно изъ тѣхъ историческихъ выраженiй, которыя никогда не были сказаны, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, кому ихъ приписываютъ; или, что Ж.-Б. Сэй могъ произнести его только для характеристики расточительныхъ правительствъ .

Росси¹⁾, менѣе внимательный къ фактамъ и болѣе занятый теоріей, повторяетъ, какъ вѣрный ученикъ Адама Смита, объ явныхъ и тайныхъ опасностяхъ, которыми грозитъ вмѣшательство государства. Но когда ему приходится спросить себя о томъ, что такое государство и чѣмъ оно должно быть, онъ далеко не отвѣчаетъ, подобно Бастіа: «ничто».

Государство, говоритъ Росси, не является результатомъ «соглашенія», которое могло «быть или не быть». Въ такомъ положеніи находятся «торговья общества, военныя или ученыя корпораціи». Государство, подобно семьѣ, имѣетъ «свою индивидуальность, свои права и обязанности». И, продолжая свой анализъ, Росси опредѣляетъ «цѣль» государства, а также средства, которыми оно располагаетъ для ея достиженія. Государство имѣетъ цѣлью обезпечить человѣческому роду «не только матеріальное благополучіе, но и нравственное совершенствованіе»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Росси говоритъ о «миссіи» государства, которая, по его мнѣнію, не ограничивается «противодѣйствіемъ кровавой борьбѣ частныхъ интересовъ и покровительствомъ каждой индивидуальности», но «гораздо возвышеннѣе»³⁾. Поэтому государство въ правѣ требовать «извѣстнаго духовнаго воспитанія, подобно тому, какъ оно требуетъ одежды и приличнаго вида для тѣла»⁴⁾.

Не нужно особенно настаивать на выраженіяхъ этого отрывка, чтобы показать, что Росси является не столько ортодоксальнымъ экономистомъ, сколько предшественникомъ теоріи «миссій государства».

¹⁾ *Ibid.*, (1839—1841).

²⁾ *Ibid.*, (т. II, стр. 282).

³⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 210).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 315).

II.

Почти совсѣмъ забытая нынѣ книга Дюпуайе о *Свободѣ труда*¹⁾ направлена одновременно и противъ притязанія власти вмѣшиваться въ промышленность или въ обмѣнъ, и противъ «мнимоорганизаторскихъ» стремленій тѣхъ школъ, которыя требуютъ отъ государства насилія надъ независимостью индивидуума²⁾.

Административная централизація, экономическій протекціонизмъ и полицейская регламентація находятъ въ Дюпуайе непримиримаго врага³⁾. Онъ строго ограничиваетъ область правительственного вліянія на той стадіи цивилизаціи, которую онъ, подобно Сэнъ-Симону, называетъ «промышленной эпохой». Основная функція правительства заключается въ поддержаніи мира, порядка, хорошихъ соціальныхъ отношеній и привычекъ⁴⁾. Но должно ли оно заботиться объ этомъ непосредственно? Единственный непосредственный актъ, позволенный ему, состоитъ въ подавленіи несправедливыхъ притязаній и поступковъ, вредныхъ для другихъ, потому что тѣ поступки, которые вредятъ только намъ самимъ, не касаются его. А если оно выходитъ изъ этихъ гра-

1) Тэнъ справедливо замѣтилъ, что работа Дюпуайе «уже содержитъ почти всѣ идеи Спенсера (о государствѣ) и ей недостаетъ только физиологическихъ иллюстрацій.» *Origines de la France contemporaine. Le Régime moderne* (т. I, стр. 152, примѣч. 1).

2) *Liberté du Travail*, 1-е изд. (т. I, предисловіе, стр. XIII).

3) *Ibid.* (т. I, стр. 310 и сл.; т. II, стр. 90 и сл.).

4) *Ibid.* (т. III, стр. 348 и сл.).

ницъ? Тогда оно становится нарушителемъ общественнаго порядка. Оно можетъ брать на себя только то, чего не въ силахъ сдѣлать отдѣльные лица.

А если скажутъ, что это слишкомъ узкія рамки? Скажутъ ошибочно. Для всѣхъ народовъ первымъ изъ благъ является безопасность. Съ ней связаны матеріальное благосостояніе и моральное довольство. Стало-быть, правительство, заботясь объ общественной безопасности, оказываетъ націи драгоцѣннѣйшую услугу, «которую нельзя и оцѣнить» ¹⁾. Къ этому первому благодѣянію присоединяется другое. Правительство, выполняющее свои естественныя задачи, побуждаетъ гражданъ усвоивать «хорошія гражданскія привычки», благодаря которымъ граждане добровольно дѣлаютъ то, къ чему прежде ихъ приходилось принуждать ²⁾. Чѣмъ болѣе совершенствуется общество, тѣмъ самостоятельнѣе становятся его члены. Прогрессъ замѣчается въ «постепенной замѣнѣ дѣятельности администраціи дѣятельностью общества». Правительства также совершенствуются по мѣрѣ того, какъ суживается сфера произвола. Будущее общество—въ ихъ все болѣе и болѣе полной эмансипаціи ³⁾. Уже въ настоящее время государство должно отказаться отъ всякаго воздѣйствія на духовенство ⁴⁾, перестать обучать юношество ⁵⁾ и выдавать отъ себя дипломы и патенты, хотя бы, напримѣръ,

¹⁾ *Liberté du Travail* (т. III, стр. 362).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 363).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 334; т. III, стр. 373).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 328 и слѣд.).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 488). Дюнуайе дѣлаетъ, однако, въ другомъ мѣстѣ оговорку относительно народнаго образованія. См. *Notices d'Economie sociale*. (Сочиненія, т. III, стр. 74).

на званіе врача. То, что государство называетъ свободой, слишкомъ часто бываетъ лишь пользова- ніемъ разрѣшеніемъ, предварительно данныхъ имъ же самимъ ¹⁾: истинная свобода чужда формализма.

Не довольствуясь такимъ ограниченіемъ вмѣшательства государства въ національный трудъ, а также въ моральную жизнь общества, Дюнуайе гораздо опредѣленнѣе своихъ предшественниковъ излагаетъ то, что, пользуясь его собственными словами, можно назвать политикой, извлеченной изъ экономическихъ доктринъ ²⁾.

Внимательное изученіе политической экономіи показываетъ, что источникомъ всего «истинно полез- наго для счастья человѣка» ³⁾ является трудъ. Духъ господства и завоеваній, бывшій принципомъ старой политики, предшествовавшей экономическимъ док- тринамъ, логически велъ къ «милитарной и меркан- тильной системѣ... и къ регламентарному режиму». Наоборотъ, индустрія нуждается только въ свободѣ и безопасности. Въ удовлетвореніи этихъ двухъ по- требностей и состоитъ вся задача правительствъ ⁴⁾. Разъ такъ, вопросы, столь долго воспламенявшіе стра- сти, становятся безразличными. «Важно не то, чтобы имѣть правительство, называющееся монархіей или

¹⁾ *Liberté du Travail* (т. III, стр. 340).

²⁾ См. въ *Notices d'Économie sociale* два интересные отрывка, напечатанные сначала въ формѣ статей въ *le Censeur européen*, одинъ въ 1818 году, другой въ 1819, и озаглавленныхъ: *Politique tirée des doctrines économiques*, и *De l'influence qu'exercent sur les gouvernements les salaires attachés à l'exercice des fonctions publiques*.

³⁾ *Notices d'Économie sociale* (Сочиненія, т. III, стр. 85).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 87).

республикой, ибо слова эти, и то и другое, могут означать ужасы или глупости; важна не вывѣска, важно то, чтобы Компанія, обязанная заботиться объ общей безопасности, стоила дешево и не причиняла беспокойства» ¹⁾. Слова: «конституція», «представительное правленіе» и проч. «теряютъ свое обаяніе». Наилучше управляемой страной была бы та, «гдѣ общая безопасность не требовала бы постоянного вмѣшательства особой силы, и правительство могло бы, нѣкоторымъ образомъ, исчезнуть, предоставивъ обывателямъ вполне располагать своимъ временемъ, доходами и свободой» ²⁾.

Что же нужно дѣлать для установленія такого правительства? Стараться преобразовать прежде всего самихъ себя, а не учрежденія, и развивать въ народѣ «здравый смыслъ» ³⁾. Затѣмъ, избѣгать дѣлать «доходное занятіе» изъ общественнаго служенія; иначе послѣднее обязательно вырождается въ деспотизмъ. Въ правильно устроенномъ государствѣ правительство вполне зависитъ отъ производства; правители — «приказчики, нанятые производителями за извѣстную плату охранять ихъ личную и имущественную безопасность, пока они работают». Управлять должно возможно меньшее число людей; работать возможно большее; «было бы верхомъ совершенства, если бы всѣ работали и никто не управлялъ» ⁴⁾. Для приближенія къ этому идеалу нужно уменьшить число государственныхъ должностей и убавить жалованье —

¹⁾ *Notices d'Économie sociale* (Сочиненія, т. III, стр. 89).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. III, стр. 91).

³⁾ *Ibid.* (Соч., т. III, стр. 100).

⁴⁾ *Considérations sur l'état de l'Europe* (1817) въ *Notices d'Économie sociale* (Сочиненія, т. III, стр. 43).

Дюнуайе говоритъ:—заработную плату тѣхъ, кто ихъ занимаетъ ¹⁾).

У Дюнуайе ортодоксальная политическая экономія еще не соединилась съ эклектической философiей. Авторъ *Свободы труда* обладаетъ практическимъ и положительнымъ умомъ и въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ является позитивистомъ до позитивизма. Онъ—врагъ абстракцiй и метафизики. Онъ и слышать не хочетъ объ естественномъ правѣ ²⁾. Сказать а priori, что человѣкъ «свободная сила», не значитъ сдѣлать его дѣйствительно свободнымъ. Реальная свобода не что иное, какъ освобожденiе отъ всѣхъ препятствiй, стѣсняющихъ развитiе человѣческихъ способностей: она не отправной пунктъ, а конецъ всего пути ³⁾. Только у Бастіа мы встрѣчаемъ полное сближенiе политической экономiи и эклектизма,—сближенiе, значенiе и слѣдствiя котораго выяснятся далѣе.

III.

Среди всѣхъ экономистовъ своего времени Бастіа ⁴⁾ выдается необыкновенной настойчивостью въ борьбѣ за права индивидуума противъ захватовъ государства. Но, если интересно напомнить аргументы, которыми онъ пользовался въ своей полемикѣ, еще болѣе интересно прослѣдить ходъ его мысли, показать, какъ вяжутся между собой его любимыя положенiя, образуя стройное цѣлое, весьма отличное, во всякомъ случаѣ, отъ доктрины Адама Смита.

1) *Notices d'Économie sociale* (Сочиненiя, т. III, стр. 123).

2) *Liberté du Travail* (т. I, стр. 19, примѣчанiе).

3) *Ibid.* (т. I, стр. 20).

4) *Oeuvres complètes* (Изд. Guillaumin'a).

Основнымъ элементомъ системы Бастіа является свобода обмѣна. Рано заинтересовавшись борьбой Кобдена въ Англіи противъ протекціонизма, онъ рассказываетъ о ней своимъ согражданамъ и даетъ понять ея духъ¹⁾.

Вопросъ объ обмѣнѣ ведетъ къ разсмотрѣнію враждебныхъ между собою интересовъ производителя и потребителя. Интересъ производителя заключается въ томъ, чтобы «предложеніе было очень ограничено, а спросъ очень великъ»; интересъ потребителя, наоборотъ, состоитъ въ томъ, чтобы «предложеніе было велико, а спросъ ограниченъ». Эти интересы противоположны другъ другу, но одинъ изъ нихъ, а именно потребительскій, «совпадаетъ съ соціальнымъ интересомъ вообще, другой же — враждебенъ послѣднему». Законодательство должно благопріятствовать первому. Покровительство второму было бы въ ущербъ цивилизаціи, и въ мірѣ снова воцарилось бы варварство.

Бастіа не довольствуется восхваленіемъ свободного обмѣна въ международныхъ отношеніяхъ и организаціей во Франціи такой же агитаціи, какая была въ Англіи. Онъ все сводитъ къ этому принципу; онъ дѣлаетъ изъ него первое и послѣднее слово политической экономіи, политики, морали и даже религіи²⁾. Манифестъ французской ассоціаціи въ пользу свободы торговли, отъ 10 мая 1846 года, передаетъ намъ, какъ уже было замѣчено, «его мысль и языкъ»³⁾. Тутъ мы читаемъ: «Об-

1) *Cobden et la Ligue* (1845) (т. III Собранія сочиненій).

2) Въ своей книгѣ онъ хочетъ «возвѣстить добрую вѣсть». *Cobden et la Ligue*, Введение (стр. 2).

3) См. Pillion, *Critique philosophique*, годъ VII (т. I, стр. 230).

мѣнѣ—такое же естественное право, какъ и собственность». Лишать гражданина права свободно обмѣниваться продуктами своего труда—значить не только «мѣшать развитію общественнаго благосостоянія... и нарушать международный миръ, но оскорблять законъ и справедливость... ниспровергать порядокъ... не понимать воли Провидѣнія». Извѣстно, что первая строка этого манифеста гласитъ: «Подписавшіеся чувствуютъ потребность изложить *свою веру*». Бастіа, дѣйствительно, вѣритъ въ принципъ свободы обмѣна, и подчиняетъ ему всю организацію человѣческаго общества.

Интересъ потребителя, т.-е. интересъ каждого въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности, долженъ быть свободенъ повсюду. Слѣдуя выраженію Бентама, повторяемому Бастіа, интересъ этотъ обратится къ правительству съ тою просьбой, какую услышалъ Александръ отъ Діогена: «Посторонись отъ солнца» ¹⁾. Такая же свобода должна быть и между націями. Не служитъ ли цѣлью челоуѣчества, задачей всей цивилизаціи «свободное и братское общеніе людей всѣхъ странъ, климатовъ и расъ» ²⁾?

Обмѣнъ для Бастіа «составляетъ всю политическую экономію, всю общественную жизнь» ³⁾. Онъ смотритъ на него такъ потому, что разсматриваетъ исключительно образованіе богатства. Экономическая наука, по его мнѣнію, имѣетъ нравственной задачей «описывать, *какъ* производится и распределяется богатство, подобно тому, какъ физиологія

¹⁾ Это эпиграфъ второй серіи *Sophismes économiques* См. *Pamphlets*, I (Сочиненія, т. IV, стр. 127).

²⁾ *Cobden et la Ligue*, Введеніе (стр. 80)

³⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. IV, стр. 93).

описываетъ дѣятельность нашихъ органовъ»¹⁾. А общественныя бѣдствія? Политическая экономія такъ же мало отвѣтственна за нихъ, какъ фізіологія за страданія человѣческаго тѣла; или, лучше сказать, она не занимается ими и не хочетъ ихъ знать. Она стремится рѣшить единственный вопросъ, которымъ задается,—рѣшить посредствомъ простого наблюденія «естественныхъ законовъ»,—вопросъ о «естественной организаціи»²⁾. Въ *Петиціи экономиста*³⁾ Бастіа, подобно Фурье, съ жаромъ проситъ себѣ «участокъ земли», не для того, чтобы производить тамъ опыты, а «для внимательнаго наблюденія того, какъ люди организуются сами собой». Правда, въ это маленькое общество онъ гипотетически вводитъ свободу, какъ условіе благоденствія⁴⁾. Гипотетически, потому что, въ дѣйствительности, нельзя доказать, чтобы общество, предоставленное самому себѣ, тотчасъ же и по своей инициативѣ устроилось на началахъ свободы.

Какимъ образомъ происходитъ, что эта эгоистическая проповѣдь ведетъ не къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, а напротивъ, ко всеобщему счастью? Причиной этого является царствующая въ мірѣ гармонія. Тамъ, гдѣ другіе видятъ противоположности, разногласія и вражду, Бастіа видитъ и хочетъ видѣть только гармонію. Онъ дорожитъ ей,

1) *Cobden et la Ligue*, Введеніе (стр. 8).

2) *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 135; стр. 180, стр. 29).

3) Цитирую по Pillion's *Critique philosophique*, годъ 7-й (т. I, стр. 246).

4) «Культъ, образованіе, трудъ, обмѣнъ вполне свободны» (loc. cit.).

прославляетъ ее, восторгается ей, находитъ въ ней послѣднее слово всего. Гармонія должна имѣть результатомъ «обязательное приближеніе всѣхъ классовъ къ одному *физическому*, интеллектуальному и моральному уровню, и въ то же время постоянное повышение этого уровня». Доказать эту истину, сдѣлать очевиднымъ царство гармоніи — значитъ «подтвердить дѣло Божіе» ¹⁾. Бастіа написалъ свою *теодицею* и написалъ ее, можно сказать, въ мистическомъ духѣ. Законы соціальныхъ явленій представляютъ тайну, и «невозможно, *помимо откровенія*, опредѣлить (ихъ) причину» ²⁾.

Бастіа очень ясно видитъ отношеніе, существующее между идеей гармоніи и идеей свободы. Онъ видитъ также обратное отношеніе, существующее между идеями принужденія и антагонизма. Если интересы будутъ гармонировать между собой, то соціальная проблема рѣшится посредствомъ одной свободы. Если же интересы будутъ находиться «въ антагонизмѣ» другъ съ другомъ, то придется обратиться къ принужденію. Отрывокъ, озаглавленный *Къ французской молодежи* и служащій предисловіемъ или введеніемъ къ *Гармоніямъ*, только развиваетъ этотъ взглядъ. Бастіа извлекаетъ отсюда рядъ выводовъ, которые служатъ ему аргументами противъ социализма. Свобода «имѣетъ только одну форму», принужденіе — тысячи, между которыми приходится выбирать. Но какъ склонить человѣчество къ той формѣ, которую я выбралъ? Если впоследствии встрѣтится высшая форма, то нужно ли будетъ подчиниться, въ свою оче-

¹⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 49). Ср. *Pamphlets*, I (Сочиненія, т. IV, стр. 322).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 591).

редь, и ей? Имѣется ли, наконецъ, сила, способная побѣдить тотъ антагонизмъ, который предполагаютъ въ самой сущности» человѣческихъ отношеній? Мало того: принципъ гармоніи не только превосходитъ принципъ антагонизма всѣмъ тѣмъ, что морально и экономически раздѣляетъ принужденіе и свободу, но даетъ еще средство взаимно примирить принципы *собственности* и *общности*, а слѣдовательно, устранить борьбу между школами и обезпечить всеобщее объединеніе умовъ.

Нарисовавъ себѣ картину этого примиренія, Бастіа испытываетъ радость, которая «всецѣло поглощаетъ его, отвлекаетъ отъ исполненія своихъ обязанностей» ¹⁾. Эта радость сопровождается «полною увѣренностью». Онъ углубляется въ свою идею и опасается, что у него нехватитъ времени привести ее въ исполненіе. Онъ проситъ Бога оставить его въ мірѣ семъ до тѣхъ поръ, пока онъ не «выполнитъ своей миссіи» ²⁾. Книга о *Гармоніяхъ* обязана своимъ происхожденіемъ этому чувству, и я долженъ первоначально разъяснить ея планъ, а потомъ уже разобрать ея принципъ.

«Я считаю возможнымъ доказать,—говоритъ еще разъ Бастіа въ письмѣ, изъ котораго мы сейчасъ заимствовали нѣсколько выраженій,—я считаю возможнымъ доказать съ полной очевидностью, что естественный общественный порядокъ ведетъ, даже при существованіи собственности, къ самому прекрасному, самому широкому и самому прогрессив-

¹⁾ См. письмо, цитируемое Pillon'омъ въ статьѣ, на которую я уже ссылался. (*Critique philosophique*, годъ VII, т. I, стр. 354).

²⁾ *Ibid.*

ному объединенію всѣхъ». Къ этому доказательству Бастіа приходитъ посредствомъ новой теоріи *цѣнности*.

Онъ отличаетъ, какъ извѣстно, цѣнность отъ полезности. Цѣнность заключается не въ вещахъ, а въ «обмѣнѣ услугъ». Природа даромъ снабжаетъ насъ матеріалами, которые, несомнѣнно, полезны, но сами по себѣ не имѣютъ цѣнности; цѣнность въ трудѣ, который человѣкъ къ нимъ прилагаетъ, въ *услугѣ*, которую онъ оказываетъ себѣ подобнымъ посредствомъ этого труда. Но въ обществѣ *польза* «стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе даровой, общей», а *цѣнность*, «единственный предметъ присвоенія», все болѣе и болѣе уменьшается¹⁾. Если это доказательство правильно, прибавляетъ Бастіа, оно должно «удовлетворить и примирить всѣ школы, допуская, что всѣ онѣ видѣли истину, но истину частичную, взятую съ различныхъ точекъ зрѣнія»²⁾. Экономисты, защищающіе собственность, отчасти правы. «Въ социальномъ строѣ нѣтъ другой собственности, кромѣ собственности на цѣнности, и эта собственность ненарушима». Соціалисты, требующіе общности, тоже отчасти правы. «Соціальный строй дѣлаетъ всѣ полезности общими, при условіи свободнаго обмѣна освоенныхъ цѣнностей»³⁾.

Человѣкъ имѣетъ *потребности*. Соціальное состояніе ведетъ людей къ взаимопомощи для удовлетворенія этихъ потребностей. Отсюда идеи *обмѣна*, *услугъ*, *цѣнности*, всѣ три, связанные съ дѣятельностью человѣка, порожденныя этой дѣятельностью.

¹⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 141).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 142).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 142).

Но человекъ является законнымъ собственникомъ продукта своего труда. Вотъ единственное основаніе для индивидуальной собственности. Экономисты, давшіе ложныя опредѣленія цѣнности, обратили логику въ пользу коммунистовъ, по отношенію къ праву собственности ¹⁾, и оставили въ тѣни «самый трогательный даръ Провидѣнія своему творенію,—явленіе прогрессирующей общности» ²⁾.

Съ одной стороны—дары природы, «область общности»; съ другой—человѣческія усилія, «которыя взаимны и придаютъ другъ-другу цѣнность,—область собственности. Но человѣческій родъ «прогрессивно совершенствуется». Поэтому усиліе, затрачиваемое на извѣстную работу, все уменьшается. Вмѣстѣ съ тяжестью труда уменьшается значеніе услуги, цѣнности и собственности ³⁾. Такъ какъ полезность остается та же самая, общность выигрываетъ то, что собственность теряетъ. Говоря проще и конкретнѣе, прогрессъ состоитъ въ «постоянномъ увеличеніи массы общихъ предметовъ, пользованіе которыми распределяется одинаково между всѣми, и мало-по-малу уничтожаетъ неравенство, вытекающее изъ различія въ собственности» ⁴⁾. И Бастіа сравниваетъ то, что можетъ получить нынѣ рабочій, цѣною дневного труда, для удовлетворенія своихъ главныхъ потребностей, съ тѣмъ, что онъ могъ бы получить «съ самаго начала» ⁵⁾. Однако, собственность, постоянно падающая, по мѣрѣ развитія общ-

¹⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 172).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 173).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 263).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 270).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 271—275).

ности, не исчезнетъ, потому что всегда останется трудъ и обмѣнъ мыслей, а слѣдовательно, *цѣнность*.

Это — піонеръ, который, закончивъ свою работу въ одномъ мѣстѣ, переходитъ въ другое¹⁾. Такъ доказывается и въ этомъ состоитъ «поистинѣ чудесная гармонія естественнаго соціальнаго порядка»²⁾. Бастіа прославляетъ свою теорію въ такихъ выраженіяхъ, которыя напоминаютъ Фурье своей вѣрой и энтузіазмомъ, хотя и выражены болѣе литературно.

Все это логическое построеніе, несомнѣнно, очень остроумно и красиво. Но достаточно ли проченъ его фундаментъ, чтобы выдержать все зданіе? Дѣйствительно ли Бастіа далъ намъ формулу, которая прекращаетъ борьбу между экономистами и коммунистами, примиряетъ всѣхъ искреннихъ людей и рѣшаетъ соціальную проблему въ пользу общей философіи, глубоко оптимистической, спиритуалистической и даже христіанской?

Для того, чтобы можно было считать честолюбіе Бастіа совершенно законнымъ, его теорія цѣнности должна была бы быть неопровержимой, а гипотеза основной гармоніи интересовъ — неоспоримой. Но Бастіа, легко доказывая простоту, духъ примиренія, утѣшительность, религіозность и практичность своей гипотезы (эти достоинства онъ приписываетъ ей въ письмѣ къ *Французской молодежи*³⁾), даже не пытается установить ея *истинность*. Съ другой стороны, онъ недостаточно глубоко проникъ въ проблему о свободѣ, и не знаетъ, поэтому, что

¹⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 279).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 289).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 11—12).

ни свобода, ни оптимизмъ недоказуемы ¹⁾. Слѣдовательно, его заслуга, правда, заслуга не малая, состоитъ лишь въ томъ, что онъ уразумѣлъ внутреннюю связь, соединяющую гармонію и свободу; но природа этой связи ускользаетъ отъ него.

Что касается его теоріи цѣнности, то было бы желательно, конечно, чтобы она могла выдержать критику и чтобы изъ нея можно было сдѣлать тѣ выводы, какіе дѣлаетъ Бастіа. Но какъ двусмысленно и неопредѣленно слово «полезность»! Есть много видовъ полезностей. Существуетъ, напримѣръ, такая, которая выражается въ «самыхъ свойствахъ вещей или, скорѣе, въ естественномъ и постоянномъ отношеніи этихъ свойствъ къ реальнымъ потребностямъ человѣка». Въ этомъ смыслѣ полезны воздухъ и вода. Существуетъ и другой родъ полезности, «который зависитъ отъ желанія, разумнаго или неразумнаго». Въ этомъ смыслѣ алмазъ обладаетъ полезностью. Но полезность, которую принимаютъ въ расчетъ экономисты, стоитъ въ соотношеніи съ желаніемъ и сливается съ цѣнностью. Точно такъ же, хотя всякая цѣнность порождается человѣческимъ трудомъ, не что иное, какъ предполагаемая цѣнность алмаза, который я замѣчаю на землѣ во время прогулки (возьмемъ классическій примѣръ) побуждаетъ меня нагнуться и подобрать его, т.-е. выполнить извѣстный трудъ, хотя бы и самый ничтожный. Наконецъ, можетъ ли оказываться *услуга* отдѣльно отъ вещей, отъ матеріаловъ, къ которымъ она прилагается? Какимъ образомъ и для чего объяснять цѣнность услугой, если природа *вещей*, относительно которыхъ оказывается услуга,

¹⁾ См. наше *Заключеніе*.

рѣшаетъ, хотя бы отчасти (въ виду ихъ рѣдкости, на примѣръ), цѣну самой услуги ¹⁾? Впрочемъ, и экономисты и социалисты остались недовольны теоріей Бастіа. Социалисты видѣли въ ней чистѣйшее лицемеріе. По ихъ мнѣнію, Бастіа придумалъ слово *услуга* для оправданія собственности, не основанной на трудѣ ²⁾. Экономисты, понимая опасность позиціи, занятой Бастіа, который требуетъ отчета по всѣмъ пунктамъ, хотя бы это было на руку социализму, отвергли его теорію цѣнности не безъ пренебреженія ³⁾.

Сблизивъ и какъ бы сливъ воедино идеи гармоніи и свободы, Бастіа неизбежно долженъ былъ превзойти своихъ предшественниковъ и въ частномъ вопросѣ о вмѣшательствѣ государства.

И дѣйствительно, онъ не ограничивается повтореніемъ, вслѣдъ за Дюнуайе, что единственная задача государства состоитъ въ охраненіи безопасности, въ гарантіи каждому своего ⁴⁾. Онъ не ограничивается тѣмъ, что отвергаетъ вмѣшательство государства въ національный трудъ въ формѣ поощреній и премій, что допускалъ Ж.-Б. Сэй ⁵⁾. Онъ идетъ далѣе: въ знаменитомъ отрывкѣ ⁶⁾, которымъ впоследствии много

¹⁾ См. статью Pilon'a (*Critique philosophique*, годъ VII, т. I, стр. 360).

²⁾ Таково, въ частности, возраженіе Лассалля: *Kapital und Arbeit*, Reden und Schriften, т. III, стр. 127.

³⁾ Maurice Block, *Progrès de la Science économique* (т. I, стр. 150—52).

⁴⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 540—542).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. VI, стр. 555).

⁶⁾ *Qu'est-ce que l'État*, см. *Petits Pamphlets*, I (Сочиненія, т. IV, стр. 328 и сл.). Ср. *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 536 и сл.).

пользовались, онъ нападаетъ на самое понятіе государства. Въ этихъ страницахъ, написанныхъ, какъ обычно для Бастіа, неравномѣрно, можно кое-чѣмъ воспользоваться. Такъ, напримѣръ, Бастіа совершенно правъ, доказывая, что гражданинъ, воображающій получить отъ государства что-либо даромъ, обманутъ словами, такъ какъ неизбѣжной расплатой за всѣ дары государства является налогъ. Но когда онъ притворяется не понимающимъ самаго смысла термина государство; когда онъ требуетъ, чтобы ему показали этого «феникса», которымъ является государство, и утверждаетъ, что «этого драгоценнаго открытія не было сдѣлано», потому что до сихъ поръ «народъ тотчасъ ниспровергаетъ все, что появляется подъ именемъ государства», тогда Бастіа самъ заслуживаетъ упрека въ игрѣ словами. Не очевидно ли, что онъ смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ правительство съ государствомъ? Революція измѣняетъ форму правленія, но не можетъ уничтожить государства. Въ пылу борьбы противъ социализма, Бастіа заходитъ слишкомъ далеко. Онъ былъ гораздо ближе къ истинѣ, когда въ своемъ обращеніи къ Французской молодежи указывалъ задачу политической науки «въ разсмотрѣніи того, что должно и что не должно принадлежать государству» ¹⁾. Но самое преувеличеніе, въ которое вдается его мысль, многозначительно: оно отмѣчаетъ крайній предѣлъ, къ которому идутъ экономисты. Преемники Бастіа всѣ стремятся къ этому предѣлу, хотя и приближаются къ нему далеко не одинаково.

¹⁾ *Harmonies économiques* (Сочиненія, т. VI, стр. 18).

Не слѣдуетъ особенно удивляться выводамъ, къ которымъ приходятъ, около этого самаго времени, нѣкоторые представители ортодоксальной школы. Новѣйшіе экономисты называли эти выводы «парадоксальными». Нѣтъ, они просто черезчуръ прямолинейно логичны, но стоятъ въ полномъ согласіи съ формулой Бастіа.

Когда Жозэфъ Гарнье, напимѣръ, хочетъ лишить государство всякой активной роли въ фабрикаціи и выпускѣ монеты ¹⁾; или когда Молинали предлагаетъ подчинить самыя правительства конкуренціи и отдавать преимущество той системѣ, которая окажется наименѣе принудительной ²⁾, оба они говорятъ, какъ ученики Бастіа, уче-

¹⁾ См. Легоу-Веаулиеу, *L'État moderne et ses fonctions* стр. 8).

²⁾ См. статью въ *Journal des Économistes* (15 февраля 1849 года), перепечатанную въ сочиненіи того же автора, озаглавленномъ *Questions d'Économie politique et de Droit public* (т. II, стр. 245 и сл.). Безопасность — товаръ, производство котораго должно подчиняться закону свободной конкуренціи. Потребитель безопасности не долженъ поневолѣ обращаться къ государству. «При господствѣ свободы, естественная организація производства безопасности не отличалась бы отъ другихъ родовъ промышленности. Въ маленькихъ кантонахъ можно было бы обойтись однимъ предпринимателемъ. Этотъ предприниматель передавалъ бы свое дѣло сыну или уступалъ бы кому-нибудь другому и т. д.», (*loc. cit.*).—Въ тотъ день, когда, подобно «свободѣ торговли», осуществится «свобода правленія», исчезнетъ всякое искусственное препятствіе свободному проявленію «естественныхъ законовъ, и положеніе различныхъ членовъ общества станетъ наиболѣе благопріятнымъ», *loc. cit.* (стр. 268).

Политико-экономическое общество обсуждало эти взгляды Молинали. Отчетъ засѣданія помѣщенъ въ *Journal des Économistes* (т. XXIV, стр. 315). Дюнуайе и Бастіа указы-

ники, быть-можетъ, слишкомъ смѣлые, но, во всякомъ случаѣ, послѣдовательные. Чѣмъ болѣе соціалисты расширяють область вліянія государства, тѣмъ болѣе въ этотъ періодъ неослабной полемики экономисты стараются ограничить государство, свести его на нѣтъ. Они его не знаютъ и не хотятъ знать. Въ первомъ изданіи *Политико-экономическаго словаря* ¹⁾ слово *государство* сопровождается лишь цитатой изъ только что упомянутого мною произведенія Бастіа, снабженной краткимъ комментариемъ. Въ послѣдней фразѣ этого комментарія авторъ какъ бы извиняется передъ читателемъ въ томъ, что такъ долго останавливался на грубомъ и опасномъ заблужденіи, общественныя проявленія котораго уже такъ далеки отъ насъ, что кажутся намъ принадлежащими другимъ эпохамъ ²⁾. А Луи Рэйбо во второмъ изданіи ³⁾ своихъ *Этюдовъ о реформаторахъ* говоритъ: «Съ социализмомъ покончено, нужно уничтожить его послѣдніе слѣды» ⁴⁾.

вають на то, что Молинали позволилъ себѣ «увлечься логическими иллюзіями». Они не замѣчаютъ, что имъ самимъ можно сказать то же самое.

1) Изданіе 1852 года. Статья (Ш: К о к л е н а) отсылаетъ насъ къ слову *Правительство*; а статья о *Правительствѣ* (принадлежитъ Д ю н у а й е) ограничивается изложеніемъ взглядовъ, указанныхъ въ *Свободѣ труда*.

Въ *Новомъ Словарѣ* (изданномъ подъ редакціей Леона Сэя) статья *Государство* принадлежитъ Л ё р у а - Б о л ь ё и резюмируетъ его книгу *l'État moderne et ses fonctions* (См. далѣе, кн. V, гл. III).

2) Та же статья.

3) Вышло въ 1848 году.

4) *Études sur les Réformateurs* (т. II, стр. 66).

Это была странная иллюзія людей того времени: они были убѣждены, что надъ идеей можно одержать верхъ, какъ надъ мятежомъ, и что социализмъ потонулъ въ крови іюньскихъ дней.

IV.

Приложеніе принципа конкуренціи къ «производству безопасности» является крайнимъ, но логическимъ выводомъ изъ положеній Адама Смита. Какъ это обыкновенно случается, ученики пошли далѣе учителя въ томъ направленіи, которое онъ имъ указалъ.

Привычка судить по аналогіи привела ихъ къ ихъ конечнымъ выводамъ. Вмѣшательство государства въ промышленность и торговлю вредно, говорилъ Смитъ. Вмѣшательство государства вредно *вездѣ*, заключаютъ изъ этого наиболѣе вѣрные представители и прямые наслѣдники его мысли.—Государство, предпринимая работу за свой счетъ, является дурнымъ коммерсантомъ и промышленникомъ, сказалъ Ж.-Б. Сэй. Однако, тотъ же самый авторъ признавалъ еще за государствомъ право побуждать и поощрять частныхъ лицъ въ промышленной и торговой дѣятельности. Дюнуайе и Бастіа не признаютъ за государствомъ этого права; но, не признавая его, они не признаютъ и нѣкоторыхъ другихъ: государство, говоритъ Дюнуайе, не только дурной коммерсантъ и промышленникъ, но точно такъ же дурной преподаватель. Оно не должно ни обучать, ни выдавать дипломовъ на пріобрѣтенныя знанія. Является, наконецъ, такой экономистъ, который идетъ дальше всѣхъ своихъ предшествен-

никовъ и полагаетъ, что государство не всегда можетъ лучше частнаго общества выполнить послѣднюю и единственную задачу, которая ему оставлена — гарантію безопасности. Но цѣнность этого разсужденія по аналогіи невелика. Переходя отъ своихъ первыхъ формулъ къ послѣднимъ, экономисты, сами того не замѣчая, переходили изъ одной области въ другую.

Изъ предположенія, что дѣятельность государства вредна въ чисто - экономической области, ничуть не слѣдуетъ, что она, въ такой же степени и по той же причинѣ, вредна въ другихъ областяхъ. Для доказательства этого нужно было бы привести данныя, которыхъ мы у нихъ не находимъ.

Мало того: экономисты протестуютъ противъ упрека ихъ въ «матеріализмъ». И дѣйствительно, они или совсѣмъ не поддаются метафизическимъ искушеніямъ, или же, уступая имъ, исповѣдуютъ вообще философію, враждебную матеріализму. Многие изъ нихъ спеціально занимаются моральными вопросами, стараясь найти связь ихъ съ вопросами экономическими. Они не хотятъ допустить, что эти вопросы можно разсматривать независимо другъ отъ друга. Въ такомъ направленіи написаны превосходныя книги, оцѣненные по достоинству¹⁾. Вступая на этотъ путь, экономисты вполне искренни въ своихъ убѣжденіяхъ; но являются ли они въ такой же степени проникательными?

¹⁾ Достаточно назвать имена А. д. Бланки, Мишеля Шевалье, труды Бодрильяра (*Des Rapports de la Morale et de l'Économie politique*, 1860; 2-е изд. 1883 года) и А. Рондэля (*Le Spiritualisme en Économie politique, La Morale de la Richesse*, и пр.).

Моральный матеріализмъ, въ которомъ ихъ упреляютъ, состоитъ въ томъ, что на первомъ планѣ они ставятъ матеріальные интересы общества, созданіе богатства. Конечно, богатство является существеннымъ элементомъ цивилизаціи, но представляетъ ли оно собою самую цивилизацію? Нужно ли, вмѣстѣ съ экономистами, допустить, что нравственность *слѣдуетъ* за благосостояніемъ и богатствомъ, какъ тѣнь за тѣломъ; что лучшимъ средствомъ помочь широкому развитію личности служить увеличеніе потребностей, а также средствъ для удовлетворенія послѣднихъ. Другими словами, является ли индивидуумъ прежде всего тѣмъ *производителемъ*, дѣло котораго защищалъ Смитъ, или тѣмъ *потребителемъ*, интересы котораго отстаивалъ Бастіа? Если индивидуумъ не что иное, какъ производитель и потребитель, или долженъ разсматриваться, главнымъ образомъ, съ этой стороны, то теорія государства, представленная экономистами, вполне оправдывается; но тѣмъ самымъ оправдывается и обвиненіе ихъ въ моральномъ матеріализмѣ.

Ланге, въ прекрасной главѣ своей книги, гдѣ онъ критикуетъ «догматику эгоизма», напоминаетъ, что Смитъ написалъ не только *Исслѣдованія о богатствѣ народовъ*, но и *Теорію нравственныхъ чувствъ*, и что онъ, правильно считая «рынокъ интересовъ» важною частью существованія человѣка, не забывалъ, однако, и другой стороны человѣческой жизни, подчиненной, быть - можетъ, другимъ условіямъ и законамъ ¹⁾. Ошибка многихъ послѣдователей Адама Смита состоитъ въ томъ, что они, имѣя въ виду *только* «ры-

¹⁾ Lange, *Geschichte des Materialismus*, т. II, стр. 454 и сл., изд. 1874 г.

нокъ интересовъ», рѣшали большое число совершенно чуждыхъ ему вопросовъ, согласно принципу, правильность котораго, правда, доказана наблюдениемъ и опытомъ, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ что относительно приложенія его за этими предѣлами ничего нельзя предвидѣть.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что экономисты и социалистическія школы, упомянутые въ предыдущей книгѣ, приходятъ къ противоположнымъ рѣшеніямъ: проблема у нихъ не одна и та же. Социалисты спрашиваютъ: какимъ образомъ должно быть раздѣлено, распредѣлено богатство, чтобы идея справедливости получила нѣкоторое удовлетвореніе? Экономисты же спрашиваютъ: какой социальный порядокъ наиболѣе благопріятствуетъ росту народнаго богатства? Очевидно, между этими основными вопросами, на которые отвѣчаютъ столь различныя системы, нѣтъ ничего общаго.

Отсюда основное непониманіе другъ-друга и безконечный споръ. Когда социалисты говорятъ экономистамъ: принципъ *laissez faire* и конкуренціи никуда не годятся, они правы въ томъ смыслѣ, что относительно *распредѣленія* богатства (а они объ этомъ и хлопочутъ) *laissez faire* и конкуренція не даютъ никакого указанія. Они не правы въ томъ смыслѣ, что относительно условій, наиболѣе благопріятныхъ росту народнаго богатства (объ этомъ именно заботятся экономисты), никакая организація труда не можетъ сравняться съ конкуренціей и *laissez faire*.

Наоборотъ, когда экономисты говорятъ социалистамъ: государство никогда и никуда не должно вмѣшиваться, они одновременно правы и не правы.

Они правы со своей точки зрѣнія; не правы съ точки зрѣнія ихъ противниковъ. Слѣдовательно, обѣ школы взаимно правы и не правы: правы въ принципѣ и въ деталяхъ, пока остаются въ своей области; не правы, когда заходятъ въ область противника.

Дѣйствительно, экономическія явленія можно разсматривать съ двухъ сторонъ. Какъ они происходятъ? Что даетъ намъ въ данномъ случаѣ совершенно безпристрастное научное наблюденіе? Затѣмъ, въ какой мѣрѣ ихъ естественное теченіе требуетъ поправокъ, наблюденія, вмѣшательства человѣческой воли, *предполагая, что человекъ стремится создать разумное общество на началахъ справедливости?* Разсматривать эти два вопроса отдѣльно и не думать отвѣтить на одинъ изъ нихъ данными другого—вотъ методологическое правило, соблюденія котораго было бы достаточно для того, чтобы соціалисты и экономисты избѣгли полемики, въ результатъ которой каждая школа дошла въ своихъ положеніяхъ до абсурда.

Другое, не менѣе справедливое, замѣчаніе Ланге ¹⁾ состоитъ въ томъ, что политическая экономія, какъ всякая наука, достигаетъ точности путемъ абстракціи. Но всѣ безъ исключенія абстрактныя данныя никогда вполнѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Геометрія изучаетъ идеальныя фигуры, которыя не совпадаютъ вполнѣ съ фигурами реальными. Политическая экономія дѣлаетъ то же самое. Въ человѣческой жизни она разсматриваетъ «рынокъ интересовъ» и предполагаетъ, что все происходитъ на немъ, какъ будто бы эгоизмъ былъ главнымъ двигателемъ

¹⁾ Lange, *Geschichte des Materialismus* (т. II, стр. 455).

человѣка. Она получаетъ такимъ образомъ интересную *гипотезу*, но только гипотезу. Логика требуетъ, слѣдовательно, чтобы всѣ ея заключенія находились подъ сомнѣніемъ. *Если* личный интересъ является самымъ могучимъ двигателемъ человѣка и *если* онъ совпадаетъ, кромѣ того, съ интересомъ общимъ, какъ училъ оптимизмъ XVIII вѣка, то *laissez faire* и конкуренція справедливы. Но экономисты, обыкновенно, далеки отъ подобной осторожности въ выводахъ, и, по мѣрѣ удаленія отъ нея, они становятся все менѣе авторитетными.

Такими различными путями мы приходимъ къ заключенію, что «экономическая политика» опирается на крайне спорный постулатъ. Примите его—и всѣ положенія экономистовъ получаютъ строгую связь, а выводы, которые они дѣлаютъ изъ своихъ принциповъ, будутъ неоспоримы. Откажитесь отъ него—тогда нѣкоторое число этихъ положеній удержится, благодаря своей собственной цѣнности, какъ частныя истины, полученные посредствомъ наблюденія, но цѣлое распадется, и общіе выводы, касающіеся самой организаціи общества, потеряютъ цѣну.

Постулатъ экономистовъ состоитъ въ томъ, что постоянное возрастаніе народнаго богатства является одновременно высшимъ благомъ и самой цѣлью цивилизаціи. Откуда слѣдуетъ, что наилучшей соціальной организаціей будетъ та, которая наиболѣе содѣйствуетъ прогрессу цивилизаціи, а наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для всеобщаго обогащенія является безграничная конкуренція, при абсолютной свободѣ производства и обмѣна. Слѣдовательно, *laissez faire*—послѣднее слово всякой истинной политической философіи. Дѣйствительно, *lais-*

sez faire оказываетъ благотѣтельное вліяніе на чело-
вѣческую природу, дѣлая ее болѣе активной, болѣе
предпріимчивой, способной къ усиліямъ и болѣе
бережливой. Что касается бѣдствій, неразлучныхъ
съ конкуренціей, то одни изъ нихъ, самыя многочис-
сленныя, будутъ облегчены благотворительностью;
другія—будутъ считаться неизбѣжнымъ выкупомъ за
достиженіе высшаго блага. Такъ, на фабрикахъ всегда
получаются отбросы, какъ бы хорошо ни обрабаты-
вали сырой матеріалъ, но это не мѣшаетъ фабри-
канту обогащаться.

Пусть такъ; но если цивилизація, *такимъ образомъ*
понимаемая, не является цѣлью общества, или, лучше
сказать, если цивилизація *не задается прежде всего со-*
зданіемъ богатства? Хотя бы отъ всей полемики социали-
стовъ не осталось ничего болѣе, все-таки осталось бы
это сомнѣніе, которое они заронили въ умы и которое
продолжаетъ оказывать на послѣдніе свое вліяніе.

Предположимъ, что будетъ оставлена, какъ невѣ-
роятная, гипотеза относительно радикальной пере-
мѣны въ сужденіи людей по этому вопросу; пред-
положимъ, что будетъ отринуть, какъ нѣчто абсурд-
ное и невыносимое, тотъ строй, которому хотѣли
подчинить человѣчество первые французскіе коллек-
тивисты и въ особенности ихъ нѣмецкіе преемники:
такъ ли легко будетъ уничтожить болѣе скромное
возраженіе, выставленное Лате?

Люди нашего времени, говоритъ этотъ фило-
софъ, полагаютъ, что человѣкъ тѣмъ счастливѣе,
чѣмъ больше у него потребностей и чѣмъ богаче
средства для ихъ удовлетворенія. Но древніе думали
иначе. Чтò невозможнаго, если когда-нибудь, подъ
вліяніемъ новыхъ доктринъ, возникнетъ и утвер-

дится новое пониманіе общаго блага, *хотя производительная сила общества ничуть не убавится?* «Снова могла бы возобладать основная идея классической культуры, что во всемъ существуетъ извѣстная спасительная мѣра и что наслажденіе не зависитъ ни отъ числа удовлетворенныхъ потребностей, ни отъ трудности ихъ удовлетворенія, но отъ формы, въ какой эти потребности рождаются и удовлетворяются; подобно тому, какъ красота тѣла зависитъ не отъ нагроможденія мяса и костей, а отъ извѣстныхъ математическихъ линій» ¹⁾.

Ланге полагаетъ, такимъ образомъ, что въ будущемъ идеализмъ восторжествуетъ надъ моральнымъ матеріализмомъ экономистовъ. Оставимъ въ сторонѣ доводы, которые онъ приводитъ въ защиту своей гипотезы, и въ которыхъ часто больше остроумія, чѣмъ доказательности (напримѣръ, доводы извлекаемые имъ изъ данныхъ психофизики); все-таки эта гипотеза создаетъ возраженіе противъ постулата экономистовъ. Всякій, кто допускаетъ возможность такого соціальнаго состоянія, когда подъ вліяніемъ могучихъ моральныхъ или религіозныхъ теорій люди перестанутъ видѣть высшее благо въ созданіи богатства (не пренебрегая, однако, черезчуръ тѣмъ, что до нихъ было сдѣлано въ этомъ направленіи), всякій, кто допускаетъ такую случайность, ускользаетъ отъ логики экономистовъ, и съ полнымъ правомъ можетъ пренебрегать ихъ отрицательнымъ пониманіемъ государства.

Правда, экономисты отрицаютъ возможность и даже мыслимость такой случайности. Но единствен-

¹⁾ L a n g e, *Geschichte des Materialismus* (т. II, стр. 459).

ный доводъ, которымъ они пользуются здѣсь, это—ссылка на исторію. Развитіе человѣчества шло до сихъ поръ, особенно въ послѣдніе вѣка, въ сторону постепеннаго ограниченія государства. Слѣдовательно, утверждаютъ экономисты, оно до безконечности поидетъ въ этомъ направленіи.

Но опасно ссылаться только на опытъ и на исторію, потому что каждый объясняетъ ихъ по-своему и сами они не всегда говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Не на исторію ли и опытъ опираются, въ свою очередь, коллективисты, когда утверждаютъ, что фактически возрастающая концентрація въ области средствъ производства ведетъ прямо къ уничтоженію частной собственности?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Либеральная школа и уклоненіе индивидуализма.

Выступая одновременно и противъ демократической идеи, изъ которой вышла революція 1848 года, и противъ учрежденій, возникшихъ послѣ государственнаго переворота 1852 года, либеральная школа ¹⁾ продолжаетъ традицію Бенжамена Констана и Ройе-Коллара, видоизмѣняя ее сообразно съ новыми обстоятельствами.

Либеральная школа дала «либеральной партіи программу борьбы и внушила ей высокія требованія въ пользу публичныхъ вольностей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она чувствительно измѣнила самое понятіе индивидуализма. Такъ какъ формула, данная либеральной школой, стала ходячей и общепринятой, то необходимо основательно познакомиться съ ней и понять ея происхожденіе.

¹⁾ Laboulaye, *l'État et ses limites* (1863); *Le Parti libéral* (1864); *Questions constitutionnelles* (1872). — Jules Simon, *La Liberté* (1852). — Prévost-Paradol, *Essais de politique et de littérature* (1859); *Du Gouvernement parlementaire* (1860); *Nouveaux Essais* (1862); *La France nouvelle* (1868); герцогъ Де Брогліе, *Vues sur le Gouvernement de la France*. — Я упоминаю здѣсь только главныхъ представителей этой школы до 1870 года.

I.

Ройе-Колларъ создалъ теорію Реставраціи, Бенжаменъ Констанъ—теорію Іюльской монархіи, Токвиль и Ламартинъ—теорію революціи 1848 года. Всѣ они, такимъ образомъ, преслѣдовали положительную задачу, и всѣ ихъ политическія и соціальныя концепціи отмѣчены положительнымъ характеромъ. Главной задачей либеральной школы является теорія противодѣйствія деспотизму, со стороны ли демократіи или со стороны цезаризма. Она болѣе говоритъ о томъ, чѣмъ не должно быть политическое общество, нежели о томъ, чѣмъ оно должно быть. Доктрина школы отражаетъ это отрицательное направленіе, и этимъ объясняется прежде всего, почему формула индивидуализма стала бѣднѣе въ ея рукахъ.

Съ другой стороны, преслѣдуя общую цѣль, представители либеральной школы, тѣмъ не менѣе, находятся подъ различными вліяніями, что объясняется ихъ естественными склонностями и спеціальными занятіями. Лабулэ, съ его обширными историческими и юридическими познаніями, пристрастіемъ къ трудамъ Савиньи и внимательнымъ отношеніемъ къ живой традиціи, можно назвать продолжателемъ, главнымъ образомъ, Ройе-Коллара, котораго онъ обновляетъ и демократизируетъ. Мысль Жюля Симона, болѣе абстрактная и постоянно опирающаяся на принципы, скорѣе напоминаетъ Бенжамена Констана. Чтобы притти къ соглашенію, представители либеральной школы должны были искать середину

между этими направленіями: новая причина преобладанія у нихъ критики.

Пояснимъ это примѣромъ. Либеральная школа, вѣрная въ данномъ случаѣ своимъ учителямъ, борется противъ принципа народнаго верховенства ¹⁾. Но обладаетъ ли она такою же страстною привязанностью къ политической свободѣ, какъ они?

Безъ сомнѣнія, таковъ Рэмюза, видящій въ политической свободѣ «вѣнецъ человѣчества» ²⁾. Однако, хотя его *Либеральная политика*, по времени, принадлежитъ къ циклу сочиненій занимающей насъ школы, по духу своему, она примыкаетъ къ движенію идей эпохи Іюльской монархіи. Либеральная школа Второй имперіи говоритъ другимъ тономъ. Лабулэ констатируетъ (въ 1863 году), что его современники уже не пылаютъ страстью къ по-

¹⁾ Книга Saint-Marc Girardin'a — *J. J. Rousseau, sa vie et ses ouvrages* (издана въ 1875 году Bersot) имѣетъ въ основѣ курсъ лекцій, читанный имъ на словесномъ факультетѣ въ Парижѣ (1848—51). Введение содержитъ многозначительныя мѣста, гдѣ авторъ объявляетъ, что, изучая Руссо, онъ хотѣлъ, главнымъ образомъ, опровергнуть *Общественный договоръ*, а въ *Общественномъ договорѣ* — «теорію абсолютной власти государства». Ср. *Ibid*, гл. I, первые строки, довольно хорошо устанавливающія время, когда автономія государства и индивидуума стала основнымъ догматомъ либеральной школы. «Возникла великая борьба въ области морали и политики между индивидуумомъ и новой абсолютной властью, называемой государствомъ. Я хочу выяснитъ, откуда происходитъ это новое ученіе объ абсолютномъ и всемогущемъ государствѣ, это обидное презрѣніе къ индивидууму, это порабощеніе свободы каждаго изъ насъ, — наконецъ, эта система, которая возвеличиваетъ цѣлое и лишаетъ всякаго значенія его части».

²⁾ *Politique libérale* (стр. 350).

литической свободѣ, что они придаютъ теоріи политической свободы «только второстепенное значеніе»; зато съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивается въ нихъ стремленіе къ «гражданскимъ, индивидуальнымъ вольностямъ, тѣмъ правамъ, которыя касаются нашей повседневной жизни» ¹⁾. Кромѣ того, по его словамъ, «признакомъ новой либеральной партіи» служить «пониманіе того факта, что *политическія вольности сами по себѣ ничто, и что онѣ надоѣдаютъ народу, какъ пустыя и обманчивыя формы, если за ними нѣтъ тѣхъ индивидуальныхъ и соціальныхъ правъ, которыя являются основой и самой сущностью свободы*» ²⁾. Жюль Симонъ, протестуя противъ индифферентизма по отношенію къ политической конституціи и высказывая свое особенное расположеніе къ конституціонному правленію, тѣмъ не менѣе, охотно, по его словамъ, оставляетъ въ сторонѣ теорію политическихъ формъ, отсылая за ней къ Монтэскьё. Въ книгѣ, озаглавленной *Политическая свобода*, онъ просто изучаетъ «общіе принципы, стоящіе выше всякихъ конституцій,—принципы настолько священные и необходимые, что ни одна конституція не можетъ уклониться отъ нихъ, не заставивъ цивилизацію сдѣлать шагъ назадъ и не нарушивъ общественной свободы» ³⁾. Такимъ образомъ, Жюль Симонъ сходится съ Лабулэ, хотя и отличается отъ него оттенкомъ. Но я уже замѣтилъ, что это часто бываетъ у писателей либеральной школы.

¹⁾ *L'État et ses limites* (стр. 82).

²⁾ *Le Parti libéral* (стр. 12).

³⁾ *La Liberté politique* (стр. 147)

Индивидуальные права,— тѣ, осуществленіе которыхъ «касается насъ въ повседневной жизни»,— вотъ главный предметъ требованій либеральной школы. А такъ какъ въ тотъ моментъ исторіи Франціи, къ которому мы теперь приблизились, этимъ правамъ особенно угрожало развитіе централизаціи, то централизація и становится мишенью для либеральной полемики; не политическая централизація: они признають ея пользу и необходимость для національнаго единства, а централизація административная. Бороться съ централизаціей значитъ защищать право, инициативу индивидуума противъ активнаго вмѣшательства государства. Поэтому-то Лабулэ могъ написать, что «великая проблема политической науки» состоитъ отнынѣ въ ограниченіи функцій государства ¹⁾.

Всѣ книги, выпущенныя либеральной школой, разсматриваютъ эту проблему и стараются ее разрѣшить. Децентрализація становится девизомъ либеральной партіи. Нансійская программа (1865 года) требуетъ прежде всего, и даже единственно, децентрализаціи, а форма государственнаго строя точно не опредѣляется. Прэво-Парадоль, самый блестящій изъ полемистовъ этой партіи, въ своей *Новой Франціи* набрасываетъ планъ *self-government'a*, одинаково пригоднаго и для конституціонной монархіи и для республики. Едва ли даже у него есть тайное предпочтеніе къ какой-либо изъ этихъ двухъ формъ правленія. Во всякомъ случаѣ, онъ открыто заявляетъ, что не дѣлаетъ между ними выбора ²⁾.

Либеральная партія служитъ здѣсь точнымъ истолкователемъ либеральной школы. Являясь от-

¹⁾ *L'État et ses limites*, предисловіе (стр. III).

²⁾ *La France nouvelle* (стр. 149 и сл.).

рицательными во всемъ остальномъ, ихъ общія рѣшенія положительны въ одномъ только случаѣ: когда рѣчь идетъ о защитѣ и требованіи правъ личности отъ государства.

II.

Уже Бастіа и его сторонники, въ своей полемикѣ противъ соціализма, установили неизвѣстную основателямъ политической экономіи противоположность между индивидуумомъ и государствомъ. Либеральная школа, борясь съ централизаціей и защищая права личности отъ вмѣшательства государства, также стоитъ за эту противоположность.

Многіе изъ представителей этой школы принимаютъ тождественность обѣихъ точекъ зрѣнія. Лабурэ называетъ централизацію «смягченнымъ соціализмомъ» ¹⁾ и заявляетъ, что она скоро исчезнетъ, какъ исчезъ, по его мнѣнію, самый соціализмъ. Жюль Симонъ охотно употребляетъ терминъ «административный коммунизмъ» ²⁾, какъ синонимъ термина «централизація». Быть-можетъ, они чрезмѣрно суживали соціализмъ, видя въ немъ лишь посягательство государства на индивидуума; быть-можетъ, также они слишкомъ преувеличивали неудобства централизаціи, представляя ее какъ бы отрицаніемъ всякой инициативы, всякой индивидуальной независимости; во всякомъ случаѣ сопоставленіе само собою напрашивалось уму либераловъ, очень сильно

¹⁾ *Введеніе* къ сочиненіямъ Бенжамена Констана (т. I, стр. XXIV).

²⁾ См. *La Liberté politique* (стр. 232).

поражало ихъ и отчасти опредѣлило ихъ пониманіе индивидуализма.

Дѣйствительно, они отводятъ привилегированное, преобладающее мѣсто аргументамъ экономического характера. Они осуждаютъ административную централизацию не только потому, что она угнетаетъ индивидуума, но также потому, что государство дурно дѣлаетъ все, за что берется, безъ нужды злоупотребляя своей властью. *Self-government* не только дастъ гражданамъ больше свободы, но будетъ стоить дешевле, будетъ лучше функционировать и скорѣе рѣшить насущные вопросы. Либеральные публицисты постоянно заимствуютъ выраженія изъ словаря экономистовъ, и литература по поводу децентрализации силою вещей представляетъ изъ себя промежуточную область между политической экономіей и политической философій.

Кромѣ того, именно вслѣдствіе своей борьбы съ централизацией, либеральная школа вынуждена была иногда или отказываться отъ послѣдовательнаго проведенія выставленныхъ ею принциповъ, или понимать эти принципы въ очень узкомъ и чисто-ограничительномъ смыслѣ. Для подтвержденія этого замѣчанія можно указать на то, какъ Жюль Симонъ пользовался понятіемъ естественнаго права и каково было положеніе Лабулэ въ вопросѣ о народномъ образованіи.

Будучи прежде всего философомъ, Жюль Симонъ, въ своихъ требованіяхъ политической и гражданской свободы и свободы совѣсти, опирается на понятіе естественнаго права. Но, пользуясь этимъ понятіемъ для обоснованія права индивидуума по отношенію къ государству, онъ въ то же время не

пользуется имъ для обоснованія права индивидуума на самое государство. Это онъ предоставляет демократической школѣ. Я хорошо знаю, что онъ признаетъ за государствомъ обязанности въ дѣлѣ вспомоществованія и первоначальнаго образованія,—обязанности великодушія и милосердія, по формулѣ Кузэна,—и что, если бы государство исполняло эти обязанности съ такою же широтою взглядовъ и сердечностью, какія проявляетъ въ данномъ случаѣ самъ писатель ¹⁾, то главное, существенное было бы сдѣлано. Тѣмъ не менѣе, естественное право разсматривается имъ лишь съ одной стороны. Оно даетъ въ руки индивидуума средство защиты противъ государства, но не средство воздѣйствія на государство.

Давая начало идейному движенію, которому суждено было окончательно опредѣлиться у либераловъ, Лабулэ охотно выступаетъ противъ «метафизики» и «пустыхъ теорій» ²⁾. Распространенныя въ эпоху французской Революціи разсужденія «о мнимыхъ естественныхъ правахъ человѣка» кажутся ему «безплодными для науки, безрезультатными для насъ, бесполезными и опасными» ³⁾. Точно такъ же онъ осуждаетъ право на трудъ и право на образованіе ⁴⁾. Однако, Лабулэ восхищается американской демократіей ⁵⁾. Онъ посвятилъ Токвиллю нѣсколько превосходныхъ страницъ ⁶⁾. Онъ послу-

¹⁾ См. *La Liberté civile* (гл. II—IV).

²⁾ *Parti libéral* (стр. 299).—*Questions constitutionnelles* (стр. 19).

³⁾ *Histoire du Droit de propriété foncière en Occident* (стр. 61).

⁴⁾ *Questions constitutionnelles* (стр. 47).

⁵⁾ См. его *Histoire des États-Unis*.

⁶⁾ См. въ *l'État et ses limites* этюдъ о Токвилѣ.

жилъ, и послужилъ съ пользою, для дѣла народнаго воспитанія и образованія, и одинъ изъ первыхъ высказалъ по этому поводу серьезныя соображенія. Онъ утверждалъ даже, что «роль государства» состоитъ въ «обезпеченіи индивидууму полнаго развитія, полнаго примѣненія своихъ физическихъ, умственныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ способностей; въ уничтоженіи всякихъ путъ и всякаго стѣсненія; въ содѣйствіи общему прогрессу, путемъ умноженія образовательныхъ средствъ и ихъ доступности для самаго невѣжественнаго и бѣднаго человека» ¹⁾. Не требуется никакой натяжки, чтобы найти въ этой формулѣ право гражданина на государство.

Но Лабулэ относится очень осторожно къ признанію этого права. Какъ только возникаетъ вопросъ о его примѣненіи, онъ начинаетъ оговариваться. Для чего государству вмѣшиваться? Частная инициатива, главнымъ образомъ въ формѣ ассоціаціи, найдетъ себѣ здѣсь широкое поле дѣятельности. Ассоціація является своего рода естественнымъ посредникомъ между государствомъ и индивидуумомъ, посредникомъ, всецѣло предназначеннымъ для выполнения тѣхъ задачъ, которыя не подъ силу одному человеку и которыя государство, въ свою очередь, не можетъ выполнить, не налагая на него невыносимаго ярма ²⁾.

Съ этихъ поръ либеральная школа съ особенной любовью будетъ настаивать на роли ассоціаціи, почти не замѣчая двухъ весьма существенныхъ пунк-

¹⁾ *Le Parti libéral* (стр. 9).

²⁾ *Ibid.* (стр. 40 и сл.).

товъ: во-первыхъ, что, восхваляя ассоціацію, она заимствуетъ у социализма одну изъ его формулъ, именно—предложенную Фурье ¹⁾; во-вторыхъ, что само государство, согласно предпосылкамъ ея собственной доктрины, представляетъ изъ себя не что иное, какъ весьма обширную ассоціацію, только обнимающую собой уже не часть гражданъ, а всѣхъ ихъ. Почему и для этой ассоціаціи, считаемой добровольной, не допустить возможности дѣлать то, что вполне справедливо предоставляется отдѣльнымъ ассоціаціямъ? Затѣмъ возводитъ въ принципъ соперничество между отдѣльными ассоціаціями, вмѣсто того, чтобы предположить возможность ихъ сліянія и своего рода растворенія во всеобъемлющей и единой ассоціаціи—государствѣ? Либералы проходятъ мимо этой трудности, не замѣчая ея.

Такимъ образомъ, роль государства ограничена ими въ области морали, политики и управленія, подобно тому, какъ экономисты ограничили ее въ чисто-экономической области. И тѣ и другіе руководствовались одинаковыми соображеніями. Въ глазахъ либераловъ индивидуализмъ является, по существу своему, доктриной, отвергающей и осуждающей всякое вмѣшательство государства, за исключеніемъ одной только области, гдѣ они пожелали признать его: въ области покровительства свободѣ и реальнымъ, уже пріобрѣтеннымъ правамъ. Гражданинъ, напримѣръ, будетъ обладать «правомъ на существованіе», если благопріятныя обстоятельства дадутъ ему средства для этого или частныя лица добровольно придутъ ему на помощь. Гражданинъ

¹⁾ См. гл. VI этой книги.

будетъ обладать правомъ на пріобрѣтеніе тѣхъ элементовъ культуры, безъ которыхъ нельзя быть настоящимъ человѣкомъ, если онъ въ силахъ уплатить за обученіе или если это сдѣлаетъ за него какая-нибудь ассоціація, коммуна, частное общество и т. п. Но онъ не долженъ ничего ждать отъ государства.

Противники либеральной школы не замедлили указать, что она возстановляетъ такимъ образомъ до-революціонное положеніе вещей, правда, въ пользу значительно бѣльшаго, но все же относительно ограниченнаго числа привилегированныхъ лицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ двѣ категоріи: къ одной принадлежатъ тѣ, кто, *дѣйствительно*, обладаетъ какимъ-либо правомъ, собственностью, интеллектуальной и моральной культурой; къ другой—тѣ, кто не обладаетъ этимъ. Первымъ государство гарантируетъ свободное владѣніе и пользованіе; вторыхъ предоставляетъ невѣрной и непостоянной добровольной заботливости частныхъ лицъ.

Мы увидимъ впоследствии, что извлекли современные соціалисты изъ констатированія этого факта. Хотя, по нашему мнѣнію, они имъ злоупотребили, но нельзя не признать, что въ немъ заключается значительная доля истины.

III.

Со словомъ *индивидуализмъ* произошло то же самое, что и со словомъ *соціализмъ*. Оба термина испытали сходную участь. Оба они мѣняють значеніе и постепенно пріобрѣтають такой смыслъ, который сильно разнится отъ первоначальнаго.

Соціализмъ былъ сначала доктриной, по которой индивидуумъ приносился въ жертву общему цѣлому. Впослѣдствіи, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ потомъ, онъ сталъ доктриной, поступающей общими и высшими интересами ради индивидуальных потребностей. Индивидуализмъ былъ сначала широко-освободительной доктриной, приглашавшей всѣхъ членовъ политическаго общества къ полному развитію ихъ способностей, къ дѣйствительному пользованію всѣми правами человека. Либеральная же школа, какъ мы только что видѣли, свела его къ протесту наиболѣе благопріятно поставленныхъ членовъ политическаго общества противъ вмѣшательства государства, вмѣшательства, дѣйствительно вреднаго для ихъ свободы, но полезнаго и даже неизбежнаго—при тѣхъ условіяхъ, которыя мы опредѣлимъ далѣе—для того, чтобы сдѣлать менѣе счастливыхъ настоящими людьми.

Либеральная школа, оказавшая столько услугъ, и игравшая въ свое время такую почетную роль, сдѣлала эти ограниченія индивидуалистическаго тезиса неумышленно. Какъ мы только что видѣли, ее привели къ такой формулировкѣ обстоятельства. И было бы большою ошибкой съ нашей стороны желать, чтобы эта формула пережила вызвавшія ее обстоятельства.

Остроумно защищая свое дѣло, либеральная школа упрекаетъ демократическую школу въ томъ же, въ чемъ экономисты упрекаютъ соціалистовъ; только ея жалобы менѣе обоснованы. Экономисты указываютъ соціалистамъ, что они, требуя организациі труда, поворачиваются спиной къ прогрессу и заставляютъ человѣчество идти назадъ. Либеральная

школа упрекаетъ демократическую въ реставраціи, или стараго порядка, или античной общины. Но мы видѣли, насколько этотъ двойной упрекъ мало обоснованъ: съ одной стороны, въ античной общинѣ гражданинъ является лишь средствомъ для достиженія цѣли, т.-е. блага государства, а по ученію демократовъ, гражданинъ самъ является цѣлью; съ другой стороны, при старомъ порядкѣ государь интересуется своими подданными или только изъ своихъ личныхъ выгодъ, или вслѣдствіе религіознаго рвенія, а не вслѣдствіе уваженія къ ихъ праву, котораго онъ не знаетъ; между тѣмъ, по ученію демократовъ, право индивидуума служить единственнымъ основаніемъ и оправданіемъ вмѣшательства государства.

Если отбросить, какъ маловажную, полемику либеральной школы противъ демократической, останутся только критическія и отрицательныя части ея ученія. Въ такомъ-то, сильно ограниченномъ видѣ индивидуализмъ и перешелъ отъ либераловъ Второй имперіи къ либераламъ нашего времени. Последніе, въ свою очередь, произвели въ немъ новыя видоизмѣненія, о которыхъ мы скажемъ впоследствии¹⁾.

¹⁾ См. далѣе, книгу V, гл. II.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Парадоксъ индивидуализма.

Фурье и Прудонъ доводятъ индивидуализмъ до его крайнихъ, парадоксальныхъ выводовъ. Но, въ сущности, и *Фаланстеръ*, и *Анархія* являются только логическими приложеніями этого принципа.

I.

Если начать съ разсмотрѣнія критической части идей Фурье¹⁾, а съ этого и слѣдуетъ начинать, его можно принять за рѣшительнаго противника индивидуализма.

Никто строже его не осуждалъ взглядовъ экономистовъ и либераловъ. *Laissez faire* является въ глазахъ Фурье капитальной ошибкой. Обогащеніе «націи», которое не обогащаетъ индивидуумовъ и достигается для большинства ихъ цѣною ужасныхъ страданій и лишеній, такое обогащеніе—«коренное

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (1808); *Théorie de l'Association domestique et agricole* (1822) (позднѣе озаглавлено: *Théorie de l'Unité universelle*); *Le nouveau Monde industriel et sociétaire* (1829); *La Fausse Industrie* (1835); *Manuscrits de Fourier*.

заблужденіе». Точно такъ же, политическая свобода, представительное правленіе и раздѣленіе властей не что иное, какъ ловкій обманъ¹⁾. Изъ трехъ мнимыхъ властей «заслуживаетъ вниманія» только исполнительная. Представительное правленіе ведетъ со-всѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, какихъ оно доби-вается, и, вмѣсто улучшенія положенія гражданъ, ухудшаетъ его. Наконецъ, въ извѣстный періодъ развитія, принудительные пути являются единственно пригодными для такой страны, какъ Франція, «страны, наименѣе созданной для политической свободы».

Слѣдовательно, такъ называемая «либеральная» система представляется въ высшей степени без-содержательной и «пустой»²⁾. Жалости достойна работа защищавшихъ ее публицистовъ, всѣхъ этихъ Монтэскьё, Руссо и проч. Все это—простые «эмпирики», не способные найти новую идею. «Они умѣютъ только вести къ пропасти»³⁾, а человѣчество можетъ «выйти изъ цивилизованнаго болота» единственно путемъ открытій и изобрѣтеній, путемъ отреченія отъ «этой науки о соціальномъ поглощеніи, которой міръ жилъ до сихъ поръ»⁴⁾.

Дѣйствительно, цивилизація, какъ ее согласно по-нимаютъ экономисты и либералы, является злымъ врагомъ Фурье. Онъ видитъ въ ней не конечную

1) *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 146—147); особенно 270—271.—Ср. *Crimes du Commerce* въ *les Manuscrits de Fourier* (стр. 12).

2) *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 493, примѣчаніе).

3) *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 205).

4) *Ibid.* (т. III, стр. 205).

цѣль человѣческаго рода и послѣднее слово прогресса, а только одинъ изъ многихъ фазисовъ, слѣдующій за варварствомъ и подготовляющій *гарантизмъ*, который, въ свою очередь, лишь переходная ступень къ высшему состоянію. Если забыть на время преувеличенія и странности, которыми сопровождается у Фурье критика цивилизаціи, и совершенно личные мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ созданъ его взглядъ на торговлю ¹⁾ (весьма ничтожная причина для очень важнаго результата), то нельзя не удивляться мѣткости, съ какой онъ наноситъ свои удары.

Примите извѣстное опредѣленіе цивилизаціи, и вы получите теорію экономистовъ и либераловъ, въ видѣ цѣлаго ряда истинъ, предполагающихъ, подтверждающихъ и представляющихъ собою какъ бы неразрывное цѣлое. Сдѣлайте спорнымъ, отриньте это опредѣленіе: вы потрясете и разрушите все зданіе построенныхъ на немъ теорій. Фурье отлично видѣлъ это, и онъ былъ первымъ, хотя и не единственнымъ, кто замѣтилъ и высказалъ это. Въ этомъ самый оригинальный, а также самый обоснованный и наиболее прочный пунктъ его системы. Когда Руссо проклиная цивилизацію, онъ не только не предлагаетъ замѣнить ея ничего, кромѣ мечты о возвращеніи къ естественному состоянію, но все въ ней осуждаетъ. Фурье выбираетъ и умѣетъ выбирать. Всѣ, кто впослѣдствіи будутъ нападать на самое понятіе цивилизаціи, волей-неволей станутъ его данниками. Что значать эксцентричности языка или мысли философа, если принять во вниманіе,

¹⁾ Ch. P e l l a r i n, *Fourier, sa vie et sa théorie* (изд. 5-е, стр. 29).

что именно онъ возбудилъ въ умахъ своего времени благородную и высокую тревогу, выразившуюся потомъ въ болѣе чистомъ видѣ, напримѣръ, у Толстого?

Мало этого, отрицая абсолютную цѣнность цивилизаціи съ моральной и экономической точекъ зрѣнія, Фурье, въ то же время, признаетъ, что она принесла извѣстную пользу въ развитіи судебъ человечества, подготовивъ послѣдующую стадію ¹⁾. Онъ ясно видитъ нѣчто за предѣлами ²⁾ того соціальнаго состоянія, которое либералы и экономисты охотно считаютъ какъ бы предѣломъ совершенствованія. Слѣдовательно, и онъ, подобно Сэнъ-Симону, обладалъ идеей «развитія» и, какъ вскорѣ скажетъ одинъ изъ его учениковъ, заимствовавшій это выраженіе именно у своего учителя, а не изъ какой-либо другой доктрины,—идеей «соціальной эволюціи» ³⁾.

Но прежде, чѣмъ перейти къ положительной части взглядовъ Фурье, остается въ краткихъ словахъ показать, что главная изъ его нападокъ на организацію «цивилизованныхъ», какъ и предпосылки его доктрины, не должны были, повидимому, привести его къ индивидуализму.

Дѣйствительно, въ цивилизаціи его поражаетъ и волнуетъ «дробленіе», «безсвязность» усилій труда, идей, чувствъ и желаній. Это дробленіе и эта безсвязность благопріятствуютъ обману и лжи во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми; они же объясняютъ слабую экономическую производительность общаго

¹⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (Предисловіе, стр. X).

²⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (Вступит. замѣч., стр. 4).

³⁾ *Considérant, Destinée sociale* (т. I, стр. 301).

труда. *Фаланстеръ*, съ его промышленной организаціей, одновременно послужить и къ улучшенію сердца и нравовъ, и къ значительному увеличенію производительности труда. Но эти нападки на «безсвязность» и «дробленіе» не равносильны ли нападкамъ на самый индивидуализмъ? Развѣ мелкое земледѣльческое хозяйство, которое *Фурье* постоянно обвиняетъ въ смѣшномъ безсиліи, не та самая мелкая собственность, которая, если не создана, то, по крайней мѣрѣ, увеличена и развита французской Революціей и которая считалась наилучшей охраной индивидуалистическаго соціальнаго строя?

Показать, какимъ образомъ *Фурье*, несмотря на свое согласіе во всѣхъ этихъ пунктахъ съ противниками индивидуализма, въ концѣ-концовъ перешелъ на сторону послѣдняго, значитъ отмѣтить тѣ черты, которыми онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ соціалистовъ, его предшественниковъ или современниковъ.

За «безсвязностью» и «дробленіемъ», присущими цивилизаціи, должны послѣдовать «комбинированіе» и «обобществленіе» (*l'ordre sociétaire*). *Миръ* вполне готовъ для этой метаморфозы. Уже появился новый *Геркулесъ*, «огромная работа котораго сближаетъ между собой оба полюса». Человѣчество ждетъ отъ него «своего рода чуда, которое измѣнитъ судьбу земли». Герой, «величайшій изъ героевъ», даетъ, наконецъ, народамъ «соціальную буссоль»¹⁾. Въ такихъ выраженіяхъ *Фурье* возвѣщаетъ о своемъ «открытіи». — «Богу было угодно, — прибавляетъ онъ, — чтобы какой-то приказчикъ обратилъ въ ничто би-

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements*, ч. I, Эпилогъ (стр. 101).

бліотеки политическихъ и моральныхъ трактатовъ, гнусный плодъ древняго и новаго шарлатанства» ¹⁾).

Прежде, чѣмъ говорить о самомъ «открытіи» Фурье, напомнимъ, какъ онъ къ нему пришелъ.

Зрѣлище Революціи, «первыя пять лѣтъ ея, въ теченіе которыхъ Франція служила объектомъ для испытанія философскихъ теорій» ²⁾), безвозвратно дискредитировали въ его глазахъ «политическія и моральныя науки». Философы не способны помочь «соціальнымъ бѣдствіямъ». «Самые позорные бичи челоувѣчества» продолжаютъ существовать. Отсюда апріорный выводъ: въ промышленности цивилизованныхъ народовъ должно быть какое-нибудь нарушеніе естественнаго порядка. Для открытія этого нарушенія всего лучше пользоваться методомъ «абсолютнаго сомнѣнія» и «абсолютнаго отрицанія». — Абсолютное сомнѣніе: Дѣкартъ уже пользовался имъ методически, по отношенію къ такимъ «смѣшнымъ» вещамъ, какъ свое собственное бытіе. Нужно приложить этотъ методъ къ цивилизаціи, этому «идолу» философовъ. Нужно усумниться «въ ея необходимости, превосходствѣ и постоянствѣ» ³⁾. — Абсолютное отрицаніе: такъ какъ мнимыя моральныя и соціальныя науки, эти «недостовѣрныя науки», оказались безцѣльными и не достигли даже уменьшенія нищеты, слѣдуетъ «постоянно держаться въ оппозиціи этимъ наукамъ», особенно въ отношеніи выбора проблемъ для изученія.

Таковы орудія его метода. Что касается выбранныхъ Фурье «проблемъ», то ихъ было двѣ: земельческая ассоціація и косвенное подавленіе торговой

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (стр. 102).

²⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 3).

³⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 4).

монополіи островитянъ, при чемъ обѣ представлялись его уму тѣсно связанными другъ съ другомъ. Одна земледѣльческая ассоціація способна уничтожить монополію могучихъ островитянъ, а вмѣстѣ съ ней «пиратство, ажіотажъ, банкротство и другіе бичи промышленности» ¹⁾).

Впрочемъ, при болѣе глубокомъ изученіи этой, съ виду простой, проблемы земледѣльской ассоціаціи, Фурье долженъ былъ замѣтить, «что она ведетъ къ рѣшенію всѣхъ политическихъ проблемъ» и къ тому, что онъ называетъ «теоріей судебъ» ²⁾).

Не разъ «предвидѣли», какая экономія и какія улучшенія получились бы, если бы можно было соединить въ одну ассоціацію нѣсколько сотенъ семействъ жителей любого мѣстечка. Этотъ результатъ всегда казался, однако, недостижимымъ. Двадцать, тридцать, самое большее — сорокъ человекъ могутъ объединиться въ «земледѣльческое общество». А если мы захотимъ превысить это число? Въ такомъ случаѣ мы столкнемся съ трудностями, которыя считаются непобѣдимыми. Для уничтоженія или преодоленія этихъ трудностей ассоціація должна была бы быть «привлекательной», т.-е. каждый изъ ея членовъ долженъ былъ бы «вовлекаться въ работу» одновременно какъ выгодой, такъ и удовольствіемъ. Въ системѣ Фурье это достигается посредствомъ *прогрессивныхъ разрядовъ*, или *разрядовъ* страстей.

Страсти далеко не являются элементами смуты и соціальнаго безпорядка, какъ это долго говорили и думали; сами по себѣ страсти предста-

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (Предв. замѣч., стр. 5).

²⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 5).

вляють нѣчто хорошее, здоровое и ведутъ къ гармоніи, если только могутъ «развиваться правильно» ¹⁾. Для этого, именно, и служатъ «разряды». Здѣсь являются на сцену математическія и музыкальныя соображенія, опредѣляющія число индивидуумовъ, изъ которыхъ должна слагаться ассоціація, или *фаланга*, для того, чтобы въ ней были представлены всѣ страсти и всѣ роды труда выполнены; это число: 810 различныхъ мужскихъ характеровъ и столько же женскихъ, всего 1620 человекъ ²⁾. Вотъ точная цифра членовъ *фаланги*. Въ *фалангѣ* должно быть столько разрядовъ, сколько различныхъ видовъ труда. Въ разрядѣ столько группъ, сколько аналогичныхъ занятій.

Такимъ образомъ, изученіе земледѣльской ассоціаціи приводитъ Фурье къ изученію страстей, а изученіе страстей—къ установленію «страстного притяженія» ³⁾, какъ принципа всѣхъ вещей и мірового закона. Но законы страстного притяженія «совершенно подобны законамъ матеріальнаго притяженія» ⁴⁾. Существуетъ, слѣдовательно, «единство системы движенія для матеріальнаго и духовнаго міра». Отнынѣ «волшебная книга природы» дешифрирована. Завѣса, «считавшаяся непроницаемой», поднята. Становятся возможными новыя, «достоверныя» науки. Фурье мечтаетъ дать человечеству

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (Предв. замѣч., стр. 9).

²⁾ Фурье придаетъ большое значеніе своему вычисленію. «Теорія разрядовъ страстей не *выдуманна произвольно*, какъ наша соціальная теорія, и т. д.». *Théorie des Quatre Mouvements*, (стр. 8).

³⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 11).

⁴⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 12).

«больше новыхъ наукъ, чѣмъ нашли золотыхъ россыпей при открытіи Америки» ¹⁾. Онъ признаетъ, однако, что для развитія всѣхъ этихъ наукъ у него нѣтъ «необходимыхъ знаній». Поэтому, онъ ограничивается тѣмъ, что выбираетъ для себя лишь одну: науку о соціальномъ движеніи», оставляя всѣ прочія «различнаго рода ученымъ, которые создадутъ изъ нихъ великолѣпное сооруженіе» ²⁾.

Намъ нужно было отмѣтить ходъ мыслей Фурье и показать, какими непрочными нитями его космологія связана съ теоріей земледѣльческой ассоціаціи. Философія Фурье, который стоитъ на твердой почвѣ экономической дѣйствительности, скрываетъ свою голову въ облакахъ. Мистическая теодицея заканчиваетъ или продолжаетъ ее. Богъ «хочетъ экономіи и механики». Такъ какъ онъ управляетъ матеріальнымъ міромъ посредствомъ притяженія, «то въ Его системѣ вмѣсто единства была бы двойственность», если бы для соціальнаго міра Онъ пользовался другою пружиной ³⁾. Это извѣстный картезіанскій аргументъ относительно простоты путей Божіихъ. По той же самой причинѣ страсть можетъ быть только хорошей и полезной, потому, что «Богъ допустилъ бы абсурдъ, если бы снабдилъ нашу душу полезными или вредными пружинами» ⁴⁾. Такимъ образомъ, первой наукой, господствующей надъ всѣми прочими, должна быть «наука о Богѣ», которая даетъ намъ познаніе Его намѣреній ⁵⁾.

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (Предв. замѣч., стр. 13).

²⁾ *Ibid.* (Предв. замѣч., стр. 13).

³⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (Предисловіе, стр. III).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 59).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 417).

Оптимизмъ Фурье не знаетъ препятствій. На вопросъ, почему это откровеніе намѣреній Божіихъ по отношенію къ соціальному строю такъ запоздало, онъ отвѣчаетъ: соціальный строй могъ явиться только благодаря цивилизаціи, которая, въ свою очередь, является продолженіемъ другихъ фазисовъ соціальной жизни. «Нужно было, по крайней мѣрѣ, двадцать вѣковъ для того, чтобы промышленность, науки и искусства достигли той степени совершенства, которое необходимо для осуществленія *плановнаго строя*» ¹⁾. Но если бы люди «предвидѣли» раньше будущую соціальную гармонію, они почувствовали бы глубокое отвращеніе къ своему настоящему существованію, и, вмѣсто того, чтобы работать для «двадцатаго вѣка», они отказались бы «быть слугами людей, которые родятся черезъ двѣ тысячи лѣтъ». Они задушили бы цивилизацію въ самомъ ея зародышѣ. Поэтому Богъ не далъ имъ знать будущее; и если Онъ позволяетъ теперь Фурье открыть его, то потому, что нужно «не болѣе двухъ лѣтъ» ²⁾ для введенія соціетарнаго строя въ любомъ уголкѣ міра. Равнымъ образомъ, только благодаря системѣ Фурье человѣкъ можетъ убѣдиться въ безсмертіи души. Такова была воля Божія. Нежелательно было, чтобы вѣра въ безсмертіе, весьма слабая до сихъ поръ, была крѣпче ³⁾. Наболѣ несчастные между цивилизованными людьми прибѣгли бы къ помощи самоубійства, если бы они были увѣрены, что ихъ ожидаетъ другая жизнь, «которая для нихъ не могла быть хуже здѣшней».

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (стр. 94).

²⁾ *Ibid.* (стр. 195).

³⁾ *Ibid.* (стр. 195).

А тогда промышленность погибла бы «вслѣдствіе смерти тѣхъ, кто несетъ ея бремя». И «земной шаръ всегда оставался бы въ дикомъ состояніи, вслѣдствіе одного только убѣжденія въ безсмертіи» ¹⁾. Такъ какъ Богу было необходимо поддерживать несовершенныя общества, какъ переходныя къ болѣе совершеннымъ, Онъ долженъ былъ оставить насъ въ сомнѣніи относительно будущей жизни. Разсужденіе, напоминающее, какъ видимъ, аргументацію янсенистовъ *Deus absconditus*.

Впрочемъ, это только очень общій и весьма неполный очеркъ метафизики Фурье, очеркъ, оставляющій въ сторонѣ все наиболѣе странное въ ней. Фурье не только метафизикъ: его справедливо назвали «теософомъ» ²⁾. Однако, оставляя въ сторонѣ эту часть его системы и обращаясь для нашей цѣли къ взглядамъ Фурье на соціальную организацію, мы не только отдѣляемъ то, что допускаетъ отдѣленіе, но слѣдуемъ въ данномъ случаѣ примѣру его учениковъ и комментаторовъ, которые всегда оставляли въ тѣни умозрѣнія своего учителя относительно чиселъ, жизни міровъ и участи душъ.

Фаланстеръ, или соціальная организація, пригодная для устройства *фаланги*, представляетъ такой міръ, гдѣ царствуетъ счастье, справедливость и свобода. О счастьѣ и справедливости говорилось и въ тѣхъ соціалистическихъ утопіяхъ, о которыхъ шла рѣчь выше; но у Фурье прибавлена еще свобода, абсолютная, безграничная, сопротяженная, если можно такъ выразиться, человѣческой дѣятель-

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (стр. 195).

²⁾ Renouvier, *Critique philosophique* (годъ 12-й, т. I, стр. 333).

ности, «свобода безъ правилъ и наставленій, которыя ограничиваютъ ее въ обычныхъ концепціяхъ.

Укажемъ сначала мѣсто, занимаемое счастьемъ. Фурье легко доказываетъ, что ассоціація, т.-е. производство сообща, увеличитъ производительность труда въ огромныхъ размѣрахъ; отсюда общее возрастаніе матеріальнаго благосостоянія,—обстоятельство для Фурье первостепенной важности. Но единое и непрерывное усиліе двѣнадцати коренныхъ страстей обезпечитъ и душевное счастье. Не будетъ ни «тяжелыхъ лишеній», ни «воображаемыхъ наградъ», которыя налагаютъ или обѣщаютъ религіи и философскія ученія, выступающія противъ страсти. Человѣческая природа получитъ постоянное и, въ нѣкоторомъ родѣ, безконечное удовлетвореніе всѣхъ своихъ влеченій и инстинктовъ ¹⁾.

Затѣмъ идетъ справедливость. Здѣсь, несомнѣнно, одна изъ самыхъ оригинальныхъ сторонъ системы Фурье. Онъ энергично возстаетъ противъ сторонниковъ равенства состояній, противниковъ собственности и права наслѣдованія ²⁾. Онъ не прощаетъ ни сэнъ-симонистамъ, ни Оуэну ихъ взглядовъ на общность имущества. Соединяя проповѣдь ея вмѣстѣ съ атеизмомъ, Оуэнъ крайне повредилъ идеѣ ассоціаціи ³⁾. Равенство — «политическій ядъ для ассоціаціи» ⁴⁾. «Соціетарный строй» такъ же несовѣстимъ «съ равенствомъ состояній, какъ и съ однообразіемъ характеровъ». Онъ требуетъ возможно бѣльшаго разнообразія и «столько же разногласія,

¹⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 197).

²⁾ См. Pellarin, *Fourier, sa vie et sa t'éorie* (стр. 117).

³⁾ *Ibid.* (стр. 83, примѣчаніе 2).

⁴⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. II, стр. 4).

сколько согласія». Болѣе того, «съ разногласія именно и слѣдуетъ начинать» ¹⁾. Такимъ образомъ, *фаланга* будетъ заключать въ себѣ богатыхъ и бѣдныхъ, невѣжественныхъ и образованныхъ, старыхъ и молодыхъ ²⁾. «Чѣмъ болѣе будетъ разнообразія въ страстяхъ и способностяхъ отдѣльныхъ членовъ, тѣмъ легче будетъ гармонизировать ихъ въ короткое время» ³⁾.

При такомъ неравенствѣ способностей и состояній распредѣленіе будетъ основано на *трудѣ, капиталѣ и талантѣ*. Отсюда—«ужасная задача: установить полную справедливость, полную гармонію въ распредѣленіи прибылей» ⁴⁾. Неразрѣшимая при всякой другой системѣ, эта задача вполнѣ рѣшается, благодаря соціетарному строю. И разрѣшается «тріумфомъ жадности, которую такъ позорятъ моралисты» ⁵⁾. Для этого достаточно, чтобы жадность «изъ простой стала сложной» ⁶⁾. Разсмотримъ поочередно положеніе богатаго и положеніе бѣднаго.

«Алькиппъ» — одинъ изъ богатыхъ участниковъ *фаланги*. Его состояніе, которое, въ эпоху Цивилизаціи давало бы ему три или четыре процента, при господствѣ гармоніи принесетъ ему 12 или 15%, если только удастся установить согласіе въ распредѣленіи. Слѣдовательно, самый реальный интересъ его въ томъ, чтобы распредѣлительная справедли-

¹⁾ *Nouveau Monde industriel e sociétaire* (стр. 46).

²⁾ См. *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 425), описаніе *Canton d'essai*.

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 427).

⁴⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 362).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 362).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 363).

вость соблюдалась. Онъ не можетъ, въ качествѣ капиталиста, благопріятствовать капиталу, въ ущербъ труду и таланту, не возбудивъ недовольства со стороны послѣднихъ. Тогда «дѣятельность ослабѣетъ, производство уменьшится; на третій же годъ общественная связь порвется». Прибавьте къ этому, что самъ Алькиппъ кое-что получаетъ «въ различныхъ разрядахъ труда и таланта». Наконецъ, «у него завязалось много дружественныхъ связей съ классомъ некапиталистовъ; онъ покровительствуетъ послѣднему и желаетъ оказать ему справедливость. Такимъ образомъ, *простая жадность* побуждала бы его искать привилегированнаго положенія для капитала, а *сложная жадность* заставляетъ его ставить на первый планъ удовлетвореніе *фалани*, какъ главную гарантію поддержанія соціетарнаго строя ¹⁾.

«Жанно» живетъ только своимъ трудомъ. При господствѣ Цивилизаціи онъ сказалъ бы: «Я произвожу все», и считалъ бы себя имѣющимъ право на все, хотя цивилизованный богачъ не отказался бы вслѣдствіе этого обирать его. Въ царствѣ Гармоніи Жанно думаетъ иначе. Прежде всего, «онъ блистаетъ въ различныхъ отрасляхъ труда, и для него важно, чтобы талантъ сохранилъ свои права». Затѣмъ, онъ извлекаетъ столько выгодъ изъ участія въ соціетарной жизни, что его главной заботой становится забота о ея поддержаніи. «Онъ можетъ быть счастливъ, только поддерживая *фалангу* и притяженіе, которыя подверглись бы опасности съ того момента, когда капиталъ и талантъ были бы дурно вознаграждены» ²⁾.

¹⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 364).

²⁾ *Ibid.* (стр. 365—366).

Такимъ образомъ, въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ «грубая жадность умѣряется двумя противовѣсами», неизвѣстными Цивилизаціи ¹⁾. Это не все. Къ прямому согласію, покоющемуся на жадности, въ послѣдствіи, «во второмъ поколѣніи участниковъ Гармоніи», присоединится *косвенное*, опирающееся на великодушіе ²⁾. «Природа никогда не ограничивается одной пружиной для равновѣсія». Фурье примѣняетъ къ этому согласію математическія формулы. Онъ считаетъ его какъ бы «приложеніемъ теоремы Ньютона о всемірномъ равновѣсіи» ³⁾. Осуществленіе этого согласія такъ далеко и, что бы ни говорилъ Фурье, такъ «романтично», что не стоитъ разсуждать о его деталяхъ. Но со стороны автора, восхищеннаго своимъ созданіемъ, понятенъ выводъ, что этотъ строй насквозь *«пропитанъ справедливостію»* ⁴⁾.

Съ момента возникновенія строя Гармоніи заработная плата будетъ уничтожена, т. к. каждый трудящійся сдѣлается членомъ ассоціаціи, получающимъ дивидендъ. Кромѣ того, распредѣленіе будетъ таково, что народъ получитъ «минимумъ», достаточный для настоящаго и будущаго», и благодаря этому, «освободится отъ всякаго безпокойства за себя и своихъ» ⁵⁾. Фурье не затрудняетъ себя на этотъ счетъ сложными вычисленіями. Развѣ не достаточно установить принципъ, что привлекательный и планомѣрный трудъ въ огромной степени долженъ увеличить

¹⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 366).

²⁾ *Ibid.* (стр. 376).

³⁾ *Ibid.* (стр. 372).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 368).

⁵⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. II, стр. 15—16).

общее и частное богатство? Обезпеченіе минимума благосостоянія для каждаго и уничтоженіе института заработной платы—таковы черты, общія у Фурье съ социалистами. Однако, онъ отличается отъ большинства ихъ способомъ распредѣленія и такимъ представленіемъ о справедливости, при которомъ матеріальное равенство не играетъ никакой роли. Но еще болѣе онъ удаляется отъ нихъ своими воззрѣніями на свободу.

Свобода у Фурье повсюду. Она въ Богѣ, создавшемъ міръ по Своему желанію; она въ человѣческой душѣ, которая не связана никакимъ закономъ и приказаніемъ и предназначена для удовлетворенія своихъ страстей. Свобода точно такъ же присуща и социальной организаціи: свобода полная, ненарушимая и абсолютная. Фурье не только никогда не апеллируетъ къ публичнымъ властямъ для осуществленія своего пробнаго *фаланстера*, и обращается съ этою цѣлью исключительно къ частнымъ лицамъ ¹⁾,—это уже характерная черта,—но онъ полагаетъ, что естественнымъ орудіемъ и какъ бы средой, пригодной для первоначальнаго осуществленія соціетарнаго строя является коммуна.—«Въ Гармоніи» совершенно нѣтъ мѣста принужденію. Насиліе и недовѣріе къ человѣческой природѣ присуще только философскимъ теоріямъ цивилизованныхъ, такимъ «недостовѣрнымъ наукамъ», какъ мораль и политика, которыя Фурье пришелъ опрокинуть и замѣнить другими. Но какую роль играли бы долгъ и авторитетъ въ системѣ, согласно которой добродѣтель состоитъ въ удовлетвореніи своихъ страстей и всѣ

¹⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 286).

страсти законны, такъ какъ для «созданія соціального равновѣсія и всеобщей гармоніи необходима «лѣстница различныхъ вкусовъ», — въ системѣ, согласно которой исполненіе соціальныхъ функцій является для всѣхъ членовъ ассоціаціи непрерывной смѣной, восхитительнымъ разнообразіемъ удовольствій? ¹⁾ Какую роль играло бы средство не быть «гражданиномъ», т.-е. не «дѣйствовать на благо массы», при такомъ порядкѣ вещей, когда «для каждого существуетъ «приманка» и «прикормка» для подобнаго рода дѣятельности? ²⁾

Мы напрасно стали бы искать въ системѣ Фурье авторитета и власти. Іерархія въ ней очень развита; въ изобиліи встрѣчаются титулы «магнатовъ» и «магнатоковъ» и «скипетры различнаго достоинства»; но обладаніе такими титулами, удовлетворяющее извѣстныя страсти, не даетъ никакого принудительнаго могущества. Въ пробной *фалангѣ*, — единственной, относительно которой Фурье ясно формулировалъ свои взгляды, — внутренняя организація ввѣряется *на первое время (sic)* «регентству» или «совѣту», составленному изъ участниковъ, наиболѣе выдающихся своими капиталами и своими промышленными или научными знаніями. Надъ «регентствомъ» стоитъ «ареопагъ». Но ни ареопагъ, ни регентство не повѣдѣваютъ. Они только «совѣтники въ страстяхъ» ³⁾. Ареопагъ объявляетъ, напримѣръ, что, по метеорологическимъ и агрономическимъ наблюденіямъ, наступило время для жатвы или сѣнокоса. Но его совѣты, «принимаемые горячо, какъ промышленная буссоль,

¹⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 151).

²⁾ *Ibid.* (стр. 581).

³⁾ *Ibid.* (стр. 447).

не обязательны; любая группа может производить уборку въ другое время, несмотря на совѣтъ ареопага» ¹⁾. Внутренняя администрація доведена до минимума. Нужно ли прибавлять, что Фурье, разумѣется, не интересуется ни внѣшней политикой, ни войнами?

Поэтому, государство не играетъ роли въ его системѣ. «Индивидуальная независимость» абсолютна въ разрядахъ страстей. Однако, Фурье требуетъ мирныхъ отношеній къ установленнымъ властямъ, и не скупится на успокоительныя завѣренія въ этомъ смыслѣ. Не допуская въ *фаланстеръ* никакой формы и никакой степени авторитета, онъ говоритъ, что пробную *фалангу* можно гдѣ-нибудь устроить, «не выступая противъ администраціи» ²⁾, что новую промышленную систему можно ввести, «совершенно не вмѣшиваясь въ дѣятельность установленной власти» ³⁾.

Индивидуумъ пользуется въ *фалангѣ* не только абсолютной независимостью, но и своими естественными правами. Фурье указываетъ, что дикарь имѣетъ полную свободу охотиться и ловить рыбу, собирать дикорастущіе плоды и овощи, безпрепятственно пользоваться пастбищемъ для выкармливанія скота; имѣетъ право воровать и грабить у чужаковъ; а также право соединяться съ членами своего племени для воровства и для нападенія на другихъ; наконецъ, онъ имѣетъ право на беззаботность ⁴⁾. Цивилизація лишила человѣка всѣхъ этихъ выгодъ, не давъ никакого эквивалента. Взамѣнъ ихъ она преподноситъ ему лишь «глупыя выдумки, въ

¹⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 134).

²⁾ См. разъясненія, приведенныя *Ibid.* (стр. 134—135).

³⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. II, стр. 378—389).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 164 и сл.).

родѣ, на примѣръ, гордости прекраснымъ названіемъ свободнаго человѣка или счастья жить при Хартіи» ¹⁾. Но эти «пустяки» не могли бы удовлетворить «живущаго своимъ трудомъ», который, прежде всего, хотѣлъ бы, «подобно дикарю, ѣсть въ свое удовольствіе, жить весело и беззаботно, охотиться, ловить рыбу и сообща воровать» ²⁾. Забвеніе или отрицаніе «права на трудъ» является «самымъ вопіющимъ заблужденіемъ» въ такъ называемыхъ либеральныхъ теоріяхъ ³⁾. Напротивъ того, соціетарный строй гарантируетъ всѣмъ своимъ членамъ «эти семь правъ полностью или ихъ эквивалентъ, по соглашенію». Такъ, на примѣръ, уничтожая право воровства, «онъ настолько обезпечиваетъ благосостояніе народа, что плебей уже не захочетъ болѣе рисковать, «безчестить себя воровствомъ» ⁴⁾. Такимъ образомъ, при господствѣ Цивилизаціи, нѣтъ свободы; въ дикомъ состояніи свобода «не полна и опасна»; при Гармоніи—свобода, полная, настоящая и мирная, достигаемая тѣмъ, что всякому гарантируется «минимумъ», гарантируется, такъ какъ это становится возможнымъ, благодаря возрастанію ресурсовъ всякаго рода, вслѣдствіе перехода отъ труда «отталкивающаго» къ труду («привлекательному» ⁵⁾.

Какъ видно, мы отнесли систему Фурье къ числу индивидуалистическихъ не безъ основанія. Дѣйствительно, онъ стремится обезпечить всѣмъ членамъ ассоціаціи счастье и справедливость, при свободѣ и

¹⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. II, стр. 169).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 170).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 178).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 370).

⁵⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 176).

чрезъ свободу. Онъ возвращается къ понятію естественнаго права, сохраняя за этимъ понятіемъ весь тотъ смыслъ, какой ему придавали въ XVIII вѣкѣ. Наконецъ, будучи смѣлѣе экономистовъ и либераловъ, ограничивавшихся сокращеніемъ дѣятельности государства, Фурье изгоняетъ самую идею государства и даже никогда не употребляетъ слова, выражающаго эту идею.

Но индивидуализмъ Фурье грѣшитъ умаленіемъ и искаженіемъ человѣческой природы. Онъ ничего не хочетъ знать въ человѣкѣ, кромѣ страсти, и, такимъ образомъ, заслуживаетъ упрека въ «симплицизмѣ», упрека, съ которымъ самъ обращается къ «цивилизованнымъ» и къ «теоретикамъ-либераламъ». Не доказано и не можетъ быть доказано, что страсть въ человѣкѣ все. Индивидуализмъ, ограничивающійся покровительствомъ проявленію страсти и удовлетвореніемъ ея требованій, вслѣдствіе одного этого, помимо крайностей въ другихъ отношеніяхъ, остается неполнымъ и несовершеннымъ.

«Я шелъ къ цѣли одиноко, не имѣя никакихъ готовыхъ средствъ и проторенныхъ путей» ¹⁾. Здѣсь горделивая претензія Фурье выражена еще одной изъ самыхъ скромныхъ формулъ. Онъ охотно сравниваетъ себя съ Колумбомъ: тотъ «открылъ» новый матеріальный міръ, а Фурье возвѣщаетъ о «новомъ соціальномъ мірѣ» ²⁾; при чемъ, ему приходится наталкиваться на тѣ же враждебные предразсудки, на тѣ же обвиненія, основанныя на невѣжествѣ и рутинѣ. Это притязаніе на полную самобытность у

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (стр. 191).

²⁾ *Ibid.* (стр. 181).

Фурье вполне искренно: онъ — сама искренность. По читатель, слѣдившій за нашимъ изложеніемъ, едва ли согласится, что оригинальность у Фурье равняется искренности. Слишкомъ много у него связей съ предшественниками и современниками. Слишкомъ ясно, что мысль его движется въ кругѣ, который она нашла уже совершенно готовымъ.

Критики безъ особеннаго труда подмѣтили близость между Фурье и Руссо. Жалуясь на Цивилизацію, какъ на начало всѣхъ золъ, Фурье повторяетъ и продолжаетъ Руссо, съ оговоркой, на которую мы указали выше. Самъ Фурье обвиняетъ прошлыя поколѣнія въ томъ, что они «заглушили голоса такихъ людей, какъ Гоббсъ и Руссо, взывавшихъ къ искренности», и не приняли того «свѣта», который они несли съ собою ¹⁾. У Руссо же онъ заимствуетъ фразу, которая часто у него попадаетъ и могла бы служить отличнымъ эпиграфомъ ко всѣмъ его сочиненіямъ: «Люди тутъ не при чемъ: произошелъ какой-то переворотъ, причина котораго намъ не понятна» ²⁾. Въ отличіе отъ Руссо, который, обнаруживая зло, не указываетъ средствъ противъ него, Фурье ясно видитъ эту причину въ «раздробленномъ» состояніи промышленности. Здѣсь — объясненіе постоянства крайней бѣдности огромнаго большинства, бѣдности, еще болѣе чувствительной вслѣдствіе контраста между нею и благосостояніемъ немногихъ. Но тутъ Фурье уже не слѣдуетъ за Руссо.

Фурье читалъ экономистовъ, Адама Смита и Ж.-Б. Сэя, и пришелъ къ выводу, что они пропо-

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (стр. 24).

²⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 391).

ведуютъ «дробленіе». Поэтому, они распространяютъ не свѣтъ, а «тьму» ¹⁾. Онъ пошелъ дальше Сисмонди, указывая негодность системы, ведущей къ обогащенію народовъ и полному разоренію индивидуумовъ ²⁾. Но всѣ эти подражанія, заимствованія, слѣды различнаго рода вліяній, конечно, менѣе интересны, чѣмъ общая связь, существующая между системами идей Фурье и Сэнъ-Симона.

Связь эта не исключаетъ, однако, капитальныхъ различій. Эти различія особенно бросаются въ глаза, при сравненіи взглядовъ Фурье со взглядами сэнсимонистовъ. Идеи сэнъ-симонистовъ относительно собственности, семьи и свободы внушаютъ ему ужасъ. Тѣмъ не менѣе, предлагая совершенно инныя средства для реорганизациі общества, къ необходимости этой реорганизациі онъ приходитъ подъ вліяніемъ тѣхъ же стремленій, какъ и сэнъ-симонисты.

Подобно Сэнъ-Симону, Фурье опирается въ своей системѣ на идею притяженія, но дѣлаетъ изъ нея такіе выводы, которыми Сэнъ-Симонъ пренебрегъ. Пораженный сильнымъ развитіемъ промышленности, онъ, подобно Сэнъ-Симону, признаетъ ее «основной функціей». Публицисты напрасно умствуютъ относительно «духовенства и правительства» ³⁾ (это то же самое, что *духовная и свѣтская власть* у Сэнъ-Симона). Чтобы быть методическимъ, «божественный кодексъ» долженъ, прежде всего, упорядочить промышленность, и мысль человѣка, занятаго социальнымъ

¹⁾ Pellarin, *Vie de Fourier* (стр. 196). — Это выраженіе заимствовано изъ одного письма Фурье.

²⁾ См. *Les Crimes de Commerce* въ изданіи, озаглавленномъ *Manuscripts de Fourier*.

³⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 39).

строено, должна направляться, прежде всего, сюда же. Къ политикѣ Фурье относятся такъ же безразлично, какъ и Сэнъ-Симонъ ¹⁾, съ тою разницею, что онъ ожидаетъ отъ установленныхъ властей не помощи, какъ Сэнъ-Симонъ, а просто свободы. Впрочемъ, по примѣру Сэнъ-Симона, онъ всячески старается успокоить носителей этихъ властей. Власть правительства не уменьшится ни на одинъ атомъ; всѣ чиновники останутся на мѣстахъ. Если бы либералы хотѣли приготовить путь для соціетарнаго строя и установить гарантизмъ, они должны были бы «примириться со всякимъ правительствомъ, *хотя бы это была инквизиція*» ²⁾. Вотъ до чего доходить этотъ поклонникъ свободы, вслѣдствіе своего отвращенія къ «свободнымъ учрежденіямъ».

Другая черта сходства между Фурье и Сэнъ-Симономъ—болѣе частнаго характера и заключается въ приданіи исключительной важности матеріальному благосостоянію. Фурье хочется соблазнить своихъ современниковъ тѣми удовольствіями и выгодами, которыя даетъ имъ примѣненіе соціетарнаго строя. Это—удивительное сочетаніе новыхъ наслажденій для людей; это—увеличеніе продуктовъ годового общаго труда, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза, и проч... И для Фурье промышленность является, прежде всего, могучей силой, творящей новый міръ и новыя отношенія между людьми ³⁾.

¹⁾ *Théorie des Quatre Mouvements* (Предв. замѣч., стр. 5).—Ср. у Pellarin, *Vie de Fourier* (стр. 109), выдержки изъ его переписки: «Я не знаю никакихъ конституцій. Я ихъ не читаю».

²⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. II, стр. 394).

³⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (т. III, стр. 55 и сл.).

Опять-таки подобно Сэнъ-Симону, хотя и помимо него, Фурье примыкает къ утилитаризму XVIII вѣка. Отождествленіе частныхъ интересовъ съ общими является, въ сущности, главной пружиной «цивизма», какъ его понимаетъ Фурье ¹⁾. Оно—душа соціальной морали, если только можно употреблять здѣсь слово мораль, противъ котораго Фурье такъ предубѣжденъ. Фурье не говоритъ о французскихъ утилитаристахъ, но онъ нѣсколько знакомъ съ Бентамомъ и хвалитъ послѣдняго за то, что онъ одинъ между «цивилизованными» писателями «приблизился къ опредѣленію истиннаго счастья» ²⁾.

Такое сближеніе Фурье съ Бентамомъ, Сэнъ-Симономъ и Руссо, однако, недостаточно говоритъ о связи, соединяющей его съ общимъ движеніемъ идей того времени. Остается указать, быть-можетъ, самый важный пунктъ, а именно тотъ, который въ полномъ блескѣ обнаруживаетъ внутреннюю нелогичность его системы.

Мы видѣли, насколько Фурье заслуживаетъ названія индивидуалиста. Но этотъ индивидуалистъ питаетъ страсть къ единству. Подобно Сэнъ-Симону, а также де-Местру и Бональду, Фурье ищетъ единства въ метафизическомъ, моральномъ и матеріальномъ мірѣ. Двойственность кажется ему характернымъ признакомъ человѣческихъ дѣяній; единство—дѣяній божественныхъ. Самую систему свою онъ называетъ *Теоріей вселенскаго единства*. Но какъ примирить съ индивидуализмомъ эту страсть къ единству? Фурье не достигаетъ этого, и склоняется то въ одну, то въ другую сторону. Онъ хочетъ уничтожить дробле-

¹⁾ *Théorie de l'Unité universelle* (т. III, стр. 578).

²⁾ *Nouveau Monde industriel et sociétaire* (стр. 413).

ніе общества, а между тѣмъ, по тонкому и мѣткому замѣчанію одного писателя ¹⁾, дробить человѣческій трудъ и человѣческую душу. Онъ дробить человѣческій трудъ: участникъ его фаланстера беретъ за все и ни на чемъ не останавливается. Онъ дробить человѣческую душу: я ничего не говорилъ о взглядахъ Фурье на отношенія половъ, потому что это не входило въ мою задачу; но какъ странна идея его «фанерогамныхъ нравовъ», допускающихъ раздѣленіе и дробленіе привязанностей! Наконецъ, Фурье хочетъ обезпечить человѣку, обновленному и преобразованному, благодаря *фаланстеру*, широкое и разнообразное проявленіе всѣхъ своихъ способностей, и, повидимому, не замѣчаетъ того, что установленіе истиннаго единства по его рецепту погубило бы всякую оригинальность и свободу. Несмотря на всѣ увѣренія Фурье, члены *фаланги* представляются намъ копіей другъ-друга, потому что всѣ они лишены настоящаго источника духовной оригинальности: имъ не нужно напрягать свои силы въ борьбѣ съ окружающимъ и съ самими собой.

II.

Прудона мало изучали, особенно во Франціи, и мало заботились о томъ, чтобы узнать, какъ онъ рѣшилъ занимавшія его проблемы ²⁾.

¹⁾ Ch. Adam, *La Philosophie en France* (1-я половина XIX вѣка) (стр. 344—346).

²⁾ *Utilité de la célébration du Dimanche* (1839); *Qu'est ce que la Propriété? Premier Mémoire* (1840); *Deuxième Mémoire* (1841); *Avertissement aux propriétaires* (1842); *Création de l'Ordre dans l'humanité* (1843); *Système des Contradictions économiques* (1846); *Idée générale de la Révolution* (1851); *De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise*.

Свободное и какъ бы беспорядочное изложеніе его книгъ, его часто запутанная діалектика ввели въ обманъ. Казалось, что работа Прудона имѣетъ не преимущественно, но исключительно отрицательный характеръ. Экономисты называютъ его разрушителемъ социализма; социалисты, съ своей стороны, — разрушителемъ политической экономіи. Ни тѣ, ни другіе не признаютъ, что Прудонъ не только разрушалъ, но и создавалъ, можно сказать — сооружалъ доктрину. *Destruam et aedificabo*, гласитъ эпиграфъ къ его *Системѣ экономическихъ противорѣчій*. Этотъ эпиграфъ правиленъ. Прудонъ не стоитъ ни за коммунизмъ, ни за политическую экономію, но набрасываетъ доктрину, способную, по его мнѣнію, замѣнить и ту и другую.

Я не могу не остановиться на этомъ, хотя главной задачей моего изслѣдованія будетъ показать, что Прудонова *Анархія* является высшимъ выраженіемъ и какъ бы конечнымъ пунктомъ индивидуалистической идеи. Но у Прудона все находится въ связи или, по крайней мѣрѣ, общія понятія связаны между собой; онъ сознаетъ эту связь, и это сознание, какъ я постараюсь доказать сейчасъ, является однимъ изъ новыхъ и счастливыхъ вкладовъ въ сокровищницу мысли его времени.

Прудонъ писалъ много, и его послѣднія произведенія отдѣлены отъ первыхъ большимъ промежуткомъ времени. Но, подобно большинству систематиковъ, онъ рано нашелъ свой методъ, уяснилъ себѣ его значеніе и овладѣлъ тѣми идеями, которыя оказались плодотворными. Эти идеи и этотъ методъ встрѣчаются уже въ первомъ изъ двухъ *Мемуаровъ* о собственности. Этотъ мемуаръ можно сравнить

съ *Opuscles* Конта, которыя, какъ мы увидимъ, содержатъ въ зародышѣ, въ болѣе сжатой, а слѣдовательно, болѣе интересной формѣ, все позднѣйшее развитіе его мысли, по крайней мѣрѣ, въ области соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Точно такъ же *Экономическія противорѣчія* и *Справедливость въ революціи и въ церкви*, несомнѣнно, являются — я говорю не о размѣрахъ—произведеніями, болѣе значительными, чѣмъ *Первый мемуаръ*, но они не прибавляютъ къ нему ничего существеннаго ¹⁾.

Методъ Прудона чисто-діалектическій. Дѣло идетъ о томъ, чтобы осудить собственность, уничтожить самое понятіе о ней. Прудонъ не ограничится, подобно множеству другихъ, перечисленіемъ и описаніемъ губительнаго вліянія частной собственности. Онъ прямо нападетъ на различные принципы, которыми, въ отдѣльности или совмѣстно, пользовались ея защитники: естественное право, оккупацию, гражданскій законъ, трудъ,—и покажетъ, что ни трудъ, ни гражданскій законъ, ни оккупация, ни естественное право не служатъ прочными основаніями, способными поддержать теорію частной собственности. Замѣтьте хорошенько его манеру: онъ не отрицаетъ самыхъ принциповъ; напротивъ того, онъ начинаетъ съ ихъ признанія и ограничивается «затѣмъ выясненіемъ того, вѣрно ли эти принципы выражаются собственностью» ²⁾.

¹⁾ Можно было бы показать, и Сентъ-Бѣвъ (*Proudhon* стр. 42—43) уже отмѣтилъ это, что *Первый мемуаръ* въ зародышѣ находится въ еще болѣе раннемъ произведеніи,—въ *Célébration du Dimanche*.

²⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 34).

Основывая собственность на естественномъ правѣ, оккупациі, гражданскомъ законѣ и трудѣ, ея защитники воображаютъ, будто съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія собственность *справедлива*. Прудонъ отвѣчаетъ имъ: нѣтъ, въ силу вашихъ собственныхъ принциповъ, — труда, гражданского закона, оккупациі, естественнаго права, — она *несправедлива*. Почему? Потому, что всѣ доводы, каковы бы они ни были, которые можно привести, исходя изъ этихъ принциповъ, «всегда и неизбѣжно ведутъ къ равенству, т.-е. къ отрицанію собственности» ¹⁾.

Собственность — естественное право. — Въ такомъ случаѣ она должна уподобляться прочимъ естественнымъ и непреложнымъ правамъ человѣка: свободѣ, равенству и безопасности. Но присмотритесь ближе: свобода — «абсолютное право», потому что она является для человѣка *conditio sine qua non* его существованія, «какъ непроницаемость для матеріи». Безопасность абсолютное право, «потому что въ глазахъ каждаго человѣка его свобода и жизнь такъ же драгоцѣнны, какъ свобода и жизнь другого». Равенство — абсолютное право, «потому что безъ равенства нѣтъ общества». Я не оцѣниваю и не обсуждаю: я просто показываю, какъ онъ пользуется своимъ *методомъ*. Но собственность, продолжаетъ Прудонъ, не абсолютное право, потому что мое право на то, что мнѣ принадлежитъ, исключаетъ право другого, и граждане, «объединившіеся для равенства, свободы и безопасности», не объединяются и не могутъ объединяться ради собственности. Такъ же невозможно соединить двухъ собственни-

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 35).

ковъ, какъ соединить два магнита однородными полюсами» ¹⁾).

Оккупация? Она сама находитъ оправданіе только въ томъ, что собственность рассматривается, какъ необходимый результатъ свободы. Въ такомъ случаѣ, что же дѣлать тѣмъ, кто приходитъ позже? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что «всякій разъ, какъ рождается человѣкъ, одаренный свободой, всѣмъ остальнымъ нужно потѣсниться?» ²⁾. Такая форма примѣненія принципа равенства опять-таки равносильна осужденію частнаго присвоенія.

Гражданскій законъ? На немъ можно основать владѣніе, но не собственность. Кромѣ того, само владѣніе законно только потому, что оно гарантируетъ трудящемуся результаты его труда. Но развѣ этотъ благодѣтельный принципъ приложимъ не ко всѣмъ трудящимся? И не должны ли всѣ люди стоять за «равныя средства труда»? ³⁾ Такимъ образомъ, мы приходимъ къ противорѣчію: равенство, признаваемое въ принципѣ, отрицается въ тѣхъ соціальныхъ выводахъ, которые дѣлаютъ защитники собственности.

Трудъ, наконецъ? Но, не говоря уже о другихъ трудностяхъ, связанныхъ съ этой теоріей, мы и по этому пути опять-таки приходимъ къ равенству. Почему рабочіе не становятся владѣльцами? Почему всякій рабочій не становится, благодаря своему труду, собственникомъ не только своего жалованья и своей заработной платы, но и «создаваемой имъ цѣнности», изъ которой, въ силу современной организаціи собственности, его хозяинъ извлекаетъ

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 44—45).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 56).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 60)

нынѣ свою прибыль ¹⁾? Это — серьезное замѣчаніе, такъ такъ, если рабочій по праву является собственникомъ фактически создаваемой имъ цѣнности, то *исключительная* собственность капиталиста и крупнаго землевладѣльца неизбежно исчезаетъ. Здѣсь мы касаемся важнаго пункта. Подобно Пеккёру и Видалю, Прудонъ, въ свою очередь, очень отчетливо, хотя и не столь полно, какъ они, проводитъ принципъ коллективизма. Мы сейчасъ вернемся къ этому, а пока будемъ имѣть въ виду критику собственности.

Направленная противъ собственности аргументація Прудона, съ которой мы только что познакомились, оставляя въ сторонѣ вопросъ о ея силѣ или слабости,—а въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она, нужно сознаться, очень слаба, — является лишь предварительной аргументаціей. Онъ оставилъ за собой право установить впоследствии посредствомъ аксіомъ и положеній, что собственность *невозможна*, т.-е. что она, по существу своему, представляетъ собою не что иное, какъ «противорѣчіе, химеру, утопію» ²⁾.

Собственность невозможна, потому что она хочетъ изъ ничего сдѣлать нѣчто. Прудонъ имѣетъ здѣсь въ виду арендную плату: собственникъ, «который ничего не уступаетъ изъ своего орудія производства, постоянно заставляетъ за него платить, постоянно его сохраняетъ» ³⁾. — Собственность невозможна, потому что, при господствѣ системы индивидуальной собственности, производство «стоитъ дороже дѣйствительной цѣнности». — Собственникъ беретъ себѣ часть продуктовъ, которая не потребляется

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 91).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 121).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 132).

и нейдетъ въ производство (я все время излагаю, а не разбираю), слѣдовательно, становится бесполезной ¹⁾. — Собственность невозможна, такъ какъ, по мѣрѣ увеличенія числа праздныхъ собственниковъ, производство уменьшается, и сама собственность стремится исчезнуть. «Собственникъ становится бѣднѣе именно потому, что онъ хочетъ пользоваться собственностью; осуществляя свое право, онъ его теряетъ» ²⁾. — Собственность невозможна, потому что она человекоубійственна. Чтобы увеличить свой доходъ, собственнику стоитъ только раздѣлить свою собственность; вслѣдствіе этого рабочій для поддержки своего существованія принужденъ *работать больше*. «Ростовщически обобравъ трудящагося, собственникъ медленно убиваетъ его посредствомъ истощенія» ³⁾. — Собственность невозможна, потому что благодаря ей «общество поглощаетъ само себя». Чтобы производитель могъ жить, ему необходимо пріобрѣтать продукты своего труда. Но въ крупной промышленности конкуренція между рабочими понижаетъ заработную плату до того, что они не могутъ покупать на свой заработокъ продуктовъ своего труда ⁴⁾. Отсюда слѣдуетъ, что лишь одна часть общества потребляетъ и что рано или поздно не потребляющая часть общества должна бросить работу. Но «это губительно какъ для рабочаго, такъ и для собственника» ⁵⁾. — Собственность невозможна, потому что она — мать тираніи. Прудонъ не безъ

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 133). — Ср. стр. 144.

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 137).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 144).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 150).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 151).

убѣдительности доказываетъ, что, такъ какъ нація является своего рода большой акціонерной компаніей, тотъ, кто владѣетъ большимъ, долженъ имѣть и больше голосовъ въ собраніи акціонеровъ; иначе нація получитъ широкое право располагать состояніемъ этихъ привилегированныхъ безъ ихъ вѣдома. Такимъ образомъ, въ странѣ съ частной собственностью равенство избирательныхъ правъ оказывается нарушеніемъ собственности» ¹⁾. — Собственность невозможна, потому что она имѣетъ дѣло только съ конечными величинами, тогда какъ присущая ей сила накопленія «безконечна». Не хватаетъ, по крайней мѣрѣ, одного ограниченія, ограниченія права собственника увеличивать свое состояніе, ограниченія права судьи «признавать и устанавливать предѣлы собственности», ограниченія права государства вводить новые налоги и проч. ²⁾. — Собственность невозможна, потому что она беззащитна противъ самой себя, и постоянно должна обращаться къ силѣ ³⁾. — Наконецъ, собственность невозможна, потому что она является отрицаніемъ равенства; положеніе, въ сущности, не новое, а просто резюмирующее всѣ предыдущія ⁴⁾.

Невозможность собственности или того, что Прудонъ называетъ этимъ именемъ, доказываетъ ея несправедливость: доказать одно значитъ, по его мнѣнію, доказать другое. И онъ, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ силлогизму. «Что справедливо, то, несомнѣнно, полезно; что полезно, то, несомнѣнно, истин-

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 163).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 170).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 173).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 174).

но: что истинно, то, несомненно, возможно» ¹⁾). Можно было бы много сказать по поводу этого разсужденія, и, не соперничая съ Прудонъ въ эристику, доказать, что, предполагая истинное несомненно возможнымъ, нельзя считать ни полезное обязательно истиннымъ, ни справедливое обязательно полезнымъ. Впрочемъ, я останавливаюсь на этихъ положеніяхъ только для того, чтобы показать тѣсную связь логики и морали въ разсужденіяхъ Прудона. Онъ не довольствуется, однако, доказательствомъ несправедливости собственности, посредствомъ ея невозможности. Къ этому косвенному доказательству онъ присоединяетъ прямое изложеніе своего взгляда на понятіе справедливости и ея соціальныя приложенія. Но съ этимъ принципомъ и его слѣдствіями мы встрѣтимся ниже.

Чѣмъ же замѣнить собственность, осужденную и съ логической и съ моральной точекъ зрѣнія? Коммунизмомъ? Нѣтъ. Уже въ *Первомъ мемуарѣ* Прудонъ выдвигаетъ противъ коммунизма возраженія, которыя онъ разовьетъ впослѣдствіи съ большей силой въ *Экономическихъ противоречіяхъ*.

Коммунизмъ ведетъ къ непоправимымъ несправедливостямъ; насилуетъ свойственныя человѣку симпатіи и антипатіи; налагаетъ желѣзное ярмо на волю и подвергаетъ совѣсть моральнымъ пыткамъ; погружаетъ общество въ апатію; «свободную, дѣятельную, разумную и непокорную личность человѣка» онъ осуждаетъ «блаженствовать среди притупляющаго однообразія»; наконецъ, «онъ возмущаетъ здравый смыслъ» ²⁾). Онъ ссылается на исторію, но и она

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 122).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 203).

говорить противъ него. Республика Платона «предполагаетъ рабство»; республика Ликурга — илотовъ. Коммунизмъ, который первое время проповѣдывала Церковь, не могъ удержаться. Іезуиты въ Парагваѣ привели черныхъ въ самое бѣдственное состояніе. Послѣдователи Бабѣфа потерпѣли крушеніе, а сэнъ-симонисты «прошли какъ въ маскарадѣ». Если что грозитъ обществу, такъ это серьезная опасность «еще разъ потерпѣть крушеніе отъ этого подводнаго камня» ¹⁾.

Болѣе того: «систематическій коммунизмъ, сознательное отрицаніе собственности, создались подъ прямымъ вліяніемъ предразсудка, на который опирается собственность» ²⁾. Коммунизмъ провозглашаетъ себя *собственникомъ* имущества, лицъ и желаній. Вотъ главный и любимый аргументъ Прудона, къ которому онъ снова возвратится въ *Противорѣчіяхъ*. Неопровержимо логично доказавъ, что коммунизмъ ведетъ къ апотеозу государства, являющагося врагомъ индивидуума ³⁾, а также и то, что онъ, по формулѣ, которую чрезвычайно охотно усвоили себѣ экономисты, является «религіей нищеты» ⁴⁾, Прудонъ безъ-устали будетъ упрекать его и за то, что онъ представляетъ «карикатуру собственности» ⁵⁾.

Такъ идетъ онъ въ своей гегеліанской діалектикѣ отъ *тезиса* (коммунизмъ) и *антитезиса* (собственность) къ *синтезису*: послѣдній онъ означаетъ словомъ,

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 203).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 203).

³⁾ *Contradictions économiques*, II. (Сочиненія, т. V, стр. 294).

⁴⁾ *Ibid.* II (Сочиненія, т. V, стр. 303 и слѣд.).

⁵⁾ *Ibid.*, II. (Сочиненія, т. I, стр. 219).

которое и само по себѣ недостаточно выразительно, а кромѣ того, имѣ уже пользовались очень часто, для обозначенія самыхъ различныхъ вещей, словомъ — свобода ¹⁾. Но комментаріи къ этому слову выясняютъ его мысль.

Уже въ *Первомъ мемуарѣ* ²⁾ Прудонъ указываетъ, что такое господство свободы съ политической и экономической точекъ зрѣнія. Но не слѣдуетъ преднамѣренно ограничиваться этимъ слабымъ выраженіемъ его мысли, вмѣсто того, чтобы искать ея полного развитія въ *Противорѣчійхъ*, въ *Справедливости* или въ *Общей идее о революціи въ XIX вѣкѣ*. Въ этихъ произведеніяхъ Прудонова теорія свободы окончательно складывается и получаетъ философское содержаніе.

Соціальная экономія Прудона резюмируется одной идеей: идеей взаимности. Политика его выражается однимъ словомъ: анархія.

Формула взаимности, или «естественнаго обмѣна», нѣсколько неустойчивая въ *Первомъ* и *Второмъ мемуарѣ о собственности* ³⁾, въ большей чистотѣ дается въ *Противорѣчійхъ* ⁴⁾. Я не буду ни разбирать ее, ни излагать ея судьбу. Наоборотъ, анархія обязательно требуетъ моего разсмотрѣнія.

О ней, не безъ нѣкоторой театральности, возвѣщается въ *Первомъ мемуарѣ*. Здѣсь именно нахо-

¹⁾ *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 219).

²⁾ О политическомъ строѣ см. особенно *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 212—217), а о соціальной точкѣ зрѣнія (*Ibid.*, стр. 219—222).

³⁾ *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 219—205).—*Deuxième Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 245).

⁴⁾ *Contradictions économiques*, II. (Сочиненія, т. V, стр. 414—416).

дится знаменитая фраза: «Кто же вы, наконец? Я—анархистъ» ¹⁾. Въ этомъ же произведеніи дается и опредѣленіе анархіи: это—«отсутствіе господина, суверена», а не отсутствіе принциповъ, правилъ, т.-е. безпорядокъ ²⁾, какъ съ тѣхъ поръ постоянно указываетъ Прудонъ. Вотъ какова, говоритъ онъ здѣсь же, «форма правленія, къ которой мы приближаемся съ каждымъ днемъ». Въмѣсто подданныхъ—члены ассоціацій. Вопросы внутренней политики рѣшаются по даннымъ департаментской статистики. Вопросы внѣшней политики — по даннымъ международной статистики³⁾. Правительство естественно отходитъ къ одной изъ секцій Академіи Наукъ, «постоянный секретарь которой въ силу необходимости исполняетъ функціи перваго министра». Это извѣстная уже намъ идея Сэнъ-Симона, только въ зрѣломъ, законченномъ видѣ. Впрочемъ, въ послѣдствіи ⁴⁾, въ теченіе полемики, возбужденной его взглядами, Прудонъ будетъ искать зарожденія идеи анархіи въ XVIII и XIX вѣкахъ, и воздастъ должное Сэнъ-Симону за то, что тотъ проложилъ пути для истинно-революціонной формулы, которая не говоритъ «ни о прямомъ законодательствѣ, ни о прямомъ правительствѣ, ни объ упрощеніи правительства», а провозглашаетъ «отсутствіе правительства» ⁵⁾.

Нѣтъ болѣе правительства, т.-е. нѣтъ государства, угнетавшаго личность; нѣтъ болѣе государства, отъ

1) *Premier Mémoire*. (Сочиненія, т. I, стр. 212).

2) *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 216, примѣч. 1).

3) *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 217).

4) *Idée générale de la Révolution* (Сочиненія, т. X, стр. 135 и слѣд.).

5) *Ibid.* (Сочиненія, т. X, стр. 140).

котораго все исходитъ и къ которому все возвращается,—и въ данномъ случаѣ Прудонъ, охотно пользуясь всѣми источниками, просто повторяетъ экономистовъ ¹⁾. — Нѣтъ правительства, т.-е. нѣтъ централизаціи — здѣсь Прудонъ повторяетъ Ройэ-Коллара, впрочемъ цитируя послѣдняго ²⁾. — Нѣтъ правительства, т.-е. нѣтъ авторитета — здѣсь Прудонъ, никого уже не повторяя, провозглашаетъ полную свободу труда, производства, воспитанія, совѣсти, всѣхъ соціальныхъ и моральныхъ силъ ³⁾. Уничтоженіе правительства, уничтоженіе государства — оба эти слова онъ употребляетъ почти безразлично — является въ его глазахъ истиннымъ завершеніемъ французской Революціи ⁴⁾.

Разрушивъ государство, Прудонъ старается замѣнить его. Вѣрный мысли Сэнъ-Симона, онъ показываетъ, что общество безъ правительства, безъ государства, т.-е. анархическое общество, не будетъ лишено порядка. Авторитетъ замѣнится *договоромъ*, не подчиненнымъ никакой внѣшней власти и приводимымъ въ исполненіе только по инициативѣ сторонъ ⁵⁾. Промышленная организація замѣнитъ политическую ⁶⁾, и, вслѣдствіе прогрессивнаго исчезновенія «всѣхъ колесъ огромной машины, называемой правительствомъ, или государствомъ», политическая система всецѣло «погрузится, потонетъ» въ «системѣ эконо-

¹⁾ *Contradictions économiques*, II. (Сочиненія, т. V, стр. 94—100).

²⁾ *Idée générale de la Révolution* (Сочиненія, т. X, стр. 73).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. X, стр. 339).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. X, стр. 332).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. X, стр. 115).

⁶⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. X, стр. 283).

мической» ¹⁾. Нужно замѣтить эту формулу, которая у Карла Маркса и его учениковъ, — заимствовали они ее у Прудона, или нѣтъ, — становится руководящей идеей и какъ бы фундаментомъ ихъ системы ²⁾.

Необходимо, конечно, разбираться въ произведеніяхъ Прудона, и въ чисто-политическихъ изъ нихъ принимать въ расчетъ увлеченія слишкомъ пылкой мысли, не всегда достаточно осторожной въ выраженіяхъ. Будучи противникомъ авторитарныхъ демократовъ и социалистовъ, которые постоянно прибѣгаютъ къ государству, Прудонъ въ своихъ этюдахъ, составляющихъ *Общую идею о революціи*, нарочно подчеркиваетъ тезисъ, изложенный уже въ *Первомъ мемуарѣ* и въ *Противоречіяхъ*, не измѣняя, однако, его природы. Идея противоположности интересовъ индивидуума и государства, какъ ее понимали въ то время экономисты, либералы и даже социалисты, гнететъ его. Онъ не можетъ освободиться отъ нея и даже не стремится къ этому; и вотъ этотъ великій индивидуалистъ — мы увидимъ сейчасъ, что онъ заслуживаетъ такого названія — съ политической точки зрѣнія является самымъ слабымъ представителемъ индивидуализма.

Двѣ великія идеи доминируютъ въ умѣ Прудона и, можно сказать, составляютъ его общую филозофію: идея справедливости и идея свободы.

Мы встрѣчаемъ ихъ у него очень рано: уже въ *Первомъ мемуарѣ* онъ утверждаетъ, что «мы никогда не понимали смысла этихъ столь обыденныхъ и столь священныхъ словъ: справедливость, равенство,

¹⁾ *Idée générale de la Révolution* (Сочиненія, т. X, стр. 196).

²⁾ См. далѣе, книгу IV, гл. II.

свобода». Облекающая ихъ тьма и наше невѣжество въ этомъ отношеніи являются причинами «всѣхъ бѣдствій, терзавшихъ человѣческій родъ» ¹⁾. Уже въ *Первомъ мемуарѣ*, какъ мы указали, содержится прямое изложеніе идей о справедливомъ и несправедливомъ. Авторъ, еще не достаточно владѣющій фразеологіей, различаетъ тамъ три степени общительности (*sociabilité*): общительность въ собственномъ смыслѣ, представляющую чистый инстинктъ ²⁾; справедливость въ прямомъ смыслѣ, или «признаніе въ другихъ личности, равноправной нашей собственной» ³⁾; гуманность, или «соціальную пропорціональность», которая помощь слабому, возвышеніе его до нашего уровня дѣлаетъ одновременно и нашей страстью и нашимъ долгомъ, и благодаря которой мы платимъ дань признательности и уваженія сильному, «не становясь его рабами» ⁴⁾. Здѣсь Прудонъ, видимо, находится подъ вліяніемъ Фурье. Въ этомъ убѣждаютъ насъ его стиль, подраздѣленія, къ которымъ она прибѣгаетъ, и преслѣдуемая имъ не совсѣмъ удачная погоня за точностью. Тѣмъ не менѣе, основная идея уже выясняется: справедливость прежде всего въ равенствѣ, прежде всего въ уваженіи чужой свободы, подобной нашей, и въ стремленіяхъ осуществить ее; въ такомъ смыслѣ она и должна стать «принципомъ правленія и права».

Та же самая идея, вновь и весьма подробно разработанная, наполняетъ собою большое сочиненіе Прудона *О справедливости въ революціи и въ церкви*,—

¹⁾ *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 16).

²⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 177).

³⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 180).

⁴⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 189).

книгу, въ которой всего лучше видны высота и благородство его взглядовъ и въ то же время крайне рѣзко выступаютъ всѣ недостатки его ума. Этотъ безконечный гимнъ праву, свободѣ и справедливости, занимающій въ *Полномъ собраніи сочиненій* шесть томовъ, можно разюмировать въ нѣсколькихъ очень простыхъ положеніяхъ.

Справедливость не только регулируетъ соціальныя отношенія: она является «міровой сущностью вещей» ¹⁾. Въ области совѣсти (правъ и обязанности) она называется просто Справедливостью; въ области ума (логика, математика)—Равенствомъ или Уравненіемъ; въ сферѣ воображенія — Идеаломъ; въ природѣ—Равновѣсіемъ ²⁾. Съ начала міра и появленія рефлексіи, религіозная и философская мысль постоянно «держались на этомъ корнѣ» ³⁾. Даже въ лицѣ Божества человѣчество обожаетъ опять-таки справедливость. Французская Революція чувствовала эту великую истину. Поэтому, она является прологомъ къ новой эрѣ цивилизаціи, возвышенныя перспективы которой рисуетъ нашъ философъ ⁴⁾.

Всѣ моральныя личности равноцѣнны, слѣдовательно всѣ члены общества одинаково участвуютъ въ правленіи, въ составленіи законовъ и въ отправленіи обязанностей ⁵⁾; передъ каждымъ человѣкомъ открывается свободное поле для пріобрѣтенія; соб-

¹⁾ *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église* (т. I, стр. 33).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 36).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 41).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 100).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 119).

ственность пользуется уваженіемъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, опредѣляемыхъ, «подлежащихъ пересмотру», по мѣрѣ усложненія и возрастанія интересовъ¹⁾; государство (здѣсь Прудонъ оставляетъ въ тѣни анархію) ставитъ своей единственной задачей «служеніе интересамъ»²⁾ индивидуумовъ и гарантированіе ихъ правъ³⁾. При такомъ пониманіи справедливость не должна оставаться простою идеею, руководящей свыше усиліями человѣчества добиться лучшаго. Она должна стать силой, позволяющей осуществить дорогой идеаль⁴⁾. Въ прежнихъ религіяхъ, опиравшихся на откровеніе⁵⁾, она трансцендентная сила; въ новой религіи, провозглашенной Революціей⁶⁾, она имманентна человѣческому сознанію.

Нѣтъ нужды итти далѣе за Прудономъ въ развитіи его мысли⁷⁾. Въ приведенныхъ положеніяхъ выражена вся сущность его идеи о справедливости. Если добавить просто, что Прудонъ ясно видѣлъ и отмѣтилъ⁸⁾ социальное и даже моральное превосходство справедливости надъ милосердіемъ (хотя этотъ взглядъ и не занимаетъ у него такого мѣста, какого бы онъ заслуживалъ), то въ этомъ краснорѣчивомъ признаніи права и достоинства человѣческой личности, въ самой идеѣ распространить форму договора

1) *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église* (т. I, стр. 120).

2) См. *ibid.* (т. II, стр. 99 и слѣд.; 119 и слѣд.).

3) *Ibid.* (т. I, стр. 123).

4) *Ibid.* (т. I, стр. 132).

5) *Ibid.* (т. I, стр. 134).

6) *Ibid.* (т. I, стр. 141).

7) См. *Ibid.* (т. I, стр. 224 и слѣд.).

8) *Ibid.* (т. I, стр. 154).

на возможно большее число актовъ соціальной жизни, мы найдемъ характерные элементы индивидуалистической философіи. Въ настроеніи общества главная роль отведена совѣсти; человѣческая воля торжествуетъ надъ слѣпыми и темными силами въ общественномъ строѣ.

Прудонъ сильно настаиваетъ на понятіи моральной свободы. Нетрудно было бы показать, что его слишкомъ воспріимчивый умъ примѣшиваетъ къ концепціи свободы посторонніе ей элементы. Тѣмъ не менѣе, хотя это понятіе и не достигло у него абсолютной философской чистоты, онъ ставитъ его во главѣ своей системы. Моральная свобода, или свободная воля—Прудонъ безразлично пользуется обоими терминами—состоитъ не только въ способности воздѣйствовать на окружающее, но преимущественно въ способности воздѣйствовать на самого себя, «бороться съ собственнымъ произволомъ, какова бы ни была форма его воздѣйствія на человѣка — органическая, интеллектуальная, моральная или соціальная». Эта способность допускаетъ еще высшую степень, безъ которой она не существовала бы. Индивидуумъ можетъ «употреблять въ пользу или во вредъ себѣ свою волю, уничтожать ее, отрицать въ себѣ и внѣ себя всякій фатализмъ» ¹⁾.

Это именно и дѣлаетъ самъ Прудонъ. Въ эпоху, пресыщенную идеей *организации*, богатую системами, которая почти всѣ безъ исключенія (Прудонъ несправедливъ, однако, къ Фурье, причисляя его съ этой стороны къ Кабэ, Анфантэну и Конту ²⁾) счи-

¹⁾ *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église* (т. III, стр. 214).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 228).

таютъ социальную и моральную проблему, какъ бы механической, разрѣшимой извнѣ посредствомъ измѣненія образа жизни, законовъ и учреждений, Прудонъ возстаетъ во имя и ради свободы. «Человѣкъ,— говоритъ онъ,— не желаетъ болѣе, чтобы его организовали, механизировали». Всѣми силами своего существа онъ жаждетъ «дефатализаціи» ¹⁾. Христіанство и французская Революція могутъ гордиться тѣмъ, что были «возмущеніями человѣчества», опиравшимися на чувство моральной свободы: Прудонъ, такимъ образомъ, характеризуетъ оба эти явленія правильно и понимаетъ, что ихъ связываетъ между собою.

Помимо свободы моральной, составляющей всего человѣка, Прудонъ отмѣчаетъ еще значеніе свободы, какъ причины и корня вещей, или, говоря, быть-можетъ, точнѣе, онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ недостаточности «принципа необходимости» ²⁾. Я не буду разсматривать его нѣсколько бѣглаго опроверженія спинозизма. Достаточно будетъ отмѣтить у него одну черту дѣйствительно философскаго характера, если только въ ней не весь философскій духъ, которая ставитъ Прудона очень высоко среди мыслителей, несмотря на всѣ его легко подмѣчаемые недостатки и погрѣшности. Онъ понималъ связь, существующую между моральными и социальными проблемами, съ одной стороны, и чисто-философскими проблемами, съ другой ³⁾. Онъ понималъ, что великіе вопросы социального, экономического и политическаго порядка нельзя рѣшать въ отдѣль-

¹⁾ *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église* (т. III, стр. 228).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 238).

³⁾ Восьмой этюдъ, *Justice* (т. III, стр. 131—217), весь проникнутъ этой идеей.

ности, посредствомъ независимыхъ другъ отъ друга формулъ, постоянно остающихся спорными; что *систему церковную* (подъ которой онъ понимаетъ совокупность идей, господствовавшихъ до конца XVIII вѣка) нужно замѣнить иной *системой*. Эту систему онъ назвалъ и назвалъ очень удачно — объ этомъ можно судить по сказанному нами во *Введеніи* — *системой революціонной* ¹⁾).

Хотя, по моему мнѣнію, другому мыслителю — Рэнувье, явившемуся, не скажу, продолжателемъ Прудона, а его единомышленникомъ, пришлось впоследствии много поработать, чтобы разъяснить, очистить и дополнить *революционную систему*, тѣмъ не менѣе, Прудонъ уловилъ и отмѣтилъ основной признакъ ея: обращеніе къ совѣсти и къ волѣ для твердаго направленія индивидуальной и соціальной жизни. И теологическое и эмпирическое объясненіе одинаково отбрасываются Прудономъ ²⁾. Обстоятельства заставили его энергичнѣе бороться съ первымъ, чѣмъ со вторымъ; но онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ драгоцѣнное оружіе для освобожденія отъ натуралистическаго и нецесситарнаго суевѣрія. Нѣкоторые элементы мысли Прудона мы встрѣтимъ у Рэнувье; отраженіе этой же мысли, какъ мы считаемъ себя вправе утверждать, окрашиваетъ и наше *Заключеніе*.

Мысль Прудона, столь богатая, сильная и разносторонняя, но излагаемая нами теперь, быть-можетъ, въ слишкомъ упрощенномъ видѣ, находится въ тѣсной связи со многими предшествовавшими ей и современными ей доктринами.

¹⁾ *De la Justice* (т. I, стр. 141).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 141 и сл.).

Я указалъ въ ней мимоходомъ нѣкоторыя черты сэнъ-симонизма. Я отмѣтилъ также нѣкоторыя точки соприкосновенія Прудона съ Фурье. Но кромѣ нихъ есть и другія. Если даже согласиться съ Рэнувье, что *Анархія* не была «фаланстерійской» ¹⁾ идеей, а восходитъ къ Сэнъ-Симону, какъ и я склоненъ допустить, принимая во вниманіе слова самого Прудона, все - таки между нимъ и Фурье остается довольно много общаго, на что, впрочемъ, онъ не старается указать. Вліяніе Канта на Прудона, какъ это можно замѣтить по его теоріи справедливости и права, несомнѣнно сильнѣе, чѣмъ это ему хотѣлось бы признать. Его современники много и не безъ преувеличеній говорили о томъ, чѣмъ онъ обязанъ Гегелю. Мы видѣли, что бóльшая часть идей Прудона о собственности находится уже въ *Первомъ мемуарѣ*, относящемся къ 1840 году. Однако, хотя онъ говоритъ тутъ о гегеліанскомъ методѣ и применяетъ тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, онъ зналъ тогда Гегеля только по наслышкѣ, а не изъ прямого знакомства съ его произведеніями: «Я не могу судить, — писалъ онъ, пять лѣтъ спустя, одному другу, — о родствѣ моей метафизики съ логикой Гегеля, на примѣръ, ибо я никогда не читалъ Гегеля» ²⁾. Однако, нельзя было бы пренебречь личными сношеніями Прудона съ представителями молодой Германіи, съ писателями гегеліанской лѣвой, жившими въ Парижѣ, проѣздомъ или подолгу; нельзя также упустить изъ виду знаменитыя бесѣды его съ Карломъ Грюномъ, благодаря которымъ гегеліанство въ об-

¹⁾ *Critique philosophique* (1 годъ, т. I, стр. 34).

²⁾ *Lettre à Bergmann* (19 января 1845 года), цитируемое Сэнтъ-Бёвомъ (*Proudhon*, стр. 205).

щихъ чертахъ могло проникнуть въ умъ Прудона ¹⁾.

Между этими лѣвыми гегеліанцами былъ Карлъ Марксъ, который хвалится тѣмъ, что многому научилъ Прудона ²⁾: вопросъ, однако, не получилъ ли онъ отъ него болѣе, чѣмъ далъ? Въ мою задачу не входитъ рѣшеніе этого вопроса и выясненіе, чѣмъ обязаны Прудону Марксъ и Энгельсъ; но я констатирую, опираясь на простую очевидность, что нѣкоторыя основныя ихъ идеи уже встрѣчаются у Прудона.

И, прежде всего, та идея, что за неяснымъ и гуманитарнымъ социализмомъ его эпохи наступитъ социализмъ «научный» ³⁾. Затѣмъ, та идея, что при коллективномъ производствѣ собственность получить иной характеръ, чѣмъ теперь ⁴⁾; или та идея, что рабочій, «даже послѣ полученія заработной платы», сохраняетъ «естественное право собственности на продуктъ своего труда» ⁵⁾. Конечно, Прудонъ, не дѣлаетъ изъ этой идеи конечныхъ выводовъ, какіе

¹⁾ См. *Sainte-Benue, Proudhon* (стр. 203 и сл.).

²⁾ См. *K. Marx, Misère de la Philosophie*.

³⁾ *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 216).—Ср. письмо отъ 4 октября 1844 года къ Аккерману, цитируемое Сэнтъ-Бёвомъ (стр. 266). «Когда противорѣчія Коммунизма и Демократіи станутъ ясными и присоединятся къ *утопіямъ* Сэнтъ-Симона и Фурье, тогда воцарится *социализмъ*, стоящій на высотѣ науки,—*социализмъ*, представляющій собою не что иное, какъ политическую экономію, и этотъ социализмъ съ неодолимой силой повлечетъ общество къ тому, что ему суждено». Здѣсь мы находимъ слова *утопія* и *научный*, которыми воспользуется впослѣдствіи Энгельсъ (см. далѣе, кн. IV, гл. III).

⁴⁾ *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 97).

⁵⁾ *Ibid.* (Сочиненія, т. I, стр. 91).

сдѣлалъ Марксъ; но самую идею онъ понимаетъ. Точно такъ же, въ *Противорѣчіяхъ* была указана ¹⁾ на-личность теоріи прибавочной цѣнности, составляю-щей фундаментъ всего зданія *Капитала*. Прудонъ же, наконецъ, формулировалъ идею неизбежнаго исчезновенія государства и замѣны его чисто-эконо-мическимъ управленіемъ, при которомъ все будутъ вершить статистики ²⁾; и эту формулу я почти до-словно нахожу у Карла Маркса.

Многія изъ этихъ сближеній были сдѣланы фран-цузскими критиками; нѣкоторыя — нѣмецкими. Въ одномъ превосходномъ изслѣдованіи ³⁾ оспаривается важность этихъ сближеній и указываются различія между Марксомъ и Прудономъ, значительно превы-шающія сходства между ними. Эти различія без-спорны ⁴⁾. Не говоря уже о формулѣ коллективизма, имѣющейся, какъ мы видѣли, у другихъ француз-скихъ предшественниковъ Маркса и отсутствующей у Прудона, самъ Марксъ указалъ ⁵⁾ пунктъ перво-степенной важности, въ которомъ онъ не сходится съ Прудономъ.

Марксъ, какъ мы это показываемъ далѣе, стремится исключительно «ограничиться критическимъ изуче-ніемъ историческаго движенія, которое само собой

¹⁾ См. L e r o u - B e a u l i e r, *Le Collectivisme* (стр. 277).

²⁾ «Вся соціальная философія—въ статистикѣ и въ веденіи книгъ». *Avertissement aux propriétaires* (Сочиненія, т. II, стр. 34, прим. 1).

³⁾ B o u r g a i n, *Des Rapports entre Proudhon et Karl Marx*. Вступительная лекція въ Лилльскомъ университетѣ (9 ноября 1892 года) (стр. 16).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 17—37).

⁵⁾ См. *Ibid.* (стр. 33—34) письмо Маркса въ *Sozialdemokrat*, 1865 г.

создаетъ матеріальныя условія эмансипаціи», а Прудонъ занятъ отысканіемъ «апріорной формулы» для рѣшенія соціального вопроса¹⁾. И дѣйствительно, хотя Прудонъ обладаетъ очень развитымъ историческимъ чутьемъ; хотя онъ допускаетъ, чего не допускаютъ первые французскіе соціалисты, что экономическая наука не могла быть «съ самаго начала иной, чѣмъ какою мы ее видѣли», и что соціализмъ, въ свою очередь, «не можетъ удержаться на первоначальной позиціи»²⁾, тѣмъ не менѣе, онъ, подобно Фурье, не старается найти въ эволюціи явленій объясненіе настоящаго или предвареніе будущаго. «Взаимодѣйствіе» кажется ему какъ бы соціальной формой, требуемой справедливостью, о которой Марксъ не говоритъ, и какъ бы установленной по волѣ Божіей³⁾, о которой Марксъ и совсѣмъ не думаетъ. Точно такъ же, Прудонъ приглашаетъ къ «мирной»⁴⁾ революціи, которая должна привести людей къ лучшему соціальному состоянію, между тѣмъ какъ Марксъ всего ожидаетъ отъ силы.

Отъ идеализма Прудона далеко до принциповъ марксизма. Отъ понятія о правѣ и моральной личности, какъ оно выражено у Прудона, далеко до удовлетворяющей Маркса идеи о человѣческой природѣ. Отъ роли, которую у Прудона свобода играетъ въ соціальной жизни, въ индивидуальномъ сознаніи

¹⁾ Эти выраженія взяты изъ того же письма.

²⁾ *Contradictions économiques*, I. (Сочиненія, т. V, стр. 55).

³⁾ См. молитвы, которыя Прудонъ охотно помѣщаетъ въ своихъ книгахъ. Напримѣръ, въ *Premier Mémoire* (Сочиненія, т. I, стр. 224) и *Contradictions économiques*, I. (Сочиненія, т. V, стр. 622).

⁴⁾ *Idée générale de la Révolution* (Сочиненія, т. X, стр. 196).

и даже въ метафизическомъ объясненіи явленій, далеко до нецесситарныхъ тезисовъ нѣмецкаго социализма, который, какъ мы убѣдимся далѣе, можетъ отвести извѣстное мѣсто свободной дѣятельности индивидуума только цѣною непослѣдовательности.

Социализмъ Прудона одно время былъ въ большомъ ходу и служилъ программой для французскаго и даже иностраннаго пролетаріата; но это продолжалось недолго, и онъ былъ развѣнчанъ суровою доктриною Маркса и Энгельса. Хотя Бѣнуа Малонъ ¹⁾ и относится къ автору *Экономическихъ противорѣчій* съ почтеніемъ, однако онъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ, благодаря своей проповѣди «мютюэллизма», «уклонился» въ сторону, во вредъ зарождавшейся тогда идеѣ коллективизма ²⁾. Другіе адепты революціоннаго социализма прямо называютъ Прудона «реакціонеромъ» ³⁾. Мы знаемъ, дѣйствительно, съ какимъ твердымъ убѣжденіемъ защищаетъ онъ семью и бракъ и какимъ строгимъ, почти жестокимъ, представлялся ему авторитетъ отца и мужа.

Но, по справедливому замѣчанію Сэнтъ-Бѣва ⁴⁾, многія изъ идей Прудона, подвергавшіяся суровой критикѣ и, повидимому, опровергнутыя, все болѣе и болѣе «просачиваются» и «проникаютъ незамѣтно» въ общественное сознаніе. Что идея о взаимности интересовъ и объ участіи въ прибыляхъ принадлежитъ Прудону, объ этомъ нечего и говорить; кромѣ

¹⁾ *Précis de Socialisme* (стр. 108).

²⁾ Benoit Malon, *Socialisme intégral* (т. I, стр. 159).

³⁾ См. *Предисловіе*, помѣщенное Полемъ Лафаргомъ въ началѣ его французскаго перевода книги Бебеля *Die Frau* (стр. III).

⁴⁾ *Proudhon* (стр. 219).

того, если, какъ мы думаемъ и постараемся доказать въ концѣ этой книги, современное пониманіе равенства неразрывно съ идеей справедливости и составляетъ наиболѣе жизненный элементъ послѣдней; если теперь каждому мыслящему человѣку бросаются въ глаза несомнѣнное превосходство и первенство справедливости, по сравненію съ милосердіемъ; если, наконецъ, выясняется, что только посредствомъ *системы*, и притомъ системы, проникнутой свободой, можно рѣшить длящейся цѣлый вѣкъ споръ о задачахъ человѣческаго общества и о понятіи государства, то значительная часть добытыхъ результатовъ приходится на долю Прудона.

III.

Я старался до сихъ поръ отмѣтить въ идеяхъ Прудона и Фурье жизненные элементы, которымъ суждено было развиваться; теперь я покажу, что было въ нихъ скоропроходящаго.

Мало сказать, что *Фаланстеръ* и *Анархія* не только утопіи или парадоксы; гораздо интереснѣе то обстоятельство, что это такіе парадоксы, самая форма которыхъ, крайне искусственная и условная, была внушена обоимъ мыслителямъ весьма распространенной въ то время манерой смотрѣть на вещи; такіе парадоксы, которые не являются, подобно множеству другихъ, преувеличеніемъ истины, а, такъ сказать, продолженіемъ заблужденія до безконечности.

Фурье и Прудонъ разсматривали вопросы подъ угломъ зрѣнія, найденнымъ и вымѣреннымъ съ одной стороны экономистами, съ другой — ихъ противниками, соціалистами. Оба они желали освободить лич-

ность отъ всякаго контроля, отъ всякой опеки, отъ всякаго авторитета. Оба дошли на этомъ пути до химеръ и абсурдовъ. Оба, кромѣ того, не приняли въ расчетъ, что государство, давая стимулъ или помогая, можетъ и должно оказывать извѣстное вліяніе на образованіе полной и абсолютной индивидуальности своихъ членовъ. Оба они, такимъ образомъ, лишились средства, которое, при хорошемъ примѣненіи и при условіяхъ, какія мы попытаемся установить далѣе, лучше всѣхъ иныхъ годится для того, чтобы изъ теоретическаго индивидуализма сдѣлать реальность. Будучи, въ данномъ случаѣ, жертвами господствовавшихъ идей, они, при всей смѣлости и силѣ своей мысли, не сумѣли освободиться отъ антитезы, которая, однако, не заключаетъ въ себѣ ничего необходимаго, потому что піонеры индивидуалистическаго движенія въ XVIII вѣкѣ на ней не остановились.

Такимъ образомъ, хотя Прудонъ и Фурье обладаютъ болѣе возвышеннымъ и болѣе широкимъ взлядомъ на вещи, чѣмъ современные имъ индивидуалисты и соціалисты, самыя границы, въ которыхъ они рѣшаютъ проблему объ индивидуумѣ и государствѣ, осуждаютъ ихъ, что бы тамъ они ни думали о своей доктринѣ, быть солидарными въ заблужденіи, котораго они не могли ни опровергнуть, ни даже замѣтить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Выводы изъ третьей книги.

Индивидуалисты XVIII вѣка, какъ мы видѣли, не знали коренной противоположности интересовъ индивидуума и государства. Французская Революція послѣдовательно примѣняла и крайній индивидуализмъ, и крайнюю государственность, не замѣчая въ этомъ и тѣни противорѣчія. Людямъ того времени казалось такъ же естественнымъ провозглашать права индивидуума, какъ и пользоваться авторитетомъ государства для признанія и освященія этихъ правъ.

Теократы, проповѣдовавшіе реакцію противъ философскихъ и политическихъ принциповъ французской Революціи, и первые социалисты, приглашавшіе государство пересмотрѣть заново условія труда и вмѣшаться въ распредѣленіе богатства, должны были вызвать, и, дѣйствительно, вызвали, пробужденіе либеральнаго и индивидуалистическаго духа.

Только на этотъ разъ индивидуализмъ получаетъ иной характеръ. Онъ стремится замкнуться въ себѣ, и, въ концѣ-концовъ, сводится къ абсолютной противоположности, къ настоящей антитезѣ между индивидуумомъ и государствомъ. Наибольшее ограниченіе роли государства стало какъ будто наиболее характернымъ признакомъ индивидуализма. Это—общая мысль

доктринеровъ, либераловъ и экономистовъ. Демократовъ, понимавшихъ индивидуализмъ иначе, согласно указаніямъ Руссо и Канта, либеральная школа объявляетъ лишенными всякаго права называться индивидуалистами. «Фаланстеръ» Фурье и «Анархія» Прудона ставятъ уничтоженіе всякаго принужденія, всякой политической власти условіемъ совершеннаго развитія, полного проявленія индивидуальныхъ способностей. Такимъ образомъ, Прудонъ и Фурье стараются, съ своей стороны, поддержать то мнѣніе, что индивидуализмъ—такая доктрина, которая *par excellence* ведетъ къ подавленію дѣятельности государства.

Крайнимъ, но логическимъ слѣдствіемъ такого пониманія индивидуализма является, какъ мы видѣли, почти полное освященіе всѣхъ фактическихъ неравенствъ между людьми.

Только тѣ члены общества должны считаться настоящими индивидуумами, кому благопріятствуютъ обстоятельства, кто уже сталъ настоящимъ индивидуумомъ съ экономической или интеллектуальной и моральной точекъ зрѣнія; сталъ, или для достиженія этого долженъ употребить лишь слабое усиліе, которое дѣлаютъ возможнымъ свободныя учрежденія и свободный трудъ. А всѣ остальные члены общества, еще безконечно далекіе отъ этого идеала, могутъ рассчитывать лишь на весьма медленное улучшеніе своей участи посредствомъ такихъ палліативовъ, какъ ассоціаціи и коопераціи (палліативы, идея которыхъ, впрочемъ, была подсказана экономистамъ самими социалистами: ассоціація — Фурье, кооперація Оуэномъ). Ихъ опять предоставляютъ силѣ «естественныхъ законовъ», которые общество должно чтить.

Вотъ почему эта форма индивидуализма заслуживаетъ упрека въ индифферентизмъ и эгоизмъ, который ей дѣлаютъ даже не предубѣжденные судьи, безпристрастные наблюдатели. Вотъ почему, равнымъ образомъ, замѣчается, по сравненію съ возвышенной доктриной XVIII вѣка, пониженіе уровня индивидуализма, которое мы стараемся поставить на видъ. Въ такомъ видѣ индивидуализмъ, совершенно подобно социализму, измѣняетъ своему первоначальному направленію. Социализмъ, исходившій первоначально изъ права общины распоряжаться индивидуумомъ по своему желанію, кончаетъ правомъ индивидуума на общину, обязанную заботиться о его нуждахъ и развивать его, такъ сказать, извнѣ, механически. Индивидуализмъ, начавшій съ признанія полного равенства правъ, кончаетъ оправданіемъ привилегій.

Если бы исторія социальныхъ и политическихъ доктринъ во Франціи, въ теченіе XIX вѣка, остановилась на томъ пунктѣ, котораго мы теперь достигли, то могло бы показаться, что чувство равенства должно было *неизбѣжно* привести къ тираніи государства, а стремленіе къ свободѣ къ *неизбѣжному* невмѣшательству и индифферентизму государства, умѣряемому кое-какими палліативами въ пользу менѣе счастливыхъ. Мы увидимъ, однако, въ послѣдствіи, что это вовсе не такъ ¹⁾.

Мы отмѣтили мимоходомъ нѣсколько фактическихъ причинъ, которыя заставили доктринеровъ, либераловъ и экономистовъ направить свои усилія противъ идеи государства. Если бы мы, не ограни-

¹⁾ См. наше *Заключеніе*.

чиваясь разсмотрѣніемъ соціальныхъ и политическихъ теорій, захотѣли распространить свое изслѣдованіе на общее движеніе идей въ теченіе занимающаго насъ періода, тогда пришлось бы указать здѣсь, помимо возрожденія лиризма въ литературѣ, который, какъ справедливо было указано ¹⁾, представляетъ не что иное, какъ индивидуализмъ въ искусствѣ, на протестантское религіозное движеніе, наиболее яркимъ представителемъ котораго былъ Винэ ²⁾, и на либерально-католическое движеніе. Нужно было бы показать, какъ въ обоихъ этихъ движеніяхъ идея государства оспаривается, принижается и отрицается. Но разсмотрѣніе этихъ однородныхъ явленій не входитъ въ мою задачу.

Зато я долженъ настаивать на существованіи связи между соціально-политической философіей доктринеровъ, либераловъ и экономистовъ и не только политическими и соціальными, но и чисто философскими тезисами эклектизма. Дѣйствительно, эклектизмъ былъ господствующей философіей этого періода, особенно процвѣтавшей въ эпоху Реставраціи. Отмѣтить эту связь значитъ найти одинъ изъ коренныхъ источниковъ для объясненія установленной столькими школами антитезы между индивидуумомъ и государствомъ.

Заслуга и оригинальность Кузэна состоитъ въ томъ, что онъ возобновилъ психологическія изысканія и вывелъ изъ долгаго забвенія спиритуализмъ ³⁾.

¹⁾ Brunetière, *L'Évolution de la poésie lyrique* (т. I, стр. 164).

²⁾ Объ этомъ движеніи см. у E. Schéger'a, *Alexandre Vinet* (Paris, 1853).

³⁾ См. Janet, *Victor Cousin et son oeuvre*, гдѣ эти взгляды были высказаны впервые.

Онъ поднялся на гору, съ которой сошли послѣдніе представители философіи XVIII вѣка. На верху этой горы онъ вновь нашелъ (на этотъ разъ съ помощью Мэнъ-де-Бирана и нѣмецкихъ учителей) мысль, духъ. Онъ выступилъ за права духа противъ доктринъ, которыя, претендуя на индивидуализмъ, въ то же время отказывали послѣднему въ томъ, что можно было бы назвать условіемъ его философскаго бытія. Но, съ одной стороны, самая настойчивость, которую онъ считалъ необходимымъ прилагать при раздѣленіи фактовъ на фізіологическіе и психологическіе, заставила его провести неизгладимую черту между этими двумя областями, съ другой, въ силу постепеннаго умѣренія своихъ метафизическихъ требованій, онъ вполне удовлетворился такимъ пониманіемъ вещей, при которомъ духъ игралъ извѣстную роль, имѣлъ свою область, но не объяснялъ всего.

Отсюда—этотъ столь ясно выраженный у эклектиковъ дуализмъ между фізіологіей и психологіей, между душою и тѣломъ, матеріей и духомъ. Кузэнъ и его школа удовольствовались тѣмъ, что освободили метафизику отъ незаслуженнаго недовѣрія, и не пошли далѣе этого дуализма. Они совсѣмъ не поняли того, что нельзя дѣлить метафизику на части, что нѣсколько метафизикъ не могутъ сосуществовать въ одной системѣ и что нужно выбирать между той метафизикой, которая сводитъ пространство къ мышленію, и той, которая мышленіе сводитъ къ пространству. Ихъ собственное рѣшеніе казалось имъ не возбуждающимъ никакихъ затрудненій, никакихъ сомнѣній. Они считали его естественнымъ, если не необходимымъ, выраженіемъ истины.

Не настаивая слишком на связи, существующей между тезисами метафизики и социально-политической философии в различные исторические моменты, позволительно думать, что эта дуалистическая концепция не была чужда той популярности, которой пользовалась в то время идея противоположности, антитезы между индивидуумом и государством. В данный момент истории идей эта антитеза одинаково прельщала, как мы видели, и тех мыслителей, которые желали все отдать индивидууму, и тех, которые, действуя в ином направлении, но рассуждая, так сказать, в той же форме, хотели все отдать государству. Эта антитеза в социально-политической области соответствовала антитезе тела и души, духа и материи, в области спекулятивной. И, как обыкновенно случается, политика и социальная экономия казались тем более прочно обоснованными, чем вернее они отражали какую-нибудь господствовавшую философскую концепцию.

Таким образом, эклектизм оказал индивидуализму и хорошую и дурную услугу. Благодаря его психологии, возстановившей права я, индивидуализм приобрел в избытке силу и доверие, в которых очень нуждался после того, как на него так жестоко напали со всех сторон столько врагов. Но боязливая и как бы направленная в разные стороны метафизика Кузэна и его школы, по-прежнему развивавшая и, повидимому, оправдывавшая склонность повсюду находить антитезы, эта метафизика принуждала индивидуализм держаться средних путей, на которые увлекли его вышеуказанные различные влияния.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГОСУДАРСТВО И ИНДИВИДУУМЪ

ПЕРЕДЪ

СУДОМЪ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьбу противъ индивидуализма вели сначала писатели, говорившіе отъ имени религіи и морали; философы, пытавшіеся замѣнить узкую и поверхностную метафизику метафизикой болѣе глубокой; политики, защищавшіе правильныя теоріи о происхожденіи и природѣ власти; экономисты, стремившіеся гуманизировать безстрастную доктрину; реформаторы, искавшіе новой справедливости. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Сэнъ-Симонъ, заявляли себя сторонниками научнаго направленія, но почти тотчасъ же круто поворачивали назадъ. Напротивъ, защитники индивидуализма, въ спорѣ со своими противниками, постоянно взывали къ научному духу, къ научному методу. Экономисты, приравнивавшіе естественныя законы производства и потребленія къ законамъ физики; теоретики либерализма, опиравшіеся въ своихъ разсужденіяхъ на аксіомы, теоремы и на выводы изъ нихъ; философы, устанавливавшіе на основаніи многочисленныхъ доводовъ параллелизмъ психологін и естественныхъ наукъ,—все они наперерывъ клеймили своихъ противниковъ утопистами и горделиво считали себя единственными вѣрными, настоящими носителями научной идеи.

Теперь мы дошли до того момента, когда приверженцы и противники индивидуализма мѣняются мѣстами. Противники индивидуализма говорятъ отъ имени науки, а ихъ опровергаютъ доводами моральнаго, идеальнаго характера.

Но социалисты, эволюционисты и позитивисты понимают призывъ къ наукѣ иначе, чѣмъ эклектики, либералы и экономисты. Последніе, въ сущности, ограничивались указаніемъ на нѣкоторыя, довольно отдаленныя аналогіи между своими работами и работами ученыхъ вообще, будучи убѣждены, что тѣмъ самымъ возвышаютъ цѣну своихъ собственныхъ заключеній. «Наука» была для нихъ модной концепціей, и на нее ссылались такъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ большинство ихъ предшественниковъ ссылалось на «природу». Мыслители и писатели, къ изученію которыхъ мы теперь переходимъ, имѣютъ иное, вполне опредѣленное представленіе о наукѣ и гораздо болѣе высокое мнѣніе о научномъ характерѣ своихъ работъ.

Съ этимъ мнѣніемъ и представленіемъ ихъ о наукѣ можно согласиться, но при томъ условіи, чтобы они не выходили изъ области положительнаго знанія и не выдавали за науку, подобную другимъ и обладающую такимъ же правомъ на уваженіе къ своимъ выводамъ, какъ химія или физика, *какую-то особую позитивную науку*, которая не имѣетъ ничего общаго съ отдѣльными положительными науками и въ своихъ выводахъ совершенно не считается съ точно установленными для этихъ наукъ границами.

Нѣкоторые изъ писателей, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой четвертой книгѣ, сумѣли оградить себя отъ этой иллюзіи; многіе поддались ей; иные склоняются къ ней и почти готовы ей отдаться. Можно сказать, что на этой иллюзіи останавливается мысль почти всѣхъ этихъ писателей, и это сообщаетъ реальное единство системамъ, столь различнымъ во многихъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическіе и соціальные тезисы Огюста Конта.

Содержаніе позитивизма не ограничивается взглядами его основателя на общество и правительство ¹⁾; но отыскивать у Конта, главнымъ образомъ, соціальную и политическую доктрину вовсе не значитъ умалять или извращать его задачу. Это, во всякомъ случаѣ, значитъ согласоваться съ его собственной точкой зрѣнія.

Обширный научный синтезъ, содержащійся въ первыхъ томахъ его *Курса положительной философіи*, всегда казался ему простымъ «введеніемъ». Уже въ наиболѣе раннемъ произведеніи, вышедшемъ изъ-

¹⁾ *Séparation générale entre les opinions et les désirs* (1819); *Sommaire appréciation de l'ensemble du passé moderne* (1820); *Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société* (1822), опубликованный Сэнъ-Симономъ; *Considérations philosophiques sur les sciences et les savants* (1825); *Considérations sur le pouvoir spirituel* (1826); *Cours de Philosophie positive* (1830—42); *Discours sur l'esprit positive* (1844); *Discours sur l'ensemble du positivisme* (1848); *Système de politique positive* (1851—54); *Catéchisme positiviste* (1852); *Appel aux conservateurs* (1855); *Synthèse subjective* (т. I, 1856).

подъ его пера, въ *Opuscules* ¹⁾), которое такъ часто отличается неясностью содержанія и тяжелымъ языкомъ, но замѣчательно богато мыслями и заключаетъ въ себѣ важнѣйшія идеи, развитыя, выясненныя и координированныя имъ впоследствии въ строгомъ согласіи съ идеалами юности,—уже въ *Opuscules* Контъ разсматриваетъ дѣло общественной реорганизациі, какъ предпріятіе «теоретическое по существу», предполагающее «систему общихъ идей, предназначенныхъ руководить обществомъ» ²⁾). Но какъ ни важна выработка этой системы, въ его глазахъ она является лишь «предварительной» работой. Онъ всегда думалъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ Декарту и Спинозѣ, а равно и къ древнимъ, что конечная цѣль, *raison d'être* всякаго умозрѣнія состоитъ въ томъ, чтобы указать дорогу для практической дѣятельности.

Происшедшій впоследствии въ умѣ Конта кризисъ, который привелъ его къ замѣнѣ объективнаго метода субъективнымъ,—за что Литтрэ горячо упрекаетъ Конта,—ничуть не измѣнилъ этого взгляда. Хотя въ *Позитивной политикѣ*, написанной въ разгарѣ этого кризиса, идеи Конта выражены въ странной формѣ, глубоко шокировавшей самого знаменитаго изъ его учениковъ, тѣмъ не менѣе нельзя сказать,

1) *Opuscules* были перепечатаны въ приложеніи къ *Системѣ положительной политики*, IV т. Они изданы и отдѣльно: *Opuscules de philosophie sociale* d'Auguste Comte (1 т., in 12°, у Leroux, 1883). Я ссылаюсь именно на это изданіе.

2) *Ibid.*, стр. 80—81. Ср. *Cours de Philosophie positive* (изд. Литтрэ, т. VI, стр. 568). «Всѣ науки являются по отношенію къ социологіи лишь рядомъ неизбѣжныхъ предварительныхъ ступеней .

чтобы онъ покинулъ свои излюбленные взгляды относительно «переустройства общества», съ которыми выступалъ съ самаго начала своей философской дѣятельности.

Слѣдуетъ думать, впрочемъ, что позитивизмъ оказалъ бы менѣе глубокое вліяніе на наше время, если бы вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу господствующей теперь потребности научить, какъ жить, онъ далъ намъ только свою критику метафизики или философію науки. Позитивизмъ представлялъ нѣчто совсѣмъ иное. Въ силу обстоятельствъ, это поздно замѣтили, и полемика противъ позитивизма была направлена почти всецѣло на одинъ пунктъ: на защиту правъ метафизики ¹⁾. Эта полемика была блестяща и удачна, но, въ общемъ, довольно бесполезна, такъ какъ человѣческому духу нельзя подрѣзывать крылья; и онъ, безъ всякаго посторонняго приглашенія, продолжалъ бы отдаваться метафизикѣ, слѣдуя въ этомъ примѣру самого Конта, который, какъ я покажу сейчасъ, вступилъ въ эту запрещенную область. Пока спорили по поводу закона трехъ стадій человѣческаго развитія, политическому и соціальному вліянію позитивизма было предоставлено свободное поле. Онъ широко воспользовался этимъ и насытилъ противулиберальными предубѣжденіями окружающую насъ атмосферу.

¹⁾ Исключеніе представляютъ, впрочемъ, многочисленные статьи въ *Critique philosophique*, гдѣ Renouvier и Pilon выступаютъ противъ политическихъ и соціальныхъ тезисовъ позитивизма.

I.

Въ 1819 году, въ небольшой статьѣ, всего въ три страницы, заглавіе которой довольно плохо вяжется съ содержаніемъ и совершенно не говоритъ о ея значеніи ¹⁾, Контъ заявляетъ, что политика должна стать «положительной» наукой, и что, если массѣ населенія надлежитъ опредѣлять «цѣль», которой она желаетъ добиться, то лишь «одни ученые политики» способны указать средства для достиженія этой цѣли.

Эта идея болѣе точно и подробно была изложена имъ въ 1822 году въ статьѣ: *Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для реорганизаціи общества* ²⁾. Народы,—говоритъ онъ въ ней,—«не понимали до сихъ поръ великой задачи соціальной реорганизаціи». Почему? «Потому, что они считали чисто-практическимъ дѣло, являющееся теоретическимъ по существу». Этотъ упрекъ, высказанный вскорѣ послѣ Революціи, можетъ показаться страннымъ. Неужели Конституанта и Конвентъ, деклараціи правъ и смѣнявшія другъ - друга конституціи республики отличались недостаткомъ теоретичности? Слѣдуетъ хорошо понять мысль Конта. Слово *теорія* не означаетъ здѣсь «метафизическое умозрѣніе». Оно означаетъ «науку», а типичной наукой для Конта служить не математика, не алгебра Руссо или гео-

¹⁾ *Séparation générale entre les opinions et les désirs*, въ *Opuscules* (стр. 1—4); статья была написана для *Censeur'a*, но не напечатана (см. у Littré, *Auguste Comte et la Philosophie positive*, библіографію сочиненій Конта, въ концѣ книги).

²⁾ *Opuscules* (стр. 60—180).

метрія Конвента ¹⁾, а наука, опирающаяся на наблюдение, подобно наукамъ физическимъ и химическимъ. И вотъ, онъ приходитъ къ выводу, что политическую науку нужно возвести на степень «опытныхъ наукъ» ²⁾.

Прежде, чѣмъ достигнуть научнаго или положительнаго состоянія, въ которомъ она находится или, по крайней мѣрѣ, должна находиться въ настоящее время, политика, какъ и всѣ отрасли человѣческаго знанія,—съ той, впрочемъ, разницей, что она послѣдней завершила свою эволюцію,—прошла черезъ два другихъ фазиса: теологическій и метафизическій. Доктрина божественнаго права это—теологическій фазисъ политики, а доктрина общественнаго договора и верховенства народа—фазисъ метафизическій. Истинно «научная» политика, т.-е. находящаяся въ положительной стадіи, имѣетъ точкой своего отправленія слѣдующее очень простое положеніе: общественный порядокъ во всѣ моменты развитія человѣческаго рода является «необходимымъ послѣдствіемъ его организаціи» ³⁾.

Что же допускаетъ и чего требуетъ эта организація человѣческаго рода? Она допускаетъ и требуетъ, чтобы человѣкъ воздѣйствовалъ на природу, «видоизмѣняя ее въ своихъ выгодахъ» ⁴⁾. Развитие учрежденій рисуетъ исторію этого постепеннаго приспособленія средства, т.-е. общественнаго

¹⁾ *Opuscules* (стр. 162—63).

²⁾ *Ibid.* (стр. 99).

³⁾ *Ibid.* (стр. 102).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 102). Контъ прибавляетъ, что общественный порядокъ имѣетъ своимъ предметомъ «коллективное развитие этой естественной склонности, ея упорядоченіе и планомѣрность, чтобы полезное воздѣйствіе было наибольшимъ».

порядка, къ цѣли, т.-е. власти надъ природой. Задача политика состоитъ, значитъ, въ томъ, чтобы внимательно наблюдать за коллективнымъ развитіемъ человѣческаго рода, за пройденнымъ имъ путемъ, за промежуточными стадіями, которыя онъ долженъ былъ пройти прежде, чѣмъ достигнуть конечной стадіи. Рядъ подобныхъ тщательныхъ наблюденій укажетъ на возможные еще усовершенствованія, на прогрессъ, мыслимый въ настоящемъ и будущемъ. Затѣмъ останется только благопріятствовать политическимъ комбинаціямъ, наиболее всего пригоднымъ для того, чтобы ускорить движеніе общества въ направленіи, указанномъ его предшествовавшимъ развитіемъ ¹⁾).

Понимаемая такимъ образомъ, политика становится наукой, и ея вступленіе въ ряды опытныхъ наукъ составляетъ моральную революцію, «гораздо болѣе неизбежную, гораздо болѣе назрѣвшую и необходимую, чѣмъ всѣ другія революціи» ²⁾, ибо только она одна положитъ конецъ тому кризису ³⁾, который возникъ вслѣдствіе ирраціональной попытки метафизиковъ и дѣятелей Революціи установить новый порядокъ при помощи чисто «критическихъ» принциповъ, служившихъ имъ для разрушенія стараго порядка. Только она одна можетъ дать обществу «органическій» принципъ, въ которомъ оно такъ нуждается ⁴⁾. Ученымъ, — и притомъ ученымъ

¹⁾ *Opuscules* (стр. 102—103).

²⁾ *Ibid.* (стр. 103—104) оправданіе этихъ эпитетовъ.

³⁾ См. по поводу этого кризиса *Ibid.* (стр. 72—74 и сл.). Ср. *Sommaire appréciation du passé moderne* (1820), также въ *Opuscules*.

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 66).

не одной какой-либо страны, но всѣмъ «европейскимъ» ученымъ,—принадлежитъ миссія начертать планъ работъ, необходимыхъ для реорганизаціи общества ¹⁾. Эти работы должны заключать въ себѣ: «систему историческихъ наблюденій надъ общимъ движеніемъ человѣческаго духа, предназначенную къ тому, чтобы служить положительнымъ базисомъ политики»; «полную систему положительнаго воспитанія», пригоднаго для «возрожденнаго общества»; наконецъ, «общій планъ коллективнаго воздѣйствія, которое цивилизованные люди, при современномъ состояніи всѣхъ ихъ познаній, могутъ оказывать на природу, чтобы видоизмѣнить ее въ своихъ выгодахъ, пользуясь для этой цѣли всѣми своими силами и смотря на соціальныя комбинаціи исключительно, какъ на средство для этого» ²⁾. Въ сочиненіи, которое насъ занимаетъ, Контъ даетъ очеркъ только перваго изъ указанныхъ направленій научной работы.

Каковы же эти «историческія наблюденія надъ общимъ движеніемъ человѣческаго духа», столь поучительныя, по мнѣнію Конта, для нашего времени? Вотъ первое изъ нихъ: соціальная организація всегда зависитъ отъ состоянія цивилизаціи, а самый ходъ цивилизаціи подчиненъ опредѣленному закону ³⁾. Совершенно напрасно было бы, поэтому, «отыскивать абсолютно-наилучшую форму правленія, не обращая вниманія на состояніе цивилизаціи», или вѣрить «въ безграничную власть политическихъ

¹⁾ «Я осмѣлился составить такой планъ — и торжественно предлагаю его ученымъ Европы». *Ibid.* (стр. 105).

²⁾ *Ibid.* (стр. 105—106).

³⁾ *Ibid.* (стр. 110).

комбинацій», т.-е. предполагать, что человеческій родъ не имѣетъ «собственнаго импульса», и всегда можетъ «пассивно подчиняться тому импульсу, который захочетъ ему дать законодатель, вооруженный достаточнымъ авторитетомъ» ¹⁾. Отъ этой двойной ошибки страдаютъ, какъ теологическая, такъ и метафизическая политика; положительная политика не страдаетъ отъ нея, такъ какъ она смотритъ и наблюдаетъ, а не фантазируетъ ²⁾.

Путемъ внимательнаго наблюденія можно замѣтить, что все разнообразіе соціальныхъ организацій, существовавшее до сихъ поръ, было лишь модификаціей одной системы — «системы военной и теологической», которая была, разумѣется, результатомъ состоянія цивилизаціи, «ея очевиднымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ». Такъ какъ промышленность была «въ дѣтскомъ состояніи», то общество «должно было смотрѣть на войну, какъ на цѣль своей дѣятельности». Что касается перемѣнъ, происшедшихъ съ этихъ отдаленныхъ временъ, онѣ точно такъ же были неизбѣжными результатами «все возрастающаго усиленія научнаго и промышленнаго элементовъ» ³⁾. Другими словами, «преобладающія

¹⁾ *Opuscules* (стр. 108—109).

²⁾ *Ibid.* (стр. 111).

³⁾ *Ibid.* (стр. 113). Выше мы упомянули, что идея различія между промышленнымъ строемъ и военнымъ существовала, какъ у Дюнуайе, такъ и у Сэнъ-Симона. Контъ также указываетъ на эту формулу и находитъ источникъ ея еще ранѣе. «Юма слѣдуетъ считать творцомъ закона свѣтской эволюціи, отлично разъясненнаго впослѣдствіи Дюнуайе на яркомъ примѣрѣ воздѣйствія французской Революціи». *Système de Politique positive* (т. III, стр. 62).

общественныя силы, въ концѣ-концовъ, обязательно становятся *направляющими*» ¹⁾).

Чтобы окончательно заложить фундаментъ соціальной науки въ томъ видѣ, какъ ее понимаетъ Контъ, остается опредѣлить характеръ «естественнаго закона» ²⁾, которому подчиненъ ходъ цивилизаціи. Это—законъ «прогресса». Дѣйствіе его является необходимостью. Ни одна изъ обусловливаемыхъ имъ «промежуточныхъ стадій» не можетъ быть избѣгнута; нельзя сдѣлать ни одного шага назадъ. Только «скорость» движенія по пути прогресса можетъ подвергаться измѣненіямъ. Политическія комбинаціи, смѣняющія другъ-друга, могутъ ускорить или замедлить его. Только въ этомъ дана человѣку «возможность вліять на ходъ своей цивилизаціи» ³⁾. Если онъ дѣйствуетъ въ направленіи прогрессивномъ, то новыя соціальныя силы, «уже давно развивавшіяся незамѣтно, появляются по его зову на политической аренѣ со всею энергіей молодости» ⁴⁾. Профаны думаютъ, что государственнѣйшій человѣкъ, вызвавшій ихъ появленіе, оказывается настоящимъ виновникомъ совершившагося прогресса. Это объясняется тѣмъ, что профанъ увлекается «видимостью», въ ущербъ дѣйствительности ⁵⁾. Прогрессъ все равно совершился бы позднѣе и безъ

¹⁾ *Opuscules* (стр. 114).

²⁾ *Ibid.* (стр. 118).

³⁾ *Ibid.* (стр. 121).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 122).

⁵⁾ «Видятъ только людей и совсѣмъ не замѣчаютъ вещей, толкающихъ ихъ съ непреодолимой силой. Совершенно такую же ошибку дѣлали индійцы, приписывая Колумбу затменіе, которое онъ предвидѣлъ». *Ibid.* (стр. 122).

этого государственного человека. Напротивъ того, если человекъ дѣйствуетъ въ направленіи, противоположномъ прогрессу, или хочетъ итти слишкомъ быстро, тогда его дѣятельность будетъ равна нулю или, по крайней мѣрѣ, скоропреходяща. Такимъ образомъ, истинная политика, политика «положительная», такъ же не должна пытаться управлять своими «явленіями», какъ не дѣлаютъ этого другія науки въ своей области ¹⁾.

Опредѣлить посредствомъ наблюденія направленіе цивилизаціи съ тѣмъ, чтобы согласовать съ нимъ политическую дѣятельность, и, такимъ образомъ, «насколько возможно смягчить и сократить неизбежные кризисы, которымъ подверженъ человѣческій родъ», ²⁾—вотъ практическое правило, вытекающее изъ этой теоріи. Прибавьте къ этому, что общее направленіе цивилизаціи нельзя опредѣлить на основаніи одного настоящаго, а нужно отыскивать путемъ наиболѣе широкаго и полнаго изученія прошедшаго ³⁾. Вооруженный такимъ образомъ позитивный политикъ можетъ нарисовать «философскую картину общественнаго будущаго» и указать обществу направленіе, облегчающее «окончательный переходъ къ новому соціальному состоянію» ⁴⁾.

Такимъ образомъ, наука о человѣческомъ обществѣ,—«соціологія», какъ Контъ назоветъ ее впоследствии ⁵⁾, «соціальная физика» или «соціальная

¹⁾ *Opuscules* (стр. 124).

²⁾ *Ibid.* (стр. 127).

³⁾ *Ibid.* (стр. 129).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 131).

⁵⁾ Это слово введено и разъяснено въ *Cours de Philosophie positive* (т. IV, 1-е изд., стр. 252, примѣчаніе).

физиологія», какъ онъ называетъ ее въ своихъ первыхъ произведеніяхъ,—покоится на опредѣленныхъ предпосылкахъ, а именно: распространеніи на соціальныя явленія детерминизма, господствующаго въ другихъ областяхъ, и вѣрѣ въ законъ прогресса. Не только соціальныя факты располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ и образуютъ ряды, но этотъ порядокъ вполне понятенъ и эти ряды идутъ къ опредѣленной цѣли.

Безъ сомнѣнія, Контъ очень старательно отмѣчаетъ, что подъ словомъ прогрессъ онъ разумѣетъ *развитіе*. По его мнѣнію, различныя соціальныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ такъ же, какъ возрасты въ біологіи, не предполагая *непрерывнаго совершенствованія*. Онъ всѣми силами старается удалить изъ понятія прогресса метафизическій ядъ, которымъ оно заражено ¹⁾. Но, не говоря о томъ, что онъ въ этомъ пунктѣ противорѣчитъ самому себѣ, не говоря о томъ, что позитивизмъ, какъ справедливо было замѣчено ²⁾, рѣшается *квалифицировать* различные моменты историческаго развитія челоуѣчества, помѣщая позитивную стадію безусловно *выше* метафизической, а послѣднюю—*выше* теологической, можно было бы еще спросить, какимъ образомъ Контъ примиряетъ свою механическую отправную точку зрѣнія съ идеей цѣлесообразности, къ которой онъ, въ заключеніе, приходитъ? Оставимъ, однако, разсмотрѣніе этого вопроса, затронутаго нами только для того, чтобы показать, что Конту не удалось избѣжать совершенно вступленія на метафизическую

¹⁾ См. *Cours de Philosophie positive* (лекція 48, т. IV, стр. 287 и сл.).

²⁾ См. Pilon, *Critique philosophique* (IV годъ, т. I, стр. 263).

почву, и будемъ слѣдить за развитіемъ его соціаль-
ныхъ взглядовъ.

Представляетъ ли соціальная физика «лишь прямое продолженіе физиологіи», какъ этого желаетъ Кабанисъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Контъ, эти двѣ науки нельзя ни смѣшивать, ни сливать. Въ одномъ только смыслѣ соціальная физика является «вѣтвью физиологіи», въ томъ смыслѣ, что исторія цивилизаціи есть «продолженіе и неизбежное дополненіе естественной исторіи человѣка¹⁾. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ между этими двумя науками существуетъ «рѣзкая разница». Соціальныя явленія, будучи результатомъ коллективной дѣятельности рода и выражая, въ конечномъ счетѣ, самую его организацію, очень рано становятся слишкомъ сложными, чтобы можно было пытаться «связать какой-либо моментъ этого ряда съ точкой первоначальнаго отправленія, игнорируя промежуточные отношенія»²⁾. Чтобы хорошо изучить эти явленія и вполне познать ихъ, необходимо «установить прямую связь каждаго звена ряда съ послѣдующимъ и предыдущимъ звеньями, — и только съ ними»³⁾. Къ этому теоретическому основанію присоединяется практическое, точно такъ же требующее различенія этихъ двухъ наукъ. Такъ какъ вопросъ идетъ объ опредѣленіи системы реорганизаціи современнаго общества, то однихъ физиологическихъ законовъ еще не достаточно. Они учатъ насъ только тому, что извѣстное состояніе цивилизаціи, говоря вообще, наиболѣе соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ, но

¹⁾ *Opuscules* (стр. 165).

²⁾ *Ibid.* (стр. 166).

³⁾ *Ibid.* (стр. 166).

на какомъ разстояніи отъ этого состоянія находится человѣчество въ настоящее время? каковъ путь для его достиженія? какой планъ соціальной организаціи нужно примѣнить? — на эти вопросы невозможно отвѣтить, не обратившись прямо къ исторіи цивилизаціи ¹⁾).

«Истинное отношеніе», существующее между соціальной физикой и фізіологіей, состоитъ въ томъ, что вторая даетъ первой точку отправленія. Фізіологія даетъ намъ возможность знать причины, дѣлающія человѣческій родъ прогрессивнымъ. Она объясняетъ образованіе первичныхъ человѣческихъ агрегацій до того момента, когда созданіе языка дало толчокъ цивилизаціи ²⁾. Но съ этого момента совокупность фактовъ, называемая цивилизаціей, получаетъ такую важность, становится столь сложной, что вызываетъ настоятельную необходимость въ самостоятельной наукѣ. Контъ даетъ по этому поводу многочисленныя объясненія. Хотя онъ никогда не упускаетъ случая сказать, что соціальная физика и фізіологія суть «двѣ науки абсолютно одного и того же порядка», и допускаетъ даже, что онѣ «двѣ различныя части единой науки», тѣмъ не менѣе, онъ *всегда* стоитъ за то, что «понимать» и «изучать» ихъ слѣдуетъ *отдельно* другъ отъ друга ³⁾.

Въ такомъ случаѣ становится понятнымъ выраженіе, которое въ настоящее время кажется довольно

¹⁾ *Opuscules* (стр. 168).

²⁾ *Ibid.* (стр. 169).

³⁾ *Ibid.* (стр. 170). Ср. другую статью, подъ заглавіемъ: *Considérations philosophiques sur les sciences et les savants* (*Ibid.*, стр. 199—200).

страннымъ, но которое не казалось такимъ Конту. Соціальная наука, говоритъ онъ, это — «особая физика, построенная на непосредственномъ наблюденіи явленій, относящихся къ коллективному развитію человѣческаго рода» ¹⁾. Особая физика; но развѣ существуютъ въ наукѣ обособленныя области, строго опредѣленныя границы? По мнѣнію Конта, существуютъ. Его философія опирается на предположеніе обособленности различныхъ порядковъ явленій. Онъ допускаетъ существованіе «соціальныхъ законовъ» для различныхъ наукъ и протестуетъ противъ «безплоднаго научнаго единства» ²⁾. Смѣшивать соціальную физику съ физиологіей значило бы, по его мнѣнію, допускать ошибку, аналогичную той, съ которой справедливо боролись истинные физиологи и которая состоитъ въ томъ, что изученіе живыхъ тѣлъ разсматривается, «какъ слѣдствіе и прибавленіе къ изученію тѣлъ мертвой природы» ³⁾. Контъ избѣгаетъ, такимъ образомъ, опасности впасть въ матеріализмъ и ради предосторожности опровергаетъ то, что онъ называетъ «мнимыми объясненіями» системы, «которая сводитъ высшее къ низшему» ⁴⁾.

Уже въ первыхъ своихъ *Opuscules* Контъ точно опредѣляетъ методъ соціальной физики. Последняя

¹⁾ *Opuscules* (стр. 172).

²⁾ *Cours de Philosophie positive* (т. IV, стр. 729).

³⁾ *Opuscules* (стр. 171).

⁴⁾ Такимъ образомъ, Контъ выставилъ формальное различіе между соціальными и прочими явленіями съ самаго начала, а не впоследствии, уже пройдя стадію абсолютнаго матеріализма, какъ иногда утверждаютъ и какъ, повидимому, думаетъ г. Равэссонъ (*Rapport sur la philosophie en France au XIX siècle*, стр. 62 и сл.; стр. 82).

можетъ воспользоваться нѣкоторыми физиологическими данными, такъ какъ развитіе человѣческаго рода представляетъ поразительную аналогію съ развитіемъ индивидуума¹⁾. Но ея естественнымъ и очень богатымъ содержаніемъ служатъ непосредственныя наблюденія надъ различными проявленіями соціального состоянія. При чемъ почти всѣ соціальныя состоянія могутъ быть разсматриваемы, какъ «существующія въ настоящее время»²⁾, такъ какъ дикіе народы воспроизводятъ наиболѣе древнія изъ нихъ. Связь, установленную на основаніи хронологической послѣдовательности, можно провѣрить сравненіемъ явленій въ различныхъ мѣстахъ³⁾, говоритъ Контъ, и этой замѣчательной фразой полагаетъ основаніе описательной соціологіи, въ томъ видѣ, какъ ее понимаетъ Спенсэръ.

Мало того, соціальная физика допускаетъ и настоящіе «опыты», подобные тѣмъ, какими являются для физиолога патологическіе случаи, измѣняющіе обычный порядокъ явленій. Въ исторіи встрѣчаются періоды; когда преобладали извѣстныя политическія комбинаціи, которыя «имѣли тенденцію болѣе или менѣе задержать развитіе цивилизаціи»⁴⁾. Изученіе такихъ періодовъ является для соціальной физики эквивалентомъ опыта. Контъ не развилъ этой мысли. Въ особенности, онъ не выяснилъ того, какимъ образомъ, при необходимой послѣдовательности событій, возможны извѣстныя отклоненія, требующія поправокъ: новое чудо той имманентной цѣлесо-

¹⁾ *Opuscles* (стр. 170).

²⁾ *Ibid.* (стр. 172).

³⁾ *Ibid.* (стр. 173).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 173).

образности, отъ которой ему не удалось избавить свою систему.

Такимъ образомъ, *Opuscules* Конта, столь сжатая и глубокомысленная, заключаютъ въ себѣ бѣольшую часть тѣхъ идей, которыя подробнѣе и полнѣе, но безъ существенныхъ измѣненій, будутъ изложены на страницахъ *Курса положительной философіи*, слишкомъ часто отличающагося крайнимъ многословіемъ. Мы отыскивали идеи Конта въ его *Opuscules* ¹⁾ потому, что они, знакомя насъ съ его теоріями, даютъ намъ, кромѣ того, драгоцѣнное указаніе на то настроеніе ума, которое было у автора въ началѣ его дѣятельности.

Не чисто умозрительная любознательность, какъ можно было бы подумать сначала, раскрывши *Курсъ положительной философіи*, а скорѣе практическое безпокойство было его исходнымъ пунктомъ. Подобно многимъ другимъ писателямъ, о которыхъ мы уже говорили, Контъ констатируетъ глубокое смятеніе современнаго ему общества, состояніе «кризиса, анархіи», происшедшее вслѣдствіе естественнаго (*spontané*) разложенія неспровергнутаго порядка вещей и несостоятельности новыхъ принциповъ, съ помощью которыхъ пытались установить иной порядокъ ²⁾. Подобно этимъ мыслителямъ и Контъ надѣется положить конецъ этому кризису.

Позитивизмъ, несмотря на его притязанія на безпристрастіе и воздержаніе отъ метафизики, возникъ вслѣдствіе потребности въ новой вѣрѣ. Зная это, уже не придется особенно удивляться тому, что онъ привелъ къ фанатизму.

¹⁾ См. въ особенности (т. IV, лекціи 46, 48 и 49).

²⁾ *Opuscules* (стр. 60—61).

II.

Политика Конта не что иное, какъ строгое приложеніе принциповъ его соціальной физики. Такъ какъ «общество» есть реальность по преимуществу, то учрежденія, созданныя для индивидуума, должны исчезнуть. Свобода изслѣдованія—краеугольный камень критической доктрины¹⁾. Съ этой первоначальной свободой связаны всѣ другіе ея виды²⁾. Провозгласите ее—они будутъ существовать; отриньте ее—они исчезнутъ. Контъ отрицаетъ ее. Онъ говоритъ о свободѣ совѣсти въ выраженіяхъ, которыя напоминаютъ выраженія Луи-Блана, съ тою разницею, что, стоя на исторической точкѣ зрѣнія и желая объяснить все, даже то, что онъ отвергаетъ, онъ признаетъ преходящую роль, которую сыграла свобода совѣсти. Но изъ того, что она была полезна въ опредѣленный моментъ, не слѣдуетъ заключать, что она продолжаетъ быть полезной и теперь или имѣетъ законное право на существованіе. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ «превращать этотъ преходящій фактъ въ вѣчный и абсолютный догматъ». Въ астрономіи, химіи и физиологіи нѣтъ мѣста для свободы совѣсти. «Всякій нашелъ бы безсмысленнымъ не довѣрять принципамъ, установленнымъ въ этихъ наукахъ компетентными людьми»³⁾. То же

¹⁾ Мы можемъ разсматривать всю систему критической доктрины какъ такую, которая сводится къ абсолютному и неограниченному догмату свободы личнаго изслѣдованія. *Cours de Phil. pos.* (т. V, стр. 448).

²⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 47).

³⁾ *Opuscules* (стр. 68).

самое должно быть и въ политикѣ¹⁾. Масса никогда не будетъ въ состояніи провѣрить доказательствъ, доступныхъ только однимъ ученымъ. Она всегда принуждена будетъ принимать эти доказательства на вѣру, не вполне понимая ихъ.

Разъ свобода изслѣдованія исчезла, должны исчезнуть, въ свою очередь, и связанные съ ней установленія, т.-е. верховенство народа и политическія организаціи, вродѣ англійской конституціи, а равнымъ образомъ—идея права.

Верховенство народа—пустое слово. Англійская конституція, «своего рода временный компромиссъ между революціоннымъ и ретрограднымъ духомъ», не выноситъ пересадки²⁾. Что касается права, то Контъ говоритъ о немъ, какъ Бональдъ. Это—слово, которое должно быть «выброшено изъ настоящаго политическаго языка, точно такъ же, какъ слово *причина*—изъ настоящаго философскаго языка»³⁾. Это—понятіе «безнравственное и анархическое». Въ реорганизованномъ обществѣ есть мѣсто только для обязанностей⁴⁾. Устраняя идею права, Контъ устра-

1) «Нѣтъ общества, разъ провозглашается верховенство каждаго индивидуальнаго разума». *Opuscules* (стр. 68).

2) *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 109).

3) *Discours préliminaire au Système de Politique positive* (т. I, стр. 361). Фулье замѣчаетъ по этому поводу (*Idée moderne du Droit*, стр. 129), что Контъ обладалъ удивительно тонкимъ чутьемъ по отношенію ко всякой метафизической идеѣ, отлично скрытой подъ защитой терминологіи морали или социологіи, и доказалъ это чутье, устраняя идею права, послѣ сближенія ея съ идеей причинности. Но чутье это не было слишкомъ тонко (доказательство—понятіе прогресса), а кромѣ того, Контъ лишь повторяетъ здѣсь своихъ предшественниковъ.

4) «Въ положительной стадіи... идея права исчезаетъ безвозвратно. Каждый имѣетъ обязанности по отношенію ко

няетъ также идею индивидуальности. Попробуйте овладѣть этой идеей: она ускользнетъ отъ вашихъ попытокъ. Что такое индивидуумъ? Объ этомъ ничего неизвѣстно или, вѣрнѣе говоря, извѣстно, что реально только одно человѣчество. Индивидуальный человѣкъ — лишь «абстракція» ¹⁾. Люди, скажетъ Контъ въ послѣдствіи, когда его пантеистическій мистицизмъ проявится во всей своей силѣ, суть не «отдѣльные существа», а «органы великаго Существа» ²⁾.

Критика индивидуализма и связанныхъ съ нимъ институтовъ, критика болѣе полная, чѣмъ какая-либо изъ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе, служить естественнымъ введеніемъ ко взглядамъ Конта на политику и правительство.

Критическую доктрину, изолирующую людей, слѣдуетъ замѣнить принципомъ общности, сближающимъ ихъ. Этотъ принципъ выставило христіанство. Онъ господствовалъ въ средневѣковую эпоху, когда міръ поистинѣ возродился ³⁾. Въ это время «соціальное первенство», такъ долго принадлежавшее политикѣ, перешло къ морали ⁴⁾.

Католическіе средніе вѣка осуществили «изумительное раздѣленіе» двухъ властей,—власти чисто-

вѣмъ; но ни у кого нѣтъ права въ собственномъ смыслѣ... Другими словами, ни у кого нѣтъ иного права, кромѣ права исполнять свой долгъ». *Discours préliminaire au Système de Politique positive* (т. I, стр. 361).—Ср. *Ibid.* (стр. 151), «Бурному спору о правахъ мы противопоставимъ мирное опредѣленіе обязанностей».

¹⁾ *Cours de Philosophie positive* (т. VI, стр. 590).

²⁾ *Disc. prélim. au Système de Politique positive* (т. I, стр. 363).

³⁾ Благодаря «въ высшей степени соціальному духу католицизма». *Cours de Philos. pos.* (т. V, стр. 233).

⁴⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 301).

моральной и власти собственно политической¹⁾. Безъ сомнѣнія, это былъ только первый опытъ выполнения той задачи, которую впоследствии должна была взять на себя положительная философія. Но путь былъ отнынѣ открытъ²⁾. Положительная философія принимаетъ на себя эту задачу; она борется съ революціоннымъ потокомъ и вновь связываетъ традицію человечества въ томъ мѣстѣ, гдѣ порвали ее Руссо и Гоббсъ³⁾, хотѣвшіе возстановить смѣшаніе обѣихъ властей. Положительная философія, подражая католицизму, организуетъ распределение компетенцій между новой духовной и новой свѣтской властью такъ, чтобы установилось «естественное и систематическое» соревнованіе между «философами, свободными отъ всякаго личнаго честолюбія, и диктаторами, чуждыми всякой духовной тираніи»⁴⁾.

Эти философы, или «ученые», какъ Контъ называлъ ихъ первоначально⁵⁾, эти «интеллектуальные владыки», какъ онъ будетъ называть ихъ впоследствии⁶⁾, пользуясь столь неопредѣленнымъ терминомъ для того, чтобы подъ него можно было подвести способности, полученные помимо изученія наукъ⁷⁾.

¹⁾ Восхваленіе католическихъ среднихъ вѣковъ см. *Cours de Phil. pos.* (т. V, стр. 140, 289).—Ср. *Système de Pol. pos.* (т. III, стр. 478).—См. такъ же *Sommaire appréciation du passé moderne.*

²⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 86).

³⁾ Гоббсъ — «отецъ революціонной философіи». *Cours de Phil. pos.* (т. V, стр. 499).

⁴⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 202).

⁵⁾ *Opuscules.*

⁶⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 48).

⁷⁾ Контъ первоначально говоритъ только объ ученыхъ, но затѣмъ допускаетъ, что носителями духовной власти могутъ

черпаютъ право на управленіе умами уже въ самомъ своемъ превосходствѣ. Они должны быть нашими господами, такъ какъ знаютъ больше насъ. «Интеллектуальное правительство» уже существуетъ до нѣкоторой степени въ наукахъ, гдѣ никто не смѣетъ выражать свое мнѣніе, не потрудившись получить образованіе. Почему же этому не быть въ политикѣ, гдѣ дѣло идетъ «о наиболѣе важныхъ и деликатныхъ» понятіяхъ ¹⁾?

Духовная власть ²⁾ выработаетъ доктрину, къ которой примкнутъ всѣ образованные люди; такъ что — ея фактическая власть будетъ предшествовать юридической ³⁾. Центромъ этой доктрины будетъ универсальная система положительнаго воспитанія, «не только умственнаго, но также, и главнымъ образомъ, моральнаго» ⁴⁾. Въ *Opuscules* и *Cours* положи-

быть «безразлично люди изъ какихъ угодно классовъ общества, чувствующие къ тому призваніе», и, «по всей вѣроятности, контингентъ ученыхъ совсѣмъ не будетъ здѣсь преобладающимъ». *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 439).

¹⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 55).

²⁾ «Всякое подробное разсужденіе о свойственныхъ ей формахъ и ея будущей организаціи было бы въ настоящее время и навно и недостовѣрно», пишетъ онъ въ 1842 году (*Ibid.*, т. VI, стр. 439). Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ уже (стр. 544) о западномъ позитивномъ комитетѣ.

³⁾ См. *Ibid.* (т. IV, стр. 57—58), прекрасное и поучительное мѣсто о необходимости «довѣрія» между членами всякой ассоціаціи.

⁴⁾ Контъ и здѣсь приводитъ въ примѣръ католицизмъ, которому человѣчество было обязано въ теченіе среднихъ вѣковъ «первымъ опытомъ поистинѣ всеобщаго воспитанія, которое, при всѣхъ его несовершенствахъ, все-таки давало однородный по существу, хотя и неизбѣжно различный по степени, запасъ знаній, общій, какъ для низшихъ, такъ и для высшихъ между христіанами». *Ibid.* (т. VI, стр. 459).

тельной философіи теорія духовной власти выражена въ границахъ благоразумной осторожности; но въ *Положительной политикѣ* она развита гораздо подробнѣе. Здѣсь детально изложена система воспитанія, направленная, главнымъ образомъ, къ развитію альтруизма; система, одинаково обнимающая и раннее дѣтство, и высшія задачи образованія ¹⁾. Западный позитивный комитетъ становится своего рода «постояннымъ соборомъ новой Церкви» ²⁾. Такъ какъ для организаціи духовной власти необходима «полная концентрація», то всѣмъ будетъ управлять, по собственному усмотрѣнію, «западный Первосвященникъ», при помощи другихъ первосвященниковъ. Контъ сожалеетъ, что глава католической церкви обладаетъ ограниченной властью, и требуетъ для себя власти болѣе обширной. Папа позитивистовъ долженъ былъ быть гораздо болѣе абсолютнымъ, чѣмъ былъ въ то время, когда писалъ Контъ, на-мѣстникъ святого Петра ³⁾.

На ряду съ подобнаго рода духовною властью Контъ помѣщаетъ свѣтскую власть, которую, какъ уже было сказано, онъ представляетъ себѣ въ видѣ диктатуры. Къ Реставраціи, Іюльской монархіи и Второй республикѣ, вплоть до переворота, Контъ относится отрицательно. Онъ осуждаетъ перенесеніе

¹⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. IV, гл. IV, стр. 249 и сл.).

²⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 384).

³⁾ «Папство, всегда стѣсняемое священной коллегіей и часто отвѣтственное передъ соборами, никогда не могло получить такой власти, какая будетъ принадлежать Первосвященнику человѣческаго рода, вслѣдствіе полного осуществленія раздѣленія властей». *Syst. de Pol. pos.* (т. IV, стр. 257). — Ср. *Catéchisme positiviste* (изд. 1891 г., стр. 271).

во Францію англійской конституціи, «парламентскаго застою» ¹⁾, того странаго режима, «который сводитъ власть къ простымъ репрессивнымъ функціямъ, не давая ей никакого направляющаго значенія» ²⁾.

Правительство, по его мнѣнію, должно имѣть право вмѣшательства, чтобы предотвращать «коренную рознь» идей, чувствъ и интересовъ, которая, правда, вытекаетъ изъ самаго развитія человѣчества, но, не встрѣчая противодѣйствія, можетъ задержать прогрессъ ³⁾. Контъ требуетъ «энергическаго преобладанія центральной власти» ⁴⁾. Онъ отказывается смотрѣть на правительство, какъ на «естественнаго врага, расположившагося лагеремъ среди соціальной системы», по отношенію къ которому общество «постоянно должно держать себя недовѣрчиво и насторожѣ» ⁵⁾. Объемъ дѣятельности правительства указанъ имъ въ *Положительной политикѣ*: на его долю достаются буквально всѣ стороны человѣческой жизни, ускользающія изъ-подъ вѣдѣнія духовной власти.

Сужденія Конта о событіяхъ своего времени подтверждаютъ его теоретическіе взгляды.

Какъ и Сэнъ-Симонъ, въ юности онъ былъ поклонникомъ Священнаго союза. Онъ провозглашалъ его «одной изъ реальныхъ и насущныхъ потребностей эпохи» ⁶⁾. Онъ также всегда старался поставить на видъ «лояльность своихъ политиче-

¹⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 125).

²⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 324).

³⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 605).

⁴⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 126).

⁵⁾ *Oposcules* (стр. 67).

⁶⁾ Письмо отъ 4 апрѣля 1825 г. къ Д'Эйхталю, цитируемое у Л и т т р э, *Auguste Comte et la Phil. pos.* (стр. 157).

скихъ намѣреній», и доказать, что его взгляды должны «благопріятствовать усиліямъ правительствъ, направленнымъ къ восстановленію порядка въ Европѣ» ¹⁾. Будучи поклонникомъ власти во всѣхъ ея проявленіяхъ, Контъ восхищается ей у дѣятелей Конвента ²⁾, и ставитъ революціонной диктатурѣ въ заслугу, что она, даже въ «критическихъ принципахъ» искала матеріала для «органической доктрины» ³⁾, пытаясь тѣмъ самымъ достигнуть невозможнаго. Государственный переворотъ 1852 года, по мнѣнію Конта, принесъ большую пользу тѣмъ, что заставилъ Вторую республику перейти въ диктатуру, «единственно пригодную для французовъ» ⁴⁾. Этотъ «неожиданный кризисъ» кажется ему равносильнымъ совершившемуся въ 1848 году освобожденію отъ королевскаго ига ⁵⁾. Слѣдуетъ напомнить еще, что изъ самодержцевъ и государственныхъ людей наиболѣе способными оцѣнить благодѣянія положительной политики Контъ считалъ русскаго царя и великаго визиря ⁶⁾.

¹⁾ *Avertissement au 3-e cahier du catéchisme des Industriels.*—Извѣстно, что Контъ его авторъ.

²⁾ См. *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 303 и сл.). Основывая Общество позитивистовъ, Контъ хотѣлъ придать ему характеръ клуба якобинцевъ. *Litttré, op. cit.* (стр. 583 и сл.).

³⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 284—285).

⁴⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. II, Предисловіе, стр. XIV). Ср. *Catéchisme positiviste* (изд. 1891 г., стр. 9).

⁵⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. II, Предисловіе, стр. XV). — Литтрэ, который не можетъ простить своему учителю его поведенія въ это время, говоритъ намъ (*Conservation, Révolution, Positivism*, стр. 15), что Контъ желалъ изложить свои взгляды Луи-Наполеону Бонапарту.

⁶⁾ См. *La lettre au Tsar* (*Syst. de Pol. pos.*, т. III, Предисловіе) и *La lettre au Grand Vizir* (*Ibid.*, Предисловіе).— Ср. *Ibid.*, (т. IV, Предисловіе) — объясненія по поводу русскаго инцидента.

Правда, рисуя свою политику благопріятной для поддержанія порядка, онъ рисуетъ ее въ то же время благопріятной и для прогресса ¹⁾. Если бы онъ искалъ себѣ единомышленниковъ между приверженцами теологической политики или революціонной метафизики, они показались бы ему еще болѣе способными стать на его точку зрѣнія, несмотря на совершенныя ими важныя ошибки. Кромѣ того, не дорожа свободой совѣсти, онъ, все-таки, признаетъ свободу мнѣній, при соблюденіи извѣстныхъ условій ²⁾, — напримѣръ, свободу печати, за исключеніемъ періодической ³⁾, и свободу обученія тому, что онъ считаетъ истиннымъ ⁴⁾.

Понимаемая такимъ образомъ, свобода очень напоминаетъ ту свободу, которую другая школа, во многомъ родственная школѣ Конта, называетъ «свободой добра». Понятно, что Ст. Милль могъ высказать о политикѣ Конта слѣдующее сужденіе: «Это — наиболѣе разработанная система духовнаго и свѣтскаго деспотизма, когда-либо созданная человѣческимъ умомъ, за исключеніемъ развѣ Игнатія Лойолы» ⁵⁾.

¹⁾ «Ни революціонная анархія... ни ретроградная тиранія . *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 183).

²⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. IV, стр. 384).

³⁾ Контъ смотритъ на свободу печати такъ же, какъ на свободу совѣсти. Онъ называетъ ее «анархическимъ учрежденіемъ, созданнымъ безсиліемъ теологіи». *Syst. de Pol. pos.* (т. IV, стр. 382). Извѣстно, что онъ предлагалъ замѣнить періодическую печать афишами, «изрѣдка восполняемыми небольшими статьями» (*Ibid.*, стр. 383).

⁴⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 182).

⁵⁾ Stuart Mill, *Autobiography*, стр. 213. London, 1874.

III.

Будучи приверженцемъ concentraции власти въ политикѣ, Контъ требуетъ вмѣшательства государства и въ экономическій строй.

Онъ упрекаетъ систему Адама Смита въ томъ, что она допускаетъ «лишь ту степень порядка, которая устанавливается сама собой», и что она является лишь «своего рода торжественнымъ отступленіемъ мнимой науки» передъ возможными затрудненіями ¹⁾. Уже въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ онъ съ сожалѣніемъ указываетъ на характеръ отношеній, установившихся подъ вліяніемъ экономическихъ теорій между рабочими и хозяевами; на антагонизмъ, существующій между земледѣльцами, фабрикантами, коммерсантами и банкирами ²⁾. Онъ держится того мнѣнія, что въ эти отношенія должно вмѣшаться, при участіи правительства, нравственное руководящее начало, которое будетъ дѣломъ духовной власти. Надѣяться на то, говоритъ онъ, что ученіе экономистовъ о конечной гармоніи, повидимому, самыхъ непримиримыхъ интересовъ будетъ въ состояніи когда-либо «дисциплинировать ихъ» ³⁾, значитъ слишкомъ полагаться на могущество доказательствъ. Кромѣ того, развѣ человекъ всегда руководствуется расчетомъ и развѣ онъ всегда способенъ вычислять правильно? Если правительство останется въ сторонѣ и никакое руководящее нравственное правило не будетъ стоять надъ промышленностью, то новый политическій

¹⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 277).

²⁾ *Opuscules* (стр. 280—281).

³⁾ *Ibid.* (стр. 281).

строй будетъ выгодно отличаться отъ стараго только тѣмъ, что замѣнитъ «завоеваніе монополіей и деспотизмъ, опирающійся на право сильнаго, деспотизмомъ, опирающимся на право болѣе богатаго» ¹⁾).

Этими аргументами уже много разъ еще до Конта пользовались противъ экономистовъ, но у него есть и болѣе оригинальные. Въ политической экономіи, формулированной учениками Смита, онъ отмѣчаетъ слѣды метафизики. Относясь съ нѣкоторой снисходительностью къ самому главѣ школы и, въ особенности, отдавая справедливость многимъ изъ его отдѣльныхъ взглядовъ ²⁾, онъ, тѣмъ не менѣе, обвиняетъ «мнимую науку», отцомъ которой былъ Смитъ, въ томъ, что ея «безплодные словопренія» по поводу цѣнности, полезности и проч. похожи на средневѣковые схоластическіе споры ³⁾. Кромѣ того, развѣ съ исторической точки зрѣнія политическая экономія не является частью критической системы ⁴⁾? Одного этого было бы достаточно, чтобы сдѣлать ее подозрительной въ глазахъ Конта.

Критика политической экономіи, признаніе за властью права вмѣшиваться въ отношенія между рабочими и хозяевами, а также во взаимныя отношенія различныхъ отраслей промышленности—таковы главные соціальные взгляды Конта. Нужно отмѣтить

¹⁾ *Opuscules* (стр. 282).

²⁾ Онъ хвалитъ «его блестящій анализъ раздѣленія труда, основной роли денежныхъ знаковъ, общей дѣятельности банковъ». *Cours de Philos. pos.* (т. IV, стр. 267).

³⁾ *Ibid.* (т. VI, стр. 270).

⁴⁾ «Подобно всѣмъ другимъ частямъ этой философіи, она по-своему тоже систематизируетъ анархію». *Ibid.* (т. IV, стр. 274).—Ср. *ibid.* (т. V, стр. 331 и слѣд.).

также его стремление проповѣдывать и осуществить союзъ «пролетаріевъ и философовъ» ¹⁾. Тотъ же самый мыслитель, который отвергаетъ верховенство народа, требуетъ теперь «народнаго одобренія» ²⁾ для духовной власти, которую онъ намѣревается установить. Зато духовная власть будетъ считать своей первой обязанностью «направлять все социальное существованіе къ общему благу», т.-е., объясняетъ онъ, ко благу «пролетаріата», который, будучи наиболѣе многочисленнымъ и наименѣе обеспеченнымъ, имѣетъ наибольшее право на заботу о себѣ ³⁾.

Сказанное нами не разъ могло подать поводъ къ заключенію, что Контъ примыкаетъ къ социализму. Между тѣмъ, онъ весьма тщательно отдѣляетъ себя отъ коммунистическихъ ученій. Опытъ, говоритъ онъ, привелъ пролетаріевъ «къ сознанію, что собственность для нихъ важнѣе власти, какъ таковой» ⁴⁾. Коммунизмъ, повидимому, даетъ рѣшеніе даннаго вопроса. Но это рѣшеніе и «недостаточно и разрушительно». Одинъ позитивизмъ въ состояніи разрѣшить социальную проблему безъ потрясеній, такъ какъ онъ кладетъ въ основу «социальную природу собственности» ⁵⁾.

Контъ далъ слѣдующую прекрасную и выразительную формулу: собственность есть «необходимая социальная функція, предназначенная для образованія и руководства капиталовъ, посредствомъ кото-

¹⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 129).

²⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 513).

³⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 136).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 152).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 154).

рыхъ каждое поколѣніе подготавливаетъ работу для послѣдующаго» ¹⁾. Такимъ образомъ, онъ превращаетъ собственника въ должностное лицо, *ответственное передъ обществомъ*. Но далѣе идти онъ отказывается. Здѣсь прекращается, говоритъ онъ, «всякое реальное согласіе между здоровыми соціологическими теоріями и произвольными возжелѣніями народной мудрости».

Будучи самъ человѣкомъ съ могучей индивидуальностью, онъ не могъ допустить абсолютнаго подавленія всякой индивидуальности, о чемъ мечтаетъ коммунизмъ ²⁾. При такихъ условіяхъ жизнь стала бы невыносимой; каждому было бы слишкомъ тяжело нести на своихъ плечахъ «опеку индифферентнаго общества» ³⁾. Контъ не можетъ также признать ни естественнаго равенства умовъ, «этого невѣроятнаго заблужденія революціонной философіи» ⁴⁾, ни уничтоженія всякой іерархіи, т.-е. отрицанія высшихъ способностей и замѣны ихъ «инертной и безответственной коллективностью» ⁵⁾. Онъ не можетъ, наконецъ, допустить уничтоженія права наслѣдованія, такъ какъ это кажется ему своего рода преступнымъ покушеніемъ на «историческую преемственность», это основное условіе жизни обществъ. Развѣ наслѣдованіе не является «естественнымъ способомъ, посредствомъ котораго каждое

¹⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 156).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 158).¹⁾

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 159).

⁴⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. V, стр. 522).

⁵⁾ «Нѣтъ арміи безъ офицеровъ и безъ солдатъ: эта простая истина одинаково приложима, какъ къ военному строю, такъ и къ промышленному». *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 159).

поколѣніе передаетъ послѣдующему уже выполненныя работы и средства для ихъ усовершенствованія»¹⁾? Наслѣдованіе существуетъ не въ интересахъ отдѣльнаго лица, а въ интересахъ всего общества. Контъ защищаетъ также противъ сѣнъ-симонистовъ—вся эта критика направлена противъ нихъ—бракъ и семью²⁾.

Разъ Контъ является защитникомъ семьи, права наследованія, соціальной іерархіи и, въ очень значительной степени, индивидуальной собственности, то въ чемъ же состоитъ такъ - называемый соціализмъ Конта? Его соціализмъ состоитъ, прежде всего, въ симпатіи къ пролетаріямъ, а затѣмъ въ убѣжденіи, что путемъ воспитанія можно достигнуть нравственнаго обновленія³⁾. Именно воспитаніе должно, на примѣръ, внушать собственнику пониманіе обязанностей, связанныхъ съ его дѣятельностью⁴⁾. По мнѣнію Конта, главнѣйшее превосходство позитивизма надъ соціализмомъ состоитъ въ томъ, что позитивизмъ пользуется нравственными средствами и наукой. Соціализмъ же, пользуясь старыми эмпирическими средствами, всегда желаетъ «попытаться произвести матеріальную реорганизацію независимо отъ духовной, т.-е. построить общественное зданіе безъ интеллек-

¹⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 160).— Ср. другое мѣсто, гдѣ право наследованія защищается съ точки зрѣнія «благородства чувствъ». *Ibid.* (т. I, стр. 164).

²⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 131).

³⁾ «Самая природа зла ясно указываетъ, что средство противъ него должно быть преимущественно моральнымъ». *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 162).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 163).

туальныхъ и моральныхъ основъ» ¹⁾. Такъ самъ собою замыкается кругъ мысли Конта. Можно сказать, что онъ кончаетъ тѣмъ же, чѣмъ началъ: утвержденіемъ, что всякой реформѣ учрежденій должна предшествовать выработка новыхъ теоретическихъ принциповъ и провозглашеніе права науки руководить практической жизнью

IV.

Каковы источники мысли Конта и ея сродство съ другими формами реакціи противъ индивидуализма? Что связываетъ позитивизмъ съ движеніемъ идей, исторію которыхъ я изложилъ? Предшествующія страницы естественно возбуждаютъ этотъ вопросъ: я надѣюсь, что онѣ способствуютъ также и его разъясненію.

Вліяніе Сэнъ-Симона бросается въ глаза прежде всего. Читатели, вѣроятно, уже замѣтили у Конта много чертъ его доктрины и даже большое число выраженій, заимствованныхъ изъ его словаря. Литтрэ старается, насколько возможно, умалить долю вліянія Сэнъ-Симона на развитіе идей Конта, и ему легко удается доказать, что «положительная культура и правильное научное воспитаніе» создали изъ Конта мыслителя гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ его учитель ²⁾. Онъ безъ большого труда доказываетъ также, что иное дѣло пустить въ оборотъ изолированные, отрывочные взгляды, какъ это сдѣлалъ Сэнъ-Симонъ; иное—связать идеи въ стройную и могучую систему, какъ это сдѣлалъ Контъ; что иное

¹⁾ *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 169, резюме различій между позитивизмомъ и социализмомъ).

²⁾ *Auguste Comte et la Philos. pos.* (стр. 73 и сл.).

дѣло гоняться «за блуждающими огнями», въ чемъ состояло обычное занятіе Сэнъ-Симона; иное—создать такое произведеніе, какъ *Курсъ положительной философіи*. Со всѣмъ этимъ можно согласиться и, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ, что Контъ разсматривалъ политическіе и соціальные вопросы подъ угломъ зрѣнія Сэнъ-Симона и что точка отправления у обоихъ мыслителей одна и та же.

Авторъ *Плана научныхъ работъ, необходимыхъ для реорганизации общества*, руководился тѣмъ же побужденіемъ и искалъ удовлетворенія той же потребности сердца, какъ и авторъ *Писемъ Женеваго обитателя*. Контъ, какъ уже было указано нами, также страдалъ отъ моральной и интеллектуальной «анархіи» своего времени, явившейся результатомъ критическихъ ученій XVIII вѣка и причиной того, что онъ назоветъ впоследствии «западной болѣзью» ¹⁾, т.-е. постоянного возмущенія индивидуума противъ вида. Онъ также хотѣлъ уничтожить «недисциплинированную гордость», проникшую въ души вмѣстѣ съ принципами французской Революціи ²⁾; положить конецъ «неустойчивому и противорѣчивому состоянію» умовъ ³⁾; придать, наконецъ, равновѣсіе «жалкому и неустойчивому строю нашей соціальной жизни» ⁴⁾, и — замѣтите это выраженіе — установить «для всѣхъ здравыхъ умовъ» возможность дѣйствительнаго и постоянного общенія» ⁵⁾.

¹⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. IV, стр. 368).

²⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 170).

³⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 8).

⁴⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 87).

⁵⁾ *Ibid.* (т. IV, Предисловіе, стр. 9).

Не всѣ мистическія мечты *Положительной политики* представляют собою результатъ упадка мысли Конта, какъ склоненъ былъ думать и въ чемъ хотѣлъ бы убѣдить насъ Литтрэ. Мы уже видѣли, что у Конта рано явилось желаніе облагодѣтельствовать человѣческую душу, давъ ей религію, подъ которой онъ понималъ, какъ это видно изъ его *Катехизиса*, «состояніе полного единства», являющееся одновременно и «нашимъ счастьемъ и нашей заслугой» ¹⁾. По справедливому замѣчанію Стюарта Милля, эта страсть къ единству, а въ особенности эта склонность считать аксіомой, «что совершенство заключается въ единствѣ», создаютъ величайшія затрудненія ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Контъ ничуть не доказалъ, что человѣкъ въ здоровомъ умѣ (говоря его собственнымъ языкомъ) не можетъ усомниться въ этой мнимой аксіомѣ. Кромѣ того, еще вопросъ, можно ли найти потерянное единство, если даже признать это желательнымъ. Контъ не старается опровергнуть указанное возраженіе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, какое вліяніе оказалъ на него Жозефъ де-Местръ.

Контъ называетъ однажды Кондорсе своимъ «духовнымъ оцомъ» ³⁾. Это названіе онъ съ такимъ же правомъ могъ бы примѣнить и къ Жозефу де-Местру. Правда, Кондорсе,—который, впрочемъ, по мнѣнію Конта, ошибался во многихъ отношеніяхъ ⁴⁾: въ

¹⁾ *Catéchisme positiviste*.

²⁾ Stuart Mill, *A. Comte and Positivism*, (стр. 141. London, 1866).

³⁾ *Syst. de Pol. pos.*, т. III, Предисловіе (стр. XV).— Вообще, онъ называетъ его: «мой славный предшественникъ». См. *Cours de Phil. pos.* (т. V, стр. 178—298); *Catéchisme positiviste* (изд. 1891 г., стр. 5), и т. д.

⁴⁾ *Opuscules* (стр. 144, 150, 157).

томъ, напримѣръ, что созидаль соціальную науку по типу наукъ математическихъ, что въ своихъ органическихъ взглядахъ не былъ свободенъ отъ критическаго направленія, что осуждалъ прошлое вмѣсто изученія его; или въ томъ, что, вслѣдствіе недостатка метода, бралъ за начало cadaго изъ различаемыхъ имъ въ исторіи цивилизаціи періодовъ наудачу какое-нибудь «промышленное, научное или политическое событіе», рискуя, такимъ образомъ, навсегда остаться въ кругу «историковъ-литераторовъ»,—правда, говорю я, Кондорсэ обогатилъ его двумя драгоцѣнными идеями: идеей «исторической послѣдовательности» и идеей «прогресса», которыя въ соціологіи Конта играютъ руководящую роль, но и вліяніе Жозефа де-Местра было не менѣе значительно.

Въ глазахъ Конта де-Местръ является не только «самымъ выдающимся мыслителемъ современной католической школы» ¹⁾, той безсмертной, «слишкомъ мало оцѣненной» школы, которая «систематически дискредитировала негативизмъ» и снова возбудила въ людяхъ «потребность въ религіи» ²⁾. Заслуга де-Местра не только въ томъ, что онъ «съ удивительной силой и ясностью» раскрылъ сущность политики среднихъ вѣковъ ³⁾ и провозгласилъ принципъ «папской непогрѣшимости» ⁴⁾; онъ сдѣлалъ гораздо болѣе: открылъ Конту одно изъ основныхъ

¹⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 25).—Ср. Письмо къ д'Эйх-талю, цитир. у Литтрэ, *A. Comte et la Philosophie pos.* (стр. 147).

²⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. III, стр. 605).

³⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 180, примѣчаніе).

⁴⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 250).

условія всякаго истинно-философскаго изслѣдованія, предназначеннаго удовлетворять насущную потребность человѣческаго духа. Онъ заставилъ его понять, что, «желая быть послѣдовательнымъ въ своихъ сожалѣніяхъ по поводу упадка старой интеллектуальной и соціальной системы, необходимо было смѣло обратиться къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда, вслѣдствіе всеобщаго подчиненія нашихъ воззрѣній сверхъестественной философіи, существовало единство человеческого духа» ¹⁾. Отсюда Контъ заключилъ, что для возстановленія этого «единства» нужно съ не меньшей смѣлостью подчинить всѣ наши познанія естественной философіи, т.-е. его собственной. Такимъ образомъ, онъ транспонировалъ въ другомъ тонѣ любимую тему Ж. де-Местра. Кромѣ того, не выясняетъ ли онъ самъ характеръ позитивизма указаніемъ на то, что въ немъ примиряются и комбинируются два противоположныхъ вліянія: «одно революціонное, другое—ретроградное, идущія отъ Кондорсэ и де-Местра» ²⁾?

Слѣдуетъ, по моему мнѣнію, подчеркивать вліяніе Ж. де-Местра, но не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать его. Оно объясняетъ самый планъ Конта, его честолюбивую и смѣлую попытку создать «уни-

¹⁾ *Opuscules* (стр. 204).

²⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. III, стр. 615). — Ср. *Caléchisme positiviste*, Предисловіе (стр. 5) и *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 64). Этимъ объясняется любовь учениковъ Конта къ де-Местру. Въ *Exposition de la Philosophie positive* Blignieres'a эпиграфомъ служатъ двѣ фразы Ж. де-Местра. — Pierre Laffitte прочелъ (11 іюня 1892 г.) лекцію о *войнѣ*, и эта лекція, судя по отчетамъ, была, повидимому, главнымъ образомъ, парафразой знаменитой бесѣды изъ *Soirées de St.-Petersbourg*.

версальную доктрину», разрѣшающую всѣ трудности, съ которыми боролась современная ему мысль. Но, какъ мы уже указывали, духъ этой доктрины— прогрессивный. Контъ ищетъ «единства» не въ простомъ возвращеніи къ прошлому. «Дѣйствительно, оставивъ однажды какую-нибудь теорію, человѣческій умъ никогда къ ней не возвращается» ¹⁾. Поэтому, мѣсто, которое де-Местръ отводитъ чуду, въ системѣ Конта занимаетъ положительная наука и обращаетъ всю его философію въ сторону будущаго ²⁾. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ или современниковъ, Контъ вѣритъ въ социальную роль науки. «Знать для того, чтобы предвидѣть и идти къ лучшему» — положеніе, которымъ онъ охотно пользуется и которое было унаслѣдовано имъ по прямой линіи отъ XVIII вѣка. Отсюда же является у него желаніе все объяснить, чрезмѣрная увѣренность въ важности предлагаемыхъ имъ объясненій. Онъ приближается иногда къ теократамъ, но все-таки остается далеко отъ нихъ: у него совершенно отсутствуетъ убѣжденіе въ полной таинственности всего существующаго, убѣжденіе, которое очень сильно у теократовъ.

Сэнъ-Симономъ, Кондорсэ и де-Местромъ еще не ограничивается все духовное родство Конта. Остается идея, занимающая крайне важное мѣсто въ положительной политикѣ и не выраженная вполне ясно ни у Сэнъ-Симона, ни у де-Местра, ни даже у Кондорсэ,—

¹⁾ *Opuscules* (стр. 192).

²⁾ Но крайней мѣрѣ, до того фазиса его мысли, когда онъ провозгласитъ превосходство искусства надъ наукой и будетъ гордиться тѣмъ, что «промѣнялъ карьеру Аристотеля на карьеру Св. Павла». *Catéchisme positiviste*, Предисловіе, стр. 15.

идея развитія и, говоря языкомъ Конта, «эволюціи» ¹⁾ соціальныхъ учреждений, эволюціи, которая совершается непрерывно, безъ потрясеній и безъ остановокъ, проходя сложные и разнообразные фазисы и отражая въ каждомъ изъ этихъ фазисовъ данное состояніе цивилизаціи.

Я не утверждаю, что Контъ не былъ бы въ состояніи открыть эту идею самостоятельно, но онъ, несомнѣнно, встрѣтилъ ее впервые у Монтэскьё. Контъ превосходно различаетъ сильную и слабую стороны Монтэскьё: сильную, т.-е. идею о естественныхъ связяхъ, о «законахъ», управляющихъ всѣми явленіями, не исключая и явленій политическихъ и соціальныхъ; о законахъ, естественныхъ связяхъ, благодаря которымъ можно разсматривать политику. «какъ науку о фактахъ, а не о догматахъ» ²⁾; слабую, т.-е. чрезмѣрное значеніе, приписанное имъ второстепенному факту—формѣ правленія; а также несоотвѣтствіе между его вполне философской точкой отпращиванія и конечнымъ выводомъ, чистой апологіей англійской конституціи ³⁾.

Но не одинъ Монтэскьё внушилъ Конту идею эволюціи соціальныхъ явленій. Контъ зналъ и Гегеля ⁴⁾, и работы нѣмецкой исторической школы, въ частности работы Савиньи. Онъ даже похвалилъ разъ эту

¹⁾ Онъ говоритъ о своей «основной теоріи эволюціи..., отнынѣ доказанной такъ хорошо, какъ не всякій другой основной законъ естественной философіи». *Cours de Phil. pos.* (т. VI, стр. 434). — Ср. *Disc. prélim. au Syst. de Pol. pos.* (т. I, стр. 50).

²⁾ *Opuscules* (стр. 139).

³⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 247).

⁴⁾ См. у Липстрэ, *Aug. Comte et la Phil. pos.*

школу юристовъ, такъ какъ она «смотритъ на законодательство, какъ на необходимый результатъ известнаго состоянія цивилизаціи» ¹⁾. Правда, одобряя Савиньи и другихъ юристовъ, проникнутыхъ историческимъ духомъ, за то, что они такъ хорошо поняли жизнь учреждений, Контъ упрекаетъ ихъ за склонность къ фатализму и оптимизму ²⁾, хотя этотъ упрекъ странно слышать отъ него. Такая тенденція существуетъ, но не сказывается ли она въ позитивизмѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо?

Впрочемъ, Контъ лучше Савиньи, а, въ особенности, лучше Монтэскьё понялъ капитальную и безусловную важность исторической точки зрѣнія. XIX вѣкъ характеризуется «всеобщимъ преобладаніемъ исторіи». Контъ прибавляетъ, что «главенство исторической точки зрѣнія» является одновременно «основнымъ принципомъ и общимъ результатомъ» позитивизма ³⁾. Взглядъ глубокій и правильный. Позитивизмъ является самымъ могучимъ изъ тѣхъ голосовъ, которыми нашъ вѣкъ неумоимо возглашалъ: все существующее должно было существовать и не могло быть инымъ, чѣмъ оно есть.

Историческій духъ придаетъ положительной политикѣ самыя привлекательныя и въ то же время самыя опасныя особенности.

Самыя привлекательныя,—потому что онъ учитъ считаться съ самостоятельнымъ развитіемъ вида и съ солидарностью поколѣній. Дѣйствительно, если настоящее вытекаетъ изъ прошлаго и подготавливаетъ

¹⁾ *Opuscules* (стр. 208).—Эта связь не ускользнула отъ Эспинаса, *Histoire des doctrines économiques* (стр. 314).

²⁾ *Cours. de Phil. pos.* (т. IV, стр. 284—285).

³⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. III, стр. 1).

собою будущее, то необходимо отвергнуть мнѣніе, которое безъ достаточныхъ основаній принимали и исповѣдывали въ XVIII вѣкѣ, именно, что въ любой моментъ можетъ явиться вдохновенный законодатель и съ помощью нѣсколькихъ формулъ измѣнить лицо земли ¹⁾. Такимъ образомъ, данъ былъ тормозъ революціонной тенденціи, и исчезла химера постоянно измѣняющихся законодательствъ.—Солидарность поколѣній: историческій духъ возстановляетъ «непрерывность жизни человѣческаго рода» ²⁾. Католицизмъ допустилъ коренную ошибку тѣмъ, что проклялъ древность; протестантизмъ допустилъ другую, осудивъ средніе вѣка. Позитивизмъ превосходитъ и католицизмъ, и протестантизмъ, такъ какъ онъ ничего не осуждаетъ и не прокликаетъ.

Опасность заключается въ слѣдующемъ: разъ учрежденія всегда обусловлены общимъ состояніемъ цивилизаціи, то каждое изъ нихъ законно въ свое время. Теологическій фазисъ принесъ «свою долю пользы» ³⁾, какъ и метафизическій ⁴⁾. Въ свое время средніе вѣка были «верхомъ политической мудрости человѣчества» ⁵⁾. Даже рабство было свойственно извѣстному соціальному состоянію. Нельзя отрицать, что такое пониманіе вещей даетъ урокъ безпристрастія; но предполагаемая имъ терпимость ко всему ведетъ къ абсолютному моральному индифферентизму. Конечно, позитивизмъ обладаетъ своей собственной моралью,

¹⁾ Противъ теоріи законодательства Руссо см. *Opuscules* (стр. 108—109).—Ср. *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 237).

²⁾ *Syst. de Pol. pos.* (т. III, стр. 2).

³⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 672 и сл.).

⁴⁾ *Ibid.* (т. IV, стр. 705 и сл.).

⁵⁾ *Ibid.* (т. V, стр. 231).

не лишенной благородства; но, оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть позитивная мораль для частнаго поведенія, мы видимъ все же, что она не способна квалифицировать явленія политическія. Единственный критерій, который она допускаетъ и которымъ пользуется Контъ для установленія различія между прогрессивной тиранніей Конвента и ретроградной тиранніей Имперіи, крайне неудобенъ на практикѣ. Какъ различить политическіе акты, идущіе *въ прогрессивномъ направленіи*, отъ тѣхъ, которые идутъ въ *регрессивномъ*, если они еще не совершились? Не является ли необходимымъ провѣрять подобнаго рода сужденія? И даже предполагая, что эти сужденія всегда будутъ правильны, не слишкомъ ли ужъ далеко заходитъ Контъ, оправдывая, все-таки, одну форму тиранніи, тираннію съ честными намереніями и прогрессивнымъ направленіемъ?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Современная соціологія.

Соціологія, которая, по мысли ея основателя, была исторіей цивилизаціи, послѣ него породила такъ называемую «естественную исторію обществъ» и «положительную науку о нравственности».

Естественная исторія обществъ ставитъ своей задачей прослѣдить, какъ можно далѣе, аналогіи, существующія между живыми организмами и обществами всякаго рода, а также между человѣческими обществами и обществами животныхъ. Положительная наука о нравственности, признавая за предѣлами органическаго царства — *царство соціальное*, ставитъ своей задачей показать, что большое число фактовъ, приписывавшихся до сихъ поръ индивидуальной дѣятельности, объясняется дѣятельностью соціальной, и на этой основѣ пытается построить новую мораль и новую политику.

I.

Уподобленіе общества живому организму, проведенное у Конта не вполнѣ, завоевываетъ себѣ мѣсто въ наукѣ, благодаря работамъ Кетле ¹⁾. Контъ

¹⁾ *Sur l'Homme et le développement de ses facultés* (1835); *Du Système sociale et des lois qui la régissent* (1848).

протестуетъ противъ сдѣланнаго этимъ писателемъ употребленія термина «соціальная физика», и упрекъ его въ томъ, что онъ озаглавилъ такъ сочиненіе, «гдѣ всего больше говорится о статистикѣ» ¹⁾. Дѣйствительно, книга Кетле не оправдываетъ своего заглавія или, точнѣе, своего подзаглавія ²⁾. Въ ней мало общихъ взглядовъ и много цифръ; но эти цифры не лишены интереса и значенія, такъ какъ онѣ устанавливають регулярность нѣкоторыхъ соціальныхъ явленій, какъ-то: рожденій, браковъ, смертей, самоубійствъ, за опредѣленный періодъ времени жизни извѣстнаго народа, и, такимъ образомъ, сильнѣе обнаруживаютъ детерминизмъ, управляющій этими явленіями, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлають рельефнѣе идею соціологическаго закона. Статистическіе выводы Кетле даютъ, равнымъ образомъ, основаніе для тѣхъ индукцій и предсказаній, которыми основатель соціологіи гордился, какъ однимъ изъ благодѣяній этой науки. Литтрэ справедливѣе своего учителя, и признаетъ заслуги, оказанныя соціальной наукѣ этими первыми статистическими изысканіями ³⁾.

Кетле способствовалъ, съ другой стороны, дискредитированію индивидуализма, суживая до крайности вмѣшательство свободы въ человѣческіе поступки ⁴⁾; высказывая относительно предѣловъ индивидуальной отвѣтственности, которую онъ замѣняетъ отвѣтствен-

¹⁾ *Cours de Phil. pos.* (т. IV, стр. 7, примѣчаніе).

²⁾ Полное заглавіе таково: *Sur l'Homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale.*

³⁾ *De la Philosophie positive* (стр. 18—23). Кетле не названъ здѣсь, но, очевидно, рѣчь идетъ о немъ.

⁴⁾ См. F o n s e g r i v e s, *Essai sur le libre arbitre* (стр. 323).

ностью социальной среды, взгляды, напоминающие Оуэна ¹⁾; устанавливая, наконецъ, въ свою очередь, послѣ столькихъ предшественниковъ, что абсолютной индивидуальности не существуетъ ²⁾. Можно прибавить, что самая гипотеза *средняго человека* ³⁾, на которую опираются статистическіе выводы Кетле, въ высшей степени антииндивидуалистична. Но важнѣе всего то, что онъ придалъ большую определенность идеѣ социального организма.

Нація, — Кетле занимается только ей одной, такъ какъ только она, по его мнѣнію, образуетъ «соціальное тѣло» и только въ ней, какъ въ «естественномъ цѣломъ», явленія поддаются измѣренію ⁴⁾, — нація — живое существо, у котораго «юность, зрѣлость и дряхлость обрисовываются такъ же ясно, какъ и у другихъ живыхъ существъ». Это существо «рождается, развивается, проходитъ различные фазисы, наблюдаемые у прочихъ организмовъ, и, подобно имъ, платитъ свою дань смерти» ⁵⁾. Замѣтьте: Кетле говоритъ о націи, а не просто объ обществѣ, и отъ этого ограниченія его формула становится еще выразительнѣе.

Впрочемъ, Кетле не дѣлаетъ изъ этой формулы тѣхъ выводовъ, какіе попытались сдѣлать изъ нея

¹⁾ «Само общество prepares преступленіе, и преступникъ является только орудіемъ исполненія». *Sur l'Homme*, etc. (т. II, стр. 325). — Ср. *Ibid.* (т. I, стр. 10).

²⁾ «Можно сказать, что состоянія абсолютной индивидуальности на самомъ дѣлѣ не существуютъ, а если и существуютъ, то какъ аномалія». *Du Système sociale et des lois qui le régissent* (стр. 297).

³⁾ *Sur l'Homme* (т. I, стр. 4 и 5; стр. 29—31).

⁴⁾ *Du Système sociale* (Предисловіе, стр. XII—XIII).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 144).

впослѣдствіи. Онъ постольку же моралистъ, постольку и статистикъ,—моралистъ, цитирующій Паскаля и изъ всѣхъ основателей естественной исторіи обществъ хуже всѣхъ видѣвшій, куда ведетъ путь, по которому онъ пошелъ.

Гербертъ Спенсэръ, подобно Конту, гордится тѣмъ, что онъ мало читалъ. Онъ знакомъ, однако, съ работами Кетле ¹⁾ и знаетъ сочиненія Конта настолько, чтобы постараться выяснить, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя считать ученикомъ Конта, хотя иногда онъ и сходится во мнѣніяхъ съ авторомъ *Курса положительной философіи* ²⁾. Но изъ того, что Спенсэръ находился преимущественно подъ другими вліяніями (онъ ставитъ на первомъ мѣстѣ Кольриджа, открывшаго ему все значеніе идеи «жизни», и Ванъ-Бэра, который научилъ его, что органическое развитіе состоитъ въ переходѣ отъ состоянія однородности къ состоянію разнородности) не слѣдуетъ, чтобы человекъ, читавшій *Opuscules* Конта, могъ считать *Основы социологіи* дѣйствительно оригинальнымъ произведеніемъ. Всѣ руководящія идеи и даже самый методъ Спенсэра имѣются въ этихъ *Opuscules*. Контъ начертилъ планъ, а Спенсэръ его выполнилъ.

Во многомъ, однако, Спенсэръ пошелъ далѣе Конта. Онъ превзошелъ его, во-первыхъ, тѣмъ, что въ основу принципа развитія положилъ прогрессивную дифференціацію. Благодаря этому принципу, вмѣсто чисто-психологической и моральной критики индивидуализма, какую мы находимъ у

¹⁾ *Social Statics*, гл. XXX, стр. 454. (Изд. стереотипное).

²⁾ См. статью: *Почему я разошелся съ О. Контомъ*, въ приложеніи къ *Классификаціи наукъ*.—Ср. *The Study of Sociology*, стр. 328 и сл. London, 1874.

Конта, Спенсэръ выставяетъ теорію сознанія, существеннымъ признакомъ и *raison d'être* которой служить уже множественность, а не единство. Затѣмъ, изъ общей философіи Спенсэра почти исчезаетъ столь дорогая Конту идея прерывности различныхъ порядковъ явленій, а, слѣдовательно, и наукъ. Спенсэръ склоненъ допустить непрерывность науки, такъ какъ онъ склоненъ допустить тождество природы явленій, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку они познаваемы. Логика его системы требовала бы, по этимъ двумъ основаніямъ, чтобы онъ безусловно слилъ соціологію съ біологіей. Однако, онъ колеблется и, наконецъ, рѣшается сказать: «Человѣкъ является одновременно и конечной проблемой біологіи и начальнымъ факторомъ соціологіи» ¹⁾, давая, такимъ образомъ, понять, что, при всей близости этихъ двухъ наукъ, между ними нѣтъ полного сліянія.

Спенсэръ, какъ я пытался это доказать въ другомъ мѣстѣ ²⁾, держится такой политической и соціальной философіи, которая принуждаетъ его дѣлать чудеса осторожности и ловкости, чтобы сохранить за своей системой хотя бы видимость логической устойчивости. Дѣйствительно, его политическая и соціальная философія упорно индивидуалистична и враждебна вмѣшательству государства. Она всегда была такой; съ теченіемъ времени она все болѣе и болѣе принимала такой характеръ, и въ различныхъ сочиненіяхъ Спенсэра, отъ *Соціальной статистики* (1850)

¹⁾ *The Study of Sociology*, стр. 336.

²⁾ *La Philosophie politique de Herbert Spencer*, въ отчетахъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ (1892 г., стр. 215—254).

до *Справедливости* (1891), можно прослѣдить постепенное сокращеніе области государства въ пользу индивидуума.

Индивидуализмъ Спенсэра, какъ я опять - таки пытался доказать ¹⁾, постепенно приводитъ его даже къ построенію цѣлой системы, подобной, въ сущности, *mutatis mutandis*, системѣ философовъ XVIII вѣка. Противъ ожиданія, мы встрѣчаемъ у него гипотезы оптимизма и прогресса и теорію естественнаго права. Спенсэръ не ограничивается реставраціей этихъ излюбленныхъ теорій XVIII вѣка: онъ вновь соединяетъ ихъ другъ съ другомъ такъ, какъ онѣ соединялись въ умахъ людей того времени. Подобно послѣднимъ, онъ допускаетъ, что вѣра въ прогрессъ ведетъ къ оптимизму, а оптимизмъ влечетъ за собой признаніе естественнаго права; и онъ видитъ въ естественномъ правѣ лучшее орудіе эмансипаціи. Что же удивительнаго, послѣ этого, если онъ употребляетъ чрезвычайныя усилія, дабы не впасть въ слишкомъ явное противорѣчіе съ самимъ собою и установить между своей соціологіей и своими политико-соціальными теоріями возможность, я не говорю, согласія, но, хотя бы, отсутствія разногласія? Послѣдняго онъ думаетъ достигъ, избѣгая признанія абсолютнаго тождества соціологіи и біологіи и абсолютнаго сходства обществъ съ организмами, хотя постоянно готовъ признать и то и другое и хотя строгая логика должна была бы заставить его это сдѣлать.

Онъ начинаетъ съ утвержденія, что между обществомъ и живымъ организмомъ существуетъ больше, чѣмъ простая аналогія. «Въ данномъ случаѣ мета-

¹⁾ *La Philosophie politique de Herbert Spencer.*

форы,—а подъ ними Спенсэръ разумѣетъ такія выраженія, какъ: политическое тѣло, соціальное тѣло,—означаютъ больше, чѣмъ метафоры въ обыкновенномъ смыслѣ слова» ¹⁾. Поэтому, въ *Основахъ социологии* мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ такихъ заглавій: ростъ, структура, функціи, органы соціального тѣла; аппараты—производящій, распредѣляющій, регулирующій». Значитъ ли это, что Спенсэръ отказывается отъ оговорокъ и ограниченій и проводитъ свою мысль до конца? Нѣтъ, потому что, допустивъ такую неосторожность, онъ очутился бы въ противорѣчій съ тѣми выводами, къ которымъ приводитъ строгое пониманіе идеи соціального организма; а этихъ выводовъ онъ тѣмъ болѣе не могъ не знать, что критики позаботились указать ему на нихъ. Гёксли, напримѣръ, въ журнальной статьѣ, которую часто цитируютъ ²⁾, критически разобралъ употребленную Спенсэромъ біологическую терминологию и выражаемая ею идеи. Онъ ясно показалъ, что политическое тѣло, при тождественности съ живымъ существомъ, должно было бы повиноваться желѣзной власти; что въ человѣческомъ тѣлѣ малѣйшій актъ возмущенія противъ власти деспота (мозга) влечетъ параличъ или смерть; что такъ и должно быть, ибо иначе, если бы каждая клѣточка жила своей особой жизнью, цѣлое распалось бы и жизнь прекратилась.

Припертый, такимъ образомъ, къ стѣнѣ, Спенсэръ защищается, но плохо, ограничиваясь ссылкой на

¹⁾ *The Study of Sociology* (стр. 330).

²⁾ Эта статья помѣщена у Гёксли въ томѣ, озаглавленномъ: *Natural Sciences and Education*. — Ср. новую статью въ *Nineteenth Century*, май, 1890.

то, что онъ никогда не стоялъ за «административный нигилизмъ», о которомъ говоритъ его противникъ. Можетъ-быть; но развѣ это отвѣтъ на основной пунктъ аргументаціи Гёксли,—именно, что отождествленіе живого организма и организма соціальнаго ведетъ къ политикѣ чрезмѣрнаго расширенія права государства по отношенію къ индивидууму?—И Спенсеръ принужденъ заявить, что онъ, въ сущности, никогда не отождествлялъ соціальнаго организма съ живымъ и даже не думалъ объ этомъ ¹⁾. Между ними слишкомъ много различій. Соціальный организмъ представляетъ изъ себя дискретное цѣлое, живой—конкретное; первый—асимметриченъ, второй—симметриченъ. Но главная разница въ томъ, что соціальный организмъ не имѣетъ единого сенсоріума. Въ индивидуумѣ сознаніе сосредоточивается въ одномъ пунктѣ; въ обществѣ «всѣ отдѣльныя единицы обладаютъ способностью къ наслажденію и страданію, приблизительно въ равной степени» ²⁾. Изъ отсутствія единого сенсоріума слѣдуетъ, что благосостояніе агрегата, взятое отдѣльно отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, не является искомой цѣлью». Общество существуетъ на пользу своихъ членовъ, «но члены общества существуютъ не для него».

Такова попытка Спенсера согласить свою социологию съ теоріей отрицанія государства. Но какой цѣной она достигается? Недавно еще метафора со-

¹⁾ Спенсеръ опредѣленно говоритъ въ *Principles of Sociology* (т. I, стр. 580, примѣч. London, 1903), что предлагаемые имъ отвѣты имѣютъ въ виду критику, которая была направлена противъ него.

²⁾ *Principles of Sociology* (т. I, стр. 449).

ціального организма была «болѣе, чѣмъ метафорой». Теперь она является только «съ трудомъ допустимой аналогіей», «мнимой аналогіей», которая могла служить «лѣсами» для постройки, но имѣла совершенно временный характеръ, и о ней нечего больше беспокоиться ¹⁾.

Если бы вмѣсто того, чтобы разсматривать здѣсь теоріи Спенсэра, какъ эпизодъ въ развитіи естественной исторіи обществъ, мы стали изучать ихъ ради нихъ самихъ, тогда нужно было бы взять на себя трудъ показать, что соціологическія «индукціи», скрывающіяся за этими лѣсами, далеко не такъ прочны, какъ это думаетъ авторъ. Тогда пришлось бы указать у него на роль апріоризма въ воспроизведеніи соціального прошлаго ²⁾ и на непрочность гипотезъ, касающихся будущаго, непрочность, доказанную тѣмъ, что нѣкоторые взгляды Спенсэра, имѣющіе за собой лишь двадцать пять, тридцать и даже менѣе лѣтъ давности, были жестоко опровергнуты опытомъ. Не возвѣстилъ ли онъ нѣкогда близость царства вѣчнаго мира? Вынужденный признать, что событія 1870 года способствовали «возвращенію къ милитаризму», онъ ограничивается простымъ

¹⁾ «Оставимъ теперь эту мнимую аналогію между соціальной и индивидуальной организаціей. Я пользовался этими, съ трудомъ допустимыми, аналогіями, но только, какъ лѣсами, которые мнѣ были полезны при постройкѣ стройнаго зданія соціологическихъ индукцій. Разрушимъ лѣса, тогда индукціи будутъ держаться сами собой». *Principles of Sociology* (т. I, стр. 580).

²⁾ Самый языкъ Спенсэра характеренъ: *Нужно допустить, что... Спросимъ себя, что должно произойти... Эти зачатки структуры, которые, по нашему апріорному предположенію, образовались самопроизвольно...* Все это на одной страницѣ. *Ibid.* (т. II, стр. 312. London, 1897).

констатированіемъ факта, не объясняя его. Позднѣе онъ предсказывалъ исчезновеніе социализма ¹⁾, тенденцію къ уничтоженію экономической автономіи ²⁾, упадокъ вѣры въ правительство ³⁾. Противорѣчія между его предсказаніями и дѣйствительностью съ каждымъ днемъ становятся яснѣе. И вотъ, возникаетъ вопросъ: если теорія социального организма является только лѣсами и если, кромѣ того, эти лѣса служили для постройки крайне непрочнаго зданія, то стоило ли ихъ ставить съ такими большими издержками?

Хотя Спенсэръ далъ извѣстный импульсъ естественной исторіи обществъ, но онъ не постарался—и не безъ причины—глубже обосновать ее, а также воспользоваться ей для выводовъ. Чтобы узнать, какія приложенія допускаетъ эта новая наука, намъ слѣдуетъ обратиться къ другимъ.

Контъ понялъ, что можетъ извлечь социологія изъ изученія обществъ животныхъ. Впрочемъ, и до него интересъ къ такого рода изысканіямъ замѣтенъ у Фергюсона. Спенсэръ, въ свою очередь, рекомендуетъ такіа изысканія ⁴⁾. Во Франціи они вызвали появленіе серьезной работы.

«Общества животныхъ», о которыхъ говоритъ Эспинасъ ⁵⁾, это не развитыя уже общества, какъ, напримѣръ, общества муравьевъ или пчелъ, а «всякаго рода системы простыхъ органическихъ элементовъ» ⁶⁾.

¹⁾ *Principles of Sociology* (т. II, стр. 610).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 614).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 633).

⁴⁾ *Study of Sociology* (стр. 328).

⁵⁾ Espinas, *Les Sociétés animales*. (2-е изданіе).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 220).

Такъ какъ самъ индивидуумъ представляетъ собою не что иное, какъ систему простыхъ органическихъ элементовъ, и такъ какъ сознаніе есть не что иное, какъ «сплошная коалиція», то первымъ, самымъ элементарнымъ обществомъ для изученія будетъ индивидуумъ, и притомъ—наиболѣе низко стоящій въ органическомъ рядѣ ¹⁾. Какимъ образомъ изъ такой формы общества, посредствомъ непримѣтныхъ переходовъ, получается стадо, наиболѣе сложная форма, наблюдаемая у животныхъ,—это въ книгѣ Эспинаса разъясняется очень подробно, при чемъ доказательства отличаются ясностью и изяществомъ и сохраняютъ свою эстетическую цѣну даже въ томъ случаѣ, когда не убѣдительны для ума.

Дѣйствительно, для того, чтобы они были убѣдительны, необходимо было бы показать, какъ различные типы обществъ развиваются одинъ изъ другого, и какъ изъ возрастающаго богатства однородныхъ элементовъ возникаетъ іерархія обществъ. Но если нѣтъ перехода отъ низшей формы общества къ высшей, если мы многократно сталкиваемся съ чѣмъ-то необъяснимымъ, съ *hiatus*'омъ, то въ этихъ случаяхъ можно наслаждаться искусствомъ, съ какимъ авторъ владѣетъ своимъ предметомъ и разрабатываетъ его, но нельзя согласиться, что его доказательства безусловно убѣдительны.

Прежде всего, можно ли иначе, какъ метафорически, примѣнять названіе «общество» къ отношеніямъ, которыя существуютъ въ животномъ мірѣ между паразитомъ и его хозяиномъ, между сотрапезникомъ и его поставщикомъ? Въ такомъ слу-

¹⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 217).

чаѣ, возражаетъ одинъ изъ учениковъ Конта ¹⁾, почему не говорить объ «обществахъ растеній» и обществахъ звѣздъ? Если даже согласиться съ Эспинасомъ, что сотрапезникъ и его поставщикъ, паразитъ и его хозяинъ образуютъ случайныя общества, то какое отношеніе существуетъ между этой формой общества и первымъ изъ постоянныхъ нормальныхъ обществъ, слагающихся изъ индивидуумовъ одного и того же вида, какъ бы ни были они малочисленны и на какой бы низкой ступени ни стоялъ этотъ видъ? Эспинасъ соглашается, впрочемъ, что не легко найти объясненіе этимъ первичнымъ обществамъ,—«группировкѣ», встрѣчающейся у нѣкоторыхъ инфузорій, и что здѣсь «открывается широкое поле для гипотезъ» ²⁾.

Не меньше трудность, когда отъ «едва различимаго соединенія», наблюдаемаго между членами того нормального элементарнаго общества, которое называется инфузоріей, нужно переходить къ гораздо болѣе сложному соединенію, допускающему половое общеніе ³⁾. А при объясненіи семьи у животныхъ, происшедшей «вслѣдствіе совмѣстнаго стремленія индивидуальныхъ сознаній къ образованію единаго сознанія», не сталкиваемся ли мы съ затрудненіемъ, отъ котораго приходитъ въ отчаяніе Дарвинъ, и которое Эспинасъ называетъ почти непреодолимымъ» ⁴⁾, съ затрудненіемъ объ-

¹⁾ Garin de Vitry. Онъ допускаетъ изученіе обществъ животныхъ только въ видѣ «досоціологическаго» изслѣдованія.

²⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 234).

³⁾ *Ibid.* (стр. 233).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 334).

яснить материнскую любовь и связанную съ ней предусмотрительность? Эспинасъ даетъ цѣлый рядъ крайне остроумныхъ соображеній ¹⁾, но не можетъ скрыть «пробѣла» ²⁾, и, въ концѣ-концовъ, ограничивается гипотезой, «допустимость которой была бы для него желательна», такъ какъ, благодаря ей, мы имѣли бы удовольствіе понять, на основаніи научныхъ данныхъ, явленіе, до сихъ поръ считавшееся таинственнымъ». Къ несчастью, онъ вынужденъ прибавить, что эта гипотеза только «съ трудомъ узаконяется» теоріей эволюціи. И, тѣмъ не менѣе, онъ обращается къ теоріи эволюціи, какъ единственному средству выйти изъ затрудненія. — Наконецъ, когда нужно переходить отъ семьи къ племени, затрудненіе становится еще значительнѣе, такъ какъ племя предполагаетъ совсѣмъ не продолженіе семьи, а ея разрушеніе ³⁾. На этомъ книга кончается, но не кончается, безъ сомнѣнія, значеніе примѣненнаго въ ней метода.

Скрѣпляя, такимъ образомъ, цѣпь между низшими и высшими обществами, — цѣпь, звенья которой иногда разрываются, Эспинасъ въ то же время допускаетъ у всѣхъ видовъ обществъ наличность *общаго сенсоріума*, отрицаемаго у нихъ Спенсэромъ. Болѣе того, въ этомъ *общемъ сенсоріумѣ* онъ видитъ самую сущность обществъ. Общество, по его опредѣленію, обладаетъ «живымъ сознаніемъ» ⁴⁾. Но въ такомъ случаѣ, произойдутъ послѣдствія, которыхъ такъ боялся Спенсэръ: коллективное сознаніе поглотитъ

¹⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 338—339).

²⁾ *Ibid.* (стр. 341).

³⁾ *Ibid.* (стр. 470).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 530).

индивидуальное, въ соціальной жизни останется мѣсто только для власти.

Эспинасъ не высказался по этому вопросу, такъ какъ избѣгалъ говорить о человѣческихъ обществахъ. Однако, предупреждая возраженія, которыхъ слѣдовало ожидать, онъ отмѣтилъ «постоянный прогрессъ симпатическихъ чувствованій, наблюдаемый на различныхъ ступеняхъ лѣстницы животныхъ обществъ» ¹⁾. Этотъ прогрессъ таковъ, что, въ концѣ-концовъ, возбуждаетъ въ каждомъ членѣ группы «почти столь же живую заботливость о другихъ, какъ и о самомъ себѣ» ²⁾. Человѣческое общество, стоящее на самомъ верху этой лѣстницы, болѣе, чѣмъ какое-либо другое, благопріятствуетъ этому прогрессу. Не очевидно ли, съ другой стороны, что организмъ живетъ и благоденствуетъ въ той мѣрѣ, въ какой живутъ и благоденствуютъ составляющіе его элементы? Слѣдовательно, закономъ cadaго отдельнаго общества является не борьба за существованіе, съ ея безпощадной жестокостью, а наоборотъ, «коалиція» индивидуальностей для поддержанія конкуренціи съ другими обществами и «уваженіе къ индивидууму», необходимое для осуществленія этой коалиціи ³⁾.

Можно допустить, что жизнь и благоденствіе всего организма всецѣло зависятъ отъ его частей. Но кто судить о томъ, что необходимо для частей, какъ не цѣлый организмъ? И гдѣ искать защиты противъ него, если онъ превыситъ должную мѣру своей власти? Какъ, въ особенности, не беспокоиться,

¹⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 153).

²⁾ *Ibid.* (стр. 153).

³⁾ *Ibid.* (стр. 153).

когда у того же автора *Соціальной жизни животных* мы читаемъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій, что «необходимое подчиненіе членовъ общества возрастаетъ вмѣстѣ съ органическимъ прогрессомъ»? ¹⁾. На этотъ разъ дѣло идетъ уже о человѣческихъ обществахъ, и Эспинасъ ставитъ принципамъ 1789 года въ упрекъ «одушевляющій ихъ опасный индивидуализмъ» ²⁾. Что касается другой, указанной нами, гарантіи—симпатіи членовъ одной и той же группы другъ къ другу, то можно опасаться, что это проявленіе совершенно инстинктивной чувствительности не можетъ равняться сознательнымъ понятіямъ о справедливости, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока альтруизмъ посредствомъ воспитанія не измѣнитъ человѣческой души. Въ ожиданіи завершенія такого воспитанія, мы ищемъ, опасаясь не найти его, принципъ, который могъ бы замѣнить право, лишенное уваженія, несмотря на расточаемыя намъ увѣренія въ противномъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промежуточную форму добродѣтели, еще не достигшей того положенія, которое она должна занять впоследствии.

Эспинасъ также колеблется слить воедино соціологію съ біологіей. Между этими двумя науками, говоритъ онъ, трудно установить границы. Эти науки «сопутствуютъ другъ другу». Одна выходитъ изъ другой, «какъ боковая вѣтвь, нѣкоторое время идущая параллельно другимъ, которыя она должна перерасти» ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ рассматри-

¹⁾ *Les Études sociologiques en France* въ *Revue Philosophique*, 1882.

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 362).

³⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 219).

ваетъ соціологію, какъ продолженіе и расширеніе біологіи» ¹⁾. Различія, какъ видно, еще болѣе тонкія, болѣе неуловимыя, чѣмъ у Спенсэра; они выдаютъ тягостное затрудненіе философа, колеблющагося между двумя противоположными направленіями.

Съ одной стороны, Эспинасъ какъ будто склоненъ сдѣлать шагъ, передъ которымъ остановился Спенсэръ, съ другой—онъ отрицаетъ возможность объясненія высшаго посредствомъ низшаго. Вслѣдствіе именно этого предубѣжденія, очень сильнаго у него, онъ противорѣчитъ Спенсэру по вопросу объ *общемъ сенсоріумъ*. По мнѣнію Эспинасы, нужно допустить его существованіе именно для того, чтобы сдѣлать понятнымъ индивидуальное сознаніе. Въ самомъ дѣлѣ, или индивидуальное сознаніе коренится въ коллективномъ сознаніи, и тогда «соціальное я» столь же допустимо, какъ, на примѣръ, семейное «я», или же, если индивидуумъ представляетъ группу, — индивидуальное сознаніе коренится въ элементахъ этой группы, въ органахъ и клѣткахъ, т.-е. въ самыхъ низшихъ проявленіяхъ жизни ²⁾. Отвергая эту гипотезу, Эспинасъ впадаетъ въ своего рода метафизику. Но онъ не такъ смѣлъ, какъ Лейбницъ, и не рѣшается видѣть духовное начало, мысль повсюду, даже въ ничтожнѣйшей частицѣ вселенной. Онъ только отстаиваетъ существованіе «соціального сознанія», являющагося, въ сущности, только собирательнымъ цѣлымъ, не имѣющимъ, строго говоря, никакого отношенія къ естественной исторіи обществъ.

¹⁾ *Etudes sociologiques en France* въ *Revue philosophique*, 1882.

²⁾ *Les Sociétés animales* (стр. 541).

Шеффле замѣтилъ однажды, что «никто серьезно не брался создать ученіе о чловѣкѣ, какъ членѣ общества, представляющее собою просто часть зоологіи». Вышеприведенные примѣры и тѣ, которые можно было бы къ нимъ присоединить, если бы войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій, не оказавшихъ, впрочемъ, никакого вліянія на развитіе идей во Франціи ¹⁾, и потому оставаемыхъ безъ вниманія,—всѣ эти примѣры доказываютъ справедливость замѣчанія Шеффле.

Кетле, какъ мы видѣли,—моралистъ, отмѣчающій, не настаивая на этомъ, сходство націй съ организмами. Спенсэръ, вслѣдствіе своихъ сомнѣній въ области экономическихъ явленій, остановился въ тотъ моментъ, когда могъ бы создать естественную исторію обществъ во всей ея полнотѣ; а Эспинасъ, вслѣдствіе своихъ метафизическихъ сомнѣній, остановился на порогѣ окончательнаго сліянія соціологіи съ біологіей. Всѣ трое охотно говорятъ о социальномъ организмѣ, но отказываются сдѣлать выводы, заключающіеся въ этой идеѣ. Что касается той журнальной статьи, «авторъ которой отыскиваетъ съ микроскопомъ въ составѣ оплодотвореннаго яйца и въ количествѣ заключенной въ немъ унаслѣдован-

¹⁾ Напримѣръ, произведенія Липіенфельда и Шеффле. Послѣдній нынѣ оцѣненъ въ Германіи по достоинству, если вѣрить *Запискамъ французскаго студента въ Германіи*, опубликованнымъ Жаномъ Бретономъ — псевдонимъ, скрывающій одного изъ нашихъ молодыхъ философовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на страницѣ 128 я читаю: «Біологическій методъ, столь сильно повредившій соціологіи, какъ будто все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе въ Германіи... Огромная работа Шеффле здѣсь менѣе авторитетна, чѣмъ у насъ. Въ интимныхъ бесѣдахъ объ этой книгѣ не боятся говорить, какъ о не стоящей вниманія».

ной крови біологическое основаніе права наслѣдованія» ¹⁾, то трудно видѣть въ ней что-либо иное, чѣмъ курьезъ. Слѣдовательно, естественная исторія обществъ еще не настолько разработана, какъ это могло бы казаться.

Таковы, впрочемъ, и другія формулы, заимствованныя изъ научнаго словаря и въ различныя эпохи, въ особенности начиная съ конца XVIII вѣка, пользовавшіяся большимъ расположеніемъ философовъ. Дѣйствительно, послѣдніе надѣются придать больше вѣса своимъ мнѣніямъ, отдавая ихъ подъ покровительство модныхъ наукъ. Такъ, теократы постоянно ссылаются на Шарля Боннэ; Сэнъ-Симонъ обильно черпаетъ у Викъ д'Азира; Контъ вдохновляется Галлемъ; а самъ Спенсэръ—Ванъ-Бэромъ. Присоединяясь къ школѣ Дарвина и Геккеля, соціологи, слѣдовавшіе за Спенсэромъ и Контомъ, только подражали примѣру, освященному временемъ и авторитетомъ.

Такимъ образомъ, оправдывается своего рода законъ, установленный по поводу другого рода фактовъ, но одинаково справедливый и по отношенію къ тѣмъ фактамъ, которые насъ занимаютъ. «Всякая новая идея, говоритъ одинъ проницательный психологъ,—и, въ особенности, великое научное открытіе могущественно привлекаютъ къ себѣ умы. Это привлекающее дѣйствіе такъ сильно, что объясненіе, даваемое новымъ открытіемъ или новой идеей, охотно распространяютъ на факты, совершенно чуждые тѣмъ, которыми она была внушена» ²⁾. Писатель, у котораго

¹⁾ Журнальная статья: *Le fondement du droit de succession*, цитируемая у Бёдана въ *Le droit individuel et l'État*, стр. 224, примѣч. 2.

²⁾ E. Naville, *La Phisique moderne* (стр. 216).

я заимствую это замѣчаніе, приводить рядъ примѣровъ. Пифагоръ, понявъ великое значеніе математическихъ наукъ, вывелъ формулу: все есть число. Кондильякъ, пораженный тѣмъ, что можно было извлечь изъ изученія знаковъ, пришелъ къ формулѣ: всякая наука есть не что иное, какъ хорошо выработанный языкъ.

Исторія политическихъ и соціальныхъ теорій также подтверждаетъ это наблюденіе. Мы видѣли, что въ XVII вѣкѣ эти теоріи строились по типу наукъ математическихъ, находившихся тогда въ полномъ блескѣ. Въ XVIII вѣкѣ, когда начинаетъ развиваться физика, политическія и соціальныя теоріи стремятся подражать наукамъ физическимъ. Въ XIX вѣкѣ естественныя науки достигаютъ удивительнаго прогресса: политическія и соціальныя теоріи ищутъ опоры у этихъ наукъ. За «политической алгеброй» Руссо и «соціальной математикой» Кондорсэ слѣдуютъ—сначала «соціальная физика» Сэнъ-Симона, потомъ «соціальная фізіологія» Конта и, наконецъ, «естественная исторія обществъ». Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы эта послѣдняя концепція, особенно въ той формѣ, какую мы до сихъ поръ наблюдали, свидѣтельствовала о чемъ-либо иномъ, кромѣ естественной склонности ума, для достиженія возможно большаго единства знанія, постоянно расширять предѣлы объясненія, которое ему кажется доказаннымъ по отношенію къ извѣстному ряду фактовъ.

Это—весьма естественное стремленіе и вполне законное средство, при условіи, что умъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своей дѣятельности, не стремится въ самыхъ отдаленныхъ приложеніяхъ данной гипотезы искать достовѣрности, которой она не обладаетъ по

своему существу, и признаетъ временный характеръ объясненій природы, которымъ онъ послѣдовательно довѣряется.

Далеко не отличаясь такой осторожностью, различные школы склонны, напротивъ, свою собственную формулу изъять изъ общей участи, которой подверглись формулы, употреблявшіяся ранѣе. Тѣмъ съ крайнимъ пренебреженіемъ, въ подстрочномъ примѣчаніи, упоминаетъ о математическомъ вычисленіи той части верховной власти, которая приходится на долю каждаго члена государства, по мнѣнію автора *Общественнаго договора* ¹⁾. Онъ правъ съ своей точки зрѣнія, не придавая этому вычисленію значенія; но онъ, какъ будто, и не думаетъ, что «теорія соціальнаго организма» рискуетъ пайти когда-нибудь подобный же пріемъ, и заслужить у будущихъ историковъ только примѣчанія внизу страницы.

II.

Въ Германіи образовалась школа моралистовъ, юристовъ и соціологовъ, о которой я не сталъ бы говорить здѣсь, такъ какъ своимъ происхожденіемъ она обязана, главнымъ образомъ, движенію идей, не связанному съ тѣмъ, которое я пытаюсь прослѣдить, если бы въ ней, съ одной стороны, не былъ примененъ положительный методъ съ такой строгостью, какой нѣтъ въ бѣльшей части только что разсмотрѣнныхъ нами работъ, и если бы, съ другой стороны, недавно появившаяся французская работа, насквозь проникнутая духомъ этой школы, не да-

¹⁾ *L'Ancien Régime* (т. I, стр. 304, примѣч. 1-е).

вала случая къ изученію ея соціально-политическихъ взглядовъ.

У экономистовъ и соціологовъ, какъ Шёнбергъ, Вагнеръ, Шмоллеръ ¹⁾ и Шеффле, у юристовъ, какъ Іерингъ и Постъ, и моралистовъ, какъ Вундтъ, помимо многихъ различныхъ и даже противоположныхъ идей, есть, по мнѣнію автора, взявшего на себя трудъ ознакомить съ ними французскую публику, одна общая идея: создать *положительную науку о нравственности* ²⁾. Они понимаютъ здѣсь такую науку, которая, отбросивъ всѣ метафизическія гипотезы, опиралась бы исключительно на наблюденіе моральныхъ фактовъ и, собравъ достаточное количество послѣднихъ, выводила бы изъ нихъ законы. Исходнымъ пунктомъ, для каждаго изъ этихъ писателей въ его спеціальной области, — соціальной наукѣ, правѣ, морали, — служить та идея, что общество представляетъ изъ себя *настоящее живое существо*, обладающее *своими собственными функціями*, *своими собственными цѣлями*, отличными отъ нашихъ; существо, которое нельзя просто уподоблять живому организму.

Шеффле, которому иногда приписывали противоположное мнѣніе, — вѣроятно, по заглавію его книги или по заглавіямъ ея частей, заявляетъ, что біологической терминологіей онъ пользовался только метафорически и, съ своей стороны, держится въ данномъ

¹⁾ Вагнеръ, подъ вліяніемъ Менгера, впоследствии значительно измѣнилъ свои взгляды. См. C. Bouglé, *Les Sciences sociales en Allemagne*. 1 т. in 12°, Парижъ, 1896.

²⁾ См. въ *Revue philosophique* (т. XXIV) серію статей Дюркгейма, подъ заглавіемъ: *La science positive de la morale en Allemagne*.

случаѣ теоріи прерывности Конта. *Соціальное царство*, по его мнѣнію, должно изучать въ немъ самомъ и для него самого. Вундтъ, становясь на ту же самую точку зрѣнія, скажетъ, что соціальная психологія (т.-е. изученіе коллективныхъ явленій, какъ таковыхъ, а не какъ продукта или совокупности индивидуальныхъ волевыхъ актовъ) есть «преддверіе этики». Слѣдовательно, дѣло идетъ здѣсь уже не о томъ, чтобы установить болѣе или менѣе обоснованное сходство между біологіей и соціологіей, а о томъ, чтобы наблюдать факты, факты *sui generis*, вытекающіе изъ соціальной группировки. Эти факты, — нравы, право, экономическія отношенія и проч., «наука о нравственности» изучаетъ такъ же, какъ біологія, свои собственные: вотъ въ чемъ настоящая аналогія между этими двумя науками. Она заключается не въ сущности предмета, а въ сущности метода.

Правда, рѣшительно высказавшись за чисто-индуктивный методъ, различные писатели, о которыхъ мы только что говорили, немного поторопились, по мнѣнію ихъ критика, съ выводами. Ихъ работы грѣшатъ, говорятъ намъ, «чрезмѣрными обобщеніями». Они слишкомъ скоро хотятъ опредѣлить *добро, долгъ, право*, тогда какъ опытъ всегда даетъ намъ только *права, обязанности, блага*. «Чтобы отыскать формулу, объединяющую въ себѣ всѣ эти явленія, нужно сначала изучить каждое изъ нихъ въ отдѣльности, для него самого, а не для того, чтобы однимъ усиліемъ прійти къ общему опредѣленію нравственности». Дюркгеймъ прибавляетъ, что часъ синтеза, быть-можетъ, настанетъ, но онъ еще не пробилъ. Если же спросить моралиста, каковъ основной принципъ нравственности, то «онъ можетъ

отвѣтитъ въ настоящее время только невѣдѣніемъ»¹⁾. Такимъ образомъ, программа состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться строго-положительнымъ методомъ нѣмецкихъ ученыхъ, но прилагать его тщательнѣе, съ большей точностью и осмотрительностью, чѣмъ они.

То же самое и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ не о морали, а о политикѣ. Какъ можно надѣяться найти въ настоящее время сколько-нибудь удовлетворительное опредѣленіе государства? Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ пускаться въ столь опасное предпріятіе, сначала изслѣдовать, какъ можно подробнѣе, всѣ тѣ представленія, которыя люди составляли себѣ о государствѣ, изслѣдовать, принимая въ расчетъ всѣ обстоятельства, которыя, въ каждый періодъ цивилизаціи, въ каждой странѣ, при каждомъ образѣ правленія, опредѣляли форму учрежденій? Лишь въ томъ случаѣ, когда это основательное и тщательное изслѣдованіе будетъ выполнено, можно надѣяться получить какую-либо общую формулу.

Безъ всякаго сомнѣнія, это—планъ очень интересныхъ изысканій и чрезвычайно любопытный, по своей исключительной трудности, случай примѣненія положительнаго метода. Но до того, пока еще отдаленнаго дня, когда «наука о нравственности» и «политическая наука» будутъ, если не вполнѣ закончены, то, по крайней мѣрѣ, достигнуть такой степени развитія, что мы будемъ знать природу и характеръ приложеній, которыя можно изъ нихъ извлечь, до тѣхъ поръ люди должны по необходи-

¹⁾ Durkheim, цитир. статья. *Revue philos.* (т. XXIV, стр. 280).

мости, какъ это они дѣлали и до сихъ поръ, требовать отъ системъ хотя бы временнаго практическаго руководства.

Кромѣ того, теорія имѣетъ, повидимому, непреодолимую склонность обгонять наблюденіе, такъ какъ писатель, упрекавшій, какъ мы это видѣли, нѣмецкихъ соціологовъ и моралистовъ въ поспѣшности ихъ заключеній, самъ заслуживаетъ подобнаго упрека.

Въ своемъ трудѣ, богатомъ детальными наблюденіями и построенномъ чрезвычайно удачно, о которомъ нижеслѣдующія краткія замѣчанія дадутъ лишь неполное понятіе ¹⁾, Дюркгеймъ, вновь отмѣтивъ достоинства единственнаго, по его мнѣнію, метода, могущаго дать достовѣрные результаты, метода терпѣливыхъ и детальныхъ изслѣдованій, признаетъ, что «есть одно только средство создать науку: это — быть смѣлымъ» ²⁾. Заблуждаются, ожидая, что будутъ собраны всѣ матеріалы; вѣдь «только тогда можно знать, въ какихъ матеріалахъ нуждается наука, когда она уже имѣетъ нѣкоторое представленіе о самой себѣ, слѣдовательно, когда она уже существуетъ» ³⁾.

Но вѣдь точно такъ же могли бы разсуждать Шеффле и Вундтъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ своего критика? Послѣдній, быть-можетъ, отвѣтитъ, что они были «смѣлы», не имѣя метода, тогда какъ *Раздѣленіе общественнаго труда* поконится на строго научномъ методѣ. Я отмѣчаю, однако, въ данномъ случаѣ отсутствіе того исчерпывающаго приѣма.

¹⁾ *La Division du Travail social*.

²⁾ *Ibid.* (Предисловіе, стр. VIII).

³⁾ *Ibid.* (loc. cit.).

который былъ указанъ намъ, какъ единственно пригодный. Авторъ нигдѣ не говоритъ, что законъ раздѣленія труда является *единственнымъ* закономъ, управляющимъ жизнью обществъ, и, слѣдовательно, *единственнымъ* закономъ, содержащимъ въ себѣ необходимый обществамъ моральный законъ. Нигдѣ онъ не изслѣдуетъ и даже не ставитъ вопроса о томъ, не оказываютъ ли при этомъ своего вспомогательнаго воздѣйствія и *другіе* законы. Иные могли бы отнестись легко къ этому возраженію, но социологъ, предъявляющій такія строгія требованія къ методу, безъ сомнѣнія, найдетъ его менѣе незначительнымъ.

Оставимъ, однако, вопросъ о методѣ и перейдемъ къ сущности дѣла. *Если*, какъ полагаетъ Дюркгеймъ (этотъ постулатъ встрѣчается у всѣхъ представителей школы, къ которой онъ принадлежитъ) нравственность состоитъ въ томъ, чтобы «дѣлать необходимое для жизни» ¹⁾, и *если* (этотъ постулатъ встрѣчается только въ его книгѣ) раздѣленіе труда — *единственный* законъ, управляющій жизнью обществъ и создающій совершенно механически цивилизацію, прогрессъ ²⁾ и справедливость ³⁾, то въ чемъ же будетъ заключаться первая изъ обязанностей индивидуума?

Общество, говорятъ намъ, создаетъ индивидуума; а общество представляетъ изъ себя организмъ ⁴⁾. Спенсеръ ошибался, не признавая достаточной реальности за социальнымъ организмомъ и отводя ему слишкомъ незначительную роль въ формированіи индивиду-

¹⁾ *La Division du Travail social* (Введение, стр. V).

²⁾ *Ibid.* (стр. 384).

³⁾ *Ibid.* (стр. 434).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 237—238).

ума ¹⁾). Послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ является созданіемъ общества и играетъ по отношенію къ нему роль органа въ организмѣ ²⁾). Нравственность для него будетъ состоять въ наилучшемъ выполненіи своей спеціальной функціи, согласно съ принципомъ раздѣленія труда. Отсюда—осужденіе воспитанія, имѣющаго цѣлью развитіе общихъ идей и создающаго *дилетантовъ*, и панегирикъ новому воспитанію, стремящемуся исключительно къ тому, чтобы индивидуумъ былъ въ состояніи съ пользою выполнить опредѣленную функцію, заранѣе понялъ свою роль въ качествѣ органа ³⁾). Конечно, это — скромная участь, въ сравненіи съ той, о которой нѣкогда мечталъ человѣкъ, но не лишенная, по мнѣнію Дюркгейма, ни красоты, ни величія. Развѣ нѣтъ величія и красоты въ томъ, что чувствуешь себя причастнымъ міровому порядку, хотя и приходится жертвовать своими, все равно неисполнимыми, мечтами о независимости ⁴⁾).

Въ этомъ самопожертвованіи, несомнѣнно, есть что-то стоическое и даже христіанское; но при условіи, что оно совершается съ нашего вѣдома и согласія. Если же воспитаніе, совершенно отличное отъ того, какое до сихъ поръ было извѣстно человечеству, въ концѣ-концовъ, уничтожитъ чувство и сознаніе этого самопожертвованія, и человѣкъ отъ рожденія будетъ чувствовать себя подданнымъ или, вѣрнѣе, рабомъ общества, то заслуга его, при хоро-

¹⁾ *La Division du Travail social.* (стр. 382 и слѣд.).

²⁾ *Ibid.* (стр. 250).

³⁾ *Ibid.* (Введеніе, стр. 2).—Ср. стр. 452, примѣчаніе.

⁴⁾ *Ibid.* См. послѣднія страницы книги.

шемъ выполненіи своей функціи, будетъ такого же рода, какъ заслуга гибкой и упругой пружины, приводящей въ движеніе механизмъ, или какъ заслуга печени и желудка, нормально выделяющихъ жидкости, необходимыя для здоровья человѣческаго тѣла.

Слѣдовательно, или новое воспитаніе окончательно устранить общія идеи, а въ частности тѣ стоическія и христіанскія идеи, которыя возвышаютъ и украшаютъ самое подчиненіе, и тогда мораль, основанная на раздѣленіи соціальнаго труда, едва ли сохранить величіе и красоту; или же, напротивъ, новое воспитаніе, въ свою очередь, позаботится облагородить и прикрасить зависимость человѣка, и тогда ему придется удержать, хотя бы отчасти, тѣ общія идеи, которыя, создавая дилетанта, создаютъ, въ то же время, человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

Принуждая индивидуума выполнять опредѣленную функцію и суживая, такимъ образомъ, его моральный горизонтъ, авторъ *Раздѣленія общественнаго труда* съ гордостью заявляетъ, что въ этомъ нѣтъ полного подчиненія личности коллективному цѣлому.

Прогрессъ цивилизаціи, говоритъ онъ, ведетъ къ двумъ параллельнымъ явленіямъ: къ росту функцій государства и росту индивидуальной жизни. Это совпаденіе, до сихъ поръ слишкомъ мало замѣчаемое, по мнѣнію Дюркгейма, поразило его гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ другія стороны современной общественной жизни. Онъ правъ, настаивая на этомъ фактѣ, потому что именно вслѣдствіе незнанія или недостаточнаго изученія его столько умовъ блуждаютъ въ настоящее время въ погонѣ за химерическими рѣшеніями. Удовлетворительное

объясненіе его было бы очень кстати. Но годится ли то, какое предлагаетъ намъ авторъ? Въ низшихъ обществахъ. говоритъ онъ, индивидуальное сознаніе поглощено коллективнымъ; всѣ чувствуютъ, мыслятъ и разсуждаютъ въ унисонъ ¹⁾. Въ высшихъ обществахъ происходитъ наоборотъ. Эти общества дошли бы даже до полного раздробленія, до фатальнаго разложенія, если бы не вмѣшивалось раздѣленіе соціальнаго труда въ качествѣ примиряющаго принципа и не напоминало индивидууму его обязанностей по отношенію къ цѣлому. Допустимъ, что все это справедливо; но объясненіе ли это факта или его простое констатированіе? Дѣйствительно ли рѣшена авторомъ проблема, выставленная въ началѣ его книги ²⁾, или же, какъ это бываетъ, постановка задачи замѣняетъ собою рѣшеніе?

Настоящее рѣшеніе было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы раздѣленіе труда обладало чудесной способностью достигать этого двойкаго результата. Но вмѣшательство такого рода силы завело бы насъ туда, гдѣ «положительной наукѣ о нравственности» дѣлать нечего. Не въ этомъ ли основной недостатокъ системы? Когда намъ показываютъ, какъ раздѣленіе труда дѣйствуетъ сначала на физическія, а затѣмъ на духовныя условія жизни обществъ, измѣняя нравы, чувства и идеи ³⁾, невольно приходитъ на умъ *vis operans* схоластиковъ ⁴⁾. Затѣмъ воз-

¹⁾ *La Division du Travail social* (стр. 216).

²⁾ «Какъ происходитъ, что индивидуумъ, становясь все независимѣе, все болѣе зависитъ отъ общества?» *La Division du Travail social* (Предисловіе, стр. IX).

³⁾ Подробнѣе объ этомъ воздѣйствіи см. *Ibid.* (стр. IX).

⁴⁾ По поводу взгляда, что соціальный фактъ, какъ таковой, существуетъ помимо своихъ индивидуальныхъ проявленій, я

никаетъ еще вопросъ: какъ это, при отсутствіи всякаго плана, общество идетъ *непрерывно* въ сторону прогресса и цивилизаціи? И вотъ является опасеніе, что надъ всей этой, повидимому, столь ученой книгой, въ которой царить якобы строго положительный методъ, все еще царитъ невидимый, но грозный призракъ метафизики.

III.

Положительная наука о нравственности и Положительная наука о политикѣ остаются, значитъ, пока открытыми областями, нуждающимися въ хорошихъ работникахъ. Послѣ долгихъ, настолько долгихъ изысканій, что мы не можемъ теперь ни предвидѣть ихъ конца, ни, тѣмъ болѣе, достаточно вѣрно предугадать ихъ результаты, будущимъ изслѣдователямъ удастся, быть-можетъ, сдѣлать полезныя для обществъ открытія. Нужны были вѣка, чтобы естественныя науки стали науками положительными. Сколько же времени потребуется, чтобы столь сложныя моральныя и соціальныя науки также стали положительными и, какъ таковыя, достигли полного развитія? Во всякомъ случаѣ, пока современная соціологія является лишь скороспѣлымъ, преждевременнымъ и неполнымъ выраженіемъ мысли, еще идущей ощупью и неувѣренной себѣ самой, она не можетъ съ высоты своихъ неизбѣжно неустановившихся принциповъ предписывать намъ что-либо въ области политики и морали.

нахожу такое же критическое замѣчаніе по адресу Дюркгейма у Тарда (*Logique sociale*. Предисловіе, стр. VI): «Дюркгеймъ возвращаетъ насъ къ чистой схоластикѣ».

Не поступаетъ ли она иначе вслѣдствіе свойственной человѣческому уму непослѣдовательности? Рекомендуемая намъ ею политика и мораль являются какъ бы результатомъ болѣе или менѣе открыто совершаемаго соціологомъ, подъ вліяніемъ чувства или разума, выбора изъ числа одинаково произвольныхъ формулъ, оспаривающихъ другъ у друга власть надъ умами. Но разъ существуетъ *выборъ*, выводы теряютъ свою авторитетность. Такіе выводы занимаютъ мѣсто въ ряду субъективныхъ истолкованій природы и жизни, столь порицаемыхъ тѣми, кто при-

мыкаетъ къ нимъ помимо своего вѣдома, — въ ряду истолкованій, среди которыхъ политическая философія Спенсера фигурируетъ на равныхъ правахъ съ политической философіей Руссо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Научный социализмъ.

Научный социализмъ не нашелъ еще во Франціи своего полного теоретическаго выраженія¹⁾. Но онъ связанъ слишкомъ тѣсно съ движеніемъ идей, которое мы здѣсь изучаемъ, и потому не можетъ быть опущенъ въ этой книгѣ. За отсутствіемъ французскихъ теоретиковъ—большая часть сочиненій, написанныхъ по-французски, имѣетъ характеръ памфлетовъ, въ которыхъ полемика поглощаетъ доктрину²⁾—мы будемъ изучать научный социализмъ по сочиненіямъ Карла Маркса и Энгельса, которые лучше своихъ

1) Только сочиненіе Бенуа Малона можно было бы разсматривать, какъ теоретическую работу, но оно проникнуто насквозь, какъ я это покажу ниже (кн. V, гл. I), элементами, чуждыми научному социализму въ томъ видѣ, какъ его понималъ Карлъ Марксъ.

2) Я укажу, напримѣръ, на небольшія сочиненія Поля Лафарга, брошюры Жюля Гедана и Бриссона, статьи Руанэ и другихъ сотрудниковъ *Revue socialiste* или *Aperçu sur le socialisme scientifique* Дэвилля, о которыхъ, впрочемъ, не разъ еще будетъ идти рѣчь при случаѣ. Когда наша работа уже была опубликована, Жоржесъ напечаталъ въ *Revue socialiste* (1897) рядъ статей о коллективистической организаціи, а Ж. Рэнаръ—книгу, подъ заглавіемъ: *Le régime socialiste* (Paris, 1898).

французскихъ учениковъ умѣли разграничивать революціонную дѣятельность, даже когда сами принимали въ ней участіе, отъ теоретическихъ взглядовъ.

I.

Энгельсъ написалъ нѣсколько страницъ, которыя были предложены французской публикѣ подъ заглавіемъ: *Соціализмъ утопическій и соціализмъ научный*¹⁾. Это заглавіе указываетъ и противопоставляетъ тѣ два періода, которые соціализмъ прошелъ въ теченіе XIX столѣтія.

Прежній соціализмъ, тотъ, который мы изучали выше, проникнутъ метафизикой, моралью и религіей. Онъ мечтаетъ о возрожденіи человечества черезъ любовь, о пробужденіи вѣры въ душахъ. Экономическія реформы должны были произойти только послѣ реформы сердець и умовъ. Впрочемъ, эти реформы не получаютъ у ихъ приверженцевъ ни достаточно опредѣленной формы (идея организациі труда только намѣчается у Луи Блана), ни достаточно практическаго характера (припомните коммунистическія мечтанія). Подкупая своимъ благородствомъ, соціализмъ Сэнъ-Симона и Пьера Лёру, соціализмъ Сисмонди и Луи Блана не былъ, очевидно, созданъ для удовлетворенія умовъ, стремя-

¹⁾ Эти страницы были извлечены изъ болѣе крупнаго сочиненія Энгельса, но, прибавляетъ переводчикъ, онѣ были для даннаго случая просмотрѣны авторомъ, который сдѣлалъ различныя добавленія, имѣя въ виду интересы французской публики. (*Предисловіе* переводчика, стр. 5).—*Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft*. Цитир. изд. Vorwärts, Берлинъ, 1907.

щихся къ точности¹⁾. Прибавьте, что, исключая французскихъ предшественниковъ коллективизма, какъ-то: Пеккёра, Видаля и др., этотъ социализмъ совмѣщается съ абсолютнымъ пренебреженіемъ къ свободѣ и необыкновеннымъ преклоненіемъ передъ авторитетомъ.

Напротивъ того, новый социализмъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что, невзирая на приписываемыя ему ходячей и пристрастной полемикой стремленія, онъ сохраняетъ за индивидуумомъ извѣстную долю свободы. Мы увидимъ далѣе, удастся ли ему это, но справедливость требуетъ признать за нимъ такое намѣреніе. Другое, не менѣе важное отличіе: новый социализмъ — рѣшительно матеріалистиченъ. Это выражается не только въ томъ, что онъ опирается на данныя матеріалистической науки, но, въ особенности, въ томъ, что, по его ученію, социальная революція должна произойти прежде всего, если не исключительно, во имя матеріальныхъ интересовъ пролетаріата. Наконецъ, новый социализмъ оправдываетъ еще тѣмъ свой эпитетъ, что не ограничивается одной критикой существующаго порядка; осуждая послѣдній, онъ въ то же время объясняетъ его. Сэнъ-Симонъ и Пьеръ Лёру, Симонди и Луи Бланъ порицаютъ промышленную конкуренцію. Карлъ Марксъ и Энгельсъ показываютъ, почему, при данныхъ условіяхъ, она обязательно

¹⁾ Энгельсъ смѣется надъ энтузіазмомъ французскихъ социалистовъ (loc. cit., стр. 9). — Прокламаціи временнаго правительства 1848 года также вызвали сарказмы Карла Маркса, который высмѣивалъ эти прокламаціи съ 1850 года въ *Nouvelle Gazette du Rhin*. См. по этому поводу Bourdeau, *Le Socialisme allemand contemporain* (стр. 20).

должна была возникнуть. Первые социалисты предлагают известные средства для излечения общественного зла, но эти средства выбраны ими произвольно. Маркс и Энгельс пытаются доказать, что их социализм и не мог облечься въ иную форму, чѣмъ существующая. По ихъ словамъ, онъ является необходимымъ продуктомъ необходимаго развитія мысли, все лучше и лучше объясняющей столь же необходимые факты и извлекающей изъ этихъ фактовъ не менѣе необходимыя послѣдствія ¹⁾).

Такимъ образомъ, они пытаются захватить умы сѣтью аргументовъ и доказательствъ, узкія петли которой дѣлаютъ невозможнымъ всякое сопротивленіе, всякую попытку бѣгства. На этотъ пунктъ и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Мы устранимъ или, лучше сказать, оставимъ въ сторонѣ всѣ возраженія, не связанные съ системой по существу, напримѣръ, тѣ полныя или частичныя опроверженія коллективизма, которыя дѣлали экономисты, отправляясь отъ чуждыхъ ему принциповъ ²⁾). Мы займемся только вопросомъ, имѣетъ ли научный социализмъ, если даже признать его отправной пунктъ, ту логическую стойкость и, слѣдовательно, очевидность, на которую онъ претендуетъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этому изслѣдованію, мы должны, оставаясь вѣрными своему методу, показать, какимъ образомъ сложилась теорія коллективизма и какимъ образомъ она разрѣшаетъ проблему объ отношеніи между личностью и государствомъ. Нужно ли предупреждать, что научный

¹⁾ Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus*, II.

²⁾ Подобнаго рода опроверженіе можно найти въ книгѣ Leroy Beaulieu, *Le Collectivisme*.

соціализмъ, отстраненный отъ всякаго соприкосновенія съ революціонной политикой, не составляющей его необходимой части, разсматривается нами на послѣдующихъ страницахъ, какъ доктрина, имѣющая такое же право на безпристрастіе, какъ и всякая другая?

II.

Роль Карла Маркса ¹⁾ въ созданіи научнаго соціализма—двоякая. Онъ писалъ книги, одна изъ которыхъ, *Капиталъ*, оказала, какъ справедливо замѣчаетъ Бурдо ²⁾, на большинство умовъ нашего времени такое же вліяніе, какъ *Общественный договоръ* на современниковъ Революціи; съ другой стороны, онъ способствовалъ основанію *Международной ассоціаціи рабочихъ*, которой обязана своимъ пробужденіемъ социалистическая дѣятельность, загложшая во Франціи со времени подавленія народныхъ движеній въ іюнѣ 1848 года. Марксъ создалъ Интернаціоналъ, какъ воинствующій революціонеръ; но его книга, пожалуй, является еще болѣе революціонною, чѣмъ эта ассоціація. Во всякомъ случаѣ, послѣдняя умерла, а первая живетъ.

Философія Гегеля, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ ее понимали лѣвые гегельянцы, служитъ для Маркса точкой отправленія. Правда, онъ скоро становится самостоятельнымъ и отдаляется отъ нея, но, въ то же время, сохраняетъ отъ ранняго увле-

¹⁾ *Misère de la philosophie* (1847), по - французски; *Das Kapital*, 1-й т.—1867; 2-й, посмертный—въ 1885, 3-й томъ (въ двухъ частяхъ) появился въ 1895 году. Остаются матеріалы для четвертаго.

²⁾ Bourdeau, *Le socialisme allemand* (стр. 201).

ченія ею вмѣстѣ со страстью къ діалектикѣ, твердо вкоренившееся въ его умѣ понятіе эволюціи явленій, въ *Entwicklung*. Это понятіе, постигнѣ, служитъ «ключемъ къ системѣ» Маркса. Не обративъ на это понятіе надлежащаго вниманія, рискуемъ не понять системы Маркса и ея значенія.

Экономисты хотятъ видѣть въ соціальномъ строѣ, покоящемся на конкуренціи, абсолютный порядокъ вещей, который уже не можетъ подвергнуться никакому замѣтному измѣненію безъ вреда для человѣчества. Безъ сомнѣнія, этотъ строй образовался исторически, но съ того момента, какъ были открыты управляющіе имъ *естественные* законы, человѣкъ сталъ обладателемъ окончательной истины. Эти законы, подобно законамъ физики, уже были истинны и тогда, когда ихъ еще не знали; они имѣютъ значеніе, какъ для прошедшаго, такъ и для будущаго. Невозможно предположить, чтобы они могли измѣниться, невозможно представить себѣ иные законы, которые бы имъ противорѣчили.

Подобной концепціи Марксъ и Энгельсъ,—а еще ранѣе ихъ Лассаль,—противопоставляютъ идею естественной и необходимой эволюціи экономическихъ отношеній, при чемъ они съ самаго начала ясно сознаютъ поставленную цѣль. «Способъ производства,—пишетъ Карлъ Марксъ въ 1847 году,—отношенія, въ которыхъ развиваются производительныя силы, *совсѣмъ не вѣчные законы*, а соотвѣтствуютъ опредѣленной стадіи развитія, и проч.»¹⁾ Равнымъ образомъ, Лассаль устанавливаетъ, что человѣческія представленія о семьѣ, наслѣдованіи и проч. связаны

¹⁾ *Misère de la philosophie* (стр. 115).

съ исторіей ¹⁾. Впослѣдствіи онъ рѣшительно говоритъ: «Ошибка, общая всѣмъ буржуазнымъ экономистамъ, состоитъ въ томъ, что они рассматриваютъ капиталъ и другія экономическія категоріи, какъ вѣчныя логическія категоріи. *Между тѣмъ, экономическія категоріи представляютъ собою не логическія категоріи, а историческія*» ²⁾. Одна эта фраза говоритъ все. Общественный строй, установившійся при однихъ условіяхъ, можетъ измѣниться или даже совершенно исчезнуть при другихъ. Относительная точка зрѣнія замѣняетъ абсолютную и въ области экономическихъ отношеній, какъ она уже замѣнила ее во всѣхъ другихъ областяхъ мысли.

Признавая относительный характеръ данныхъ экономической науки, Карлъ Марксъ, Лассаль и Энгельсъ, тѣмъ самымъ, во многомъ идутъ далѣе общей концепціи соціалистовъ первой трети XIX вѣка. Первые соціалисты рассматривали соціальныи строй своего времени, какъ совершенно случайный, созданный и поддерживаемый жадностью буржуазіи. Его долженъ уничтожить общій взрывъ великодушія и замѣнить другимъ. Для достиженія этого результата достаточно замѣнить въ душахъ эгоизмъ альтруизмомъ. Вотъ почему всѣ они приходили къ тому выводу, что реформа воспитанія является самой полезной и необходимой. Концепція Маркса совсѣмъ иная. Капиталистическій строй появился въ опредѣленный моментъ, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ причинъ. Онъ не могъ не появиться; но, являясь плодомъ про-

¹⁾ *Das System der erworbenen Rechte* (Leipzig, 1861, т. I.—Предисловіе, стр. XVI и указанная тамъ самимъ Лассалемъ мѣста).

²⁾ *Kapital und Arbeit* (стр. 203). — Ср. *Ibid.* (стр. 163).

шедшаго, онъ таитъ въ себѣ зародыши будущаго. Такимъ образомъ, Марксу уже нельзя ставить въ упрекъ, что онъ питается мечтами и химерами, допуская, что существующаго могло бы и не быть. Тѣмъ болѣе нельзя укорять Маркса въ произвольномъ изображеніи будущаго, такъ какъ онъ хочетъ читать будущее и заставить читать его другихъ въ правильно понятомъ настоящемъ. Несомнѣнно, существуютъ иныя возраженія, и мы ихъ сейчасъ укажемъ, но тѣмъ, которое мы устраняемъ, сейчасъ нельзя пользоваться безъ того, чтобы не заслужить упрека въ искаженіи системы.

Условія производства — таковы причины, которыя на различныхъ стадіяхъ цивилизаціи опредѣляютъ экономическое и соціальное состояніе. Овладевая новыми производительными силами, люди мѣняютъ способы производства, а черезъ это измѣняются и всѣ соціальныя отношенія. «Ручная мельница даетъ общество съ сюзереномъ, паровая мельница — общество съ капиталистомъ-промышленникомъ» ¹⁾.

Здѣсь слѣдуетъ различать два момента: одинъ, который уже былъ признанъ и отмѣченъ социалистами предшествующаго періода, — именно, что экономическія отношенія первенствуютъ надъ всѣми другими и порождаютъ ихъ ²⁾, другой, новый, — что

¹⁾ Karl Marx, *Misère de la philosophie*, стр. 100.

²⁾ Но Марксъ понимаетъ это лучше своихъ предшественниковъ. Между тѣмъ, какъ Сэнъ - Симонъ, напримѣръ, говоритъ просто, что «экономическія отношенія важнѣе политическихъ формъ», Марксъ анализируетъ. Онъ дѣлаетъ это уже въ *Misère de la philosophie* (стр. 17). «Нужда въ *нотариусахъ* не предполагаетъ развѣ опредѣленнаго гражданскаго строя, который является лишь выраженіемъ опредѣленнаго развитія собственности, т.-е. производства?» Ср. *Das Kapital* (изд. 1903 г.,

сами экономическія отношенія зависятъ отъ условій производства, которыя мѣняются помимо нашей воли, часто даже безъ нашего вѣдома. Когда въ опредѣленный моментъ умы волнуются, когда начинаютъ понимать, что существующій соціальный строй не совершененъ и долженъ быть измѣненъ, это не внезапное откровеніе, своего рода озареніе ума и сердца. Это доказываетъ, что «медленно, незамѣтно видоизмѣнились способы производства и формы обмѣна и съ ними уже не мирится соціальный строй, приспособленный къ устарѣлымъ экономическимъ условіямъ» ¹⁾.

Цѣль научнаго социализма — доказать, что міръ достигъ одного изъ такихъ періодовъ, когда замѣчается глубокое несогласіе между существующимъ экономическимъ строемъ и состояніемъ средствъ производства.

Капиталистическій, или буржуазный строй характеризуется крупной промышленностью, пользующейся безграничнымъ раздѣленіемъ труда, свободой договора, конкуренціей, обмѣномъ, въ особенности обмѣномъ ²⁾. Этотъ строй смѣнилъ иной экономическій строй, опиравшійся на мелкое производство. Въ средніе вѣка было естественно, что незначительныя по своимъ размѣрамъ орудія труда были собственностью отдѣльнаго лица ³⁾. Но крупное производство. т. I, кн. 1., гл. 2-я, стр. 51): «Юридическое отношеніе въ формѣ договора, законно или незаконно выраженнаго, есть не что иное, какъ волеотношеніе, въ которомъ отражается экономическое отношеніе. Содержаніе этого право-или волеотношенія дано самимъ экономическимъ отношеніемъ».

¹⁾ Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus* (стр. 35).

²⁾ *Ibid.* (стр. 37 и сл.).

³⁾ *Ibid.* (стр. 36).

производство, замѣнившее, благодаря примѣненію пара и изобрѣтенію новыхъ машинъ, мелкое, требуетъ стеченія громаднаго числа рабочихъ на одной огромной фабрикѣ, изготовляющей одинъ какой-либо предметъ. Другими словами, производство трансформировалось и «изъ индивидуальнаго стало соціальнымъ» ¹⁾. Самые продукты труда, бывшіе прежде индивидуальными, стали теперь соціальными. Между тѣмъ, *собственность на продукты*, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться, въ свою очередь, соціальной, остается индивидуальной. Продуктъ принадлежитъ капиталисту, а не массѣ рабочихъ, которые его произвели. Невозможное противорѣчіе: собственность остается въ томъ же видѣ, какъ она была, «когда каждый приносилъ на рынокъ столъ или башмакъ собственнаго производства» ²⁾. Это, говорятъ соціалисты, основная антиномія; она—«источникъ всѣхъ коллизій, среди которыхъ вращается современное общество» ³⁾.

Для большей ясности я пользовался синтетическимъ изложеніемъ Энгельса; но я могъ бы найти столь же легко и въ *Капиталѣ* элементы изложеннаго объясненія. Цѣлый четвертый отдѣлъ перваго тома ⁴⁾ *Капитала* посвященъ изложенію процесса развитія средствъ производства и выясненію противорѣчія, которое мало-по-малу установилось между его современнымъ состояніемъ и капиталистическимъ способомъ присвоенія. Впрочемъ, обращаюсь къ Марксу чтобы бѣгло показать,—это наиболѣе извѣстный пунктъ его теоріи, и, слѣдовательно, требующій

¹⁾ Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus* (стр. 37).

²⁾ *Ibid.* (стр. 37).

³⁾ *Ibid.* (стр. 38).

⁴⁾ *Das Kapital*, 1-й томъ, главы отъ XII до XV включительно.

меньшаго выясненія,—основанія, осуждающія капиталистическій строй собственности.

Марксъ исходитъ изъ закона заработной платы, какъ его формулировалъ Рикардо. Предприниматель платитъ рабочему ровно столько, сколько последнему нужно, чтобы не умереть съ голоду. Такимъ образомъ, трудъ рабочаго является товаромъ, покупаемымъ по его *мъновой цѣнности*. Но трудъ имѣетъ также *потребительную цѣнность*, которая измѣряется количествомъ продуктовъ. Рабочій, отдающій день своего труда за опредѣленную плату, вырабатываетъ эквивалентъ своей заработной платы еще задолго до окончанія дня. Предположимъ, на примѣръ, что первая половина его дня ушла на покрытіе заработной платы. Въ теченіе второй половины онъ работаетъ уже на своего хозяина. Онъ производитъ то, что Карлъ Марксъ называетъ *прибавочною цѣнностью*. Такимъ образомъ, хозяинъ получаетъ чистую прибыль, которая, по Марксу, и является единственнымъ источникомъ капитала. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не допускаетъ, чтобы обмѣнъ или сбереженіе могли создать капиталъ. Всегда и вездѣ капиталъ создается на счетъ труда рабочаго: онъ не что иное, какъ сама прибавочная цѣнность.

Это не все. Прибавочная цѣнность постоянно увеличивается: 1) по мѣрѣ увеличенія числа рабочихъ, занятыхъ въ одной мастерской; 2) по мѣрѣ удлиненія рабочаго дня; 3) по мѣрѣ усовершенствованія орудій производства, благодаря чему рабочій производитъ большее количество продуктовъ въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Въ настоящее время всѣ эти три условія дѣйствуютъ совместно. Употребленіе машинъ ускоряетъ работу и увеличи-

ваетъ ея производительную силу; рабочій день стремится къ удлинению; число рабочихъ на большихъ фабрикахъ и заводахъ все растетъ. Между тѣмъ, какъ капиталистъ обогащается, пролетарій остается въ бѣдственномъ положеніи, которое еще болѣе бросается въ глаза вслѣдствіе контраста между его положеніемъ и положеніемъ человѣка, который его эксплуатируетъ.

Дойдя до этого пункта въ своемъ анализѣ, Марксъ неожиданно олицетворяетъ капиталъ. Эта сущность, созданная его діалектикой, становится реальнымъ существомъ¹⁾. Онъ приписываетъ этому существу «склонности и побужденія», склонность къ непрерывному и безпредѣльному увеличенію. Капиталъ, говоритъ онъ, — «мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ, только высасывая живой трудъ; его жизнь тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше онъ высасываетъ изъ живого труда»²⁾. Эти метафоры перешли въ повседневный языкъ революціонной полемики, при чемъ весьма часто безъ тѣхъ тонкихъ и остроумныхъ разсужденій, выводъ изъ которыхъ онѣ представляютъ.

Съ того дня, когда рабочій пойметъ, что его эксплуатируютъ, что хозяинъ уплачиваетъ ему только мѣговую цѣнность его труда, извлекая изъ него для себя гораздо большую потребительную цѣнность, съ этого дня между ними рождается непримиримая борьба³⁾. Цѣлью этой борьбы служить

¹⁾ «Капиталистъ (какъ таковой) не что иное, какъ олицетворенный капиталъ; его душа и душа капитала составляютъ одно цѣлое». *Das Kapital* (3 отд., гл. VIII, стр. 194).

²⁾ *Ibid.* (3 отд., гл. VIII, стр. 194).

³⁾ *Ibid.* (стр. 194); предложеніе труда капиталу: «товаръ, который я тебѣ продалъ, etc...

установленіе «нормальнаго рабочаго дня», который позволилъ бы рабочему зарабатывать свой хлѣбъ безъ переутомленія. Законъ, опредѣляющій продолжительность рабочаго дня, вотъ «настоящая хартія новаго времени», и эта хартія съ успѣхомъ замѣнить «высокопарное перечисленіе правъ человека» ¹⁾.

Оружіе борьбы—сила ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Марксъ утверждаетъ, — это также новшество научнаго социализма, — что сила всегда разрѣшала крупныя экономическія затрудненія, или, лучше сказать, что вся исторія не что иное, какъ долгая борьба классовъ между собой изъ-за экономического первенства.

Эта идея, долженствовавшая занять столь важное мѣсто въ послѣдующемъ развитіи социализма и стать лозунгомъ революціонной агитаціи, появляется у Карла Маркса очень рано. Онъ излагаетъ ее въ *Нищеть философіи* ³⁾; она господствуетъ въ *Коммунистическомъ манифестѣ* ⁴⁾, и вновь встрѣчается во *Вступительномъ манифестѣ Интернаціонала* ⁵⁾. Нѣмецкая социалистическая и французская рабочая партіи положили ее въ основу своей политической и

¹⁾ *Das Kapital* (3 отд., гл. VIII, стр. 266).

²⁾ *Ibid.* (стр. 196). — Ср. Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus* (стр. 36, 39).

³⁾ См. (стр. 131, 177). Сочиненіе довольно неожиданно оканчивается цитатой изъ Жоржъ-Занда: «Битва или смерть, кровавая борьба или ничего — таково неизбежное положеніе вещей».

⁴⁾ *Манифестъ* (1847) — 5-е нѣмецкое изданіе было въ 1891 г. резюмированъ у Bourdau, *Le socialisme allemand et le Nihilisme russe* (стр. 216—221).

⁵⁾ См. текстъ у Benoit Malon'a, *Socialisme intégral* (т. I, стр. 183 и сл.).

соціальної програми ¹⁾. Замѣтимъ, однако, что, по мнѣнію Маркса, послѣдняя борьба классовъ должна имѣть окончательнымъ результатомъ не новое господство какого-либо класса, а «уничтоженіе всѣхъ классовъ» ²⁾. Замѣтимъ также, что подъ борьбой, о которой говоритъ Марксъ, не слѣдуетъ обязательно понимать войну съ оружіемъ въ рукахъ между пролетаріемъ и буржуа. Подъ «борьбой классовъ» онъ понимаетъ, главнымъ образомъ, общее и совмѣстное усиліе пролетаріата избавиться отъ эксплуатаціи капиталистовъ. Мирная стачка также является однимъ изъ средствъ борьбы, которыя онъ имѣетъ въ виду. Но нельзя утверждать, что Марксъ осуждалъ насиліе для защиты правъ четвертаго сословія.

Допустимъ теперь, что революція закончилась, и спросимъ себя, какъ же должно организоваться въ экономическомъ отношеніи общество, вышедшее изъ этой революціи. Выставляя основнымъ противорѣчіемъ современнаго соціального строя *соціальный характеръ производства и индивидуальный характеръ собственности*, Карлъ Марксъ; тѣмъ самымъ, позволяетъ предчувствовать рѣшеніе, къ которому онъ склонится. Кромѣ того, это рѣшеніе намѣчается уже *самыми тенденціями* современнаго экономического строя, «который породилъ матеріальные факторы

¹⁾ По исторіи нѣмецкой соціалистической партіи см. цитиров. сочиненіе Bourdieu, а также Dawson: *German Socialism and Lassalle* (1891).—Исторія французской рабочей партіи дана у Benoît Malon'a, *Le nouveau parti* (Paris, Dervaux, 1881).

²⁾ «...Трудящійся классъ создастъ, взамѣстъ прежняго гражданскаго общества, ассоціацію, которая устранивъ классы съ ихъ антагонизмомъ». *Misère de la philosophie* (стр. 177).

своего разложенія» ¹⁾. Какъ капиталистъ недавно лишилъ непосредственнаго производителя собственности, основанной на личномъ трудѣ, такъ пролетаріи лишаютъ теперь собственности капиталиста ²⁾.

Уже вслѣдствіе «внутреннихъ законовъ» капиталистическаго производства, орудія труда концентрируются все болѣе и болѣе. Для выгодной эксплуатаціи земли нужно организовать плодоперемѣнное хозяйство. Для изготовленія предметовъ потребленія необходимы сложныя и дорогія машины. Результатомъ должно быть и будетъ «обобществленіе труда и земли». Разъ продукты ихъ будутъ общими, они сами также будутъ общими. «Капиталистическое производство приводитъ къ своему собственному отрицанію съ фатальной необходимостью, присущей метаморфозамъ природы» ³⁾. Эта трансформация, которая положитъ конецъ всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ, произойдетъ, по мнѣнію Маркса, гораздо скорѣе, гораздо легче, чѣмъ предшествующая революція, въ результатъ которой «капиталистическая собственность» замѣнила мелкую собственность, соотвѣтствовавшую индивидуальному производству.

Обобществленіе земли, обобществленіе орудій труда: въ результатъ длиннаго ряда собственныхъ

¹⁾ *Das Kapital* (гл. XXIV, стр. 727).

²⁾ «Экспроприаторы, въ свою очередь, подвергнутся экспроприаціи». *Ibid.* (стр. 728).

³⁾ *Ibid.* (стр. 728). Марксъ—говоритъ *Ibid.* (это также метафора, которую часто употребляли его ученики): «Обобществленіе труда и централизація его матеріальныхъ средствъ достигаютъ момента, когда они не могутъ болѣе быть въ капиталистической оболочкѣ: эта оболочка рвется на мелкія части».

дедукцій Маркса мы приходимъ къ рѣшенію, провозглашенному въ тѣхъ же выраженіяхъ первыми французскими коллективистами. За ними остается несомнѣнное право первыхъ изобрѣтателей, и историкъ социализма, Бѣнуа Малонъ, вполне справедливо признаетъ это право ¹⁾.

Таково взаимное отношеніе различныхъ частей системы Карла Маркса. Критика и доктрина, практика и теорія у него тѣсно связаны и дополняютъ другъ-друга. Правда, въ предшествующемъ изложеніи я упростилъ идеи Маркса, но, думается мнѣ, не умалилъ и не исказилъ ихъ. Такъ какъ онъ поставилъ *историческую* точку зрѣнія на мѣсто *догматической*, его нельзя считать революціонеромъ чистой воды. Конечно, обличая недостатки современнаго экономического строя, онъ является революціонеромъ; но не былъ ли такимъ же революціонеромъ и Адамъ Смитъ, когда онъ провозглашалъ необходимымъ разрушить социальный строй, вредящій развитію крупной промышленности, и создать новый, благопріятствующій ея развитію?

Эту именно сторону научнаго социализма Марксу и желательно выдвинуть на первый планъ. «Поскольку экономисты являются представителями буржуазнаго класса, постольку же социалисты и коммунисты — теоретики класса пролетаріевъ» ²⁾. Присутствіе въ этой фразѣ слова «коммунистъ» объясняется временемъ написанія сочиненія, изъ котораго она взята. Выбросьте это слово, какъ это сдѣлалъ бы впоследствии и самъ Карлъ Марксъ, когда вполне

¹⁾ См. *Введеніе*, которое онъ предпослалъ переводу книги Лассаля: *Трудъ и капиталъ*.

²⁾ *Misère de la philosophie* (стр. 118).

выяснилъ себѣ разницу между коммунизмомъ и коллективизмомъ, тогда научный социализмъ, являющійся на смѣну политической экономіи, будетъ выраженіемъ новаго порядка, долженствующаго въ скоромъ времени замѣнить тотъ, формулу котораго далъ авторъ *Богатства народовъ*.

По Марксу социализмъ не *противопоставляетъ* себя доктринамъ экономистовъ, а *замѣняетъ* ихъ.

III.

Чтобы познакомиться съ тѣмъ, какимъ образомъ теорія социальной революціи развилась и приняла бѣольшую опредѣленность у учениковъ Маркса, достаточно обратиться къ программамъ нѣмецкой социалистической партіи¹⁾. Чтобы имѣть представленіе о томъ, каково должно было бы быть общество коллективистовъ, если бы ихъ теорія осуществилась на практикѣ, достаточно прочесть небольшое, но содержательное и выдержанное сочиненіе Шеффле, въ которомъ онъ, по его собственнымъ словамъ, пытался дать *Квинтъ-эссенцію социализма*²⁾.

При первомъ появленіи этого сочиненія автора сочли за пропагандиста социалистическихъ идей³⁾;

1) Готекая программа 1875 г.; галльская—1890; эрфуртская—1891.—См. уже цитированныя нами сочиненія. Относительно происхожденія термина «коллективизмъ» см. G. Deville, *Aperçu sur le Socialisme scientifique* (въ началѣ *Abrégé du Capital*, стр. 9).

2) Франц. перев. Бѣнуа Малона (*Librairie du Progrès*, 1880). Первое нѣмецкое изданіе вышло въ 1874 г. Цитир. 7-е нѣм. изд. 1879 г.

3) Такъ понять это сочиненіе Лѣруа Больѣ въ своемъ *Коллективизмѣ*. Впослѣдствіи Шеффле напечаталъ другое со-

въ дѣйствительности же онъ противникъ социализма, но противникъ, обладающій глубокимъ и критическимъ умомъ, стремящійся вполнѣ понять вражескую доктрину и способный употребить всѣ усилія для того, чтобы освоиться съ чужой мыслью. Теоретики социализма сами признали, что въ этомъ сочиненіи Шеффле можно найти «научное сужденіе о коллективизмѣ» ¹⁾. Итакъ, посмотримъ, каково было бы общество будущаго, если бы въ немъ царствовалъ коллективизмъ. Шеффле совершенно свободенъ отъ всякаго предубѣжденія, и рисуетъ намъ коллективизмъ именно такъ, какъ смотримъ на него мы сами.

Первымъ результатомъ уничтоженія частнаго капитала является обязательность для всѣхъ членовъ общества личнаго труда, который отнынѣ становится единственнымъ источникомъ дохода для поддержанія существованія. Одновременно съ *рантье* исчезаетъ и *служащій по найму*. Вездѣ мы видимъ только производителей, трудящихся для общества. Продукты общаго труда дѣлятся между всѣми членами общества, но извѣстная часть этихъ продуктовъ предназначена для поддержки полезныхъ общественныхъ учрежденій, не имѣющихъ прямого отношенія къ производству, какъ-то: школы, музеевъ, госпиталей и проч., а также для поддержки заводовъ, фабрикъ и другихъ производительныхъ учреждений: *Die Aussichtslosigkeit der Socialdemocratie* (2-е изд. 1885), въ которомъ самъ привелъ рядъ возраженій противъ коллективизма. Изложеніе и разборъ этого сочиненія можно найти у Мориса Блока, *Le Progrès de la science économique* (т. I. стр. 214).

¹⁾ Бѣн у а М а л о н ъ. Предисловіе къ переводу *Quintessenz des Socialismus* (стр. 4).

ждений. Этотъ «запасный капиталъ» составляетъ своего рода «натуральную повинность», замѣняющую всякаго рода налоги ¹⁾).

Национальнымъ трудомъ руководить особая администрація, обязанная заботиться о фабрикаціи, храненіи, перевозкѣ и выдачѣ полезныхъ продуктовъ по цѣнѣ, покрывающей издержки производства ²⁾. Нѣтъ, стало-быть, ни торговли, ни товаровъ, ни рынковъ, ни биржи ³⁾. Монетная единица исчезнетъ сама собой, какъ только завершится обобществленіе орудій труда ⁴⁾. Вмѣсто денегъ, «средствомъ для пріобрѣтенія» служить «трудоу талонъ», выдаваемый каждому въ вознагражденіе за участіе въ производствѣ. Каждому платятъ сообразно «количеству и общепольности» исполненнаго труда. «Показателемъ цѣнности» продукта служитъ необходимое для полученія его «время общественнаго труда» ⁵⁾. Каждому предоставляется просторъ работать скорѣе и, не уменьшая своего дохода, дѣлать экономію во времени, выполняя, напримѣръ, въ пятнадцать часовъ работу, требующую обыкновенно двадцать часовъ труда. Вслѣдствіе этого болѣе искусные и болѣе

¹⁾ *Quintessenz des Socialismus* (гл. III).

²⁾ *Ibid.* (стр. 25).

³⁾ *Ibid.* (стр. 38 и сл.).

⁴⁾ Шеффле допускаетъ возможность переходнаго періода, въ теченіе котораго нѣкоторыя отрасли производства останутся въ частныхъ рукахъ и деньги сохраняютъ свое значеніе. (*Quint. des Soc.*, стр. 27).

⁵⁾ Т.-е. взятое въ среднемъ время, которое, «при данномъ состояніи техники, въ связи съ единствомъ общественныхъ потребностей, должно быть употреблено на приготовленіе продукта». (*Ibid.*, стр. 45). — Ср. подобную же формулу Энгельса, цитируемую Бебелемъ, *Die Frau* (стр. 286, по изд. 1893 г.).

усердные имѣютъ больше досуга, и, выполнивъ свою ежедневную работу, могутъ отдыхать или помогать другимъ.

Нормальный рабочій день будетъ продолжаться столько времени, сколько нужно для удовлетворенія всѣхъ общественныхъ потребностей. Лица, завѣдующія организаціей производства, должны будутъ слѣдить за тѣмъ, «чтобы вся сумма труда за извѣстный періодъ времени всегда равнялась, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, стоимости всѣхъ продуктовъ, полученныхъ за то же время». Другими словами, слѣдить за тѣмъ, чтобы трудящіеся могли всегда «получить изъ общественнаго магазина весь продуктъ коллективнаго труда» ¹⁾. Общество ограничивается, значитъ, только тѣмъ, что обеспечиваетъ своимъ членамъ «обмѣнъ предметовъ одинаковаго качества и одинаковой потребительной цѣнности». Оно не гонится ни за «барышами», ни за прибавочной цѣнностью ²⁾. Каждый пользуется (вслѣдствіе раздѣленія труда всѣ работаютъ другъ на друга), если не прямо продуктомъ своего труда, то его полнымъ эквивалентомъ ³⁾. Вотъ какъ будетъ поставлено производство богатства.

Потребленіе также подчиняется извѣстнымъ правиламъ. За трудовые талоны каждый получаетъ все необходимое ⁴⁾, при чемъ возможно и сбереженіе, но сбереженіе *средствъ потребленія*, а не *источниковъ дохода* ⁵⁾. Средства потребленія передаются по

¹⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 45).

²⁾ *Bebel, Die Frau* (стр. 285).

³⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 46).

⁴⁾ См. далѣе о свободѣ потребностей.

⁵⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 55).

наслѣдству ¹⁾), такъ какъ послѣднее потеряетъ свои вредныя свойства, разъ оно будетъ примѣняться къ такимъ предметамъ, накопленные запасы которыхъ, какъ бы послѣдніе ни были велики, легко могутъ быть издержаны нѣсколькими поколѣніями. На ряду со сбереженіемъ разрѣшается дѣлать подарки. Коллективистическая организація гордится тѣмъ, что не исключаетъ «ни гостепріимства, ни благотворительности, ни добровольнаго ухода за больными, ни ассоціацій, преслѣдующихъ гуманитарныя, научныя или религіозныя интересы» ²⁾).

Нужно довольно сильное воображеніе, чтобы представить себѣ осуществленіе этой программы, вообразить себѣ экономическій строй, въ которомъ деньги не играютъ никакой роли, посредники между производителемъ и потребителемъ потеряли смыслъ и право на существованіе, а капиталъ изъ частнаго сталъ общественнымъ.

Но, какъ уже было указано, теоретики коллективизма не считаютъ необходимымъ скорое и полное примѣненіе ихъ системы. Они допускаютъ продолжительную подготовку, долгій переходный періодъ, въ теченіе котораго новый соціальный порядокъ постепенно замѣнитъ существующій ³⁾. Наступитъ день, когда переворотъ назрѣетъ, т.-е. когда умѣстно будетъ освятить самопроизвольно совершившіяся

¹⁾ *Quint. des. Soc.* (стр. 60).— Не слѣдуетъ забывать, что Ш е ф ф л е представляетъ здѣсь коллективизмъ въ наиболѣе привлекательной формѣ, и что Б е б е л ь, напримѣръ, не говоря уже о французскихъ революціонерахъ, смотритъ на наслѣдство совсѣмъ иначе.

²⁾ *Ibid.* (стр. 62).

³⁾ *Ibid.* (стр. 12).

перемѣны: этотъ переворотъ произойдетъ легко и будетъ подобенъ тому, который привелъ людей отъ феодальнаго строя къ строю капиталистическому, буржуазному.

Что произошло тогда? Буржуа выкупилъ свои права у сеньёра. Послѣдній, болѣе или менѣе довольный этимъ выкупомъ, не могъ, во всякомъ случаѣ, «на все будущее время противодѣйствовать улучшенію способовъ производства» ¹⁾. Равнымъ образомъ коллективистическое общество выкупить изъ частныхъ рукъ капиталъ посредствомъ «ежегодныхъ взносовъ средствъ потребленія, что будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ не привыкнутъ къ новымъ условіямъ» ²⁾. Буржуазія, болѣе или менѣе удовлетворенная этимъ выкупомъ, которымъ воспользуются нѣсколько поколѣній, «признаетъ новое право, провозглашенное большинствомъ народа, подобно тому, какъ дворянство должно было признать право, провозглашенное буржуазіей» ³⁾.

Какъ видно, здѣсь и рѣчи нѣтъ о насиліи. «Борьба классовъ» почти исчезла у Шеффле. Осуществленіе коллективистическаго строя у него представлено, какъ естественный результатъ современ-

¹⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 18).

²⁾ *Ibid.* (стр. 18). По этому поводу также слѣдуетъ замѣтить, что относительно *выкупа* коллективисты не согласны между собой.—Ср. G. Deville, стр. 61 (loc. cit.).

³⁾ *Ibid.* (стр. 18). — Въ качествѣ примѣра Шеффле указываетъ еще на то, что католическая церковь принуждена была примириться съ режимомъ, созданнымъ для нея французской Революціей (*Ibid.*, стр. 19). Онъ забываетъ, что церковь, помимо ежегоднаго содержанія, могла снова *накапливать богатства*, тогда какъ его система этого уже не допускаетъ.

ныхъ экономическихъ условій. Мы находимъ у Шеффле не «безумный бредъ горячихъ головъ», а «наиболѣе логичную и продуманную формулировку новой идеи» ¹⁾. Понимаемый такимъ образомъ, коллективизмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шеффле, освобождается отъ ряда возраженій ²⁾, направленныхъ противъ старыхъ формъ социализма и, къ сожалѣнію, еще слишкомъ часто попадающихся у критиковъ, которые подвергаютъ дѣйствительному или мнимому разбору научный социализмъ, — какъ будто противъ послѣдняго не существуетъ достаточно многочисленныхъ и основательныхъ возраженій.

Такъ, напримѣръ, неправильно утверждаютъ, что коллективизмъ хочетъ обойтись безъ средствъ производства, что онъ объявляетъ войну крупной промышленности, уничтожаетъ всякую частную собственность и всякую форму наслѣдованія, требуетъ единовременнаго или періодическихъ раздѣловъ имущества и опирается на принципъ, явившійся неизвѣстно откуда и чуждый дѣйствительности. Неправильно утверждаютъ, что коллективизмъ обязательно влечетъ за собою уничтоженіе національности: вполне допустимо, напротивъ, что каждое общество замкнется въ самомъ себѣ и что произойдетъ «слишкомъ большая національная обособленность» ³⁾. Неправильно утверждаютъ, что коллективизмъ анти-соціаленъ, тогда какъ онъ ставитъ себѣ въ заслугу еще большее укрѣпленіе соціальныхъ узъ. Непра-

¹⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 5).

²⁾ См. перечисленіе этихъ непригодныхъ возраженій, *Ibid* (стр. 65—66).

³⁾ *Ibid.* (стр. 65).

вильно утверждают, что коллективизмъ граничитъ съ анархіей, между тѣмъ какъ онъ, наоборотъ, по существу своему отличается творческимъ характеромъ, и т. д.

Настоящія возраженія противъ коллективизма извѣстны. Они касаются, во-первыхъ, примѣненія доктрины. Какимъ образомъ цѣнность всей массы неравныхъ между собою и разнородныхъ формъ труда привести къ одной «единицѣ времени и соціальнаго труда»? Какимъ образомъ цѣлесообразно организовать огромное, подавляющее счетоводство по выдачѣ трудовыхъ талоновъ? Какимъ образомъ въ самомъ трудѣ избѣжать бесполезной траты времени и сырого матеріала; обезпечить возобновленіе инструментовъ безъ стимула соперничества и достигнуть достаточной активности со стороны наименѣе трудолюбивыхъ безъ стимула нужды? Затѣмъ идутъ возраженія принципиальнаго характера. Чѣмъ будетъ замѣщенъ исчезнувшій стимулъ личнаго интереса? Въ чемъ гарантія, что производство останется попрежнему достаточно обильнымъ, чтобы удовлетворить всѣ потребности, и достаточно разнообразнымъ, чтобы угодить на всевозможные вкусы? Шеффле признаетъ это возраженіе особенно важнымъ. Оно является, по выраженію Бэкона, «crucial». Смотри по тому, какое рѣшеніе одержитъ верхъ, «произойдетъ побѣда или пораженіе соціализма, реформа или крушеніе экономической цивилизаціи» ¹⁾. Но Шеффле констатируетъ также, что научная разработка всѣхъ этихъ вопросовъ только еще начинается. «Детальная разработка» доктрины коллективизма, по его мнѣнію,

¹⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 33).

ничуть не невозможна, и онъ даже приглашаетъ ея заняться ¹⁾).

Все ли это? Нѣтъ, вотъ еще другое существенное возраженіе, касающееся *punctum saliens*, идеи цѣнности, какъ ее понимаютъ коллективисты. Шеффле убѣдительно доказываетъ, что на ряду съ цѣнностью, «вытекающей изъ суммы необходимаго для производства труда», предметы потребленія всегда будутъ обладать цѣнностью, «измѣняющейся сообразно обстоятельствамъ». Производство фунта хлѣба всегда будетъ требовать одного и того же времени; но если пшеница плохо уродится, не пріобрѣтетъ ли, вслѣдствіе этого, фунтъ хлѣба лишнюю цѣнность? Администраціи коллективистическаго государства вѣдь нельзя будетъ предложить ни одежды, ни предметовъ искусства работнику, который потребуетъ у ней хлѣба на свои трудовые талоны. Придется, поэтому, установить таксу «выше стоимости издержекъ», чтобы рѣдкій въ извѣстномъ году и потому болѣе желательный продуктъ не составлялъ привилегіи нѣкоторыхъ, и чтобы «каждый имѣлъ, по крайней мѣрѣ, самое необходимое» ²⁾).

Соціалисты, считающіе себя наиболѣе вѣрными истолкователями ученія Карла Маркса, отвѣчаютъ на это, что въ марксистской теоріи не слѣдуетъ искать никакой «мѣры распредѣленія» ³⁾, что, кромѣ того, это возраженіе чисто-теоретическое, и на

¹⁾ «Это одна изъ величайшихъ и благодѣлнѣйшихъ задачъ; нѣтъ другой, которая бы рѣшительнѣе вліяла на судьбы человечества». *Quint. des. Soc.* (стр. 33).

²⁾ *Ibid.* (стр. 47).

³⁾ Отвѣтъ, данный Шеффле журналомъ *Vorwaerts*, въ номерѣ 128, 1877 г.—Ср. *Quint. des Soc.*, стр. 48, примѣчаніе.

практикѣ можно было бы выйти изъ него установленіемъ раціоновъ.

Это слово прекрасно выражаетъ сущность системы коллективистовъ. Все у нихъ строго размѣрено, а болѣе всего, какъ мы сейчасъ увидимъ, свобода, «истинное пользованіе» которой они, однако, хотятъ обезпечить человѣку.

IV.

Нетрудно представить, каковы будутъ въ коллективистическомъ обществѣ отношенія индивидуума къ государству.

Администрація, на которой лежитъ обязанность распредѣлять между работающими сырой матеріаль, контролировать количество выполненнаго ими труда, выдавать талоны, соотвѣтствующіе этому труду, и, наконецъ, снабжать ихъ за эти талоны предметами потребленія или эстетическими удовольствіями, эта администрація очень похожа на то всепоглощающее государство, съ которымъ мы уже встрѣчались. И дѣйствительно, коллективисты радуются тому, что самый ходъ событій ведетъ къ все болѣе и болѣе частому и важному вмѣшательству государства въ народную жизнь ¹⁾; подобно тому, какъ они ра-

¹⁾ «Необходимо освободиться отъ дѣтскаго страха передъ государствомъ, который особенно проявляютъ баловни капиталистическаго строя». Бѣнуа Малонъ, *Précis du Socialisme* (стр. 173).

Бурдо (цит. соч., стр. 27) сообщаетъ, что романъ Дизраэли *Сивилла*, въ переводѣ г-жи Либкнехтъ, помѣщенъ въ нѣмецкую социалистическую бібліотеку. Въ немъ говорится, что у государства только одна обязанность — обезпечить благосостояніе массы.

дуются, что средства производства сосредоточиваются въ рукахъ компаній, болѣе или менѣе открыто пользующихся монополіей. Заклятые враги финансоваго феодализма, биржи и ажіотажа, коллективисты, однако, смотрятъ довольно благосклонно на развитіе синдикатовъ, трѣстовъ и картелей, организуемыхъ крупными капиталистами¹⁾, потому что различныя подобнаго рода организаціи, помимо воли ихъ участниковъ, регламентируютъ производство и свидѣлствуютъ о томъ, что отъ свободной конкуренціи можно перейти къ коллективизму. Точно такъ же и усиленное вмѣшательство государства подготавливаетъ появленіе такого общества, въ которомъ совсѣмъ не будетъ государства. Коллективистическій строй будетъ руководить трудомъ до мелочей, но основной чертой его будетъ *уничтоженіе государства, какъ таковаго*²⁾.

Эта излюбленная формула нѣмецкихъ социалистовъ и ихъ французскихъ учениковъ³⁾ составляетъ одно изъ новшествъ системы. Она отмѣчаетъ пунктъ расхожденія социализма Лассалля и социализма Маркса⁴⁾; поэтому, слѣдуетъ познакомиться съ ней поближе.

1) Bourdieu, цитир. соч., стр. 80—81.

2) Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus* стр. 48.

3) «Нужно не совершенствовать, а уничтожать государство». Deville, *Aperçu sur le Soc. scient.* (Сокращ. изданіе *Капитала*, стр. 17).

4) Готская программа, руководившая дѣятельностью нѣмецкой социалистической партіи въ періодъ отъ 1875—1890 гг., была рѣшительно *государственной*. Эрфуртская программа (1891) уже не говоритъ о государствѣ. Справедливо было сказано (Бурдо, цитир. соч., стр. 136), что эрфуртская программа обозначаетъ «окончательную побѣду» идей Маркса.

Мы знаемъ, откуда она взялась. Мы уже встрѣчали ее: въ зародышѣ у Сэнъ - Симона и вполне готовой у Прудона. Возможно, что Марксъ и Энгельсъ приняли ее для того, чтобы облегчить совместную дѣятельность социалистамъ-революционерамъ и анархистамъ¹⁾. Интернаціоналъ долго старался удержать въ себѣ сторонниковъ Бакунина, которые, въ концѣ-концовъ, все-таки отrekliсь отъ него. Они никогда бы и не примкнули къ нему, если бы Марксъ, слѣдуя Лассалю, отстаивалъ ростъ функцій государства. Но эти разъясненія касаются только причинъ происхожденія формулы и не выясняютъ ея смысла.

При современномъ социальномъ строѣ, соответствующемъ даннымъ политической экономіи, главная задача государства—гарантировать гражданамъ пользование своими правами, а самому обществу—независимость. Социалисты прибавляютъ, что государство гарантируетъ также «эксплуатирующему классу» его привилегіи²⁾. Когда же наступитъ революція, которая уничтожитъ борьбу между націями, погубитъ «эксплуатирующій классъ», ниспровергнетъ всѣ естественныя или пріобрѣтенныя права и устранитъ самую идею права, тогда государство станетъ совершенно ни къ чему. А разъ оно сдѣлается бесполезнымъ, ему останется только исчезнуть. Это именно и хотятъ сказать ученики Маркса, утвер-

¹⁾ Объ отношеніяхъ Интернаціонала къ сторонникамъ Бакунина см. у Л а в е л а (цит. соч., стр. 191, 199).

²⁾ «Государство — не что иное, какъ организованная сила, долженствующая поддерживать современныя условія собственности и общественной власти». Б е б е л ь. *Die Frau* (стр. 263).

ждая, что «первый актъ, которымъ государство заявить себя, какъ представитель всего общества, т.-е. актъ завладѣнія средствами производства во имя коллективнаго цѣлаго, будетъ въ то же время его послѣднимъ правительственнымъ актомъ» ¹⁾.

Но уничтоженіе политическихъ функцій, выполняемыхъ государствомъ при современномъ строѣ, не произойдетъ ли въ пользу одной изъ его функцій, если и не совсѣмъ новой, то, по крайней мѣрѣ, достигшей совершенно необычайнаго развитія? Не очутится ли коллективистическое общество въ рукахъ администраціи, которая будетъ распредѣлять трудъ и удовольствія, пищу и культуру; въ рукахъ статистиковъ, призванныхъ рѣшать, какое количество хлѣба или вина, полотна или шерсти нужно ежегодно добывать или фабриковать въ каждомъ округѣ, въ каждомъ городѣ? Этотъ органъ, будетъ ли то одно лицо, или группа лицъ, регулируюцій жизнь cadaго члена коллективистическаго общества, будетъ играть такую же роль по отношенію къ нимъ, какую современное государство играетъ по отношенію къ гражданамъ. Коллективистическое общество будетъ, пожалуй, менѣе *управляемымъ*, но гораздо болѣе *руководимымъ*, и едва ли кто-нибудь выиграетъ отъ такой перемѣны. Въ конечномъ счетѣ, слово «государство» будетъ только замѣнено словомъ «общество». Принужденіе будетъ исходить уже не отъ государства, а отъ общества; но отъ этого оно не будетъ легче, и, какъ это

¹⁾ Engels, *Die Entwicklung des Sozialismus* (стр. 49).

Бebelъ подчеркиваетъ эту идею: «вмѣстѣ съ государствомъ исчезнетъ все, что его представляетъ, т.-е. весь политическій аппаратъ». *Die Frau* (стр. 317).

можно по всему судить, проникнетъ гораздо дальше въ область, остававшуюся до сихъ поръ свободной.

Какія же формы приметъ новая организація съ исчезновеніемъ государственнаго механизма? Трудно сказать что-либо опредѣленное. Теоретики коллективизма чувствуютъ себя еще слишкомъ далеко отъ практическаго примѣненія своей доктрины, поэтому, они не касаются этого вопроса, и даже дѣлаютъ видъ, что поступаютъ такъ изъ методологическихъ соображеній. Еще слишкомъ рано; къ чему несвоевременно затрогивать такіе темные вопросы? *Fata viam inveniunt*. Мы напрасно стали бы, на примѣръ, искать у Маркса абриса политическаго строя будущаго. Большинство его учениковъ тоже ограничиваются указаніемъ тѣхъ теченій въ современномъ обществѣ, которыя предсказываютъ и готовятъ новое общество; относительно же формъ будущаго общества они выражаются очень осторожно. Съ другой стороны, наиболѣе воинствующие между ними, занятые прежде всего борьбою съ современнымъ строемъ, болѣе думаютъ о томъ, какъ воспользоваться для своихъ цѣлей существующими формами, чѣмъ объ изображеніи новыхъ. Нечего и говорить, что они примѣняются къ средѣ и во Франціи дѣйствуютъ иначе, чѣмъ въ Германіи. Во Франціи полемика социалистовъ направлена преимущественно на парламентскій режимъ и на всеобщее голосованіе. Что социалисты нападаютъ на парламентскій режимъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; но очень характерно для этой системы, что ея партизаны относятся съ презрѣніемъ къ политическому равенству, созданному и освященному всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Впрочемъ, за послѣд-

нимъ числятся неискупимые грѣхи: «оно забавляетъ народъ политическимъ вздоромъ»; оно стремится заинтересовать его переменною того или иного колеса въ правительственной машинѣ»; оно, наконецъ, «въ интересахъ собственности скрываетъ, какую именно борьбу слѣдовало бы предпринять» ¹⁾).

Не останавливаясь на деталяхъ программъ дѣятельности, которыя, повторяю, измѣняются сообразно мѣсту и времени и, по всей вѣроятности, будутъ передѣланы или совсѣмъ отвергнуты позднѣйшими программами, постараемся лучше опредѣлить, чего стоить заявленіе новыхъ коллективистовъ, будто они оставляютъ неприкосновенной извѣстную и даже очень значительную долю личной свободы, — заявленіе, которое столь же громко дѣлали и ихъ предшественники, въ родѣ Пеккёра и Видаля. Шеффле, знакомящій насъ всегда съ наиболее симпатичными сторонами коллективизма и старающійся показать самую сущность послѣдняго, очищенную отъ всякихъ шлаковъ, которые примѣшиваются къ нему по невѣжеству или въ пылу борьбы, много говоритъ по этому поводу. Онъ полагаетъ, что коллективистическій режимъ въ значительной мѣрѣ совмѣстимъ со свободой потребностей, свободой труда, политической свободой и, наконецъ, свободой мысли.

Что можно возразить принципиально, говоритъ онъ, противъ того, чтобы общество производило всѣ предметы, которые могли бы понадобиться для удовлетворенія личныхъ потребностей каждаго изъ его членовъ? Гарантій свободнаго удовлетворенія этихъ потребностей, прибавляетъ онъ, послужить

¹⁾ Deville, *Aperçu sur le Soc. scient.* (Сокращ. изд. Канни-тала, стр. 46).

«столь могущественное и, въ общемъ, столь развитое чувство личной свободы» ¹⁾. Но Шеффле не скрываетъ, что общество, вѣроятно, откажется удовлетворять потребности, которыя показались бы ему «безнравственными или вредными» ²⁾. Это весьма важно: это значитъ сдѣлать общество верховнымъ судьей не только въ вопросахъ гигиены, но и въ вопросахъ морали, освободить личную совѣсть объ заботы разбираться въ добрѣ и злѣ, возложивъ эту заботу на общественную совѣсть.

Что можно принципиально возразить, продолжаетъ Шеффле, противъ того, чтобы среди почти безграничнаго разнообразія необходимой работы каждый выбиралъ дѣло по вкусу ³⁾? Самые неблагодарные виды физическаго труда всегда найдутъ охотниковъ изъ числа тѣхъ, кто боится труднаго обученія, большой затраты вниманія и т. п. Наука и искусства, требующія наибольшаго напряженія силъ, привлекутъ къ себѣ людей съ выдающимся умомъ и высокой душой. На это можно, однако, резонно отвѣтить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ мнимой, чѣмъ съ дѣйствительной свободой; такъ какъ, въ концѣ-концовъ, ни одно изъ этихъ призваній, предполагая, что они существуютъ, не застраховано отъ столкновенія, — не съ обстоятельствами, что было бы явленіемъ обычнымъ, — а съ волею общества, волею верховной, но не всегда справедливой.

¹⁾ *Quint. des Soc.* (стр. 24).

²⁾ «Можетъ случиться, что унитарное экономическое государство уничтожитъ нѣкоторыя потребности, вредныя въ физическомъ или нравственномъ отношеніи и несовмѣстимыя съ его принципами.., переставъ давать средства для ихъ удовлетворенія». *Ibid.* (стр. 24).

³⁾ *Ibid.* (стр. 60).

Шеффле считает совместимой съ коллективизмомъ известную степень коммунальной автономіи и *self administration* ¹⁾. Децентрализація также превозносится многими французскими соціалистами ²⁾. Но что изъ того, что община пользуется большой свободой, если внутри ея независимость индивидуума ничтожна или совсѣмъ отсутствуетъ, и вся жизнь его направляется абсолютной властью, не спрашивая о его согласіи? Развѣ индивидуумъ будетъ болѣе самостоятеленъ во всемъ оттого, что приводящая его въ движеніе машина будетъ ближе къ нему и меньшихъ размѣровъ?

Переходимъ, наконецъ, къ свободѣ мысли и совѣсти. Современные соціалисты—невѣрующіе и материалисты, но ихъ предшественники были не таковы: они были спиритуалистами, даже христіанами. По мнѣнію Шеффле, ничто не мѣшаетъ коллективизму вернуться къ направленію его первыхъ представителей. Безполезно замѣчать, что большинство коллективистовъ въ этомъ пунктѣ противорѣчатъ Шеффле; что философскія воззрѣнія, принятые теперь въ ихъ средѣ, они считаютъ окончательными, и не допускаютъ ихъ исчезновенія. Оставимъ философскія и религіозныя проблемы въ покоѣ. Свобода мнѣній, допускаемая соціализмомъ, дойдетъ ли когда-либо до того, что противникамъ господствующаго строя предоставлено будетъ проводить свои идеи

¹⁾ *Ibid.* (стр. 66).

²⁾ Ср. De ville, *Aperçu sur le Socialisme scientifique* (стр. 21). Онъ требуетъ, чтобы орудія труда были «соціализированы, а не коммунизированы, какъ того хотѣлось бы нѣкоторымъ, потому что всѣ неудобства частной собственности вернулись бы при коммунальной собственности».

въ печати и пропагандировать въ пользу иного режима? Это совершенно невѣроятно, и самъ Шеффле признаетъ, что, при неспособности коллективистическаго общества обезпечить эти различныя формы свободы, «либеральный строй, несмотря на всѣ его недостатки, все-таки былъ бы въ десять разъ свободнѣе и благопріятнѣе для культуры» ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что доля свободы, признаваемая коллективизмомъ, является и крайне ограниченной, и крайне непрочной. Онъ нарочно выставляетъ ее напоказъ, во-первыхъ, для того, чтобы тѣмъ самымъ отвѣтить на возраженія и разсѣять предубѣжденія; во-вторыхъ, потому, что благоразуміе заставляетъ его считаться съ самой потребностью въ свободѣ, столь распространенной въ настоящее время. Но его принципъ не свобода, а, напротивъ, принужденіе, крайняя регламентація. Его принципомъ не служить и справедливость—подобное стремленіе совершенно не въ духѣ Карла Маркса; его принципъ — полное равенство, равенство работъ, усилій и наслажденій. Поэтому, мы въ правѣ предположить, что осуществленіе доктрины коллективизма привело бы къ угнетенію человѣческой совѣсти и упадку самодѣтельности; и это было бы тѣмъ невыносимѣе, что такой режимъ наступилъ бы послѣ почти безграничной свободы.

V.

Научный социализмъ является; прежде всего, попыткой приложенія историческаго метода къ изученію экономическихъ явленій. Въ этомъ его дѣйствительная оригинальность и неоспоримое достоинство

¹⁾ *Quint. des. Soc.* (стр. 25).

Общее представлѣніе объ экономическихъ явленіяхъ подвергается глубокому измѣненію. Всѣ экономическіе порядки разсматриваются въ связи съ породившими ихъ эпохами, и современный экономическій строй становится простымъ эпизодомъ продолжающагося историческаго процесса. Какъ ни смотрѣть на теоріи, присоединенныя Карломъ Марксомъ къ этому основанному положенію, всякій развитой и безпристрастный умъ уже не можетъ теперь отрицать относительности экономическихъ положеній.

Карлъ Марксъ не остановился на констатированіи этого факта. Онъ вознамѣрился, путемъ изученія настоящаго, съ увѣренностью опредѣлить экономическій строй будущаго; но вмѣсто того, чтобы предоставить все мирной работѣ исповѣдуемой имъ эволюціи, онъ задумалъ ускорить ея теченіе вмѣшательствомъ силы.

Здѣсь мы имѣемъ право остано­вить его. Или событія сами собой идутъ къ указанной имъ цѣли: зачѣмъ въ такомъ случаѣ призывать къ насилію? Или въ нихъ нѣтъ этой самопроизвольности: зачѣмъ же тогда обращаться къ естественному ходу вещей? Но пойдемъ далѣе. Марксъ, по его словамъ, опирается на изученіе фактовъ, которые съ полной очевидностью указываютъ на скорое и неизбежное наступленіе коллективистическаго строя. Какіе это факты? *Нѣкоторые факты*, которые, по стеченію обстоятельствъ, привлекли особое вниманіе Маркса. Таковы: развитіе крупной промышленности въ началѣ XIX вѣка и неразрывно связанныя съ этимъ экономическимъ переворотомъ бѣдствія, обнаруженныя англійскими парламентскими комиссіями,—бѣдствія, которыхъ промышленники слишкомъ долго не

замѣчали и принялись смягчать слишкомъ поздно и неохотно. Безъ заимствованій изъ отчетовъ этихъ комиссій всякаго рода цифровыхъ данныхъ и выводовъ, примѣровъ и аргументовъ, *Капиталъ* Маркса уменьшился бы очень значительно. Правда, факты, столь поразившіе Маркса, очень значительны, тѣмъ не менѣе, не *одни эти факты* достойны вниманія въ современномъ экономическомъ строѣ. Нельзя, слѣдовательно, только эти факты, *помимо всѣхъ прочихъ*, принимать въ расчетъ при попыткѣ предугадать будущій экономическій строй по существующему. Не лишне будетъ привести нѣсколько примѣровъ.

Коллективизмъ, какъ мы видѣли, стремится уничтожить обмѣнъ. Въ экономическомъ строѣ будущаго продукты будутъ имѣть только потребительную цѣнность. Потребитель будетъ получать ихъ непосредственно отъ государства или того административнаго органа, который замѣнитъ его. Но можно ли сказать, что это глубокое измѣненіе экономического строя уже замѣтно готовится въ настоящее время, какъ то утверждаютъ о социализаціи средствъ производства? Ни въ какомъ случаѣ. Факты, наоборотъ, указываютъ на непрерывный и необыкновенно сильный ростъ обмѣна. Слѣдовательно, экономическій типъ будущаго Маркса находитъ не въ настоящемъ, а въ давно умершемъ прошломъ, въ тѣхъ отдаленныхъ историческихъ періодахъ, когда цивилизація только зарождалась, и обмѣна еще не было. Вотъ вамъ, значитъ, капитальный пунктъ теоріи коллективистовъ, находящійся не *въ соответствии*, а *въ противорѣчій* съ дѣйствительностью.

Но это не единственный и не главнѣйшій пунктъ. Марксъ и Энгельсъ утверждаютъ, что факты совре-

менной действительности готовятъ строй коллективной собственности. Единственнымъ аргументомъ въ данномъ случаѣ имъ служить ростъ крупной промышленности, все возрастающая концентрація средствъ производства въ немногихъ рукахъ. Безъ сомнѣнія, это—интересный и даже поразительный фактъ, съ перваго взгляда, какъ будто, вполне соответствующій толкованію Маркса и Энгельса. Однако, концентрація часто оказывается лишь покровомъ, которое стоитъ только приподнять, чтобы сейчасъ же увидѣть безконечное дробленіе собственности и капитала. Такъ бываетъ во всѣхъ крупныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, гдѣ могущественная *Компанія* служитъ лишь представителемъ, замѣстителемъ огромнаго числа собственниковъ. И чѣмъ меньше будетъ доля участія въ подобныхъ предпріятіяхъ, а такова именно тенденція въ настоящее время, тѣмъ обманчивѣе будетъ кажущаяся концентрація капитала.

Существуютъ и другіе, не менѣе поразительные примѣры, естественно приводящіе къ заключеніямъ, противоположнымъ заключеніямъ Маркса. По мнѣнію Курно ¹⁾, проницательнаго и оригинальнаго наблюдателя соціальныхъ явленій, чуждаго предвзятыхъ взглядовъ и цѣнящаго истину ради истины, исторія свидѣтельствуетъ намъ не объ осужденіи, а о торжествѣ *laissez faire*, т.-е., слѣдовательно, индивидуализма, хотя, съ своей стороны, этотъ авторъ и выставляетъ противъ индивидуализма не мало возраженій. Другой писатель, проницательный умъ котораго совершенно нельзя заподозрить въ партій-

¹⁾ Cournot, *Enchaînement des idées* (т. II, стр. 258; т. IV, стр. 12).

ности, Э. де-Лавелэ, констатируетъ, что уцѣлѣвшіе до сихъ поръ остатки коллективной собственности стремятся къ исчезновенію. Наконецъ, третій, который, какъ мы увидимъ далѣе, становится въ своемъ цѣнномъ трудѣ на сторону реакціи противъ индивидуализма, Лёплэ, показываетъ, что рабочія ассоціаціи, построенныя на коммунистическомъ началѣ, также все болѣе и болѣе стремятся исчезнуть и что недавнія попытки ихъ возстановленія (фактъ еще болѣе интересный) были неудачны ¹⁾).

Ни Лёплэ, ни Курно, ни Лавелэ не высказываютъ въ данномъ случаѣ личнаго мнѣнія, не дѣлаютъ оцѣнки, которыя коллективизмъ имѣлъ бы полное право оспаривать или опровергать. Всѣ трое приводятъ факты, и для насъ важно отмѣтить здѣсь то, что эти факты, въ свою очередь, имѣютъ опредѣленный смыслъ и что, пытаясь читать въ будущемъ, нѣтъ основанія не принимать ихъ въ расчетъ, если не предпочтительно передъ фактами, приводимыми Карломъ Марксомъ, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ними.

Такимъ образомъ, концепція коллективизма страдаетъ, до извѣстной степени, произвольностью построения. Различныя части ея не связаны другъ съ другомъ неразрывною цѣпью. Возможны многія затрудненія, сомнѣнія и возраженія: важный недостатокъ теоріи, которая считаетъ себя необходимымъ выраженіемъ, безусловно адекватной и совершенно чуждой противорѣчію формулировкой реальныхъ соотношеній.

Мы поймемъ эти непоследовательности, если прослѣдимъ источники мысли Карла Маркса и ука-

¹⁾ *Réforme sociale* (т. II, стр. 227 и сл.).

жемъ на тѣ разнообразные элементы, изъ которыхъ создалась его система.

Я уже указывалъ, чѣмъ онъ обязанъ Гегелю: широкой философской точкой зрѣнія — идеей эволюціи всего существующаго. Я вкратцѣ отмѣтилъ также и то, что онъ заимствовалъ у первыхъ французскихъ социалистовъ. Онъ обязанъ имъ отдѣльными взглядами: отрицательнымъ отношеніемъ къ чистой политикѣ, равнодушіемъ къ учрежденіямъ, которыя, повидимому, всего болѣе способны благопріятствовать развитію демократіи, какъ, напримѣръ, всеобщее избирательное право; осужденіемъ режима сложныхъ ассоціацій, которыя, по мнѣнію французскихъ социалистовъ, привели бы лишь къ возрожденію въ болѣе тяжелой формѣ конкуренціи и ея бѣдствій. Но это не все: Фурье, Прудонъ, съ своей стороны, оказали вліяніе на умъ Маркса. Первый уже *объясняетъ*, а слѣдовательно, *провозглашаетъ* необходимымъ осуждаемое имъ настоящее. Второй отдаетъ государство, организмъ по существу политическій, на судъ и презрѣніе общества, для жизни котораго необходима лишь администрація. Наконецъ, первые французскіе коллективисты дали Марксу и Энгельсу самую формулу обобществленія средствъ производства и земли ¹⁾.

¹⁾ Не одинъ только Бѣн у а М а л о н ъ настаиваетъ на заимствованіяхъ Маркса и Энгельса у французскихъ социалистовъ, говоря, что «современный социализмъ получилъ всѣ свои положительныя теоріи, за исключеніемъ систематизаціи борьбы классовъ, а также почти всю свою критику у теоретиковъ первой половины XIX вѣка» (*Précis de Soc.*, т. I, стр. 58). Ш е ф ф л е держится того же мнѣнія (*Quintessenz des Soc.*, стр. 6). Самъ Энгельсъ указываетъ на Сэнъ-

Въ свою очередь, экономисты дали Марксу болѣе, чѣмъ то можно было бы думать. Черезъ Прудона и Фурье онъ — ихъ косвенный наслѣдникъ. Кромѣ того, онъ самъ зналъ ихъ очень хорошо и пользовался ими непосредственно. Сноски въ *Капиталѣ* свидѣтельствуютъ о томъ довѣріи, съ какимъ авторъ относился къ современной ему экономической литературѣ. Являясь, въ данномъ случаѣ, во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ Фурье и Прудона, онъ лишь доходитъ до крайнихъ выводовъ изъ принциповъ, установленныхъ экономистами. Не рискуя быть парадоксальнымъ, можно утверждать, что съ теоретической точки зрѣнія революціонный социализмъ, въ большей своей части, это — политическая экономія, доведенная по прямой линіи до абсурда.

Развѣ Адамъ Смитъ не отказывался признать иной источникъ богатства, кромѣ труда? Роль Маркса состояла почти лишь въ томъ, что онъ сузилъ значеніе этого слова. Космополитизмъ социалистовъ — это не что иное, какъ идея «всемірной республики продуктовъ», столь любезная для экономистовъ и для самихъ философовъ. Если эта идея кажется недопустимой въ настоящее время вслѣдствіе историческихъ событій, послѣдствія которыхъ мы переживаемъ еще и теперь то все же нужно признать, что съ необходимыми поправками она была бы желательнымъ завоеваніемъ въ будущемъ.

Марксъ не могъ избѣжать обычной участи мыслителей, выступающихъ противъ какой-либо доктрины.

Симона и Фурье, какъ на предшественниковъ Маркса (*В о и г-де а н*, op. cit., стр. 15, сноска 1). О Прудонѣ говорится мало, хотя заимствованія у него особенно значительны.

Чтобы опровергнуть противника, они разсматривают вопросы подъ тѣмъ же угломъ, какъ послѣдній, и вмѣсто того, чтобы исправить ошибку, подвергаются опасности удвоить ее новой, противоположной первой.

Теорія ренты Рикардо является, несомнѣнно, въ своемъ родѣ теоріей прибавочной цѣнности. Какъ не сказать, что одна представляетъ изъ себя такую же крайность, какъ и другая? Болѣе того: чистое и простое наблюденіе фактовъ никогда не внушило бы Карлу Марксу идею отрицанія мѣновой цѣнности и самой роли обмѣна. Если онъ отказывается допустить всякую другую цѣнность, кромѣ потребительной, то это объясняется его желаніемъ противодѣйствовать тѣмъ экономистамъ, которые не видѣли въ политической экономіи, въ концѣ-концовъ, ничего, кромѣ обмѣна. Припомнимъ излюбленную формулу Бастіа: обмѣнъ — это сама политическая экономія. Отсюда слѣдуетъ, что нельзя говорить о чрезмѣрности облегченія обмѣна, о чрезмѣрности свободы. Отсюда слѣдуетъ также, что типичнымъ отношеніемъ между членами общества слѣдуетъ считать то, которое свойственно обмѣну, — договоръ. Отсюда слѣдуетъ, наконецъ, что свободный договоръ является послѣднимъ словомъ политической и соціальной философіи. Карлъ Марксъ отказывается допустить, что «личности существуютъ другъ для друга лишь, какъ представители принадлежащихъ имъ товаровъ» ¹⁾. Но онъ доходитъ въ этомъ отношеніи до крайности: онъ отрицаетъ и подвергаетъ проскрипціи обмѣнъ. Съ уничтоженіемъ же и отрицаніемъ

¹⁾ *Das Kapital* (1-й отдѣлъ, гл. II, стр. 51).—Ср. *Lassalle Kapital und Arbeit* (стр. 68—70, 162).

обмѣна сводится къ нулю *laissez faire* и договоръ. Такимъ образомъ, отрицаніе и уничтоженіе всякой свободы, отрицаніе и уничтоженіе договора во всѣхъ его формахъ въ экономической, соціальной и политической жизни, слѣдуютъ за уничтоженіемъ и отрицаніемъ обмѣна съ такою же логической необходимостью, съ какою у экономистовъ были связаны между собою противоположные этимъ интересы. Между системою Маркса и той, которую онъ критикуетъ, существуетъ *параллелизмъ въ построеніи*.

Такимъ образомъ, нѣкоторые возраженія, поражающія тезисы экономистовъ, обращаются, безъ всякаго измѣненія, противъ тезисовъ Маркса. Если слѣдуетъ считать крайнимъ, а, слѣдовательно, ложнымъ утвержденіе, что «общество сводится къ обмѣну», то не менѣе крайне, а, слѣдовательно, и не менѣе ложно положеніе, что общественныя отношенія всецѣло сводятся къ потребленію. *Изслѣдованія о богатствѣ народовъ* и еще болѣе сочиненія учениковъ и послѣдователей Адама Смита занимаются абстракціей: *богатствомъ, какъ таковымъ*, и условіями его увеличенія. Марксъ выставляетъ новую абстракцію—*трудъ, какъ таковой*, который долженъ стать не только закономъ, но универсальнымъ орудіемъ. — Политическую экономію справедливо обвиняли въ недостаткѣ гуманности, но и научный соціализмъ не избѣгаетъ этого обвиненія. Онъ уже не говоритъ, подобно прежнему соціализму: «каждому по его потребностямъ», — формула, представляющая важныя затрудненія, но, по крайней мѣрѣ, чуждая сухости и жесткости, — онъ говоритъ: «каждому по количеству его труда», устанавливая, такимъ образомъ, совершенно механическое правило, которое, при строгомъ

примѣненіи, лишило бы участія въ распредѣленіи и пользованіи *необходимымъ* всѣхъ, кого умственная или физическая болѣзнь, на которыя плохо обратили вниманіе, сдѣлала бы неспособными выполнить предназначенную для нихъ *равную* долю общественнаго труда.

Научный социализмъ, будучи столь же одностороннимъ, абстрактнымъ и сухимъ, какъ и сама политическая экономія, опирается, кромѣ того, на постулаты, который, несомнѣнно, труднѣе допустить, чѣмъ постулаты экономическій. Какъ мы припомнимъ, экономическій постулатъ сводится къ тому, что необходимо благопріятствовать прогрессу цивилизаціи, характеризующейся, прежде всего, развитіемъ обмѣна и крупной промышленности. Если допустить, что исключительной задачей общества является прогрессъ подобнымъ образомъ понятой цивилизаціи, то свободная конкуренція получаетъ оправданіе со всѣми своими, какъ хорошими, такъ и дурными послѣдствіями. Но можно ли утверждать, что такова именно главная задача социальной организаціи? Развѣ стремленіе къ справедливости менѣе существенно, чѣмъ стремленіе къ цивилизаціи? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы лишить всякой достовѣрности выводы экономистовъ. Съ своей стороны, научный социализмъ опирается на постулаты, который можно формулировать такъ: если радикальнымъ образомъ измѣнить условія экономической, интеллектуальной и моральной жизни человѣчества, то человѣческій трудъ не сдѣлается отъ этого менѣе плодотворнымъ и прогрессивнымъ.

Можно ли считать очевиднымъ, что при новой системѣ производство будетъ достаточнымъ для

удовлетворенія потребностей? Нѣтъ, ничто не ручается за то, что порядокъ коллективной собственности дастъ то же, что даетъ порядокъ индивидуальной собственности; ничто не ручается за то, что трудъ, организованный административнымъ путемъ, дастъ то же, что даетъ свободный трудъ. Съ другой стороны, не рискуютъ ли изсякнуть подъ тяжестью властной руки источники творческой мысли и духовной оригинальности? Не атрофируется ли среди безцвѣтнаго довольства сегодняшнимъ днемъ, за которымъ послѣдуетъ такой же завтрашній, жажда лучшаго—и самый революціонный инстинктъ, причина и начало столькихъ бѣдствій, но также и столь великихъ завоеваній?

Наконецъ, какъ не констатировать того факта, что измѣненіе смысла словъ «соціализмъ», «индивидуализмъ», начавшееся уже у первыхъ французскихъ соціалистовъ, заканчивается у ихъ нѣмецкихъ продолжателей? Эта доктрина повсюду показываетъ намъ индивидуума, преслѣдующаго свое собственное благо; но когда мы ищемъ государство (*cité*), то болѣе не находимъ его. Какъ бы ни была сложна администрація, какъ бы ни была чрезмѣрна ея власть въ распредѣленіи труда и его продуктовъ, будетъ ли она, какъ должно, заботиться объ общихъ, возвышенныхъ, коллективныхъ интересахъ? Карлъ Марксъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что до крайности раздувалъ индивидуальность и что главное изъ возраженій, направляемыхъ имъ противъ современнаго общества,—чрезмѣрное вниманіе къ индивидууму—обращается противъ того общества, которое онъ желалъ бы создать на развалинахъ теперешняго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выводы изъ четвертой книги.

Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе яркой чертой, общей соціальнымъ и политическимъ теоріямъ, разсмотрѣннымъ въ настоящей четвертой книгѣ и сближающей ихъ между собою, является сглаживаніе, исчезновеніе абсолютной противоположности между индивидуумомъ и государствомъ, — противоположности, характерной для теорій, разобранныхъ нами въ предыдущей книгѣ.

Огюсть Контъ, творцы естественной исторіи обществъ и положительной науки о нравственности, научный соціализмъ — всѣ они стремятся доказать, что между индивидуумомъ и государствомъ, — они предпочитаютъ говорить: между государствомъ и обществомъ, — не существуетъ и не должно существовать никакой противоположности, никакого антагонизма. Еще вопросъ, такъ ли было бы на практикѣ. Теоретически же эта точка зрѣнія послѣдовательно вытекаетъ изъ основного предположенія, на которое опираются эти школы. Въ самомъ дѣлѣ, насколько дуализмъ эклектиковъ благопріятствовалъ противопоставленію индивидуума государству, настолько монизмъ, на которомъ останавливаются нѣкоторыя

изъ этихъ школъ и къ которому стремятся другія, этому препятствуетъ.

Когда де-Местръ и де-Бональдъ, съ цѣлью противо-дѣйствія философіи Руссо, пытались «возвратить человѣка природѣ», они не предполагали, что тѣмъ самымъ выражаютъ сущность умственного движенія, которое должно было, въ концѣ-концовъ, обратиться противъ самыхъ дорогихъ для нихъ вѣрованій. Между тѣмъ, такова именно была судьба приведенной выше формулы.

Школы, выступившія на сцену послѣ теократовъ и говорившія во имя «науки», какъ будто поставили своей задачей доказать формулу теократовъ, сохраняя, однако, лишь ея букву, но не смыслъ. Гражданское и политическое общество, человѣкъ были вновь возвращены этими школами природѣ. Но природа въ ихъ пониманіи не имѣетъ ничего общаго съ природою Жозефа де-Местра или де-Бональда.

Міръ, созданный для насъ научными философіями, построенъ на механическомъ принципѣ; а это ведетъ, въ свою очередь, къ великой гипотезѣ, признанной за таковую проницательнѣйшими умами, возведенной другими въ неопровержимую теорію, исповѣдуемой и проповѣдуемой нѣкоторыми, какъ догматъ вѣры,—къ материалистическому монизму.

Лучи этого новаго свѣта измѣняютъ видъ и характеръ всѣхъ вещей. «Индивидуальность не отъ міра сего», говорилъ Балланшъ, желая этимъ указать, что тайна индивидуальности должна быть приписана трансцендентному дѣйствию божественнаго принципа. «Не существуетъ абсолютной индивидуальности», говорятъ въ настоящее время естественная исторія обществъ и положительная наука о

правственности, желая этимъ отмѣтить, что самый рудиментарный организмъ состоитъ изъ безчисленнаго множества элементовъ; что каждое живое существо представляетъ изъ себя колонію живыхъ существъ; что явленіе сознанія разлагается на большее число факторовъ и сводится къ ряду молекулярныхъ движеній. То же самое происходитъ и со всѣми другими формулами, перешедшими изъ словаря теократовъ въ словарь ихъ прямыхъ, но невѣрныхъ продолжателей.

Новая и сильная критика психологической и физиологической индивидуальности, произведенная современными изслѣдованіями, вводитъ точку зрѣнія на вещи, очевидно не согласимую съ точкой зрѣнія, усвоенной основателями индивидуализма. Какимъ образомъ разумъ, воля могли бы продолжать считаться творческими силами соціальнаго и политическаго строя, если они представляютъ изъ себя лишь слова, выражающія чисто-физическій процессъ? Какимъ образомъ индивидуумъ могъ бы попрежнему разсматриваться, какъ главный двигатель всякаго соціальнаго и политическаго строя, если характеризующее его единство превратилось изъ непосредственнаго и первичнаго во вторичное и производное?

Прежняя философія природы и духа видѣла въ единствѣ индивидуальности первоначальный фактъ. Философскія системы, претендующія на роль адекватныхъ выразителей науки, видятъ въ единствѣ лишь мимолетную, измѣнчивую, обманчивую форму. комбинацію, чтобы не сказать, игру многообразнаго. Такъ объясняется господство въ настоящее время во всѣхъ областяхъ изслѣдованій точки зрѣнія, получившей

названіе *соціальною* ¹⁾). И не только общество рассматривается, какъ предшествующее, а слѣдовательно, высшее, чѣмъ индивидуумъ. Въ антропологiи—раса, въ исторiи—нація, въ литературѣ—жанръ произведенія, въ лингвистикѣ—предложеніе ²⁾, рассматриваются нѣкоторыми, какъ живущіе своей собственной жизнью, отличной отъ жизни составляющихъ ихъ элементовъ и даже служащей источникомъ жизни этихъ послѣднихъ. Вотъ, говорятъ намъ, реальности, первоначала, истинныя *существа*.

Какъ не сказать, однако, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ точкой зрѣнія, имѣющей очень мало общаго съ наукой, и никакъ уже не положительной, а съ возрожденіемъ античнаго реализма, который критика считала навсегда отжившимъ? Съ этой точки зрѣнія,—если обратиться къ вышеприведеннымъ примѣрамъ,—грамматическое предложеніе, литературный жанръ, нація, раса, общество, намъ даны, какъ высшія реальности, независимыя отъ представленія о нихъ нашего ума, какъ истинныя *причины*, объясняющія извѣстныя слѣдствія. На чемъ же основывается подобная точка зрѣнія? На мнимомъ требованіи «науки». Какой науки? Ни одной изъ отдѣльныхъ положительныхъ наукъ, такъ какъ проблема такова, что всѣ науки категорически отказываются отъ ея изслѣдованія. Онѣ берутъ существующій міръ такимъ, каковъ онъ есть, изучаютъ всевозможныя соотношенія явленій, но не пытаются проникнуть въ тайну причинности и бытія. Такимъ образомъ, «наука», о ко-

¹⁾ Извѣстно, какъ воспользовался этой идеей, напримѣръ, Гюйо въ своихъ книгахъ.

²⁾ См. статью Brunetière'a (*Revue des Deux Mondes*, 1893), гдѣ собраны доказательства этого возрожденія *реализма*.

торой идетъ здѣсь рѣчь, просто грубая метафизика, плодъ безсознательнаго реализма, отъ котораго нѣкоторые умы нашего времени не умѣютъ избавиться. Не установивъ точно факта реальности общества, расы, науки, литературнаго жанра, предложенія, они приступили къ созданію новой науки, руководясь тѣмъ предположеніемъ, что, кромѣ физики, химіи и другихъ наукъ, плодотворно изучающихъ отдѣльные вопросы, пользуясь надлежащимъ методомъ, можетъ существовать еще иная наука,—«наука», являющаяся продолженіемъ *всѣхъ наукъ* и способная охватить и разрѣшить проблемы, которыми другія науки не занимаются.

Мы еще возвратимся къ этому возрожденію реализма, какъ видно, тѣсно связанному съ ложною вѣрою въ возможность единой и всеобъемлющей положительной науки. Въ настоящее время намъ достаточно напомнить, что большинство соціально-политическихъ теорій, разсмотрѣнныхъ нами въ четвертой книгѣ, обязаны своимъ авторитетомъ и своимъ кажущимся вліяніемъ согласію между собой и допущенію возможности упомянутой точки зрѣнія.

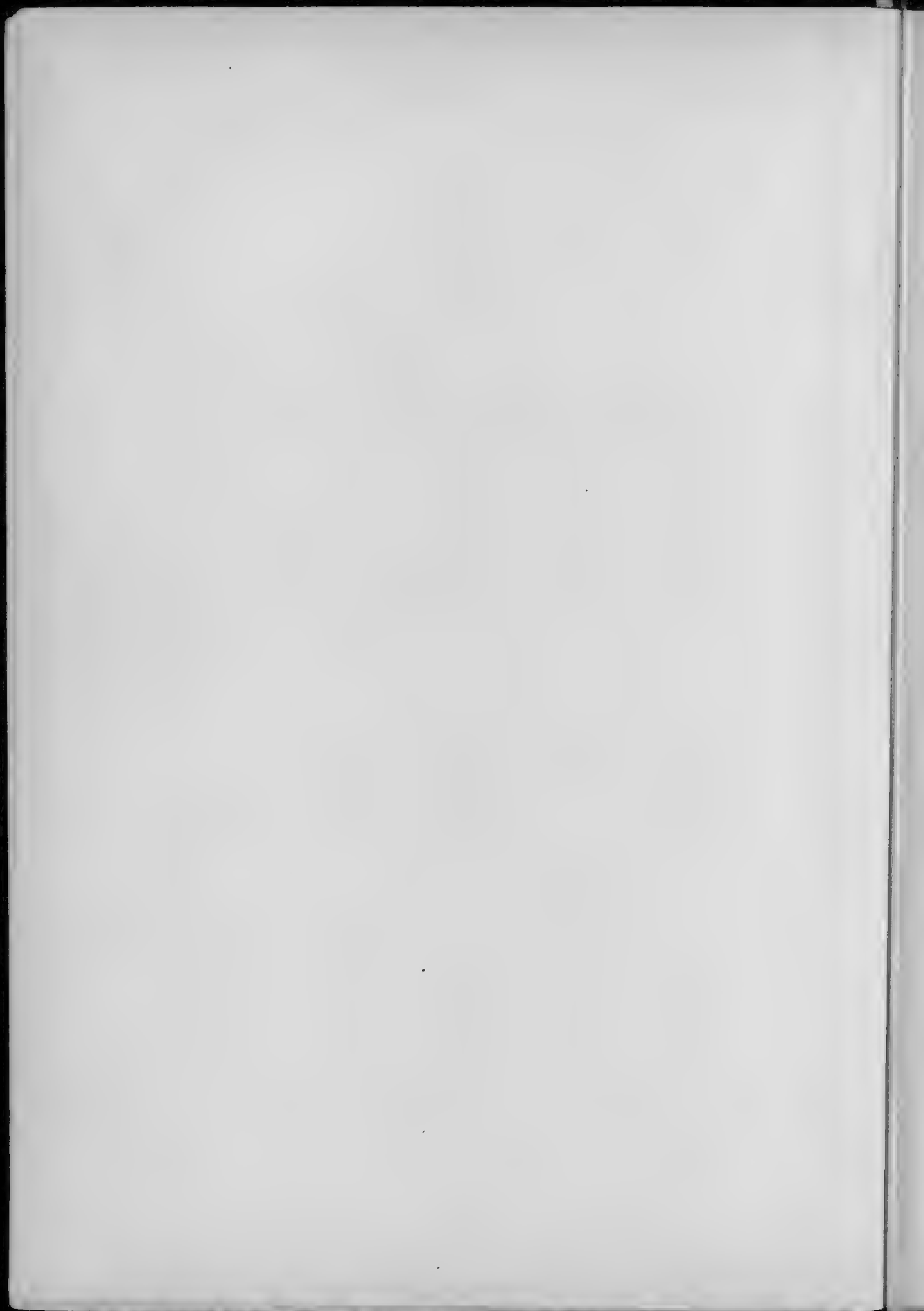
Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что политическія идеи Ройе-Коллара и Бенжамена Констана, экономическія идеи Бастіа пользовались въ теченіе извѣстнаго времени кредитомъ потому, что онѣ могли приспособляться другъ къ другу и къ господствовавшей тогда философіи. Предположите, говорили мы, указывая на это приспособленіе, что одинъ только камень оторвется отъ зданія: оно рискуетъ рухнуть. Событія доказали это. Измѣненіе общеполитической точки зрѣнія заставило понять недостатки индивидуализма, слишкомъ уклонившагося отъ идей XVIII

вѣка, и въ этомъ именно состоитъ услуга, оказанная разсмотрѣнными въ четвертой книгѣ доктринами самой индивидуалистической мысли.

Сейчасъ же, однако, возникла соціально - политическая философія, въ общихъ чертахъ согласная съ міросозерцаніемъ, сложившимся на развалинахъ эклектизма. Эта соціально-политическая философія кажется очень сильной и вооруженной противъ всѣхъ возраженій. Но предположите, что усвоенное ею міросозерцаніе доступно какому-либо уничтожающему возраженію: и вотъ — она сразу теряетъ лучшую часть своего кредита. Изъ несомнѣнной истины она становится спорной гипотезой. Изслѣдуемая ею проблемы не обладаютъ очевидностью, ихъ еще нужно доказать. Мы желали бы, чтобы читатель не забылъ этого замѣчанія, когда дѣло дойдетъ до окончательныхъ выводовъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИСЪ
СОЦІАЛЬНЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ
ИДЕЙ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ точекъ зрѣнія и столь противоположныхъ доктринъ современная мысль склоняется къ поверхностному синкретизму, который, далеко не удовлетворяя ее, ведетъ къ весьма пестроїмъ амальгамамъ. Это одно изъ проявленій современнаго кризиса соціальныхъ и политическихъ идей.

Другое проявленіе этого кризиса зависитъ отъ состоянія безсилія, которое индивидуализмъ испытываетъ съ тѣхъ поръ, какъ либералы демократы и экономисты стали, или намѣренно отстраняться отъ всякаго соприкосновенія съ общими идеями, или искать себѣ точки опоры въ непригодныхъ для того системахъ общихъ идей. Многіе писатели болѣе или менѣе смутно чувствовали этотъ кризисъ; нѣкоторые пытались его разрѣшить.

Прежде, чѣмъ закончить настоящее изслѣдованіе, намъ необходимо обнаружить слѣды взаимнаго вліянія враждебныхъ другъ-другу доктринъ въ большемъ числѣ, какъ давнишнихъ, такъ и совсѣмъ еще недавнихъ произведеній. Намъ необходимо показать, какимъ образомъ трудности, одолѣвавшія индивидуализмъ еще въ началѣ XIX столѣтія, когда онъ

возродился, остаются въ полной силѣ и теперь. Намъ необходимо выяснить, почему изъ всѣхъ попытокъ, сдѣланныхъ для освобожденія умовъ отъ смуты, овладѣвшей ими съ самаго начала, только одна попытка, по нашему мнѣнію, удалась и могла удалась.

Таковъ предметъ этой пятой книги, такова связь ея съ нашимъ *Заключеніемъ*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смѣшеніе и несогласованность принциповъ.

Не ждите найти здѣсь каталогъ всѣхъ сочиненій по соціальной и политической философій, въ которыхъ смѣшиваются въ различныхъ дозахъ самые разнообразные принципы. Подобное перечисленіе было бы и скучно, и бесплодно. Его съ успѣхомъ замѣнятъ подобранные примѣры. Одни изъ этихъ примѣровъ взяты изъ наиболее выдающихся произведеній нашего времени, другіе—изъ менѣе важныхъ, но всѣ они тѣмъ болѣе поучительны, что авторъ, выбирая ихъ, смотрѣлъ на себя, какъ на ученика, и руководился формулой школы. Если, не смотря на это, онъ внесъ въ свою книгу неподходящіе элементы, то, значитъ, онъ самъ затронулъ общей путаницей идей, существованіе которой мы именно и намѣреваемся доказать.

I.

Первымъ примѣромъ послужать во всѣхъ отношеніяхъ значительныя работы Лёплэ ¹⁾. Сэнтъ - Бёвъ называетъ его въ одномъ мѣстѣ «помолодѣвшимъ

¹⁾ Le Play *La Réforme sociale en France* (1864); *L'Organisation du travail* (1870); *La Constitution essentielle de l'Humanité* (1881).

Бональдомъ»¹⁾. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ сказалъ это серьезно, такъ какъ онъ, вѣроятно, не замѣтилъ, во всякомъ случаѣ, не указалъ на существующую у Лёплэ любопытную комбинацію теократическаго принципа, историческаго духа и либерализма, не говоря уже о научномъ методѣ, примѣненномъ въ его изслѣдованіяхъ и монографіяхъ.

Новый міръ, по мнѣнію Лёплэ, страдаетъ отъ страшнаго зла: отъ антагонизма между людьми. Антагонизмъ царствуетъ въ семьѣ, въ рабочей мастерской, въ политическомъ обществѣ; такъ что, несмотря на матеріальный прогрессъ, созданный наукой, новый міръ несчастіе среднихъ вѣковъ, эпохи «соціальной организаціи» *par excellence*²⁾. Но, констатируя и строго осуждая зло, Лёплэ не считаетъ его неизлѣчимымъ. Напротивъ, онъ возстаетъ противъ того взгляда, что для нѣкоторыхъ странъ начинается эра упадка. Народы не бываютъ фатально обречены на добро или зло. Подобно индивидуумамъ, они обладаютъ «свободной волей»³⁾. Ничто не мѣшаетъ, поэтому, надѣяться на то, что цѣною серьезныхъ усилій соціальная гармонія можетъ возродиться даже тамъ, гдѣ она погибла.

Что же необходимо предпринять для ея возрожденія? Для этого, отвѣчаетъ Лёплэ, достаточно наблюдать, что происходитъ въ тѣхъ странахъ, которыми еще не овладѣлъ антагонизмъ. Правильное изслѣдованіе устанавливаетъ, что въ такой-то странѣ семья, мастерская, политическое общество никогда

¹⁾ *Nouveaux Lundis* (IX, стр. 180).

²⁾ *Réforme sociale* (4-е изд., т. I, стр. 38—39).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 28).

не переставали быть едиными. Мы обеспечимъ самимъ себѣ блага единенія, если сумѣемъ перенести къ себѣ учрежденія, создавшія и поддерживающія процвѣтаніе этой страны,—перенести, приспособивъ ихъ къ своему темпераменту и характеру. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ чтутъ десять заповѣдей и Евангеліе, дѣти почитаютъ отцовъ, отцы руководятъ дѣтьми. Тамъ, гдѣ существуетъ свобода завѣщаній, учрежденія прочны. Если, стало-быть, мы уничтожимъ въ нашемъ кодексѣ статьи, допускающія раздѣлъ семейнаго имущества и возстановимъ въ сердцахъ религіозное чувство, мы, тѣмъ самымъ, найдемъ утраченныя условія общаго и личнаго счастья ¹⁾).

Такимъ же путемъ онъ идетъ и въ области политики. Англія служитъ для насъ примѣромъ народа, который обладаетъ полнѣйшей свободой и по благоденствію не уступаетъ никакому другому. Будемъ подражать Англіи, позаимствуемъ ея административную децентрализацию, ея столь интенсивную мѣстную жизнь. Но, при всемъ томъ, не будемъ воображать, что для созданія новыхъ нравовъ достаточно измѣненія текста законовъ. Постараемся хорошенько понять, что для этого требуется усиленіе личности, и, насколько возможно, ослабимъ опеку государства надъ гражданиномъ. Здѣсь, опять-таки, примѣромъ должна служить Англія.

Въ данномъ случаѣ Лёплэ сближается съ ортодоксальными экономистами и либералами или, лучше сказать, идетъ дальше ихъ, такъ какъ приходитъ къ выводу о необходимости не только ограниченія

¹⁾ *Réforme sociale* (т. I, гл. 1).

функцій государства въ административной и экономической областяхъ, но и къ необходимости свободы завѣщаній, абсолютной религіозной свободы, достигаемой путемъ отдѣленія Церкви отъ государства ¹⁾, и абсолютной свободы преподаванія на всѣхъ его ступеняхъ ²⁾. Обеспеченіе общественнаго спокойствія— вотъ единственная функція, которую Лёплэ сохраняетъ за государствомъ. А подъ этимъ онъ понимаетъ поддержаніе хорошихъ отношеній съ иностранцами, національную оборону, гарантированіе индивидуальной безопасности, охрану во время кризисовъ, организацію хорошаго финансоваго управленія ³⁾.

Двѣ застарѣлыя ошибки, по его мнѣнію, всегда портили нашу политику: мы всегда думали, что форма правленія важнѣе всего и что государство обязано содѣйствовать индивидуальному благу ⁴⁾. Первая ошибка служитъ причиной ряда революцій въ нашей исторіи; вторая—причиной того состоянія зависимости, отъ котораго гражданинъ не можетъ освободиться даже посредствомъ изобилія революцій ⁵⁾.

Несомнѣнно, что соціально-политическая программа Лёплэ, въ концѣ-концовъ, благопріятна индивидуализму, какъ его понимаютъ экономисты и либералы. Методъ его наученъ и даже позитивенъ, какъ онъ и самъ съ гордостью утверждаетъ это не разъ ⁶⁾.

¹⁾ *Réforme sociale* (т. I, стр. 184.) *Ibid.* (стр. 202—203).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 342—346, 351, 368).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 496—497).

⁴⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 499).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 513).

⁶⁾ «Чтобы собрать матеріалы для этого труда, я руководствовался методами Бэкона, Декарта и натуралистовъ». *Réf. soc.* (т. I, стр. 81). — Ср. *Constitution essentielle* (стр. 1). — См.

Кромѣ того, на взгляды Лёпле оказалъ видимое вліяніе историческій духъ. Политическія формы и тексты для него безразличны ¹⁾. Англійская свобода, по его мнѣнію, покоится скорѣе «на совокупности традицій», чѣмъ на мудромъ распредѣленіи власти между палатами и монархомъ ²⁾. Высшая сила, на которую, по его мнѣнію, слѣдуетъ опираться,—это обычай ³⁾. Отсюда—его ненависть къ французскимъ легистамъ, къ «нивелаторамъ», систематически дискредитировавшимъ и поправшимъ обычай ⁴⁾. Отсюда послѣднее слово его социально-политической философіи: освобожденіе почвы отъ искусственныхъ и какъ бы заносныхъ учрежденій, чтобы на этой освобожденной почвѣ «обычай и нравы» воздвигли истинную конституцію, «*constitution essentielle*» ⁵⁾.

Остается указать на вліяніе теократическаго принципа. На первый взглядъ оно не бросается въ глаза, такъ какъ призывъ къ религіознымъ чувствамъ, къ почитанію десяти заповѣдей и Евангелія

также *Письмо Лёпле въ началѣ сочиненія: Programme de gouvernement et d'organisation sociale*, составленнаго группою экономистовъ (Парижъ, 1881). «Вы не выдаете свою программу за результатъ апріорной концепціи, но хотите связать ее съ методомъ наблюденія, который я создалъ, слѣдуя по стопамъ учителей, съ эпохи Ренессанса двигающихъ науку и искусство» (стр. 4).

¹⁾ *Organisation du travail*, 3-е изд., Предисловіе (стр. 8). *Réf. soc.* (т. III, стр. 6).

²⁾ *Réf. soc.* (т. III, стр. 188—244).

³⁾ Его ученики констатируютъ, что уже Бёрнсъ указалъ Франціи лѣкарство отъ золъ, превознося обычай. *Programme de gouvernement*, и пр. (стр. 3).

⁴⁾ *Réf. soc.* (т. III, стр. 5).

⁵⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 6).

не служатъ еще доказательствомъ этого. Но всмотритесь попристальнѣе — и замѣтите, съ какой суровостью этотъ либераль выступаетъ противъ принциповъ 1789 года ¹⁾, съ какой живостью этотъ индивидуалистъ возстаетъ противъ терминовъ, характеризующихъ эмансипацію личности, противъ словъ: свобода, равенство, братство ²⁾, демократія; какъ страстно этотъ новаторъ, гордящійся примѣненіемъ научнаго метода, порицаетъ слова: прогрессъ, цивилизація, наука, духъ новаго времени ³⁾.

Но это еще не все. Одна черта, преимущественно передъ прочими, дѣлаетъ Лёплэ законнымъ наследникомъ теократовъ: проявляемое имъ недовѣріе къ молодежи. Онъ постоянно стремится обуздать ее, не только потому, что старики являются представителями обычая и традиціи, — тѣхъ силъ, которымъ Лёплэ отводитъ привилегированное положеніе въ общественной экономіи, но и потому еще, что онъ вѣритъ въ коренную испорченность человѣческой природы ⁴⁾, въ постоянно возобновляющееся и безконечно тлетворное дѣйствіе «первороднаго грѣха» на социальную жизнь. Молодое поколѣніе не имѣетъ, такъ сказать, иной роли, какъ «постоянно вносить» первородный грѣхъ въ среду болѣе совершеннаго общества, и послѣднее защищается только тѣмъ, что провозглашаетъ супрематію старости. Здѣсь, въ неожиданной формѣ, вновь появляется одно изъ важныхъ возраженій, которое теократы выставляютъ

¹⁾ *Constitut. essentielle* (стр. 215 и сл.).

²⁾ *Réf. soc.* (т. III, стр. 293 и т. I, *Предисловіе*, стр. XV, прим. 2).

³⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 304). — *Org. du trav.* (стр. 56—60).

⁴⁾ *Réf. soc.* (т. III, стр. 9). — *Org. du travail* (стр. 172).

противъ Руссо и философіи XVIII вѣка. Лёплэ, въ свою очередь, пользуется чисто-теологической аргументаціей и посредствомъ ссылки на грѣхъ отвергаетъ нечестивую увѣренность человѣка въ невинности его природы.

Если судить о попыткѣ Лёплэ и его школы съ практической точки зрѣнія, то пришлось бы, прежде всего, воздать должное чистотѣ ихъ намѣреній и благородному стремленію къ соціальному миру, — душѣ всей доктрины. Но наша задача совершенно иная. Мы подвергаемъ эту доктрину анализу для того, чтобы установить фактъ заимствованія ею нѣкоторыхъ изъ своихъ составныхъ элементовъ у столь противоположныхъ системъ, что ея принципы, взятые во всей строгости, должны привести къ уничтоженію выводовъ и что ея выводы содержатъ въ себѣ отрицаніе принциповъ.

II.

Соціальные и политическіе взгляды Тэна и Рэнана, въ свою очередь, представляютъ несообразности, доходящія до противорѣчій.

Общественный договоръ, Декларация правъ человѣка и чистый разумъ нашли, какъ извѣстно, въ Тэнѣ ¹⁾ самага неумолимаго критика. Не довольствуясь аргументаціей, которая, въ примѣненіи къ моральнымъ силамъ, даже наиболѣе достойнымъ уваженія,

¹⁾ *Les Origines de la France contemporaine: l'Ancien Régime* (1875).—*La Révolution* (т. I, 1878; т. II, 1881; т. III, 1884).—*Le Régime Moderne* (т. I, 1891; т. II, незаконченный, 1893). — О томъ, какъ было задумано и выполнено это сочиненіе, см. у Gabriel Monod: *Renan, Taine, Michelet*.

не оставила бы ни одну изъ нихъ нетронутой и незапятнанной; не довольствуясь вмѣненіемъ французской Революціи и философіи XVIII вѣка въ *прямую* отвѣтственность ужасовъ террора ¹⁾, Тэнъ нагромождаетъ противъ нихъ принципіальныя возраженія, заимствуя ихъ отовсюду.

Противъ естественнаго права, Декларациі правъ человека и Общественнаго договора вновь появляются у него аргументы Бёрка ²⁾; противъ абстрактнаго понятія о человекѣ, не французѣ, не англичанинѣ, а просто человекѣ,—аргументы Жозефа-де-Местра ³⁾; противъ преобладанія чистаго разума—комбинація аргументовъ теократической и исторической школъ. Подобно исторической школѣ, Тэнъ осуждаетъ конституціи, созданныя рукою одного человека. Если для данной страны существуетъ наилучшая изъ всѣхъ конституція, то дѣло должно идти не о томъ, чтобы «поставить ее на голоса», а о томъ, чтобы открыть ее, такъ какъ «природа и исторія уже сдѣлали для насъ выборъ» ⁴⁾. Подобно теократической школѣ, Тэнъ выступаетъ апологетомъ обычая и даже преклоняется передъ нимъ, по тому странному основанію, странному со стороны порицателя чистаго разума, что обычай представляетъ изъ себя «слѣпую форму разума». Поэтому, онъ не дѣлаетъ различія между обычаями; даже тѣ

¹⁾ См. особенно *Révolution* (т. III, *Предисловіе*, стр. II). «Будучи примѣнены, они (принципы Руссо) сами собою привели къ *практическимъ послѣдствіямъ*». Здѣсь рѣчь идетъ о крайностяхъ революціоннаго періода.

²⁾ *Ancien Régime* (стр. 304 и сл.; 319 и сл.). — *Révolution* (т. I, стр. 273 и слѣд.).

³⁾ *Révolution* (т. I, стр. 183).

⁴⁾ *Anc. Rég.* (т. I, стр. 183).

изъ нихъ заслуживаютъ поддержки, которые являются просто застарѣлыми предразсудками ¹⁾).

Тэнъ настолько же философъ, насколько историкъ, и, хотя его философскія произведенія были написаны гораздо ранѣе его изысканій о Революціи и новомъ порядкѣ, хотя они вызваны умственнымъ настроеніемъ, весьма отличающимся отъ того, въ которое обстоятельства, какъ всѣмъ извѣстно, повергли его въ послѣдствіи, тѣмъ не менѣе эти произведенія, въ свою очередь, способствовали дискредитированію метафизики XVIII вѣка. Подавивъ разумъ, во имя исторіи, авторитетомъ обычая, Тэна сводитъ его, на основаніи психологическаго и даже фیزیологическаго анализа, къ состоянію неустойчиваго равновѣсія. Онъ опредѣляетъ разумъ, какъ счастливую случайность. Какъ могъ бы авторъ книги объ Умѣ, разобравшій на части сложный механизмъ образовъ и идей, раздѣлять взгляды Руссо и Канта на роль индивидуальности въ политикѣ и морали?

Что же, придетъ ли Тэнъ, подъ вліяніемъ теократовъ и исторической школы, къ заключенію о святости многочисленныхъ узъ зависимости и подчиненія, тяготящихся надъ индивидуумомъ; признаетъ ли онъ заслуживающимъ уваженія «великій міровой договоръ», обязывающій, по мнѣнію Бёрка, къ пассивному повиновенію; или, наконецъ, признаетъ преобладаніе государства, какъ послѣднее понимаетъ Савиньи, — государства, которое, по цитированной уже нами формулѣ знаменитаго юриста, является «высшимъ выраженіемъ таинственной силы,

¹⁾ «Наслѣдственный предразсудокъ — своего рода не сознающей себя разумъ». *Англ. Рѣг.* (стр. 270—275). Впрочемъ, то же самое сказалъ уже Бёркъ.

движущей міромъ»? Признаётъ ли Тэнъ, вмѣстѣ съ соціологами-позитивистами. интенсивное и энергичное вмѣшательство государства? И не покажетъ ли намъ въ индивидуумѣ колесо, приспособленное къ однообразному движенію, органъ, предназначенный навсегда къ одному и тому же отправленію?

Ни въ какомъ случаѣ. Тэнъ отрицаетъ вмѣшательство государства во всѣ области. Онъ недоволенъ Руссо, главнымъ образомъ, потому, что тотъ перенесъ всемогущество государя на народъ, не только не уменьшивъ этого всемогущества, а даже увеличивъ его ¹⁾. Недовѣріе, внушаемое Тэну демократіей, вытекаетъ изъ того взгляда, что при демократіи вмѣшательство государства въ жизнь индивидуума особенно развито. Эта мысль даже приводитъ его къ сравненію монархическаго деспотизма съ демократическимъ, и не въ пользу послѣдняго. Почему? потому, что первый тяготѣетъ только надъ извѣстными категоріями людей, а второй касается всѣхъ. Поэтому, самые жестокіе, самые отвратительные поступки Фридриха II, Людовика XIV и Филиппа II находятъ, въ глазахъ этого историка, смягчающія обстоятельства, истинный характеръ которыхъ еще не былъ достаточно отмѣченъ ²⁾.

¹⁾ *Révolution* (т. III, кн. II, гл. 1).

²⁾ Фридрихъ II забиралъ въ солдаты всѣхъ крестьянъ, которыхъ могъ прокормить, двадцать лѣтъ держалъ ихъ хуже, чѣмъ въ рабствѣ, и погубилъ въ войнахъ около шестой части своихъ подданныхъ; «но это были рабы и его наборы не касались бюргерства». — Людовикъ XIV обращалъ силою въ католичество, а Филиппъ II жегъ еретиковъ; но оба они были терпимѣе якобинцевъ, такъ какъ «поступали жестоко только съ диссидентами». (*Révolution*, т. III, стр. 149—150).

При демократіи болѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ образѣ правленія, дѣятельность государства должна быть строго ограничена. Противъ вмѣшательства государства въ экономическій строй Тэнъ слово въ слово повторяетъ доводы Дюнуайе и Бастіа, ограничиваясь освѣщеніемъ старыхъ метафоръ. Онъ называетъ государство уже не «язвой», а «сторожевой собакой», которую нужно «держатъ на цѣпи и въ конурѣ» ¹⁾. Въ настоящее время, однако, конура эта слишкомъ обширна. Въ отношеніи политики и морали Тэнъ примыкаетъ къ протестамъ либеральной школы противъ тиранніи большинства и стоитъ за права «совѣсти и чести» ²⁾, повидимому, не замѣчая, что фізіологическая психологія нѣсколько уменьшила престижъ силъ, обозначаемыхъ словами «совѣсть и честь» и что требуемая имъ «права», равно какъ и «внутренняя свобода», о которой онъ говоритъ въ такихъ превосходныхъ выраженіяхъ, не могутъ устоять противъ возраженій, которыя онъ самъ въ другомъ мѣстѣ формулировалъ противъ абстрактной идеи права и философскаго понятія свободы.

Нужно ли говорить, что отмѣчая въ соціально-политическихъ взглядахъ Рэнана ³⁾ присутствіе весьма различныхъ элементовъ, я не имѣлъ въ виду противопоставлять позднѣйшія произведенія писателя его первой книгѣ: *Будущее науки*. Эта книга, о которой я уже говорилъ, принадлежитъ къ тому періоду жизни Рэнана, который совершенно отдѣленъ отъ послѣдующихъ періодовъ. Ограничимся здѣсь, поэтому, только слѣдовавшими за ней сочиненіями.

¹⁾ *Révolution* (т. III, стр. 136 и слѣд.).

²⁾ *Ibid.* (т. III, стр. 125).

³⁾ *Questions contemporaines* (1872); *La Réforme intellectuelle et morale de la France* (1872).

Рэнанъ—рѣшительный индивидуалистъ. Онъ чувствуетъ склонность къ германскимъ расамъ, потому что онѣ довели индивидуалистическій духъ до высшей степени развитія¹⁾. Онъ настолько вѣритъ въ ихъ превосходство, что считаетъ ихъ — мы видѣли, насколько предвидѣніе его было основательно—предназначенными къ социализму²⁾. Германскія расы должны служить намъ образцомъ. Мы должны заимствовать у нихъ социальную организацію, «при наличности которой государство, ограниченное чисто-полицейскою ролью, не будетъ касаться ни религій, ни воспитанія, ни литературы, ни искусства, ни морали, ни промышленности»³⁾. Хотя возможны переходныя ступени и хотя сомнительно даже, можемъ ли мы когда-нибудь вполне осуществить этотъ идеаль, тѣмъ не менѣе. нашъ долгъ и наша выгода стремиться къ его достиженію. Для этого намъ придется отрѣшиться отъ собственной концепціи государства, отъ римской, классической идеи, которую Революція неразумно возстановила и преувеличила и которая, въ теченіе цѣлаго вѣка, служитъ причиной всѣхъ волненій и переворотовъ, испытанныхъ французскимъ обществомъ⁴⁾. «Прогрессъ» будетъ состоять въ томъ, что «чрезвычайно многое потеряетъ свой государственный характеръ и перейдетъ въ разрядъ вещей свободныхъ, предоставленныхъ частной инициативѣ»⁵⁾. Итъ,—говоритъ также Ре-

¹⁾ *Questions contemporaines* (стр. 10—11).

²⁾ *La Réforme intellectuelle et morale* (стр. 27—28, 161).

³⁾ *Questions contemporaines* (стр. 73).

⁴⁾ *Réforme int. et mor.* (стр. 320).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 313).—Рэнанъ сомнѣвается, чтобы государство могло сдѣлать обязательнымъ начальное образованіе. *Ibid.* стр. 325).

панъ, употребляя формулу, напоминающую своей полной противоположностью ту, которую мы уже встрѣтили въ *Будущемъ науки*, — нѣтъ, государство не является «ни орудіемъ сопротивленія. ни орудіемъ прогресса» ¹⁾.

Къ сожалѣнію, у Рэнана, какъ и у Тэна, это индивидуалистическое *profession de foi* сопровождается критикой учреждений, всего лучше выражающихъ индивидуализмъ. Рэнанъ тоже отрицаетъ и осуждаетъ ²⁾ принципъ всякаго индивидуализма, равное для всѣхъ людей естественное право, и замѣняетъ его другимъ принципомъ, образованнымъ наполовину «изъ права разума управлять человѣчествомъ, наполовину изъ правъ, имѣющихъ историческое основаніе» ³⁾. Но развѣ историческія права не являются формами обладанія, которыя санкціонировать старый порядокъ, не заботясь объ ихъ происхожденіи? Что касается права разума руководить міромъ, то подъ нимъ, какъ видно будетъ далѣе, нужно понимать право умышленной аристократіи господствовать надъ массой.

«Демократическая химера царства народной воли» ⁴⁾ ведетъ, по мнѣнію Рэнана, къ невыносимо низменному, въ нравственномъ отношеніи, строю ⁵⁾. Основать правительство на всеобщемъ избирательномъ правѣ такъ же невозможно, какъ выстроить домъ «изъ груды песку безъ цемента» ⁶⁾. Верховенству народа Рэнанъ

¹⁾ *Quest. contemp.* (стр. 48).

²⁾ *La Réforme intellectuelle et morale* (стр. 243).

³⁾ *Ibid.* (стр. 40).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 157).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 303).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 67).

противопоставляетъ свою систему, создавшуюся подъ очевиднымъ вліяніемъ Гегеля и доктринеровъ, — форму правленія, являющуюся, по его словамъ, «истинно парламентской и конституціонной» и предполагающую необходимость: династін, знати, верхней палаты, — для представительства «группъ и интересовъ», а не числа избирателей, — и цѣлый рядъ реформъ въ чисто-аристократическомъ духѣ ¹⁾.

Вотъ почему, Рэнанъ, протестовавшій ранѣе противъ посягательствъ государства на индивидуума, признаетъ теперь право предоставлять человѣку, въ силу происхожденія, отправленіе извѣстныхъ функций ²⁾. — что ведетъ къ устраненію отъ этихъ функций огромнаго числа людей. Вотъ почему, далѣе, онъ восхваляетъ научную культуру, способную дать ея обладателямъ «чувство собственнаго превосходства и заставить возмущаться мыслью, что ихъ «считаютъ простыми единицами, подобно первому встрѣчному» ³⁾; вотъ почему, онъ требуетъ свободы мысли только для избранныхъ, повторяя на свой ладъ знаменитую формулу: для народа необходима религія ⁴⁾. Напомню, наконецъ, что на страницахъ, относящихся къ 1867 году и не проникнутыхъ еще духомъ прони, которымъ насквозь пропитаны всѣ его позднѣйшія произведенія, встрѣчаются утвержденія, въ родѣ слѣдую-

¹⁾ *La Réforme intellectuelle et morale* (стр. 67—75).

²⁾ *Ibid.* (стр. 45—49).

³⁾ *Ibid.* (стр. 104).

⁴⁾ Онъ обращается къ церкви со слѣдующими словами: «Не касайтесь того, что мы пишемъ, и мы не станемъ оспаривать у васъ вліяніе на народъ... Оставимъ народу его религіозное воспитаніе, только бы намъ оставили свободу». *Ibid.* (стр. 98—99).

щаго: «Никакое общество невозможно при строгомъ примѣненіи къ людямъ идей распредѣлительной справедливости»; или слѣдующаго, которое теперь даже трудно квалифицировать: «Цѣлыя классы должны жить славою и удовольствіями другихъ»¹⁾.

Не все, значить, зависитъ отъ капризной фантазіи въ блестящихъ варіаціяхъ *Калибана*, такъ какъ онѣ исполнены на тему, уже затронутую авторомъ много лѣтъ назадъ. Но какъ жалокъ и какъ далекъ отъ своего первоначальнаго смысла этотъ индивидуализмъ, устанавливающій различія между личностями и столь рѣшительно освящающій наиболѣе отталкивающія формы привилегій.

III.

Позитивизмъ Конта ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ организаціи моральной, интеллектуальной, соціальной и политической тиранніи, худшей, по мнѣнію Стюарта Милля, изъ всѣхъ, когда-либо угнетавшихъ человѣчество. Позитивизмъ Литтрэ²⁾ приводитъ къ осужденію социализма и къ апологіи свободнаго правленія. Однако, Литтрэ до конца своей жизни считалъ себя вѣрнымъ положительному методу. Воз-

¹⁾ *La Réforme intellectuelle et morale* (стр. 245—246). — Этотъ отрывокъ озаглавленъ: *La Monarchie constitutionnelle en France*. Онъ появился сначала въ «*Revue des Deux Mondes*», въ номерѣ отъ 1-го ноября 1869 года.

²⁾ *De la Philosophie positive* (1845); *Application de la Philosophie positive au gouvernement des sociétés* (1850); *Conservation, Révolution, Positivisme* (1852, 2-е изд. 1879); *Fragments de Philosophie positive et de sociologie contemporaine* (1876); *l'Établissement de la troisième République* (1886).

можно ли, поэтому, допустить, чтобы проповѣдуемый имъ индивидуализмъ былъ, не скажу, искреннимъ, — Литтрэ — воплощенная искренность и прямота, — но состоятельнымъ?

Изученіе политическихъ и соціальныхъ идей Литтрэ возможно только въ связи съ хронологическими датами: 1851 и 1870 годы являются эпохами въ исторіи его мысли; въ 1851 году онъ порываетъ съ Контомъ, послушнымъ и вѣрнымъ эхомъ котораго былъ до тѣхъ поръ, — такимъ послушнымъ и вѣрнымъ эхомъ, что въ послѣдствіи онъ самъ не могъ понять столь полного отреченія отъ своей оригинальности¹⁾; въ 1870 году, при свѣтѣ событій, жестоко опровергнувшихъ нѣкоторые изъ его излюбленныхъ взглядовъ, онъ критически пересматриваетъ свои идеи. Оставимъ въ сторонѣ сочиненія перваго періода. Не говоря о томъ, что они не даютъ ничего новаго, сравнительно съ Контомъ; Литтрэ самъ осудилъ ихъ, и намъ не приходится брать на себя легкій трудъ уличать его въ противорѣчіи съ самимъ собою, сопоставляя эти сочиненія съ позднѣйшими²⁾. Постараемся разобратъ только въ послѣднихъ.

Литтрэ обнаруживаетъ все возрастающее недовѣріе къ экономическимъ и соціальнымъ системамъ, такъ какъ онѣ кажутся ему зараженными ядомъ метафизики. «Мельчайшее просяное зерно опыта» для него несравненно предпочтительнѣе «грандіозныхъ

¹⁾ См. *Auguste Comte et la Phil. pos.* (стр. 586—587). — Ср. *Conservation, Révolution, Positivisme* (2-е изд.). Замѣтки, относ. къ 1878 г. (стр. 246 и сл.).

²⁾ Каро указалъ большую часть этихъ противорѣчій въ своей книгѣ: *Littré et le Positivisme*, принеся, при этомъ, заслуженную дань уваженія безусловной добросовѣстности Литтрэ.

объщаній» коммунизма и права на трудъ ¹⁾. Опытъ показалъ, что кооперация, дающая право на участіе въ прибыляхъ, общества взаимопомощи, *трэдъ-юніоны*, улучшаютъ участь рабочихъ. Пусть же послѣдніе добиваются развитія этихъ учреждений, а главнымъ образомъ, возможности полнѣе «распоряжаться своей судьбой» ²⁾. Съ этой новой точки зрѣнія Литтрэ строго осуждаетъ социализмъ Конта и свое недавнее увлеченіе имъ ³⁾. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше старается онъ отмѣтить разстояніе, отдѣляющее положительную философію отъ социализма ⁴⁾, тѣмъ больше старается онъ подорвать, какъ слишкомъ скороспѣлыя, всѣ безъ исключенія формулы общественной организаціи, даже, какъ будто, согласныя съ духомъ и методомъ позитивизма ⁵⁾; тѣмъ больше старается онъ отодвинуть социальную реформу на второй планъ, а на первый поставить реформу моральную, развитіе альтруизма ⁶⁾. Такъ, мало-помалу, исчезаетъ первоначальный социализмъ Литтрэ, приближаясь, въ концѣ-концовъ, къ либеральнымъ рѣшеніямъ, принятымъ и превозносимымъ самими экономистами.

Подобная же эволюція совершается въ его политическихъ идеяхъ. Авторъ *Доклада Обществу позитивизма*.

¹⁾ *Fragments de la Philosophie positive et de sociologie contemporaine* (стр. 381).

²⁾ *Ibid.* (стр. 388).

³⁾ Онъ называетъ его «католико-феодальнымъ». *Ibid.* (стр. 391).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 438 и сл.).

⁵⁾ «Много промежуточныхъ ступеней слѣдуетъ пройти, прежде чѣмъ социологъ будетъ въ состояніи опредѣленно рѣшить, каковы должны быть социальный строй, согласный съ положительнымъ міросозерцаніемъ». *Cons., Rér., Pos.* (стр. 216).

⁶⁾ *Fragments* (стр. 454).

позитивистовъ призналъ, въ концѣ-концовъ, что парламентскій режимъ, «монархическій или республиканскій», въ высшей степени «пригоденъ для современнаго положенія европейскихъ народовъ» ¹⁾. Всеобщее голосованіе кажется ему отвѣчающимъ уже не простой «функціи», а (замѣтьте это слово, странно звучащее въ устахъ позитивиста) «праву» ²⁾. «Соглашеніе»,—это походитъ на верховенство народа ³⁾,—становится въ его глазахъ источникомъ новаго «легитимизма», замѣняющаго легитимизмъ теократическій ⁴⁾. Нельзя забывать, что Литтрэ былъ не только однимъ изъ основателей Третьей республики ⁵⁾, но и безусловно авторитетнымъ главою союза между позитивистами и нѣкоторыми изъ вождей французской демократіи.

Будучи защитникомъ политической свободы и приверженцемъ въ экономической области палліативовъ, восхваляемыхъ самыми правовѣрными учениками Адама Смита, съ цѣлью оградить себя отъ принципиально осуждаемыхъ ими требованій, — Литтрэ тѣмъ болѣе кажется либераломъ и индивидуалистомъ, что въ той области, которую Паскаль назвалъ царствомъ ума, онъ самъ представляетъ высшую степень индивидуальности. Однако, принимая частныя рѣшенія индивидуализма, Литтрэ отказываетъ ему въ томъ, что можно назвать условіями его существованія.

¹⁾ *Conservation, Révolution, Positivisme* (стр. 252—253).

²⁾ *Ibid.* (стр. 51 и сл.).

³⁾ См. относ. этого различія *Ibid.* (стр. 66).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 65).

⁵⁾ См. томъ, озаглавленный: *L'Établissement de la troisième République*.

Я не упрекаю его ни за то, что онъ отводитъ государству слишкомъ большую роль въ «бдительномъ покровительствѣ» моральнымъ и матеріальнымъ интересамъ ¹⁾; ни за то, что въ своемъ разборѣ *Исторіи цивилизаціи въ Англии* Бокля онъ энергично протестуетъ противъ идеи зловредности всякаго вмѣшательства государства ²⁾; ни за то, что, подобно Дюпонъ-Уайту, онъ считаетъ ростъ государства неразрывно связаннымъ съ ростомъ цивилизаціи ³⁾; ни за то, наконецъ, что онъ исторически доказалъ фактъ постоянного отправления главнѣйшихъ государственныхъ функцій, даже въ средніе вѣка, и неправильность довольно распространеннаго взгляда, будто феодальный строй былъ «торжествомъ индивидуума и индивидуализма» ⁴⁾. Я ничуть не упрекаю его за это, такъ какъ исторія соціально-политическихъ идей доказываетъ, что индивидуализмъ нисколько не исключаетъ обращенія къ вмѣшательству государства, индивидуализмъ же XVIII вѣка въ особенности предполагаетъ послѣднее. Но есть другія основанія считать индивидуализмъ Литтрэ лишеннымъ прочнаго фундамента и, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ.

Литтрэ допускаетъ парламентскій режимъ, свободное правительство, всеобщее избирательное право, легитимизмъ на основѣ соглашенія. Это несомнѣнно. но онъ старательно отмѣчаетъ, что верховная власть народа, въ томъ видѣ, какъ онъ ее допускаетъ, не можетъ считаться ни «абсолютной», ни «всецѣду-

¹⁾ *Fragments* (стр. 156).

²⁾ *La Science au point de vue philosophique* (стр. 478 и сл.).

³⁾ *Fragments* (стр. 161).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 172).

щей», и что, подчиняясь законамъ, управляющимъ историческимъ развитіемъ, «она имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку соотносится съ ними и благопріятствуетъ имъ» ¹⁾. Я отлично понимаю, что это ограниченіе вытекаетъ изъ его доктрины; но оно существенно, такъ какъ равносильно признанію безусловнаго господства событій. «Историческіе законы» всегда формулируются заднимъ числомъ. Литтрэ зналъ, насколько соціологическое предвидѣніе случайно, такъ какъ онъ самъ долженъ былъ сознаться въ 1871 году въ томъ, что большинство сдѣланныхъ имъ ранѣе предсказаній было совершенно опровергнуто фактами. Допустимъ, поэтому, что произойдетъ какое-либо событіе, столь же непредвидѣнное въ настоящее время, какимъ была для Литтрэ въ 1869 году франко-прусская война, съ ея послѣдствіями, до сихъ поръ тяготящими надъ Европой. Допустимъ, что это событіе повлечетъ за собой уничтоженіе парламентскаго режима и всеобщаго избирательнаго права; допустимъ, что пройдетъ десять, двадцать лѣтъ послѣ этихъ событій, увидитъ ли въ этомъ либераль, въ родѣ Литтрэ, «историческій законъ» и сдѣлаетъ ли отсюда выводъ, что для «согласованія» съ этимъ закономъ, для дѣятельности, «благопріятствующей» управляемому имъ развитію, слѣдуетъ отказаться отъ свободныхъ учрежденій и избирательнаго права? Если да, то нельзя не сознаться, что либеральный и индивидуалистическій позитивизмъ Литтрэ даетъ не особенно прочную базу для индивидуализма и свободы.

¹⁾ *Conservation, Révolution, Positivisme* (стр. 66).

Возьмемъ другой примѣръ. Литтрэ — сторонникъ свободы совѣсти ¹⁾, свободы, въ которой, какъ мы знаемъ, Контъ видѣлъ краеугольный камень всѣхъ соціальныхъ и политическихъ заблужденій своего времени. Но какимъ образомъ онъ защищаетъ ее? Говоритъ ли онъ, что всякое искреннее мнѣніе такъ же заслуживаетъ уваженія, какъ и само лицо, его высказывающее? Нѣтъ: онъ ограничивается указаніемъ на то, что правительство, объявляя войну мнѣніямъ, тѣмъ самымъ придаетъ наиболѣе новаторскимъ и опаснымъ изъ нихъ «коллективный характеръ, которымъ они обладали въ XVIII вѣкѣ и который они теряютъ, если имъ предоставить бороться другъ съ другомъ» ²⁾. Правило очень мудрое; но оно смотритъ на свободу совѣсти какъ на заслуживающій охраны интересъ. Безъ сомнѣнія, это важный интересъ; но какъ быть, если онъ сталкивается съ другимъ, болѣе важнымъ: слѣдуетъ ли имъ пожертвовать во имя этого послѣдняго?

Это предположеніе не гипотеза. Въ качествѣ убѣжденнаго позитивиста, Литтрэ никогда не сомнѣвался, что нѣкогда долженъ наступить моментъ, когда устойчивость учрежденій вновь будетъ зависеть, какъ то уже было въ извѣстные историческіе періоды, отъ «согласія» ³⁾ умовъ. Согласіе умовъ, —

¹⁾ *Conservation, Révolution, Positivisme* (стр. 316 и сл.). — *Application de la Philosophie positive au gouvernement des sociétés* (стр. 13). — *La Philosophie positive* (январь—февраль, 1874).

²⁾ *De la Philosophie positive*, loc. cit.

³⁾ *Ibid.*, loc. cit. — И далѣе: Окончательный режимъ «будетъ походить на строй, установленный католицизмомъ, и ранѣе — политеизмомъ; съ той, однако, разницей, что онъ будетъ превосходить ихъ основательностью концепціи и перспективой услугъ».

Контъ говорилъ о единствѣ, — вотъ тотъ высшій интересъ, который, въ концѣ-концовъ, можетъ и долженъ въ глазахъ такого свободолюбиваго и терпимаго человѣка, какъ Литтрэ, взять перевѣсъ надъ терпимостью и свободою мысли.

IV.

Обратимся теперь къ менѣ важнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ къ теоріи соціальнаго организма пристегнуты выводы, недопустимые даже съ точки зрѣнія сѣмой нетребовательной логики.

Въ *Жизни Обществъ*¹⁾ авторъ заявляетъ, что «общественное тѣло одно только представляетъ интересъ», «входящіе же въ соціальный организмъ атомы представляютъ мало важности, такъ какъ они непрерывно возобновляются»²⁾. Во избѣжаніе всякихъ сомнѣній авторъ старательно прибавляетъ, что, съ правильной точки зрѣнія, гражданинъ представляетъ изъ себя лишь «анатомическій элементъ». Но къ чему же можетъ сводиться роль анатомическихъ элементовъ, какъ не къ тому лишь, чтобы, по выраженію Гёксли, предоставить мозгу руководить ими съ желѣзною непреклонностью? Между тѣмъ, докторъ Бордье возстаетъ, подобно какому-нибудь самому убѣжденному экономисту, противъ абстракціи, сущности, называемой «государствомъ»³⁾. Онъ старается доказать, что эволюція цивилизаціи совершается отъ коммунизма къ индивидуализму, и что члены государства, «живя сначала для государства и че-

¹⁾ Bordier, *La Vie des Sociétés* (1887).

²⁾ *Ibid.* *Предисловіе* (стр. VII).

³⁾ *Ibid.* (стр. 57).

резъ государство, впоследствии будутъ жить для себя и чрезъ себя» ¹⁾. Продолжая чтеніе его книги, мы найдемъ тамъ энергичные протесты противъ государства, какъ страхователя, санитарнаго врача, своего рода маленькаго провидѣнія ²⁾. Но какъ же тогда согласовать между собою обѣ части его доктрины?

Авторъ другой книги, озаглавленной: *O природѣ вещей* ³⁾ и не чуждой мѣстами силы и оригинальности, протестуетъ противъ взгляда на общество, какъ на «простое соединеніе лицъ» ⁴⁾. Онъ не допускаетъ возможности конфликта между индивидуальнымъ правомъ и социальнымъ, такъ какъ первое лишь «смирениѣйшій рабъ» второго ⁵⁾. Соціальное право простирается очень далеко, настолько далеко, что, въ случаѣ нужды, ему должны быть принесены въ жертву «интересы, вольности и даже жизнь отдѣльныхъ людей» ⁶⁾. Пусть не указываютъ, въ видѣ возраженія, на «высшіе принципы, господствующіе въ общественной жизни и требующіе постоянного вниманія къ себѣ» ⁷⁾, каковы, напримѣръ, права гражданъ на самоуправленіе. Эти принципы обладаютъ лишь относительной и условной цѣнностью. Граждане имѣютъ право на самоуправленіе, если они къ этому способны; если же нѣтъ, то они не обладаютъ никакимъ правомъ.

Трудно найти болѣе опредѣленную и рѣшительную критику индивидуализма. Но стоитъ только

¹⁾ *La Vie des Sociétés* (стр. 59).

²⁾ *Ibid.* (стр. 157, 256).

³⁾ A. D a n t e n, *De la Nature des Choses* (1880).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 198).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 222).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 227).

⁷⁾ *Ibid.* (стр. 216).

перевернуть нѣсколько страницъ, и мы найдемъ въ той же книгѣ признаніе благородства и высокой цѣнности человѣческой личности. Человѣческая личность, съ прогрессомъ цивилизаціи, одерживаетъ «законныя побѣды» ¹⁾. Эти побѣды должны быть признаны. Такъ, на примѣръ, общественная власть должна останавливаться «у порога индивидуальной совѣсти» ²⁾.

Развѣ это не значитъ утверждать, что существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна форма свободы, той самой свободы, которая только что была принесена въ жертву общественному праву и по отношенію къ которой, все же, безсильна общественная власть? Но почему, во имя какого принципа? Конечно, не во имя принципа, выставленнаго авторомъ въ началѣ своей книги.

«Этнографическая соціологія», въ свою очередь, приводитъ доктора Летурно къ подобнаго же рода амальгамѣ ³⁾.

Исходной точкой для автора служитъ изученіе обществъ животныхъ ⁴⁾. Но, въ виду того, что самая идея общества «необходимо предполагаетъ дѣятельное и сознательное сотрудничество» ⁵⁾, онъ оставляетъ въ сторонѣ полиповъ, мадрэпоровъ и асцидій и обращается прямо къ птицамъ и млекопитающимъ, которыя должны многому научить соціолога.

¹⁾ *De la Nature des Choses* (стр. 230).

²⁾ *Ibid.* (стр. 228).

³⁾ *L'évolution politique dans les diverses races humaines* (1890);
L'évolution juridique dans les diverses races humaines (1891).

⁴⁾ «Соціальная эволюція должна изучаться, какъ глава естественной исторіи». *L'Évolution politique* (стр. 2).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 3).

Однако, изученіе обществъ животныхъ представляетъ лишь прологъ къ изученію человѣческихъ обществъ, гдѣ только и можно наблюдать эволюцію и прогрессъ политическихъ идей.

Правда, съ первыхъ же шаговъ мы встречаемся съ затрудненіемъ: намъ ничего не извѣстно о политическихъ идеяхъ человекоподобныхъ обезьянъ и людей каменнаго вѣка¹⁾. Остается прибѣгнуть къ гипотезѣ. Человѣкъ каменнаго вѣка «долженъ былъ сильно походить на представителей низшихъ типовъ современнаго человечества: фиджійцевъ, бушменовъ, веддовъ»²⁾. Но общемою чертою всѣхъ этихъ ордъ служитъ отсутствіе всякой соціальной организаціи, — что Летурно, какъ бы въ pendant къ «естественному состоянію» XVIII вѣка, называетъ «первичной анархіей»³⁾.

За періодомъ первичной анархіи слѣдуетъ періодъ подчиненія одному главѣ, «республиканское племя», въ свою очередь, уступающее мѣсто «зачаточному монархическому клану»⁴⁾. Переходъ отъ перваго члена ряда къ послѣднему совершается подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ война, требующая власти одного начальника, и рабство, создающее неравенство богатствъ⁵⁾. Какимъ же образомъ этотъ регрессъ, — переходъ отъ первоначальной независимости къ порабощенію вполне заслуживаетъ такого

¹⁾ *L'Évolution politique* (стр. 27).

²⁾ *Ibid.* (стр. 27).

³⁾ *Ibid.* (стр. 29). — Анархія относительная, какъ показываетъ самъ авторъ, говоря объ этихъ народцахъ.

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 34).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 55).

названія, ¹⁾—согласуется съ закономъ прогресса, о которомъ намъ только что говорили? На это мы не получаемъ отвѣта.

У низшихъ расъ монархическое племя переходитъ въ «небольшую варварскую монархію», каковы, напримѣръ, монархіи экваторіальной Африки и монархіи монгольскихъ и монголовидныхъ племенъ. За небольшими варварскими монархіями слѣдуютъ большія: Перу, древняя Мексика, древній Египетъ, Эіопія, Японія, Китай. У трехъ великихъ вѣтвей бѣлой расы (берберовъ, семитовъ, арійцевъ, порядокъ послѣдовательности мѣняется. Ихъ политическая эволюція «не вылилась въ тѣ же формы, какъ у цвѣтныхъ расъ» ²⁾. Берберы не дошли до ступени большихъ монархій. Въ Картагенѣ, послѣ періода варварскихъ монархій, мы видимъ «обратное движеніе къ республиканской монархіи» съ «болѣе сложной структурой» ³⁾. То же самое въ Аѳинахъ ⁴⁾. Нѣкоторые народы бѣлой расы, вступившіе на путь подобнаго возврата къ республиканскому быту, могутъ служить примѣрами для подражанія, которые «серьезная соціологія» должна рекомендовать всѣмъ.

Этнографическая соціологія ставитъ своей задачей «медленное и терпѣливое» изслѣдованіе фактовъ ⁵⁾. Но она разсчитываетъ, въ то же время, «возвыситься» надъ мелкими инцидентами, «ослѣпляющими внима-

¹⁾ Л е т у р н о говоритъ самъ: «По всей землѣ республиканское племя вырождается въ монархическое». *L'Évolution politique* (стр. 80).

²⁾ *Ibid.* (стр. 249).

³⁾ *Ibid.* (стр. 250).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 309).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 525).

іе историка» ¹⁾. Поэтому, соціологъ-этнографъ не долженъ отступать передъ тѣмъ, что можно назвать научнымъ колдовствомъ» ²⁾. Дѣйствительно, только этимъ именемъ и можно назвать операцію, при помощи которой «возвратъ къ республиканскому быту» можетъ быть возведенъ въ образецъ и разсматриваться, какъ законъ прогрессивныхъ обществъ. Авторъ *Политической эволюціи* упрекаетъ Спенсера за то, что тотъ называетъ своимъ «анархическимъ сномъ» ³⁾. Между тѣмъ, набрасывая картину будущаго идеальнаго общественнаго строя, созерцаніе котораго, очевидно, вознаграждаетъ его за отсутствіе подробныхъ свѣдѣній о политическихъ идеяхъ человекоподобныхъ обезьянъ, авторъ увѣряетъ, что правительство будетъ при этомъ строѣ «доведено до минимума» ⁴⁾.

Однако, можно сомнѣваться, чтобы таково именно было вполнѣ точное выраженіе его мысли, такъ какъ, по заявленію автора, правительство должно будетъ исполнять всевозможныя обязанности, какъ, напримеръ, доставлять всѣмъ знанія, распредѣлять людей, въ зависимости отъ ихъ нравственныхъ качествъ и познаній, между различными отраслями національной дѣятельности, наконецъ, организовать всеобщее изби-

¹⁾ *L'Évolution politique*. Ср. (стр. 110): — «Я избѣгалъ связывать себя безплоднымъ историческимъ методомъ, т.-е. за массою частныхъ забывать общее».

²⁾ *Ibid.* (стр. 50).— На той же страницѣ: «Древнія легенды часто рассказываютъ намъ о волшебникахъ и волшебницахъ, и пр...»— Ср. также стр. 106.

³⁾ *Ibid.* (стр. 539—540).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 545).

рательное право ¹⁾). Все эти разнообразныя формулы переплетаются и сталкиваются другъ съ другомъ, не вызывая со стороны автора ни малѣйшей попытки показать, какимъ образомъ ихъ можно согласить между собою.

V.

Научный социализмъ нашелъ въ лицѣ Бёнуа Малона ²⁾, не говоря уже о немъ, какъ о борцѣ, дѣятельность котораго не подлежитъ нашему изслѣдованію, своего историка и теоретика. Какъ историкъ, Б. Малонъ не отличается ясностью идей, но онъ всегда поучителенъ, и его книги, если ими пользоваться разборчиво, даютъ читателю возможность ориентироваться въ обширной литературѣ школы. Какъ теоретикъ,—работа его, посвященная теоріи социализма, осталась неоконченной,—онъ во многихъ важныхъ пунктахъ исправляетъ доктрину Карла Маркса. Мы увидимъ, цѣною какихъ противорѣчій.

Если Бёнуа Малонъ исправляетъ доктрину Маркса, то значитъ ли это, что онъ ее раздѣляетъ? Говоря вообще, да. Подобно Марксу, Бёнуа Малонъ вѣритъ въ неизбежность социальной революціи, какъ результата противорѣчія, существующаго между современными условіями производства и условіями присвоенія. Подобно ему, онъ вѣритъ въ наступленіе коллективистическаго строя. Подобно ему, онъ думаетъ, что *четвертое сословіе* должно организо-

¹⁾ *L'Évolution politique* (стр. 544).

²⁾ См. особенно: *Le nouveau parti* (1881); *Le Socialisme intégral* (т. I и II, 1890); *Précis de Socialisme* (1892, появился лишь 1-й т.).

ваться въ партію, какъ особый классъ, чтобы ускорить часъ триумфа; и если онъ рѣшительно предпочитаетъ мирные пути, то, все же, онъ не осуждаетъ и обращенія къ силѣ¹⁾. Вотъ точки соприкосновенія между Бѣнуа Маломъ и Карломъ Марксомъ. Не менѣе значительны, однако, и точки ихъ расхожденія.

Мы уже видѣли, что, въ качествѣ историка, Бѣнуа Малонъ старается показать, какъ велико было вліяніе французскихъ социалистовъ первой т^рети XIX вѣка²⁾. Въ качествѣ теоретика, онъ проникнутъ духомъ, воодушевлявшимъ этихъ писателей. Подобно имъ, онъ настроенъ сантиментально и идеалистически, стремится осуществить царство справедливости на землѣ. Поправки, вносимыя имъ въ доктрину Карла Маркса, не имѣютъ иного *raison d'être*.

Бѣнуа Малонъ не допускаетъ мысли, чтобы общество было простымъ «рефлексомъ» экономическихъ отношеній, существующихъ между его членами; и если на борьбу классовъ, по его мнѣнію, можно смотрѣть, какъ на важный элементъ историческаго процесса, то ей, все же, нельзя придавать господствующаго значенія³⁾. Моральныя силы, въ его глазахъ, важнѣе матеріальныхъ интересовъ. Развитие человѣчества слишкомъ сложно, чтобы, на ряду съ

1) «Подъ соціальной революціей мы понимаемъ,—установимъ это однажды навсегда,—соціальное преобразование, безразлично, совершится ли оно путемъ насилія, или нѣтъ. Но, какъ бы ни совершилась эта революція, *путемъ ли голосованія, или при помощи оружія, въ зависимости отъ обстоятельствъ*,—мы увѣрены, что для этого необходима организація пролетаріата, какъ класса, въ особую партію». *Nouveau parti* (стр. 31).

2) См. выше (кн. II, гл. 2).

3) *Précis de Socialisme* (т. I, стр. 138).

факторами экономическими ¹⁾, не подчиняться влиянию политических, философских и даже религиозных факторов ²⁾. Объясняя моральный материализм Карла Маркса вызвавшими его обстоятельствами, Бёнуа Малонъ, тѣмъ не менѣе, упрекаетъ автора *Капитала* и его слишкомъ послушныхъ учениковъ въ томъ, что они «суживаютъ социальный вопросъ» ³⁾, лишаютъ его характера «вопроса человеческого» ⁴⁾, забываютъ, что великими революціями могутъ считаться только тѣ, которыя совершаются во имя идей и чувства, благодаря «могучимъ мыслямъ», благодаря «постоянному дѣйствию индивидуальнаго и коллективнаго самопожертвованія» ⁵⁾. Между тѣмъ, какъ Марксъ безстрастно записываетъ результаты статистики, Малонъ проникнуть чувствомъ величайшей жалости къ слабымъ и страждущимъ, и даетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее опредѣленіе социалиста, — опредѣленіе, отличающееся, по мнѣнію логиковъ, чрезмѣрной широтой: «Человѣкъ, который носитъ въ своемъ сердцѣ незаживленную рану міровой скорби» ⁶⁾.

Какъ мы уже говорили, слово *справедливость* и выражаемое имъ чувство отсутствуютъ въ сочиненіи Маркса. Бёнуа Малонъ не только произноситъ это слово, но и проникнуть чувствомъ справедливости.

¹⁾ «Будущее человечество не обойдется безъ религіи. Гуманизмъ замѣнитъ всѣ остальные религіи». Б. Малонъ, переводъ *Квинтъ-эссенціи социализма* Шеффле (стр. 101, примѣчаніе).

²⁾ *Précis de Socialisme* (т. I, стр. 143—145).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 149).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 152, 177).

⁵⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 143, 151, 185).

⁶⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 187).

Онъ хвалитъ Лассалья за то, что тотъ «гуманиѣе» Маркса ¹⁾, и относится съ почтительнымъ, чтобы не сказать, робкимъ, уваженіемъ къ Прудону, — не къ выводамъ послѣдняго, которые онъ отрицаетъ и осуждаетъ ²⁾, а къ тому, что онъ называетъ «законной заботой Прудона объ индивидуальной свободѣ» ³⁾. Въ новомъ обществѣ, которое онъ призываетъ въ своихъ желаніяхъ, которое онъ предвидитъ, но возникновеніе котораго онъ не считаетъ возможнымъ сразу ⁴⁾, Малонъ стремится отвести широкое мѣсто праву и свободѣ. Подобно Шеффле, онъ хорошо понимаетъ, что именно здѣсь уязвимый пунктъ коллективизма, а потому щедрою рукою разсыпаетъ ободряющія увѣренія. Свобода въ потребленіи продуктовъ вполне согласима съ коллективистической организаціей ⁵⁾. То же слѣдуетъ сказать о свободѣ профессій и свободѣ труда ⁶⁾. Кромѣ того, коллективизмъ не столько рѣзкая антитеза современному социальному строю, сколько «соглашеніе, на почвѣ справедливости, между прежнимъ утопическимъ коммунизмомъ и господствующимъ индивидуализмомъ» ⁷⁾.

И дѣйствительно, Малонъ все время горячо стоитъ за реформы, какъ средство «избѣжать тѣхъ крова-

1) *Socialisme intégral* (т. I, стр. 185, сноска).

2) См. *Précis de Socialisme* (т. I, стр. 105 и слѣд.).

3) *Ibid.* (т. I, стр. 108).

4) «Коллективизмъ—лишь надежда». *Ibid.* (т. I, стр. 225).— Въ данномъ случаѣ авторъ говоритъ почти что языкомъ своихъ предшественниковъ, Пеккёра и Видаля.

5) *Ibid.* (т. I, стр. 329).

6) *Ibid.* (т. I, стр. 317—318).

7) *Ibid.* (т. I, стр. 224).

выхъ столкновений»¹⁾, возможности которыхъ онъ, все же, не могъ не предполагать. Онъ обращается одновременно и къ пролетаріямъ, и къ буржуа, побуждая первыхъ къ «реформаціонному вмѣшательству» и стараясь такимъ путемъ отвлечь отъ «революціонной дѣятельности»²⁾, заклиная вторыхъ противопоставить «справедливому недовольству и слѣпой ненависти—чувства справедливости и братства»³⁾. Онъ набрасываетъ картину будущаго общества, къ которому приведетъ «соціалистическое возрожденіе», и въ этой картинѣ Сэнъ-Симонъ и Пьеръ Лёру нашли бы воплощеніе нѣкоторыхъ своихъ любимыхъ идей, а Фурье и Кабэ встрѣтили бы оптимизмъ и наивность, проявленные ими самими въ ихъ великодушныхъ и восторженныхъ мечтахъ⁴⁾.

Принимая во вниманіе многочисленность поправокъ, вносимыхъ Малономъ въ доктрину Маркса, начинаешь менѣе удивляться его ссылкамъ, подобно Бентаму, на принципъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей и даже, подобно Канту, на принципъ уваженія къ человѣческой личности. «Болѣе вѣка тому назадъ, — говоритъ онъ, — Кантъ установилъ два принципа нравственности, охватывающихъ собою почти всю область человѣческой дѣятельности». И онъ цитируетъ, кромѣ максимы, предписывающей поступать по правиламъ, которыя могли бы быть возведены во всеобщіе законы, другую максиму, въ которой выражается господствующая идея спиритуалистической философіи права: «Ни-

¹⁾ *Précis de Socialisme* (т. I, Предисловіе, стр. II).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 165).

³⁾ *Ibid.* (т. I, Предисловіе).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 325—339).

когда не смотри ни на свою, ни на чужую человеческую личность, какъ на средство, а какъ на цѣль» ¹⁾).

Какъ бы ни была умѣренна коллективистическая дисциплина,—даже соглашаясь съ Бѣнуа Малонемъ, хотя это еще далеко не доказано или доказуемо, что вносимыя имъ смягченія согласимы съ социальнымъ строемъ, за который онъ стоитъ,—она, все же, будетъ выражаться въ слишкомъ мелочной и, въ особенности, слишкомъ *внѣшней*, слишкомъ *чуждой* воли регламентаціи, чтобы быть въ состояніи способствовать благопріятному развитію моральной личности. Героическая душа, — душа, преисполненная любовью, быть-можетъ, и была бы въ состояніи, постоянно жертвуя собою, облагородить, скажемъ даже, освятить такое абсолютное подчиненіе. Но для этого она должна быть именно героической, тогда какъ даже самое совершенное воспитаніе не способно во всѣхъ воспитывающихся развить героическія чувства.

Ничто не мѣшаетъ, — въ концѣ-концовъ Малонъ такъ и поступаетъ, — надстроить надъ коллективизмомъ очень возвышенную и благородную мораль. Но было бы невозможно доказать, что наиболѣе благородныя моральныя концепціи ведутъ къ политикѣ и социальной экономіи, аналогичнымъ политикѣ и экономіи коллективизма; въ особенности же, что такая политика, такая социальная экономія совмѣстимы съ моралью, построенной на кантіанскомъ принципѣ высшей цѣнности человеческой личности. Во всякомъ случаѣ, Малонъ не постарался этого

¹⁾ *Précis de Socialisme* (т. I, стр. 180).

доказать, и созданная имъ система дѣлаетъ честь скорѣе его благородству, какъ человѣка, чѣмъ его логикѣ, какъ мыслителя.

VI.

Изъ предшествующихъ примѣровъ видно, какъ индивидуализмъ соединялся съ доктринами, повидимому, совершенно его исключаящими. Теперь—вотъ изъ числа многихъ два примѣра, которые, наоборотъ, показываютъ, какъ къ доктринѣ, принципиально совершенно индивидуалистической, присоединяются чуждые, враждебные ей элементы. Я имѣю въ виду одного экономиста и одного юриста, сочиненія которыхъ въ остальныхъ отношеніяхъ не имѣютъ между собою ничего общаго.

Какъ экономистъ, Курсэлли-Сэнэйль¹⁾ принимаетъ основныя положенія школы, но придаетъ имъ своеобразную форму. Онъ исходитъ изъ философіи Бентама; однако, онъ исправляетъ ея формулу. Намѣсто принципа наибольшаго счастія наибольшаго числа людей онъ ставитъ принципъ наивозможно полнаго развитія жизни въ человѣчествѣ²⁾. Немногіе экономисты анализировали съ такою проницательностью, какъ онъ, причины современнаго социалистическаго движенія³⁾, или опровергали съ большей силой и точностью идеи Карла Маркса по

1) См. особенно: Courcelle-Seneuil, *Études sur la science sociale* (1862); *L'Histoire de la Révolution* (1877); *Liberté et socialisme* (1868); *Préparation à l'étude du Droit* (1887).

2) См. *Préparation à l'étude du Droit* (Прибавленіе 2, стр. 371—396).

3) *Ibid.* (стр. 175—186).

поводу прибавочной цѣнности и теорію обобществленія орудій труда ¹⁾).

Курсэллю-Сэнэйлю относится враждебно къ уступкамъ и компромиссамъ и проявляетъ очень мало склонности къ расширенію путемъ законодательства разнаго рода палліативовъ, каковы, наримѣръ, участіе въ прибыляхъ и производительныя и потребительныя общества ²⁾. Онъ вооружается противъ вмѣшательства государства въ промышленный строй съ такою же горячностью ³⁾, съ какою выступаетъ на защиту свободы труда.

То же отвращеніе къ принужденію, ту же вѣру въ свободу, тотъ же энергичный призывъ къ индивидуальной энергіи мы находимъ у него и въ томъ случаѣ, когда онъ обсуждаетъ вопросы политики, управленія, морали. Сфера дѣятельности государства должна все болѣе и болѣе суживаться, сфера дѣятельности частныхъ лицъ расширяться ⁴⁾. Прогрессъ всегда совершался въ этомъ направленіи ⁵⁾. Индивидуальная свобода не должна имѣть иныхъ границъ, кромѣ уваженія къ свободѣ другого ⁶⁾. Все это—точное выраженіе индивидуалистическаго тезиса, въ томъ его видѣ, по крайней мѣрѣ, какой онъ полу-

¹⁾ *Préparation à l'étude du Droit* (стр. 122—130).

²⁾ «Идея сдѣлать общимъ правиломъ, при посредствѣ власти, ту или другую изъ этихъ трехъ мѣръ—одна изъ тысячи опасныхъ идей нашего времени» *Ibid.* стр. 168).

³⁾ См. въ особенности: *Études sur la science sociale* (стр. 222—225) и *Prép. à l'ét. du Droit* (стр. 111—112).

⁴⁾ *Études sur la science sociale* (стр. 225 и сл.).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 217).

⁶⁾ *L'héritage de la Révolution* (стр. 222).

часть у экономистовъ, когда послѣдніе сводятъ его къ противоположности индивидуума и государства, чтобы повергнуть индивидуума въ прахъ передъ государствомъ ¹⁾).

Съ другой стороны, въ качествѣ послѣдователя Бентама, Курсэлль-Сэнэйль выражаетъ полнѣйшее отвращеніе къ чистому разуму, къ абстрактному принципу права, къ теоріи естественнаго права и Декларации правъ человѣка. Для него Декларация правъ—продуктъ чистой фантазіи, совершенно лишенный юридическаго характера ²⁾. Что можетъ быть «искусственнѣе» такъ называемаго естественнаго права? ³⁾ Идею права, какъ ее понимаетъ «интуитивная школа», можно изучать только при посредствѣ чистаго разума, стоящаго выше опыта ⁴⁾. Такимъ образомъ, Курсэлль-Сэнэйль, подобно Бентаму, ставитъ передъ нами трудную задачу: примирить индивидуалистическую политическую экономію съ отрицаніемъ принципа всякаго индивидуализма.

Трудность усугубляется еще вслѣдствіе сильнаго вліянія на Курсэлль-Сэнэйля позитивизма. Это вліяніе, сказывающееся во всѣхъ его работахъ, особенно замѣтно въ томъ случаѣ, когда онъ, въ своей общей концепціи морали, подставляетъ идею жизни вмѣсто идеи счастья и когда онъ ставитъ общество выше индивидуума. Человѣкъ не представляетъ собою «изолированное существо». Повсюду

¹⁾ Богъ, который получаетъ ежедневно столько почестей не имѣетъ реального существованія». *Préc. à l'étude du Droit* (стр. 131, 138, 277).

²⁾ *Ibid.* (стр. 214).

³⁾ *Ibid.* (стр. 209).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 396—420).

мы наблюдаемъ его «связаннымъ съ извѣстной группой» ¹⁾. Онъ получаетъ отъ общества «и свою жизнь и свои идеи». Соціальное сознаніе «порождаетъ наше сознаніе, проясняетъ его и контролируетъ» ²⁾. Намъ самимъ принадлежитъ очень мало. Даже нашихъ правъ и свободъ мы имѣемъ основаніе требовать только потому, что они необходимы обществу, отъ котораго мы ихъ получаемъ ³⁾.

Курсэллю - Сэнэйлю напрасно желаетъ насъ увѣрить, что подобныя права не менѣе почтенны и драгоцѣнны, чѣмъ тѣ, которыя вытекали бы изъ раціональнаго принципа. Разъ «соціальное право» важнѣе индивидуальнаго и соціальное сознаніе выше индивидуальнаго сознанія, свобода находится въ опасности. Достаточно, впрочемъ, процитировать отрывокъ, взятый изъ одного его сочиненія, чтобы это противорѣчіе ясно сказалось въ нѣсколькихъ строкахъ. Авторъ только что перечислилъ выгоды, получаемыя индивидуумомъ отъ общества. Онъ только что показалъ намъ, что индивидуумъ душою и тѣломъ связанъ съ подобными себѣ и постоянно находится подъ угрозой силы общественнаго мнѣнія или принужденія. Вдругъ онъ останавливается, какъ будто неожиданно вспомнивъ, что въ его собственныхъ глазахъ орудіемъ всякаго прогресса является индивидуальная инициатива. И вотъ, сейчасъ же, послѣ настойчивыхъ указаній на то,

¹⁾ *Prép. à l'étude du Droit.* (стр. 30—32).

²⁾ *Études sur la science sociale* (стр. 151).

³⁾ «Они являются формой соціального права, результатомъ уклада, созданнаго для роста и сохраненія общества и каждой изъ составляющихъ его семей». *Ibid.* (стр. 151 и 152). «У насъ только тѣ права, которыя мы получаемъ отъ общества».

чѣмъ индивидуумъ обязанъ обществу, онъ пишетъ: общество, въ сущности, слагается только изъ индивидуумовъ; оно не что иное, какъ «мысленное существо» ¹⁾).

Такимъ образомъ, реальное существо, индивидуумъ, всѣмъ обязанъ обществу, представляющему собою лишь мысленное существо.

Смѣшеніе и противорѣчивость элементовъ бросается въ глаза у Аколлы, въ его *Философіи политической науки* ²⁾. Сочиненіе имѣетъ два эпиграфа, которые сами по себѣ подчеркиваютъ этотъ контрастъ гораздо болѣе, чѣмъ того хотѣлъ бы, разумѣется, самъ авторъ. «Политика — только глава изъ естественной исторіи», говоритъ одинъ изъ эпиграфовъ. Второй эпиграфъ гласитъ: «Право и Свобода». Откройте книгу: она не уничтожаетъ впечатлѣнія, произведеннаго первой страницей. Въ ней твердо установлено, что индивидуумъ предшествуетъ соціальной группѣ и первенствуетъ надъ нею. «Соціальная монада, это—индивидуумъ» ³⁾. Государство, которое «въ идеалѣ—ничто», а на практикѣ стремится быть всѣмъ, должно «стремиться обратиться въ ничто» ⁴⁾. Соціальное право — «обветшавшая теорія». Только теорія «автономіи человѣческой личности» ⁵⁾ «юная и новая» теорія. Эти заявленія и опредѣленія могли бы выдать автора за сторонника спиритуалисти-

¹⁾ *Études sur la science sociale* (стр. 155).

²⁾ A c o l l a s, *Philosophie de la science politique et Commentaire de la déclaration des Droits de l'homme de 1793*.

³⁾ *Phil. de la science politique* (Предисловіе. стр. V. — Ср. стр. 103).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 106).

⁵⁾ *Ibid.* (Предисловіе, стр. VI).

ческой метафизики; поэтому, онъ подставляетъ подъ нихъ натурализмъ, первымъ слѣдствіемъ котораго, въ глазахъ автора, является необходимость слить «науку о человѣкѣ съ наукой о природѣ», «политику съ физиологіей человѣка» ¹⁾. Но если «наука о природѣ — все или почти все», что же остается на долю философіи права? Если человѣкъ «ни существо особаго рода, ни король», какъ можно говорить о его «автономіи» ²⁾.

Нѣтъ, разумѣется, никакой нужды настаивать на несвязности этихъ концепцій. Не то, чтобы авторъ *Философіи политической науки* приносилъ въ жертву право личности. Но, если онъ и спасаетъ его, то цѣною очевиднѣйшихъ непослѣдовательностей. Его экономическій и политическій индивидуализмъ осуждаетъ его натуралистическую философію; а его натуралистическая философія, если бы она оставалась вѣрна самой себѣ, должна была бы отнять у его индивидуализма всякій *raison être*, а равно и всякую возможность къ проявленію.

VII.

Это смѣшеніе различныхъ элементовъ, наличность котораго мы сейчасъ констатировали въ такомъ значительномъ числѣ сочиненій, ясно свидѣтельствуешь о постоянной и даже возрастающей неустойчивости идей. Оно неоспоримо свидѣтельствуешь также о явной

¹⁾ *Phil. de la science politique*. Предварительныя замѣчанія (стр. 15).

²⁾ *Ibid.* Предварительныя замѣчанія (стр. VII).

склонности отводить мѣсто индивидууму и его праву, мѣсто свободѣ, даже въ системахъ, наиболѣе проникнутыхъ научнымъ или историческимъ духомъ.

И могло ли быть иначе? Правда, въ наше время исторія и естествознаніе неотразимо влекутъ къ себѣ, и это легко объясняется постоянными завоеваніями науки о природѣ и страстной любознательностью, съ которой человѣкъ въ изученіи прошлаго ищетъ тайны своего происхожденія; но чувство индивидуальной свободы, вѣра въ высокую цѣнность человѣческой личности точно такъ же представляютъ собою силы, способныя противостоять всякимъ покушеніямъ.

Но разъ условія борьбы одинаковы, слѣдовало бы ожидать, что индивидуализмъ сумѣетъ хорошо защититься отъ нападеній, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ. Такъ ли это?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разложене индивидуализма и успѣхи государственнаго социализма.

Индивидуализмъ, какъ его понимали Бенжаменъ Констанъ, Бастіа, ихъ ученики и послѣдователи, обозначаетъ собою возвращене къ возвышенной доктринѣ XVIII вѣка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимаетъ важное мѣсто и въ области идей. Его главные тезисы, если ихъ связать воедино, образуютъ довольно прочное цѣлое. Всѣ они опираются на одну общую точку зрѣнія, которая сообщаетъ имъ извѣстную теоретическую цѣнность. Это — доктрина наущербѣ, но, все-таки, доктрина, и ея приверженцы горячо стоятъ за нее.

Въ настоящее время связь, недавно соединявшая различныя части системы, исчезла, и у послѣднихъ представителей школы, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ вѣры въ абсолютную цѣнность своихъ собственныхъ идей. Кромѣ того, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ философіи, вродѣ эклектизма, которая давала бы имъ точку опоры, хотя и не особенно прочную, но, все-таки, реальную, всѣ они — въ различной степени, но всѣ безъ исключенія — подверглись вліянію метода и міросозерцанія, несовмѣстимыхъ съ ихъ принципами.

Отсюда — все болѣе и болѣе возрастающее безсиліе индивидуализма защититься отъ натиска противниковъ. Отсюда, равнымъ образомъ, — все возрастающіе успѣхи государственнаго социализма, являющагося какъ бы серединой между индивидуализмомъ и настоящимъ социализмомъ, изворотомъ, который считается пригоднымъ для устраненія наиболѣе острыхъ затрудненій, такъ какъ избавляетъ отъ необходимости касаться существа дѣла.

I.

Превосходство свободныхъ учрежденій и, въ частности, парламентскаго строя, принципъ невмѣшательства государства въ экономическія и моральныя отношенія, совмѣстимость свободы и демократіи: таковы были, какъ намъ извѣстно, основныя положенія либеральной школы. Съ тѣхъ поръ эти положенія подвергались столько разъ самой разносторонней критикѣ, что въ настоящее время немногіе писатели, даже изъ тѣхъ, которые называютъ себя индивидуалистами, отстаиваютъ всѣ эти принципы въ цѣломъ и во всей полнотѣ. За исключеніемъ *Принциповъ права* Боссира ¹⁾ и книги: *Индивидуальное право и государство* Бёдана ²⁾, я не знаю ни одного новаго сочиненія, проникнутаго духомъ индивидуализма, которое не дѣлало бы противникамъ индивидуализма важныхъ, иногда даже рѣшительныхъ уступокъ въ вопросахъ капитальнаго значенія. Да и книга Бёдана вся проникнута сознаніемъ современ-

¹⁾ Beaussire, *Les Principes du Droit* (1888).

²⁾ Beudant, *Le Droit individuel et l'État* (1891).

наго кризиса, полна грусти при видѣ того, что препятствуетъ и угрожаетъ дорогимъ автору принципамъ¹⁾. Его книга — энергическое и страстное выступленіе въ защиту дѣла, которое чувствуется проиграннымъ. Книга Боссипа содержитъ, правда, главные черты либеральной доктрины, но авторъ скорее скользитъ по поверхности вопросовъ, чѣмъ проникаетъ въ ихъ глубину, и злоупотребляетъ чисто-словеснымъ синтезомъ для примиренія теорій, въ которыхъ самый нетребовательный анализъ обнаруживаетъ разнородные, если не непримиримые, элементы²⁾.

Если оставить въ сторонѣ эти двѣ книги, то гдѣ мы найдемъ индивидуалистическій тезисъ выраженнымъ безъ ограниченій и умолчаній, какимъ мы встречаемъ его у писателей эпохи Реставраціи, Июльской монархіи и Второй имперіи? Гдѣ найдемъ, въ особенности, трогательную вѣру въ очевидность своихъ мнѣній, одушевлявшую когда-то сторонниковъ этой доктрины?

Я не знаю теперь публициста, который, подобно Рэмюза, пользовался бы для защиты парламентскаго строя аргументами изъ Аристотеля? Либералы, еще не отказавшіеся отъ защиты этого строя, считаютъ его только средствомъ, пригоднымъ для извѣстной переходной фазы развитія обществъ, почти несомѣстимымъ съ прогрессомъ демократіи и осужденнымъ, вѣроятно, нѣкогда рухнуть подъ напоромъ

1) См. *Le Droit individuel et l'État*, заключеніе (стр. 276, 288).

2) Примѣромъ такого словеснаго синтеза можетъ служить примиреніе въ томъ, что авторъ называетъ «верховенствомъ права», трехъ теорій: 1) божественнаго права; 2) верховенства народа; 3) верховенства разума... *Principes du Droit* (кн. II, гл. 1).

этой демократіи, какъ слишкомъ хрупкая и сложная рамка для ея поддержки¹⁾. Тѣ же самыя, если не еще болѣе сильныя, оговорки встрѣчаемъ мы относительно политической свободы и ея главной гарантіи—раздѣленія властей. Или намъ рѣшительно возражаютъ противъ возможности раздѣленія трехъ властей, по крайней мѣрѣ, въ ихъ источникѣ, такъ какъ, если законодательная власть исходитъ отъ народа, то исполнительная власть назначается парламентомъ, а судебная избирается властью исполнительной, — слѣдовательно, всѣ три власти не только не допускаютъ абсолютнаго раздѣленія, но тѣсно связаны между собой²⁾. Или намъ показываютъ, съ исторіей въ рукахъ, что смотрѣть на раздѣленіе властей, какъ на политическій идеалъ современныхъ обществъ — «странная иллюзія». Наоборотъ, правильный ходъ общественной жизни зависитъ отъ ихъ «сотрудничества», отъ ихъ «солидарности»³⁾.

Если и встрѣчаются еще (впрочемъ, въ меньшинствѣ) экономисты, строго придерживающіеся теоріи абсолютнаго невмѣшательства государства, то другіе замѣтно уклоняются отъ этой строгости, не считая себя, однако, черезъ это еретиками.

Сказанное подтверждаютъ труды Журдана и Виллэ. Послѣдній не допускаетъ, чтобы единственной задачей государства было сохраненіе существующаго

¹⁾ См. у E. de Laveleye, въ *le Gouvernement de la Démocratie* (т. II, стр. 93 и сл.) сводку всѣхъ возраженій, направленныхъ противъ парламентскаго строя самими либералами.

²⁾ См., напримѣръ, Fernéuil, *Les Principes de 1789 et la Science sociale*.

³⁾ См. L. Duguit, *La Séparation des pouvoirs et l'Assemblée nationale de 1789* (Paris, Larose, 1893).

порядка. Государство, говоритъ онъ вмѣстѣ съ Дюпономъ-Уайтомъ, обязано не только сохранять, но также «итти впередъ по пути прогресса»¹⁾. Авторъ принимаетъ потомъ всякаго рода предосторожности, чтобы не зайти слишкомъ далеко; тѣмъ не менѣе, онъ началъ съ установленія принципа, отъ котораго въ ужасѣ отшатнулось бы столько его предшественниковъ. Журданъ, болѣе осторожный и боязливый, чѣмъ Виллэ, отдѣляетъ себя отъ тѣхъ, кого онъ называетъ «радикалами въ политической экономіи», и отказывается порвать «узы необходимости, соединяющія экономическій строй съ государствомъ»²⁾.

Хотя Лёруа-Больё, въ своей интересной книгѣ: *Современное государство и его функции*³⁾, горячо отстаиваетъ главные принципы экономистовъ и не отрицаетъ *laissez faire, laissez passer*⁴⁾; хотя онъ подчеркиваетъ опасность, которой угрожаютъ свободѣ системы, отдающія силу государства на служеніе извѣстнаго соціального идеала⁵⁾; хотя онъ желаетъ видѣть въ государствѣ большое общество взаимнаго вспоможенія и страхованія, довольно похожее, въ концѣ-концовъ, на частныя торговыя и промышленныя общества⁶⁾, — съ тою, однако, разницею, что общество, образующее государство, состоитъ не изъ ограниченаго числа участниковъ, а изъ всѣхъ гражданъ

¹⁾ Ville y, *Du Rôle de l'État dans l'ordre économique* (стр. 16).

²⁾ Jourdan, *Du Rôle de l'État dans l'ordre économique* (стр. 396).

³⁾ Leroy - Beaulien, *L'État moderne et ses fonctions* (1890).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 7).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 242).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 76 и сл.).

данной страны, — тѣмъ не менѣе, онъ дѣлаетъ важныя уступки духу времени.

Онъ допускаетъ, напримѣръ, что, по мѣрѣ эмансипаціи, усложненія и роста общества, къ двумъ первичнымъ функціямъ всякаго государства, внѣшней безопасности и организаціи правосудія, прибавляется новая функція. Она состоитъ въ томъ, что государство принимаетъ участіе въ дѣлѣ прогресса, не препятствуя, разумѣется, прочимъ силамъ, работающимъ въ этомъ направленіи¹⁾. Но такую границу трудно установить. Впрочемъ, и самъ Лёруа-Больё чувствовалъ это, констатируя невозможность *a priori*²⁾ опредѣлить сферу дѣятельности государства и сферу дѣятельности индивидуума, такъ какъ въ жизни онѣ «проникаютъ одна въ другую» и «перемѣщаются»³⁾. Это совершенно справедливо; но остается еще знать, не должны ли эти перемѣщенія быть результатомъ рефлексіи, а не случайности, и не могутъ ли, не должны ли они пойти далѣе того пункта, гдѣ довольно произвольно желаютъ фиксировать ихъ экономисты?

Либералы признали впоследствии совершенно немыслимой ту тѣсную связь, которую Прэво-Парадолъ установилъ, по его мнѣнію, между демократіей и политической свободой⁴⁾. Изучая подъ конецъ своей

¹⁾ *L'État et ses fonctions* (стр. 39 и сл.).

²⁾ *Ibid.* (стр. 41).

³⁾ *Ibid.* (стр. 41).

⁴⁾ Новая Франція занимается, какъ извѣстно, вопросами объ устройствѣ, въ той или иной политической формѣ, «демократическаго и свободнаго» правленія, изученіемъ «условій установленія свободы во французской демократіи». Подобныя выраженія постоянно встрѣчаются у него. См. особенно (стр. 129—130; 149).—См. Gréard, *Prévost-Paradol* (стр. 73 и сл.).

жизни политическое состояніе Франціи (эти страны заслуживаютъ полнаго вниманія) ¹⁾, Шерэ недавно констатировалъ неодолимый отнынѣ ростъ демократіи ²⁾. Но если ей и придется подчиниться, то жить при ея господствѣ будетъ трудно, въ особенности же будетъ трудно построить социальную жизнь согласно прекрасной формулѣ либераловъ, потому что антагонизмъ между свободой и демократіей будетъ «становиться все болѣе и болѣе очевиднымъ» ³⁾. Во всѣхъ вопросахъ чистой политики, финансовъ, образованія или благотворительности «демократическое рѣшеніе» противоположно «либеральному рѣшенію» ⁴⁾, и эта противоположность будетъ все болѣе усиливаться.

Прогрессирующее разобщеніе между тезисами, еще недавно тѣсно связанными между собой; очевидный упадокъ духа у большинства тѣхъ, кто еще поддерживаетъ эти тезисы,—такова первая причина, объясняющая современный кризисъ индивидуализма. Но эта причина не единственная и даже не самая важная.

II.

Бастіа смѣшивалъ факты съ философскими разсужденіями, съ апріорными взглядами. Свободный обмѣнъ и свободная воля отлично уживались у него вмѣстѣ. Современные экономисты враждебно относятся ко всему, что они называютъ «теоріей» или «философіей». Они требуютъ, чтобы мы оста-

¹⁾ Éd. Sché rer, *La Démocratie en France* (1884).

²⁾ *Ibid.* (стр. 3).

³⁾ *Ibid.* (стр. 52).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 71).

вили заоблачныя высоты и держались поближе къ землѣ ¹⁾). Таковы современные вкусы, и экономисты подчиняются имъ. Къ несчастію, факты, взятые безъ разбора, не приводятъ къ тѣмъ выводамъ, какіе хотѣлось бы извлечь изъ нихъ экономистамъ. Для полученія этихъ выводовъ, имъ приходится дѣлать выборъ между фактами.

Возьмемъ, на примѣръ, вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ дѣло прогресса. Одинъ экономистъ, обогатившій сокровищницу науки массой новыхъ фактовъ ²⁾, указываетъ, для доказательства некомпетентности государства, на развитіе желѣзныхъ дорогъ и страхованія,—развитіе, всецѣло обязанное частной инициативѣ. Лучше ли бы это сдѣлало государство? Сдѣлало ли бы оно это такъ же хорошо? Получается отрицательный отвѣтъ, изъ котораго дѣлается выводъ: прогрессъ не нуждается во вмѣшательствѣ государства.—Другой писатель, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, стремясь доказать противоположное, а именно, что у новыхъ народовъ дѣло прогресса требуетъ вмѣшательства государства, приводитъ, въ качествѣ особенно цѣннаго для него аргумента уничтоженія рабства ³⁾. Не ясно ли всякому, что эти намѣренно подобранные примѣры ничего не доказываютъ? Дюпонъ-Уайтъ можетъ быть правымъ, но это еще не доказываетъ, что Лёруа-Больё ошибается, и наоборотъ. Въ обоихъ случаяхъ факты подобраны для доказательства предвзятой идеи.

Если бы экономисты строго держались метода, состоящаго въ изслѣдованіи *всѣхъ* фактовъ, имъ

¹⁾ См. Leroy-Beaulieu, *L'État moderne et ses fonctions* (стр. 242).

²⁾ *L'État moderne et ses fonctions* (стр. 80—81).

³⁾ D pront-White, *L'Individu et l'État*, passim.

было бы очень трудно защищать идею невмѣшательства. Что можетъ быть въ настоящее время разительнѣе факта постоянного усиленія функцій государства во всѣхъ прогрессивныхъ обществахъ? Повсюду, а въ особенности во Франціи, Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, прогрессъ демократіи ведетъ къ все болѣе и болѣе частому вмѣшательству государства во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности ¹⁾. Намъ до сихъ поръ еще очень часто говорятъ объ отвращеніи, питаемомъ англичанами и американцами къ воздѣйствию государства, къ умноженію писанныхъ законовъ; это—истины, запоздавшія на тридцать или сорокъ лѣтъ.

Экономистъ, разумѣется, сохраняетъ за собой право протестовать противъ факта во имя чистой идеи. Но если онъ будетъ считаться только съ фактами, то какъ онъ можетъ пройти мимо такого замѣчательнаго факта, какъ тотъ, о которомъ я только что говорилъ? Чтобы быть послѣдовательнымъ, экономистъ, враждебно относящійся къ вмѣшательству государства, долженъ или отказаться отъ претензій обосновывать свою теорію на фактахъ, или же дать тому факту, который я подчеркиваю, болѣе удовлетворительное объясненіе, чѣмъ указаніе на прискорбное невѣжество государственныхъ дѣятелей, на безталанность палатъ и на дурной характеръ демократіи, рѣшительно не желающей обращать вниманіе на весьма полезныя для нея наставленія. Третье рѣшеніе, состоящее въ провозглашеніи верховенства факта, при условіи не считаться съ противорѣчащими фактами, очевидно, неприемлемо.

¹⁾ См. Laveleye, *Gouvernement de la Démocratie*, относительно же Соедин. Штатовъ: Bryce, *The American Commonwealth*.

Даже чистые либералы, и тѣ все болѣе и болѣе стремятся устранять такъ называемые абстрактные принципы, чтобы держаться однихъ только положительныхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи они подчиняются духу времени. Продолжая съ большей опредѣленностью движеніе, начатое нѣкоторыми изъ ихъ руководителей, они смотрятъ благосклонно на учрежденія, имѣющія историческую основу, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что черезъ Бенжамена Констана они примыкаютъ къ Гизо и Ройе-Коллару, а черезъ Ройе-Коллара и Гизо къ нѣмецкой и англійской исторической школѣ, т.-е. къ чистой реакціи противъ принциповъ французской Революціи.

Отмѣченное сейчасъ измѣненіе въ направленіи либеральной школы оказало вліяніе на текущую политическую жизнь, но изученіе этого вліянія заставило бы насъ уклониться отъ нашей задачи ¹⁾. Однако, мы останемся вполне въ предѣлахъ этой задачи, если покажемъ, что либеральная школа, какъ бы нарочно, ослабляетъ дозу присущаго ей индивидуализма, относясь съ такимъ безразличіемъ или даже пренебреженіемъ къ абстрактнымъ принципамъ, апріорнымъ точкамъ зрѣнія ²⁾.

Вѣдь, эти апріорныя точки зрѣнія, эти абстрактные принципы недавно служили оружіемъ противъ

¹⁾ Главные результаты этого вліянія: недовѣріе къ революціонному методу и довѣріе къ такъ называемому эволюціонному, духъ примиренія и умѣренности и проч., сулятъ непосредственныя выгоды, но мѣшаютъ видѣть связанныя съ ними въ будущемъ несомнѣнныя и важныя неудобства, которыя мы отмѣчаемъ здѣсь.

²⁾ См., напримѣръ, Arthur Desjardins, *La Liberté politique dans l'État moderne* (стр. 2).

исторически сложившагося соціально-политическаго установленія, которое, по своей древности, по оказаннымъ имъ заслугамъ, по тому блеску, какимъ оно еще было окружено въ концѣ XVIII вѣка, казалось достойнымъ глубокаго уваженія и неприступнымъ для всякаго, кто не начиналъ съ признанія требованій разума. Это установленіе пало, потому что противъ него былъ разумъ. Такимъ образомъ, отвергая разумъ, либералы отвергаютъ источникъ своего собственнаго бытія. И почему они отвергаютъ его? Для болѣе удобной защиты противъ одной категоріи противниковъ, — демократовъ, которые, имѣя одинаковый съ ними исходный пунктъ, виновны въ томъ, что не остановились тамъ же, гдѣ они сами. Либералы не замѣчаютъ, что, благодаря этой тактикѣ, они обезоруживаютъ себя со стороны общаго врага, и становятся отнынѣ беззащитными противъ школъ, оспаривающихъ у разума всякое право вмѣшиваться въ соціально-политическія установленія. Сила тамъ, гдѣ логика. Если самое *существованіе* и *давность* учрежденія даютъ ему цѣнность, то нужно идти до конца, и защищать все, что существуетъ и имѣетъ давность, — защищать только потому, что оно имѣетъ давность и существуетъ.

Окончательно порвавъ съ философскимъ апріоризмомъ, либеральная школа вдвойнѣ ослабила себя. Она лишилась движущаго принципа, нѣкогда создавшаго ей счастье и славу; она лишилась, кромѣ того, всякой возможности устоять противъ аргументовъ, основанныхъ на традиціи, исторіи, фактѣ.

Значитъ ли это, что историческій духъ совсѣмъ не заслуживаетъ одобренія? Мы, по крайней мѣрѣ, такъ не думаемъ. Но въ данномъ случаѣ безусловно

необходимо различать *цѣли* общества и *средства*, служащія для ихъ достиженія. Если бы современные представители либеральной школы ограничились утвержденіемъ, что апріоризмъ плохой руководитель при выборѣ средствъ, они были бы вполне правы. Исторія и опытъ являются здѣсь очень кстати; но при условіи — не терять изъ виду цѣль, предварительно установленную путемъ единственно пригоднаго метода: путемъ апріорныхъ разсужденій. Въ нашемъ *Заключеніи* читатель вновь найдетъ только что указанное нами различіе и вытекающія изъ него слѣдствія ¹⁾).

III.

Опасность, угрожающая индивидуалистической мысли тѣмъ сильнѣе, что сама демократическая школа, увлеченная идейнымъ движеніемъ, глубоко отличнымъ по принципу, но совершающимся по тому же самому направленію, также перестаетъ дорожить метафизическими понятіями, на которыя до сихъ поръ опиралась.

Въ то время, какъ первые представители этой школы въ XIX вѣкѣ гордились всестороннимъ примѣненіемъ идеи естественнаго права, современные представители школы, подъ вліяніемъ матеріализма, отбрасываютъ это понятіе, считая его устарѣвшимъ и относясь къ нему, какъ и вообще къ спиритуализму, съ невыразимымъ презрѣніемъ ²⁾).

¹⁾ См. далѣе, *Заключеніе*.

²⁾ Достаточно обратиться, напримѣръ, къ книгѣ Эжена Пеллетана, *Les Droits de l'Homme*, и сравнить ее съ современными сочиненіями той же школы, чтобы ясно представить себѣ пройденный путь.

Что же происходит вслѣдствіе этого? Происходитъ то, что сравнительно умѣренная государственность, которую нѣкогда исповѣдовала демократическая школа, уступаетъ мѣсто государственности безъ мѣры и границъ. Въ самомъ дѣлѣ, то же самое понятіе естественнаго права, на которое опирались сторонники разумнаго вмѣшательства государства, служило имъ также преградой противъ сторонниковъ чрезмѣрнаго и незаконнаго его вмѣшательства. Мы видѣли, какъ воспользовался этимъ понятіемъ Вашро, чтобы обезпечить свободѣ мѣсто въ демократической политикѣ¹⁾. У его преемниковъ мы напрасно стали бы искать подобнаго уваженія къ правамъ совѣсти. Всѣ они, наоборотъ, готовы предоставить индивидуума, цѣликомъ, тѣломъ и душой, въ распоряженіе государства. Точно такъ же и философскія гипотезы, которымъ они оказываютъ вниманіе и довѣріе, уничтожаютъ всякое различіе между индивидуумомъ и государствомъ. Здѣсь новое доказательство тѣсной связи, соединяющей эволюцію социальныхъ и политическихъ теорій съ эволюціей общей философіи. Современный кризисъ индивидуализма точь въ точь соответствуетъ кризису спиритуализма.

Констатируя это, мы не только объясняемъ зло, но и получаемъ возможность предугадать, чѣмъ противъ него бороться.

Тенденція демократіи не считаться съ индивидуальной свободой и тенденція либерализма отрицать свободу ради свободъ,—эти тенденціи являются, въ сущности случайными. Ничто не обязываетъ либераль-

¹⁾ См. выше (кн. III, гл. III).

ную школу держаться такой концепціи свободы, а демократическую — такой концепціи соціального права. Пусть возвышенный идейный порывъ разсѣетъ очарованіе, въ которое погружены, — демократическая школа подъ вліяніемъ легковѣрнаго удивленія передъ матеріалистической наукой, а либеральная подъ вліяніемъ суевѣрнаго благоговѣнія передъ фактомъ и исторіей, — и обѣ эти школы съ удивленіемъ увидятъ, что имъ легко сойтись, — и что они безъ всякой помѣхи могутъ признать мысль, общую такимъ демократамъ, какъ Токвиль, и либераламъ, какъ Прэво-Парадоль: мысль о примиреніи свободы и демократіи.

Но, пока этотъ порывъ не совершился, на просторѣ будетъ работать государственный социализмъ.

IV.

Государственный социализмъ нашелъ въ Германіи особенно благопріятную почву для развитія и цѣлую школу писателей, проповѣдовавшихъ его принципы¹⁾. Слѣдуетъ ли отсюда, что онъ представляетъ собою, какъ это писали, «нѣмецкую философію»²⁾. Такое мнѣніе можно поддерживать только при одномъ условіи: если мы откажемъ въ оригинальности и глубокомысліи французскому публицисту Дюпонъ-Уайту³⁾, который безъ всякаго, повидимому, вліянія нѣмецкой мысли очень точно уяснилъ себѣ и

1) См. замѣчательную работу Ch. Andler'a: «*Les Origines du Socialisme d'État en Allemagne*, I. т. in 8°, Парижъ, 1897.

2) Léon Say, *Le socialisme d'État* (стр. 2 и 3).

3) *L'Individu et l'État* (1857); *La Centralisation* (1860); *La Liberté politique considérée dans ses rapports avec l'administration locale* (1864); *Le Progrès politique en France* (1868).

выразилъ руководящія идеи государственнаго социализма гораздо раньше Эйзенахскаго конгресса (октябрь 1872 года), поставившаго государственный социализмъ, такъ сказать, на первую очередь для нѣмецкой науки и политики.

Двѣ главныя тенденціи привели Дюпонъ-Уайта на путь, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить государственный социализмъ: тенденція—тѣсно связать индивидуумъ съ соціальной средой, и тенденція—видѣть въ прогрессѣ самую цѣль жизни обществъ. Дюпонъ-Уайтъ читалъ Конта и Литтрэ¹⁾. Онъ возражаетъ имъ, но заимствуетъ у нихъ ту идею, что индивидуумъ всѣмъ обязанъ обществу, въ которомъ живетъ²⁾, а также идею, что общество не представляетъ собою простого собранія индивидуумовъ. Смотрѣть такъ на общество, а равно видѣть въ немъ простую группу лицъ разнаго возраста и пола—значить не понимать «души» общества и семьи³⁾.

Если общества созданы для совершенствованія, то главнѣйшій вопросъ—это вопросъ о путяхъ прогресса⁴⁾. А для Дюпонъ-Уайта является постулатомъ, что общества созданы для совершенствованія.

¹⁾ См. двѣ его статьи въ *Revue des Deux Mondes* (1 и 15 февр. 1865 г.).

²⁾ *L'Individu et l'État*, изд. 3 (стр. 162).—Не отдавая себѣ отчета въ важности этого взгляда, Дюпонъ-Уайтъ выразилъ идею, на которую опираются работы нѣсколькихъ современныхъ социологовъ: «Человѣкъ получаетъ полную цѣнность только, какъ часть конгломерата. Очень много значитъ густота населенія, соприкосновеніе людей другъ съ другомъ,—однимъ словомъ, общество». *De la Centralisation* (стр. 267).

³⁾ *L'Individu et l'État* (стр. 160—161).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 1).

Въ этомъ, опять-таки, проскальзываетъ, если не чисто-позитивистическое вліяніе, то, во всякомъ случаѣ, близкое къ нему. Религія прогресса не осталась замкнутой въ храмъ или, вѣрнѣе, въ часовнѣ, которую посвятилъ ей Бюшэ: она распространилась внѣ ея, и Дюпонъ-Уайтъ—одинъ изъ горячихъ, хотя и независимыхъ, ея адептовъ.

Вмѣстѣ съ основателями этой религіи онъ ввѣряетъ государству заботу о содѣйствіи прогрессу¹⁾. Нетрудно замѣтить связь этой идеи съ предыдущей: Дюпонъ-Уайтъ потому и призываетъ государство содѣйствовать прогрессу, что очень низко цѣнитъ индивидуума. Слабая и неловкая рука послѣдняго, его по природѣ эгоистическая душа не могутъ выполнить такого огромнаго дѣла, какъ дѣло прогресса. Но это дѣло не можетъ совершиться само собой²⁾. Безъ сомнѣнія, интеллектуальная, моральная и даже социальная аристократія³⁾ могутъ легко предвидѣть прогрессъ, но онѣ нуждаются въ государствѣ, какъ въ «агентѣ». Морально государство выше индивидуума. Не является ли оно созданіемъ «всего, что есть въ насъ самаго чистаго, самаго возвышеннаго»⁴⁾? Не является ли оно «посредникомъ между индивидуумами и Провидѣніемъ⁵⁾»? Не получаетъ ли оно свою «мис-

1) *L'Individu et l'État* (гл. VII, стр. 243 и сл.).

2) *Ibid.* (гл. V, стр. 181 и сл.).

3) *Ibid.* (стр. 185 и сл.).

4) *Ibid.* (стр. 265).

5) *Ibid.* (стр. 278).—Ср. (стр. 166): «Государство обладаетъ моральнымъ авторитетомъ, равнымъ авторитету церкви». И далѣе, въ чисто-мистическихъ выраженіяхъ (стр. 44): «Кто можетъ быть болѣе (чѣмъ государство) естественнымъ посредникомъ между абсолютнымъ разумомъ и человѣческимъ духомъ?»

сію» отъ принципа, который выше самого общества¹⁾? Дюпонъ-Уайтъ, такимъ образомъ, подготавливаетъ и примѣняетъ формулы, которыми впоследствии такъ широко воспользуются катедеръ-соціалисты. Ни Вагнеръ, ни Лорэнцъ фонъ-Штэйнъ не пошли въ восторженномъ преклоненіи передъ государствомъ дальше своего французскаго предшественника.

Столь же несомнѣнно превосходство государства передъ индивидуумомъ съ точки зрѣнія матеріальной силы; отсюда, опять-таки, — обязательное вмѣшательство государства. Здѣсь Дюпонъ-Уайтъ вступаетъ на болѣе твердую почву, въ область фактовъ. Онъ очень убѣдительно показываетъ, — это пунктъ, который развивали впоследствии другіе, не прибавивъ ничего существеннаго къ сказанному имъ, — что, по мѣрѣ усложненія и совершенствованія цивилизаціи, въ такой же степени развиваются «механизмъ и дѣятельность правительства²⁾». Прогрессивное общество должно имѣть болѣе сильное и сложное правительство, чѣмъ примитивное общество, подобно тому, какъ оно обладаетъ болѣе богатымъ языкомъ³⁾.

Вслѣдствіе этого двоякаго превосходства, государство должно заботиться о соціальномъ, политическомъ, экономическомъ и даже моральномъ прогрессѣ. Соціальный и политическій прогрессъ состоятъ въ приобрѣтеніи извѣстныхъ правъ: права

1) *L'Individu et l'État* (стр. 166).

2) *Ibid.* (стр. 41).

3) *Ibid.* (стр. 64).—Ср. (стр. 65): «Чѣмъ больше жизни, тѣмъ больше органовъ; чѣмъ больше силъ, тѣмъ больше законовъ. Но закономъ и органомъ общества является государство».

повиноваться только закону, права участвовать въ правительственной дѣятельности и проч... Но эти права одновременны появленію государства, и тамъ, гдѣ они развиваются, развивается, въ свою очередь, государство,—въ томъ смыслѣ, что каждое изъ этихъ правъ, по рѣшительному выраженію автора, «усиливаетъ правительство» ¹⁾. — Экономическій прогрессъ, въ свою очередь, предполагаетъ дѣятельную полицію» ²⁾, ибо нельзя «все слабое и инертное предоставить захвату болѣе сильнаго, ловкаго и предусмотрительнаго» ³⁾. Нужно, кромѣ того, разбирать конфликты, возникающіе между капиталомъ и трудомъ. Вѣдь, въ прогрессивномъ обществѣ промышленность «создаетъ пауперизмъ и, тѣмъ самымъ, усиливаетъ дѣятельность правительства» ⁴⁾. Наконецъ, моральный прогрессъ, являющійся, прежде всего, продуктомъ индивидуальной воли, также возлагаетъ на государство извѣстные обязательства. Развитію человѣческой совѣсти должно соответствовать «постоянное улучшеніе легальной морали» ⁵⁾. Идея справедливости развивается въ глубинѣ индивидуальной совѣсти и «изъ болѣе богатой совѣсти переходитъ въ болѣе прочные законы» ⁶⁾. Здѣсь, однако, Дюпонъ-Уайтъ дѣлаетъ важную оговорку: онъ требуетъ для индивидуума, въ качествѣ его абсолютнаго права, свободы мысли и ея письменнаго выраженія ⁷⁾.

¹⁾ *L'Individu et l'État* (стр. 39).

²⁾ *Ibid.* (стр. 51).

³⁾ *Ibid.* (стр. 52).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 57).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 71).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 75—76).

⁷⁾ *Ibid.* (стр. 209—213).

Возрастающее вмѣшательство государства въ жизнь прогрессивныхъ обществъ осуществляется одновременно черезъ посредство администраціи и закона ¹⁾. Дюпонъ-Уайтъ желаетъ полнѣйшей централизаціи, и въ защиту этого взгляда пишетъ цѣлую книгу ²⁾. Онъ не боится, что законы множатся и регулируютъ все возрастающее количество интересовъ. Онъ подыскалъ даже двѣ формулы, которымъ впослѣдствіи суждено было воспроизводиться и повторяться много разъ: «Прогрессъ заключается скорѣе въ улучшеніи закона, чѣмъ въ отсутствіи послѣдняго» ³⁾;—«Всякій законъ долженъ служить къ облегченію положенія наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе счастливыхъ классовъ» ⁴⁾.

Государственный социализмъ,— тотъ, по крайней мѣрѣ, какой мы находимъ во Франціи,—всецѣло заключается въ слѣдующихъ двухъ формулахъ: въравнать способность закона своимъ дѣйствіемъ преобразовать души, а также нравы, обычаи и всѣ взаимоотношенія людей; призывъ къ дѣятельности закона въ пользу обездоленныхъ. Если присоединить сюда стремленіе не сохранить за политической экономіей ея абстрактный характеръ, а морализовать ее и стремленіе вернуть идеѣ государства довѣріе, котораго ее лишили чистые экономисты, то мы дойдемъ до сущности самой нѣмецкой мысли.

Одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ уже былъ предусмотрѣнъ во Франціи экономистами-диссидентами,

¹⁾ См. тамъ же главу, подъ названіемъ: *Du Rôle de l'État en France* (стр. 97 и сл.).

²⁾ *La Centralisation*.

³⁾ *L'Individu et l'État* (стр. 242).

⁴⁾ Введеніе къ франц. переводу *Представительнаго правленія* Стюарта Милля (стр. XLIV).

Сисмонди, Бюрэ и др., о которых мы говорили выше; другой нашелъ горячаго сторонника въ лицѣ Дюпонъ - Уайта. Послѣдній старается уничтожить обвиненія, выдвинутыя противъ идеи государства экономистами и либералами. То изслѣдуя сущность этой идеи, онъ видитъ въ ней «силу разума, выраженную въ законѣ» ¹⁾; то, изучая отношенія между индивидуальнымъ правомъ и государствомъ, онъ отказывается признать существованіе реального антагонизма между свободой и авторитетомъ, и доказываетъ, что достоинство индивидуума ничуть не пострадаетъ отъ расширенія функцій государства, такъ какъ «подчиненіе индивидуума большей дисциплинѣ обусловливается большимъ разнообразіемъ и усиленіемъ его дѣятельности» ²⁾.

Хорошо уяснивъ себѣ, что высшая цивилизація требуетъ болѣе сложнаго правительства, Дюпонъ-Уайтъ, въ то же время, отлично понялъ и выяснилъ главное, чѣмъ современное государство отличается отъ другихъ историческихъ формъ государства. Сущствующее теперь государство заняло мѣсто прежнихъ частныхъ властей. «Подъ дыханіемъ прогресса притѣсненіе рушится, но власть остается». Притѣсненіе рушится: значитъ, индивидуумъ завоевываетъ свои основныя права; власть остается: значитъ, на долю государства остается опредѣленная задача. «Такъ появляются одновременно могущественное государство и свободная личность. Права индивидуума и права государства—два современника, которые родятся въ тотъ день, когда рушатся при-

¹⁾ *L'Individu et l'État*, Введение (стр. LXVII).

²⁾ *Ibid.* (стр. 201).

вилегіи» ¹⁾. Слѣдовательно, Дюпонъ-Уайтъ хочетъ не принести индивидуума въ жертву государству, а, наоборотъ, найти въ государствѣ орудіе для «усовершенствованія и возвышенія индивидуума» ²⁾. Поэтому, онъ не считаетъ себя социалистомъ, и отзывается о социализмѣ въ очень суровыхъ выраженіяхъ ³⁾.

Его, дѣйствительно, нельзя было бы назвать социалистомъ (хотя онъ и обращается къ вмѣшательству государства, но это обращеніе имѣетъ ту же причину и цѣль, какъ и обращеніе къ государству индивидуалистовъ XVIII вѣка), если бы онъ прежде, чѣмъ отстаивать права индивидуума и высокую цѣнность человѣческой личности, какъ то имѣло мѣсто въ только-что приведенномъ отрывкѣ и во многихъ другихъ ⁴⁾, не началъ съ чрезмѣрнаго расширенія «личности государства», видя въ послѣднемъ нѣчто сверхчеловѣческое; если бы онъ не призналъ законодательство способнымъ исцѣлить всѣ общественныя недуги; если бы онъ не былъ увлеченъ, очарованъ идеей прогресса, прогресса абсолютнаго, разсма-триваемаго, какъ высшая цѣль, достойная сама по себѣ быть предметомъ достиженія и достигаемая не столько индивидуумомъ, сколько ради индивидуума.

Всѣ эти черты, взятая вмѣстѣ, составляютъ государственнѣйшій социализмъ, какъ его понимаютъ у насъ многіе радикальные или даже либеральные политики, которые, не желая противопоставлять требованіямъ массъ абсолютно непріемлемую цѣль, но не обладая

¹⁾ *L'Individu et l'État* (стр. 22).

²⁾ *Ibid.* (Введеніе, стр. LX).

³⁾ *Ibid.* (Введеніе, стр. LIX).

⁴⁾ См. въ особенности предисловіе Дюпонъ-Уайта къ франц. переводу книги Стюарта Милля: *О свободѣ*.

способностью восходить къ принципамъ, чтобы, при помощи ихъ, разобратъся въ этихъ требованіяхъ и особенно въ средствахъ для ихъ удовлетворенія, набрасываются на государственный социализмъ, замѣчая въ послѣднемъ лишь его примирительный характеръ и доставляемые имъ минутныя выгоды.

V.

Въ руководящихъ идеяхъ государственнаго социализма находили сходство съ идеями просвѣщеннаго абсолютизма. Тотъ же самый методъ; тотъ же самый духъ; равноцѣнные результаты.

Методъ? Было бы любопытно и поучительно сравнить въ деталяхъ *Учрежденія* Бильфельда съ современнымъ германскимъ или даже французскимъ специальнымъ законодательствомъ. Конечно, взгляды, господствующіе теперь, на примѣръ, на общественную гигиену не тѣ, что въ срединѣ XVIII вѣка; но точная и мелочная регламентація, которой желалъ Бильфельдъ, была бы, *mutatis mutandis*, къ лицу нашимъ регламентамъ и ордонансамъ. — Духъ? Задачей просвѣщеннаго деспотизма было служить интересамъ государя и защищать его совѣсть отъ всякаго угрызенія, внушая ему убѣжденіе, что онъ пользовался своимъ просвѣщеніемъ на благо своего народа. Въ настоящее время задача государства, примѣняющаго эту форму социализма, сводится къ тому, чтобы обезпечить гражданамъ извѣстную сумму матеріальныхъ благъ, разумѣется, во имя правильно понятаго интереса, — ради борьбы съ революціоннымъ духомъ или также вслѣдствіе угрызеній совѣсти, — такъ какъ государство убѣждено, что, обладая специальными зна-

ніями, которыхъ лишены граждане, оно не имѣетъ права держать эти знанія подъ спудомъ.—Результаты? Просвѣщенный абсолютизмъ оказался неспособнымъ создать людей, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду не чело-вѣческую личность, а избавленіе послѣдней отъ необходимости мыслить, желать, дѣйствовать, суще-ствовать. Кромѣ того, просвѣщенный абсолютизмъ оказался неспособнымъ защитить тотъ политическій строй, прочность котораго онъ долженъ былъ обез-печить. Все заставляетъ думать, что то же самое случилось бы и съ государственнымъ соціализмомъ, если бы ему удалось одержать верхъ, и что, вмѣсто поддержки современнаго соціальнаго строя, онъ сдѣ-лалъ бы его болѣе доступнымъ для противниковъ, уничтожая въ массахъ чувство инициативы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство ответственности.

Мало того. Стремясь какъ будто къ благу отдѣль-ныхъ людей, государственный соціализмъ работаетъ, прежде всего, для самого государства. На этотъ счетъ не ошибался великій политикъ-практикъ, по-кровительствовавшій этой доктринѣ и официально утвердившій ея господство въ Германіи ¹⁾. Онъ хорошо понималъ, что государство привязываетъ къ себѣ гражданина прочными узами зависимости и подчиненія, приучая его обращаться къ нему съ просьбами объ изданіи закона, административнаго распоряженія или полицейскаго приказа. Онъ хо-рошо понималъ, что государство, какъ таковое, крѣп-нетъ отъ этихъ видимыхъ уступокъ. Политическія формы могутъ мѣняться; но сумма власти, бюджетъ

¹⁾ Бисмаркъ.—См. у E. de Laveleye, *Le socialisme con-temporain*, главу о катедеръ-соціалистахъ.

принужденія, связанные старыми формами съ новыми, не только не уменьшаются, но возрастаютъ.

Революціонный соціализмъ также считается съ этимъ неизбежнымъ результатомъ. Поэтому, признавая радикальную несостоятельность государственнаго соціализма, онъ безъ сожалѣнія и даже съ удовольствіемъ смотритъ на развитіе вытекающихъ изъ него учрежденій. Подобно тому, какъ экономическая концентрація, столь восхваляемая ортодоксальными экономистами за ея полезность для крупныхъ промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ организацій, подготавливаетъ, по мнѣнію научнаго соціализма, обобществленіе средствъ производства, облегчая коллективизму захватъ существующихъ нынѣ полныхъ и не полныхъ монополій,—такъ и государственный соціализмъ полезенъ тѣмъ, что приучаетъ людей къ дисциплинѣ, которую имъ придется соблюдать при господствѣ коллективизма. Какъ всякое средство обхода, государственный соціализмъ, повидимому, не трогая будущаго, захватываетъ его и, повидимому, устраняя опасность, приближаетъ моментъ ея наступленія ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, государственный соціализмъ не возникъ бы, а возникнувъ не достигъ бы такого развитія, какъ теперь, не увлекъ бы сильныхъ умовъ, не породилъ бы цѣлый легіонъ теоретиковъ и апостоловъ, не привелъ бы въ безпокойство и смущеніе

¹⁾ О государственномъ соціализмѣ см. прекрасный трудъ, въ которомъ принимали участіе; Лёруа-Больё, Жанэ, Курсэль-Сэнэйль, Ококъ, Франкъ, Бодрильяръ, Фредерикъ Пасси, Артюрь Дэжардэнъ, Э. Лёвассеръ, Глассонъ, Жоржъ Пико. Отчеты Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, 1886 г., 1-е полугодіе.

совѣсть множества людей, если бы не отвѣчалъ, хотя и плохо, нѣкоторымъ запросамъ современности. Во всякомъ случаѣ, возникновеніе и успѣхъ государственнаго соціализма являются новымъ доказательствомъ современнаго кризиса, и дѣлаютъ болѣе неотложной необходимость положить ему конецъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сознаніе современнаго кризиса.—Фулье и Рэнувье.

Фулье и Рэнувье—вотъ два философа, которые въ высшей степени ясно сознавали современный кризисъ соціальныхъ и политическихъ идей и пытались разрѣшить его. Прежде чѣмъ закончить нашъ трудъ, намъ остается разсмотрѣть эти двѣ попытки, построенныя на совершенно различныхъ основаніяхъ.

I.

Фулье подходитъ къ вопросу съ трехъ сторонъ. Какъ должно въ настоящее время понимать право, общество и собственность? ¹⁾

Относительно права были выставлены три основныхъ тезиса: право сливается съ силой; право представляетъ собою господствующій интересъ; право является выраженіемъ внутренней свободы человѣческой души. Каждый изъ этихъ тезисовъ, по мнѣнію Фулье, отчасти правиленъ, отчасти ложенъ.

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (1878); *La Science sociale contemporaine* (1880); *Critique des Systèmes de morale contemporains* (1883); *La Propriété sociale et la Démocratie* (1889).

Каждый изъ нихъ, слѣдовательно, составляетъ, при условіи исправленія, частицу полной и абсолютной истины.

Къ чему приводитъ отождествленіе права и силы? Оно приводитъ къ междоусобной войнѣ, затѣмъ—къ «поглощенію индивидуума націей, расой, человѣчествомъ, наконецъ, массой» ¹⁾. Но изъ этого не слѣдуетъ, что право и сила не имѣютъ ничего общаго. Изъ этого не слѣдуетъ, въ особенности, чтобы для дѣла самого либерализма была безразлична возможность оцѣнки свободы «съ точки зрѣнія власти и эволюціи» ²⁾. Предваряя будущее, Фулье дополняетъ, «при помощи чисто-произвольной гипотезы», механическую теорію «такъ, какъ она сама дополнитъ себя когда-нибудь» ³⁾. Онъ допускаетъ, что міръ управляется механически, но спрашиваетъ, «какіе механизмы являются наиболѣе совершенными и наиболѣе богатыми живыми силами». Не тѣ ли, очевидно, которые, «будучи предоставлены самимъ себѣ, всего дольше движутся самостоятельно?» ⁴⁾

Съ этой точки зрѣнія, идеаломъ «соціальной механики» является предоставленіе индивидуумамъ наибольшей свободы. Такимъ образомъ, либерализмъ находитъ себѣ мѣсто въ мірѣ, подчиненномъ механикѣ. Правда, пока это—либерализмъ чисто-внѣшній, и если бы его оставить въ такомъ видѣ, то онъ представлялъ бы изъ себя не столько реальность, сколько «полное подражаніе истинно либеральному режиму» ⁵⁾.

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (2-е изд., стр. 135).

²⁾ *Ibid.* (стр. 139).

³⁾ *Ibid.* (стр. 139).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 139).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 143).

Доктрина, которая сводитъ право къ господствующему интересу, также приводитъ, въ своей грубой формѣ, или къ анархіи, или къ деспотизму. Она приняла, однако, уже болѣе совершенную форму, благодаря видоизмѣненіямъ, которыя испытала утилитарная теорія. Сторонники этой теоріи поняли, что первымъ условіемъ всеобщаго счастія служить «всеобщая свобода» ¹⁾. Это большой шагъ впередъ. Однако, и съ такой поправкой утилитаризмъ не свободенъ отъ затрудненій. Если право представляетъ изъ себя власть, «которую общество въ своихъ интересахъ уступаетъ индивидууму», то всякое право, въ концѣ-концовъ, зависить отъ доброй воли общества ²⁾. Чтобы избѣжать этого вывода, нужно разстаться съ утилитаризмомъ и найти въ другомъ мѣстѣ принципъ, основанный на *безкорыстїи*, безъ котораго не можетъ обойтись теорія права ³⁾.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ третьему взгляду, который кладетъ въ основу права внутреннюю свободу. Здѣсь сейчасъ же возникаютъ безчисленные возраженія, наиболѣе интересныя изъ которыхъ приводятъ къ слѣдующей дилеммѣ: или чистая свободная воля служить основой права, безъ всякаго отношенія къ вопросу о благѣ, и тогда, такъ какъ свободная воля, согласно опредѣленію, абсолютно неограниченна и способна къ противоположнымъ рѣшеніямъ, каждый имѣетъ право на все, въ теоріи нѣтъ границы для правъ индивидуума, а на практикѣ торжествуетъ сильнѣйшій; или же примѣшивается разсужденіе о какомъ-либо благѣ, соста-

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (стр. 170).

²⁾ *Ibid.* (стр. 184).

³⁾ *Ibid.* (стр. 212).

вляющемъ цѣль самой свободной воли, и тогда наше уваженіе должно обратиться на это благо, на эту цѣль, и человѣкъ, въ силу того лишь, что онъ существо свободное, не можетъ болѣе имѣть никакого права ¹⁾. Невозможно избѣгнуть этой дилеммы, если не принять корректива къ теоріи, которая основываетъ право на внутренней свободѣ. Фулье даетъ формулу этого корректива. Право, какъ и свобода, не *естественно* ²⁾. Напротивъ, подобно свободѣ, оно лежитъ внѣ природы. Оно *идеально* ³⁾. Но этотъ идеалъ можетъ стать реальностью въ силу закона, по которому всякая идея стремится воплотиться въ жизнь, разъ она постигнута. Этотъ законъ, какъ извѣстно, служить для Фулье высшимъ объясненіемъ явленій, и теперь онъ доказываетъ «его плодотворность» въ примѣненіи къ соціальному строю, какъ раньше доказалъ въ примѣненіи къ чисто-философскимъ вопросамъ ⁴⁾.

Такъ что, если кто хочетъ дойти до коренной метафизической основы права, то долженъ искать ее тамъ, гдѣ находитъ свое объясненіе, какъ индивидуальное сознаніе, такъ и сама индивидуальность,—въ идеѣ относительности знанія, идеѣ, которая связана съ «несомнѣннымъ существованіемъ неизвѣстнаго и возможнымъ существованіемъ непознаваемаго» ⁵⁾. Непознаваемое находится не только въ объектѣ, но и въ субъектѣ. Сознаніе «само для себя непостижимо». За предѣлами психики лежитъ область *метапсихики*, которая, не являясь областью внѣшней и трансцен-

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (стр. 225—226).

²⁾ *Ibid.* (стр. 234).

³⁾ *Ibid.* (стр. 244).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 248).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 265).

дентной, а имманентной, тѣмъ не менѣе, столь же непроницаемо, какъ лежащая за предѣлами физики область *метафизики* ¹⁾. Этимъ объясняется, почему сознательная воля каждого должна сдерживать себя передъ сознательной волей другого, когда послѣдняя не посягаетъ на нее. Мы встрѣчаемся здѣсь съ принципомъ, ограничивающимъ одновременно и дѣйствіе, и мысль,—съ принципомъ, который ставитъ препятствіе, какъ «практическому догматизму», такъ и «интеллектуальному догматизму» ²⁾. Какъ внѣ насъ, такъ и въ насъ лежитъ «проблема» ³⁾. И въ этомъ заключается «присущая человѣку загадка», которая, облекаясь въ различныхъ философій различныхъ именами, «придаетъ понятію права его сверхфизическій характеръ» ⁴⁾.

Дойдя до этого пункта, Фулье не безъ труда заканчиваетъ свое доказательство. Ему остается показать, что преобразованная такимъ образомъ идеалистическая теорія права согласуется съ двумя другими, также преобразованными теоріями. Свобода и воля, понимаемая такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, отождествляются, по его мнѣнію, съ *властью* *par excellence* и *интересомъ* *par excellence* ⁵⁾. Черезъ это онъ достигаетъ того, что «всѣ доктрины, путемъ надстройки одна надъ другой, образуютъ изъ себя цѣльное зданіе, съ фундаментами различной высоты» ⁶⁾. При чемъ онъ льститъ себя увѣренностью, что та-

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (стр. 267).

²⁾ *Ibid.* (стр. 268).

³⁾ *Ibid.* (стр. 269).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 273).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 284—285).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 288).

кая надстройка является результатом не «произвольного эклектизма», а «настоящего научного и метафизического синтеза» ¹⁾.

Всегда вѣрный своему методу, Фулье пытается дать новое понятіе «общества», болѣе содержательное, чѣмъ имѣющіяся налицо,—такое понятіе, которое поглощаетъ и замѣняетъ идеалистическое и натуралистическое понятія ²⁾.

И противъ идеалистической, и противъ натуралистической теоріи права были сдѣланы важныя возраженія, которыя, однако, не опровергаютъ ихъ окончательно ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что общество не возникаетъ изъ договора; но слѣдуетъ ли изъ этого, что договоръ не является идеальной цѣлью и наиболѣе моральной формой общества ⁴⁾? Предположимъ доказаннымъ, что чисто-индивидуалистическая доктрина черезчуръ ограничиваетъ роль общества; слѣдуетъ ли изъ этого, что «соціальное право» представляетъ собою реальность?

Нельзя отрицать, что самый фактъ жизни въ обществѣ порождаетъ «новыя отношенія». Но «посредствомъ какой алхимической операціи индивидуумы, соединясь въ общество, могутъ создать совершенно новое *право*, и притомъ, противоположное ихъ собственному?» ⁵⁾

¹⁾ *L'Idée moderne du Droit* (стр. 288).

²⁾ *Ibid.* (стр. 288). — Ср. (стр. 290—292, изд. 2-е) письмо автора къ Рэнувье, въ которомъ онъ защищается противъ нѣкоторыхъ возраженій и точно опредѣляетъ характеръ своей задачи.

³⁾ См. резюме этихъ возраженій въ *la Science sociale contemporaine* (стр. 3).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 7).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 26).

Вмѣсто того, чтобы абсолютно противопоставлять другъ-другу теоріи общественнаго договора и соціальнаго организма и считать ихъ непримиримыми, Фулье, какъ извѣстно, создаетъ поглощающую ихъ теорію *договорнаго организма*. Человѣческое общество представляетъ изъ себя «организмъ, который осуществляется путемъ самосознанія и самоопредѣленія» ¹⁾. Въ этомъ синтезѣ находятъ себѣ мѣсто цѣлесообразность и механизмъ. Развивается нѣкоторый зародышъ, но этотъ зародышъ—идея ²⁾.

Политическія послѣдствія новой теоріи гораздо значительнѣе, чѣмъ послѣдствія тѣхъ двухъ соперничающихъ доктринъ, которыя она устраняетъ. Гербертъ Спенсэръ ошибался, упорно отстаивая чистый индивидуализмъ; но точно такъ же ошибался и Егеръ, отстаивая противоположную точку зрѣнія ³⁾. Въ дѣйствительности, «полная децентрализація совмѣстима съ полной централизаціей». Чѣмъ свободнѣе граждане, тѣмъ лучше понимаютъ они пользу ассоціаціи, т. е. «умноженія силы, ума и самой свободы, вытекающаго изъ соединенія силъ, умовъ и свободъ» ⁴⁾. Но ассоціаціи не только будутъ развиваться, онѣ будутъ стремиться къ федерализаціи ⁵⁾. Государство будущаго явится «ассоціаціей ассоціацій», «свободной централизаціей, вытекающей изъ децентрализаціи». Такъ примиряются элементы, считавшіеся противоположными: «индивидуальность и коллективность,

¹⁾ *La Science soc. contemp.* (стр. 115).

²⁾ *Ibid.* (стр. 118).

³⁾ *Ibid.* (стр. 180—182).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 179).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 180)

свобода частей и крѣпость цѣлаго» ¹⁾). Индивидуализмъ является необходимымъ условіемъ возрастающей дѣятельности государства, притомъ дѣятельности желательной и неизбѣжной.

Я не намѣренъ вносить больше единства, чѣмъ то сдѣлалъ самъ авторъ, между приведенными взглядами и теоріей *искупительной справедливости*, которой заканчивается его книга. Понятно, однако, что, отводя государству очень широкую сферу дѣятельности,—при чемъ онъ охотно возвращается къ этому пункту,—Фулье подготовилъ умы къ признанію существованія справедливости, задача которой не состоитъ только въ томъ, чтобы воздавать каждому по заслугамъ, которая уже не сливается съ христіанскимъ братствомъ, но задается цѣлью искупить «правонарушенія», завѣщанныя намъ исторіей и до сихъ поръ еже живущія въ своихъ послѣдствіяхъ ²⁾).

Природа, «создавшая роковую борьбу за существованіе», вотъ первый источникъ этихъ правонарушеній. Человѣческая свобода, «несовершенная и всегда способная ошибаться», служитъ вторымъ ихъ источникомъ. Государство обязано совершить искупительную дѣятельность, которой не въ состояніи выполнить индивидуумъ ³⁾. Государство должно понять, что граждане не суть члены «общества, условія жизни котораго неизмѣнны» ⁴⁾. Государство должно сдѣлать такъ, чтобы обиженный получилъ удовлетвореніе. Впрочемъ, государство не обязано «исправлять

¹⁾ *La Science soc. contempor.* (стр. 180).

²⁾ *Ibid.* (стр. 359).

³⁾ *Ibid* (стр. 362).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 364).

всѣ . соціальныя и политическія несправедливости прошлаго». Его дѣятельность можетъ и должна заключаться въ извѣстныхъ границахъ. «Нельзя касаться всего того, что не можетъ быть *протѣрено и оцѣнено*» ¹⁾. Кромѣ того, даже тамъ, гдѣ государство имѣетъ обязанности, индивидуумъ еще не имѣетъ необходимыхъ правъ ²⁾. Наконецъ, государство—высшій судья своихъ обязанностей ³⁾. Впрочемъ, Фулье говоритъ очень осторожно о путяхъ и средствахъ искупительной справедливости. Какъ на ея орудія, онъ указываетъ на всеобщее, обязательное и бесплатное образованіе ⁴⁾ и на справедливые законы, заставить полюбить которые — задача образованія ⁵⁾.

Такъ примиряются между собой,—при чемъ становится непонятнымъ ихъ предшествующій антагонизмъ, — политическая метафизика и соціальная физика, идеализмъ и натурализмъ ⁶⁾. Это чудо творятъ договорный организмъ и искупительная справедливость; они творятъ и много другихъ чудесъ: я имѣю въ виду страницы, не входящія въ кругъ моего изслѣдованія, на которыхъ Фулье развиваетъ до безконечности космологическія слѣдствія своей доктрины ⁷⁾.

Этюдъ о *Соціальной собственности и демократіи* написанъ по тому же плану, но менѣе глубоко по содержанію. Попытка синтеза, сдѣланная въ двухъ

1) *La Science soc. contemp.* (стр. 370).

2) *Ibid.* (стр. 372).

3) *Ibid.* (стр. 373).

4) *Ibid.* (стр. 374).

5) *Ibid.* (стр. 377).

6) *Ibid.* (стр. 384, 387).

7) *Ibid.* (стр. 411 и сл.).

предыдущихъ работахъ, здѣсь совершенно отсутствуетъ. Противоположныя доктрины сталкиваются, не сливаясь другъ съ другомъ.

Фулье осуждаетъ и абсолютный коллективизмъ ¹⁾ и абсолютизмъ частной собственности ²⁾; послѣдній потому, что онъ пренебрегаетъ соціальной стороною нашего существованія и принципиально отрицаетъ все, чѣмъ мы обязаны матеріально, интеллектуально и морально обществу себѣ подобныхъ; первый—потому, что общество, какъ таковое, «не создаетъ цѣликомъ землю и орудія труда», а также потому, что, строго говоря, онъ заключаетъ въ себѣ не только право всѣхъ французовъ на Францію или всѣхъ нѣмцевъ — на Германію, но всѣхъ людей вмѣстѣ на территорію каждой націи, и даже право «человѣчества будущаго» на все, чѣмъ обладаетъ современное человѣчество. — Фулье отвергаетъ также чистый социализмъ и чистый индивидуализмъ на томъ основаніи, что они возводятъ въ сущность или индивидуума, или общество, прибѣгая къ одинаковой абстрактной діалектикѣ, ложной въ обоихъ случаяхъ ³⁾.

Индивидуальная и соціальная собственность могутъ и даже должны, по мнѣнію Фулье, существовать одновременно. Роль государства заключается въ томъ, чтобы помогать ихъ совмѣстному развитію, исправляя дурныя стороны одной хорошими—другой ⁴⁾. Впрочемъ, коллективная собственность уже существуетъ въ значительныхъ размѣрахъ (берега,

1) *La Propriété sociale et la Démocratie* (стр. 27—40).

2) *Ibid.* (стр. 11—25).

3) *Ibid.* (стр. 2).

4) *Ibid.* (стр. 64).

лѣса, дороги, каналы, общественные памятники и проч.) и постоянно возрастаетъ. Фулье считаетъ вполне законнымъ увеличивать ее извѣстными средствами: предоставленіемъ во временное пользованіе свободныхъ земель, для полученія наибольшаго земельного дохода¹⁾, льготами для учрежденій дешеваго кредита²⁾, измѣненіями въ законахъ о наслѣдованіи³⁾. Кромѣ этого матеріальнаго фонда, существуетъ социальный фондъ другого характера, — социальный фондъ политической власти, въ которой всѣ участвуютъ посредствомъ всеобщаго голосованія⁴⁾; социальный фондъ знанія, въ которомъ всѣ участвуютъ черезъ всеобщее обученіе⁵⁾. Государство должно благопріятствовать «прогрессу земельной, движимой, политической и интеллектуальной коллективной собственности»⁶⁾. И первая изъ всѣхъ его обязанностей заключается въ организаціи социального и политическаго воспитанія, способнаго внѣдрить эти истины во всѣ умы⁷⁾.

Изучая теоріи Фулье сами по себѣ и съ точки зрѣнія допускаемыхъ ими приложеній, нельзя не признать, что онѣ носятъ согласительный и примирительный характеръ. Государство, организованное сообразно принципамъ его философіи, не обладало бы ни недостатками социалистическаго государства, ни недостатками государства, соотвѣтствующаго хо-

¹⁾ *La Propriété soc. et la Démocratie* (стр. 56).

²⁾ *Ibid.* (стр. 58).

³⁾ *Ibid.* (стр. 59—61).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 155 и слѣд.).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 195 и слѣд.).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 283).

⁷⁾ См. *L'Enseignement au point de vue national*.

дичей и урѣзанной индивидуалистической формулѣ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что Фулье нашелъ выходъ изъ кризиса? Думать такъ не позволяютъ много основаній.

Въ этой попыткѣ примирить крайности мы напрасно стали бы искать точной, ясно обозначенной границы, которую самъ Фулье называетъ «справедливой границей» ¹⁾ правъ государства по отношенію къ индивидууму и обратно — индивидуума къ государству. Принципъ искупительной справедливости соблазнителенъ, но какъ онъ неопредѣленъ! Фулье самъ видитъ это, и, желая помѣшать его слишкомъ широкому примѣненію, что могло бы послужить угрозой для пріобрѣтенныхъ правъ, оговариваетъ случаи, когда его не слѣдуетъ примѣнять. Нельзя, — говорилъ онъ, — касаться всего, чего «нельзя провѣрить и оцѣнить». Но чего же «нельзя провѣрить и оцѣнить» въ отношеніи вѣковыхъ несправедливостей? Допустить, что гдѣ-то существуетъ несправедливость, или просто подозревать ее существованіе, не значить ли уже *оцѣнить* ее въ извѣстной мѣрѣ? Придерживаясь формулы Фулье, мы рискуемъ постоянно признавать справедливыми, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ души, требованія, въ удовлетвореніи которыхъ затѣмъ должны будемъ отказывать.

Мало того. На какомъ основаніи Фулье утверждаетъ, что обязанностямъ государства по отношенію къ его членамъ, пострадавшимъ отъ историческихъ несправедливостей, не соотвѣтствуютъ права этихъ потерпѣвшихъ индивидуумовъ? Почему это такъ? На это намъ не даютъ отвѣта, ограничиваясь установленіемъ принципа, что государство — высшій

¹⁾ *La Science sociale contemporaine* (стр. 370).

судья своихъ обязанностей. Но этотъ принципъ заимствованъ не у моралиста и не у метафизика: онъ заимствованъ у публициста, который, въ свою очередь, опирается на максимумъ публичнаго права ¹⁾. Другими словами, отвѣтомъ на вопросъ моральнаго характера служить положеніе публичнаго права. Государство считается высшимъ судьей своихъ обязанностей, въ силу старой идеи абсолютизма государственной власти. Но не слѣдуетъ ли считать его, въ силу той же самой идеи, единственнымъ судьей и о своемъ правѣ?

Мы упрекаемъ здѣсь Фулье не за умѣренность, съ которой онъ стремится примирить крайности; не за то, что онъ смотритъ на вопросъ о приложеніяхъ своего принципа, какъ на «вопросъ мѣры, благоразумія, удобства» ²⁾; а лишь за то, что онъ взялъ изъ области, совершенно чуждой соціальной морали, мотивы, которые приводятъ его къ оговоркамъ по поводу практическаго значенія и слѣдствій «искупительной справедливости», этого кульминаціоннаго пункта его политики. Хотя Фулье удалось вполне освѣтить разнообразныя и сложныя стремленія нашего времени; хотя онъ очень живо чувствуетъ кризисъ нашихъ политическихъ и соціальныхъ концепцій, тѣмъ не менѣе, ясно, что онъ не даетъ намъ того незыблемаго принципа, въ которомъ такъ нуждаются наши умы.

Рождаются также сомнѣнія и относительно цѣнности того синтеза, которымъ гордится Фулье. Возникаетъ опасеніе, что этотъ синтезъ не представляетъ изъ себя единства и что въ произведеніяхъ

¹⁾ Фулье обращается здѣсь къ *L'Individu et l'État* (стр. 86) Дюпонъ-Уайта.

²⁾ *La Propriété sociale et la Démocratie* (стр. 39).

Фулье мы находимъ лишь новый эклектизмъ, хотя и построенный на болѣе глубокихъ метафизическихъ основахъ, чѣмъ эклектизмъ Кузэна, и располагающій всѣми средствами превосходной діалектики и очень богатымъ научнымъ аппаратомъ. Этотъ эклектизмъ выдаетъ себя формулами, вродѣ слѣдующей: «Всякое абсолютное положеніе—ложно» ¹⁾. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что мы не отказываемъ мыслителю въ правѣ выбирать, т.-е. высказываться и рѣшать. Мы полагаемъ, напротивъ, что всякое убѣжденіе есть результатъ выбора. Бѣда эклектизма, въ нашихъ глазахъ, заключается, поэтому, не въ томъ, что онъ дѣлаетъ выборъ, а въ томъ, что онъ руководится при этомъ мотивами не чисто-раціональнаго характера; въ особенности же въ томъ, что онъ объединяетъ при этомъ элементы, входящіе въ системы непримиримыхъ между собою идей.

Таковы, по нашему мнѣнію, по основаніямъ, которыя уже были указаны и которыя будутъ развиты далѣе, идея «моральной личности» и идея «общества», разсматриваемаго, какъ реальность. Фулье самъ даетъ доказательство непримиримости этихъ идей, такъ какъ ему съ трудомъ удастся избѣжать необходимости признать существованіе *общаго сенсориума* ²⁾. Онъ хорошо понимаетъ, что, въ случаѣ такого признанія, все было бы кончено съ индивидуумомъ и его правомъ. Тогда онъ прибѣгаетъ къ самому хитроумному и, въ сущности, самому неудовлетворительному изъ *distinguo*. Не существуетъ соціальнаго сознанія индивидуальности, т.-е. общество не представляетъ собою «огромнаго индивидуума», живущаго

¹⁾ *La propriété sociale et la Démocratie* (стр. 1).

²⁾ *La Science soc. contemp.* (стр. 245—246).

своей собственной жизнью ¹⁾); но индивидуальное сознание обязательно имѣетъ коллективную сторону, т.-е. индивидуумъ, полагая, что сознаетъ самого себя, сознаетъ, главнымъ образомъ, общество, къ которому принадлежитъ ²⁾). Необходимо, слѣдовательно, признать существованіе трѣхъ видовъ организмовъ: у однихъ сознание «смутно и разсѣяно»: зоофиты, кольчатые; у другихъ оно «ясно и централизовано»: высшія позвоночныя животныя; у третьихъ оно «ясно и разсѣяно»: человѣческія общества ³⁾).

Чтобы надлежащимъ образомъ охарактеризовать эту концепцію, достаточно, по нашему мнѣнію, привести выраженія, въ которыя облакаетъ ее самъ Фулье. «Это только гипотезы, утонченность которыхъ мы не скрываемъ отъ себя» ⁴⁾. «Для подтвержденія этой гипотезы можно было бы придумать доводы, аналогичные слѣдующимъ, и т. д.» ⁵⁾. «Въ этой концепціи есть доля истины, однако не слѣдуетъ ее преувеличивать» ⁶⁾. Понятно, что Эспинасъ, мало удовлетворенный этой критикой, дѣлалъ возраженія на нее, и не соглашался покинуть своей собственной точки зрѣнія, считая ее гораздо болѣе устойчивой: «Если я есть мы, то мы, по тѣмъ же самымъ основаніямъ, есть я» ⁷⁾.

¹⁾ *La Science soc. contemp.* (стр. 227).

²⁾ *Ibid.* (стр. 241).—См. оговорки автора (стр. 242—243).

³⁾ *Ibid.* (стр. 245).

⁴⁾ *Ibid.* (стр. 245).

⁵⁾ *Ibid.* (стр. 244).

⁶⁾ *Ibid.* (стр. 242).

⁷⁾ Письмо, цитируемое Фулье (*La Science soc. contemp.*, стр. 246, примѣч. 2).

Если обратиться къ источникамъ доктрины Фулье, то его эклектизмъ становится еще очевиднѣе. У него были предшественники. Въ Германіи и во Франціи не одинъ философъ и юристъ пытались аналогичными способами примирить споръ между государствомъ и индивидуумомъ, сближая между собой то, что Блюнчли называетъ историческимъ и философскимъ методами¹⁾.

Не восходя къ Краузэ²⁾, слѣдуетъ указать на Арэнса, одного изъ наиболѣе яркихъ представителей этико-органической школы³⁾. Между «идеальнымъ организмомъ» Краузэ, «моральнымъ организмомъ» Арэнса и «договорнымъ организмомъ» Фулье разница только въ словахъ. Идея искупительной справедливости также до извѣстной степени аналогична той задачѣ, которую Арэнсъ ставитъ государству, обязывая послѣднее къ вмѣшательству съ тою цѣлью, чтобы, смотря по надобности, побуждать или сдерживать элементы соціальнаго развитія, получающіе исключительное значеніе или оказывающіеся отсталыми, и призывая его прекращать «очевидныя уклоненія и эксцессы»⁴⁾. Наконецъ, когда Фулье сближаетъ и стремится примирить крайности, намъ неизбежно вспоминается, какъ представлялъ себѣ Арэнсъ современный намъ періодъ развитія чело-вѣчества: характерной чертой этого періода, по мнѣнію Арэнса, служить «сліяніе всѣхъ частныхъ

¹⁾ *Allgemeine Staatslehre*, I.

²⁾ О политическихъ теоріяхъ Краузэ и о вліяніи руководящихъ идей этого философа см. у Арэнса, *Cours de Droit naturel* (7 изд. т. I, стр. 78 и сл.).

³⁾ Такъ называетъ ее самъ Арэнсъ. *Ibid.* (т. II, стр. 369).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 353).

истинъ, уничтоженіе всѣхъ противоположностей, царство абсолютной гармоніи въ матеріи и духѣ» ¹⁾).

Впрочемъ, эти аналогіи можно объяснить тѣмъ, что для Краузэ и Арэнса, съ одной стороны, для Фулье — съ другой, Шеллингъ былъ общимъ источникомъ, изъ котораго они черпали принципы своей метафизики, а слѣдовательно, и принципы своихъ соціальныхъ и политическихъ теорій. Вліяніе Шеллинга, замѣтное въ первыхъ работахъ Фулье, не исчезаетъ и впослѣдствіи. Широко объемлющая и, въ то же время, туманная мысль Шеллинга породила, какъ теократическій абсолютизмъ Сталя, такъ и полулиберализмъ этико-органической школы.

Легко замѣтить, гдѣ расходятся эти вѣтви, выросшія изъ одного ствола. Школа абсолютистовъ слѣдуетъ логикѣ своего принципа; этико-органическая противится логикѣ своего, и постоянно контролируетъ вытекающія изъ него слѣдствія. Къ игрѣ блестящей и очаровывающей діалектики, которая извлекаетъ изъ принциповъ все, что угодно, и ведетъ ослѣпленнаго читателя окольными путями, нерѣдко приводящими его къ отправному пункту, такъ что, послѣ продолжительнаго путешествія, онъ, въ концѣ-концовъ, остается почти на томъ же мѣстѣ, — у Фулье присоединяется сознательное стремленіе постоянно держаться насторожѣ противъ абсолютизма и предвзятое намѣреніе отвести свободѣ мѣсто въ соціальной и политической жизни, независимо отъ хода изслѣдованія.

Идетъ ли дѣло объ основахъ права, или о природѣ общества, мы всегда встрѣчаемся съ однимъ характернымъ приѣмомъ. Признавая извѣстный прин-

¹⁾ *Cours de Droit naturel* (т. II, стр. 8).

цинъ, но не принимая его слѣдствій, Фулье вноситъ отъ себя *предпочтеніе, пожеланіе*, чтобы нѣчто было такъ, а не иначе. При всякомъ удобномъ случаѣ, въ его книгахъ встрѣчаются формулы, подобныя слѣдующимъ: «*Я не могу допустить, чтобы истинный либерализмъ сколько-нибудь опасался знанія*» ¹⁾; или: «*Естественная исторія, правильно истолкованная, оправдываетъ тѣхъ, кто ищетъ прогресса солидарности путемъ развитія свободы*» ²⁾; или еще: «*Въ интересъ соціального организма стать договорнымъ*» ³⁾, и проч. Число такихъ примѣровъ легко можно было бы увеличить.

Подобно многимъ философамъ нашего времени, Фулье не рѣшается разстаться ни съ одной изъ великихъ гипотезъ, руководящихъ современною мыслью. Но именно потому, отказываясь съ самаго начала исключить хоть одну изъ нихъ, а слѣдовательно, сдѣлать выборъ какой-либо одной, предпочтительно передъ другими, онъ принужденъ постоянно выбирать въ подробностяхъ. По выбору онъ дѣлаетъ государство единственнымъ судьей своихъ обязанностей; по выбору отказываетъ индивидууму въ правѣ, соотвѣтствующемъ обязанности государства; по выбору приписываетъ индивидуальному сознанию коллективный характеръ, вмѣсто того, чтобы приписать коллективному сознанию индивидуальность.

Въ этомъ обнаруживается коренной недостатокъ метода, а также его полное безсиліе положить конецъ кризису, возникшему, въ значительной сте-

¹⁾ *La Science sociale contemporaine* (стр. 191).

²⁾ *Ibid.* (стр. 191).

³⁾ *Ibid.* (стр. 345).

пени, именно вслѣдствіе шаткости умовъ, вслѣдствіе ихъ неспособности или нежеланія слѣдовать въ своихъ выводахъ одному разъ установленному принципу и, при помощи послѣдняго, притти къ единственно возможному для насъ достовѣрному положенію: тому, которое вытекаетъ изъ полной логической устойчивости нашихъ мыслей.

II.

Политическіе и соціальные труды Рэнувье распадаются на двѣ части ¹⁾: одна излагаетъ, другая — критикуетъ и полемизируетъ. Обѣ части неразрывно связаны другъ съ другомъ и чрезвычайно тѣсно соединены съ системой философа. Если сравнить абсолютную, строгую логичность мысли этого философа съ только что разсмотрѣнными нами амальгами и противорѣчивыми построеніями, то получается очень пріятный контрастъ. Еще больше удовлетворенія доставляетъ методъ, примѣняемый Рэнувье, такъ какъ, примемъ мы или отвергнемъ его общее міросозерцаніе, онъ даетъ намъ орудіе, позволяющее рѣшить интересующую насъ проблему.

Доктрина Рэнувье представляетъ, въ сущности, реакцію противъ реакціи: реакцію, во имя возвышеннаго индивидуализма XVIII вѣка, противъ

¹⁾ *La Science de la morale* (1869); *Critique philosophique* (1872—1889), гдѣ Рэнувье разсмотрѣлъ и развилъ принципы, установленные въ первомъ сочиненіи, съ точки зрѣнія допускаемыхъ ими приложений. — *Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques* (1885). — Рэнувье перепечаталъ потомъ свое *Introduction à la Philosophie analytique de l'histoire* и издалъ *Philosophie analytique de l'histoire*, 4 т. Парижъ, 1896 и 1897.

тѣхъ теорій, которыя въ теченіе ста лѣтъ разрушаютъ его, а равно и противъ тѣхъ, которыя, подъ предлогомъ дальнѣйшаго развитія, искажаютъ и умаляютъ его ¹⁾).

Не опасаясь упрековъ въ излишнихъ нападкахъ на тенденціи оспариваемыхъ доктринъ, — такъ какъ онъ оставляетъ за собой право судить ихъ и по другимъ основаніямъ, — Рэнувье охотно и часто останавливается, напимѣръ, на соціальныхъ и политическихъ выводахъ позитивизма. Онъ оцѣниваетъ по заслугамъ чрезмѣрное благоговѣніе передъ средними вѣками, которые, хотя и выше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ древности, — больше мягкости въ сердцахъ, больше доброты и милосердія, чтò, впрочемъ, слѣдуетъ приписать вліянію первоначальнаго или теоретическаго христіанства, а не среднихъ вѣковъ, какъ реальной эпохи» ²⁾), — тѣмъ не менѣе, подчинили Западъ режиму абсолютной гетерономіи. Бдительно охраняя человѣческое достоинство, Рэнувье бьетъ тревогу при видѣ затемненія понятія права и его ослабленія подъ дружнымъ напоромъ системъ, повидимому, очень различныхъ, но, въ дѣйствительности, одинаково стремящихся къ достиженію однороднаго результата. Онъ видитъ эти общія черты и показываетъ, какъ зданіе, воздвигнутое философіей XVIII вѣка, было разрушено камень за камнемъ при помощи нѣсколькихъ идей, которыя очень цѣнятся въ наше время, но которыя, по его мнѣнію, совершенно ложны. Главными идеями, служившими этому дѣлу разрушенія, онъ считаетъ: идею есте-

¹⁾ Fouillée. *Examen des Systèmes de morale contemporaine.*

²⁾ Renouvier, *Science de la morale* (т. II, стр. 495).

ственной націи, т. - е. возникшей независимо отъ желанія его членовъ; идею *общества*, рассматриваемаго, какъ *реальное существо*, и обладающаго правами, которыя не только стоятъ выше правъ индивидуума, но даже могутъ обязывать послѣдняго къ абсолютному самопожертвованію; идею *прогресса*, совершающагося фатально, механически и непрерывно; идею *любви*, замѣнившей идею справедливости, какъ законъ общественныхъ отношеній. Прибавьте къ этому: методъ, основанный на авторитетѣ и ведущій къ отысканію правилъ поведенія внѣ совѣсти, а, въ особенности, понятіе *науки* въ абстрактномъ смыслѣ, науки вообще, передъ которымъ теперь склоняются столь многіе и изъ котораго извлекаютъ, какъ мы видѣли выше, все свое представленіе о социальномъ строѣ.

Идея *естественной національности* сыграла въ теченіе XIX вѣка важную роль въ исторіи Франціи и исторіи Европы вообще. Французскіе философы, историки и политики рассматривали ее, какъ весьма драгоцѣнную и славную побѣду надъ невѣжествомъ и рутиной прошлыхъ вѣковъ, пока она не оказалась враждебной не только нашимъ интересамъ, но и нашимъ правамъ.

Рэнувье еще до этого объявилъ названную идею неопредѣленной, смутной, трудно уловимой, и боролся противъ нея. Гдѣ можно встрѣтить въ новое время, спрашиваетъ онъ, тѣ «единство и оригинальность языка, культа и обычаевъ», которыя придавали нѣкоторымъ націямъ древности характеръ аутохтоніи? Это «прекрасныя свойства юности», утраченныя нами. «Война и смерть уничтожили настоящія первичныя права, настоящія первичныя ре-

лиги, настоящіе первичные языки и естественныя націи» ¹⁾. Кромѣ того, идея естественной націи принадлежитъ къ «системѣ произвольныхъ соціальныхъ фактовъ, я сказалъ бы, почти къ инстинктивнымъ функціямъ человѣчества» ²⁾. Основывать политическій строй на этой идеѣ—значить «давать первенство физической природѣ, подчинять ей разумъ» ³⁾. *Естественной націи* противопоставляется *государство*, образованное посредствомъ соединенія группъ, которыя, различаясь расой, языкомъ и даже вѣрованіями, но имѣя общія понятія о справедливости, пожелали осуществить «моральное отечество», совершили для достиженія этого актъ размышленія, разума, воли и связали другъ-друга формальнымъ договоромъ ⁴⁾.

Подобно идеѣ естественной націи, не выдерживаетъ критики и идея общества, какъ *реальнаго существа*. Что такое это «общество-личность», права котораго признаются выше правъ единственно извѣстныхъ намъ личностей—насъ и подобныхъ намъ? Что оно такое, какъ не чистѣйшая «фикція», противорѣчащая всѣмъ требованіямъ морали? Права и обязанности принадлежатъ и могутъ принадлежать

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 429),

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 421).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 425).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 418). — Ср. стр. 421. Идея государства «есть плодъ размышленія и воли. Она подчиняетъ всѣ факты законнаго различія между людьми, а тѣмъ болѣе ирраціональные и незаконные факты, принципу тождества моральной природы. Слѣдовательно, она стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше, подобно тому, какъ добровольная ассоціація предпочтительнѣе произвольной коопераціи, а республика свободно дѣйствующихъ людей—пчелинаго улья».

только индивидуумамъ¹⁾. На такую концепцію общества нельзя смотрѣть иначе, какъ на «одну изъ идей такъ называемой реалистической метафизики, каковы, напримѣръ, идеи добра, истины, разума, любви и множество другихъ абстрактныхъ понятій»²⁾.

Равнымъ образомъ, въ идеѣ прогресса, «связаннаго съ цѣпью любыхъ событій, а не зависящаго отъ свободы»³⁾, Рэнувье видѣлъ очень опасный подводный камень уже въ своей *Наука о морали*⁴⁾. Но въ особенности онъ боролся противъ этой идеи съ замѣчательной настойчивостью и тонкостью анализа впоследствии, и я постараюсь въ общихъ чертахъ резюмировать ходъ его критики.

По какому праву говорятъ о законѣ прогресса? Галилей могъ путемъ опыта установить законъ паденія тяжестей; но «развитіе человѣчества нельзя провѣрить опытомъ». Слѣдовательно, говоря о законѣ прогресса, необходимо опираться на гипотезу не экспериментальнаго характера⁵⁾. — Нельзя, затѣмъ, «научно установить» предѣлъ, къ которому идетъ человѣчество. Намѣчая этотъ предѣлъ, прибѣгаютъ къ помощи принциповъ, доктрины, не имѣющихъ ничего общаго съ опытомъ. Нельзя даже установить

1) *Science de la morale* (т. I, стр. 162; т. II, стр. 430 и слѣд.).

2) *Ibid.* (т. I, стр. 168)

3) *Ibid.* (т. II, стр. 524).

4) См. для этого *Critique philosophique*, 4-й годъ, часть 1-я (стр. 65, 97, 113, 145, 209, 241, 259, 321). — 9-й годъ, ч. 2-я (стр. 193, 257, 273, 353, 385, 401). — 10-й годъ, ч. 1-я (стр. 17, 117, 145, 337, 353); *ibid.*, ч. 2-я (стр. 1, 97, 289). — 12-й годъ, ч. 1-я (стр. 209, 241, 321); *ibid.*, ч. 2-я (стр. 23, 33). — Ср. въ *Année philosophique Pilon'a* (годъ 3-й, 1892) новую статью Рэнувье.

5) *Crit. philos.* (т. V, стр. 65).

«достаточно простые и безошибочные признаки», по которымъ можно было бы въ данный моментъ, въ данномъ обществѣ указать какой-нибудь фактъ, свидѣтельствующій о несомнѣнномъ прогрессѣ. Эти причины должны мѣшать философамъ и ученымъ, считающимся съ реальными условіями науки, говорить о *законѣ* прогресса. Факты прогресса, разумѣется, происходятъ, но только факты. Оцѣнить эти факты можно, лишь обратившись къ какому-либо соціальному *идеалу*¹⁾.

Рэнувье настаиваетъ на трудности опредѣленія прогресса. Если прогрессъ гдѣ-нибудь существуетъ, такъ это, повидимому, въ наукахъ. Однако, «первое изобрѣтеніе», въ сущности, нельзя назвать прогрессомъ: творцы геометріи не были прогрессивнѣе тѣхъ, кто не зналъ ея. Съ другой стороны, напрасно мы пытались бы установить *непрерывность* мнимаго научнаго прогресса. Въ эпоху первой александрійской школы, науки (геометрія, астрономія, естественная исторія, литературная критика, мораль и т. д.) достигаютъ пышнаго расцвѣта. Современники имѣли бы полнѣйшее основаніе полагать, что «начавшійся прогрессъ уже не остановится». Во второмъ вѣкѣ нашей эры Александрія представляетъ лишь пристанище всевозможныхъ суевѣрій. Развитіе наукъ прерывается и возобновляется только много вѣковъ спустя²⁾.

Теорія фатальнаго и непрерывнаго прогресса имѣетъ столь ненаучный характеръ, что въ ней можно видѣть варіантъ теологическаго догмата о благодати. «Для этой теоріи послѣдовательно совершающіеся

¹⁾ *Crit. philosoph.* (т. IV, 1, стр. 68).

²⁾ *Ibid.* (т. IV, 1, стр. 100).

факты играют роль Провидѣнія, творящаго добро изъ зла. Она уничтожаетъ у людей интересъ къ добродѣтельной и стойкой дѣятельности. Она отвращаетъ ихъ отъ честныхъ и неподкупныхъ рѣшеній, побуждая благословлять прошедшее, оправдывать любое настоящее и во всемъ надѣяться на будущее» ¹⁾).

Исторія идеи прогресса подтверждаетъ сужденіе о самой идеѣ. Бэконъ и Паскаль, первыми заговорившіе о прогрессѣ, имѣли въ виду только прогрессъ знаній и связанныя съ нимъ надежды на улучшеніе матеріальной стороны жизни. Въ статьѣ Канта, на которую ссылается Контъ въ подтвержденіе своей теоріи, подъ прогрессомъ разумѣется только возрастающее стремленіе къ космополитизму, — стремленіе «къ полному осуществленію идеи всечеловѣческой общины» ²⁾).

Съ своей стороны Тюрго хорошо доказываетъ, что «человѣчество прогрессировало», и устанавливаетъ «извѣстные пути, служившіе для достиженія этого прогресса», но не пытается итти далѣе ³⁾. Наконецъ, Кондорсэ ограничивается выраженіемъ своей вѣры въ прогрессъ, при чемъ исходнымъ пунктомъ для него, какъ и для Канта служатъ моральные принципы своего вѣка, а идеальнымъ обществомъ «является государство, гдѣ царствуютъ миръ, свобода и равенство» ⁴⁾).

Эти-то «намеки, гипотезы, desiderata» ⁵⁾ мыслителей XVIII вѣка Сэнъ-Симонъ и Контъ преобразуютъ въ

¹⁾ *Crit. philos.* (т. IV, 1, ст. 242).

²⁾ *Ibid.* (т. IX, 2, стр. 192, 282).

³⁾ *Ibid.* (т. IX, 2, стр. 394).

⁴⁾ *Ibid.* (т. X, 1, стр. 149).

⁵⁾ *Ibid.* (т. X, 2, стр. 1).

законъ прогресса; но цѣною какихъ усилій? Нужно было, прежде всего, примирить непрерывность прогресса съ промежуточнымъ положеніемъ среднихъ вѣковъ между греко-римской эрой и новымъ временемъ. Этого достигли, провозгласивъ средніе вѣка достойными удивленія и даже преклоненія, т.-е. пожертвовавъ правомъ и свободой ради «моральнаго и соціальнаго превосходства идей» власти и организаціи» ¹⁾. Такимъ образомъ, организація «становится цѣлью», идеаломъ человѣческихъ обществъ.—Нужно было, кромѣ того, опредѣлить смыслъ прогресса. Въ глазахъ мыслителей XVIII вѣка онъ имѣлъ исключительно моральное значеніе. Сэнъ-Симонъ и Контъ «замѣняютъ мораль наукой». Прежде «организующей силой» была религія; теперь «организующей» силой станетъ наука ²⁾. Мы сейчасъ увидимъ, что думаетъ Рэнувье о «наукѣ самой по себѣ». Но сначала укажемъ, чѣмъ онъ замѣняетъ теорію фатальнаго и непрерывнаго прогресса, которую подвергъ столь суровой критикѣ.

Прогрессъ заключается «во всемъ, что ведетъ къ совершенству человѣчества... значить, къ автономіи, или свободѣ, — основному признаку прогресса» ³⁾. Въ силу такого опредѣленія, возрастаніе матеріальныхъ благъ и даже развитіе науки не имѣютъ ничего общаго съ прогрессомъ, который состоитъ исключительно въ «количествѣ свободы, осуществляемой и уважаемой въ данномъ обществѣ». Наоборотъ, упадокъ измѣряется количествомъ свободы «не осуществленной или утраченной». Поэтому,

¹⁾ *Crit. philos.* (т. X, 2, стр. 2).

²⁾ *Ibid.* (т. X, 2, стр. 3).

³⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 484).

истинными источниками прогресса человечества были «греческія государства съ ихъ колоніями, Римъ съ его культурнымъ наслѣдіемъ, Іудея съ ея священными книгами». Греція дала «гражданскую общину, философію, науку и искусство, методы и образцы». Римъ далъ «администрацію, юриспруденцію». Іудея—пророковъ, т.-е. религіозную автономію, «нѣчто не только не похожее на теократію, но диаметрально противоположное ей». Такимъ образомъ, только свобода «положила основаніе нашего интеллектуальнаго и моральнаго богатства»¹⁾.

Не существуетъ «закона прогресса», управляющаго всѣмъ человечествомъ (нельзя же считать такимъ закономъ простую солидарность поколѣній), но, какъ уже было сказано, существуютъ «факты прогресса». Эти факты прогресса всегда обязаны своимъ возникновеніемъ «свободѣ въ дѣйствіи», всегда добыты «свободой, въ борьбѣ съ сопротивленіемъ». Великій соціальный прогрессъ представляетъ изъ себя «побѣду надъ господствующими привычками»²⁾. Величайшимъ дѣломъ прогресса, какое только можно себѣ представить, было бы также «наиболѣе глубокое и смѣлое проявленіе свободы». Подобный прогрессъ можетъ быть только результатомъ инициативы «свободныхъ группъ избранныхъ людей, создающихъ новыя и образцовыя общества, — плоды страстныхъ философскихъ исканій и могучаго размышленія въ

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 486—487).

²⁾ *Обычай* — великій врагъ прогресса, великое препятствіе на его пути. «Эпохи прогресса знаменуются ослабленіемъ обычая и солидарности, а слѣдовательно, усиленіемъ господства разума и всѣхъ естественныхъ импульсовъ человѣка». *Science de la morale* (т. II, стр. 511).

опредѣленныхъ областяхъ» ¹⁾. Эти свободныя и добровольныя ассоціаціи достигаютъ того, чего не способны достигъ ни отдѣльный человѣкъ, ни, тѣмъ болѣе, социальная масса въ цѣломъ. Онѣ вторгаются въ царство обычая; поступки, совершавшіеся механически и поневолѣ, онѣ замѣняютъ разумными поступками. «Замѣна фатально сложившагося общества добровольной и небольшой ассоціаціей», — вотъ средство получить наибольшую сумму свободы, а слѣдовательно, реализовать наибольшую сумму прогресса.

Рэнувье сильно подчеркиваетъ, что всѣ философскія ученія, съ которыми онъ боролся, замѣняютъ *справедливость* — *любовью*, какъ основой социальныхъ отношеній. Противопоставленіе справедливости и любви, низшее качество любви по сравненію со справедливостью, — къ этимъ вопросамъ онъ очень часто возвращается въ *Философской критикѣ*. Справедливость выше доброты уже по одному тому, что она обращается къ *личности* другого, къ «человѣку, какъ человѣку», тогда какъ доброта обращается къ «*природѣ* другого, къ человѣку какъ животному» ²⁾. Нельзя порывы чувствительности ³⁾ ставить выше справедливости, и нельзя обвинять послѣднюю въ холодности. «Царство справедливости кажется намъ недостаточнымъ для счастья людей только потому, что мы, къ несчастію, лишены зрѣлища этого царства, еще никогда невиданнаго на землѣ» ⁴⁾. Ниже

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 522).

²⁾ Мы узнаемъ здѣсь идею фаланстеровъ.

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 186).

⁴⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 143).

мы увидимъ, какъ самъ Рэнувье понимаетъ справедливость.

Всѣ философскія ученія, враждебныя индивидуализму, примѣняютъ одинъ и тотъ же методъ: методъ гетерономіи. Теократъ замѣняетъ собственную волю человѣка повелѣніемъ церкви. Позитивистъ замѣняетъ ее повелѣніемъ главы своей религіи. Соціалистъ воображаетъ, что для преобразованія чело-вѣчества достаточно измѣнить жилища, «создать для человѣка совершенно новую внѣшнюю соціальную среду», забывая, при этомъ, что «наилучшее изъ возможныхъ общество дурно или станетъ дурнымъ для людей, которые сами не хороши¹⁾. Соціалисты, позитивисты и теократы не сознаютъ того, что не можетъ быть истинной морали безъ автономіи воли и разума, и что «моральный законъ присущъ всѣмъ только потому, что онъ присущъ каждому; универсалеиъ потому, что онъ носитъ въ высшей степени частный характеръ и составляетъ неотъемлемую составную часть всякаго сознанія»²⁾.

Но изъ всѣхъ ложныхъ идей, способствовавшихъ дискредитированію индивидуализма, наиболѣе ложной и наиболѣе опасной по обилію слѣдствій, какія изъ нея выводили, слѣдуетъ, разумѣется, признать идею «науки». Во имя науки, разматриваемой какъ нѣчто цѣлостное и абсолютное, какъ нѣчто, объясняющее всю вселенную, т.-е. человѣка и общество,—многіе рѣшительно осудили моральный априоризмъ Руссо и критику Канта. Во имя «науки» возникли доктрины, «въ которыя не могло войти индивидуальное право и душа его — свобода, не-

¹⁾ *Science de la morale* (т. I, стр. 313—315).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 169).

смотря на болѣе или менѣе искусныя попытки ввести ихъ туда». Не пора ли спросить, какова же реальная цѣнность этого понятія «наука»?

Выдвигаемый нами вопросъ не является для Рэннунье чѣмъ-то случайнымъ, затронутымъ имъ мимоходомъ. Вся его теорія познанія, въ сущности, представляетъ собою постоянное опроверженіе идеи «абсолютной и цѣлостной положительной науки». Уже его *Опытъ логики* приводитъ къ исключенію идеи единого и полного синтеза явленій, который только и могъ бы дать содержаніе понятію «науки», безъ чего послѣднее осуждено оставаться пустымъ и безсодержательнымъ. Выводы отдѣльныхъ наукъ, принципы которыхъ опираются отчасти на гипотезу (а слѣдовательно, на вѣру) имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку они сдѣланы въ границахъ области явленій, изучаемыхъ данной наукой.

Совершенно вѣрно, что всѣ науки въ совокупности не исчерпываютъ ни любознательности человеческого духа, ни его силъ, и что существуетъ стремленіе выйти за предѣлы науки. Это допустимо, но при условіи хорошо понять, что за предѣлами науки не можетъ быть науки, въ точномъ смыслѣ этого слова. За предѣлами науки можетъ быть только критика, которая примѣняетъ свой собственный методъ — свободное мнѣніе; методъ, совершенно отличный отъ метода науки — доказательства, опирающагося на идею необходимости.

Такимъ образомъ, проблема о цѣлесообразности въ мірѣ, проблема объ индивидуальномъ предназначеніи, проблема о томъ, «насколько принциповъ морали и основа государствъ» зависятъ отъ рѣшенія вышеуказанныхъ проблемъ, — представляютъ широ-

кое поле изслѣдованій, открытое для человѣческой мысли. Пусть человѣкъ изслѣдуетъ и оплодотворяетъ его; но если онъ не хочетъ стать жертвой опаснѣйшей изъ иллюзій, пусть остережется примѣнять здѣсь тѣ орудія, которыя служили ему въ области науки.

Пусть говорятъ, что общая критика, обнимая, съ одной стороны, всѣ науки (такъ какъ она пользуется общими данными, съ которыми послѣднія не считаются), съ другой—представляетъ изъ себя собраніе наукъ, находящихся въ состояніи попытокъ и пожеланій: Рэнувье противъ этого не возражаетъ¹⁾. Онъ допускаетъ даже, чтобы общую критику называли «наукой», хотя это — недостаточно логическая уступка дурнымъ навыкамъ языка и мысли,—но при непремѣнномъ условіи: не упускать изъ виду, что эта наука—критика—основана на мнѣніи, приводитъ къ вѣроятностямъ, которыя становятся достовѣрностями лишь вслѣдствіе свободнаго согласія сознанія, и не имѣетъ ничего общаго со всѣми прочими науками.

«Наука вообще,—говоритъ рѣшительно Рэнувье въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, — и эти формулы необходимо здѣсь привести, такъ какъ онѣ резюмируютъ все предыдущее—наука вообще не то, что данная наука»²⁾. Отдѣльныя науки не только не ведутъ къ ней и не заключаютъ ее въ себѣ, но всѣ учатъ насъ, что мы «ничего не знаемъ» и не можемъ знать³⁾ о задачахъ, гипотетически приписываемыхъ нами наукамъ вообще. Основная ошибка позитивизма заключалась въ томъ, что онъ поставилъ себѣ невозмож-

1) *Essai de Psychologie* (т. I, стр. 287).

2) *Esquisse d'une classification des doctrines* (т. I, стр. 287).

3) *Ibid.* (т. II, стр. 88, примѣчаніе).

ную задачу, желая создать философію, которая была бы больше, чѣмъ философія, и основать школу, которая была бы больше, чѣмъ школа» ¹⁾). Еще болѣе важная ошибка доктринъ, вдохновлявшихся позитивизмомъ, заключалась въ томъ, что онѣ форсировали эту точку зрѣнія, и безъ колебанія, безъ всякаго сомнѣнія въ своемъ методѣ, смотрѣли на моральнаго и соціальнаго человѣка, какъ на матеріаль, допускающій чисто - научное изслѣдованіе и пригодный для такихъ же выводовъ, какіе науки законно получаютъ изъ своего матеріала.

Такимъ образомъ, индивидуализмъ переходитъ здѣсь въ наступленіе. Изъ обвиняемаго, котораго требуютъ къ суду такъ называемой научной философіи, онъ самъ привлекаетъ къ суду основныя положенія этой философіи; онъ нападаетъ на *эмпирическую иллюзію* съ такимъ же пыломъ, съ какимъ эмпиристы нападали на «*априористическую иллюзію*», и достигаетъ бѣлыхъ успѣховъ. Въ XVIII вѣкѣ пропагандисты индивидуалистической мысли по большей части прямо излагали свои взгляды, не считаясь съ возможными возраженіями. Теперь индивидуалистическая мысль сначала уничтожаетъ возраженія, подрывая основы, на которыхъ они покоятся, а затѣмъ даетъ себѣ новую формулировку, принимая во вниманіе сдѣланныя ей нѣкогда правильныя критическія указанія. Основныя положенія Канта и Руссо вновь появляются у Рэнувье, но въ болѣе научной формѣ, очищенные отъ первоначальныхъ недостатковъ.

¹⁾ *Esquisse d'une classification des doctrines* (т. I, стр. 287).

Идея «человѣка въ себѣ», или «философскаго человѣка» ¹⁾ перестаетъ быть идеей совершеннаго дикаря, имѣющаго «безграничное право на все». Она становится идеей «моральнаго дѣателя», имѣющаго сначала только одну обязанность къ себѣ, къ которой присоединяются права, когда занимаютъ свое прежнее мѣсто элементы (общество, человѣчество), первоначально исключенные анализомъ. Въ свою очередь, идея естественнаго права превращается въ идею «раціональнаго права» ²⁾. Въмѣсто того, чтобы исходить отъ «физическаго», какъ это дѣлали философы XVIII вѣка, Рэнувье исходитъ отъ «раціональнаго», и, благодаря этому, по его собственному замѣчанію, получаетъ возможность съ самаго начала своихъ размышленій установить настоящія моральныя понятія, которыхъ не хватало его предшественникамъ. — «Общественный договоръ» не въ состояніи претендовать не только на историческое происхожденіе, но вообще на какую-либо связь съ исторической дѣйствительностью. Его никто не утверждалъ; онъ просто предполагается «въ силу разума, который постигаетъ его и постоянно стремится доказать фактами» ³⁾.

Мало того: Рэнувье видоизмѣняетъ доктрину XVIII вѣка еще въ двухъ чрезвычайно важныхъ пунктахъ. Онъ точно опредѣляетъ понятіе солидарности, отличавшееся такой неопредѣленностью у его предшественниковъ, и даетъ въ чистомъ видѣ понятіе свободы, которое самъ Кантъ не могъ очистить отъ элементовъ необходимости.

¹⁾ *Science de la morale* (т. I, стр. 33).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 476).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 471). — Ср. *Crit. philos.* (II, 2, стр. 1—10).

Пользуясь принципомъ противорѣчія, Рэнувье отвергаетъ кантіанскія антиноміи ¹⁾. Въмѣсто того, чтобы помѣщать свободу въ міръ ноуменовъ и допускать, что поведеніе феноменальнаго существа всецѣло детерминировано, онъ вноситъ оговорки относительно абсолютнаго значенія детерминизма даже въ міръ феноменовъ, единственномъ, съ которымъ онъ считается ²⁾. Онъ возстаетъ противъ «химерическаго принципа причинности, доведенной до абсолютнаго значенія». Онъ считаетъ «абсурдомъ» безграничное расширеніе этого принципа и показываетъ, что оно, въ концѣ-концовъ, сталкивается съ другимъ абсурдомъ, абсурдомъ реальности безконечнаго числа ³⁾. Онъ допускаетъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тѣмъ феноменамъ, «которые совершаются на сценѣ человѣческаго сознанія, существованіе началъ рядовъ» ⁴⁾. Въ свою очередь, сознаніе «зависитъ отъ чего-либо лишь благодаря самому себѣ, и притомъ, строго говоря, — не въ отношеніи того, чѣмъ оно было въ каждый моментъ, предшествующій настоящему моменту, а въ отношеніи того, чѣмъ оно становится въ опредѣленный послѣдній моментъ» ⁵⁾. Недоказуемая въ собственномъ смыслѣ этого слова, свобода является постулатомъ, связаннымъ съ постулатомъ «абсолютнаго, самосвободнаго первоначала».

¹⁾ См. *Esquisse d'une classification des doctrines* (т. II), въ особенности послѣднюю главу (стр. 393 и сл.).

²⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 531).

³⁾ *Ibid.* (стр. 530).—Ср. *Essai de Logique* и *Esquisse d'une classification des doctrines* (т. II, послѣдняя глава).

⁴⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 531).

⁵⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 531).

Съ этимъ постулатомъ связанъ весь строй нашихъ представлений¹⁾.

Полагая свободу въ основу всего, Рэнувье отрицаетъ, будто онъ стремится въ области морали къ «частичному освобожденію». Даже тѣ акты, которые достойны считаться первоначалами, влекутъ за собой много другихъ актовъ: такимъ путемъ вводится понятіе «моральной солидарности»²⁾, — понятіе, богатое не только психологическими, но и социальными слѣдствіями. Благодаря ей люди, представляющіе собой отдѣльныя единицы, перестаютъ быть изолированными въ своемъ эгоизмѣ. «Соціальная идея», какъ выраженіе солидарности, требуетъ отъ каждаго чловѣка, чтобы «онъ былъ цѣлью для самого себя и получалъ средства для достиженія этой цѣли отъ другихъ, если то нужно и возможно»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ Рэнувье еще точнѣе опредѣляетъ социальную идею. «Согласно этой идеѣ, тотъ не можетъ быть хорошимъ членомъ общества, кто не отдаетъ своимъ сочленамъ всего, чѣмъ онъ располагаетъ»⁴⁾. Мы увидимъ, каковы приложенія этого принципа въ социальной и политической областяхъ.

¹⁾ Извѣстно, что мысль Рэнувье долго колебалась между гипотезой одного или нѣсколькихъ началъ. Изслѣдованіе этого вопроса ему казалось выходящимъ «за предѣлы» критицизма. Въ *Esquisse d'une classification des doctrines* (т. II, послѣдняя глава, стр. 398—405) указаны причины, заставившія его принять окончательное рѣшеніе и высказаться за единственное начало.

²⁾ Относительно содержанія этой идеи см. книгу Маріона: *La Solidarité morale*, изд. 2-е.

³⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 22).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 117).

Характерными отличительными чертами индивидуализма Рэнувье служатъ: вмѣшательство государства въ экономическую область во имя «соціальной идеи»; вмѣшательство государства въ политическую область во имя его «моральной функціи». Отмѣтимъ вкратцѣ, въ чемъ именно состоитъ это вмѣшательство государства; но не будемъ забывать, что философъ, по его собственному заявленію, рассуждаетъ «въ формѣ относительной абстракціи», избѣгая предугадывать «реальную возможность принятія своихъ взглядовъ въ данномъ обществѣ» ¹⁾.

Экономическая проблема ²⁾. — Рэнувье убѣжденный защитникъ частной собственности и всѣхъ правъ, связанныхъ, по его мнѣнію, съ этимъ институтомъ ³⁾. Онъ защищаетъ ее, во-первыхъ, потому, что она — лучшая гарантія свободы, а во-вторыхъ, потому, что она составляетъ «историческій методъ соціальнаго прогресса, доказанный опытомъ» ⁴⁾. Я подчеркиваю эти слова, потому что они, какъ нельзя лучше, выдвигаютъ преимущества частной собственности и,

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 54).

²⁾ Необходимо отмѣтить, что Рэнувье, будучи индивидуалистомъ, помѣщаетъ экономическую проблему раньше политической, какъ то дѣлаютъ обыкновенно соціалистическія школы. Подобный порядокъ объясняется тѣмъ, что индивидуализмъ этого мыслителя мало походитъ на ходячую доктрину, извѣстную подъ такимъ названіемъ.

³⁾ Однако, защищая право наслѣдованія въ восходящей и нисходящей линіяхъ, а также въ боковыхъ линіяхъ первой и второй степени, онъ признаетъ возможнымъ устранить прочихъ родственниковъ и, никого не обижая, «отнести собственность къ числу благъ общественнаго пользованія». *Science de la morale* (т. II, стр. 83).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 27).

вмѣстѣ съ тѣмъ, строго устанавливаютъ область, въ предѣлахъ которой ее слѣдуетъ защищать. Однако, защищая частную собственность и прощая ей злое происхожденіе, «преступленіе, на которомъ она, быть-можетъ, поконится¹⁾, онъ не скрываетъ отъ себя поразительнаго противорѣчія, къ которому ведетъ этотъ принципъ. Частная собственность приводитъ въ результатъ къ лишенію огромнаго числа лицъ всякой собственности, и потому, «цѣль, служащая теоретическимъ оправданіемъ собственности, остается совершенно недостигнутой»²⁾. Какъ же приблизиться къ ней?

Если собственность обезпечиваетъ свободу, то весьма важно «предоставить каждому человѣку определенную сферу собственности, для достиженія своей основной личной цѣли: поддержанія своей свободы, развитія своей собственной отвѣтственности»³⁾. Такимъ образомъ, проблему собственности, въ данномъ случаѣ, можно выразить такъ: узаконить права тѣхъ, кто владѣтъ, и установить право каждаго чѣмъ-либо владѣть.

Необходима ли для этого коммунистическая организація? Нѣтъ, потому что коммунизмъ — «царство рабства»⁴⁾. Онъ не можетъ оградить общество отъ худшаго изъ слѣдствій, порождаемыхъ нынѣ строемъ

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 19).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 16).—Къ такому же заключенію можно прійти, анализируя «право защиты». Узаконяя права собственника на свою собственность, оно, равнымъ образомъ, узаконяетъ «въ новой и разрушительной формѣ, право того, кто ничего не имѣетъ, владѣть чѣмъ-нибудь». *Ibid.* (т. II, стр. 33).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 15).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 17).

частной собственности, — отъ невозможности для большого числа людей осуществить свою свободу. Если коммунизмъ плохое лѣкарство, то благотворительность—бесполезный палліативъ. Будучи частной, она касается только отдѣльныхъ случаевъ и служить выраженіемъ доброты, а не справедливости; будучи общественной, она еще годится для «исправленія индивидуальныхъ промаховъ, даже грубыхъ ошибокъ, поскольку они вліяютъ на солидарность»; но она не составляетъ универсальнаго средства, дѣйствующаго безошибочно ¹⁾. Такое средство можетъ состоять лишь въ совокупности мѣръ, «препятствующихъ стремленію собственности къ накопленію, дающихъ тѣмъ, кто лишенъ собственности, эквивалентныя права и обезпечивающихъ имъ необходимыя средства для достиженія главнѣйшей своей цѣли». Мѣры эти двоякаго рода: мѣры ограниченія и мѣры охраны.

Ограничительныхъ мѣръ не слѣдуетъ искать въ аграрномъ законодательствѣ, устанавлиющемъ предѣлы землевладѣнія: подобныя мѣры должны имѣть въ виду капиталъ ²⁾. «Раціональнымъ и законнымъ» средствомъ достигнуть искомаго результата, т.-е. «поставить несокрушимую преграду накопленію частной собственности», служить прогрессивный налогъ. Однако, указавъ на прогрессивный налогъ, какъ на теоретически пріемлемое средство, Рэнувье тутъ же признаетъ его непримѣнимымъ практически ³⁾.

Къ мѣрамъ охраны относится, прежде всего, право на трудъ, освященное и организованное не на почвѣ кредита, не на почвѣ пріобрѣтенія земли за счетъ

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 40—42).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 50—51).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 52 и сл.).

общества или найма иных орудій труда, чѣмъ земля, а на почвѣ новыхъ договорныхъ условій по поводу заработной платы и найма, а также на почвѣ установленія широко развитой системы страхованія¹⁾.

Въ вопросѣ о договорахъ доминирующее значеніе имѣютъ два принципа: 1) договоры должны быть свободны, 2) договоры не должны содержать ни одного пункта, который бы, даже при добровольномъ согласіи договаривающихся, «не соотвѣтствовалъ раціональному порядку человѣческихъ отношеній»²⁾. Но это условіе не выполнено, если рабочій, по договору о наймѣ или о заработной платѣ, не получаетъ части *чистаго дохода*. Однако, узаконяя теоретически раздѣлъ чистаго дохода, Рэнувье признаетъ большую трудность его практическаго выполненія. Онъ постоянно боится впасть въ ошибку, свойственную, тѣмъ, кто организуетъ трудъ и собственность *силою власти*³⁾. Поэтому, онъ до такой степени настаиваетъ на необходимости смягченій, что право на трудъ, въ концѣ-концовъ, становится похожимъ на простое обращеніе къ вспомошествованію⁴⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ, приходится удивляться этой боязливости, тѣмъ болѣе неожиданной, что, по мысли философа, дѣло идетъ лишь объ общемъ планѣ соціальной системы, а не объ указаніи практическихъ средствъ для ея немедленнаго проведенія въ жизнь.

Остается страхованіе. Оно составляетъ совокупность «гарантій», предоставляемыхъ членами обще-

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 54—64).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 86).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 103).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 111).

ства другъ-другу для достиженія свободы и пользования ею. Уже право на трудъ есть своего рода страхованіе, «предназначенное вознаградить правомочныхъ за результаты распредѣленія орудій труда, естественно вытекающаго изъ института собственности» ¹⁾. Сюда относится, далѣе, физическое, интеллектуальное и моральное воспитаніе тѣхъ, кто былъ бы лишенъ его безъ вмѣшательства государства ²⁾. Затѣмъ — благотворительность въ собственномъ смыслѣ слова, «помощь, оказываемая безъ всякихъ условій тѣмъ, кто никакъ не можетъ добыть себѣ средства къ существованію» ³⁾. Наконецъ, сюда относятся уже существующія формы страхованія (страхованіе отъ огня, страхованіе жизни и проч.) ⁴⁾.

Посредствомъ взаимнаго страхованія устраняются многія затрудненія, однако не всѣ. Въ сущности, ожидать «полной справедливости» отъ общества, взятаго въ цѣломъ, такъ же трудно, какъ и отъ отдѣльныхъ людей. Гораздо лучше, чѣмъ отдѣльные люди или общество въ цѣломъ, могутъ приблизиться къ ней частныя ассоціаціи. Необходимо, слѣдовательно, чтобы общество относилось терпимо къ ассоціаціямъ, и чтобы послѣднія работали надъ разрѣшеніемъ экономической проблемы. Замѣнить, насколько возможно, «фатальное общество» «добровольной и небольшой ассоціаціей», чтобы люди «дѣй-

¹⁾ Рэнувье отмѣчаетъ, что страхованіе сочетаетъ въ *соціальной идее* индивидуальную и коллективную собственность. *Science de la morale* (т. II, стр. 161).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 162).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 163).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 164).

ствовали сознательно и сами создавали свои привычки» ¹⁾, — такова цѣль, которую слѣдуетъ имѣть въ виду.

Такимъ образомъ, и въ экономическихъ вопросахъ Рэнувье занять, главнымъ образомъ, возраженіями противъ узкаго и урѣзаннаго индивидуализма и той опасностью, которая кроется въ системахъ, основанныхъ на власти. Если бы необходимъ былъ безусловный выборъ между опасностями власти и недостатками или бѣдствіями противоположной системы, онъ, во всякомъ случаѣ, предпочелъ бы эти недостатки и бѣдствія, такъ какъ они, все же, продуктъ свободы ²⁾. Но онъ считаетъ возможнымъ избавиться отъ нихъ при помощи только что указанныхъ средствъ ³⁾. Мѣткая и удачная формула резюмируетъ мысль, подсказывающую ему выборъ этихъ средствъ. «Необходимо принять социалистическій принципъ»: къ этому принуждаютъ философа моральныя соображенія, если только онъ считаетъ человѣческое общество ассоціаціей разумныхъ дѣятелей, имѣющихъ, кромѣ своей собственной цѣли, еще одинаковую для всѣхъ» особую цѣль, достигаемую «общими силами». Но въ то же время необходимо, чтобы «каждый, участвуя въ этой коллективной дѣятельности, сохранялъ свою свободу», такъ какъ развитіе свободы — «основная цѣль всѣхъ въ совокупности». Такимъ образомъ, принявъ социалистическій принципъ, философъ сейчасъ же принужденъ будетъ «ослабить» его, такъ какъ средства, употреб-

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 186).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 186—187).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 103).

ляемые въ дѣло социализмомъ, представляютъ покушеніе на свободу личности ¹⁾).

Политическая проблема.—Рэнувье устраняетъ вопросы практической организаціи, держась въ области общихъ разсужденій и абстрактныхъ принциповъ ²⁾. Онъ устраняетъ также изысканія объ историческихъ началахъ: каковы бы они ни были, величайшій прогрессъ соціальной жизни состоялъ въ подчиненіи поведенія требованіямъ «разума, дѣйствовавшего съ общаго согласія» ³⁾.

Конфликты между моралью и обычаемъ порождаютъ необходимость въ «предписаніяхъ, стоящихъ выше опыта». Первымъ слѣдствіемъ этой необходимости является установленіе правительства. Главная цѣль послѣдняго—подавлять, до нѣкоторой степени, зло, порожденное свободой, и дѣлать «принудительно добро». Это значитъ признать возможность съ его стороны злоупотребленій. «Сложеніе соціальнаго больного таково, что лѣкарство для него—болѣзнь» ⁴⁾. Впрочемъ, эта болѣзнь сводится къ минимуму тамъ, гдѣ правительство по «своей выдержкѣ» или по способу примѣненія своихъ рѣшеній» наименѣе расходится съ «общимъ разумомъ и каждой отдѣльной, реально вмѣшивающейся и активной волей». Такова, повидимому, наилучшая комбинація, такъ

¹⁾ Вотъ самая формула: «Необходимо, значитъ, принять социалистическій принципъ: къ этому насъ обязываетъ рациональное представленіе общества; но, въ то же время, его нужно ослабить, поскольку рѣчь идетъ объ организаціи власти на практикѣ». *Science de la morale* (т. II, стр. 156).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 220).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 198).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 199).

какъ она ведетъ, въ конечномъ счетѣ, къ уничтоженію, исчезновенію принужденія ¹⁾).

Рэнувье различаетъ въ правительствѣ матерію и форму. Съ точки зрѣнія формы, онъ настаиваетъ на различеніи и отдѣленіи трехъ функцій, или властей, изъ которыхъ каждая должна быть «формально делегирована» совокупностью гражданъ ²⁾. Демократія выше всѣхъ другихъ формъ потому, что менѣе благопріятствуетъ эгоизму ³⁾. Съ точки зрѣнія матеріи, правительство «не должно издавать никакихъ, ни положительныхъ, ни отрицательныхъ приказаній, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для охраны правъ всѣхъ противъ посягательствъ частной самодѣятельности». Ограничить, по возможности, вмѣшательство государства, установить возможно больше гарантій противъ произвола трехъ властей ⁴⁾, а также противъ обожествленія исполнительной власти ⁵⁾, — таково правило, обязательное въ томъ случаѣ, если хотятъ извлечь возможно лучшіе результаты изъ того «соглашенія о мирѣ или войнѣ», которое представляетъ изъ себя самая идея правительства ⁶⁾.

Подобно всей демократической школѣ, Рэнувье полагаетъ, что воспитаніе служитъ «основой практической политики» ⁷⁾. Ни одно общество, каковы бы

¹⁾ *Science de la morale* (т. II, стр. 200).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 204).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 207).—Однако, онъ отстаиваетъ двухстепенные выборы, какъ средство примирить «фактическую неспособность съ юридической властью людей, въ качествѣ законодателей». *Ibid.* (т. II, стр. 233).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 323 и слѣд.).

⁵⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 336).

⁶⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 326).

⁷⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 330).

ни были его размѣры, никогда не достигнетъ безъ надлежащаго воспитанія «раціональнаго самоуправленія». Государство должно слѣдить за тѣмъ, чтобы «семьи не злоупотребляли своей властью и не прививали дѣтямъ вѣрованій, несовмѣстимыхъ со справедливостью, представителемъ которой оно является». Оно можетъ сдѣлать даже болѣе, и взять на себя трудъ воспитанія, если семьи окажутся недостойными этого ¹⁾. Но, разумѣется, при условіи, чтобы государство не исповѣдовало ошибочныхъ взглядовъ и дѣйствовало, опираясь «на мораль, разумъ, на основные принципы справедливости, нераздѣльно связанные съ соціальной идеей ²⁾». Однако Рэнувье первый приходитъ въ ужасъ отъ выводовъ, какіе можно было бы сдѣлать изъ его принципа. Онъ протестуетъ противъ «актовъ узурпаціи». Однимъ изъ таковыхъ было бы, напримѣръ, «требованіе полной и неограниченной общности дѣтей въ цѣляхъ воспитанія, ко вреду законныхъ семейныхъ привязанностей и для уничтоженія выпадающей на долю родителей отвѣтственности» ³⁾.

Политико-экономическая задача государства, какъ ее понимаетъ Рэнувье, огромна. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы его взгляды были подвержены тѣмъ же возраженіямъ, какія вызываютъ государственный социализмъ или идея государственной мис-

¹⁾ *Science de la morale* (т. I, стр. 601).

²⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 600).

³⁾ *Ibid.* (т. I, стр. 603).—Такимъ образомъ, въ *Science de la morale* онъ рѣшительно высказывается за то, что государство обязано давать образованіе и воспитаніе, напримѣръ—«гражданское воспитаніе»; на этомъ же онъ настаивалъ и въ *Critique philosophique*, во время весьма оживленной полемики, которая происходила по этимъ вопросамъ (1877 г.).

сін, развиваемая этико-органической школой. Даже тамъ, гдѣ Рэнувье приходитъ къ выводамъ, какъ будто сходнымъ съ выводами этихъ доктринъ, — сходство только кажущееся. Государственный социализмъ благоговѣтъ передъ государствомъ, тогда какъ у Рэнувье государство никогда не становится «существомъ», имѣющимъ свою собственную жизнь и развитіе, — существомъ, которому, въ концѣ-концовъ, приносится въ жертву индивидуумъ. «Культура» уже не является цѣлью сама по себѣ, — цѣлью, стоящей выше индивидуума. Единственная цѣль, достойная стремленій, — развитіе индивидуума. Поэтому строго осуждается всякое вмѣшательство государства, которое не руководится этой цѣлью и не подчиняется ей¹⁾).

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія приложений, и съ точки зрѣнія принципа Рэнувье совершенствуетъ индивидуализмъ, какъ его понимали XVIII вѣкъ и демократическая школа около 1848 года. Все туманное, колеблющееся, неясное въ доктринѣ получаетъ у него опредѣленность.

Восемнадцатый вѣкъ признавалъ экономическую и моральную функцію государства, но не особенно настаивалъ на ней. Демократическая школа испытывала опасное влеченіе къ власти. Она недостаточно остерегалась государства: призвавъ его (что и слѣ-

¹⁾ Слѣдуетъ прибавить, что *Critique philosophique* (правда, преимущественно въ лицѣ Pilon'a; но между ученикомъ и учителемъ царитъ такая полная гармонія, что ихъ ученія едва ли можно раздѣлять) не отрицаетъ, а наоборотъ — признаетъ децентрализацію, *self-governement* (см. *Crit. phil.* т. I, 2, стр. 68). Между обѣими точками зрѣнія нѣтъ противорѣчій. Ср. наше *Заключеніе*.

довало сдѣлать) къ вмѣшательству въ интересахъ развитія отдѣльных лицъ, она плохо оградила себя отъ опаснаго стремленія государства къ чрезмѣрному росту и преслѣдованію своего собственнаго развитія, въ ущербъ индивидуальнымъ правамъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ разсматриваемой нами доктринѣ. Исходнымъ и конечнымъ пунктомъ служитъ индивидуумъ и его право. Въ такомъ индивидуализмѣ нельзя указать ни одного слабаго пункта, за исключеніемъ странной нерѣшительности философа при опредѣленіи средствъ, посредствомъ которыхъ государство выполняетъ свою экономическую функцію.

Какимъ же образомъ Рэнувье вновь обрѣлъ возвышенный индивидуализмъ XVIII вѣка и дополнилъ его? На это проливаетъ яркій свѣтъ исторія его мысли, для которой онъ самъ далъ намъ драгоцѣнныя указанія ¹⁾).

Рэнувье рано заинтересовался и даже былъ увлеченъ стремленіемъ своего времени создать политическую и соціальную философію. Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, еще на школьной скамьѣ, онъ съ увлеченіемъ читалъ *Глобусъ* сэнъ-симонистовъ ²⁾. Онъ ожидалъ обѣщаннаго обновленія человѣческаго знанія, появленія настоящей органической доктрины, которая замѣнила бы критическіе принципы. Онъ

¹⁾ См. въ *Esquisse d'une classification* (т. II) послѣднюю главу, уже цитированную нами. Эта глава содержитъ главнѣйшіе элементы интеллектуальной автобіографіи; это исповѣдь скромной и гордой души. Авторъ самъ называетъ ее «монографіей, посвященной ходу рефлексіи и развитію систематическихъ идей» (стр. 357).

²⁾ «Тогда (въ 17 лѣтъ) я былъ зараженъ ученіемъ сэнъ-симонистовъ; въ классѣ я читалъ *Глобусъ*». *Esquisse d'une classification* (т. II, стр. 358).

допускалъ тогда, что подобная доктрина могла быть открыта человѣческому духу черезъ посредство избраннаго мыслителя, и не отвергалъ вмѣшательства духовной власти ¹⁾. Но около двадцати лѣтъ отъ роду онъ уже исцѣлился отъ этого «безумія», сохранивъ отъ него «мучительное разочарованіе, болѣзненное влеченіе къ абсолютному синтезу и дѣтское пренебреженіе къ аналитическимъ приѣмамъ и скромнымъ познаніямъ» ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ, отчасти гегеліанскій, когда Рэнувье сотрудничаетъ въ *Энциклопедіи* Пьера Лёру и Жана Рэйно. Но уже тогда предметъ его размышленія сталъ вопросъ, насколько убѣжденіе ума въ какой-либо доктринѣ сопровождается вѣрою. Черезъ это онъ долженъ былъ прійти къ кантіантству, усвоивъ первоначально и духъ послѣдняго, и букву, т.-е. антиноміи ³⁾. Въ этотъ моментъ своего духовнаго развитія онъ полагаетъ, что «противорѣчія, присущія существованію безконечнаго, даны человѣческому духу для уразумѣнія природы; что само безконечное — величайшая тайна въ мірѣ явленій, а пары противорѣчащихъ одно другому предложеній представляютъ послѣднее слово истины о сущности Бога и міра». Какимъ же образомъ вышелъ отсюда нео-критицизмъ?

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, мораль Рэнувье обращается къ математическимъ вопросамъ и приводитъ его къ сознанію необходимости рѣшить проблему безконечнаго числа. Если допустить реальность безконечнаго, въ своей основѣ «ирраціональнаго и противорѣчиваго», то нельзя будетъ защититься про-

¹⁾ *Esquisse d'une classification* (т. II, стр. 360).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 358).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 363).

тивъ «всевозможныхъ мистическихъ заблужденій, которыми изобилуютъ метафизика и религія, и противъ которыхъ возраженіемъ, въ концѣ-концовъ, служило лишь указаніе на ихъ ирраціональность и противорѣчивость»¹⁾. Если же допустить противоположное рѣшеніе, то чтоъ сталося бы съ прочими мнѣніями, которыхъ онъ до сихъ поръ держался? «Я захотѣлъ, говоритъ онъ, узнать это». Тогда онъ сталъ дѣлать выводы изъ своей «перевернутой» такимъ образомъ мысли, и никогда могущество логики и плодотворность принципа, доведеннаго до конца,—и притомъ, значительно дальше, чѣмъ предполагалось сначала, — не становилось для него яснѣе»²⁾. Разъ принявъ опредѣленное рѣшеніе по вопросу, выдвинутому математиками, онъ приходитъ къ отрицанію метафизическихъ и трансцендентныхъ положеній, связанныхъ съ противоположнымъ рѣшеніемъ,—отрицанію, которое, впрочемъ, уравнивается «твердымъ установленіемъ моральныхъ и практическихъ истинъ». Но только въ послѣдствіи этотъ анализъ послужилъ для Рэнувье серьезнымъ мотивомъ къ принятію рѣшенія, которое сначала ему казалось имѣющимъ лишь чисто-спекулятивный интересъ.

Метафизическія и трансцендентныя положенія, отвергнутыя Рэнувье, благодаря принятому имъ рѣшенію, таковы: реальность пространства и времени, вѣчность міра и явленій, абсолютный детерминизмъ, ученіе объ антиноміяхъ³⁾. Взамѣнъ ихъ онъ выдвинулъ: идеальность пространства и времени, перво-

¹⁾ *Esquisse d'une classification* (т. II, стр. 373).

²⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 374).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 375—376).

начало явленій, свободу ¹⁾), относительность, и устранилъ антиноміи. Освободившись, такимъ образомъ, отъ «трехъ идоловъ», которые, взятые вмѣстѣ, «служать предметомъ своего рода метафизическаго культа» (реальная безконечность, субстанція и абсолютная солидарность послѣдовательнаго ряда явленій), и пользуясь, кромѣ того, кантіанскою теоріею познанія, Рэнувье предохранилъ себя отъ опасности и со стороны наивной метафизики, и со стороны эмпиризма, обыкновенно не менѣе наивнаго. Мы знаемъ также, что онъ сохранилъ отъ кантіанства постулаты, приспособивъ ихъ къ своему феноменализму. По вопросу о бытіи Божіемъ ему казалось сначала бесполезнымъ выбирать между множествомъ и первоначальнымъ единствомъ. Но въ послѣднее время ходъ его мысли былъ таковъ (онъ самъ отмѣчаетъ это на страницахъ, излагающихъ исторію его идей), что ему пришлось сдѣлать выборъ и высказаться въ пользу единства ²⁾).

Мы видѣли, что въ построеніи своей системы философъ повинуетъ дwoякой потребности—моральной и логической. Но логическая потребность стоитъ на первомъ планѣ и рѣшаетъ будущее этой философіи. Въ тотъ день, когда Рэнувье поставилъ передъ собой вопросъ о безконечномъ числѣ, какъ

¹⁾ Съ удивительной добросовѣстностью Рэнувье признается, что здѣсь «его обращеніе было медленнѣе, мучительнѣе и, въ то же время, явилось результатомъ посторонняго вліянія, а не оригинальнаго развитія его мысли». *Esquisse d'une classification* (т. II, стр. 380).—См. стр. 381—383, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ вліяніи; это вліяніе—Л ѳ к ѳ е, «друга, которому я обязанъ своимъ обращеніемъ къ свободной волѣ» (стр. 398).

²⁾ И уже указывалъ мѣсто, гдѣ онъ приводитъ свои доводы. *Ibid.* (т. II, стр. 399).

реальности; въ тотъ день, когда онъ, «послѣ многихъ колебаній и безплодныхъ попытокъ въ построении системъ, почувствовалъ необходимость сдѣлать выборъ между теоріей, допускающей безконечное, какъ in abstracto, такъ и in concreto,... и теоріей познанія и бытія, совершенно свободной отъ утверждений, ведущихъ къ признанію реального существованія количественно-безконечнаго», — Ренувье принялъ рѣшеніе, «поведшее его очень далеко, къ результатамъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ или едва предчувствовалъ» ¹⁾. Но это рѣшеніе онъ принялъ только потому, что «обязательно хотѣлъ быть логичнымъ» ²⁾. Равнымъ образомъ, когда, подъ вліяніемъ Лёкье, онъ покончилъ съ долгими колебаніями и остановился на свободѣ для объясненія явленій, то и въ этомъ случаѣ, по его собственнымъ замѣчательнымъ словамъ, онъ «бѣжалъ отъ противорѣчій и подчинился логикѣ» ³⁾.

Такимъ образомъ, вся философія Ренувье, начиная съ феноменализма и кончая ея соціально-политическими приложеніями, подчиняется принципу противорѣчія, взятому «во всей его строгости», и освящается имъ. Предоставляя принципу противорѣчія такое выдающееся значеніе въ своей философіи, и даже какъ разъ именно по этому, Ренувье, въ то же время, обращалъ вниманіе человѣческаго ума на принципъ «гармоническаго рѣшенія» ⁴⁾ проблемъ, ко-

¹⁾ *Esquisse d'une classification* (т. II, стр. 373).

²⁾ «Въ этомъ, говоритъ онъ, моя единственная заслуга, если только согласится признать ее за мной». *Ibid.* (т. II, стр. 372).

³⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 383).

⁴⁾ *Ibid.* (т. II, стр. 389).

торыя для профановъ кажутся независимыми и ничѣмъ не связанными между собой.

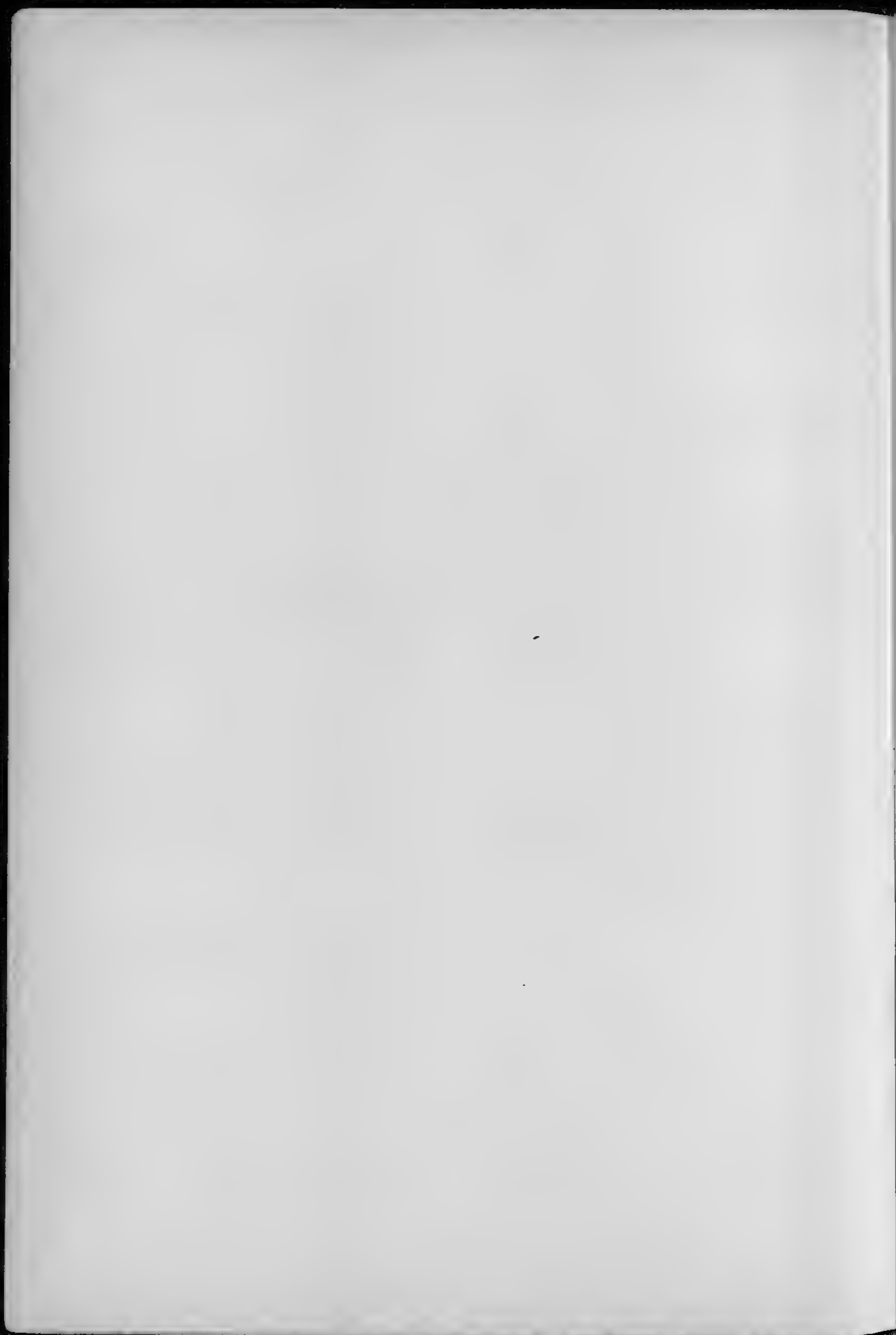
Благодаря именно «гармоническому рѣшенію», онъ создалъ свою систему; опираясь на этотъ же принципъ, онъ выполнилъ критику соціальныхъ и политическихъ теорій своихъ предшественниковъ, основныя черты которой нами указаны: Опираясь на этотъ принципъ, и мы выполнили, какъ въ частности, такъ и въ цѣломъ, изслѣдованіе, составляющее цѣль настоящей работы.

Какъ не отмѣтить въ заключеніе поразительнаго сходства, которое обнаруживается между развитіемъ личной мысли Рэнувье и общимъ развитіемъ французской мысли въ XIX вѣкѣ? Рэнувье начинаетъ съ довѣрія къ авторитету, съ ожиданія откровенія, которое должно дать ему желанную истину. Затѣмъ, приходитъ сомнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе избавиться отъ него. Происходитъ кризисъ. Философъ находитъ въ своей системѣ противорѣчивые элементы. и по этой именно причинѣ его система кажется ему непригодной для достиженія истины. Тогда онъ обращается къ принципу противорѣчія. Понимая его во всей строгости, онъ извлекаетъ изъ него рядъ положеній, укрѣпляющихъ его въ критическихъ взглядахъ, въ которыхъ онъ, было, разочаровался, и дающихъ ему возможность сдѣлать плодотворнѣйшіе выводы во всѣхъ областяхъ, включая сюда и соціально-политическую область.

Девятнадцатый вѣкъ также начинается съ увлеченія авторитетомъ и требованія божественнаго или чловѣческаго откровенія, для указанія пути, и интеллектуальнаго мира. Но миръ не снисходитъ на него и его путь остается невѣрнымъ. Наступаетъ состояніе

кризиса и разочарованія. Служить ли главной, хотя и отдаленной причиной этого кризиса то обстоятельство, что современная мысль представляет результатъ безпорядочнаго смѣшенія самыхъ противоположныхъ элементовъ? Повидимому, это можно утверждать, если принять во вниманіе сомнительные результаты многочисленныхъ попытокъ установленія разнообразныхъ компромиссовъ между этими элементами.

И, судя по разнымъ признакамъ, кончающійся (XIX) вѣкъ, разочаровавшись въ эклектизмъ и авторитетъ и вновь стремясь найти единство во взглядахъ, сталъ, наконецъ, повидимому, понимать, несмотря на страшный соблазнъ худосочныхъ доктринъ, разслабляющихъ интеллектуальную и моральную атмосферу нашего времени, что, если каждый можетъ свободно признавать для себя то или другое достовѣрнымъ, то согласовать умы въ этомъ проявленіи ихъ свободы можно лишь посредствомъ суровой дисциплины мысли, посредствомъ строгаго примѣненія принципа противорѣчія. Только онъ гарантируетъ общій успѣхъ индивидуальныхъ усилій и желательное единство ихъ результатовъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНИЯ.
ТОЧНЫЯ ГРАНИЦЫ ПРОБЛЕМЫ. ОЧЕРКЪ
ЕЯ РѢШЕНІЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Въ концѣ этой работы намъ, разумѣется, уже не представляется такой необходимости, какъ въ началѣ ея, выяснять, почему мы придали ей историческій характеръ. Дѣйствительно, исторія идеи государства во Франціи въ XIX вѣкѣ, какъ мы ее только что изложили, приводитъ къ такимъ результатамъ, которые, не давая рѣшенія всѣхъ проблемъ, заключающихся въ одномъ словѣ «исторія», позволяютъ, во всякомъ случаѣ, пойти по пути къ ихъ рѣшенію.

I.

Эта исторія свидѣтельствуетъ, прежде всего, объ упорной реакціи противъ индивидуализма. Начиная съ теократовъ и кончая новѣйшими толкователями научнаго социализма, тянется почти непрерывная борьба противъ индивидуалистической доктрины или ея приложеній.

На первый взглядъ, между учениками Бентама и Гегеля, между исторической школой и современнымъ коллективизмомъ нѣтъ ничего общаго. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, мы приходимъ къ заключенію, что полемика этихъ различныхъ школъ сходится въ одной точкѣ, и что эти отдѣльныя группы исполняли общую работу. То же мы видимъ у рабочихъ, уничтожающихъ обвалъ: одни работаютъ справа, другіе слѣва, третьи вверху, четвертые внизу; но, въ концѣ-концовъ, всѣ они встрѣчаются и

стукаются заступами. Въ настоящее время мы замѣчаемъ между этими школами черты сходства, которыя долго игнорировались или даже съ негодованіемъ отвергались заинтересованными сторонами, вопреки очевидности. Констатированіе этихъ чертъ сходства является однимъ изъ существенныхъ результатовъ историческаго изученія.

Этотъ результатъ лучше уясняетъ намъ, почему въ настоящее время большинство защитниковъ индивидуализма терпятъ пораженіе, а противники ихъ имѣютъ, хотя бы и кратковременный, успѣхъ. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что противники индивидуализма выставили массу аргументовъ, способныхъ произвести впечатлѣніе на всякаго рода умы.

Предположимъ, что дѣло идетъ объ абстрактной идеѣ права. Иной останется неудовлетвореннымъ аргументами Бональда, но можетъ поддаться аргументамъ нѣмецкой исторической школы, подновленнымъ и усиленнымъ Сѳмнѣромъ Меномъ¹⁾. Возьмемъ, далѣе, вопросъ о политической свободѣ. Иной признаетъ бесполезнымъ оспаривать теократовъ и отнесется даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ аргументамъ соціалистовъ, но положитъ оружіе передъ позитивистами. Возьмемъ еще идею, что индивидуумъ является продуктомъ общества; эту идею, впрочемъ, отчасти правильную и становящуюся ложной только вслѣдствіе преувеличенія,—отрицаютъ въ той мистической формѣ, въ какую облекъ ее Сѣнъ-Мартѣнъ, но принимаютъ въ научной формѣ, какую она получаетъ у современныхъ соціалистовъ. Находясь въ началѣ этого періода реакціи, теократы управляютъ общимъ хоромъ противниковъ индиви-

¹⁾ См. особенно *Ancient Law* (гл. III и IV).

дуализма. Если ихъ политическую философію и мораль понимать въ буквальномъ смыслѣ, то онѣ «производятъ впечатлѣніе устарѣвшихъ до безконечности и настолько далекихъ отъ насъ, что всякое возвращеніе къ нимъ, повидимому, болѣе невозможно»; тѣмъ не менѣе, съ полнымъ правомъ можно было сказать, что, несмотря на кажущееся пораженіе, онѣ торжествуютъ, и въ настоящее время въ нихъ больше жизни, чѣмъ когда-либо, именно въ томъ, что называютъ ихъ смертию¹⁾.

Реакція противъ индивидуализма, несмотря на общность цѣли ея различныхъ формъ, вѣроятно, не получила бы такого кредита, если бы произошла только въ соціально-политической области. Но, вѣдь, не только политическая и соціальная философія, — исторія, археологія, литература, искусство и философія въ собственномъ смыслѣ этого слова, то «пробуждали и поощряли опасное пристрастіе къ прошлому»; то чрезмѣрно восхваляли «все невѣдомое, необычное или странное, легендарное, чудесное, чудовищное, — однимъ словомъ, чуждое разуму»; то знакомили съ иноземными системами, признающими «фатальную, міровую эволюцію, преобладаніе исторіи надъ разумомъ, факта надъ правомъ, силы надъ справедливостью»²⁾. Но болѣе всего антииндивидуалистическія теоріи выиграли отъ своего единенія съ такъ называемой «наукой». Возникновеніе, развитіе и распространеніе *органической теоріи* служитъ тому поразительной и яркой иллюстраціей, которую даетъ намъ та же исторія идеи государства.

¹⁾ *Critique philosophique* (т. I, 2, стр. 352)

²⁾ *Ibid.* (т. I, 2, стр. 98 и сл.).

Объясняя силу и успѣхи реакціи противъ индивидуализма, исторія, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ, почему сопротивленіе со стороны оборонявшихся было такъ слабо. Она показываетъ намъ, какъ возвышенная доктрина XVIII вѣка страннымъ образомъ пошла на ущербъ въ теченіе XIX вѣка. Подъ вліяніемъ отмѣченныхъ нами причинъ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства получаетъ тогда новое и рѣшающее значеніе. Антитеза, которой онъ даетъ мѣсто, кажется единственнымъ содержаніемъ индивидуализма. Какъ могла увлечь за собой и одержать верхъ такая посредственная точка зрѣнія, это я постарался объяснить, напомнивъ о замѣчательномъ единодушіи, воцарившемся въ извѣстный моментъ между либеральной политикой, ортодоксальной политической экономіей и эклектической философій. Если признать наше доказательство правильнымъ, то придется согласиться, что съ того момента, какъ это единодушіе нарушилось, — частью вслѣдствіе разложенія эклектической доктрины, частью вслѣдствіе тѣхъ измѣненій, которымъ должна была подвергнуться либеральная политика подъ вліяніемъ такого важнаго факта, какъ всеобщее избирательное право, — индивидуализмъ эпохи Реставраціи, Іюльской монархіи и болѣе поздняго времени, не будучи приноровленъ къ самому ходу событій, сдѣлался въ настоящее время трудно защитимой доктриной.

Изъ этого не слѣдуетъ, что современное общество находится во власти доктринъ, выступившихъ противъ индивидуализма. Вѣдь, исторія идеи государства показала намъ, что XVIII вѣкъ и французская Революція знали совершенно иной индивидуализмъ, менѣе узкій и боязливый, менѣе эгоистичный, не

замыкавшийся всецѣло въ отрицаніи. Въ основѣ этого индивидуализма лежитъ живое чувство достоинства человѣческой личности и идея равенства личностей, еще плохо разъясненная и недостаточно сильно выраженная ея первыми пропагандистами. Этотъ индивидуализмъ является фундаментомъ соціально-политическаго строя, созданнаго французской Революціей; чего ему не хватало, то ему дали, сначала демократическая школа, а затѣмъ, и главнымъ образомъ, одинъ изъ вождей современной мысли—Рэнувье. Онъ далъ окончательную формулу этого индивидуализма, показавъ требованія «соціальной идеи» и точно опредѣливъ случаи, условія и предѣлы вмѣшательства государства во имя умноженія числа моральныхъ личностей, обладающихъ всею полнотою средствъ дѣятельности и всѣми правами.

Понимаемый такимъ образомъ, индивидуализмъ ускользаетъ какъ отъ возраженій, направленныхъ противъ чисто-отрицательной теоріи государства, такъ и отъ возраженій, направленныхъ на противоположную теорію. Государство не остается равнодушнымъ, и заботится объ улучшеніи моральной участи и матеріальнаго положенія своихъ членовъ; однако, при этомъ, оно всегда подчиняетъ свою дѣятельность праву индивидуумовъ. Такимъ образомъ, новый индивидуализмъ отвергаетъ всякій призывъ къ государству, основанный на мистической вѣрѣ въ «государство-личность»,—всякій призывъ, стремящійся такъ или иначе возстановить античное понятіе о государствѣ, какъ верховномъ повелителѣ всѣхъ гражданъ, обладающемъ правами надъ ними только потому, что оно—государство. Всякій призывъ подобнаго рода отвергается, такъ какъ онъ прино-

ситъ въ жертву достоинство человѣческой личности: послѣдняя перестаетъ быть цѣлью въ самой себѣ и превращается въ средство для достиженія иной цѣли.

Всѣ прочіе доводы, обыкновенно приводимые экономистами противъ вмѣшательства государства, недостаточно убѣдительны, потому что всѣ они, какъ мы уже видѣли, опираются на сомнительный постулатъ: на ту идею, что высшей, если не единственной, цѣлью жизни обществъ является цивилизація, какъ они ее понимаютъ,—цивилизация, характеризующаяся, прежде всего, такъ называемымъ развитіемъ народнаго богатства. Одинъ нѣмецкій философъ, не впадая въ преувеличенія, свойственныя противникамъ всякой цивилизаціи, могъ задать вопросъ: не придетъ ли когда-либо нашъ міръ опять къ такому состоянію культуры, при которомъ, какъ въ классической древности, правиломъ и идеаломъ станетъ извѣстная мѣра въ пользованіи благами жизни? Достаточно выставить подобную гипотезу,—а она не заключаетъ въ себѣ ничего ирраціональнаго,—чтобы постулаты экономистовъ потеряли значительную долю своей цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла бы цѣнность и опирающаяся на него аргументація. Не таково, да и не могло бы быть таковымъ, положеніе аргументаціи, опирающейся на правильно понятый индивидуализмъ.

Только такой индивидуализмъ, съ другой стороны, даетъ основательные аргументы въ пользу умѣренной дѣятельности государства. Въ самомъ дѣлѣ, если устранить аргументы, опирающіеся на понятіе о такъ называемомъ *правѣ государства*, котораго, въ дѣйствительности, не существуетъ и которое могло бы существовать лишь при полномъ уничтоженіи права индивидуума,—то останется только возложить на го-

сударство заботу о доставленіи всѣмъ своимъ членамъ средства стать моральными личностями и возможности наиболѣе полнаго развитія своей личности, разъ она ими завоевана. Но такую именно обязанность и налагаетъ на государство индивидуализмъ въ его совершеннѣйшей формѣ.

Наконецъ, только индивидуализмъ, какъ мы его понимаемъ, можетъ дать разумное основаніе философіи права, а также политической свободѣ и верховенству народа. Ибо, несмотря на критику, направленную противъ абстрактной идеи права, противъ верховенства народа и политической свободы, первыя два понятія продолжаютъ быть основами, а третье высшей цѣлью всякаго прогрессивнаго общества, т.-е. такого общества, которымъ, еще разъ повторяю это, мы только и занимаемся.

Теорія, которая кладетъ въ основу права достоинство личности, можетъ быть замѣнена только такой, которая всякое право переноситъ на общество, или еще — теоріей историческаго права. Но что такое представляютъ собою эти чисто-историческія права, которыя снова попали въ большую милость, подъ тѣмъ предлогомъ, что они, въ отличіе отъ такъ называемыхъ естественныхъ или раціональныхъ правъ, опредѣлены въ хартіяхъ, надлежащимъ образомъ изложенныхъ и датированныхъ, — что такое представляютъ они, какъ не частныя права, подобныя тѣмъ, которыя зналъ и освящалъ старый порядокъ и которыя, какъ мы видѣли, были только *узаконенными привилегіями*? Неужели хотятъ къ нимъ вернуться? Неужели это можетъ быть достойной цѣлью прогрессивныхъ обществъ? Необходимо ясно поставить вопросъ и наглядно показать, какое по-

лучится рѣшеніе, если современный міръ, отвергнувъ философію права въ томъ видѣ, какъ ее понимаетъ индивидуализмъ, вернется къ концепціи, столь справедливо осужденной въ XVIII вѣкѣ. — Съ другой стороны, что такое индивидуальное право, разсматриваемое, какъ простой даръ государства, а слѣдовательно, даръ временный, который всегда можно отобрать? Что такое понятіе о государствѣ, существующемъ отдѣльно отъ индивидуумовъ? Все это части той системы идей, которая разсыпается подъ дуновеніемъ критики, какъ только формулировать ее въ цѣломъ.

Что касается одного изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ индивидуалистической философіи права — опасности признанія рациональныхъ или естественныхъ правъ, которыя еще не включены въ кодексы, но непременно должны попасть туда впослѣдствіи, то эта опасность существуетъ только въ тѣхъ обществахъ, гдѣ гражданамъ, вопреки всякой справедливости, прегражденъ доступъ къ этимъ правамъ. Въ данномъ случаѣ неудобства, вытекающія изъ требованія гражданами этихъ правъ, происходятъ, — въ значительной степени, по крайней мѣрѣ, — отъ эгоизма или трусости властей, отказывающихся санкціонировать эти права. Кромѣ того, подобное требованіе становится заслуживающимъ порицанія лишь въ томъ случаѣ, когда оно сопровождается насиліемъ. Но здѣсь мы говоримъ только о чистой теоріи. Пока требованіе естественнаго, или рациональнаго права происходитъ въ теоретической формѣ, оно приноситъ честь политическому обществу, настаивающему на немъ.

Возражали также, что сплоченность, необходимая для нормальнаго порядка, находится въ опасности

вездѣ, гдѣ индивидуумъ можетъ или считаетъ возможнымъ прикрываться своимъ собственнымъ правомъ; гдѣ онъ ради личныхъ выгодъ не исполняетъ или считаетъ возможнымъ не исполнять даже справедливыхъ требованій общества. На это легко отвѣтить, что подобная опасность не можетъ угрожать тамъ, гдѣ достаточно развита «соціальная идея», — нераздѣльный элементъ индивидуализма, какъ мы его понимаемъ.

Верховная власть народа, несмотря на всѣ возраженія со стороны либеральной школы, служить единственнымъ источникомъ власти, допустимымъ разумомъ въ прогрессивномъ обществѣ. Приложение этого принципа можетъ представить трудности; но стоитъ его принять, и онъ остается въ воображеніи и сознаніи людей, какъ теоретически необходимое рѣшеніе. Что касается политической свободы, то какъ бы ни казалась обаятельной картина такого міра, въ которомъ и безъ нея царствуютъ счастье и гармонія, все-таки она всегда будетъ естественной и нормальной цѣлью прогрессивныхъ обществъ, такъ какъ, помимо положительныхъ выгодъ, она даетъ людямъ чувство собственного достоинства. Антагонизмъ, установившійся, какъ мы видѣли, между верховной властью народа и политической свободой, не зависитъ отъ коренныхъ причинъ, и можетъ быть устраненъ. Безъ сомнѣнія, и тамъ, гдѣ народъ ни фактически, ни по праву не является сувереномъ, могутъ существовать прочныя гарантіи противъ произвола; и, наоборотъ, такихъ гарантій иногда не бываетъ тамъ, гдѣ народъ обладаетъ верховенствомъ. Но все это случайности, и намъ ничто не мѣшаетъ предположить, что въ ближайшемъ бу-

душемъ онѣ измѣнятся или совершенно исчезнутъ. Пусть улягутся разыгравшіяся теперь страсти; пусть будетъ организовано и получить широкое распространѣніе лучшее гражданское воспитаніе — и указанный нами видимый антагонизмъ разрѣшится самъ собою. Прогрессивное общество не можетъ считать себя истинно свободнымъ, не обладая свободой въ двухъ отношеніяхъ. Предположимъ, что законы, гарантирующіе безопасность каждаго, зависятъ отъ власти, независимой отъ общей воли. Въ такомъ случаѣ эта власть полномочна измѣнить ихъ, приостановить и даже отмѣнить, и у гражданъ нѣтъ никакой гарантіи отъ ея произвола, кромѣ ея собственнаго интереса, въ пониманіи котораго власть такъ часто ошибается. Руссо, конечно, слишкомъ забывалъ о трибуналѣ, которымъ такъ занимались Локкъ и Монтэскьё¹⁾. Но Монтэскьё, въ свою очередь, слишкомъ легко допустилъ, что высшее благо гражданской жизни состоитъ въ спокойствіи, не сопряженномъ съ отвѣтственностью. Прогрессивное общество пожелаетъ быть свободнымъ вдвойнѣ, или, скорѣе, сочтетъ себя свободнымъ лишь тогда, когда будетъ пользоваться одновременно и личной безопасностью и коллективной верховной властью.

Доказывая, что прогрессивное общество не можетъ отказаться ни отъ верховной власти, ни отъ политической свободы, ни отъ идеи права, а слѣдовательно, не можетъ обойтись и безъ индивидуалистическаго принципа, мы отнюдь не думаемъ утверждать, что такъ было всегда: мы лишь утверждаемъ, что такъ должно быть.

¹⁾ См. въ книгѣ: *Rousseau jugé par les Générois* уже цитированную нами статью Ноггинг'а.

Разъ это такъ, возраженія историческаго характера теряють силу. Правда, критика безъ труда установила, что общественный договоръ не былъ закономъ первичныхъ обществъ; но она не доказала и не можетъ доказать, что общественный договоръ можно предать забвенію послѣ того, какъ нашъ умъ однажды призналъ его идеальнымъ типомъ гражданскихъ отношеній.

Допустимъ на мгновеніе, что индивидуализмъ XVIII вѣка и, конечно, раціонализмъ XVII и интеллектуализмъ XVI представляютъ собою не продуктъ долгой и упорной работы человѣческаго сознанія, достигшаго полного обладанія самимъ собою, а, по выраженію одного писателя: «мистическое заблужденіе» ¹⁾. Не бѣда, что индивидуализмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ «заблужденію»: онъ появился и проникъ въ разумъ, въ сознаніе людей; этого достаточно, чтобы сознаніе и разумъ не могли болѣе успокоиться на доктринѣ низшаго порядка. Прошлое человѣческаго рода остается за научными изслѣдованіями, слишкомъ часто, правда, страдающими отъ капризовъ воображенія. Пусть соціологъ сочиняетъ романъ о нашемъ первобытномъ существованіи, лишь бы только онъ не вздумалъ обязать насъ до безконечности подражать порядкамъ, господствовавшимъ, по его предположенію, въ теченіе этихъ эмбріональных періодовъ. Очень полезно, съ другой стороны, чтобы экономистъ, статистикъ и демографъ продолжали свою работу надъ точными положительными фактами. Политическая философія можетъ и должна пользоваться этой работой, когда

¹⁾ Espinas, *Les Sociétés animales*, Введеніе.

нужно изыскать *средства* для осуществленія заранѣе намѣченныхъ ею *цѣлей*. Но изъ того, что политическая философія пользуется данными соціологіи и другихъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ нею наукъ, еще не слѣдуетъ, что эти науки или соціологія могутъ устранить юридическія и договорныя теоріи.

Мы особенно настаиваемъ на этомъ пунктѣ. Противники индивидуализма хотѣли бы превратить въ *tabula rasa* періодъ развитія соціально-политическихъ идей отъ Аристотеля до Конта или, по крайней мѣрѣ, отъ Аристотеля до Монтэскьё. Мы отказываемся признать такое странное притязаніе. А вы сами, скажутъ намъ, стремясь вернуть индивидуализму то довѣріе, котораго его лишили столько школъ въ теченіе XIX вѣка,—развѣ вы не считаете какъ бы не существующимъ движеніе идей въ періодъ отъ Руссо до Канта, съ одной стороны, и Ренувье—съ другой? Только что установленное нами различіе, послѣдствія котораго будутъ видны далѣе, позволяетъ намъ отвѣтить на это возраженіе: нѣтъ, мы не считаемъ этотъ періодъ развитія идей несуществующимъ; но мы отводимъ ему опредѣленное мѣсто, а не считаемся только съ нимъ однимъ.

Наконецъ, исторія идеи государства освѣщаетъ одно очень важное недоразумѣніе, къ которому привели слова: *индивидуализмъ* и *соціализмъ*, рассматриваемыя, какъ антитезы. Эти термины совсѣмъ не обозначаютъ неизмѣнныхъ или относительно постоянныхъ, по существу, способовъ пониманія взаимоотношеній гражданина и государства. Мы видѣли, какимъ измѣненіямъ подвергся индивидуализмъ въ періодъ времени отъ XVIII вѣка до нашихъ дней. Мы видѣли также, — и я долженъ особенно настаивать

на этомъ, — какія глубокія перемѣны произошли въ социализмѣ за это же время.

Между тѣмъ, какъ античные теоретики социализма, его настоящіе родоначальники, создали изъ него строгую и суровую доктрину, насквозь проникнутую самопожертвованіемъ и лишеніями, и смотрѣли на гражданина, какъ на собственность государства, — социалисты новаго времени все болѣе и болѣе откровенно превращали его въ доктрину, направленную къ равенству людей въ наслажденіяхъ, такъ что у его новѣйшихъ представителей *государство стало слугою гражданина*. Я попытался отмѣтить основные моменты этой трансформациі, которая закончилась тѣмъ, что доктрина, очень неудачно называемая современнымъ социализмомъ, превратилась въ крайній индивидуализмъ, но такой индивидуализмъ, который почти исключительно занятъ обезпеченіемъ равенства въ распредѣленіи продуктовъ труда и который, въ концѣ-концовъ, если бы ему удалось когда-нибудь осуществиться въ той формѣ, въ какой намъ его изображаютъ въ настоящее время, привелъ бы къ разложенію и уничтоженію государства. Въ самомъ дѣлѣ, насколько равенство въ средствахъ потребленія служитъ предметомъ мелочныхъ заботъ коллективистовъ, настолько же они предоставляютъ волѣ случая и предають забвенію, чтобы не сказать — безвозвратно губятъ, такіе великіе коллективные интересы, какъ наука, литература, искусство, философія, которые связываютъ чувства и умы и являются настоящимъ цементомъ человѣческой общины (*cité*).

У социалистовъ, какъ и у индивидуалистовъ, недопустимые выводы представляютъ результатъ извращенія вѣрнаго принципа

Индивидуалисты были первоначально правы, принимая всевозможныя мѣры для обезпеченія инициативы и свободы личности отъ отеческаго правленія и абсолютной власти; но впоследствии они сдѣлали ошибку, объявивъ государство врагомъ личности и позабывъ о томъ, что въ прогрессивномъ обществѣ государство лишь сумма индивидуумовъ, и что нѣтъ никакого основанія опасаться, какъ бы эта сумма, надлежащимъ образомъ просвѣщенная, не оказалась неспособной обезпечить общее благо посредствомъ частнаго. Соціалисты были правы, требуя для всѣхъ членовъ государства *права на существованіе* и указывая на основной недостатокъ политической экономіи, теоретически индифферентной къ страданіямъ и лишеніямъ массъ; но впоследствии они сдѣлали ошибку, переставъ, такъ сказать, видѣть въ обществѣ что-либо иное, кромѣ распредѣленія богатства, и предположивъ, опираясь на постулатъ столь же спорный, какъ и постулатъ экономистовъ, что, при полномъ преобразованіи условій труда, общая сумма богатства останется неизмѣнной, если только не станетъ возрастать до безконечности.

Неужели же ошибочно видѣть въ индивидуализмѣ, вѣрномъ духу XVIII вѣка, но подвергшемся необходимымъ поправкамъ, сообразно требованіямъ опыта и прогрессу разума, одновременно и отрицаніе и синтезъ соціализма и ходячаго индивидуализма?

Отрицаніе, потому что возвышенная доктрина, исповѣдуемая нами, отвергаетъ принужденіе, которымъ столь явно угрожаетъ соціализмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ очевидно ложный тезисъ ходячаго индивидуализма о невмѣшательствѣ государства. Синтезъ, потому что та же самая доктрина,

которая, подобно самимъ экономистамъ, считаетъ безусловно необходимыми свободу, отвѣтственность, инициативу, — провозглашаетъ вмѣстѣ съ социалистами, но не заимствуя у нихъ рекомендуемыхъ ими средствъ, равное право всѣхъ членовъ государства на существованіе и на личное совершенствованіе.

II.

Исторія идеи государства показала намъ, какимъ образомъ вопросъ послѣдовательно ставился въ теченіе цѣлаго вѣка и какъ онъ стоитъ въ настоящее время; не даетъ ли она намъ, кромѣ того, элементовъ для какого-либо рѣшенія? Мы, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что это такъ. Кто хочетъ убѣдиться въ сказанномъ, пусть обратитъ вниманіе на рядъ пунктовъ, которые, кажется, достаточно выяснились въ теченіе предшествующаго изложенія.

Все находится въ связи. Нельзя разсматривать политическіе и социальныя вопросы отдѣльно, фрагментарно, если только не ограничиваться регистраціей фактовъ и обработкой цифровыхъ данныхъ: все это вещи полезныя, но не первостепенной важности. Невозможно также рѣшать совокупность вопросовъ социальной и политической философіи, не высказавшись за или противъ великихъ гипотезъ, господствующихъ въ наукѣ и человѣческомъ сознаніи. Возьмите какую-нибудь систему общей философіи съ вытекающимъ изъ нея пониманіемъ вещей: политико-соціальныя проблемы тотчасъ получаютъ рѣшеніе, сообразное съ данными этой системы. Устраните эту систему, и названныя проблемы снова станутъ открытыми, снова умъ будетъ блуждать среди неясности и противорѣчій. Никогда системы общаго

характера не были такъ многочисленны, какъ въ началѣ XIX вѣка; никогда довѣріе къ системамъ не было такъ подорвано, какъ въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ. Такимъ образомъ произошелъ кризисъ, которому посвящены одна или двѣ главы этой книги. Наше время—время мучительныхъ поисковъ философіи государства, мучительныхъ поисковъ системы воспитанія, вѣры, ученія о жизни; и каждую изъ этихъ проблемъ можно рѣшить *только въ связи съ прочими*.

Впрочемъ, ошибочно думать, будто съ устраненіемъ системъ можно избавиться отъ необходимости высказываться о природѣ вещей и допускаемомъ ею объясненіи. Не высказываясь прямо и формально, мы высказываемся косвенно. Какъ только мыслитель-позитивистъ отказывается отъ простого изложенія фактовъ и дѣлаетъ изъ нихъ выводы, благопріятные или нѣтъ для данной соціальной экономіи или политики, онъ, помимо собственнаго желанія, вступаетъ въ области метафизики; не замѣчая этого, исповѣдуетъ извѣстную доктрину. Точно такъ же и философъ, не желающій выбирать между великими гипотезами и опредѣленно подчинить имъ свои личные взгляды, принужденъ, какъ мы показали мимоходомъ, замѣнить этотъ первоначальный выборъ выборомъ по частнымъ и второстепеннымъ вопросамъ.

Нужно выбирать и обладать смѣлостью для выбора. Въ этомъ отношеніи замѣчается перемѣна въ настроеніяхъ нашего времени. Подъ вліяніемъ причинъ, указаніе которыхъ не входитъ въ мою задачу, а также подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мыслителей ¹⁾ возобновилась склонность къ общимъ идеямъ. Со-

¹⁾ Достаточно назвать здѣсь, кромѣ Брюнетьера, еще Лависса и Вогюэ.

знаютъ необходимость объединить частные взгляды; ищутъ такую доктрину, которая удовлетворяла бы и вѣчнымъ требованіямъ и современнымъ потребностямъ мысли. Но, если даже выборъ рѣшенъ, какъ сдѣлать его правильно?

Въ дѣйствительности, число гипотезъ, между которыми приходится выбирать, не такъ значительно, какъ то можно было бы думать, въ виду множества, разнообразія и даже противоположности школьн формулъ.

Намъ кажется совершенно убѣдительнымъ строго логическій выводъ Рэнувье, что всѣ доктрины, враждебныя индивидууму, сводятся къ реалистической гипотезѣ и къ философіи необходимости, неразрывно связанной съ этой гипотезой. Доказывать, что человекъ — продуктъ общества и всѣмъ ему обязанъ; излагать теорію соціального организма, т.-е. изображать каждое общество живымъ существомъ, которое развивается и умираетъ сообразно совершенно независящимъ отъ насъ законамъ; вѣрить въ самодовлѣющій прогрессъ, независимый отъ сознательной и цѣлесообразной дѣятельности, — развѣ это не значитъ возобновлять реалистическую гипотезу, еще недавно осужденную критической философіей, но вновь ожившую подъ вліяніемъ указанныхъ нами причинъ?

Реалистическая гипотеза влечетъ за собою нецесситарную философію. Не слѣдуетъ, однако, питать иллюзій относительно мнимой свободы, предоставляемой человеку однѣми системами, и индетерминизма, признаваемого другими по отношенію къ міру, природѣ и силѣ. Свободу, лишенную моральнаго характера, нельзя признать истинной свободой. Чистый индетерминизмъ — не что иное, какъ одна изъ формъ необходимости.

Реалистической и нецесситарной гипотезѣ можетъ быть противопоставлена, — *и только она одна*, — идеалистическая гипотеза, признающая свободу.

Индивидуализмъ тѣсно связанъ съ ней. Мы уже два раза доказывали это на предшествующихъ страницахъ, и повторять доказательство значило бы совершенно безплодно увеличивать размѣры нашего труда. Итакъ, нечего бояться трудности многочисленныхъ объясненій: выборъ нужно сдѣлать только между двумя гипотезами, изъ которыхъ одна признаетъ индивидуализмъ, а другая — исключаетъ его.

Вотъ конечный пунктъ, къ которому приводитъ насъ исторія идей.

III.

Исторія идей не сможетъ вести насъ дальше, такъ какъ нужный выборъ долженъ быть свободнымъ.

Ни свобода, ни необходимость, — ни одинъ изъ этихъ двухъ основныхъ тезисовъ не допускаетъ доказательствъ или объясненій. По сильному выраженію Лёкье, «мы должны выбирать между той или другой, стоять за одну или за другую». Но только свободное признаніе свободы даетъ объясненіе ошибки, критеріумъ истиннаго и ложнаго; оно одно, слѣдовательно, создаетъ истинное познаніе — науку. Лёкье и Рэнувье съ необыкновенною силою выдвинули значеніе логической необходимости. Ея достаточно для оправданія свободного признанія свободы. Но почему не привести еще аргументовъ изъ области морали, права и политики? На эти аргументы я указывалъ много разъ; я не воспроизвожу ихъ теперь, а только напоминаю о нихъ. Они здѣсь уместны, потому что дѣло идетъ не только о выборѣ между

двумя гипотезами, вѣрными лишь для отвлеченнаго мышленія, но о выборѣ между гипотезами, которыя связаны съ политикой, правомъ и моралью, а потому вліяютъ на всю нашу жизнь. Если одна изъ нихъ, — впрочемъ, предпочтительная и съ чисто логической точки зрѣнія, — обосновываетъ, кромѣ того, личное достоинство и право, верховную власть народа и политическую свободу, то не должны ли мы выбрать именно ее, такъ какъ за нее говорятъ самыя лучшія и основательныя соображенія?

Итти далѣе въ защитѣ нашего выбора и бесполезно, и невозможно, потому что мы рискуемъ стать въ противорѣчіе съ принципомъ, который онъ освящаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно установить, что этотъ выборъ не встрѣчается съ непреодолимыми препятствіями. Если же это такъ, то каждое сознаніе лишь путемъ свободнаго акта открываетъ и можетъ открыть себѣ область знанія, область морали и права, а также перспективы идеальной гражданской жизни.

IV.

Избравъ философію свободы, мы возвращаемся, тѣмъ самымъ, въ вопросъ объ опредѣленіи *цѣлей* ко взглядамъ XVIII вѣка. Снова выступаетъ на первый планъ раціональная форма гражданскихъ и политическихъ отношеній, стремленіе согласовать свободу и справедливость. Первое изъ этихъ двухъ понятій, бесспорно, яснѣе второго. Показавъ выше, что свобода, достойная прогрессивнаго общества, подразумеваетъ одновременно верховную власть народа и обезпеченіе отъ произвола, мы должны теперь попытаться выяснить, въ чемъ состоитъ справедливость.

Сознаемся, прежде всего, что въ данномъ случаѣ придется отказаться отъ точности, рискующей быть обманчивой. Человѣческое сознаніе, видимо, стремится отыскать наилучшую концепцію справедливости. Но ничто не доказываетъ, чтобы расширенія, которыя мы считаемъ въ настоящее время правильнымъ внести въ ея традиціонную концепцію, частью не были внушены мимолетнымъ увлеченіемъ, отъ котораго болѣе глубокое размышленіе заставитъ отказаться, частью не оказались слишкомъ узкими въ послѣдствіи. Осторожно относиться къ будущему, смотрѣть на то немногое, что мы провидимъ, скорѣе какъ на указаніе, чѣмъ какъ на окончательную формулу, остерегаться необдуманныхъ порывовъ и сѣтей эгоизма: такова главная обязанность каждаго, кто подвергаетъ пересмотру и критикѣ идею справедливости.

Очевидно, прежде всего, что недостаточно придать справедливости характеръ милосердія: это дѣлали еще эклектики, экономисты и либералы. Они не говорили: не вступайте въ область милосердія, если хотите быть справедливыми. Напротивъ, они настаивали на томъ, что справедливый долженъ быть, сверхъ того, и милосерднымъ. Но, если милосердіе является, такимъ образомъ, внѣшнимъ и какъ бы чуждымъ справедливости, то отсюда вытекаютъ два одинаково опасныхъ послѣдствія. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что милосердіе кажется въ нравственномъ отношеніи выше справедливости. Такъ какъ оно не обязательно, свободно и не составляетъ долга, то съ нимъ и соединяется мысль о большей заслугѣ. Но если справедливость вмѣстѣ со свободой должна быть идеаломъ обществъ, нельзя допускать, чтобы нѣчто было выше нея, чтобы нѣчто казалось болѣе

прекраснымъ, благороднымъ и великимъ. Въ ней одной должно сосредоточиться все: величіе, благородство и красота. Второе послѣдствіе — въ томъ, что многіе, находя уже достаточно труднымъ дѣлать справедливое, или то, что они называютъ этимъ именемъ, откажутся быть милосердными. Сколько людей, въ жизни которыхъ милосердіе не играетъ никакой роли, сколько сердецъ, въ которыя оно никогда не проникало! Справедливость же, какъ бы широко ее ни понимать, необходимо должна быть обязательной, — иначе она перестанетъ быть справедливостью.

Отказываясь поставить на мѣсто справедливости милосердіе, будемъ ли мы отождествлять ихъ, всецѣло вкладывая, такъ сказать, милосердіе въ справедливость и, такимъ образомъ, сообщая обязательный характеръ наиболѣе великодушнымъ порывамъ человѣческой души? Это рѣшеніе, повидимому, предпочтительнѣе перваго: вы жалуетесь на чрезмѣрную узость справедливости, прибавьте къ ней все милосердіе, — и она получитъ достаточную широту. Да, но тогда справедливость лишится самой главной своей особенности. Она перестанетъ быть точно опредѣленной, тогда какъ ея границы должны быть строго установлены, хотя и могутъ быть широки. Сказать: истинная справедливость есть милосердіе, значитъ отрицать справедливость; значитъ окольнымъ путемъ вернуться къ тому пункту, котораго достигли противники индивидуализма, виновники реакціи, исторія которой очерчена въ этой книгѣ.

Остается, слѣдовательно, ввести въ справедливость не все милосердіе, а лишь нѣкоторую часть, нѣкоторые его элементы. Но какая же часть, какіе элементы милосердія должны быть внесены въ спра-

ведливость и какіе оставлены въ сторонѣ? Какъ можно рѣшиться сказать: вотъ это должно быть обязательнымъ, вотъ это можетъ быть не обязательнымъ?

Разумѣется, если существуетъ способъ такого разграниченія (а мы думаемъ, что это такъ), то онъ долженъ легко измѣняться въ зависимости отъ времени, прогресса просвѣщенія и постоянного стремленія къ совершенствованію воли. Пониманіе будущаго окажется въ этомъ отношеніи не совершенно тождественнымъ съ нашимъ пониманіемъ. Вотъ почему я и сказалъ сейчасъ, что объ этихъ вещахъ нужно говорить сдержанно и скромно, не мечтая произнести послѣднее слово. Констатировать этотъ столь трудно оспоримый фактъ не значитъ, впрочемъ, относиться скептически къ нашей идеѣ справедливости, не значитъ пугаться или радоваться тому, что она «ограничена рѣкою». Это просто значитъ признать, что область, искони отведенную традиціонной справедливости, окружаютъ свободныя пространства, гдѣ человѣческое сознаніе дѣлаетъ постоянныя завоеванія. Чистая сущность справедливости не терпитъ отъ этого никакого измѣненія. Все, что считалось обязательнымъ, остается таковымъ; а то, что вновь становится обязательнымъ, было таковымъ раньше, чѣмъ мы это замѣтили. Видоизмѣненія идеи справедливости въ теченіе вѣковъ не могутъ дать скептикамъ тѣхъ аргументовъ, на какіе они рассчитываютъ; поводъ для соблазна, оскорблявшій Паскаля, устраненъ.

Возвратимся, однако, къ только что опредѣленно поставленному нами вопросу: гдѣ искать критерій, при помощи котораго сознаніе, въ данный историческій моментъ, устанавливаетъ границу справедливаго?

Можно ли сказать, что въ каждую эпоху на этотъ счетъ слагается своего рода общее и согласное мнѣніе? Такая возможность связана съ многочисленными затрудненіями. Прежде всего, общее мнѣніе можетъ касаться лишь очень ограниченнаго числа вопросовъ. Сколько бы мы нашли ихъ теперь, если бы только нашли? Какая моральная или соціальная реформа не имѣетъ враговъ, особенно въ массѣ, лѣнивой и косной? Затѣмъ, сколько времени необходимо для того, чтобы извѣстное мнѣніе считать дѣйствительно общимъ? Какъ различить періоды: тотъ, когда мнѣніе только формируется; тотъ, когда оно начинаетъ распространяться, и тотъ, когда оно настолько распространилось, что его съ полнымъ правомъ можно считать общимъ? Кромѣ того, не основательно ли поддерживать взглядъ, что въ данномъ случаѣ избранное мыслящее меньшинство имѣетъ очевидное преимущество передъ массой, и что это преимущество должно было бы быть признано? Но тогда необходимо оставить первую систему и обратиться ко второй.

Предположимъ, что избранные умы обладаютъ правомъ указывать массѣ, какія дѣйствія, до сихъ поръ считавшіяся проявленіемъ милосердія, должны отнынѣ считаться справедливыми. Избранные умы,—какое неопредѣленное и эластическое выраженіе! Минуемъ, однако, это затрудненіе, которое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ только прелюдиціальное значеніе. Но что произойдетъ, если между избранниками нѣтъ согласія? А, вѣдь, можно рѣшительно утверждать, что въ настоящее время до подобнаго согласія еще далеко. Яркимъ доказательствомъ тому служить кризисъ, проявленія котораго мы отмѣтили. Кто же будетъ разбирать несогласія? Кто будетъ

судей надъ судьями? Кромѣ того, назначить судей не значитъ ли это всеобщее голосованіе замѣнить нѣкотораго рода ограниченнымъ и цензовымъ голосованіемъ,—если угодно, болѣе просвѣщеннымъ, но въ то же время болѣе склоннымъ къ предубѣжденіямъ, охотнѣе облакаемымъ въ форму какого-либо школьнаго тезиса, несомнѣнно, менѣе независимымъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, и, притомъ, какъ разъ именно въ то время, когда независимость служить какъ бы гарантіей противъ болѣе или менѣе предвзятыхъ ухищреній діалектики?

Ни всѣ, ни многіе: значитъ, одинъ? Такое рѣшеніе, на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ, кажется наиболѣе рискованнымъ. Какъ можно довѣриться знаніямъ одного, когда нужно не ошибаться, ясно видѣть и видѣть все? Да и кому довѣриться? Не вступимъ ли мы этимъ путемъ вновь въ область идей, отъ которыхъ стремились освободиться? Не окажется ли руководитель совѣсти, къ которому мы должны будемъ отнынѣ обращаться за отвѣтомъ на вопросъ, что слѣдуетъ считать справедливымъ, облеченнымъ, въ силу самаго своего положенія, столь же реальной, абсолютной и отталкивающей властью, какъ власть папы сэнъ-симонистовъ и позитивистовъ? Эта власть, не обязательная теоретически, была бы обязательна на практикѣ. Когда мудрецъ, обязанный начертить карту и отмѣтить границы области, занимаемой справедливостью, выполнить свое дѣло, то всякій, кто не будетъ слѣдовать его указаніямъ, окажется несправедливымъ, и, слѣдовательно, виновнымъ. Онъ нарушитъ главный долгъ индивидуума—дѣлать существованіе общества возможнымъ.

Если ни всѣ, ни нѣкоторые, ни одинъ, то кто же? Каждый самъ по себѣ? Справедливо то, что я чувствую, мыслю и объявляю таковымъ? Это рѣшеніе мнѣ правится, и я считаю его безукоризненнымъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что, разъ я признаю себя обязаннымъ, я дѣйствительно, исполняю обязанность. Но если мнѣ одному принадлежитъ право фиксировать границы справедливости и если я отнесу ихъ слишкомъ далеко, то другіе, склонные довольствоваться малымъ, будутъ ли имѣть право сказать, въ свою очередь: нѣтъ, справедливость не заходитъ такъ далеко, она останавливается тамъ, гдѣ я самъ останавливаюсь? Передъ нами полнѣйшая моральная и социальная анархія; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень много шансовъ на то, что *большинство* будетъ придерживаться узкой и убогой справедливости.

Существуетъ ли еще какой-либо способъ опредѣлить содержаніе идеи справедливости кромѣ тѣхъ, которыя мы только что разобрали?

Не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ не о казуистическихъ тонкостяхъ, а, напротивъ, объ установленіи общихъ принциповъ, понятныхъ для всѣхъ. Въ виду этого, нѣтъ ничего особенно смѣлаго въ мысли, что люди, получившіе надлежащее образованіе (котораго до сихъ поръ они были почти совершенно лишены) согласятся относительно содержанія и значенія идеи справедливости, если поставятъ ее въ связь съ другой идеей, завѣщанной намъ XVIII вѣкомъ: идеей о высокомъ достоинствѣ человеческой личности.

Справедливость будетъ состоять тогда въ активномъ стремленіи обезпечить моральнымъ личностямъ дѣйствительное пользованіе правами, которыя должны

быть за ними предварительно признаны и которыя можно свести къ двумъ: *праву на существованіе* и *праву на культурное развитіе*.

Справедливымъ гражданиномъ будетъ тотъ, кто захочетъ (и не на словахъ только, а на дѣлѣ) организовать соціально-политическія учрежденія такъ, чтобы эти права были признаны принципиально и фактически обезпечены его согражданамъ. Справедливымъ обществомъ будетъ то, которое, состоя изъ справедливыхъ гражданъ, добровольно и охотно создастъ организацію для осуществленія этого идеала и съ тою же цѣлью предоставить государству экономическую и моральную функціи.

Мы возвращаемся, такимъ образомъ, ко взглядамъ XVIII вѣка, но возвращаемся съ болѣе яснымъ пониманіемъ природы и значенія этихъ взглядовъ и (что важно для нашего времени) послѣ *оправданія* примѣненія того метода, которымъ XVIII вѣкъ пользовался инстинктивно; послѣ того, наконецъ, какъ было сдѣлано неизвѣстное основателямъ индивидуализма капитальное различіе между законнымъ примѣненіемъ апріоризма къ опредѣленію цѣлей и необходимымъ примѣненіемъ опыта къ опредѣленію средствъ.

V.

Соціально-политическое устройство, свято оберегающее справедливость, обезпечиваетъ всѣмъ членамъ общества возможность пользоваться двумя выше названными правами. Но при помощи какихъ средствъ? Вотъ здѣсь-то и нужны положительные данныя, значенія которыхъ мы и не отрицаемъ.

Соціальная справедливость имѣетъ двѣ формы: отрицательную, которая обезпечиваетъ людямъ сво-

бодное распоряженіе самими собою, и положительную, которая помогаетъ имъ въ стремленіи къ свободѣ и совершенствованію. Она помогаетъ имъ не случайно, вслѣдствіе чьего-либо добраго желанія или въ зависимости отъ чьихъ-либо удобствъ, а благодаря постоянному, правильному и обязательному для всѣхъ сотрудничеству. Именно эта сторона соціальной справедливости особенно требуетъ разъясненій.

Пусть, однако, отъ меня не ожидаютъ ни подробнаго разсмотрѣнія тѣхъ случаевъ, когда разумная и свободная воля людей должна способствовать наступленію царства добра, ни изученія способовъ ея вмѣшательства. Для этого понадобилась бы новая книга, совершенно отличная отъ нашей, которая ограничивается установленіемъ принциповъ и лишь иллюстрируетъ ихъ нѣсколькими примѣрами. Поэтому, я только вкратцѣ покажу, какую роль долженъ играть здѣсь опытъ для восполненія дѣла чистаго разума.

Справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены общества могли существовать, — такова ея цѣль. Каково же должно быть средство для обезпеченія каждому пропитанія: должно ли оно обязательно состоять въ налогѣ въ пользу бѣдныхъ, какъ онъ примѣняется въ Англіи, или въ правѣ на трудъ, какъ его понимала демократическая школа 1848 года? Нѣтъ, *если опытъ показываетъ, что эти средства не пригодны*. Возможно и обязательно только то, чтобы члены общества были обезпечены въ средствахъ къ жизни. Гораздо менѣе важно и ничуть не обязательно, чтобы это достигалось тѣмъ, а не инымъ способомъ. Объ этомъ должны позаботиться экономисты и, на основаніи точнаго знанія фактовъ, ихъ связи и взаимо-

дѣйствія, дать формулу, не страдающую недостатками тѣхъ, которыя они осуждаютъ.

Справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены общества получили интеллектуальную и моральную культуру,—такова цѣль. Должно ли средство необходимо заключаться въ установленіи государственной морали и государственнаго обученія? Нѣтъ. разъ свободныя ассоціаціи и даже церкви. не нарушающія принциповъ гражданскаго общества, уже служатъ разсадниками элементарнаго образованія и моральной культуры. Ничто не мѣшаетъ этимъ ассоціаціямъ и церквамъ выполнять цѣликомъ или отчасти задачу, налагаемую соціальной справедливостью. Ничто не обязываетъ государство занять мѣсто этихъ церковныхъ и свѣтскихъ ассоціацій. Ему достаточно вмѣшиваться тамъ, гдѣ онѣ не дѣйствуютъ, и организовать постоянное наблюденіе за ихъ дѣятельностью; установить форму этого наблюденія можетъ оказаться затруднительнымъ, но въ принципѣ оно законно.

Угодно ли, наконецъ, еще примѣръ? Такъ какъ установленныя нами права личности могутъ быть обезпечены лишь цѣною обременительныхъ институтовъ, то слѣдуетъ ли пользоваться проводимыми нами различіями и въ вопросѣ о налогѣ? Прогрессивный подоходный налогъ, если онъ не становится грабежомъ, не только не возбуждаетъ никакихъ возраженій съ точки зрѣнія чистой и абстрактной справедливости, но, какъ будто, заслуживаетъ поощренія. Слѣдуетъ ли отсюда, что къ нему нужно прибѣгать? Нѣтъ, если финансовая наука докажетъ, что онъ негоденъ; или, если опытъ обнаружитъ, что въ данномъ политическомъ обществѣ прогрессивность налога становится орудіемъ борьбы въ рукахъ пар-

тій. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, важнѣе всего, чтобы государство имѣло средства для выполненія своихъ обязанностей передъ обществомъ; а то, что оно получитъ деньги посредствомъ налога или другимъ способомъ,—дѣло второстепенное. Въ данномъ случаѣ опять-таки спеціалисты должны помочь приложенію принципа, установленнаго философомъ.

Изъ этихъ примѣровъ нетрудно понять, какъ примиряются права эмпирическія и теоретическія. Ошибка нѣкоторыхъ теоретиковъ состояла въ томъ, что они предполагали обойтись безъ помощи опыта, при опредѣленіи средствъ для достиженія цѣлей, и придавали совокупности произвольно намѣченныхъ средствъ величіе и незыблемость принципа. Ошибка эмпириковъ состоитъ въ томъ, что они, считая только свой методъ пригоднымъ для опредѣленія средствъ, думали обойтись безъ помощи теоріи при опредѣленіи цѣлей.

Поскольку государство обязано способствовать индивидуальному развитію своихъ членовъ, постольку же оно обязано уважать въ нихъ сложившуюся личность. Согласно классической формулѣ, вновь получающей все свое значеніе, свобода каждаго не имѣетъ тогда иной границы, кромѣ свободы другого. Отсюда—все тѣ права индивидуума, которыя предполагаютъ невмѣшательство государства.

Эти права должны быть уважаемы до тѣхъ поръ, пока они не противорѣчатъ двумъ главнымъ функциямъ государства—моральной и экономической. Такъ, на примѣръ, право гражданина распоряжаться самимъ собой не можетъ доходить до отказа въ приобщеніи къ культурѣ себя самого или своихъ дѣтей. Другой примѣръ: совокупность правъ, гаран-

тированныхъ, и справедливо гарантированныхъ, на основаніи принципа свободы труда, не можетъ служить помѣхой для всякаго вмѣшательства государства, съ цѣлью защиты слабаго отъ угнетенія сильнаго. Свобода ассоціацій, дѣлающая всѣ прочія свободы болѣе плодотворными и драгоцѣнными, не должна, въ свою очередь, доходить до отрицанія принадлежащей государству роли въ дѣлѣ защиты индивидуума отъ тиранніи самой ассоціаціи. Въ случаѣ вѣроятнаго и желательнаго возрастанія числа ассоціацій, вмѣшательство государства въ ихъ жизнь должно будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, въ виду необходимости предоставить членамъ ассоціацій извѣстныя гарантіи противъ властныхъ покушеній сотоварищей.

Такова задача построеннаго на основаніи разума государства, если ея опредѣлять не для всякаго общества, а для подобныхъ нашему и взятыхъ въ данный историческій моментъ прогрессивныхъ обществъ. Эта задача, какъ мы видимъ, налагаетъ на государство только *обязанности*. Если эти обязанности часто называли *правами*, то подобная ошибка объясняется требованіями полемики.

Государство должно было бороться за то, что называли его правомъ на обученіе, потому что церковь и партіи стремились сохранить за собой исключительное руководство умами. Точно такъ же, если бы противъ экономической функціи государства не существовало могущественной коалиціи и страстнаго сопротивленія, то о правѣ государства на вмѣшательство въ отношенія между трудомъ и капиталомъ не было бы и рѣчи, и дѣло шло бы лишь о его обязанностяхъ къ индивидуумамъ. Конфликтъ,

въ которомъ въ наше время сталкиваются столько умовъ, не получилъ бы такой остроты, какъ теперь. Только моральная личность считалась бы обладающей правомъ и уполномоченной, съ цѣлью реального осуществленія своего права, прибѣгать къ помощи другихъ личностей, составляющихъ вмѣстѣ съ нею замкнутое общество, называемое націей.

VI.

Рѣшеніе, смыслъ котораго ясенъ изъ предыдущихъ страницъ, не имѣетъ примирительнаго характера, подобно рѣшенію, указанному выше. Чтобы выйти изъ затрудненій, оно не прибѣгаетъ къ комбинированію различныхъ системъ, а скорѣе становится на точку зрѣнія, устраняющую главнѣйшія изъ этихъ затрудненій. Сказанное мы видимъ, напримѣръ, по отношенію къ правамъ индивидуума и, такъ называемымъ, правамъ государства. Формула, къ которой мы приходимъ, отличается и отъ различныхъ социалистическихъ формулъ, хотя бы даже послѣднія отводили нѣкоторое мѣсто индивидуальной свободѣ, и отъ формулъ экономистовъ, допускающихъ добровольную помощь частныхъ лицъ и одобряющихъ палліативы въ родѣ кооперативной ассоціаціи; участія въ прибыляхъ, пенсіонныхъ кассъ и т. п., но отрицающихъ всякое вмѣшательство закона и государства.

Наша формула отличается отъ социалистическихъ формулъ тѣмъ, что она не устанавливаетъ, подобно коллективизму, механическаго распредѣленія богатства; тѣмъ, что, подобно государственному социализму не обязываетъ государство быть предусмотрительнымъ, активнымъ и нравственнымъ въ интересахъ своихъ членовъ.

Въ государствѣ, какъ мы его понимаемъ, гражданинъ находитъ въ своихъ согражданахъ поддержку для достиженія личнаго совершенствованія; но онъ долженъ стремиться къ нему и собственными силами. Гражданъ нельзя фабриковать, какъ мебель, извнѣ; для совершеннаго развитія души нуженъ внутренній процессъ. Въ условіяхъ жизни, отвѣчающихъ только что изложенной нами гипотезѣ, гражданинъ не только будетъ участвовать въ своемъ собственномъ формированіи (что, согласно социалистической концепціи, не обязательно и едва ли возможно), но, кромѣ того, будетъ принимать постоянное участіе въ жизни государства. Дѣйствительно, моральная личность постоянно даетъ свое согласіе обществу, часть котораго она составляетъ. Она не создаетъ его въ физическомъ смыслѣ слова, но создаетъ его въ моральномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ социалисты ставятъ естественную необходимость, мы ставимъ свободу; вездѣ, гдѣ они призываютъ къ принудительному вмѣшательству государства, мы ставимъ простое содѣйствіе. Даже тамъ, гдѣ наши и ихъ средства какъ будто совпадаютъ, сходство чисто кажущееся.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя сказать, что социалиста, въ сущности, интересуется только поверхность общественной жизни? Не стремится ли онъ просто къ установленію прекраснаго общественнаго порядка, безусловной внѣшней регулярности, мало интересуюсь,—какъ то доказываетъ его постоянное обращеніе къ принужденію, къ механической регламентаціи,—сущностью вещей, сущностью душъ? Между тѣмъ, мы заботимся не о поверхности, не о томъ, какой внѣшній видъ будетъ представлять обще-

ство, лишенное золь, столь многочисленных въ настоящее время, а о сущности вещей, сущности душъ.

Наша формула отличается также и отъ формулы, которой пользуются моралисты и экономисты, желая нѣсколько смягчить вредъ конкуренціи и прійти на помощь тѣмъ членамъ общества, которые находятся въ явно унижительныхъ условіяхъ.

Эти экономисты отвергаютъ вмѣшательство государства; если же и признаютъ его поневолю, то употребляютъ чрезвычайныя усилія для возможнаго ограниченія сферы его дѣятельности. Мы, напротивъ того, допускаемъ вмѣшательство государства; мы признаемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ благотѣльнымъ и даже обязательнымъ. Эти экономисты и моралисты также, по-своему, довольствуются совершенно поверхностнымъ взглядомъ на вещи. Они находятъ, что жизнь идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и ради ея *правильнаго ритма* соглашаются изрѣдка на вмѣшательство государства; иногда же это происходитъ вслѣдствіе еще болѣе низменной причины: чтобы заставить наиболѣе обезпеченныхъ эгоистовъ застраховать себя отъ опасности, угрожающей имъ со стороны нищеты и ненависти остальныхъ. Правильно понятый интересъ, удовлетвореніе эстетическаго чувства, а для многихъ изъ нихъ настоятельныя требованія религіознаго чувства,—вотъ причины тѣхъ уступокъ, на которыя соглашаются эти экономисты и моралисты.

Вмѣшательство государства, которое мы считаемъ необходимымъ, коренится исключительно въ идеѣ справедливости и въ томъ чувствѣ, которое она порождаетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Съ нашей точки зрѣнія, не виѣшній, видимый всѣмъ порядокъ страдаетъ,

когда, вслѣдствіе невмѣшательства государства, происходятъ огромныя экономическія потери или важныя соціальныя несправедливости: нарушается моральный порядокъ, невидимый, внутренній, но священный.

Если мы настаиваемъ на этихъ различіяхъ, то не изъ боязни словъ и не для избѣжанія какой-либо опасной для насъ qualificacіи. Нѣтъ, мы поступаемъ такъ для того, чтобы разсѣять двусмысленность, пагубную не столько для тѣхъ, кто становится ея жертвой, сколько для тѣхъ, кто ее поддерживаетъ.

Намъ казалось полезнымъ установить (почему на послѣдней страницѣ не выразить мысль, которой проникнута вся эта книга?), что, помимо социализма, рекомендующаго непріемлемыя средства — безпредѣльную регламентацію и грубую силу; помимо убогихъ и безплодныхъ возраженій, выставляемыхъ противъ него индивидуализмомъ, потерявшимъ правильный путь; помимо государственнаго социализма, этой дѣтской попытки примирить принципы, исключаютъ другъ-друга, этого наивнаго возвращенія къ идеѣ просвѣщеннаго деспотизма, которая имѣла лишь переходное значеніе и была справедливо дискредитирована, — найдется мѣсто для возвышенной доктрины, совершенно мирной, либеральной и прогрессивной: для индивидуализма, дѣйствительно заслуживающаго это названіе. Конечно, это не новая доктрина, потому что она идетъ отъ XVIII вѣка и французской Революціи; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возобновлена, а въ другихъ дополнена, и въ такомъ видѣ одна только способна просвѣтить и успокоить множество искреннихъ людей, мятущихся въ мучительныхъ сомнѣніяхъ.

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНИЯ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Маросейка, М. Успенскій пер., д. № 3. Телеф. 136-27.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

І. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; на отвѣтъ должна быть *прилагаема почтовая марка*.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, біологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, астрономію, общую фізіологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохожденія отдѣла - принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса ¹⁾, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) званіе или сословное положеніе, г) главное занятіе, е) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по приобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ — не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели — не болѣе 10%).

б) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по минованіи надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ номинальной цѣны за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 коп. по истеченіи 2 мѣс. — за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

в) По желанію книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ — 20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. *Съ правомъ обратнаго возвращенія высылаются только переплетенныя книги.*

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, котораго возвращаетъ книги.

¹⁾ Въ случаѣ *перемѣны мѣста жительства* нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

5) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненій и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратнo и т. п.) продолжаютъ *круглый годъ*.

6) Черезъ посредство Комиссіи читатели могутъ пріобрѣтать лишь книги, указанныя въ Программахъ того курса (а московскіе читатели — того курса и отдѣла), на руководство по которому они записались.

II. Для группъ.

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея Программахъ книгъ на слѣдующихъ установленныхъ условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемая Комиссіей книга считается купленнымъ поименно извѣстнымъ ей читателемъ, составляющимъ группу; при покупкѣ читатель уплачиваетъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользованія 2% съ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія пользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

Издавъ четыре выпуска программъ для четырехгодичнаго систематическаго курса наукъ, Комиссія намѣрена выпускать серіи эпизодическихъ программъ по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ цѣлью руководства занятіями по этимъ программамъ. Желающіе пользоваться руководствомъ по какой-либо эпизодической программѣ увѣдомляютъ о томъ Комиссію по означенному выше адресу, сообщая: 1) свою фамилію, имя и отчество, 2) точный адресъ, 3) возрастъ,

4) родъ занятій, 5) мѣсто окончанія или прохожденія учебнаго курса или степень домашней подготовки. По полученіи отъ Комиссіи извѣщенія, что руководство для нихъ открыто, они вносятъ плату за руководство въ размѣрѣ, указанномъ особо для каждой программы (отъ 1 р. до 5 р.), и затѣмъ благоволятъ присылать въ Комиссію письменныя работы на предложенныя въ программѣ темы для отзыва въ указанномъ въ программѣ порядкѣ, а равно и отдѣльные запросы въ связи съ занятіями по этимъ темамъ. По полученіи первой работы, Комиссія оставляетъ за собой право измѣнить планъ и порядокъ занятій, намѣченный въ программѣ, примѣнительно къ обнаруженной въ работѣ степени подготовленности. При несогласіи подписчика на это измѣненіе внесенная имъ плата подлежитъ возвращенію. При каждомъ запросѣ и работѣ прилагается на отвѣтъ 7-коп. марка. Дальнѣйшія подробности о ходѣ руководства означены особо для каждой программы въ концѣ листка.

Желающіе подписчики могутъ получать чрезъ посредство Комиссіи указанныя въ программахъ книги по номинальной ихъ стоимости, оплачивая почтовые расходы по ихъ пересылкѣ. Книги могутъ быть возвращены въ Комиссію, при чемъ за мѣсячное пользованіе удерживается 5% съ номинальной стоимости книги.

273-88 Спр. Календ. Умбуров
16-51

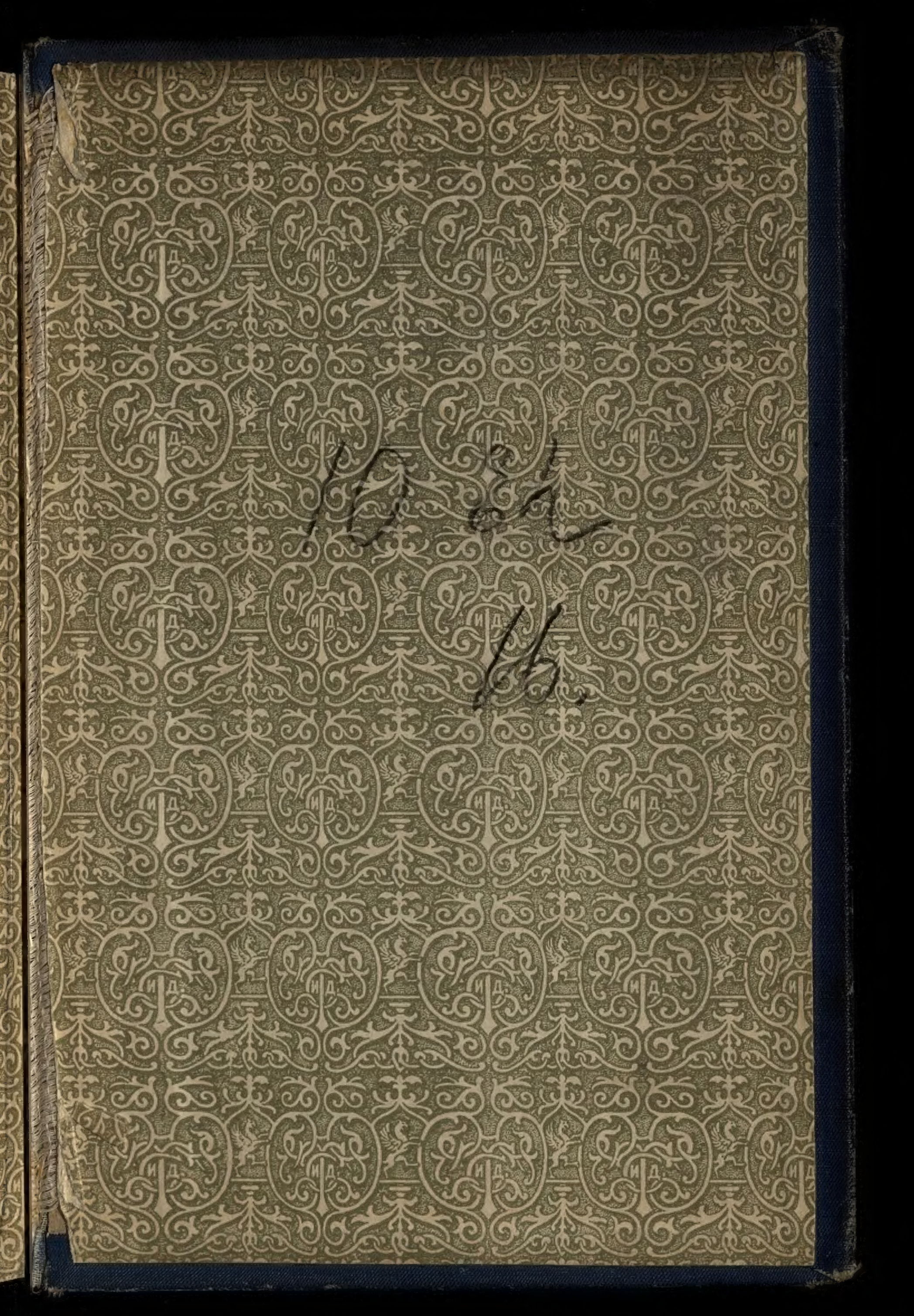
1913 Фин.

Алар Коммунальные услуги

По Тарифу

См. "Тариф" Коммунальные услуги
согласно тарифу

101
102